

Материалы
по Археологии,
Истории
и Этнографии
Таврии

Выпуск XVI

Materials
in Archaeology,
History
and Ethnography
of Tauria

Volume XVI

Симферополь Simferopol
2010

*Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е.Крымского
Национальной академии наук Украины
Центр археологических исследований БФ “Деметра”*

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины (Протокол № 12 от 09.11.2010 г.)

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н. (гл. редактор)
О.Б. Бубенок, д.и.н.
А.Г. Герцен, к.и.н.
В.Н. Зинько, д.и.н.
Г.Ю. Ивакин, чл.-кор. НАНУ, д.и.н.
Л.В. Матвеева, д.и.н.
В.А. Сидоренко, к.и.н. (зам. гл. ред.)
И.Н. Храпунов, д.и.н.

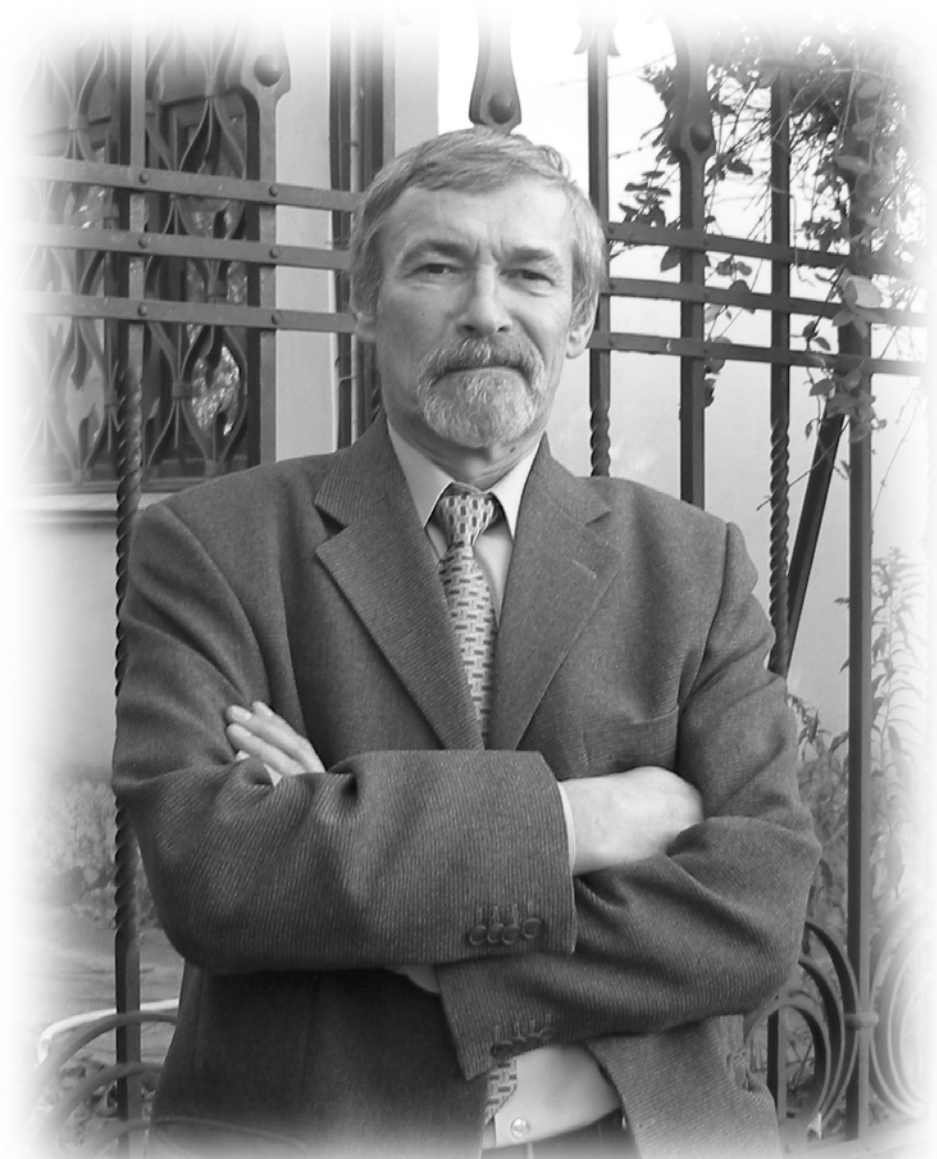
Состав редколлегии утвержден Ученым советом Института востоковедения
НАН Украины (Протокол № 2 от 17.03.2009 г.)

Ответственный секретарь С.И. Власова

М34 **Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVI.** –
Сб. / Отв. ред. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. – Симферополь, 2010. – 576 с.

Свидетельство о гос. регистрации – серия КВ, № 8049 23.10.2003 г.

***Посвящается 60-летию
Валерия Анатольевича Сидоренко***

К 60-ЛЕТИЮ ВАЛЕРИЯ АНАТОЛЬЕВИЧА СИДОРЕНКО

4 декабря 2010 года исполнилось 60 лет известному крымскому нумизмату, историку, археологу и эпиграфисту, заместителю руководителя Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины, заместителю главного редактора ежегодника «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии», кандидату исторических наук Валерию Анатольевичу Сидоренко.

В археологию он пришел после службы в армии в 1971 г., когда был принят на должность лаборанта в Отдел археологии Крыма Института археологии АН УССР. Фактический руководитель отдела и начальник Херсонесской экспедиции О.И. Домбровский оценил не только умение нового лаборанта рисовать, делать археологические обмеры, но и способность к аналитическому мышлению. Уже в первые лаборантские годы он освоил реставрацию и вполне профессионально реставрировал археологические находки. Шесть лет Валерий Анатольевич совмещал работу в экспедициях с учебой на заочном отделении исторического факультета Симферопольского государственного университета, который закончил в 1979 году. Восполняя упорным самообразованием недостатки заочного обучения, он выучил древнегреческий и арабский языки. Из других увлечений его молодости вспоминаю глубокое знание поэзии и вполне профессиональное занятие ювелирным ремеслом, а также многолетние старания собрать в начале 1980-х годов из деталей списанных электронных приборов по схемам из популярных научно-технических журналов персональный компьютер.

В 1989 г. В.А. Сидоренко перешел на работу в Симферопольский государственный университет в лабораторию по изучению этнической истории Крыма. В 1992 г. он был переведен на должность ученого секретаря вновь созданного Крымского отделения Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, а в 2002 году его назначили заместителем руководителя отделения по науке. В 1994 г. в Санкт-Петербургском университете он успешно

защитил кандидатскую диссертацию «Федераты Византии в Юго-Западном Крыму». С 1994 года Валерий Анатольевич входит в редколлегию МАИЭТа, а с 1996 г. является заместителем главного редактора. Им сверстаны IV-X выпуски ежегодника. По его инициативе в МАИЭТе появился раздел «Нумизматика и сфрагистика».

Уже в 1970-е годы сформировались весьма разносторонние научные интересы Валерия Анатольевича: нумизматика, эпиграфика, взаимоотношения варваров и Византии на полуострове, история крымских татар, средневековая архитектура Крыма.

Еще будучи студентом, в 1978 г. Валерий Анатольевич вместе с Олегом Ивановичем Домбровским опубликовал довольно смелую по тем временам научно-популярную книгу «Солхат и Сурб-Хач». Впервые после многих десятилетий запретов крымские историки издали книгу с позитивным изложением истории депортированных и еще не получивших разрешение на возвращение крымских татар. В 1978-1979 гг. Валерий Анатольевич провел свои первые самостоятельные археологические предпреставрационные раскопки армянского монастыря Сурб-Хач и открытого неподалеку средневекового храма. О результатах исследований этих памятников он сообщил на IV республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении в Ереване в 1979 г. На следующей конференции в Ереване в 1981 году он представил первые итоги изучения средневековой архитектуры Крыма. Итоги многолетнего всестороннего анализа архитектурного декоративного стиля изложены в больших статьях «Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма», «Памятники каменной пластики средневековой Таврики» и в докладе «Памятники христианско-мусульманского двоеверия в Крыму», прочитанном на международном симпозиуме в Берлине в 2004 г.

В результате раскопок у подножья Мангупа в 1982 г. Валерию Анатольевичу посчастливилось открыть «длинную стену» Прокопия Кесарийского.

Главное же место в научной деятельности Валерия Анатольевича занимает нумизматика. Его аналитические нумизматические статьи содержат научные открытия, получившие признание отечественных и зарубежных специалистов. Безусловно, научными открытиями можно считать выявление изготовления в столице крымской Готии имитаций византийских монет, так же, как и собственной чеканки монет в византийском Боспоре, доказательство присутствия в монетном обращении Таврики хазарского времени подражаний аббасидским дирхемам и динарам и разработку типологии монетной чеканки античной Феодосии. Не случайно статья Валерия Анатольевича о чеканке монет в Византийском Боспоре в 2007 г. была переиздана на английском языке в Париже.

Многие годы Валерий Анатольевич, опираясь на новый скрупулезный комплексный анализ письменных, археологических и нумизматических источников,

успешно занимается воссозданием объективной истории крымских татар. Основываясь на глубоком знании находившихся в обращении золотоордынских монет, Валерий Анатольевич уточнил хронологию правлений золотоордынских ханов 1357-1380 гг. В 2003 г. в Москве в коллективной монографии «Тюркские народы Крыма» опубликована его обобщающая работа о формировании крымскотатарского народа и политической истории Крымского ханства.

Валерий Анатольевич достойно представлял украинскую науку в Вене и Париже. Он выступал с докладами на Византийских конгрессах в Москве и Париже, на международном симпозиуме историков-медиевистов в Йорке. Валерий Анатольевич активно участвовал в первом международном проекте КОИВ «Варвары на границах Рима и Византии» совместно с Центром средневековых исследований г. Кан (Нормандия, Франция).

Редколлегия «Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии» и коллектив Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины поздравляют талантливого ученого Валерия Анатольевича Сидоренко с юбилеем, желают ему бодрости и научного долголетия. Мы посвящаем юбиляру этот выпуск МАИЭТа, содержащий публикации друзей и коллег, отражающие широкий спектр его научных интересов.

А. Айбабин

**СПИСОК
НАУЧНЫХ РАБОТ
Сидоренко Валерия Анатольевича**

1. Солхат и Сурб-Хач. – Симферополь: Таврия, 1978. – 128 с. (в соавторстве с О.И. Домбровским).
2. Археологическое исследование памятника армянской архитектуры Крыма – монастыря Сурб-Хач // IV республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов. – Ереван, 1979. – С. 124-125, 253.
3. Раскопки средневекового монастыря Сурб-Хач // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции археологии АН УССР (Днепропетровск, апрель 1980 г.). – Днепропетровск, 1980. – С. 89-91.
4. Символика шейных повязок в византийской трактовке сюжета «древа жизни» // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых (Киев, апрель 1981). – Киев, 1981. – С. 130-131.
5. Декоративный стиль памятников средневековой армянской архитектуры Крыма // V республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тезисы докладов. – Ереван, 1981. – С. 189-191, 395-396, 479.
6. Исследование склонов горы Мангуп // Археологические открытия 1982 года. – М., 1984. – С. 328-330.
7. Метки-аббревиатуры и монограммы на черепице памятников средневекового Херсона // Античная древность и средние века: Проблемы социального развития. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1985. – С. 93-101.
8. К вопросу этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV – начала V вв. с подражаниями «лучистого типа» // Материалы к этнической истории Крыма. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 133-144.
9. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного

- Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 115-128.
10. Чамнубурунский клад монет-имитаций: К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // Античная древность и средние века: Вопросы социального и политического развития. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – С. 120-135 (в соавторстве с А.Г. Герценом).
 11. Область Дори Прокопия Кесарийского // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888-1988 г. Тезисы докладов. – Севастополь, 1988. – С.101-102.
 12. Фрагмент декрета римского времени из раскопок под Мангупом // Тезисы докл. Крымской научн. конф. «Проблемы античной культуры». Ч. I. – Симферополь, 1988. – С. 86-87.
 13. Область Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» византийского Херсона // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. II. – М., 1991. – С. 1057-1058.
 14. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. – 1991. – Вып. II. – С. 105-118, 280-281.
 15. Монетное производство золотоордынского Крыма // Тезисы докладов научной конференции «Проблемы истории Крыма (23-28 сентября 1991 г.)». Вып. II. – Симферополь, 1991. – С. 46-48.
 16. Jewellery technology in the 6th – 8th centuries in the Crimea // Medieval Europe 1992. Vol. 7. Arts and Symbolism. – York, 1992. – P. 169-175.
 17. Памятники каменной пластики средневековой Таврики // МАИЭТ. – 1994. – Вып. III. – С. 301-334.
 18. Некоторые ключевые моменты раннесредневековой истории Таврики // Международная конференция «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.)» (21-27 сентября 1994 г.). Тезисы докладов. – Симферополь, 1994. – С. 65-68.
 19. К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. –1995. – Вып. IV. – С. 584-589.
 20. Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом // МАИЭТ. –1996. – Вып. V. – С. 35-59, 485.
 21. Надписи на средневековой керамике из раскопок водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. – 1996. – Вып. V. – С. 106-110, 511-515 (в соавторстве с Л.В. Седиковой).
 22. Procopius of Caesarea about the Dory Region and the Long Walls of Byzantine Cherson // Acts 18th International Byzantine Congress. Selected papers: Main and Communications, Moscow, 1991. Vol. 1. – Shepherdstown, USA, 1996. – P. 87-94.
 23. Монетная чеканка Боспора 642-654 г. // Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь, 6-11 июня 1997 г.). Тезисы докладов. – Симферополь, 1997. – С. 74-75.

24. Средневековая надпись с именем Τζαλ из Баклинского склепа // МАИЭТ.– 1998. – Вып. VI. – С. 642-645.
25. Таврика предхазарского времени (по материалам раннесредневековых могильников и нумизматики) // Скифы, хазары, славяне, древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. М.И. Артамонова (Санкт-Петербург, 9-12 декабря 1998 г.). Тезисы докладов. – СПб., 1998. – С. 113-114.
26. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357-1380 гг. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. VII. – С. 267-288.
27. Золотая монетная чеканка Херсонеса I-II вв. н. э. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. VIII. – С. 436-453.
28. Высшие воинские должности на Боспоре во II – начале IV вв. н. э. (по материалам эпиграфики) // Боспорские исследования. – Симферополь, 2001. – Вып. I. – С.137-146.
29. Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени // МАИЭТ.– 2002. – Вып. IX. – С. 429-454.
30. Воинский медальон с клятвой Зевсу Димеранскому, найденный на Боспоре // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы III Боспорских чтений. – Керчь, 2002. – С. 219-222 (в соавторстве с В.Н. Зинько).
31. Медная чеканка византийского Боспора (590-668 гг.) // МАИЭТ.– 2003. – Вып. X. – С. 355-392.
32. Банковские операции при храмах на Боспоре в конце I в. до н.э. – II в. н.э. (по материалам граффити) // Боспорские исследования. – Симферополь, 2003. – Вып. III. – С. 283-288.
33. Формирование крымскотатарского народа. Политическая история Крымского ханства // Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки. – М.: Наука, 2003. – С. 143-147, 157-176.
34. Боспорские монеты из святилища у перевала Гурзуфское Седло. К вопросу о времени правления Асандра на Боспоре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Материалы V Боспорских чтений. – Керчь, 2004. – С. 313-314.
35. Памятники христианско-мусульманского двоеверия в Крыму // Crimea, Caucasus and the Volga-Ural region: Islamic art and architecture in the European periphery. International Symposium. Sept. 17-21, 2004. – Jagdschloss Glienicke, Berlin, 2004. – P. 6-7, 15-16.
36. Образование Крымского ханства. Крымское ханство под верховенством Османской Порты // Крым сквозь тысячелетия. – Симферополь: Лира, 2004. – С. 271-280, 283-303.
37. Эпитафия скифского царя Аргота // МАИЭТ. – 2005. – Вып. XI. – С. 59-70.
38. Новые находки византийских монет в Керчи и окрестностях // Боспор

- Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф. Материалы VI Боспорских чтений. – Керчь, 2005. – С. 241-242.
39. Несколько неизданных монет античного Херсонеса // МАИЭТ. – 2006. – Вып. XII. – С. 550-563 (в соавторстве с И.В. Шоновым).
40. The Copper Coinage of Byzantine of Bosporos // Kiev – Cheson – Constantinople. Ukrain Papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies. – Kiev; Simferopol; Paris, 2007. – P. 77-120.
41. Новая иудейская манумиссия из Пантикапея // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2007. – Вып. XVII. – С. 121-127 (в соавторстве с А.И. Айбабиным).
42. Гераи // Крым в лицах и биографиях. – Симферополь: Атлас-Компакт, 2008. – С. 75-95.
43. Клады монет, связанные с пребыванием в Таврике римского воинского контингента // Византийский семинар: империя и полис. – Севастополь, 2009. – С. 42-47.
44. К типологии монетной чеканки античной Феодосии // МАИЭТ. – 2009. – Вып. XV. – С. 521-545 (в соавторстве с И.В. Шоновым).
45. Клад римских динариев на окраине с. Репино Бахчисарайского р-на // МАИЭТ. – 2009. – Вып. XV. – С. 503-512.
46. Funde aus dem Umfeld des Mangup // Byzanz. Pracht und Alltag. – Bonn; München, 2010. – S. 313-314.
47. Исторические заметки Иосафато Барбаро о средневековой Таврике // Тезисы докладов II Международного семинара ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». – Севастополь, 2010. – С. 33-35.

АРХЕОЛОГИЯ

Т. А. КОПЬЕВА

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДОЛИНЫ РЕКИ БИЮК-КАРАСУ

В 2001-2002 гг. Степная археологическая экспедиция Крымского филиала Института археологии НАН Украины проводила охранные раскопки пяти курганов севернее г. Белогорска между селами Вишенное и Мельники¹. Два кургана располагались в непосредственной близости от русла реки Биюк-Карасу на высокой террасе коренного левого берега, еще три находились в 300-900 м к западу от него на возвышенном плато водораздела (рис. 1). Курганный материал представлен захоронениями от эпохи ранней бронзы до позднего средневековья. Нами подготовлены к публикации материалы эпохи бронзы, захоронения этого периода выявлены в трех курганах.

Топография. Значительная роль в освоении и использовании ландшафтов древними племенами принадлежит наличию развитой гидрологической системы. Крымские реки мелкие и немногочисленные, гидрологический режим имеет выраженный сезонный характер, истоки большинства рек полуострова берут начало в районе Главной горной гряды. В зависимости от направления стока реки Крыма делятся на три группы: реки северо-западных склонов Крымских гор, реки Южного берега и реки северных склонов Крымских гор [1, с. 80]. К последней группе относится Биюк-Карасу, правый приток реки Салгир. Реки северных склонов в своем течении отклоняются к востоку, за пределами горного массива образуют почти параллельную сеть и впадают в мелководный залив Сиваш. Здесь расположены наиболее плодородные в Крыму речные долины. Биюк-Карасу сравнительно многоводна, так как питается водами самого крупного в Крыму карстового источника Карасу-Баши, расположенного у подножия северного склона горного массива Караби-яйла. Река принимает два притока – левый Сары-Су вблизи г. Белогорска и правый – Кучук-Карасу

¹ Руководил Степной экспедицией В.А. Колотухин, автор публикации принимал участие в раскопках курганов.

у села Садовое [1, с. 84]. Русло реки пересекает несколько ландшафтных зон Крыма – Предгорную лесостепь, Центрально-Крымскую равнину и Северо-Крымскую низменную степь, севернее г. Белогорска по течению реки русло разделяет два скальных массива – Ак-Кая и Сары-Кая, оба полого наклонны к северу, вблизи села Зыбины и далее к Сивашам ландшафт плавно переходит в степной равнинный. В физико-географическом районировании ландшафт территории, где исследовались курганы, относится к области Предгорной лесостепи [1, с. 156].

История исследования курганов в долине реки Биюк-Карасу. Курганы Степного и Предгорного Крыма представляют основной источник в изучении древних культур эпохи бронзы. Бытовые памятники, представленные кратковременными стоянками, стойбищами, редкими находками, малочисленны и недостаточно изучены. Исследование курганов, сосредоточенных вдоль русла реки Биюк-Карасу, началось в конце XIX в. В 1897 г. Ю.А. Кулаковским был раскопан курган высотой 4,5 м в урочище Чоту в 25 км к северу от г. Белогорска, содержащий погребения эпохи бронзы, в том числе каменный ящик, установленный на поверхности первичной насыпи и укрепленный каменным закладом [2, с. 103]. В 1957 г. А.А. Щепинским вблизи с. Дозорное в междуречье Биюк- и Кучук-Карасу на водораздельном плато исследован курган Кеми-Оба. Обнаруженные в кургане деревянные и каменные гробницы положили начало выделению и изучению кеми-обинской археологической культуры [3, с. 10-23; 4, с. 331-336; 5, с. 50-86]. Курган считается эпонимным памятником культуры, мегалитической в своей основе. В начале 70-х годов прошлого века магистральное русло Северо-Крымского канала пересекло реки Салгир и Биюк-Карасу почти у их слияния. Здесь, в долине рек, вдоль трассы канала, Северо-Крымская экспедиция под руководством А.А. Щепинского проводила исследование курганов – в 1971 г. недалеко от села Черноземное, в 1972 г. рядом с селом Желябовка [2, с. 103; 6, с. 23]. В междуречье Биюк- и Кучук-Карасу у села Приречное исследовано еще два кургана, один – в 1979 г. Крымским краеведческим музеем [7, с. 355-368], второй – в 1982 г. Северо-Крымской экспедицией [8, с. 94-109], этой же экспедицией в 1985 г. раскопана группа курганов, расположенная к юго-западу от села Черноземное [9, с. 69-78]. Вблизи села Желябовка в 1986 г. Крымским краеведческим музеем проведены охранные раскопки полуразрушенного кургана [10, с. 160-166].

Таким образом, накоплена значительная база археологического курганного материала, на основании которого можно составить представление о культуре племен, обитавших в долине на протяжении эпохи бронзы. Существенно дополнить наши сведения об исторической ситуации Предгорной лесостепной зоны полуострова позволили раскопки 2001-2002 гг., в результате которых был исследован стратифицированный курган на южной окраине с. Вишенное и два кургана у с. Мельники. Раскопки проводились на участке,

где курганы эпохи бронзы ранее не исследовались, заполнив, в некоторой степени, имевшуюся пространственно-временную лакуну.

Всего в трех курганах выявлено 15 захоронений эпохи бронзы, в том числе эпохи ранней бронзы – 6 (ямной и кеми-обинской культур), эпохи средней бронзы – 5 (катакомбной культуры и предположительно КМК²), эпохи поздней бронзы – 3 (срубной культуры).

Курган у села Вишенное № 1 (рис. 2)

Исследован в 2001 г. Располагался непосредственно рядом с шоссе Симферополь – Нижнегорск (46 км), на левом высоком берегу речки. Курган находился на склоне речной террасы, его высота составляла от уровня современной поверхности восточной подошвы 4,25 м, западной – 3,25 м, диаметр 35 м. К моменту раскопок насыпь кургана была частично разрушена выборкой грунта в СЗ и ЮВ секторах. Раскопки кургана проводились как с помощью механизмов, так и вручную. Все промеры производились от основного репера (R), установленного в высшей точке насыпи. В кургане выявлено 8 могил, 7 из них относятся к эпохе бронзы, одна – позднечечевическая.

Погребение 1. Эпохи ранней бронзы, впускное (рис. 3, 1). Выявлено в 5 м к югу в насыпи кургана на отметке 2,5 м. Погребение частично разрушено погребением 2, осталась неповрежденной его ЮВ часть. Захоронение младенца совершено в яме овальной формы, ориентированной по оси ЮВ-СЗ. Рядом с фрагментами черепа находились мелкие древесные угольки, комок охры малинового цвета, а также фрагменты лепного сосуда и кремневый отщеп. Обломки придонной части этого же сосуда, несколько его профильных частей выявлены среди камней обкладки погребения 2.

Погребальный инвентарь:

1. Сосуд кубковидной формы с округлым дном, поверхность шероховатая, обжиг неравномерный, буро-коричневого цвета. Высокая горловина украшена горизонтальными рядами веревочного штампа. Высота 10 см, диаметр горловины 10,3 см, диаметр тулова 11,2 см (рис. 4,3).

2. Кремневый остроконечный отщеп подтреугольной формы без следов ретуши, с острым режущим краем, изготовлен из кремня черного цвета, его размеры 3x2,7 см (рис. 4,4).

Погребение 2. Эпохи ранней бронзы. Кеми-обинское, впускное (рис. 3, 1). Находилось в 5 м к ЮЮЗ. Каменная наброска в виде купола из рваных камней известняка выявлена в процессе зачистки вертикальных срезов кургана на участке разрушенного ЮЗ сектора насыпи, под центральной частью выявлено погребение в деревянном ящике. Впущено с уровня первичного кургана и достигало погребенной почвы. Деревянный ящик ориентирован по оси СВВ-ЮЗЗ, его внутренние размеры 2,0x1,45 м,

² КМК – культура многоваликовой керамики (бабинская культура).

сохранившаяся высота стенок 0,35-0,45 м, толщина бревен 16-20 см. По-видимому, принимая во внимание толщину бревен, деревянный сруб состоял из двух венцов, хотя швы между ними не прослеживались, и стенки имели вид спрессованного монолита. Продольные стенки вплотную примыкали к поперечной ЮЗ, крепление СВ не прослежено, так как этот участок могилы был нарушен грабителями, ими же повреждено перекрытие. Сохранившиеся остатки бревен над ЮЗ и центральной частью ящика позволили установить, что перекрытие было двухслойным – нижние бревна уложены вдоль ящика, верхние – поперек. Поверх бревен, опять же поперек могилы, положены массивные плиты, *in situ* зафиксированы лишь две в ЮЗ части ящика, еще три вывернуты и находились в вертикальном положении среди камней купола, размеры плит 0,95x0,7x0,25 м.

В деревянном ящике находились два костяка.

Скелет № 1. Вдоль северо-западной стенки лежал скелет крупного человека, на спине с разворотом на левый бок, в скорченном положении, головой на СВ. Обе руки немного согнуты и заведены под спину. Кисти рук соприкасались и находились под позвоночником и частично под костями таза. Лучевые кости рук и особенно запястья сильно обгорели.

Скелет № 2 лежал рядом, к ЮВ, он принадлежал некрупному человеку, его кости потревожены грызунами. Захоронение совершено на левом боку, скорчено, головой на СВ.

Скопления древесных угольков зафиксированы на дне могилы, в области таза, голеней и ступней ног крупного костяка, а также под черепом второго скелета. Дно могилы посыпано речным песком.

С погребением в деревянном ящике связаны следующие находки:

1. В засыпи могилы на 0,4 м выше дна над черепом скелета № 2 найдено костяное кольцо диаметром 2,5 см (рис. 3,2).

2. За пределами ящика среди камней каменного сооружения обнаружен тщательно полированный каменный топор с расширенной лезвийной частью, коническим сверлением проушины, изготовленный из змеевика. Его длина 11,5 см, диаметр обушка 3,1x2,7 см, проушины 1,8 см, ширина лезвийной части 3,8 см (рис. 3,3). Одна плоскость топора покрыта древесным тленом, который проник в микропоры, что позволяет предположить первоначальное его местоположение на деревянном перекрытии ящика.

Погребение 3. Ямное, впускное (рис. 4,1). Выявлено в 7 м к ЮЮВ от репера на уровне материка. Могила в плане подпрямоугольной формы с закругленным ЮЗ углом, ориентирована по оси СВВ-ЮЗЗ. Ее длина 1,63 м, ширина в центре 0,95 м, прослеженная глубина 0,35 м.

Погребение парное. Захоронение взрослого совершено на спине с разворотом на правый бок, скорчено, головой на СВВ, правая рука уложена вдоль корпуса, левая согнута в локте, ее кисть на тазе, череп повернут вправо.

Скелет младенца располагался вдоль левой плечевой кости взрослого и лежал на правом боку, скорчено, головой на СВВ.

Дно могилы посыпано светло-желтым речным песком, черепа обеих погребенных окрашены ярко-красной охрой, остальные кости покрыты коричневым тленом и имели едва заметную окраску охрой. Перед лицевой частью черепа взрослого лежал комок темно-красной охры. Лепной сосуд находился рядом с правым плечом взрослого.

Погребальный инвентарь представлен миниатюрным сосудом в виде амфорки с двумя ручками, поверхность пятнистая, буро-черного цвета, на плечиках нанесен орнамент из четырех горизонтальных рядов точечных наколов. Ручки имеют вертикальные проколы, орнаментированы прочерченными линиями в виде вписанных треугольников. Высота сосуда 9 см, диаметр горловины 7,2 см, тулова 8,5 см, дна 4,3 см (рис. 4,2).

Погребение 4. Катакомбное, впускное (рис. 5,3). Выявлено в 11 м к югу на уровне материка. Входной колодец не прослежен, камера в плане имела овальную форму, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Ее длина 1,9 м, ширина в центре 1,4 м, прослеженная глубина до 0,35 м.

В камере совершено погребение взрослого человека на спине с наклоном на левый бок, в скорченном положении, головой на ЮЮЗ. Левая рука, немного согнутая в локте, уложена вдоль корпуса, правая согнута в локте, ее кисть на тазе. Череп повернут влево. Под верхней частью скелета прослеживалось пятно коричневого тлена от органической подстилки, его размеры 1,05x0,65 м. Кости ног окрашены охрой бордового цвета, овальное пятно охры такого же цвета находилось у правого плеча.

Инвентарь отсутствовал.

Погребение 6. Срубное, впускное. Выявлено в 3 м к ЮЗЗ непосредственно под слоем дерна на глубине 15-20 см от поверхности кургана. Контуры могильной ямы прослеживались нечетко, ее длина 0,9 м, ширина 0,7 м. Скелет плохой сохранности, потревожен грызунами. Захоронение не крупного человека совершено на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на север. Кисти рук в области черепа.

Инвентарь отсутствовал.

Погребение 7. Срубное, впускное. Выявлено в 4 м к ЮЮЗ в насыпи кургана на отметке 0,5 м от современной поверхности. Контуры могилы не прослежены, скелет не крупного человека лежал на правом боку, в сильно скорченном положении, головой на север с небольшим отклонением к западу. Перед лицевой частью черепа зафиксировано пятно глея.

Инвентарь отсутствовал.

Погребение 8. Ямное, основное (рис. 5,1). Выявлено в 2,5 м к ЮВ от репера. Материковый выкид из могилы располагался по периметру могилы на древнем горизонте и состоял из щебня и меловой крошки. Перекрытие

просело в могилу, обнаружено на уровне материка и состояло из четырех бревен диаметром до 30 см, уложенных по продольной оси могилы.

Яма в плане подпрямоугольной формы с закругленными углами и немного вогнутой южной стенкой, дно с уклоном в сторону той же южной стенки, ее длина 1,7 м, ширина в центре 1,18 м, глубина от уровня древнего горизонта составляла 0,8-0,9 м.

Захоронение взрослого человека совершено на спине с незначительным наклоном на левый бок, скорчено, головой на СВВ, руки протянуты вдоль корпуса. Череп повернут влево. Ступни ног и голени окрашены красной охрой, остальные кости коричневого цвета.

Дно могилы посыпано слоем мела, выше которого фиксировался коричневый тлен от органической подстилки. В северо-западной части дно могилы обмазано глеем.

Погребальный инвентарь состоял из округлого, немного уплощенного известнякового камня, без следов обработки, обильно посыпанного слоем мела. Размеры 9,8x5,6x2,8 см (рис. 5,2).

Жертвенная яма (яма 1) выявлена в 6 м к востоку, ее профиль частично фиксировался в центральной бровке. Вероятнее всего, представляла собой миниатюрную катакомбу, впущенную с уровня первичной насыпи. Размеры камеры на уровне дна 1,0x0,7 м. На дне найдена трубчатая кость человека, расколота по продольной оси и покрытая слоем мела и охры.

Кольцевой ровик диаметром 11-12 м, шириной от 0,75 до 1,3 м (рис. 2). Впущен с уровня древнего горизонта на глубину от 0,15 м в ЮЗ части до 0,8 м в СЗ, предшествовал сооружению первичной насыпи, ограничивая спланированную площадку, ее поверхность с едва заметным уклоном к востоку, грунт взят из кольцевого ровика и представлял щебенистый светло-желтый суглинок. На поверхности площадки фиксировался материковый выкид из основной могилы 8. Ровик имел с двух противоположных сторон ССЗ и ЮЮВ разрывы 0,6 и 0,9 м, образуя своеобразные «проходы», таким образом, что ровик в плане представлял два несмыкающихся сегмента. Заслуживает внимания устройство восточного сегмента в его северной части, которая имела усложненную конфигурацию. Окончание ровика имело необычную суженную, закругленную форму, а расширялось до 1 м и затем плавно сужалось, образуя на протяжении 4 м еще один суженный и два расширенных до 1,3 м участка. Дно ровика здесь еще более углублялось на 0,45 м, по краям этого длинного углубления сооружены ямки, западная – диаметром 25 см, глубиной 10 см, восточная – диаметром 45 см, глубиной 20 см. Каких-либо находок ровик не содержал. Точная фиксация ровика на плане кургана показала, что восточный сегмент в плане представляет изображение змея, обращенного головой на запад, усложненная конфигурация с дополнительными углублениями, видимо, изображает его вместительную «утробу».

Стратиграфия кургана выполнена по двум срезам – широтному и меридиональному. Основной широтный разрез сделан по оси СВВ-ЮЗЗ и проходил через R_1^3 , располагавшийся в 4 м к ЮЮВ от основного, выглядел следующим образом. Погребенная почва находилась на отметке 2,6 м, она прослеживалась по всей длине бровки на глубину около 0,3 м и состояла из чернозема со значительным включением кремня. По обеим сторонам от репера с уровня погребенной почвы впущен кольцевой ровик на глубину 0,5-0,8 м. На древней погребенной почве, ограниченной ровиком, ровным слоем толщиной 0,15-0,35 м лежал щебенистый грунт, по всей видимости, спланированный выкид из кольцевого ровика. Под репером и к востоку от него на щебенистом грунте прослеживался материковый выкид в виде сегмента длиной 2,5 м, его происхождение связано с основным захоронением 8. Погребенную почву подстилал материковый слой, на восточной периферии кургана, примерно в 7 м от репера, он состоял из желтоватого суглинка, на остальной площади – из мелового останца с включением кремня. Первичная насыпь кургана состояла из плотного чернозема, ее максимальная высота 1,75 м, диаметр около 21 м, насыпь перекрывала кольцевой ровик. Поверхность древнего кургана была обмазана плотным слоем зеленоватой глины (глея) толщиной до 20 см, на нем, в 4 м к востоку от R_1 , фиксировалась линза рыхлого суглинка, возможно, связанная с сооружением погребения 3. На западном склоне древнего кургана сооружен каменный заклад, под которым находилось погребение 2 в деревянном ящике, при его возведении применялась техника «чешуйчатой» кладки. Первичную насыпь и каменный заклад перекрывала досыпка из однородного плотного коричневого грунта.

Таким образом, курган насыпан в два приема. Перед его возведением сооружен кольцевой ровик, подготовлена в его внутреннем пространстве площадка, затем вырыта яма погребения 8, после совершения захоронения возведен курган высотой 1,75 м и диаметром 21 м, его поверхность обмазана слоем глея до 20 см. С уровня первичной насыпи впущены погребения 1, 2, 3 и жертвенная яма. Выкид погребения 3 находился на восточном склоне, однако локальная досыпка, связанная с этим захоронением, не прослеживалась. Погребение 1 частично разрушено погребением 2 в деревянном ящике, над которым сооружен куполообразный каменный заклад (диаметр основания 10 м, высота 1,3 м), размещенный на западном склоне первичной насыпи. Сразу же или в течение короткого времени курган перекрыт земляной насыпью, так как склон каменного курганчика имеет четкий контур без повреждений. В последнюю насыпь впущены срубные погребения 6 и 7.

³ R_1 – вспомогательный репер.

Курганы у с. Мельники

В 2002 г. в окрестностях села исследовано 4 кургана, два из них (№ 1 и № 4) возведены в эпоху бронзы. Курганы находились в 8 км к северу от ранее исследованного кургана у с. Вишенное.

Курган № 1 (рис. 6, 1) находился на возвышенном участке плато в 0,8 км к западу от села, его высота составляла 1,4 м, диаметр около 23 м. Насыпь имела полусферическую форму, в плане округлую, на поверхности множество камней. В насыпи выявлено четыре погребения, к эпохе бронзы относятся два, одно скифское и одно кочевническое.

Погребение 3. Эпохи бронзы, впускное. Выявлено в борту кочевнического погребения 1 в его СЗ части на отметке 1,2 м. Контурсы могильной ямы не прослеживались, от скелета не крупного человека, погребенного на правом боку, головой на З, сохранились череп, часть грудной клетки, плечевые кости рук. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 4. Эпохи ранней бронзы, основное (рис. 6, 2). Выявлено в 1,5 м к ЮЗ. СВ угол разрушен впускным кочевническим погребением. Могила сооружена в щебенистом суглинке, в плане имела боченковидную форму, ориентирована по оси СВВ-ЮЗЗ, ее длина 1,5 м, ширина в центре 1,1 м, глубина 0,8 м. Заполнение состояло из чернозема, камней и рваных плит разной величины, каменный заклад просел в могилу. По периметру могилы выполнена обкладка не крупным плоским камнем. Захоронение крупного человека совершено на левом боку, головой на СВВ, скорчено, левая рука протянута к коленям, правая согнута в локте и лежала поперек корпуса. От черепа сохранилась нижняя челюсть. Рядом с кистью левой руки лежал кремневый отщеп подтреугольной формы с микроретушью по острому краю. Размеры 3,5x2,5x1,5 см (рис. 6, 3).

Стратиграфия кургана, выполненная по оси В-З, непосредственно под репером выглядела следующим образом. До 0,15 м – задернованный слой почвы; 0,15-0,8 м – насыпь кургана, состоящая из камня с незначительной примесью чернозема; 0,8-1,0 м – слой чернозема; 1,0-1,3 м – погребенная почва, ниже находился щебенистый суглинок. Погребенная почва прослеживалась на протяжении 10 м. Материковый выкид из погребения 4 зафиксирован к Ю и З. Над погребением сооружена низкая земляная насыпь высотой не более 0,2 м, на поверхности которой выложена каменная отмостка из крупных камней и рваных плит, ее высота до 0,35 м, выше сооружена куполообразная наброска из камней диаметром в основании 5,5 м и высотой 0,8 м (рис. 6, 1).

Курган сооружен в эпоху ранней бронзы над погребением 4. Затем могила перекрыта слабо выраженной земляной насыпью высотой 0,2 м, диаметром около 4 м. Поверх нее сооружена каменная наброска в виде купола, нижний горизонт представлял собой вымостку из камней и плит, диаметр в основании 5,5 м, высота 0,8 м. В СВ сектор впущено погребение 3, позже частично разрушенное кочевническим захоронением. Каменный курган был смещен

к югу по отношению к геометрическому центру вторичной насыпи, которая связана с захоронением раннего железного века.

Курган № 4 (рис. 7,1). Располагался на левом берегу реки, ЮЗ окраины села Мельники. Насыпь длительное время распахивалась, и к моменту раскопок ее высота составляла 1,8 м, диаметр около 28 м, в плане она имела округлую форму с плоской вершиной. Все промеры производились от репера (R), установленного в высшей точке кургана. В кургане выявлено 7 погребений, к эпохе бронзы отнесено 6 из них, один – скифский склеп.

Погребение 2. Срубное, впускное (рис. 9,1). Выявлено в 3,5 м к Ю в насыпи на отметке 0,75 м. Контуры могилы не прослежены. Захоронение взрослого человека совершено на правом боку, скорчено, головой на СВВ, кисти рук перед лицевой частью черепа. Лепной сосуд лежал на боку к ЮВ от черепа. Под горшком находился кремневый отщеп.

Погребальный инвентарь:

1. Лепной остросереберный сосуд. Поверхность шероховатая, пятнистая, серо-черного цвета, верхняя часть тулова украшена прочерченным геометрическим орнаментом. Высота 13 см, диаметр венчика 12х13,5 см, дна 7,5 см (рис. 9,2).

2. Кремневый отщеп трапециевидной формы без следов ретуши, рабочий острый край имеет выщерблены, его размеры 2х2,5 см (рис. 9,3).

Погребение 3. Катакомбное, впускное (рис. 8,1). Выявлено в 2,5 м к ЮВ на отметке 1,57 м. Входной колодец не прослежен, погребальная камера в плане подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована ЮЗ-СВ. Ее размеры 1,8х1,4х0,4 м, дно слегка вогнуто и имело небольшой уклон к ЮВ, в сторону входного колодца.

Захоронение некрупного человека совершено на спине с наклоном на правый бок, головой на ЮЮЗ, с подогнутыми в коленях ногами, обращенными вправо, череп также повернут вправо, руки протянуты вдоль корпуса. На костях скелета коричневый тлен и красная охра, пятна охры зафиксированы в области таза, нижней части ребер и вдоль лучевых костей левой руки.

В засыпи могилы рядом с черепом найден ракушечниковый камень размером 4х3 см (рис. 8,2).

Погребение 4. Катакомбное, впускное (рис. 8,1). Входной колодец находился в насыпи и не прослежен, погребальная камера примыкала к ЮЗ стенке погребальной камеры катакомбы 3. Камера в плане овальной формы ориентирована ЮВ-СЗ, ее размеры по дну 1,85х1,2 м, первоначальная высота свода 0,8 м. Заполнение камеры – рыхлый черноземный грунт и несколько уплощенных камней, первоначально закрывавших входное отверстие.

На дне камеры в ЮВ части лежал череп человека, обращенный лицевой частью вниз и один шейный позвонок, рядом, к западу, находились отдельные фаланги пальцев руки. Череп прислонен к уплощенному камню, внутри черепа и рядом с ним находились мелкие древесные угольки. Заполнение

камеры к западу от черепа на высоту до 0,25 м насыщено темно-красной охрой (возможно, от осыпавшегося окрашенного свода).

В засыпи погребальной камеры собраны обломки верхней части лепного сосуда, его горловина украшена веревочным орнаментом. Фрагмент сосуда, очевидно, использовался в качестве жаровни и первоначально находился на дне входного колодца (рис. 8,3).

Погребение 5. Катакомбное, впускное (рис. 7,1). Выявлено в СЗ углу скифского склепа при зачистке его дна. Погребальная камера в плане вытянутоовальной формы, ориентирована В-З, ее размеры 1,0x0,85 м, входной колодец не прослежен, срезан основанием впускного склепа.

Захоронение ребенка в возрасте до 7 лет совершено на спине, вытянуто, головой на восток, левая рука уложена вдоль корпуса, положение правой не прослежено. Выкид материкового суглинка из могилы зафиксирован на уровне первичной насыпи с внешней стороны склепа, здесь же найдены фрагменты сосуда.

Погребальный инвентарь представлен миской со стянутым верхом. Поверхность серо-черная, изнутри черная. Размеры: высота 8,3 см, диаметр края 12,5 см, дна 7,5 см (рис. 7,3).

Погребение 6. Эпохи ранней бронзы, основное (рис. 9,4). Выявлено в 4 м к югу от репера на глубине 1,45 м. Могильная яма в плане боченковидной формы, ориентирована СВ-ЮЗ, ее размеры 1,68x1,25x0,55 м. Заполнение ямы состояло из рыхлого чернозема, включавшего древесный тлен, очевидно, от рухнувшего перекрытия.

Захоронение взрослого человека совершено на левом боку, скорчено, головой на СВ, в позе адорации. Под скелетом прослеживался коричневый тлен в виде пятна овальной формы. На дне могилы рядом с согнутыми коленями погребенного находилось овальное пятно глея размером 0,4x0,3 м, к северу от черепа – комочек красной охры и угольки, под фалангами пальцев рук выявлено пятно размером 0,1x0,1 м из охры темно-красного цвета. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 7. Эпохи средней бронзы (КМК?), впускное (рис. 7,2). Обнаружено под южной стенкой скифского склепа. Основанием склепа были нарушены северная стенка могильной ямы и кости ног погребенного. Могила в плане вытянутоовальной формы, ориентирована З-В, ее размеры 1,7x0,8 м, прослеженная глубина до 0,3 м. Дно имело уклон к В.

Захоронение взрослого человека совершено на правом боку с наклоном на живот, в слабо скорченной позе, головой на З. Правая рука согнута в локте, ее кисть под грудной клеткой, левая протянута к коленям. Дно под костями таза обмазано глеем. Череп погребенного деформирован в вертикальной плоскости. Инвентарь отсутствовал.

Стратиграфия кургана выполнена по северному профилю бровки,

ориентирована В-З. Погребенная почва находилась на глубине 1,3-1,6 м и представляла собой коричневый однородный грунт, ниже – щебенистый материковый суглинок желтоватого цвета. Первичная насыпь кургана в центре и восточной поле не прослеживалась, так как нарушена впущенным скифским склепом. В западной части ее высота достигала 0,9 м, по структуре и цвету насыпь почти не отличалась от погребенной почвы, однако резко контрастировала с черноземным слоем следующей досыпки (рис. 7, 1).

Курган возведен над погребением 6 эпохи ранней бронзы, его материковый выкид располагался на древнем горизонте к С и СВ. Древний курган имел диаметр 20 м и высоту около 1 м, был смещен к югу от геометрического центра, связанного с насыпью над скифским склепом. В насыпь древнего кургана впущены погребения среднего и позднего бронзового века. В катакомбное время совершены три погребения. Ранним периодом катакомбной культуры определяется погребение 3, к ее позднему этапу относятся катакомбы 4 и 5.

Форма могильной ямы, слабоскорченная поза костяка, несмотря на отсутствие сопровождающего инвентаря, позволяют датировать погребение 7 заключительным периодом средней бронзы и, по аналогии с уже известными захоронениями, отнести к культуре многоваликовой керамики [11, с. 100].

На заключительном этапе эпохи бронзы в насыпь кургана впущено погребение 2, характерный обряд и форма лепного горшка определяют его принадлежность к срубной культуре.

Курганный обряд погребения характерен для степных равнинных районов, его носителями являлись подвижные кочевые скотоводческие племена эпохи энеолита – бронзы. В Крыму курганные памятники концентрируются в равнинной части [12-16]. Разведками 1951-1952 гг. на территории степного Крыма выявлены свыше 1000 курганов, преимущественно возведенных в эпоху бронзы [17, с. 115-124]. Постепенно скотоводческими племенами осваивались предгорные районы, происходило это, в основном, по руслам рек. Аналогичные процессы прослежены в близком по географическим характеристикам Прикубанье [18, с. 109]. Новый курганный материал также подтверждает, что в период ранней – поздней бронзы происходит продвижение степных кочевников в предгорья, насыщенность захоронениями степных курганов выше, она убывает по мере проникновения вглубь предгорий. Практически все захоронения эпохи бронзы были сосредоточены в курганах, расположенных непосредственно в долине реки, сами насыпи этого периода здесь значительно объемнее, чем на возвышенном плато, там из трех исследованных курганов лишь один содержал два погребения этого периода. Наиболее древними являются курганы 1 и 4 у с. Мельники, возведенные в эпоху ранней бронзы. В кургане 4 основным являлось погребение 6, скелет в позе адорации, эпизодически захоронения такого типа

встречаются и в Степном Крыму, например, в кургане Раздольное 1/26⁴, который расположен в 10 км восточнее реки Биюк-Карасу, культурная атрибуция определена исследователями как ямная [14, с. 37]. Позднеямным периодом ранней бронзы датируется сооружение кургана в Вишенном.

Для предгорных районов полуострова характерно использование камня и каменных конструкций в погребальном обряде, эта особенность является одним из признаков кеми-обинской культуры [4, с. 331-336]. Исследованные нами курганы, расположенные в зоне Предгорной лесостепи, также показали, что в эпоху ранней бронзы над отдельными захоронениями возводятся каменные конструкции – куполообразные каменные сооружения. В кургане 1 основное погребение в яме (Мельники 1/4) перекрыто плитами, над ним сооружен куполообразный каменный курганчик. Каменный куполообразный заклад, аналогичный вышеупомянутому, зафиксирован в Вишенном 1/2 и устроен над захоронением в деревянном ящике.

Результаты предыдущих лет раскопок в долине также фиксируют в курганах использование камня в погребальном обряде – каменный ящик и заклад (примерно в 7 км севернее наших раскопок) [2, с. 103]. В кургане Кеми-Оба над погребениями в деревянных ящиках сооружены куполообразные «курганчики», аналогичные Вишенскому, однако захоронения там являлись основными. Стоит заметить, что немногочисленная керамика кеми-обинских захоронений принципиально отлична от ямной степной [4, с. 330, рис. 88]. Месторасположение одного из классических памятников кеми-обинской культуры в Присивашской степи (Долинка 1/3) [19, с. 223-242], на территории, где отсутствуют выходы камня, скорее, свидетельствует об устойчивости мегалитической погребальной традиции и, вероятнее, указывает на миграционные пути кеми-обинских племен.

Захоронение в деревянном ящике (Вишенное 1/2), исходя из его стратиграфической позиции и состава инвентаря, можно датировать поздним периодом ранней бронзы.

Курган в Вишенном представляет интерес как с точки зрения стратиграфической фиксации последовательности захоронений, так и раскрывает некоторые стороны материальной и духовной культуры племен раннебронзовой эпохи. О культурных контактах с территорией Поднепровья свидетельствует кубковидный сосуд (рис. 4,3) среднеднепровской культуры из погребения 1 [20, с. 31-33]. Проявление сложных идеологических представлений, связанных с погребально-поминальной обрядностью, прослеживается в архитектуре кургана, а именно: в подготовке и оформлении курганного пространства. Здесь, прежде чем произвести захоронение, был сооружен кольцевой ровик диаметром 11 м, внутри него насыпана ровная погребальная площадка

⁴ Раздольное 1/26 – через дробь указаны номер кургана и погребения.

ярко-желтого цвета. Кольцевой ровик представлял собой два равных сегмента с «проходами» на ССЗ и ЮЮВ. Восточный сегмент изображал змея, обращенного головой на запад, имеющего вместительное и объемное «чрево». Как известно, образ Змея широко представлен во всех мифологических традициях. Индоевропейская мифологии, основанная на представлениях о вертикальной трехчленной модели мира, наделяет Змея хтонической природой и связывает с нижним (подземным) миром. В связи с тем, что символика Змея была использована в курганной архитектуре, стоит упомянуть о представлениях древнеиндийской мифологии. Здесь мировой Змей Шеша представлялся как державший на себе землю, эту же функцию выполнял Змей Мехента египетской мифологической традиции – Окружающий Землю [21, с. 470]. Символика образа Змея в эпоху ранней и средней бронзы используется позднейшими и катакомбными племенами в орнаментике предметов культа, бронзовых изделий, керамики [22, с. 9; 23, с. 29-31; 24, с. 256].

В погребальном обряде широко применялась посыпка дна могил охрой, мелом, речным песком, обмазка дна глеем. Глей использован для обмазки первичного кургана в Вишенном, здесь его слой достигал 20 см и покрывал всю поверхность. Зафиксировано применение огня в обрядовой практике (Вишенное 1/2). В погребении КМК (Мельники 4/7) скелет имел деформированный череп, что является редкостью для эпохи бронзы Крыма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подгородецкий П.Д. Крым: Природа. Симферополь, 1988.
2. Щепинский А.А. Памятники Кеми-Обинской культуры (Свод археологических источников), 1983. Запорожье, 2002.
3. Щепинский А.А. Культуры энеолита и бронзы в Крыму // СА. 1966. № 2.
4. Щепинский А.А. Кеми-Обинская культура // Археология Украинской ССР. 1985. Т. 1.
5. Щепинский А.А., Тощев Г.Н. Курган «Кеми-Оба» // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2001. Т. IX.
6. Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007.
7. Колтухов С.Г., Тощев Г.Н. Курган эпохи бронзы у с. Приречное Нижнегорского района в Крыму // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2004. Т. XI.
8. Гаврилов А.В., Колотухин В.А., Колтухов С.Г. Курган эпохи бронзы и скифский могильник V-III вв. до н.э. у с. Приречное в Крыму // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2002. Т. X.
9. Копьева-Колотухина Т.А. Курган у с. Черноземное в Крыму // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца). Симферополь, 2004.
10. Гаврилов А.В., Тощев Г.Н. Курган у с. Желябовка в Крыму // *Stratum plus*. 1999. № 2.
11. Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев, 2003.
12. Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. Северное Присивашье в V-I тысячелетиях до н.э. Симферополь, 1969.

13. Генинг В.Н., Корпусова В.Н. Археологические памятники Крымского Присивашья. Первая группа у с. Целинное. Киев, 1989.
14. Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991-1992 гг.). I. Запорожье, 1994.
15. Колтухов С.Г., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993-1995 гг.). II. Запорожье, 1998.
16. Колотухин В.А., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма. III. Запорожье, 2000.
17. Шульц П.Н. О комплексных историко-археологических и палеогеографических исследованиях в Северном Крыму // Известия Крымского отделения Географического общества СССР. Симферополь, 1953. Вып. 2.
18. Нечитайло А.Л. О крымском варианте катакомбной культуры // Курганы Степного Крыма. Киев, 1984.
19. Колотухин В.А. Курган № 1 у с. Долинка и ящичные гробницы раннего бронзового века Крыма // Херсонесский колокол: Сб. науч. ст., посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию науч. деятельности В.Н. Даниленко / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2008.
20. Колотухин В.А. Культуры эпохи бронзы. Симферополь, 2004.
21. Иванов В.В. Змей. Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1987. Т. I.
22. Кияшко В.Я. К вопросу о молоточковидных булавах // Донские древности. Азов, 1992.
23. Кияшко А.В. Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы Волго-Донских степей // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4.
24. Копьева-Колотухина Т.А. Катакомбное погребение с бронзовой пластиной в кургане у села Фрунзе в Крыму // Херсонесский колокол: Сб. науч. ст., посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию науч. деятельности В.Н. Даниленко / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2008.

Копьева Т.А.

Курганы эпохи бронзы долины реки Биюк-Карасу

Резюме

Публикация вводит в научный оборот результаты раскопок курганов, расположенных севернее г. Белогорска в зоне Предгорной лесостепи, полученных Степной экспедицией в 2001-2002 гг.

В результате раскопок исследовано 5 курганов, в которых находились захоронения от эпохи ранней бронзы до средневековья. Три кургана сооружены в эпоху ранней бронзы и содержали 15 захоронений бронзового века. Из них к эпохе ранней бронзы отнесено 6 погребений (ямной и кеми-обинской культур), средней бронзы – 5 (катакомбной и культуры многоваликовой керамики), поздней бронзы – 3 (срубной культуры).

Представленные курганные материалы служат подтверждением ранее сделанным наблюдениям о продвижении степных кочевников в Предгорную лесостепь и освоении ими этой территории.

Для предгорных районов Крыма отличительной чертой является использование камня и каменных конструкций в погребальном обряде, эта особенность указывает на один из признаков кеми-обинской культуры. Публикуются материалы погребения 2 в кургане Вишенное с захоронением в деревянном ящике. Заклад могилы представлял каменное куполообразное сооружение (рис. 2; 3). Захоронение относится к кеми-обинской культуре и датируется финальным периодом ранней бронзы.

Коп'єва Т.О.

Курганы эпохи бронзы долины річки Біюк-Карасу

Резюме

Публікація вводить до наукового обігу результати розкопок курганів, розташованих на північ від м. Білогірська в зоні передгірного лісостепу, отриманих Степовою експедицією в 2001-2002 рр.

В результаті розкопок досліджено 5 курганів, в яких знаходилися поховання від епохи ранньої бронзи до середньовіччя. Три кургани споруджено в епоху ранньої бронзи і містили 15 поховань бронзового віку. З них до епохи ранньої бронзи віднесено 6 поховань (ямної і кеми-обинської культур), середньої бронзи – 5 (катакомбної і культури багатопружкової кераміки), пізньої бронзи – 3 (зрубної культури).

Представлені курганні матеріали слугують підтвердженням зробленим раніше спостереженням про просування степових кочовиків в передгірний лісостеп і освоєння ними цих територій.

Для передгірних районів Криму відмінною рисою є використання каменю та кам'яних конструкцій в поховальному обряді, і ця особливість вказує на одну з ознак кемі-обинської культури. Публікуються матеріали поховання 2 в кургані Вишневе з похованням в дерев'яному ящику. Заклад могили представляв кам'яну куполоподібну споруду (рис. 2; 3). Поховання відноситься до кемі-обинської культури і датується фінальним періодом ранньої бронзи.

Kopieva T.A.

The Barrows of the Bronze Age of the Valley of the Biyuk-Karasu River

Summary

This paper is devoted to the results of the excavation of barrows in 2001-2002; they are situated to the north of Belogorsk in the region of piedmont forest steppe of the Crimean peninsula.

As the result of this excavation, 5 barrows containing burials dating to the period from the Early Bronze epoch to the medieval period were researched. Three barrows were raised in the Early Bronze; they contained 15 burials, all in all. 6 burials were dated back to the Early Bronze Age (Yamnaya and Kemi-Obinskaya Culture), 5 burials – to the Middle Bronze (Catacomb and Babino Culture), 3 burials – to the Late Bronze Age (Srubnaya culture) among them.

The obtained barrow materials confirm the early made observations concerning the onward movement of the Steppe nomads to the piedmont forest steppe and land developing this territory.

The piedmonts regions of the Crimea are distinguished by the usage of the stone and stone constructions in burial ceremonies. This feature is one of the attributes of Kemi-Oba culture. The materials of burial in the Timber-Grave near the village of Vishennoye (Fig. 2; 3) are represented here. The burial refers to the Kemi-Oba culture and is date back to the final stage of the Early Bronze Age.

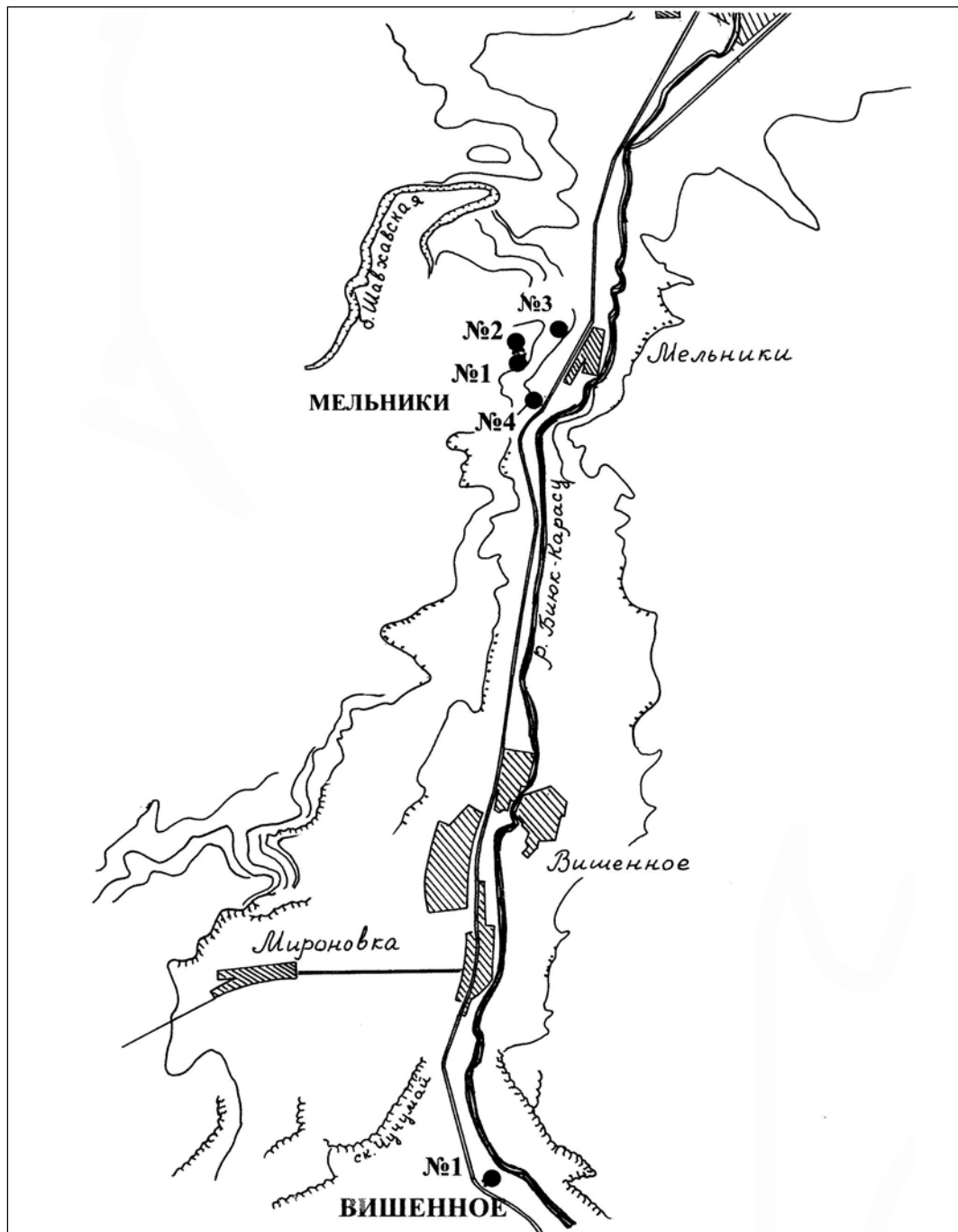

Рис. 1. Карта-схема расположения курганов, исследованных в 2001-2002 гг. в долине р. Биюк-Карасу.

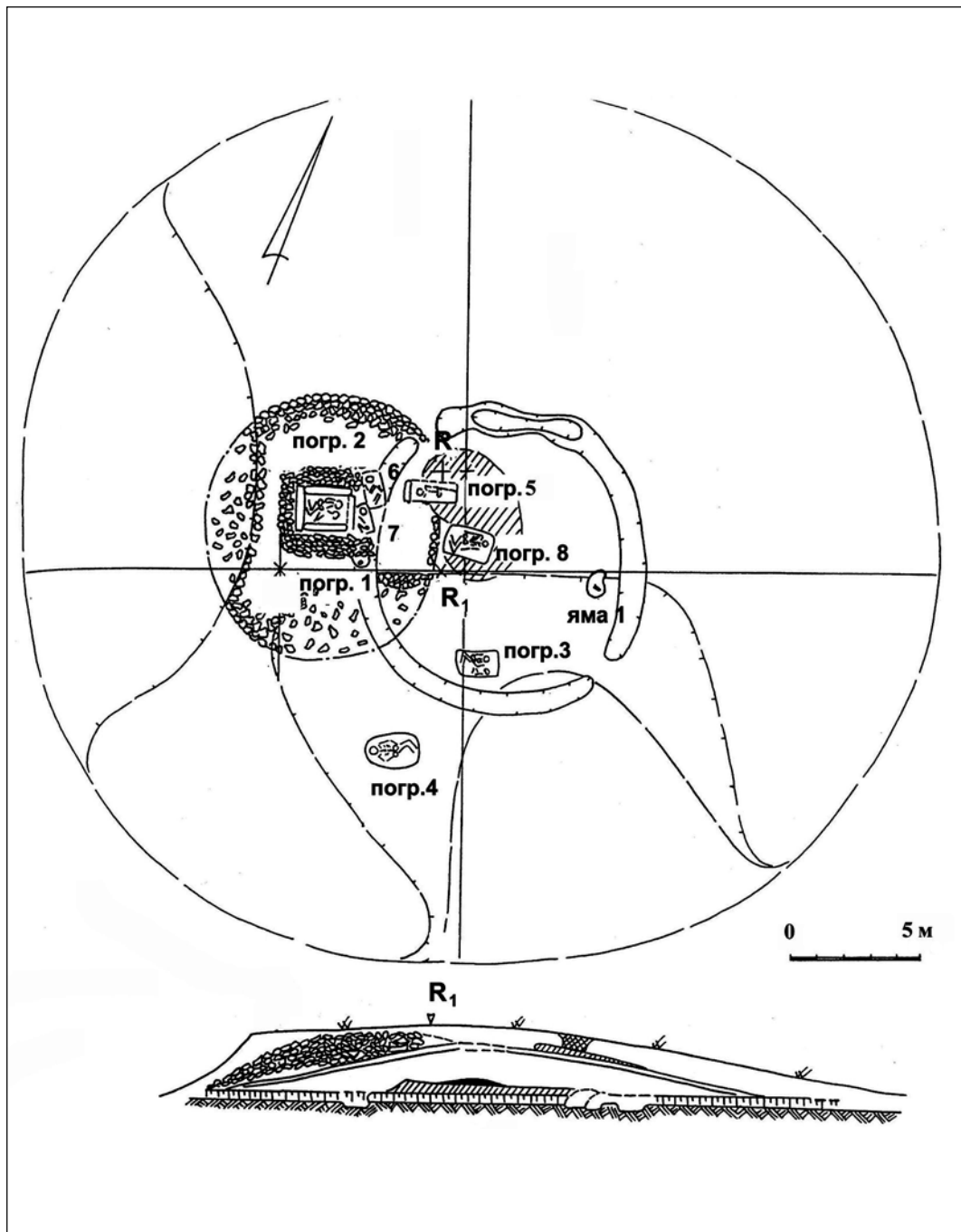

Рис. 2. Вишенное, курган 1. План и стратиграфия.

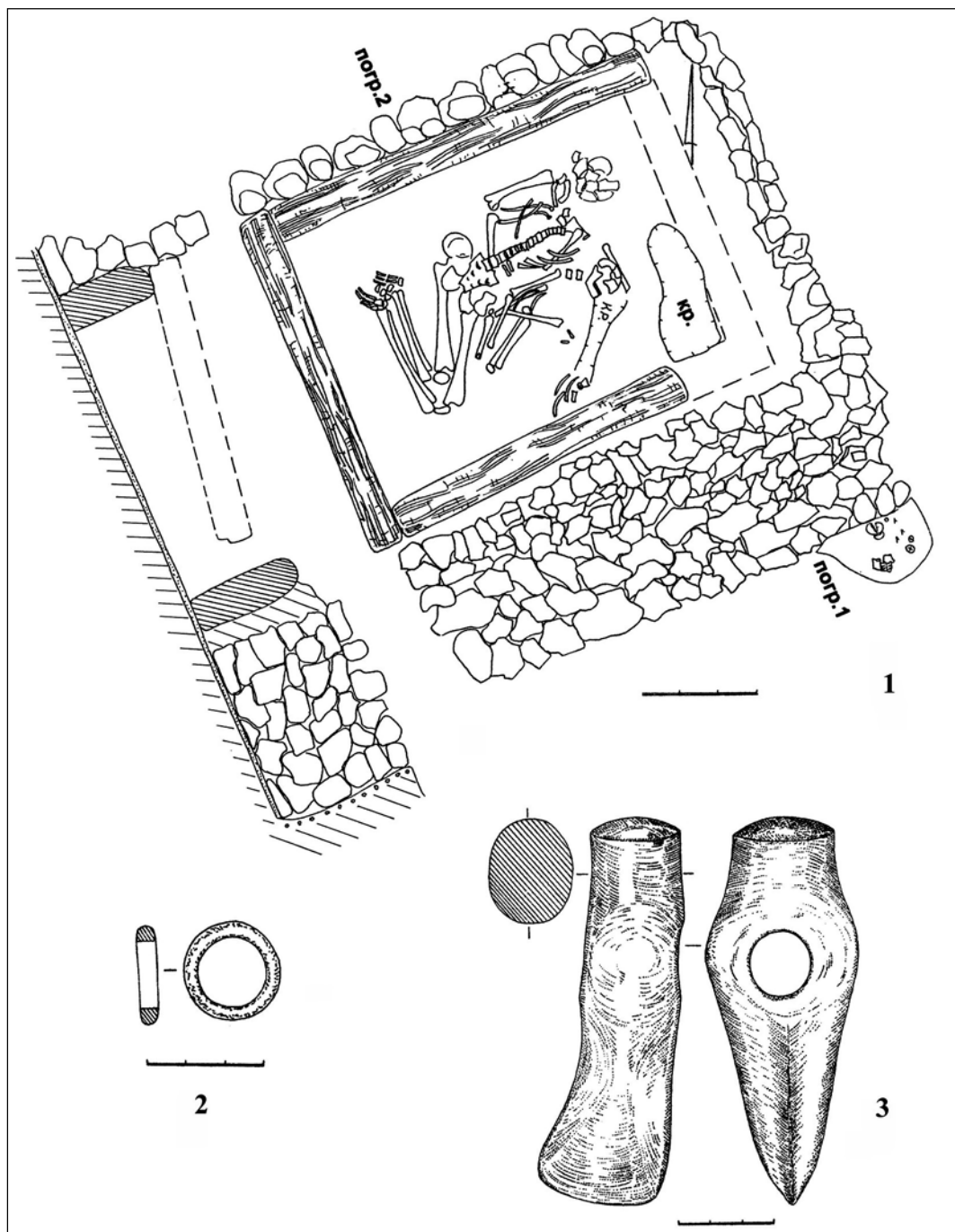

Рис. 3. Вишенное, курган 1, погребения 1 и 2. 1 – план и разрез. Инвентарь погребения 2: 2 – кольцо костяное; 3 – топор каменный.

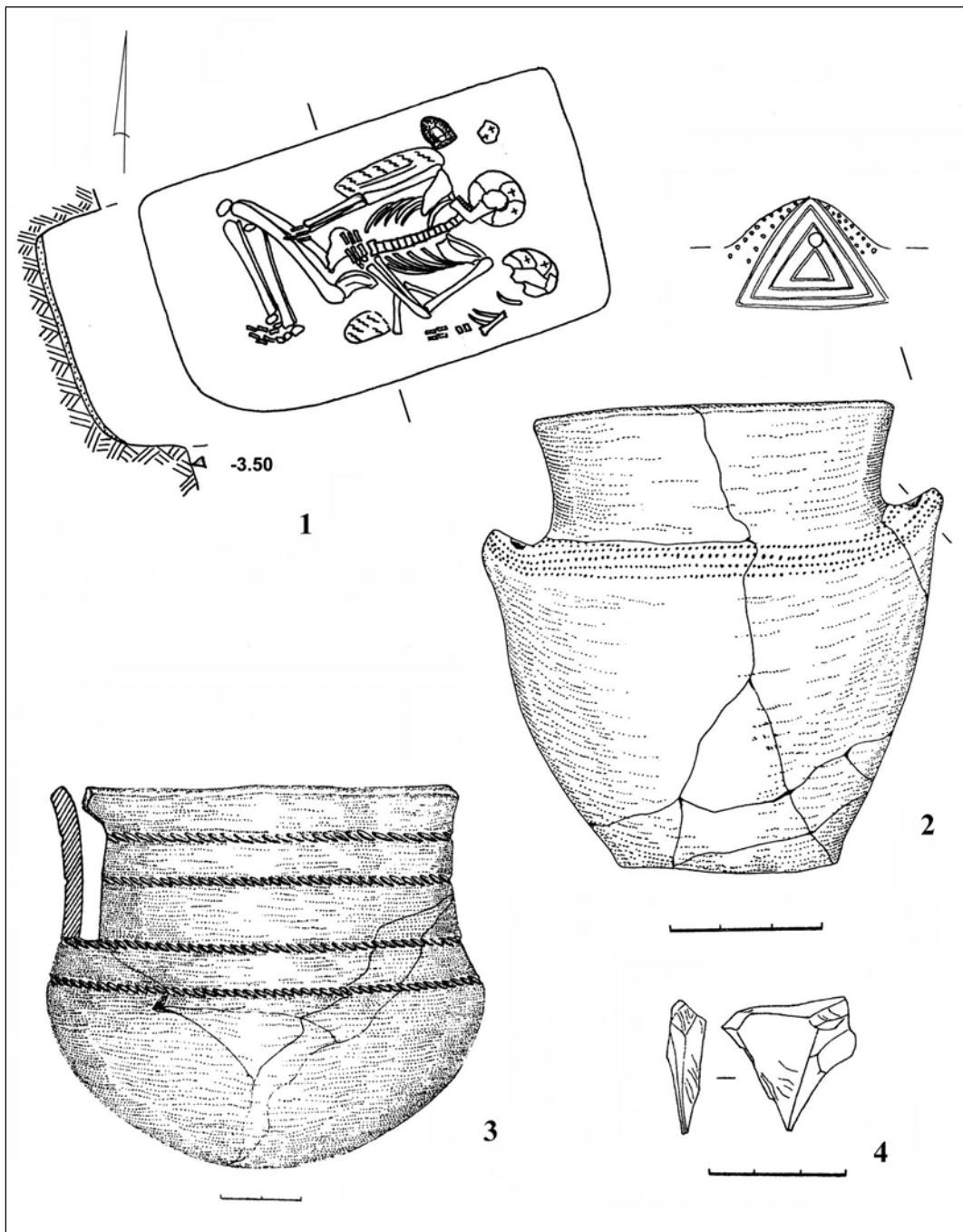

Рис. 4. Вишенное, курган 1. 1, 2 – погребение 3; 3, 4 – погребение 1.
2, 3 – лепные сосуды; 4 – кремнь.

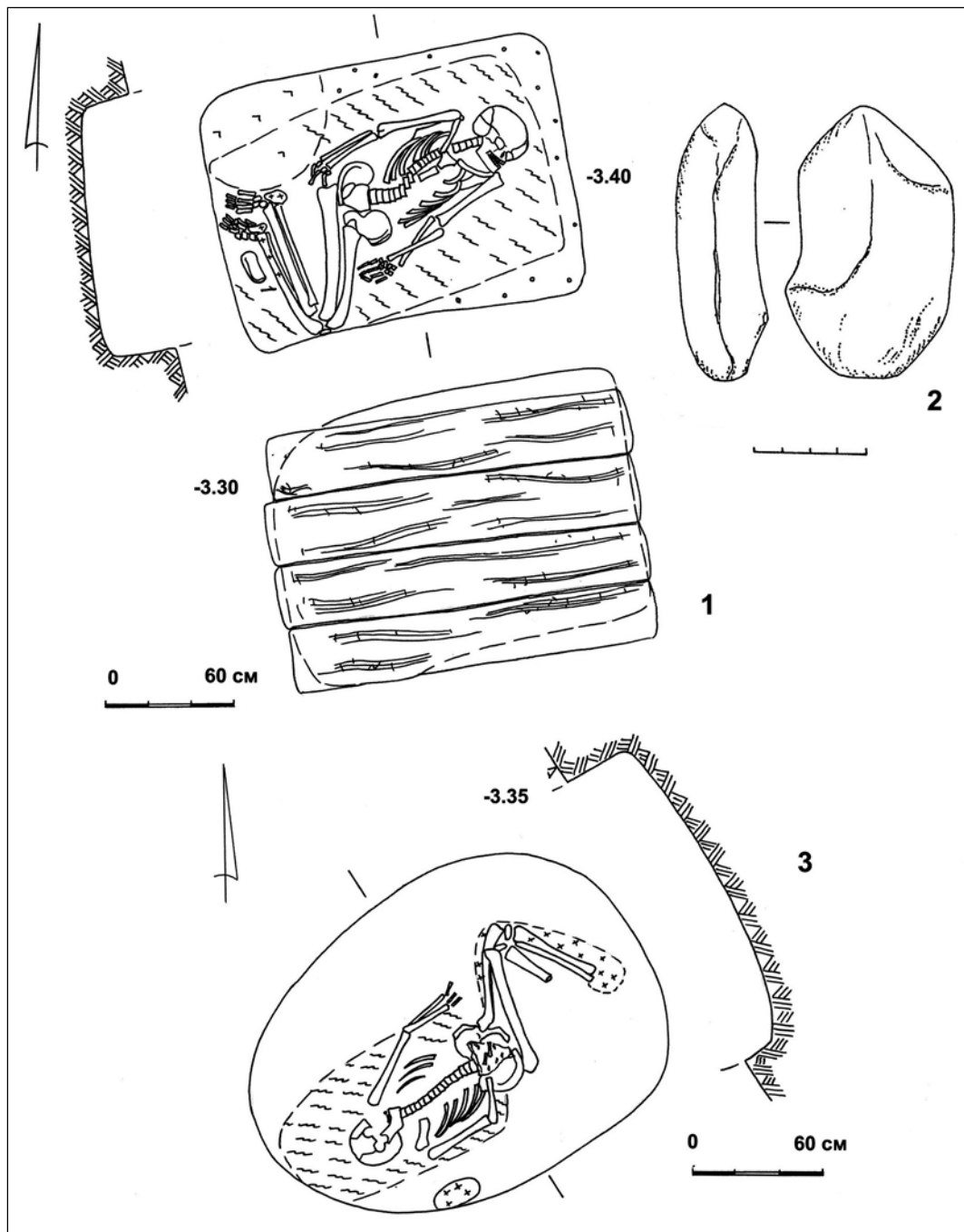

Рис. 5. Вишенное, курган 1. 1, 2 – погребение 8; 3 – погребение 4.
2 – камень.

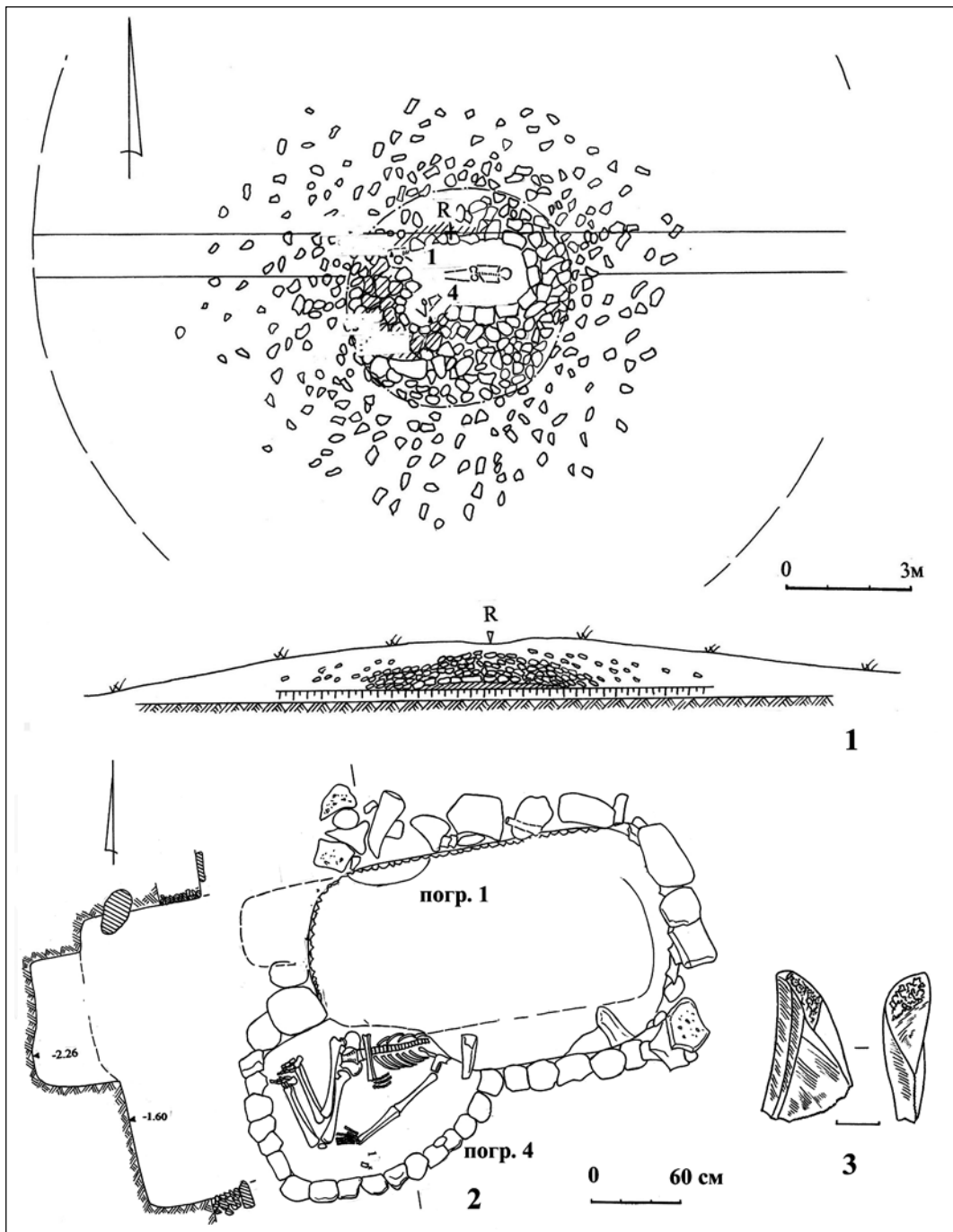

Рис. 6. Мельники, курган 1. 1 – план и стратиграфия; 2, 3 – погребение 4.
3 – кремь.

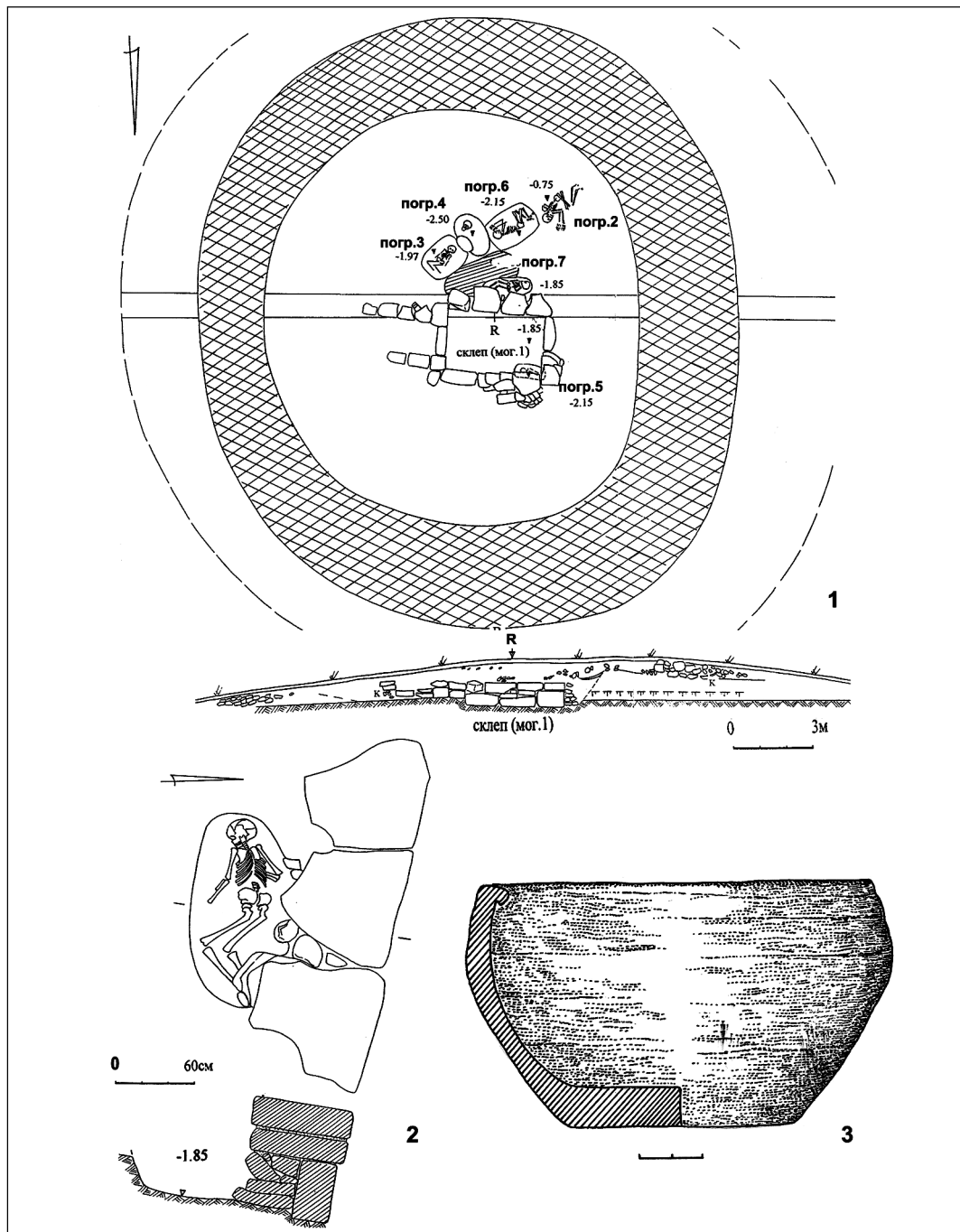

Рис. 7. Мельники, курган 4. 1 – план и стратиграфия; 2 – погребение 7. 3 – лепной сосуд из погребения 5.

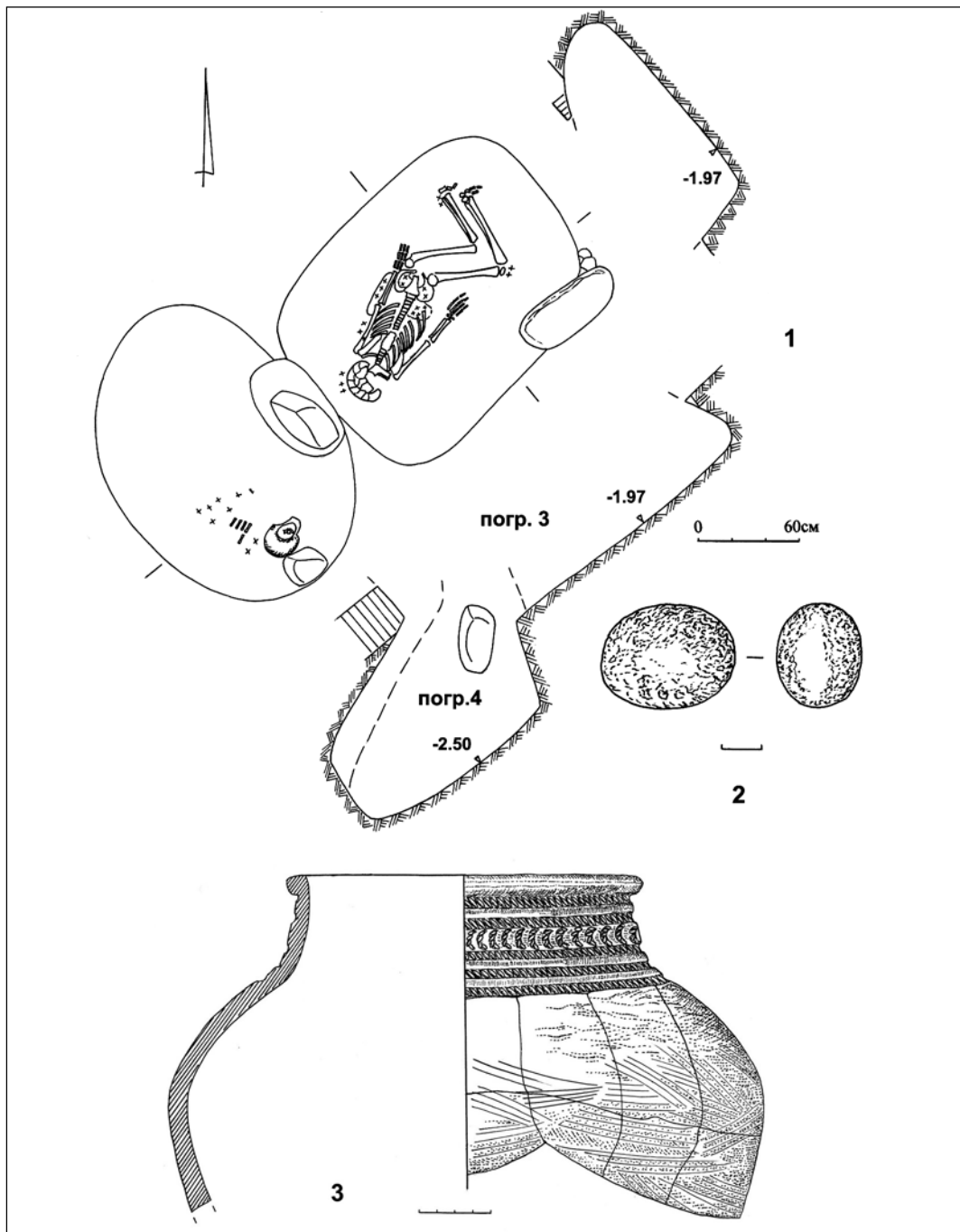

Рис. 8. Мельники, курган 4. 1 – план и разрез погребений 3 и 4.
2 – камень из погребения 3; 3 – лепной сосуд из погребения 4.

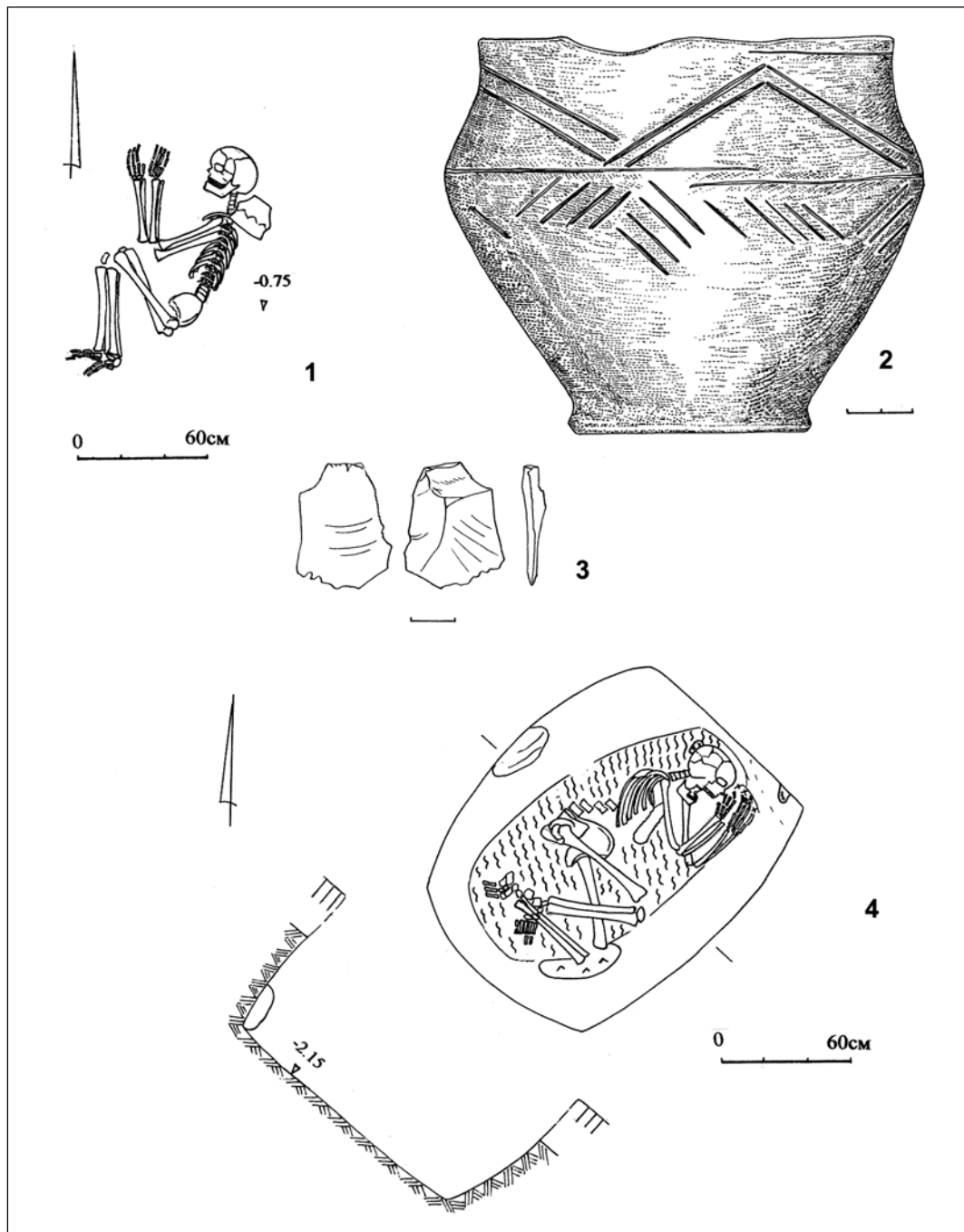

Рис. 9. Мельники, курган 4. 1-3 – погребение 2; 4 – погребение 6.
2 – лепной сосуд; 3 – кремь.

В. Г. САМОЙЛЕНКО

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРТИНЫ 19 ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ХЕРСОНЕСА В 2008 ГОДУ

Археологические исследования на куртине № 19 и башне XVI в 2008 году проводились в рамках консервационно-реставрационных работ. В процессе подготовки проектной документации планировалось исследовать состояние фундамента и археологические наслоения около стены. Для этого были заложены соответствующие шурфы и траншеи. В ходе работ возникла необходимость ослабления давления на северо-западную угловую часть куртины, которая просела и наклонилась в сторону перибола. Согласно проекту, было принято решение по уменьшению нагрузки, в результате чего предполагалось разобрать часть забутовки северо-западной части стены (рис. 1).

Куртина 19 представляет собой западную оборонительную линию так называемой «цитадели», расположенной в юго-восточной части Херсонеса Таврического. «Цитадель» – участок размером 42x90 м, территориально отделенный от основной оборонительной линии города и окруженный оборонительными стенами (рис. 2). Куртина 19 расположена между башнями № XVI и № XVII. Длина куртины 89 м, ширина на разных участках колеблется от 3-х до 4-х метров в зависимости от разных строительных периодов. Внешняя и внутренняя части куртины представляют собой кладку из блоков толщиной 0,3-0,7 м. Сохранившаяся высота стены от 4,7 до 6,6 м. В нижней части куртина сложена из больших хорошо обработанных камней насухо «брусковой» кладкой [1, с. 17]. Верхняя часть представляет собой ряды кордонной или квадровой кладки с бутовым заполнением на известковом растворе и добавлением цемянки. В северо-западной части куртины расположены две калитки, относящиеся к разным строительным периодам, одна из которой расположена выше другой (рис. 3).

Юго-восточный участок оборонительной системы Херсонеса Таврического открыт раскопками К.К. Косцюшко-Валюжинича в течение ряда лет, начиная с 1895 года. На протяжении 1895-1904 гг. открыты 16, 17, 18, 19 и 20

куртины оборонительных сооружений Херсонеса с прилегающими башнями. Куртина 19 частично изучена со стороны перибола в 1900 году. Раскопки показали, что основание стены построено не на скале, а на грунте в месте ее наибольшего падения. Поэтому куртина дала большую осадку и множество трещин. Поскольку стена не соединена с башней XVI и сложена из камня, привезенного из другой местности, К.К. Косцюшко-Валюжинич сделал вывод о ее строительстве во второй половине греческого периода [2, с. 1] (рис. 4). Тщательно рассмотрев этапы развития оборонительной линии на юго-восточном фланге, К.К. Косцюшко-Валюжинич отнес строительство куртины к третьему этапу расширения городской территории. По монетам и большому количеству клейм херсонесских астиномов куртина 19 датировалась III-II вв. до н. э. [2, с. 8]. В эллинистическое время через калитку в куртине осуществлялось активное движение, в результате чего угол куртины оказался сильно стесан (рис. 5). К юго-западу от куртины К.К. Косцюшко-Валюжинич произвел раскопки большого комплекса гончарных печей эллинистического периода [2, с. 1]. Комплекс позднее исследовался В.В. Борисовой в 1956 году [3, с. 20]. Остатки других гончарных печей выявлены А.Л. Гилевич раскопками 1957 года в периболе на расстоянии двадцати метров от северо-западной части куртины 19 [4, с. 27].

Через несколько лет после открытия оборонительных сооружений Юго-Восточного района, известный ученый и военный инженер А.Л. Бертье-Делагард провел обследование всей оборонительной системы Херсонеса. Автор отметил, что первоначально юго-восточную часть Херсонеса защищали башни XIII, XIV, XV, XVI и XIX. Весь участок, расположенный далее к югу, представляющий собой неправильный четырехугольник с башнями XVII и XVIII, пристроен позднее [5, с. 91]. Башня XVII (Зинона) вначале являлась самостоятельным сооружением, и только позднее ее соединили куртиной 19 с башней XVI [5, с. 99]. А.Л. Бертье-Делагард посчитал невозможным датировать куртину по монетам и клеймам, найденным при раскопках. О датировке нижнего яруса куртины, по его мнению, нужно судить по арочному проему калитки, при возведении которой использовались технические приемы, характерные для римской строительной техники. Исходя из этого, калитка могла появиться не позднее первой половины I в. до н. э. [5, с. 153]. Калитка в куртине 19 была исключительно боевого назначения и не использовалась для обыкновенного прохода в город [5, с. 122].

После смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1907 году раскопки в юго-восточной части Херсонеса продолжил новый заведующий музеем Р.Х. Лепер. В 1910 г. он раскрыл ядро башни «Зинона» первого строительного периода и выявил, что башня составляет одно целое с 19 куртиной и второй стеной 20 куртины [6, с. 72].

В 1928 году К.Э. Гриневич исследовал участок около куртины 19 со стороны

«цитадели». Проведенные в 1927-1928 гг. раскопки позволили сделать предположение о застройке этого района не ранее конца IV – начала III вв. до н. э. С тыльной стороны куртины 19, недалеко от арочного хода, был открыт фрагмент кладки, представляющий собой продолжение «древнейшей» стены, исследованной К.Э. Гриневичем около куртины 16. Стена датировалась VI–V вв. до н. э. [7, с. 60]. В результате автор сделал вывод о существовании в портовом районе архаического ионийского поселения [7, с. 64]. Нижний ярус куртины 19 с калиткой, по аналогии со стенами Магнесии, датировались более поздним временем, а именно II в. до н. э. [7, с. 63].

Фортификация Херсонеса Таврического средневекового периода изучалась А.Л. Якобсоном. В северо-западной части куртины 19 выделены два строительных этапа этого времени. Кордонная кладка с забутовкой в северо-западной части куртины датировалась концом V в., а расположенная южнее квадратная кладка – VI в. В обоих строительных ярусах забутовка выполнена на известковом растворе с добавлением цемьянки [8, с. 96].

Позднее работы по изучению оборонительных сооружений Юго-Восточного района продолжили С.Ф. Стржелецкий и А.Н. Щеглов. По мнению С.Ф. Стржелецкого, строительство куртины 19 произошло не ранее начала III и не позднее начала II вв. до н. э. [9, с. 25]. А.Н. Щеглов определил дату начала строительства ранних укреплений «цитадели» первыми десятилетиями II в. до н. э. [10, с. 131].

Большую работу по изучению оборонительных сооружений Юго-Восточного района Херсонеса провела И.А. Антонова. Автор предположила, что до постройки стен и башен «цитадели» этот участок занимал некрополь эллинистического периода [11, с. 119]. «Цитадель» предназначалась для защиты военной гавани. С постройкой куртины 19, создав сильновогнутую дугу и выдвинув на ее фланги мощные башни, значительно улучшились тактические качества защитной линии Херсонеса [11, с. 118]. Автор выделяет несколько строительных периодов куртины 19. Стена первого строительного периода трехслойная, двухлицевая, имеет забутовку на глине и облицована относительно небольшими прямоугольными блоками в системе однорядной орфостатной сложной кладки. Датировалась серединой – концом III в. до н. э. В северо-западной части куртины кладку первого строительного периода перекрывают три ряда крупных блоков мшанкового известняка, положенных в системе двурядной орфостатной сложной кладки. Забутовка стены произведена на известковом растворе, но нижний ряд блоков прикрывает также и глинистую забутовку первоначальной стены. Это повышение высоты стены относится к VI в. [11, с. 121, 128]. Два ряда бутовых камней к югу от западного угла куртины и однорядная орфостатная простая кладка представляют собой третий строительный период, датируемый IX–X вв. [11, с. 121]. На южной половине куртины этот строительный период сопровождался значительным увеличением высоты. Это повышение

было обусловлено расширением перибола около башни XVII до 20 м, в результате чего основание стены было увеличено до 3,5 м [11, с. 121]. В X в. в южной части куртины с тыльной стороны возведена новая стена с целью ее укрепления и предотвращения опрокидывания под давлением насыпного грунта в периболе [11, с. 123]. Вторая (верхняя) калитка куртины 19 около башни XVI датируется IX–X вв. [11, с. 122].

М.И. Золотарев и Е.Я. Туровский связали время возникновения укреплений «цитадели» со временем разрушения сельских усадеб на хоре Херсонеса во второй четверти III в. до н. э. [12, с. 83].

Недавно А.В. Буйских вернулась к рассмотрению материала, который был получен И.А. Антоновой в ходе раскопок заполнения между первой и второй стенами 20 куртины. Указав на более раннюю датировку херсонесских керамических клейм из раскопок, автор все же оставила без изменений установленную И.А. Антоновой начальную дату строительства первых оборонительных сооружений «цитадели» [13, с. 69].

Первый этап работ 2008 года представлял собой археологические, геологические, гидрологические и физико-магнитные исследования. Для этого были сделаны 4 скважины и установлен уровень залегания скалы около стены в периболе. Выяснено, что мощность археологических наслоений около башни XVI и северо-западного угла куртины 19 со стороны перибола доходит до 2,3 м. В рамках гидрологического исследования заложены шурфы и траншеи в указанных специалистами-гидротехниками местах (рис. 6).

Раскопки показали, что куртина с напольной стороны не имеет характерного для строительной техники эллинистического периода специального каменного основания (фундамента). Фронтальная часть кладки залегает прямо на плотном слое, состоящем преимущественно из фрагментов херсонесской керамики, золы, известняковой крошки и морского песка. Уровень залегания археологических наслоений под лицевой частью стены колеблется от 0,7 до 2,0 м и более, следуя падающему уровню скалы к северо-западу (рис. 7). В ходе работ было установлено, что открытые слои образовались в результате деятельности гончарной мастерской. Под ними залегали три слоя известнякового отеса. Каждый слой отеса хорошо уплотнен и являлся отсыпкой грунта при выборке скалы для устройства печей и инфраструктуры располагающегося выше Керамика. Между слоями встречены фрагменты бракованной и битой херсонесской керамики, перемешанной с линзовидными пятнами золы. Под слоями отеса прослежены три слоя античной дороги и нивелировочная насыпь под ней. Находки керамического материала из слоев под основанием стены представляют собой брак, фрагменты амфор, кувшинов и мисок херсонесского производства, встречены единичные фрагменты амфор Синопы, Гераклеи, Пепарета и Фасоса. Анализу керамического материала из слоев деятельности мастерской предполагается

посвятить отдельную статью. Особое внимание хочется обратить на встреченные среди отвалов деятельности гончарной мастерской фрагменты амфор пифоидного типа, первоначально относимые к продукции «боспорских» или «пантикапейских» мастерских [14, с. 94, табл. XVII,б,г]. С.Ю. Монахов до недавнего времени относил их производство к продукции Херсонеса и выделил в тип IA [15, с. 46, табл. I-XII]. В работе, посвященной исследованию Александропольского кургана, С.В. Полин и М.Н. Дараган датируют такой тип сосудов не позднее третьей четверти IV в. до н. э. [16, с. 191-209]. Недавно был сделан доклад С.Ю. Монахова и Е.В. Кузнецовой, в котором авторы исключили их «пантикапейское» или «херсонесское» происхождение и отнесли к продукции неустановленных центров в Пропонтиде или Северной Эгеиде середины – третьей четверти IV в. до н. э. [17, с. 159-160].

Работами 2008 года под куртиной 19 в открытых слоях I и III встречены четыре ножки, ручки и фрагменты стенок амфор варианта IA-2 херсонесского производства [15, с. 49] или выделенных, на данный момент, во вторую морфологическую серию неопределенного центра 17, с. 159]. Три ножки красноглиняные, без ангоба, плотного теста с незначительными включениями песка, пироксена и большого количества мелких и средних белых известковых частиц (рис. 8,9). Характер теста и факт нахождения фрагментов амфор среди выбросов керамического производства, в которых практически отсутствует примесь из других производственных центров, позволяет утверждать, что какая-то часть амфор такого типа все же производилась в Херсонесе. Кроме того, некоторые из доньев, стенки, ручки имеют характерный красный цвет и пальцевую отметку в основании ручки, представляя собой прямые аналогии амфоре из погребения № 16 раскопок 1937 года из северного некрополя Херсонеса. Среди других керамических находок встречена фрагментированная форма для изготовления терракоты (рис. 8,11), хорошо представлены фрагменты херсонесских кувшинов (рис. 9,9-11), венцы II типа (рис. 9,1,4-5) и ножки II типа херсонесских амфор (рис. 8,1,2,6,7; 9,3,6-8), датирующихся концом IV – началом III вв. до н. э. [15, с. 72]. Из слоя также извлечены фрагменты херсонесских амфор с ножками III типа [15, с. 73, табл. XXIV,48] и IV типа конца IV – начала второй трети III вв. до н.э. (рис. 9,2) [15, с. 73]. К продукции мастерской относятся многочисленные стенки херсонесских мисок с загнутым внутрь краем или клювовидным венцом. Встречены образцы чернолаковой посуды, видимо, местного производства. Находки керамического материала из слоев отеса представлены фрагментами фасосской амфоры коническо-биконического типа биконического варианта развитой биконической серии II-B-1 70-30-х гг. IV в. до н. э. (рис. 10,3) [18, табл. 43,3], амфоры Пепарета солохинского варианта I-A S IV в. до н. э. (рис. 10,1) [18, табл. 68,4], амфоры Гераклеи II типа вариант II-2 70-30-х гг. IV в. до н. э. (рис. 10,2) [18, табл. 94,3], амфоры Книда с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом варианта

I-В (геленджикский) середины – третьей четверти IV в. до н. э. (рис. 10,4) [18, табл. 71,5].

В слоях деятельности гончарной мастерской обнаружено 7 ручек синопских амфор с керамическими клеймами, 26 фрагментов керамических клейм херсонесских астиномов и фабрикантских клейм первой – начала второй групп, используя хронологию В.И. Каца (табл. I) (рис. 23-27). На поверхности верхнего слоя дороги обнаружена ручка синопской амфоры с клеймом, предварительно восстановленным как [ΑΣΤΥ] ΝΟΜΟΥΝΤΟΣ [ΜΑΝΤΙΘ]ΕΟΣ голова Гермеса вправо, датированным 354 г. до н. э. [41, с. 45] или 30-20-ми гг. IV в. до н. э. [20, с. 267]¹.

Находки керамического материала в шурфе II из слоя под дорогой (на скале) представлены фрагментами синопской амфоры типа I, варианта II-D середины IV – середины III вв. до н. э. (рис. 11,5) [18, табл. 102,5], гераклейской амфоры типа I-A-1 конца 70-х гг. IV в. до н. э. (рис. 11,7) [18, табл. 90,1], гераклейской амфоры типа II-1 конца 70-х – середины 60-х гг. IV в. до н. э. (рис. 11,4) [18, табл. 94,1], гераклейской амфоры пифоидного типа варианта I-4 90-х – середины 70-х гг. IV в. до н. э. (рис. 11,2) [18, табл. 88,5], книдской амфоры с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом варианта I-A первой четверти IV в. до н. э. (рис. 11,3) [18, табл. 77,1], амфоры Менды варианта II-C 70-х – начала последней четверти IV в. до н. э. (рис. 11,6) [18, табл. 64,6], аттических тарелок с концентрическими кругами лака на основании. На поверхности одного из них оттиснут орнамент в виде ов в круге и радиальными линиями по краю, датирующийся второй четвертью – концом IV в. до н. э. (рис. 11,8-10,12) [21, с. 34]. Фрагмент ручки краснофигурного кратера с остатками пальметт относится к середине IV в. до н. э. (рис. 11,11) [22, с. 114, № 108]. В слое найдена ручка фасосской амфоры с клеймом в виде льва с повернутой назад головой VII хронологической группы по Ю.Г. Виноградову [23, прил. 7].

В шурфе VI из слоя под дорогой найдены фрагменты горла синопской амфоры варианта I-A первой – начала второй четверти IV в. до н. э. (рис. 12,2) [15, с. 168] и варианта II-D второй четверти IV – середины III вв. до н. э. (рис. 12,3) [15, с. 178]; фрагмент дна чаши аттического типа середины – третьей четверти IV в. до н. э. (рис. 12,4) [21, с. 209, рис. 11,148]. Из слоя отеса X происходят фрагменты венца пепаретской амфоры солохинского варианта первой половины IV в. до н.э. (рис. 12,5) [18, с. 298, табл. 68,3]; книдской амфоры с грибовидным венцом елизаветовского варианта (рис. 12,6) [18, с. 301, табл. 71,2]; ручек чернолакового и краснофигурного кубков с остатками пальметт. Последний может быть датирован серединой IV в. до н. э. (рис. 12,7-8) [22, с. 114, № 108]. Фрагмент аттической тарелки с овами и пальметтами между

¹ Выражаю благодарность Е.Я. Туровскому за помощь в определении клейма.

двух кругов датируется серединой IV в. до н. э. (рис. 12,9) [21, с. 30, 34]. Кроме того, в шурфе VI под слоем дороги найден дилептон херсонесского чекана. На лицевой стороне голова быка в фас, украшенная гирляндой. Серия таких монет датируется второй четвертью IV в. до н. э. [24, с. 135, табл. I,9-12] или 80-ми гг. IV в. до н. э. [25, с. 122]. Там же найдены две лепты херсонесского чекана с изображением головы льва вправо на лицевой и звездой на обратной стороне, датированные разными исследователями 80-ми гг. IV в. до н. э. [25, с. 122], около середины IV в. до н. э. [24, с. 136, табл. II,27-30] или третьей четвертью IV в. до н. э. [26, с. 225].

Раскоп со стороны «цитадели» разбит на участке, исследованном К.Э. Гриневичем в 1928 году. Заполнение состояло из двух последовательных насыпей, в которых встречен материал XX столетия (рис. 13). В результате исследований нами было отмечено неравномерное залегание фундамента с напольной и тыльной стороны куртины. В северо-восточной части, около арочного хода в «цитадель», куртина 19 опирается на стену предшествующей постройки, имеющей несколько иное северо-восточное направление. Удалось проследить более 5 рядов каменной кладки из хорошо обработанных с лицевой стороны блоков известняка. Размеры блоков неравномерны, в среднем около 0,2x0,4 м. На расстоянии 32,5 м от арочного хода в «цитадель», с тыльной стороны куртины 19, располагается вертикальный шов в кладке. На эти технические особенности обратил внимание еще К.Э. Гриневич [6, с. 128], однако в отчете 1928 года об этих конструктивных особенностях стены ничего не сообщается. На сегодняшний момент высота вертикального шва составляет 2,2 м от современной дневной поверхности. Шов перекрывается кладкой фундаментного ряда строительного периода раннесредневекового времени. Кладка стены в разных частях не соответствует по типу и высоте рядов. В результате обследования оказалось, что кладка стены имеет продолжение на глубину более 1,5 м и опирается на скальную поверхность. По мере заглубления шов в стене из вертикального переходит в ступенчатый, опускаясь в сторону арочного прохода калитки около башни XVI. Таким образом нами было выяснено, что часть стены, расположенная справа, построена позднее на основании частично разобранный стены более раннего времени. Полная прослеженная раскопом высота раннего участка куртины 19 составляет 3,7 м (рис. 14). Стена в юго-западной части шурфа опирается на скалу. Полученная в результате раскопок информация и общие технические особенности обеих частей куртины позволили нам сделать предположение о расположении под существующим нижним строительным ярусом куртины 19 стены раннего времени, выделив его в первый строительный период.

В ходе работ по ослаблению давления куртины на нестабильные участки кладки было принято решение разобрать верхнюю часть забутовки на протяжении 16 метров, начиная от арочного прохода около башни XVI.

Выборку предполагалось производить сверху вниз до уровня забутовки эллинистического строительного периода. Северо-западная верхняя часть куртины сложена кладкой «кордон на ребро, плита на образец». Кладка прослежена на расстоянии 8 м, начиная от арочного прохода около башни XVI (рис. 15). Забутовка сплошная, состоит из рваного известнякового камня, скрепленного известковым раствором с добавлением цемьянки. В забутовке найдены фрагменты архитектурных деталей эллинистического и римского периодов, керамика III–V вв. Из заполнения стены извлечены фрагменты горла красноглиняной ангобированной амфоры с желобчатым корпусом, датированной в пределах V–VII вв. (рис. 16, 1) [27, с. 34]; венца амфоры тип 76 (по Зеест) II–III вв. (рис. 16, 2) [14, табл. XXXII, 76]; венца амфоры типа 3 (рис. 16, 3) [28, р. 62, fig. 22, 6], датированной IV–VII вв. или Keay XL – 425 г. – концом V века [29, fig. 34].

По керамическому материалу и техническим особенностям (частично перекрывается кладкой стены VI в.) рассматриваемый строительный период не выходит за пределы V в. Кладка опирается непосредственно на кладку и забутовку стены эллинистического периода, верхний ряд которой также сложен в технике «кордон на ребро, плита на образец».

С юго-восточной стороны к кладке стены V в. вплотную примыкает и частично перекрывает бутовый фундамент стены раннесредневекового времени. Строительство этого яруса произошло после значительного повышения уровня дневной поверхности перибола. Фундамент состоит из трех рядов кладки, сложенных из крупных необработанных блоков известняка и скрепленных известковым раствором с добавлением цемьянки. На месте соединения кладок прослеживается характерный вертикальный шов. Основная кладка стены двухлицевая, трехслойная. Лицевые блоки неравномерны, часто обработаны только с внешней стороны или вторичного использования. В верхней части кладки на высоту 1-1,2 м лицевые блоки не сохранились. Сплошная забутовка состоит из рваного известнякового камня, фрагментов архитектурных деталей эллинистического и римского периодов, керамики от периода эллинизма до конца VI – первой половины VII вв. Из слоя забутовки происходит монета императора Льва I, датированная 457-474 гг. [30, р. 369, п. 4339]. Там же найдены фрагменты мраморных надгробий римского периода с изображением рельефного портрета юноши в стилизованном храме (рис. 17, 1) и женское, с изображением цветка лотоса (рис. 17, 2). Из фундамента кладки происходит фрагмент известнякового надгробия IV–III вв. до н. э. (рис. 17, 3) и надгробия со схематичным изображением человеческого лица (рис. 17, 4). Из второго ряда фундамента извлечена монета императора Юстиниана I [24, с. 156-157, табл. XXII, 311-314]. Из забутовки происходят фрагменты узкогорлой светлоглиняной амфоры типа F (рис. 18, 1) [14, с. 122, табл. XLI]; амфоры класса 12, типа 2 начала VI – первой половины VII вв. (рис. 18, 2) [31, табл. 12, рис. 61]; амфоры класса 12, типа 1 второй четверти VI – первой половины VII вв.

(рис. 18,3) [31, табл. 12, рис. 55]; амфор класса 12, датированных началом VI – серединой VII вв. (рис. 18,4-5) [31, табл. 12, рис. 55] и амфоры класса 4, датированной концом VI – началом VII вв. (рис. 18,6) [31, табл. 7, рис. 33].

По керамическому материалу и монетам этот строительный период куртины 19 надежно датируется в пределах второй половины VI – первой половины VII вв.

Под кладкой строительного яруса V века сохранился ряд кладки, выполненной также в технике «кордон на ребро, плита на образок». Все пространство между лицевыми блоками и арочным проемом калитки было заполнено исключительно фрагментами архитектурных деталей и надгробий IV–III вв. до н. э. (рис. 19). С целью дальнейшего выявления архитектурных фрагментов и исследования забутовки стены на расстоянии 2,5 м от лицевой части с арочным проходом был заложен шурф размером 1,8х3,0 м в забутовке эллинистического периода. Размеры шурфа обусловлены особенностями кладки внутренней части куртины и крупными камнями забутовки. Шурф прошел через всю толщу забутовки стены эллинистического периода. Максимальная глубина шурфа составила 3,4 м. В заполнении стены обнаружен незначительный керамический материал, состоящий из фрагментов херсонесских амфор с венцами II типа, датирующихся концом IV – началом III вв. до н. э. (рис. 20,1-2) [15, с. 71], ножек херсонесских амфор II типа, датирующихся тем же временем (рис. 20,3-5) [15, с. 72]. Найден фрагмент стенки и ручки классического чернолакового канфара с каннелюрами первой четверти III в. до н. э. (рис. 20,8) [21, с. 87, № 35] и фрагмент ножки классического чернолакового канфара (рис. 20,9) [21, с. 84, № 16]. Из забутовки происходят фрагменты дна аттической тарелки середины – конца IV в. до н. э. (рис. 20,10) [21, с. 32], мисок, стенок херсонесских кувшинов с красными полосами на тулове, чернолаковой стенки тарелки, чернолаковых стенок канфара и двух фрагментов ручек херсонесских амфор с клеймами астиномов ΑΘΑΝΑΙΟ[Υ] ΕΙΣΕΜΠΟ[ΡΙΟΝ] и ΠΑ[Ι]ΚΙΩΝ[Ο]Σ [Α]CΤΥΝ[Ο]ΜΟΥ первой четверти III в. до н. э. [20, с. 302]. Кроме того, в забутовке найдены фрагменты погребальной архитектуры эллинистического периода, которые по своей форме или размерам не могли быть использованы в лицевой кладке куртины. Под основанием куртины были открыты слои деятельности керамической мастерской и существования дороги, аналогичные по составу, материалу и стратиграфии залегания слоям со стороны перибола (рис. 21). Из слоя под основанием стены происходит ручка амфоры с фрагментированным клеймом херсонесского астинома ΑΓΑΣΙΚΛΕΟ[Υ]C [Α]CΤΥΝ[Ο]ΜΟΥ первой четверти III в. до н. э. [20, с. 303].

В основании стены, под слоями, образовавшимися в результате деятельности керамической мастерской, открыты часть лицевой кладки и забутовка стены первого строительного периода куртины 19. Ширина открытой стены 1,65-1,7 м. По характеру кладка двухлицевая трехслойная с забутовкой на глине. Панцирные блоки хорошо обработаны только с внешней стороны.

Ширина блоков лицевой кладки 0,45-0,5 м, внутренней – 0,3-0,35 м (рис. 22). С северной стороны шурфа расчищены два блока тыльной стороны куртины 19 первого строительного периода. На поверхности забутовки найдена ножка гераклеийской амфоры конического типа варианта II-2 50-40-х гг. IV в. до н. э. [18, табл. 94,2]. Небольшой шурф вдоль лицевой части стены первого строительного периода доведен до слоев отеса и песчаного слоя античной дороги, прослеженной нами со стороны перибола.

Таким образом на исследуемом в 2008 году участке перибола около северо-западной части куртины 19 выявлены слои с материалом середины V – конца первой четверти III вв. до н. э., античная дорога и отвалы, связанные с деятельностью гончарной мастерской. В фортификационном строительстве куртины 19 выделяются четыре строительных периода.

Стена первого строительного периода прослежена со стороны «цитадели» на протяжении почти 50 м. Она практически повторяет направление существующей куртины 19 с небольшим отклонением к северо-востоку. Максимальная высота сохранившейся кладки составляет 3,7 м. На одинаковой высоте на определенном расстоянии располагаются пазы, вырубленные в лицевых блоках тыльной стороны кладки. Расстояние между ними 1,8-2,0 м. Пазы прямоугольной формы шириной 0,09 м уходят в толщу забутовки стены. Они использовались для укладки бревен и скрепления лицевых частей стен. Использование такого строительного приема при строительстве оборонительных стен описано у Витрувия: «...сквозь всю толщу стен должно как можно чаще закладывать брусья из обожженного масличного дерева, чтобы стена, связанная с обеих сторон этими брусьями, как скрепами, навеки сохраняла свою прочность... и все те их стены, которые должны строиться в толщину городских, будучи скреплены таким образом, не скоро подвергнутся разрушению» [32, Гл. 5/3]. Первый строительный период куртины 19 надежно датируется по перекрывающим ее слоям деятельности гончарной мастерской и античной дорогой, примыкающей к лицевой кладке стены со стороны перибола. Дорога перекрывает нивелировочные слои с материалом V – середины IV вв. до н. э. Учитывая значительную высоту сохранившихся частей куртины, их ширину и ряд других технических особенностей, по-нашему мнению, стена выполняла функции исключительно оборонительного назначения (рис. 28). Продолжаясь на юг, она соединялась с открытой Р.Х. Лепером первой стеной 20 куртины, формируя часть оборонительной линии середины IV в. до н. э. Эта линия могла иметь продолжение на участке западного, затопленного морем, рукава Карантинной бухты. Аналогичная по конструкции оборонительная стена Керкинитиды датирована серединой IV в. до н. э. [33, с. 145], а цокольные части оборонительных стен Калос-Лимена – концом IV – началом III вв. до н. э. [34, с. 37]. В отличие от стен Калос-Лимена, мы предполагаем полностью каменную конструкцию стены первого строительного

периода куртины 19 и относим ее к участку ранней оборонительной линии Херсонеса середины IV в. до н. э., не связывая со строительством укреплений «цитадели» конца первой четверти III в. до н. э. В последней четверти IV в. до н. э. стена первого строительного периода куртины 19 разбирается. Об этом свидетельствует фрагментарная сохранность ранних стен. Они полностью перекрыты оборонительными стенами позднего времени. Северо-западный фрагмент куртины перекрыли слои деятельности керамической мастерской с клеймами херсонесских и синопских астиномов от конца IV до 80-70-х гг. III вв. до н.э. Хронологически ко времени разрушения первой оборонительной линии мы относим возникновение новых в плане фортификационных сооружений в пределах 16, 17, 18 куртин и башен XIV, XV, XVI и XIX, открытых К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1899-1904 гг. Новая оборонительная линия сместилась к северу и несколько изменила очертания, придав им характер вогнутой дуги. К сожалению, пока невозможно определить дальнейшее направление западной оборонительной линии Херсонеса середины IV в. до н. э. в Юго-Восточном районе. Можно предположить, что такая фортификационная линия должна была проходить несколько восточнее участка с ранним некрополем около Юго-Восточных ворот Херсонеса [35, с. 37].

При строительстве стены второго строительного периода куртины 19 в нее была включена частично разобранный стена первого строительного периода. Кроме того, произошло утолщение куртины до 3-х метров. Следы такой перестройки хорошо прослежены на расстоянии 37 метров от калитки около башни XVI со стороны «цитадели». Материалом для кладки куртины послужили фрагменты архитектурных деталей и надгробные памятники IV– III вв. до н. э., предварительно взятые, как считалось ранее, из некрополя, располагающегося на месте будущих укреплений «цитадели» [36, с. 19]. Результаты исследований 2008 года дают возможность пересмотреть это утвердившееся в историографии мнение. Могила с частично сохранившимся захоронением, открытая раскопками И.А. Антоновой перед первой стеной 20 куртины, не имеет четко установленной датировки. Предполагаемые остатки наиска расположены под второй (построенной южнее) стеной той же куртины [37, с. 27]. На основе установленной нами ранней оборонительной линии остатки предполагаемого наиска располагаются за границей городской территории середины IV в. до н. э. В процессе раскопок было определено, что куртина 19 второго строительного периода с лицевой стороны не имеет фундамента (кроме угловой части около калитки). Нижние ряды кладки уложены прямо на хорошо утрамбованные слои, образовавшиеся в результате деятельности керамической мастерской. Слои, связанные с деятельностью керамической мастерской, насыщены керамическим боем, браком, фрагментами печины и линзовидными пятнами золы. Обнаружено значительное количество херсонесских керамических клейм I хронологической группы. Следуя хронологии херсонесских

керамических клейм, разработанной В.И. Кацем, возникновение слоев, связанных с деятельностью керамических мастерских, относится к началу последней четверти IV в. до н. э. [20, с. 313]. Нижние ряды кладки куртины, уровень порога калитки около башни XVI и стратиграфия слоев позволяют сделать вывод о том, что при устройстве оборонительной стены не производилась значительная выемка грунта под основание. Нижние ряды кладки, следуя существовавшему рельефу местности, ступенчато опускались на один ряд в сторону башни XVI. В верхней части куртины использована техника кладки «кордон на ребро, плита на образец». Использование такого строительного приема, по-нашему мнению, обусловлено рядом факторов. В первую очередь простотой строительства, что выражается в удешевлении материалов и скорости строительных работ. С другой стороны, техническими особенностями куртины, которая с напольной стороны не имела четко сформированного фундамента и потому не могла выдерживать значительных нагрузок. Датированным фактором для времени устройства куртины 19 второго строительного периода служат керамика, керамические клейма с именами херсонесских и синопских астиномов, обнаруженные в слое под основанием стены и в забутовке куртины. Строительство куртины 19 второго строительного периода произошло в пределах 80-70-х гг. III в. до н. э. Керамический материал из заполнения куртины не выходит за пределы первой четверти III в. до н. э. К этому строительному периоду мы относим организацию оборонительных сооружений «цитадели» в пределах нижнего яруса 19 куртины, второй стены 20 куртины и башни «Зинона». Раскопками С.Ф. Стржелецкого из забутовки нижнего яруса башни «Зинона» обнаружены два клейма [38, с. 37]. Штамп херсонесского фабриканта ПА, встречающийся с клеймами магистратов первой хронологической группы подгруппы Б 315-300 гг. до н. э. [39, с. 50, 124] и синопское ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ ΕΣΤΙΑΙΟΥ ΜΕΝΙΣΚΟΥ V М.Г., датированное 80-70-ми гг. III в. до н. э. [20, с. 435, прил. VII] или 300 г. до н. э. [40, с. 28], не противоречат установленной нами дате.

Третий строительный период куртины 19 по керамическому материалу не выходит за пределы V в. Четвертый строительный период куртины по монетам и керамическому материалу датируется в пределах второй половины VI – первой половины VII вв.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гриневич К.Э. Техника и типы кладок датированных стен античного Херсонеса // Техника обработки камня и металла. М., 1930.
2. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет за 1900 год // НА НЗХТ. Д. 9.
3. Борисова В.В. Отчет о раскопках гончарных мастерских III-II вв. до н.э. и некрополя в 1956 г. // НА НЗХТ. Д. 730.

4. Гилевич А.М. Раскопки перемычки в 1957 году // НА НЗХТ. Д. 1057.
5. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21.
6. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 2 // ХСб. 1927. Вып. 2.
7. Гриневич К.Э. Техника и типы кладок датированных стен античного Херсонеса // Техника обработки камня и металла. М., 1930.
8. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. Вып. 63.
9. Стржелецкий С.Ф. Башня Зенона. Исследования 1960-1961 гг. // СХМ. Симферополь, 1969.
10. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
11. Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. Севастополь, 1996. Вып. VII.
12. Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П.О. Коришковского. Одесса, 1990.
13. Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. 2008. Suppl. 5.
14. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
15. Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н.э. Саратов, 1989.
16. Полин С.В., Дараган М.Н. Работы на Александропольском кургане в 2008 году // SYMBOLA. 2010. Вып. 1.
17. Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV века до н.э. (бывшие «боспорские» или «раннехерсонесские») // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. 2009.
18. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.
19. Федосеев Н.Ф. Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. 1993. № 2.
20. Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма // БИ. 2007. Вып. XVIII.
21. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV-II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 2009.
22. Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы из крымских музеев. Каталог коллекции. Симферополь, 2003.
23. Виноградов Ю.Г. Керамические клейма о. Фасос // НЭ. 1972. Вып. 10.
24. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977.
25. Коваленко С.А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. 1999. Вып. 16.
26. Туровский Е.Я. Монеты из раскопок эллинистических усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // ХСб. Севастополь, 1998. Вып. IX.
27. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7.
28. Hayes J.W. The Pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol 2. Princeton, 1992.
29. Îpaît Ŗ. Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th-6th centuries AD). BAR International Series 1274. 2004.
30. Sear D.R. Roman coins and their values. London, 1988.
31. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
32. Витрувий. Об архитектуре. Десять книг. Л., 1936.
33. Кутайсов В.А. Керкинитиды. Симферополь, 1992.
34. Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь, 2006.
35. Жеребцов Е.Н. Новое о херсонесском склепе 1012 // КСИА. 1979. Вып. 159.

36. Антонова И.А. Рост территории Херсонеса (по данным оборонительных стен) // АДСВ. 1990. Вып. 25.
 37. Антонова И.А. Раскопки куртины 20 в 1970 году // НА НЗХТ. Д. 1972.
 38. Стржелецкий С.Ф. Дневник раскопок башни Зинова. 1970 // НА НЗХТ. Д. 1396(1-3).
 39. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического: Каталог-определитель. Саратов, 1994.
 40. Федосеев Н.Ф. Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. 1993. № 2.

Таблица I. Клейма из раскопок куртины 19

№ п/п	Описание	Размеры (см)	Кол-во	№ рис.	Примечания
1	ΗΡΟΚΑ ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ	Клеймо 2,0x5,5	1	25, №28	Шурф № 1 Плотный слой I. ХГ-2А286-273 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
2	ΕΠΙΕΛΡΟ[Σ] ΑΣΤΥ[ΝΟΜΟΥ] ΔΙΟΝΥΣΙΟ[Υ] Виноградная гроздь справа	Фрагмент клейма 2,5x6,0	1	23, №5	Шурф № 6 Плотный слой I. Синопа. V МГ подгруппа В 80-50-е гг. III в. до н.э. (по В.И. Кацу)
3	Фрагмент клейма фабриканта	1,5x1,0	1	25, №27	Шурф № 6 Плотный слой I. Херсонес. ХГ-2А286-273 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
4	ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΔΑ ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ	Фрагмент клейма 1,5x6,0	1	26, №38- 39	Шурф № 6 Плотный слой I. Херсонес. I ХГ подгруппа Г. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
5	Фрагмент клейма фабриканта	1,5x1,0	1	25, №26	Херсонес. Шурф ОПОРА II. Плотный слой I. ХГ-2А 286-273 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
6	Фрагмент клейма фабриканта	1,5x1,0	1	27, №41	Херсонес. Шурф ОПОРА II.

<i>№ п/п</i>	<i>Описание</i>	<i>Размеры (см)</i>	<i>Кол-во</i>	<i>№ рис.</i>	<i>Примечания</i>
					Плотный слой I. Шурф ОПОРА II-ОПОРА III.
7	ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ [ΑΡ]ΙΣΤΙΩΝ ΝΙΚΙΑΣ	Фрагмент 3,0x4,0	1	23, №1	Синопа. Плотный слой I. V МГ подгруппа С 80-50-е гг. III в. до н.э. (по В.И. Кацу)
8	Фрагмент клейма фабриканта	Фрагмент 3,0x4,0	1	26, №29	Херсонес. Плотный слой I. Под оборон. стеной. Вариант ХГ-2А 286-273 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
8а	[ΑΣ]ΤΥΝΟΜΟΥ [Ε]ΚΑΤΑΙΟΥ	Фрагмент клейма 1,0x4,5	1	26, №30	Шурф ОПОРА II-ОПОРА III. Плотный слой I. Гр. V подгр. А 80-70-е гг. III в. до н.э. (по В.И. Кацу)
9	Фрагмент клейма фабриканта и астинома. [ΝΑΝΩΝΟ]Σ [ΑΣΤΥΝΟ]ΜΟΥ	2,2x1,5 1,5x1,5	1	26, №31	Шурф ОПОРА II-ОПОРА III. Херсонес. Плотный слой I. I ХГ подгруппа В. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
10	[ΑΓΑΣΙΚΛΕΟ]С [ΑΣΤΥΝΟ]ΜΟΥ	1,5x4,0	1	25, №25	Шурф в эллинистической стене. Основание стены. Плотный слой I. I ХГ подгруппа В. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
11	[ΘΕΟΓΕΝ]ΕΙΟΣ [ΑΣΤΥ]ΝΟΜΟΥΝΤΟΣ	Фрагмент клейма 1,5x5,0 1,5x6,0	2	24, №17, 18	Херсонес. Шурф ОПОРА I Плотный слой II I ХГ подгруппа Б. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)

№ п/п	Описание	Размеры (см)	Кол-во	№ рис.	Примечания
12	[ΑΠΟΛΛ]ΩΝΙΟΥ [ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ]	1,5x3,0	1	27, №40	Херсонес. Шурф ОПОРА II. Плотный слой II. I ХГ подгруппа Б. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
13	[ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ] [ΑΣΤΥΝ]ΟΜΟΥΝΤΟΣ	Фрагмент клейма 1,5x5,0	1	24, №19	Херсонес. Шурф ОПОРА I- ОПОРА II. Плотный слой II I ХГ подгруппа Б. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
14	[ΔΑΜΟΤΕΛ]ΕΙΟΣ [ΑΣΤΥΙΟ]ΜΟΥ	Фрагмент клейма 1,5x2,0	1	24, №16	Херсонес. Шурф ОПОРА I- ОПОРА II. Плотный слой II I ХГ подгруппа В. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
15	[ΘΕΟΓΕΝΕΙΟΣ] [Α]ΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ	Фрагмент клейма 1,5x5,0	1	24, №15	Херсонес. Шурф ОПОРА I- ОПОРА II. Плотный слой II I ХГ подгруппа Б. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
16	[ΑΠΟΛΛ]ΩΝΙΔΑ [ΑΣ]ΤΥΝΟΜΟΥ	Фрагмент клейма 1,5x5,0	1	24, №14	Шурф ОПОРА II - ОПОРА III. Херсонес. Фрагмент клейма. Плотный слой II I ХГ подгруппа А. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
17	[ΜΑΤΡΙΟΣ] [ΑΣ]ΤΥΝΟΜ[ΟΥ]	Херсонес. Фрагмент клейма 1,0x4,0	1	26, №36	Херсонес. Шурф ОПОРА I. Плотный слой III. I ХГ подгруппа Б. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)

<i>№ п/п</i>	<i>Описание</i>	<i>Размеры (см)</i>	<i>Кол-во</i>	<i>№ рис.</i>	<i>Примечания</i>
18	[ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ] [Α]ΣΤΥΝ[ΟΜΟΥΝΤΟΣ]	Фрагмент клейма 1,0x2,5	1	26, №37	Херсонес. Шурф ОПОРА II. Плотный слой III. I ХГ подгруппа Б. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
19	[ΔΑΜ]ΟΤΕΛ[ΕΙΟΣ] [ΑΣ]ΤΥΙΟ[ΜΟΥ]	Фрагмент клейма 1,5x5,0	1	25, №20	Херсонес. Шурф ОПОРА I Слой отеса I. I ХГ подгруппа Г. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
20	[ΑΠ]ΟΛΛ[ΩΝΙΔΑ] [Α]ΣΤΥΝ[ΟΜΟΥ]	Фрагмент клейма 1,5x4,0	1	25, №22	Херсонес. Шурф ОПОРА I. Слой отеса I I ХГ подгруппа А. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
21	ΑΠΟΛΛ[ΩΝΙΔΑ] ΑΣΤΥΝ[ΟΜΟΥ]	Фрагмент клейма 1,5x4,0	1	25, №23	Херсонес. Шурф ОПОРА I. Слой отеса I I ХГ подгруппа А. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
22	ΑΠΟΛΛΩΝ[ΙΔΑ] ΑΣΤΥΝΟ[ΜΟΥ]	Фрагмент клейма 1,5x5,0	1	25, №21	Шурф ОПОРА II. Слой отеса I I ХГ подгруппа А. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
23	[ΑΠΟ]ΛΛΩΝΙΔΑ [ΑΣ]ΤΥΝΟΜΟΥ	1,5x5,0	1	23, №8	Шурф ОПОРА II Слой отеса I. I ХГ подгруппа А. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
24	ΗΡΟΚΡΑ[ΤΕΟΣ] ΝΕΥΜ[ΗΝΙΟΥ] [ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ]	Фрагмент клейма 3,0x2,0	1	23, №7	Шурф ОПОРА I Слой отеса I. II ХГ подгруппа А. 286-273 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)

№ п/п	Описание	Размеры (см)	Кол-во	№ рис.	Примечания
25	ΠΑΣΙΧΑΡΗΣ ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ Справа факел	2,5x4,5	1	23, №3	Синопа. Шурф ОПОРА I- ОПОРА II. Заполнение ямы в слое отеса I. IV МГ подгруппа B 90-80-е гг. III в. до н.э. (по В.И. Кацу)
26	[ΑΠΟΛ]ΛΩΝΙΔΑ [ΑΣΤ]ΥΝΟΜΟΥ	Фрагмент клейма 1,5x4,0	1	24, №12	Херсонес. Шурф ОПОРА I- ОПОРА II. Слой отеса II I ХГ подгруппа А. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
27	ΑΠΟΛΛΩ[ΝΙΔΑ] ΑΣΤΥΝΟ[ΜΟΥ]	Фрагменты клейма 1,5x4,0 1,5x5,0	1	23, №9 24, №10- 13	Херсонес. Шурф ОПОРА I- ОПОРА II. Слой отеса II I ХГ подгруппа А. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
28	Ручки амфоры фрагмент. Клеймо в виде буквы T	Фрагмент клейма 1,0x1,0	4	23, №6	Шурф № 2 Слой отеса II
29	Предположительно! [ΝΙΚΟΣΤΡΑΤΟΥ] [ΤΟΥ ΦΕΥΠΕΙΤ]ΟΥ [ΦΗΜΙΟΥ] [ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ]	Фрагмент клейма 1,0x1,0	1	27, №46	Шурф № 6 Слой отеса III Синопа. III МГ конец 20 гг. IV - начало III вв. до н. э. (по В.И. Кацу)
30	Текст сохранился плохо. Изображение бородатой головы?	Синопа. Фрагмент 2,5x6,0	1	23, №4	Шурф ОПОРА I- ОПОРА II. Слой отеса III
31	Часть клейма «Орел на дельфине»	4,5x2,0	1	27, №47	Шурф № 6 Слой отеса IV Синопа. вторая четверть -

<i>№ п/п</i>	<i>Описание</i>	<i>Размеры (см)</i>	<i>Кол-во</i>	<i>№ рис.</i>	<i>Примечания</i>
					середина IV в. до н.э. IV в. до н.э.
32	ΑΘΑΝΑΙΟ[Υ] ΕΙΣΕΜΠΟ[ΡΙΟΝ]	1,5x4,0	1	26, №33	Шурф в стене (19 куртина) Заполнение стены Уровень А. Херсонес. I ХГ подгруппа Г. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
33	[ΠΑ]CΙΩΝ[OC] [AC]TYN[OMOY]	1,0x4,0	1	26, №34	Шурф в стене (19 куртина) Заполнение стены Уровень А. Херсонес. I ХГ подгруппа В. 325-287 гг. до н.э. (по В.И. Кацу)
34	[ΑΣΤΥ] ΝΟΜΟΥΝΤΟΣ [ΜΑΝΤΙΘ]ΕΟΣ Голова Гермеса вправо	Фрагмент 2,0x5,0	1	23, №2	Шурф № 2 Слой дороги I. Синопа. Ок. 354 г. до н.э. (по Федосееву) II МГ подгруппа В 30-20-е гг. IV в. до н.э. (по В.И. Кацу)
35	Фрагмент ручки амфоры. Клеймо в виде льва? (хищника) с головой, повернутой назад	1,5x5,0	1	26, №32	Шурф № 2 Слой на скале. Фасос. 80-е гг. IV в. до н.э. (по Ю.Г. Виноградову)

Остальные клейма найдены в переотложенных слоях.

Самойленко В.Г.

**Археологические исследования куртины 19
оборонительных сооружений Херсонеса в 2008 году**

Резюме

Археологические исследования 2008 года на куртине 19 оборонительных сооружений Юго-Восточного района Херсонеса Таврического являются частью больших консервационно-реставрационных работ. Основные работы проводились в северо-западной части куртины. В результате исследований с внешней стороны куртины были открыты и изучены археологические наслоения, образовавшиеся в результате деятельности гончарной мастерской, античная дорога и слой засыпи. Под основанием куртины обнаружены остатки стены шириной 1,6-1,7 м оборонительного назначения первого строительного периода, датированного концом второй четверти – серединой IV в. до н. э. При строительстве куртины 19 второго строительного периода было использовано большое количество фрагментов погребальной архитектуры IV–III вв. до н. э. Этот строительный период уверенно датируется по многочисленным керамическим клеймам херсонесских и синопских астиномов 80-70-ми гг. III в. до н. э. Два верхних ряда кордонной кладки относятся к остаткам строительной деятельности V в., а примыкающий к ней бутовый фундамент с кладкой из небольших квадров датируется в пределах второй половины VI – первой половины VII вв.

Самойленко В.Г.

**Археологічні дослідження куртини 19
оборонних споруджень Херсонеса в 2008 році**

Резюме

Археологічні дослідження 2008 року на куртині 19 оборонних споруджень Південно-Східного району Херсонеса Таврійського є частиною великих консерваційно-реставраційних робіт. Основні роботи проводилися в північно-західній частині куртини. В результаті досліджень із зовнішнього боку куртини були відкриті і вивчені археологічні нашарування, що утворилися в результаті діяльності гончарної майстерні, антична дорога і шар засипі. Під підставою куртини виявлені залишки стіни завширшки 1,6-1,7 м оборонного призначення першого будівельного періоду, датованого кінцем другої чверті – серединою IV ст. до н. е. При будівництві куртини 19 другого будівельного періоду було використано велику кількість фрагментів похоронної архітектури IV–III ст. до н. е. Цей будівельний період упевнено датується багаточисельними керамічними клеймами херсонесських і синопських астиномів 80-70-мі рр. III ст. до н. е. Два верхні ряди кордонної кладки відносяться до залишків будівельної діяльності V ст., а бутовий фундамент, що примикає до неї, з кладкою з невеликих квадратів датується в межах другої половини VI – першої половини VII ст.

Samoilenko V.G.

The archaeological researches at 19th curtain defensive wall Chersonesos in 2008

Summary

The archaeological researches of 2008 are part of major conservation-restoration work at the 19th curtain wall of the defense constructions in the south-eastern area of Tauric Chersonesos. The main activity was carried out in north-western part of the curtain wall. As a result of the researches on the outside of the curtain wall there were uncovered and examined the archaeological strata formed as a result of the activity of a pottery-making workshop, the ancient road and the infill layer. Under the base of the curtain wall there were found remains of the wall 1.6-1.7 m. in width of defensive purpose of the first construction period dated to the end of the second quarter – middle of IV cc. BC. The second period construction of 19th curtain wall was used a great number of fragments of funeral architecture of IV-III century BC. This construction period is reliably dated by numerous ceramics stamps of Chersonesian and Sinopean astynomoi to the 80-70th of III c. BC. Two upper rows of masonry with alternating courses of vertical ashlar relate to the remains of building activity of V centuries, and the adjoining rubble stone footing with the masonry of small ashlar dates within the second half of VI – first half of VII centuries.

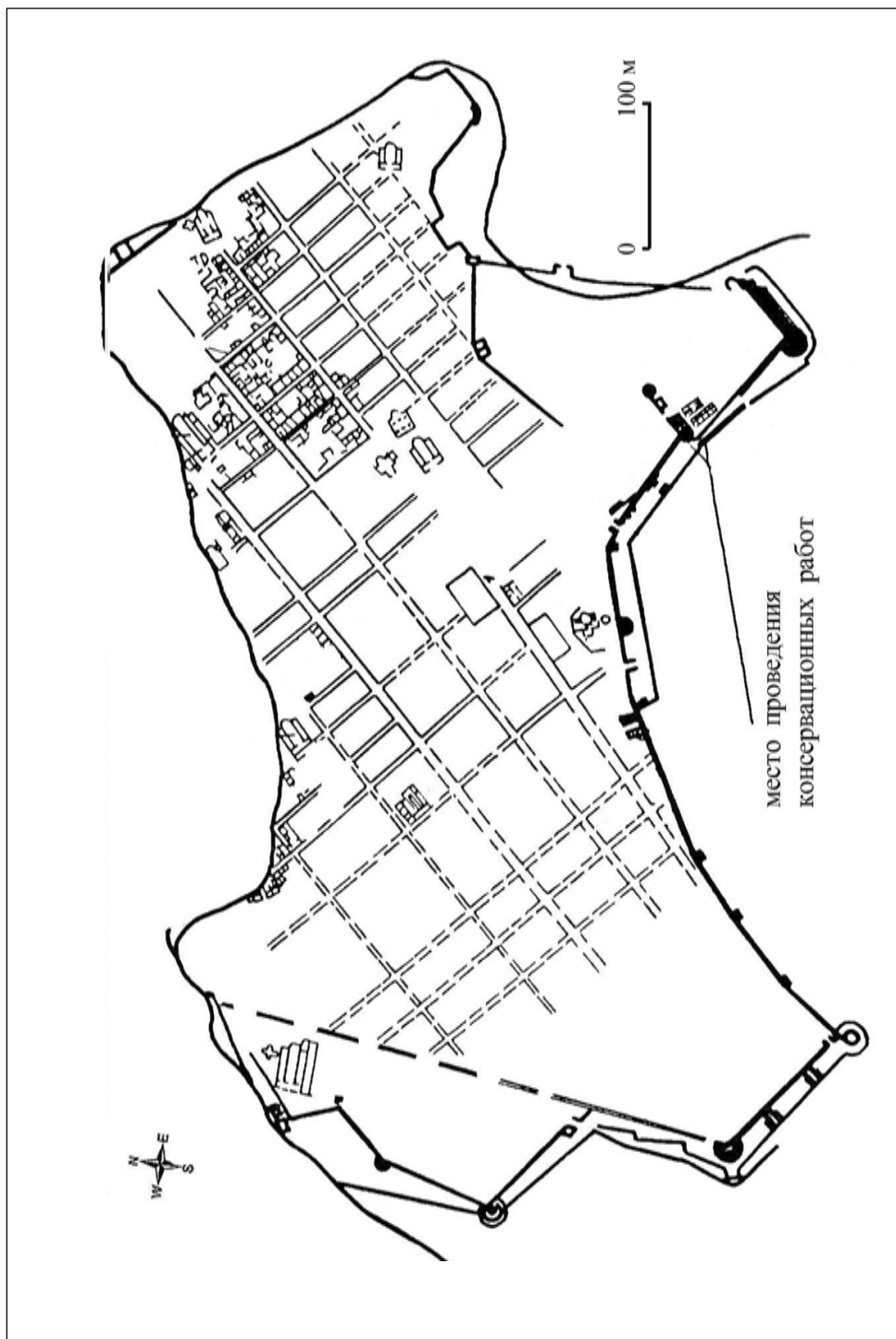

Рис. 1. План Херсонеса с указанием места проведения работ.

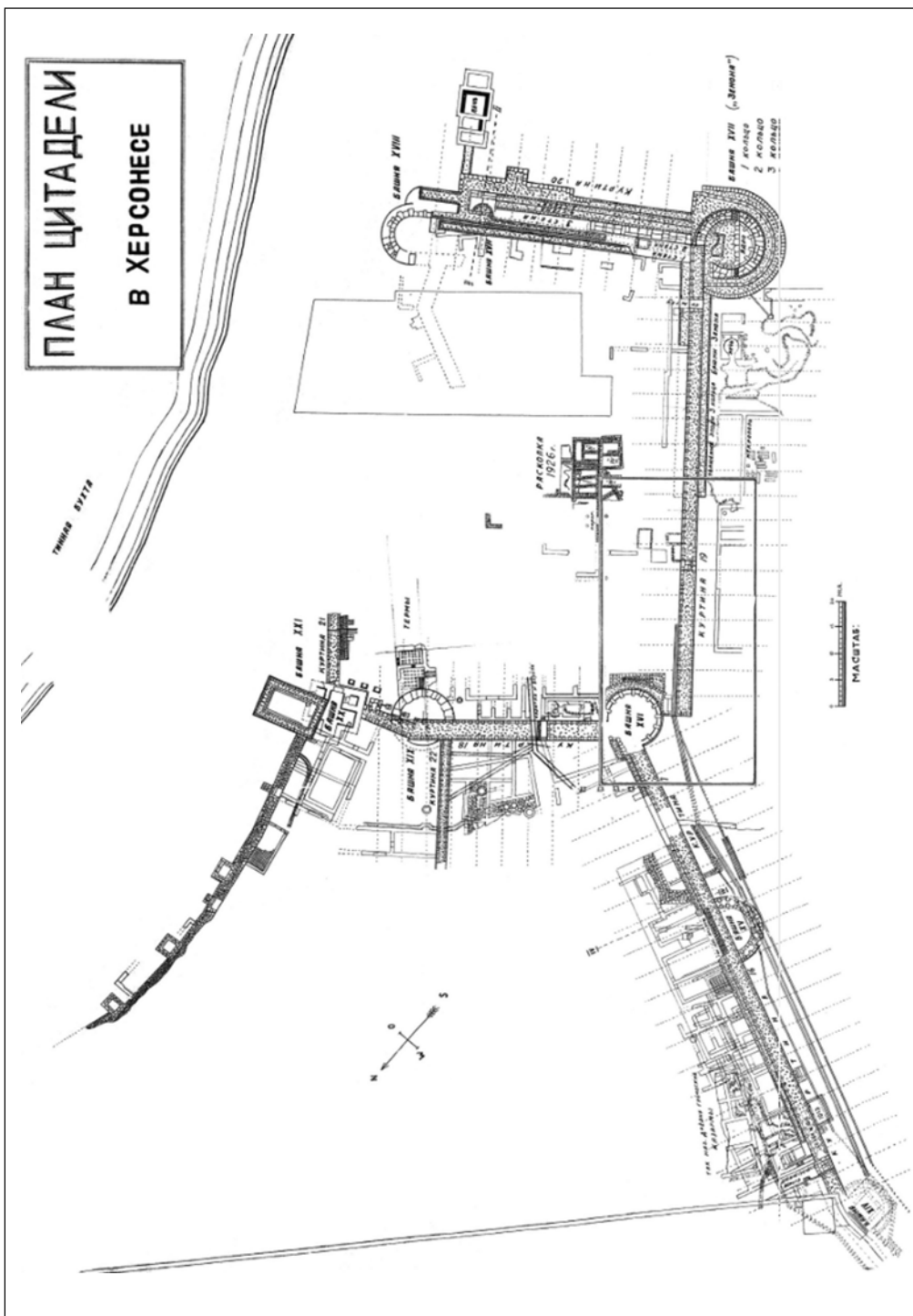

Рис. 2. План «цитадели» с указанием участка работ.

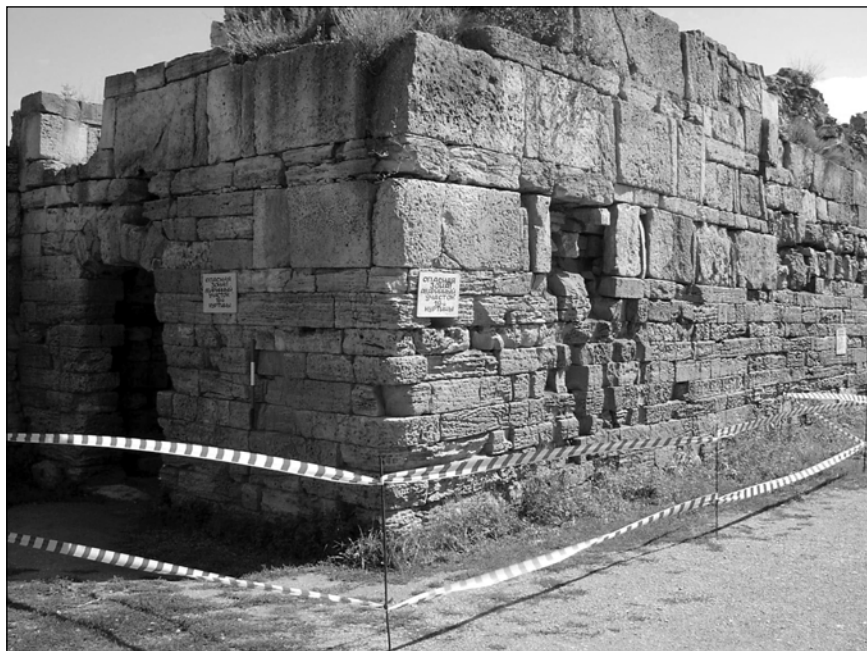

Рис. 3. Северо-западный угол куртины перед началом работ.

Рис. 4. План раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1900 году.

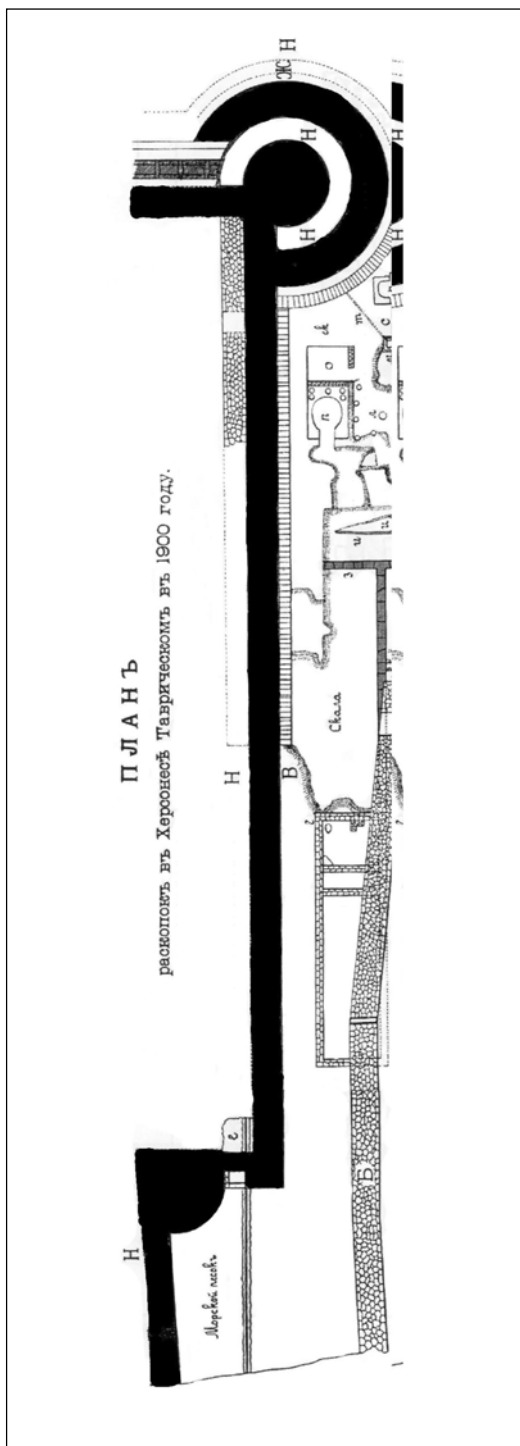

Рис. 5. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича около башни 16 и куртины 19.

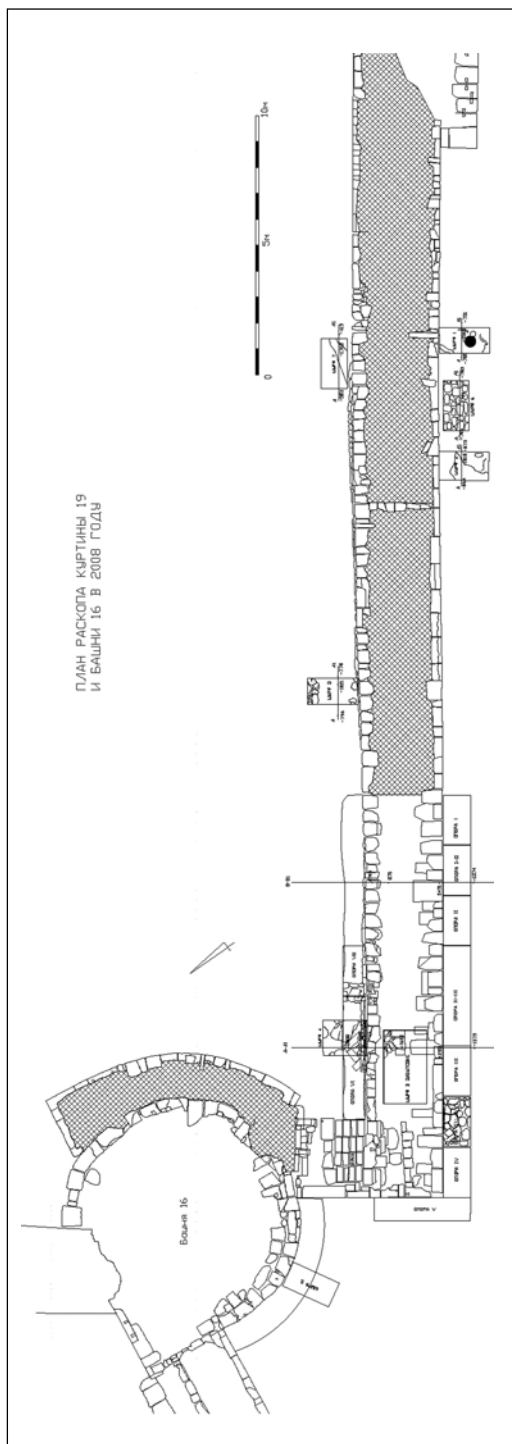

Рис. 6. План раскопа куртины 19 и башни 16 в 2008 году.

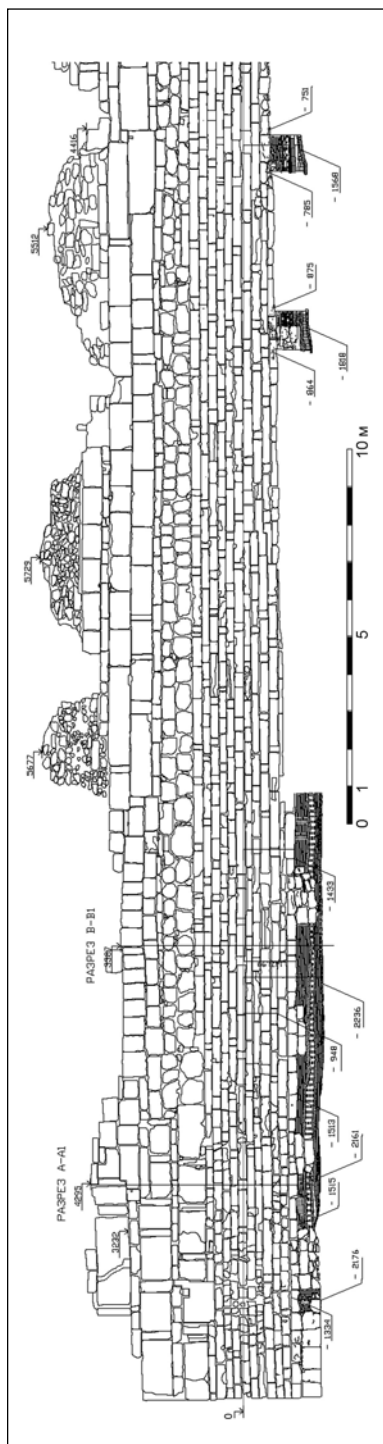

Рис. 7. Северо-западный фас куртины 19.

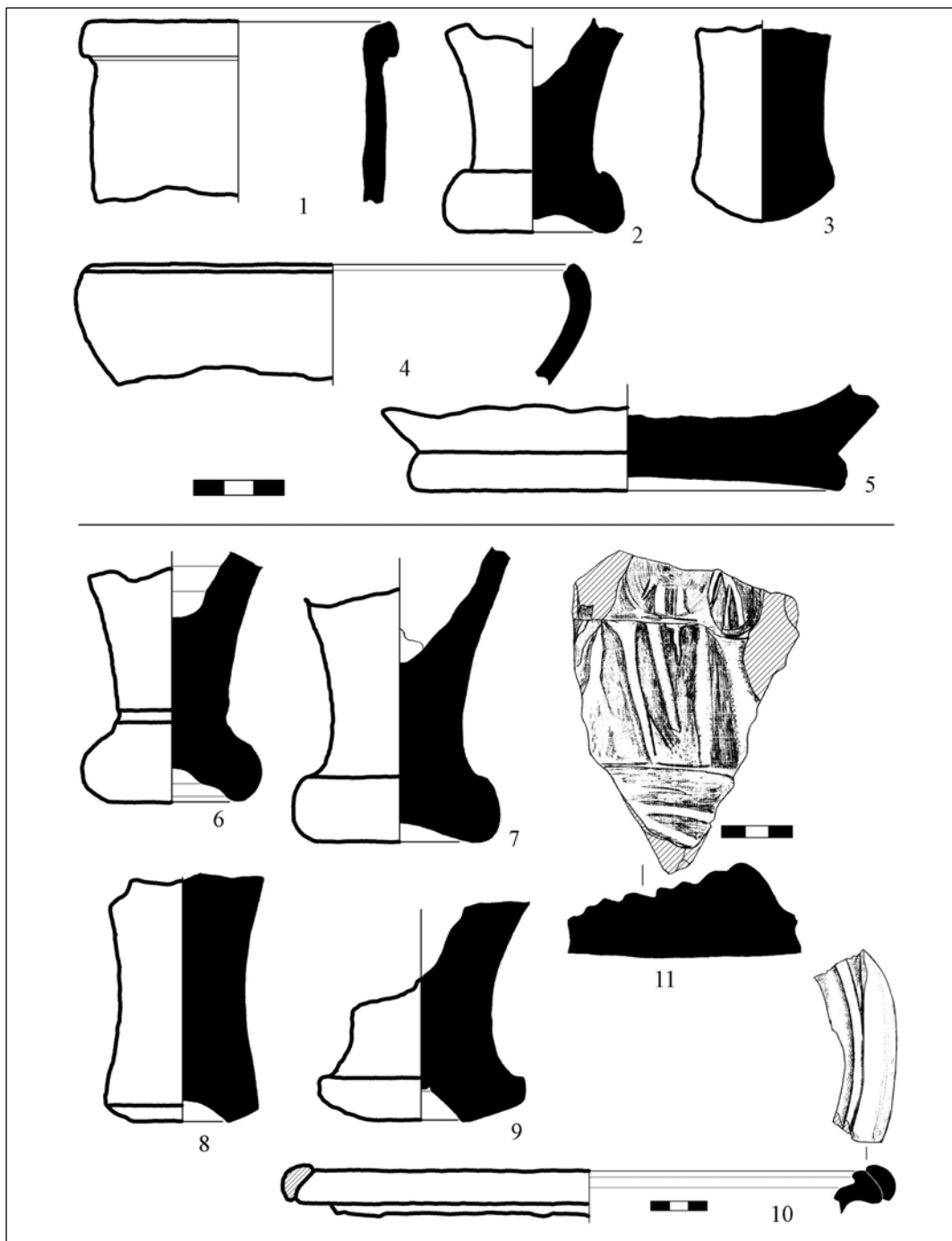

Рис. 8. Керамика из слоя деятельности гончарной мастерской.

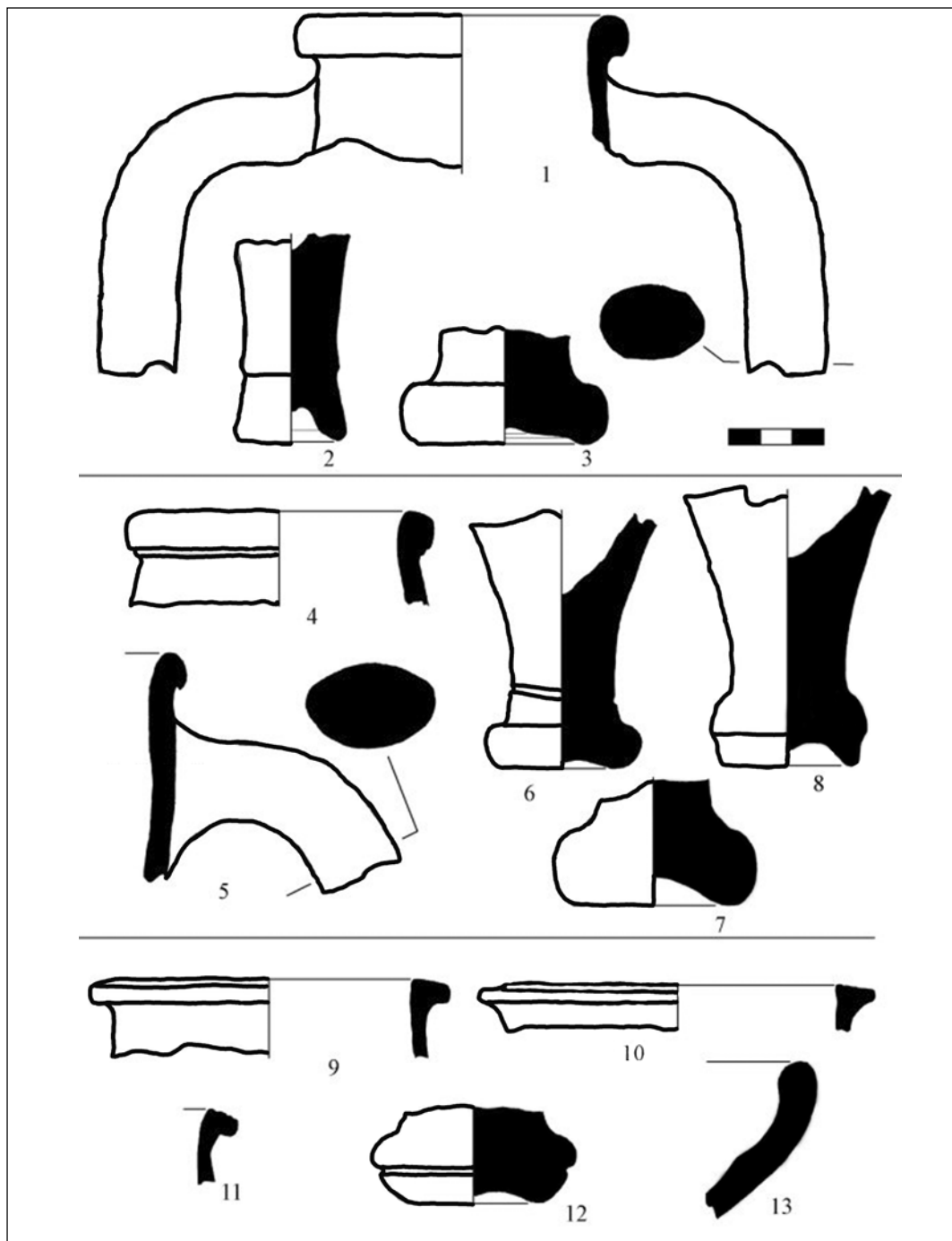

Рис. 9. Керамика из слоя деятельности гончарной мастерской.

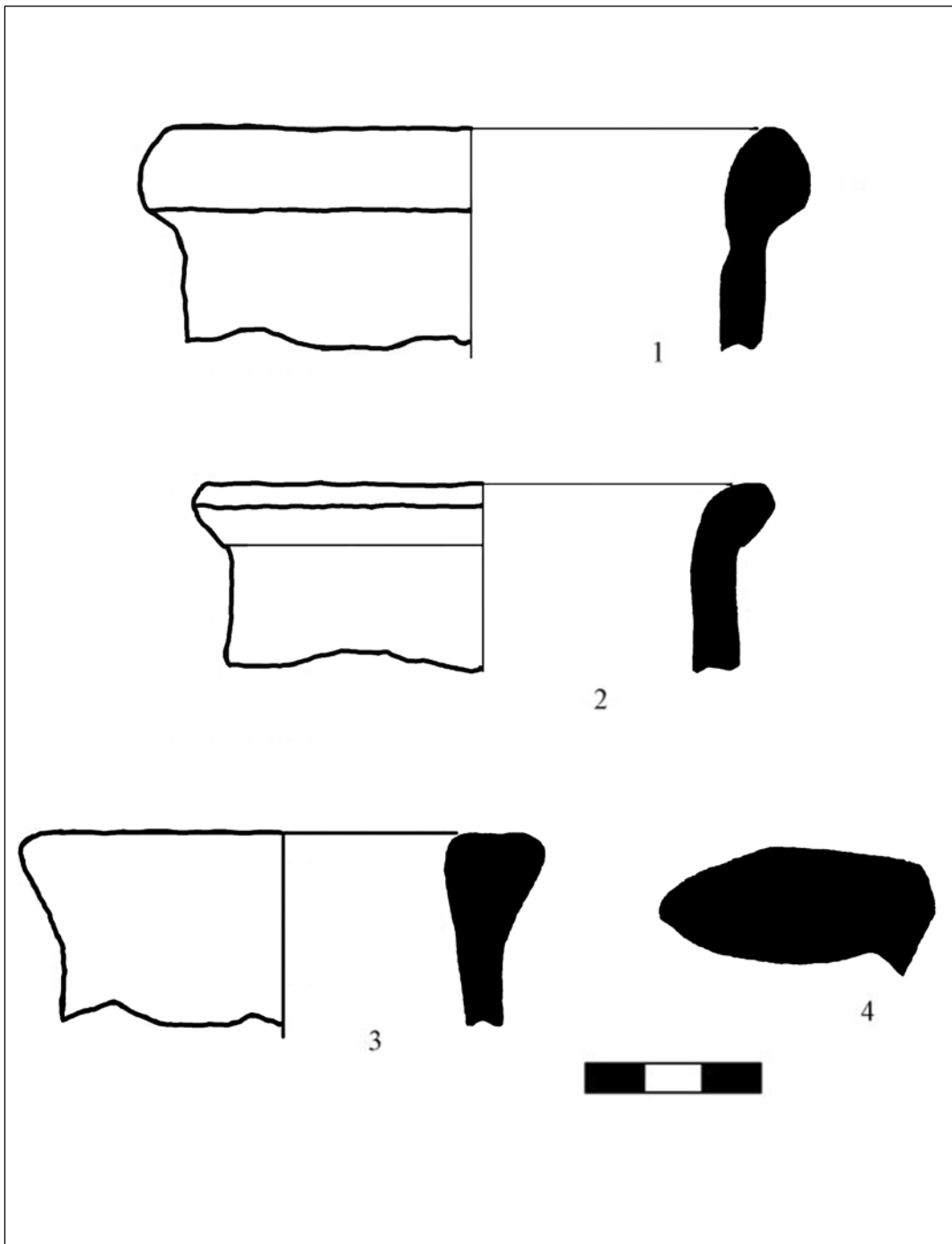

Рис. 10. Керамика из слоя отеса III.

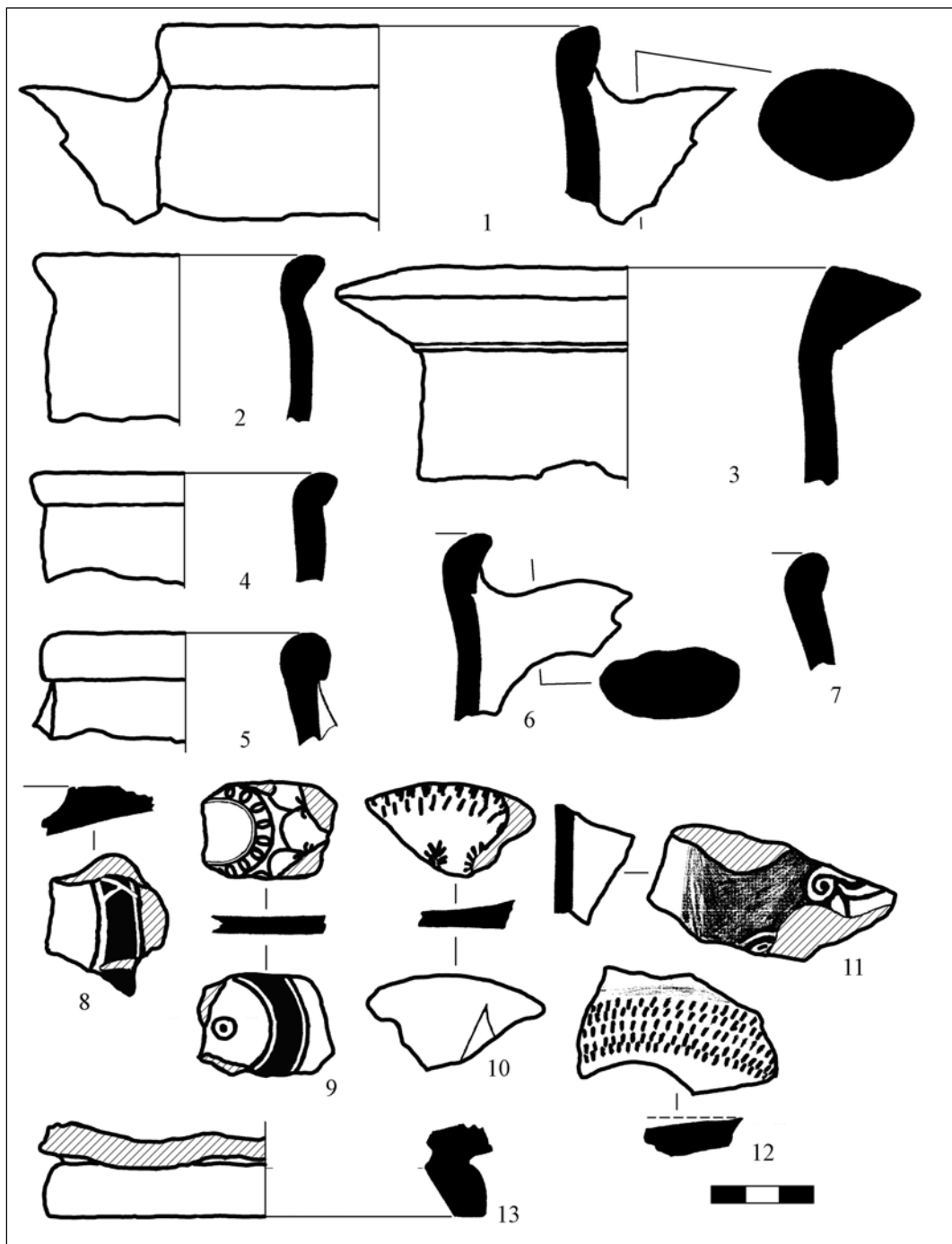

Рис. 11. Шурф II. Керамика из слоя на скале.

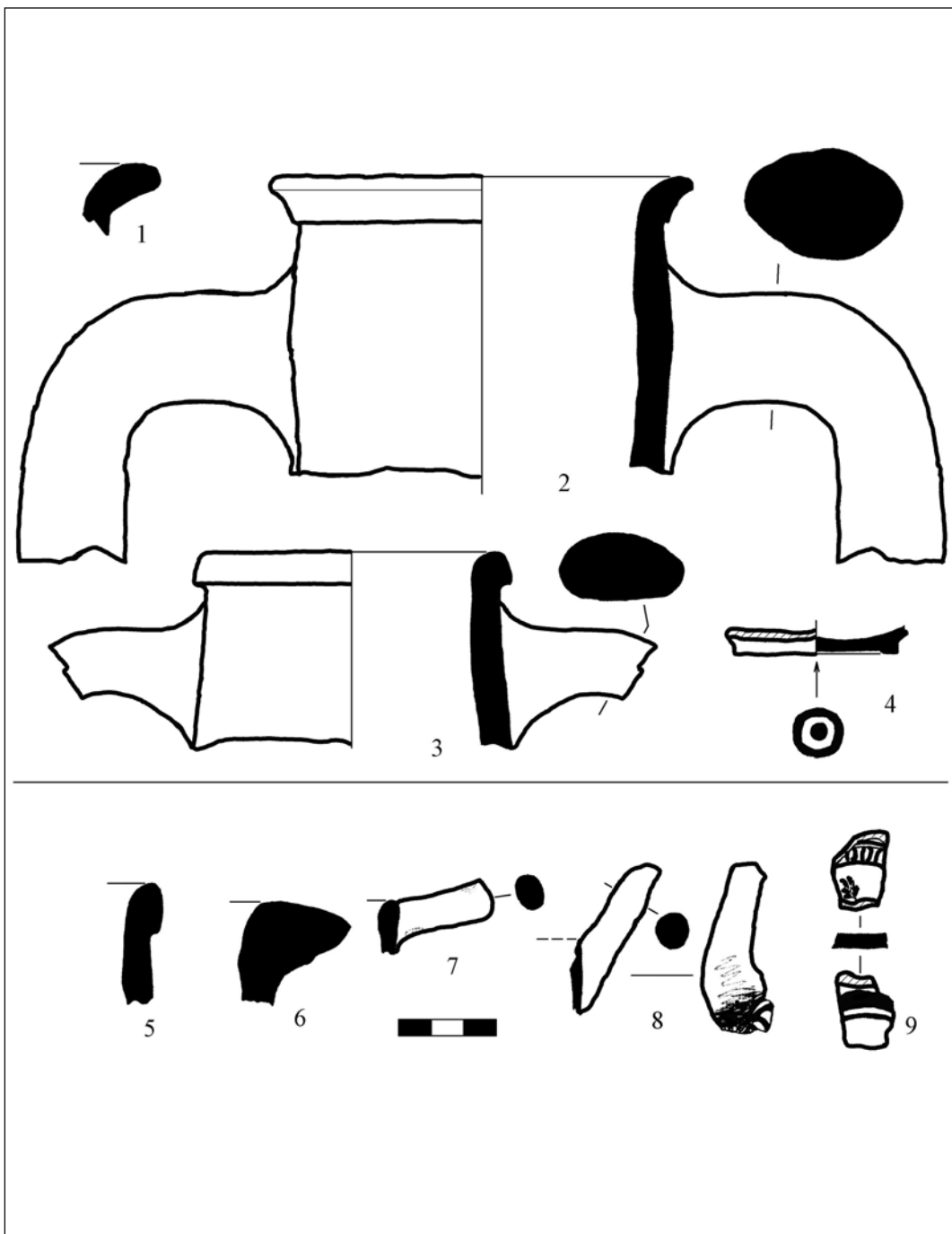

Рис. 12. Шурф VI. Керамика из слоя отеса IV и слоя на скале.

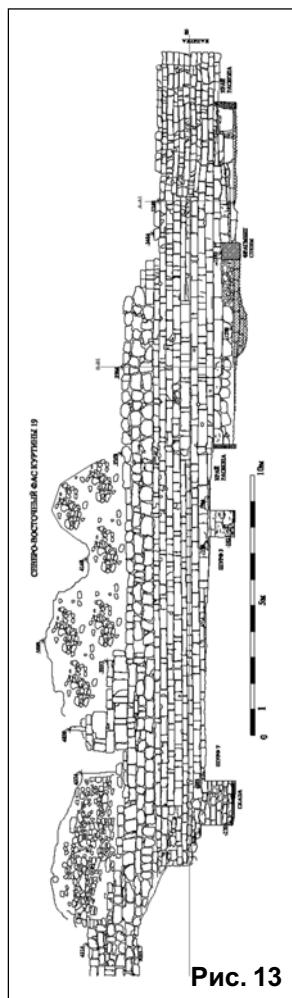

Рис. 13

Рис. 13. Северо-восточный фас куртины 19.

Рис. 14. Шурф VII. Шов в кладке стены.

Рис. 15. Верхний строительный ярус куртины 19.

Рис. 14

Рис. 15

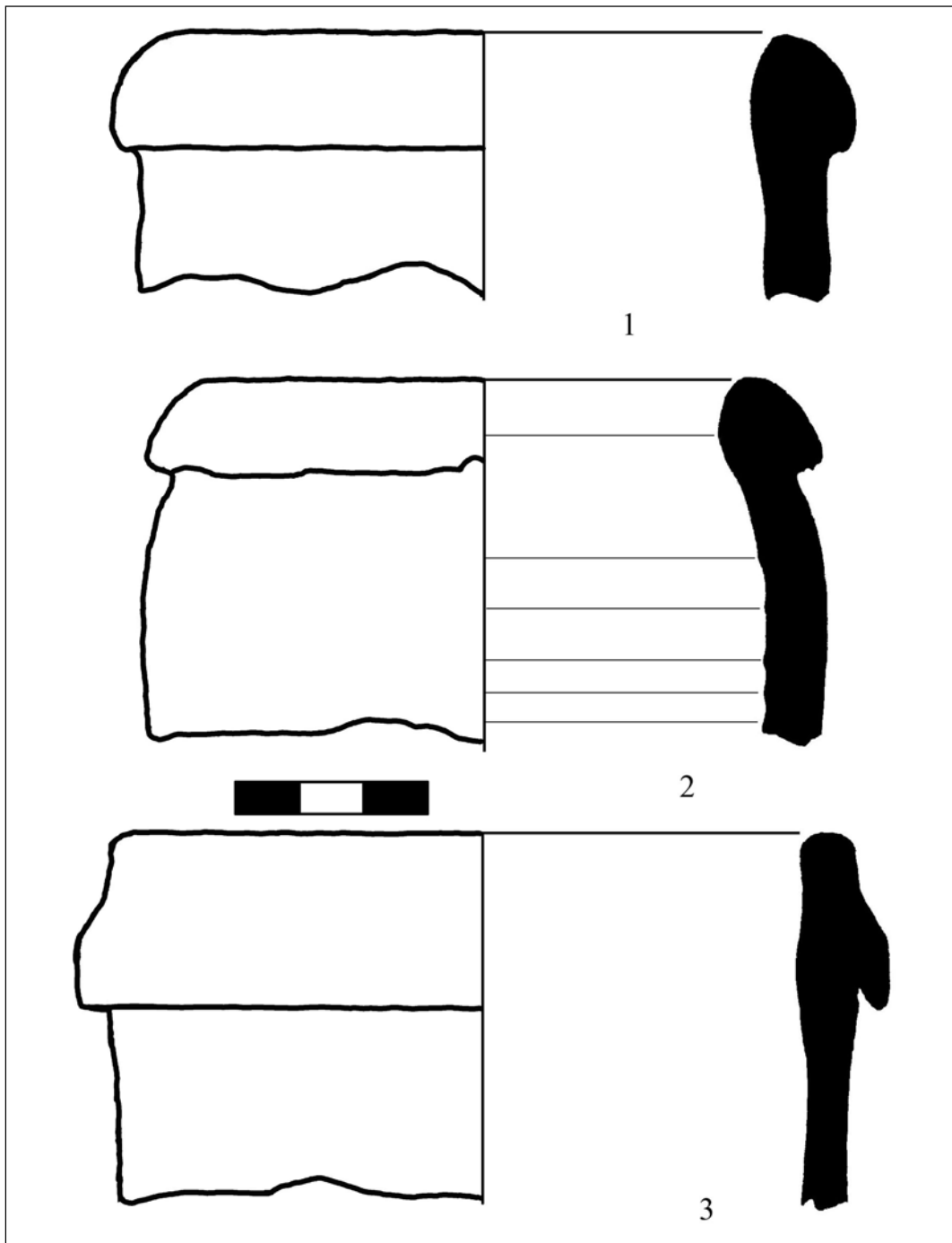

Рис. 16. Керамика из строительного яруса V века.

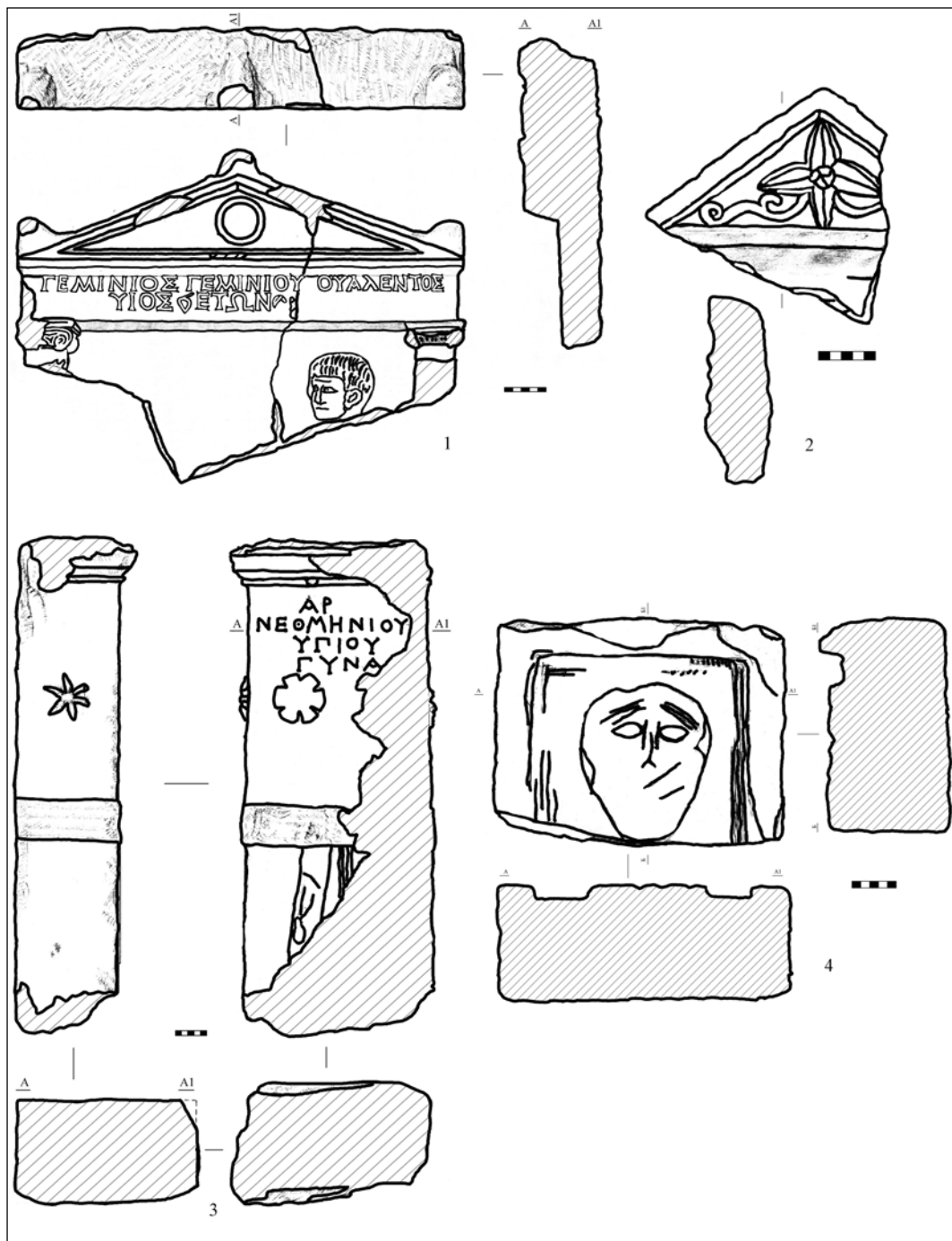

Рис. 17. Фрагменты архитектурных деталей из средневекового яруса кладки.

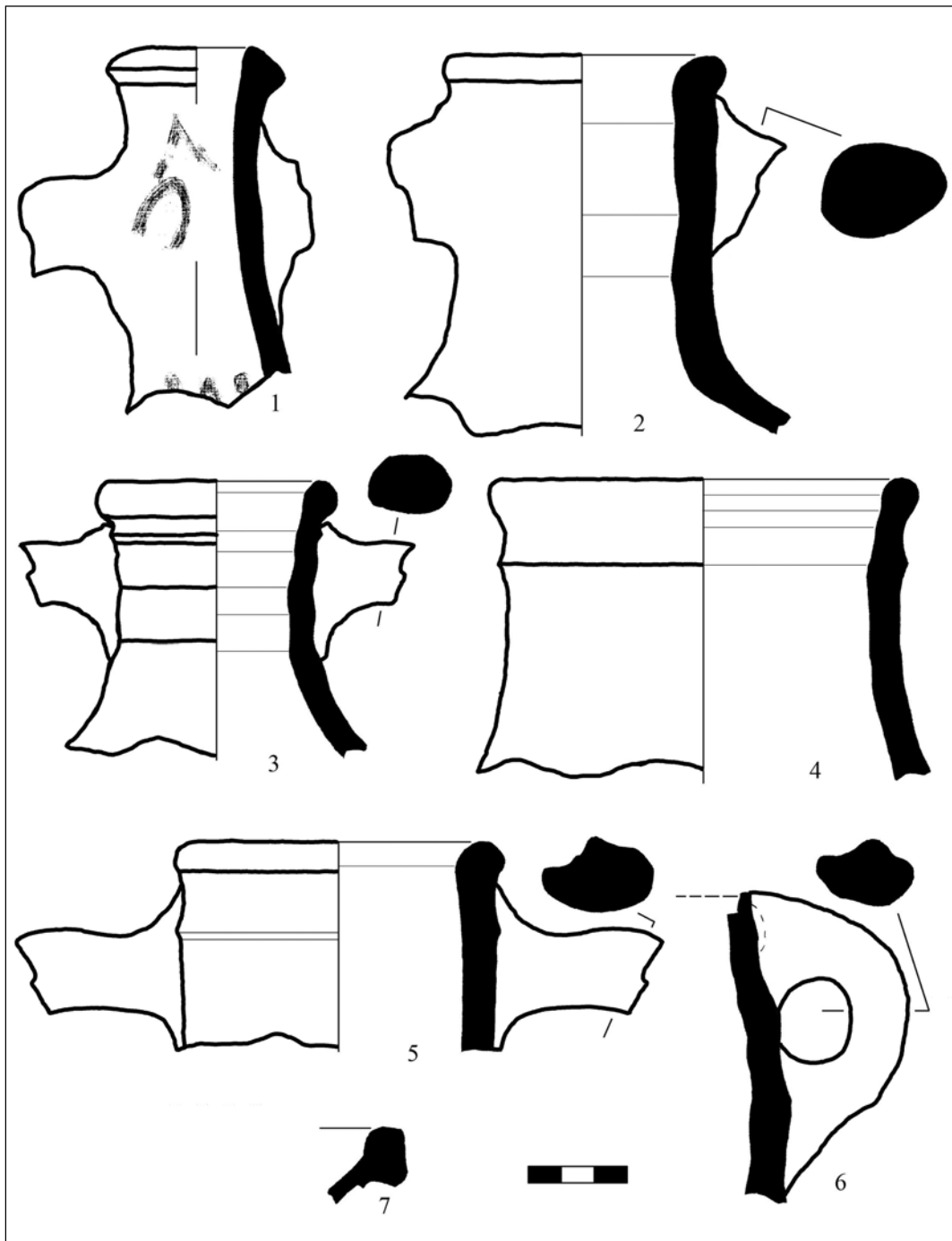

Рис. 18. Керамика из забутовки стены VI-VII вв.

Рис. 19. Фрагменты архитектурных деталей в кладке стены эллинистического периода.

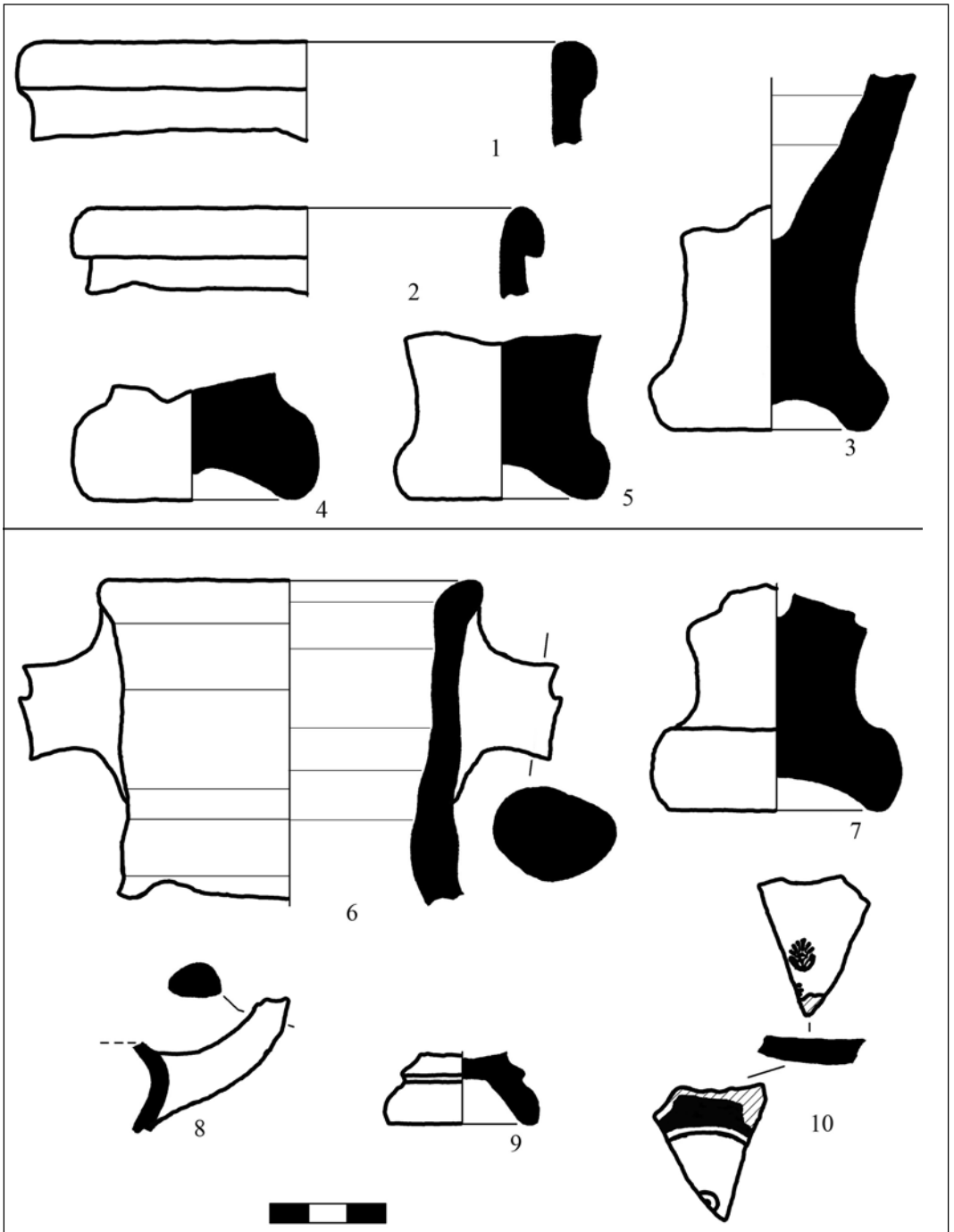

Рис. 20. Керамика из забутовки стены эллинистического периода.

Рис. 21. Шурф в стене. Общий вид раскопа.

Рис. 22. Шурф в стене. Фрагмент лицевой кладки и забутовка куртины 19 первого строительного периода.

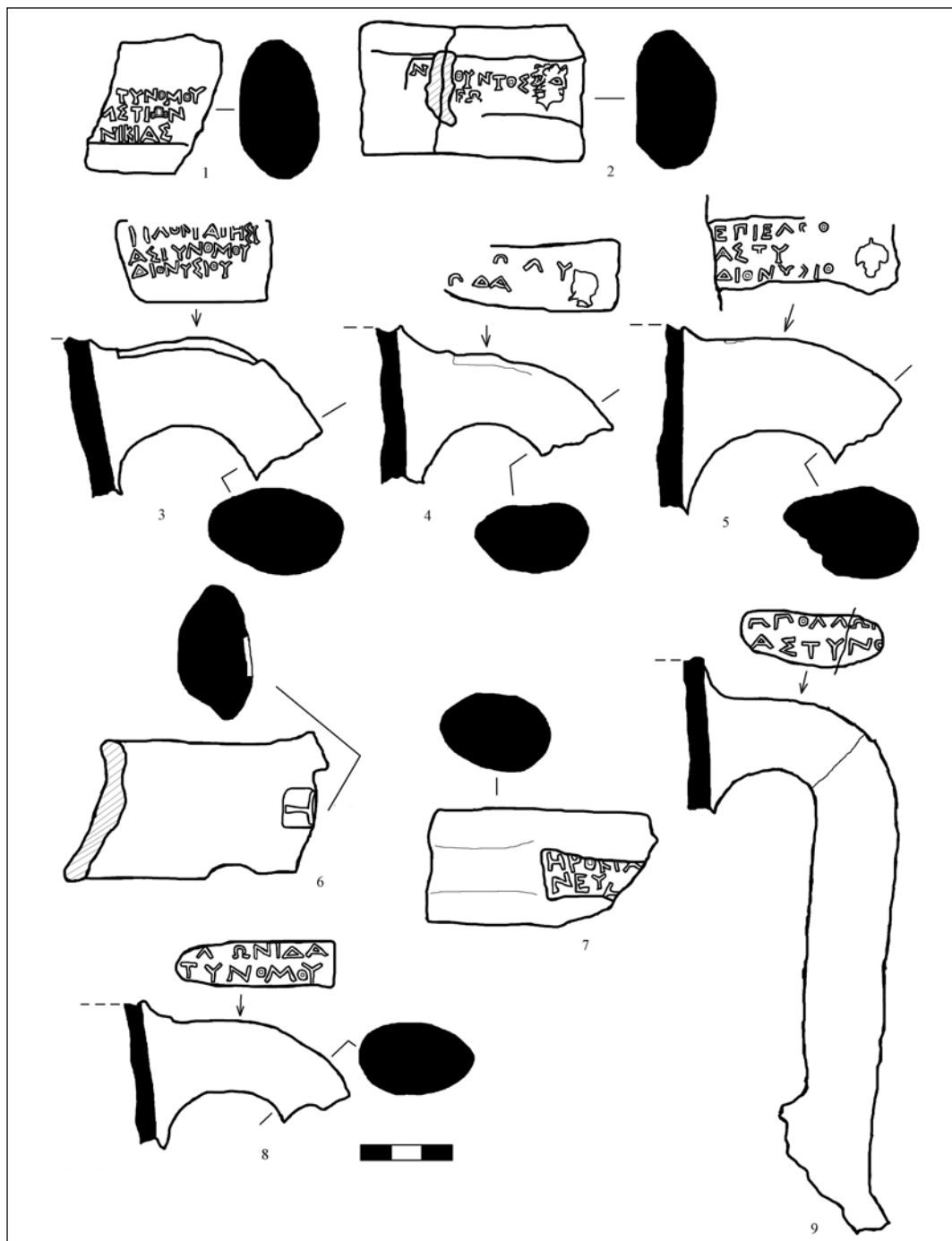

Рис. 23. Клейма из раскопок куртины 19.

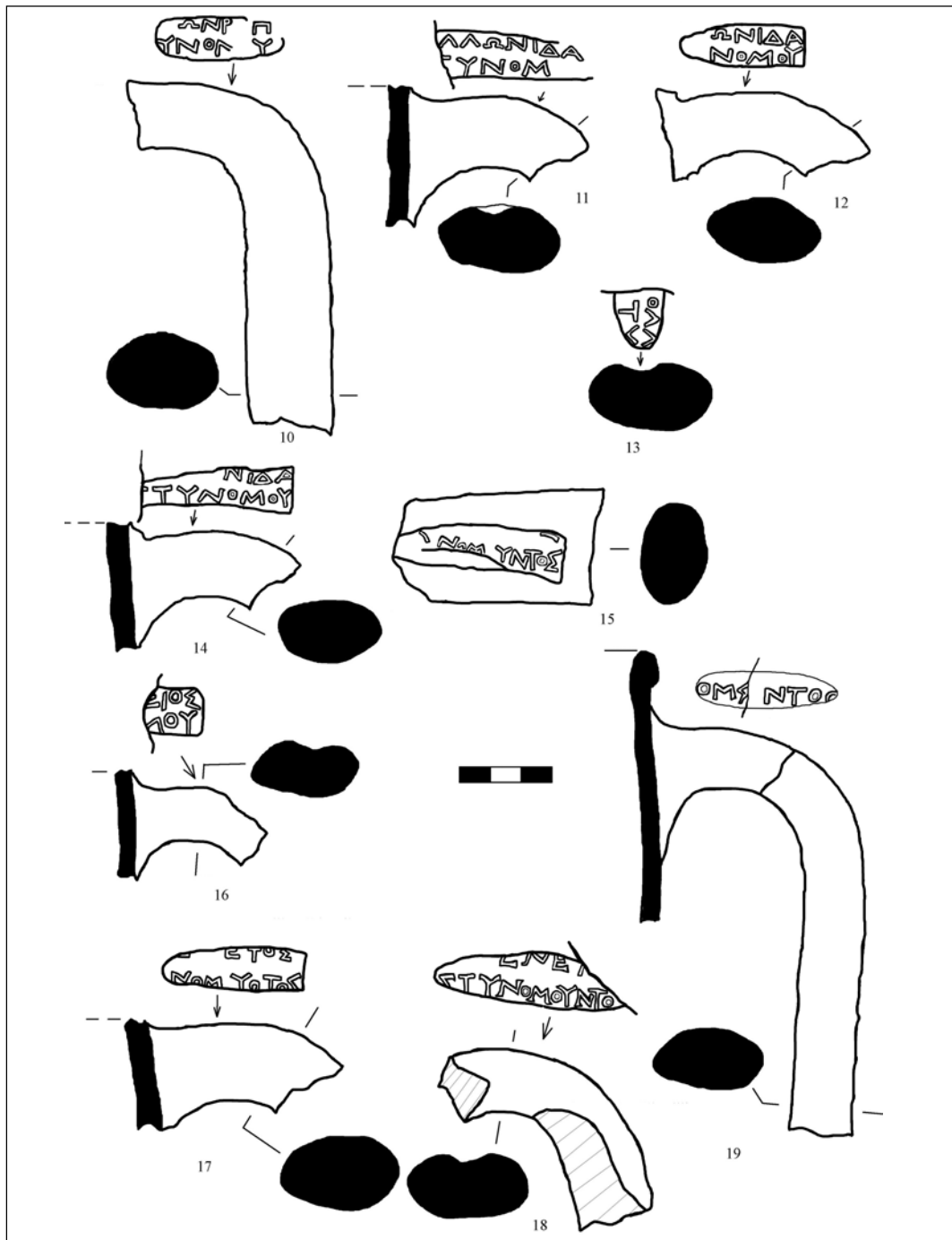

Рис. 24. Клейма из раскопок куртины 19.

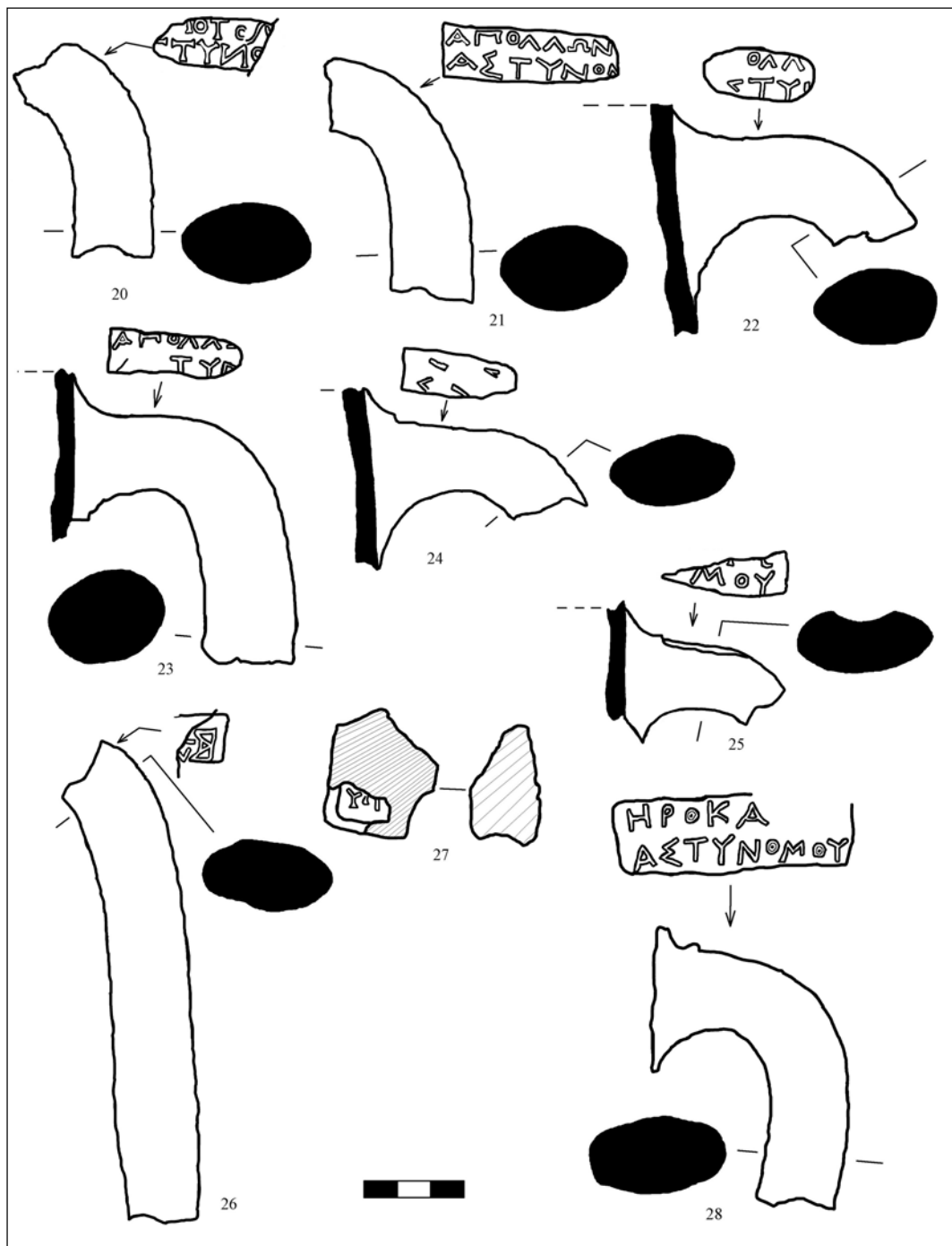

Рис. 25. Клейма из раскопок куртины 19.

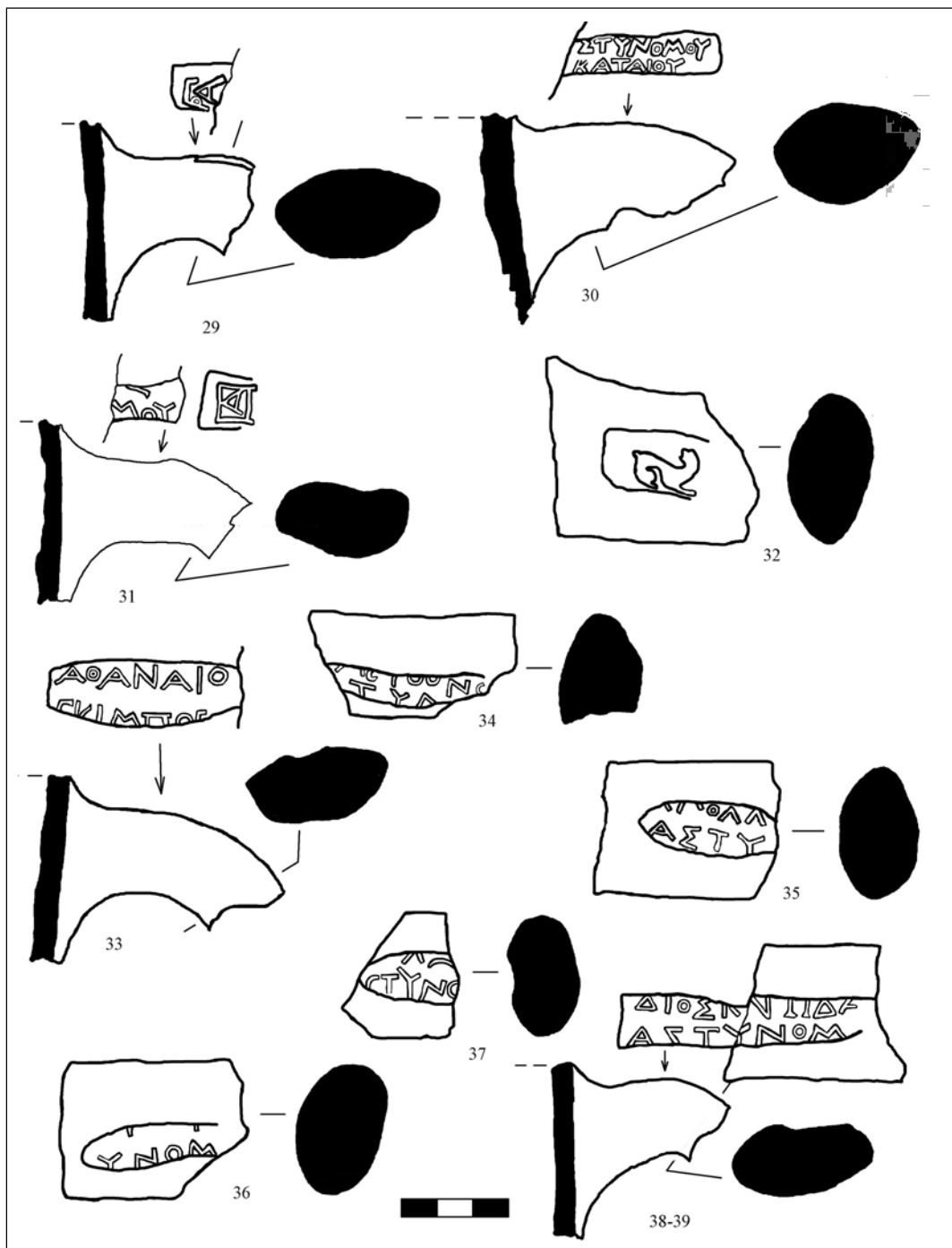

Рис. 26. Клейма из раскопок куртины 19.

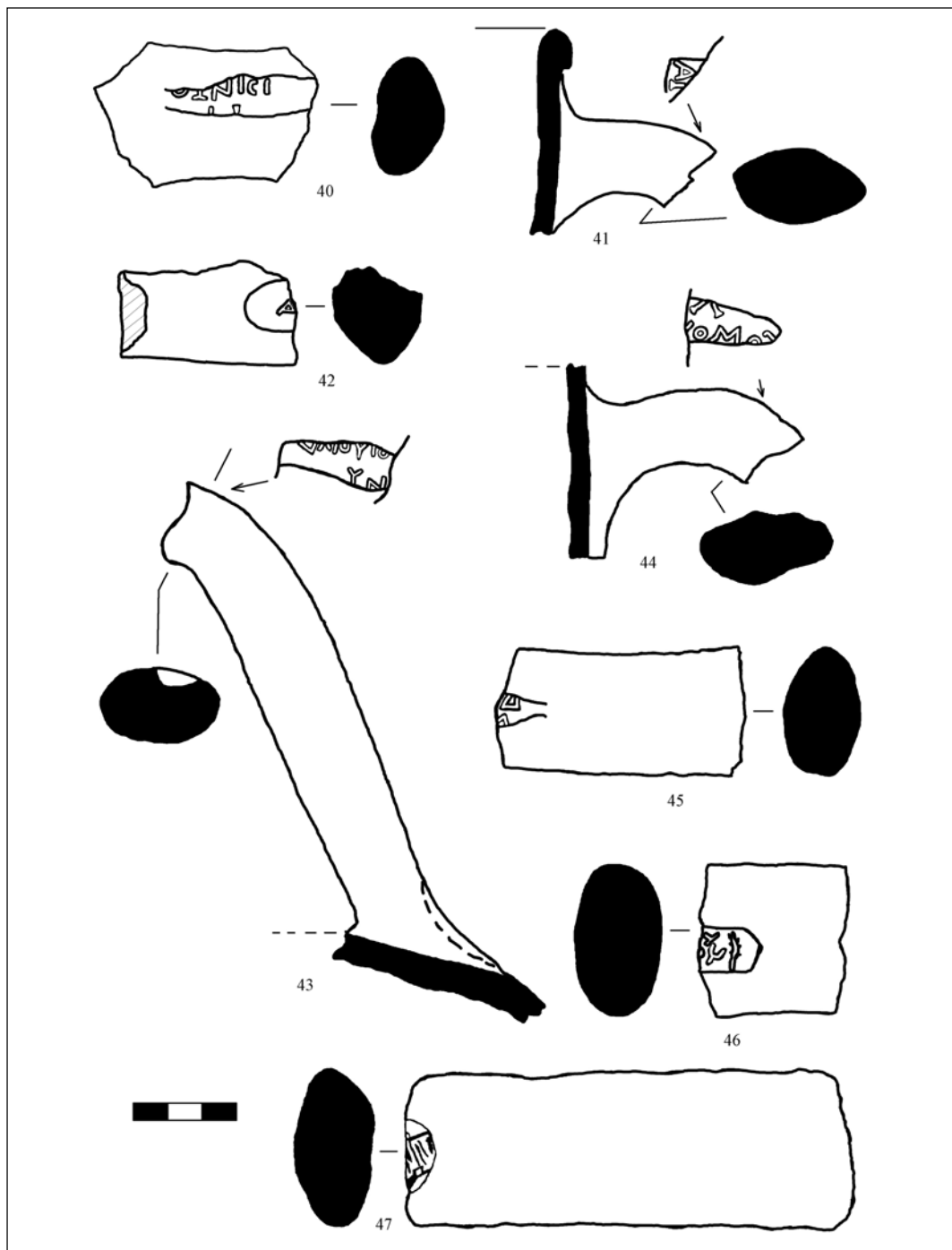

Рис. 27. Клейма из раскопок куртины 19.

Рис. 28. Часть тыльной стороны куртины 19 первого строительного периода (вид со стороны «цитадели»).

Л. А. ГОЛОФАСТ

АМФОРНАЯ ТАРА ИЗ РАСКОПОК ЗОЛЬНИКА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ МИТРИДАТ В КЕРЧИ¹

В 2002 году экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины были проведены раскопки у подножия горы Митридат в Керчи. Площадь раскопа составила 150 м², глубина 3 м от современной дневной поверхности. Появление нижеуказанной отметки грунтовых вод заставило прекратить исследование участка. В ходе раскопок были открыты сегмент зольника римского времени, в котором удалось проследить два стратиграфических горизонта, и большая часть каменной постройки (помещение 1), впущенной в зольные напластования. Целью предлагаемой статьи является публикация выявленного амфорного материала.

Прежде чем приступить к описанию керамики, полученной в ходе раскопок, необходимо сделать ряд предварительных замечаний.

1. Материал, найденный в зольниках 1 и 2, описывался не по отдельным квадратам, а суммировано по зольникам.

2. Основную массу материала в обоих зольниках составляли фрагменты светлоглиняных амфор. Однако морфологическая близость венчиков и ручек светлоглиняной широкогорлой тары различных типов, наличие переходных форм и т.д. в значительном количестве случаев не позволяют определить тип сосуда, которому принадлежал тот или иной фрагмент. Поэтому тип сосуда определяется только при наличии четких типологических признаков, исключающих принадлежность фрагмента другому типу.

3. В работе мы использовали, главным образом, типологию и хронологию, разработанную И.Б. Зеест [7] и А.П. Абрамовым [8], а также работы Т.М. Арсеньевой и С.А. Науменко о материалах из раскопок Танаиса [9-12]. При изучении фрагментов позднегераклейских, синопских и колхидских

¹ Предлагаемая статья представляет собой продолжение публикации материалов [1-6]. Автор выражает глубокую благодарность руководителю раскопок А.И. Айбабину за предоставленную возможность публикации материала.

амфор – типологию и хронологию, разработанную С.Ю. Внуковым [13-14]².

4. Глина сосудов описывалась без помощи каких-либо вспомогательных средств. Поэтому такие характеристики, как цвет глины, количество, размеры и цвет включений, описаны субъективно.

5. Изобилие и разнообразие материала зольников не позволяют описать весь комплекс находок. Сосуды, представленные единичными экземплярами, рассматриваются выборочно.

НИЖНИЙ ЗОЛЬНИК (зольник 1) Амфоры боспорского производства

Розовоглиняные широкогорлые амфоры типа Зеест-83/89 [7, с. 115, 117, табл. XXXIV,83; XXXVI,89], служившие для хранения зерна, соленой рыбы и других хозяйственных запасов и производившиеся, скорее всего, в одном из центров Азиатского Боспора [14, с. 91, 96], представлены в зольнике двумя фрагментами горл с вытянутым по вертикали плоским венчиком, толщина которого либо равна толщине стенки горла, либо слегка превышает ее. На одном из фрагментов венчик имеет выпуклый верхний край и отделен от стенки небольшим ребром с желобком под ним (рис. 1, 1), на втором – венчик отделен от стенки уступом и имеет скошенную внутрь верхнюю поверхность со слабо выраженным гребнем вдоль внешней поверхности (рис. 1, 2). Ручки подобных сосудов всегда круглые массивные. Оба фрагмента сделаны из глины коричневатых оттенков с серым закалом.

Амфоры данного типа исследователи обычно датируют II-III вв. н.э. [7, с. 115], А.П. Абрамов относит их появление к концу II – первой половине III вв. н.э. [8, с. 49]. Присутствие подобных амфор в рассматриваемом комплексе свидетельствует о начале их бытования в первой половине II в. н.э. К похожему выводу пришел С.Ю. Внуков, который на основе анализа ряда закрытых и полузакрытых комплексов Северного Причерноморья датировал их появление второй четвертью II в. [14, с. 124].

Амфоры данного типа широко распространены в Восточном Крыму, на европейской и азиатской стороне Боспора, тогда как в Западном Крыму встречаются крайне редко [15, р. 114].

Отличия в составе и цвете глины рассматриваемых амфор свидетельствуют об их производстве в нескольких мастерских, которые, по мнению А. Опайта, использовали различную технику обжига [15, р. 114].

Широкогорлые амфоры с массивным, слегка отогнутым наружу или вертикальным валикообразным венчиком, сделанные из коричневатой глины с серым закалом, с включением частиц слюды, представлены в зольнике

² Автор глубоко признателен Сергею Юрьевичу Внукову и Светлане Андреевне Науменко за предоставленные детальные консультации и всестороннюю помощь в работе над материалом.

тремя фрагментами горл (рис. 1,3-5). Их диаметр варьирует от 13,5 до 21,0 см. Морфологически близки амфорам типа Зеест-85, датирующимся II-III вв. н.э. [7, с. 116, табл. XXXV,85].

Широкогорлые амфоры с широким желобком под массивным валикообразным или подтреугольным в сечении венчиком (рис. 1,6-7), диаметр которого варьирует от 21,0 до 30,0-31,0 см, выполнены из глины коричневатых оттенков с серым закалом, с включением частиц слюды.

Широкогорлые амфоры с массивным валикообразным венчиком со слабо выраженным валиком вдоль внутреннего края представлены в зольнике тремя фрагментами (рис. 1,9-11). У двух венчик вертикальный, ручки массивные, круглые в сечении, у третьего – венчик слегка отогнут, массивная овальная ручка имеет слабую профилировку на верхней поверхности (рис. 1,11), на одном из горл имеется глубокое пальцевое вдавление на внутренней стороне на уровне прилепа ручки (рис. 1,10). Кроме того, имеются и некоторые отличия в форме венчика. Все три фрагмента сделаны из глины коричневатых оттенков с серым закалом, с включением частиц слюды.

Кроме вышеописанных, в зольнике выявлены и другие типы амфор предположительно боспорского производства, представленные единичными фрагментами.

Широкогорлая амфора с массивным венчиком подтреугольного сечения, с гребнем вдоль внутреннего края (рис. 1,8). Глина с включениями частиц слюды, коричневатая, с серым закалом.

Амфора с подпрямоугольным в сечении, слегка отогнутым венчиком (рис. 1,12). Глина с включением частиц слюды, коричневатая, с серым закалом.

Амфора с треугольным в сечении венчиком с плоской верхней поверхностью (рис. 1,13). Глина розоватая с сиреневым оттенком, с крупными белыми или желтоватыми включениями известняка и белыми прожилками, плотный зеленоватый ангоб.

Для амфор, которым принадлежали описанные фрагменты, характерны массивные овальные или круглые в сечении ручки (рис. 1,14-21). Диаметр круглых в сечении варьирует от 43 до 30 мм. Одна из ручек с одной стороны профилирована тремя валиками (рис. 1,14).

Среди ножек рассматриваемых амфор выделены: а) короткие цилиндрические с четко выраженной плоской подошвой (рис. 1,23,25-26) и б) короткие конические с выпуклой подошвой (рис. 1,22,24).

Светлоглиняные остродонные амфоры с профилированными ручками (тип С III по Внукову)

Это широкогорлые амфоры с яйцевидным туловом, конической ножкой и профилированными ручками, датирующиеся 20-15 г. I в. до н.э. – первой третью I в. н.э. [14, с. 167]. Формой ручек и валикообразного венчика амфоры

типа С III очень близки ранним экземплярам узкогорлых светлоглиняных амфор варианта С IVA. Кроме того, венчики этого типа амфор часто трудноотличимы от венчиков амфор типа С I, что при фрагментированности рассматриваемого материала часто затрудняет определение типа, которому принадлежал тот или иной фрагмент. Бесспорно, к рассматриваемым амфорам можно отнести лишь несколько фрагментов (рис. 2,1-3). Возможно, к ним принадлежала часть фрагментов слегка припухлых горл с валикообразным венчиком, принадлежность которых к какому-то типу невозможно точно определить. Кроме того, горла с валикообразными венчиками диаметром немного больше 8,0 см, возможно, принадлежат к переходной форме от амфор типа С III к узкогорлым светлоглиняным амфорам варианта С IVA (рис. 2,4-5).

Возможно, амфорам типа С III принадлежали конические ножки разновидностей С н 3а и С н 3б (рис. 2,6-8) [13, с. 113-115].

Светлоглиняные узкогорлые амфоры (тип С IV по Внукову)

Большая часть венчиков светлоглиняных узкогорлых амфор, выявленных в зольнике 1, принадлежит варианту С IVA обоих подвариантов (подвариант 1 – рис. 4,2-7; подвариант 2 – рис. 4,1,11; 5,1-7), датирующихся соответственно второй – началом последней четверти I в. н.э. и 60-ми гг. – концом I в. [14, с. 167]. Возможно, венчики подтреугольных очертаний являются промежуточной формой между С IVA и С IVB (рис. 4,8-10). Выявленные в зольнике донца светлоглиняных узкогорлых амфор принадлежат вариантам С IVA обоих подвариантов (подвариант 1 – рис. 6,2-6; подвариант 2 – рис. 6,1) и варианта С IVB (рис. 6,7-16).

Датирующийся второй четвертью – концом (?) II в. н.э. вариант С IVC [13, с. 202] представлен в зольнике 1 незначительным количеством фрагментов (рис. 5,8-14), что контрастирует с ситуацией в верхнем зольнике, где этот тип является доминирующим.

Ручки светлоглиняных позднегераклейских амфор

Из-за наличия многочисленных переходных вариантов и из-за того, что амфоры разных типов часто имели ручки одного профиля, определить принадлежность той или иной ручки к одному из типов светлоглиняных позднегераклейских амфор чрезвычайно трудно. Так, по наблюдениям С.Ю. Внукова, примерно у четверти ранних амфор варианта С IVA отмечены ручки, не отличающиеся профилировкой от ручек сосудов типа С III, хотя в среднем они более широкие [13, с. 126-127]. Среди ручек, выявленных в нижнем зольнике, имеются экземпляры с двумя пальцевыми округлыми врезами (вариант С р 3А) (рис. 3,1-4), с тремя одинаково выполненными «подпрямоугольными» врезами (вариант С р 3Б) (рис. 3,5-7), с тремя угловатыми острыми врезами (вариант С р 3В) (рис. 3,8-16), с тремя округлыми

врезами (разновидность С р 3г) (рис. 3,17-32), ручки разновидности С р 3д (рис. 3, 33) и ручки, профилированные в комбинированной технике (вариант С р 3Ж) (рис. 3,34-42) [13, с. 109, табл. 24]. Кроме того, следует отметить наличие многочисленных переходных вариантов, принадлежность которых к одному из типов светлоглиняных амфор определить практически невозможно (рис. 3,43-53).

Псевдокосские амфоры с двуствольными ручками

Псевдокосские амфоры с двуствольными ручками принадлежат к числу наиболее распространенных и наиболее важных разновидностей тары раннеримского времени. По цвету глины они делятся на две группы: светло- и красноглиняные. Их общая дата – I в. до н.э. – первая половина II в. н.э., но отдельные разновидности изготавливались в Западном Средиземноморье и в начале III в.

Светлоглиняные псевдокосские амфоры с двуствольными ручками (тип С I по Внукову)

В Причерноморье выделены два центра – Синопа и Гераклея, где они производились в середине I в. до н.э. – первой трети II в. н.э. Южнопонтийские амфоры очень близки морфологически и отличаются только мелкими деталями формы. К таким деталям относятся налепы и пальцевые вдавления, которые появляются на ручках позднегераклеийских амфор со второй четверти I в. н.э., характер перегиба ручек, более плавный у синопских и острый с уплощением стволов на внешней поверхности у позднегераклеийских [16, с. 57-58]. Практически все выявленные в зольнике 1 фрагменты амфор этого класса относятся к группе позднегераклеийских. Такая же картина наблюдается и на других памятниках Северного Причерноморья [17].

Венчики всех типов светлоглиняных широкогорлых амфор не всегда надежно отличимы друг от друга (рис. 7,1-6). Поэтому при определении конкретного типа амфор мы использовали только экземпляры с сохранившимися ручками, что позволяет отличить псевдокосские амфоры с двуствольными ручками от амфор типа С III с профилированными ручками [13, с. 144]. Венчики амфор данного типа диаметром менее 10,3 см определены как вариант С 1б конца первой четверти I – первой трети II вв. н.э. [13, с. 95, 202] (рис. 8,2-5). К этому же варианту относятся ручки с налепом в виде полосы на внутренней стороне ручек в месте изгиба и более резким перегибом (рис. 8,6-11). Единичные экземпляры по характеру перегиба ручки отнесены к варианту С Ia (рис. 8,1), датирующемуся рубежом 60-х-50-х гг. I в. до н.э. – первой четвертью I в. н.э. [14, с. 167]. Сказать что-либо определенное по поводу остальных фрагментов горл, лишенных каких-либо четких морфологических признаков, не представляется возможным (рис. 7,7-9).

Среди ножек доминирует вариант С н 1В (рис. 8,12-15,17,19-20,22-24), который резко преобладает у амфор варианта С 1б. Ножки вариантов С н 1А и С н 1Б (рис. 8,16,18,21), представленные в зольнике единичными экземплярами, можно отнести к варианту С 1а. Таким образом, большую часть светлоглиняных амфор с двуствольными ручками из зольника 1 с большей степенью вероятности можно отнести к варианту С 1б, датирующемуся 10-ми гг. I – первой третью II вв. н.э. [14, с. 167]. Однако, еще раз подчеркнем, что границы между вариантами этого типа амфор размыты [13, с. 95].

Красноглиняные псевдокосские амфоры с двуствольными ручками

Типология и хронология псевдокосских красноглиняных амфор не разработана, но разнообразие теста, из которого они изготовлены, позволяет предполагать их производство в нескольких центрах, на основании чего выделяют их западные и восточные разновидности. В качестве районов производства восточных называют Кос, Александрию, Киликию, побережье Кари и ближайшие к нему острова.

Фрагменты таких амфор, выявленные в ходе раскопок зольника 1, также сделаны из разного теста, со значительным преобладанием сосудов, считающихся продукцией восточно-средиземноморских центров³. Это покрытые светлым зеленоватым ангобом сосуды, выполненные из красной, плотной, хорошо отмученной глины с темно- или пепельно-серым закалом, примесью слюды и единичных белых включений (рис. 9,1-5,10).

Ручка с резким перегибом угловатых очертаний (рис. 9,6) выполнена из оранжево-красной глины с белыми, сероватыми и коричневатыми включениями. Из красновато-коричневой, довольно пористой глины с небольшим количеством темных включений сделана массивная ручка с плавным верхним перегибом (рис. 9,7). Распространение в Причерноморье красноглиняных амфор с двуствольными ручками из похожей глины отмечено С.Ю. Внуковым, который датирует их I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. и относит их производство к району Западного или Юго-Западного Причерноморья [16, с. 61]. Фрагмент горла с венчиком в виде уплощенного валика и фрагмент ручки с резким перегибом (рис. 9,8-9) сделаны из красно-коричневой слюдянистой глины. Ручка покрыта светлым ангобом.

Амфоры с ложнодвуствольными ручками

Помимо двуствольных ручек в нижнем зольнике найдена ложнодвуствольная ручка с резким верхним перегибом из красно-коричневой хорошо отмученной глины с единичными включениями белых частиц (рис. 9,11). Амфоры

³ Устная консультация С.Ю. Внукова.

с ложнодвуствольными ручками редко встречаются в Северном Причерноморье и более характерны для Западного Средиземноморья [16, с. 56].

Позднесинопские амфоры с желобком под венчиком (тип Син II по Внукову)

Позднесинопские амфоры типа Син II, бытовавшие с последней четверти I в. н.э. [14, с. 167], представлены фрагментами горл (рис. 9,12-19), несколькими фрагментами небольших подовальных в сечении ручек, иногда с продольным валиком на внешней поверхности и коническими донцами с нечетко оформленной подошвой (рис. 9,20).

Позднесинопские плоскодонные амфоры со сложнопрофилированным венчиком (вариант Син IVa по Внукову)

Амфоры варианта Син IVa по С.Ю. Внукову конца I в. до н.э. – середины II вв. н.э. [14, с. 167] в небольшом количестве встречаются на памятниках Нижнего Подонья, Северо-Западного и Центрального Крыма, Нижнего Дона и Северо-Кавказского побережья [18, с. 211]. В зольнике 1 этот тип представлен единичными фрагментами двухваликовых венчиков (рис. 9,21-22) и донцем с четким перегибом контура, отделяющим поддон от стенки тулова (разновидность С п 1а) (рис. 9,23).

Амфоры с воронковидным горлом (Dressel 24)

Амфоры данного класса появились еще в эллинистическое время [19] и, судя по различиям в форме и глине, производились в нескольких центрах: мастерские по их производству открыты в Южной Греции, на Хиосе [20] и т.д. Претерпев ряд морфологических изменений, детально проанализированных А. Опайтом [19], они доживают до позднеантичного / ранневизантийского времени включительно.

Все выявленные в зольнике 1 амфоры этого класса, за единичными исключениями, сделаны из красной, хорошо отмученной глины с редкими включениями карбонатов и частиц слюды и покрыты светлым ангобом, изредка приобретающим зеленоватый оттенок. Фрагментированность материала из раскопок зольника, к сожалению, затрудняет использование имеющихся типологий, которые обычно строятся на форме тулова, соотношении высоты горла и воронки и т.д.

Значительная часть фрагментов, характеризующихся плавным переходом от воронки к горлу, по-видимому, принадлежала амфорам, аналогии которым происходят, главным образом, из комплексов II в. н.э. (рис. 10,1-9) [21, с. 103, 105]. Амфоры с характерным для данных вариантов округлым, чуть загнутым вовнутрь краем хорошо известны по раскопкам комплексов II в. в Танаисе [12, с. 272]. Фрагменты венчиков с прямыми стенками (рис. 10,10-11), судя по ана-

логиям из Калос-Лимена и Кутлакской крепости, можно датировать рубежом эр – первой половиной I в. н.э. [21, рис. 5].

Ножки из зольника имеют кнопкообразную форму (рис. 10,13,15), некоторые отличаются резким расширением на конце (рис. 10,12,14,16).

За исключением одной ручки, профилированной глубоким продольным желобком на внешней поверхности (рис. 10,17), все выявленные в зольнике ручки амфор рассматриваемого типа – овальные в сечении, иногда очень миниатюрные (рис. 10,18-27).

Коричневоглиняные (колхидские) амфоры

Амфоры из рыхлой глины разных оттенков коричневого, с большим количеством примесей, главным образом пироксена, производились в нескольких пунктах Западной Грузии и в районе Трапезунда. Скорее всего, основным поставщиком коричневоглиняных амфор на Боспор был именно Трапезунд, поддерживавший с Северным Причерноморьем постоянные торговые контакты [14, с. 83, 84-85]. В зольнике 1 рассматриваемые амфоры представлены незначительным количеством (29) фрагментов варианта Kx IB (рис. 11,2), переходного варианта Kx IB-C (рис. 11,3) и варианта Kx IC (рис. 11,1,4), сменявших друг друга в последней четверти I в. н.э. [13, с. 202]. Две найденные в зольнике конические ножки со слегка вогнутым внешним контуром (подвариант Kx н 1Aa) также характерны для вариантов Kx 1B и IC (рис. 11,5,6).

Амфоры с шиповидными ручками (тип Зеест-67 [7, с. 110-111, табл. XXIX,67])

В зольнике амфоры этого типа представлены фрагментом горла с валикообразным венчиком и округлой в сечении ручкой с шипом в месте изгиба и фрагментом верхней части ручки, сплющенной с боков в месте изгиба (рис. 11,7,8). Обе сделаны из красной хорошо отмученной глины без видимых включений. Вторая покрыта плотным зеленоватым ангобом. Амфоры подобного типа производились в нескольких центрах Средиземноморья и в Северном Причерноморье появляются не ранее I в. н.э.⁴

Красноглиняные амфоры типа «с коническим дном» (тип Зеест-69 [7, с. 111, табл. XXIX,69])

Амфоры этого типа, отличающиеся значительной высотой ножки в форме усеченного конуса с округлой или плоской подошвой, обычно датируются I-II вв. н.э. [8, с. 46, рис. 51,6.1; 7, с. 111]. В зольнике 1 этот тип амфор представлен одной ножкой (рис. 13,1).

⁴ Устная консультация С.Ю. Внукова.

Красноглиняные амфоры с отогнутым краем

Два фрагмента массивных резко отогнутых наружу венчиков из красно-оранжевой чистой глины с примесью мелкого песка (рис. 11,9-10) принадлежали амфорам с высоким припухлым в средней части горлом и коническим туловом, хорошо известным по находкам их фрагментов и целых экземпляров в Танаисе как в закрытых комплексах середины II в. н.э., так и, особенно много, в переотложенных слоях и мусорных свалках с материалом I – первой половины II вв. н.э. [17, с. 140, табл. 1,9-14,21-23; 11, с. 60, рис. 16,4-6,8; 12, с. 271-272, рис. 2,8]. И.С. Каменецкий датирует их появление рубежом эр [17, с. 140]. А. Опайт по материалам из раскопок Добруджи относит их бытование к I в. н.э. [22, р. 250-251, fig. 5/1a,b]. С.А. Науменко по материалам из раскопок Танаиса – к середине I – середине II вв. и, возможно, позже, отмечая их отсутствие в комплексах середины III в. [12, с. 272]. Центр их производства пока не определен.

Красноглиняные амфоры типа найденной в Мирмекии (тип Зеест-72 [7, с. 111-112, табл. XXXI,72])

Амфоры данного типа, сделанные из красной крупнозернистой глины с песком и белыми включениями, датируются концом II – первой половиной III вв. н.э. В зольнике 1 найден один фрагмент ручки амфоры данного типа, возможно, попавший в зольник в результате перекопа.

Оставшиеся фрагменты амфор трудно связать с каким-либо конкретным типом амфор. Мы приводим описание наиболее характерных типов венчиков, ручек и доньев.

Фрагмент горла с массивным подтреугольным в сечении венчиком и массивной овальной в сечении ручкой (рис. 11,11). Глина кирпично-красная, рыхлая, с редкими включениями золотистых частиц. Из такой же глины выполнен еще один фрагмент массивной овальной в сечении ручки. Возможно, фрагменты относятся к серии оранжевоглиняных амфор, бытовавших с середины / конца I в. н.э. до середины или чуть позже II в. н.э., предположительно производившихся в Западном или Северо-Западном Причерноморье и хорошо известных по материалам Танаиса⁵. К этой же серии, скорее всего, относятся ручки, выполненные из оранжево-красной глины с редкими белыми и коричневыми включениями и частицами слюды: а) массивные подтреугольные в сечении (рис. 12,1-4); б) круглые в сечении (рис. 12,5); в) круглые в сечении с глубоким желобком на наружной поверхности (рис. 12,6); г) массивные овальные в сечении, иногда с легкой профилировкой на внешней поверхности (рис. 12,7-15); д) массивная подтреугольная в сечении ручка со слабо выраженными желобками на внешней поверхности (рис. 12,11).

Остальные выявленные в зольнике ручки (рис. 12,12-23) и ножки (рис. 13,2-11)

⁵ Устная консультация С.А. Науменко.

сделаны из красной глины разных оттенков. Все они находят аналогии в комплексах Танаиса и могут быть датированы I-II вв.⁶

Помимо вышеперечисленных фрагментов в зольнике 1 было выявлено около 60 фрагментов эллинистических амфор разных типов.

Таким образом ядро нижнего зольника составляет материал преимущественно I в. н.э., причем около половины его амфорного комплекса составляют светлоглиняные узкогорлые амфоры типа С IVA по С.Ю. Внукову, при доминировании позднего варианта 2, и светлоглиняные псевдокосские (по 25% каждый). Наличие в нем некоторого количества более раннего материала (около 10%) объясняется, по всей видимости, его расположением у подножия горы, что могло привести к сползанию более ранних слоев со склона, хотя не исключено, что зольник 1 начал формироваться еще в позднеэллинистическое время. Судя по присутствию в нем некоторого количества светлоглиняных узкогорлых амфор типа С IVC (рис. 5, 8-14), его формирование закончилось во второй четверти II в. Выявленные в зольнике фрагменты розовоглиняных широкогорлых амфор боспорского производства (около 7%) свидетельствуют о появлении этого типа амфор в первой половине II в.

ВЕРХНИЙ ЗОЛЬНИК (зольник 2) Амфоры боспорского производства

Фрагменты *широкогорлых амфор с валикообразным венчиком (розовоглиняные амфоры по А.П. Абрамову [8, с. 48-49], тип Зеест-84 [7, с. 116, табл. XXXV, 84])* боспорского производства бесспорно относятся к числу самых многочисленных находок в верхнем зольнике. Венчики вертикальные или слегка отогнутые наружу, с прямой или выпуклой внутренней поверхностью, часто с неглубоким желобком или подрезкой под валиком (рис. 14, 1-7, 9, 13). Изредка валик вытянут по вертикали (рис. 14, 8, 10-11) или имеет подтреугольные очертания (рис. 14, 12-14). И.Б. Зеест датирует этот тип амфор II-III вв., А.П. Абрамов сузил датировку до конца II – первой половины III вв. В.К. Голенко расширил рамки их бытования до II-IV вв. [23, с. 121]. В Танаисе такие амфоры широко представлены, главным образом, в закрытых комплексах, погибших в середине III в. [10, с. 63; 12, с. 279]. Возможно, амфоры рассматриваемого типа обжигались в печи, открытой к северу от Нимфейского городища. В ее заполнении и на прилегающей к ней территории было обнаружено значительное количество их фрагментов [24, с. 143].

Вторым массовым типом венчиков, принадлежавших *розовоглиняным широкогорлым амфорам с плоским венчиком (тип 83/89 по Зеест [7, с. 115-116, 117, табл. XXXIV, 83; XXXVI, 89])*, являются уплощенные, сильно вытянутые

⁶ Устная консультация С.А. Науменко.

по вертикали, часто подтреугольные в сечении, отделенные от стенки горла с внешней стороны неглубоким желобком или уступом. Диаметр венчиков варьируется от 17,0 до 27,0 см. И.Б. Зеест датировала этот тип амфор II-III вв. н.э., А.П. Абрамов – концом II – первой половиной III вв. н.э. [8, с. 48]. Присутствие фрагментов этого типа амфор в нижнем зольнике, формирование которого закончилось не позднее первой половины II в. н.э., свидетельствует в пользу первой даты.

В ходе работы над материалом зольников выделено несколько разновидностей венчиков амфор данного типа:

а) Венчики подтреугольной формы с заостренным краем (Зеест-89к) (рис. 14, 15-17). Фрагменты аналогичных венчиков найдены в слое первой половины III в. на городище Артезиан [25, с. 49, рис. 49,3].

б) Венчики в форме вытянутого по вертикали валика подтреугольного сечения (рис. 15, 1-4). На городище Артезиан подобные венчики выявлены в слое I-III вв. [25, с. 49, рис. 12,65]. Известны они и по раскопкам в Мирмекии и Илурате [26, с. 209, рис. 129; 27, с. 118, рис. 122]. Близкие аналогии фрагменту, изображенному на рис. 15,3, найдены в комплексе середины III в. в Патрее [28, с. 66, табл. 3,422] и на городище Артезиан в слое первой половины III в. [29, с. 51, рис. 49,3]. В Танаисе амфоры с венчиком аналогичной формы часто встречаются в комплексах II-III вв. [9, с. 139, рис. 15].

в) Венчики в форме очень вытянутого по вертикали прямоугольника со скошенной внутрь верхней поверхностью (Зеест-83б; Абрамов-6.27 [8, с. 48, рис. 57]) (рис. 15, 5-8). Амфора с аналогичным венчиком найдена в слое пожара рубежа 30-40-х гг. III в. н.э. в Горгиппии [30, рис. 7, 10; 13, 6]; многочисленные фрагменты подобных венчиков выявлены на городище Артезиан в слое I-III вв. [25, с. 49, рис. 12,55,57,59,62,64,68].

г) Венчики подпрямоугольной формы с желобком на верхней поверхности (Зеест-83б) (рис. 15, 11, 17-19). Фрагменты амфор с подобными венчиками выявлены на городище Артезиан в слое I-III вв. [25, с. 49, рис. 12,66], в Горгиппии в яме с монетами 132-154 гг. [30, с. 31, рис. 51,8].

д) Венчики подтреугольной формы с заостренным верхом и выемкой вдоль верхнего края внутренней стороны (Зеест-89а) (рис. 15, 12-15). Амфоры с аналогичными венчиками найдены в слое пожара рубежа 30-40-х гг. III в. н.э. в Горгиппии [30, рис. 4, 15, 17; 17, 7].

Реже встречаются фрагменты *широкогорлых амфор* с небольшим, слабо выраженным, слегка отогнутым наружу венчиком в форме вытянутого по вертикали прямоугольника, который смотрится, скорее, как слегка утолщенное продолжение стенки. Диаметр венчика таких амфор колеблется от 17,0 до 24,0 см (рис. 15, 9-10).

К редкому типу относится и единственный выявленный в зольнике подтреугольный в сечении, слегка отогнутый наружу венчик со слабой

профилировкой на нижней поверхности (рис. 15,20). Похожий венчик из Илурата отнесен И.Б. Зеест к типу 83, датирующемуся концом II – первой половиной III вв. [7, табл. XXXIV,836].

Все амфоры с перечисленными выше разновидностями венчиков имели, судя по сохранившимся фрагментам горл с остатками ручек, массивные овальные или круглые в сечении ручки. Диаметр последних варьирует от 3,0 до 4,7 см. Однако, встречаются и единичные экземпляры с профилированной наружной поверхностью.

Амфоры или кувшины с маленьким подтреугольным или подпрямоугольным в сечении венчиком, диаметр которого колеблется от 10,0 до 20,0 см (рис. 16,1-2), судя по единственному выявленному в ходе раскопок фрагменту горла с остатком ручки (рис. 16,3), имели крученые ручки, фрагменты которых, выполненные из глины, визуальнo похожей на глину описываемых горл, неоднократно встречались в ходе раскопок (рис. 16,4-6). Кроме того, фрагменты аналогичных горл с кручеными ручками неоднократно находили при раскопках Горгиппии в слоях II – первой половины III вв. н.э. [31, табл. 113,2]. Однако, судя по находке в Нимфее, аналогичные ручки имели также амфоры с высоким горлом и слегка наклонным вовнутрь уплощенным венчиком, отделенным с внешней стороны от почти такой же по толщине стенки горла небольшим уступом [32, с. 13, рис. 23,3, фото VIII,6]. Трудно сказать, как выглядела нижняя часть описываемых амфор с подобными ручками. Однако А. Опайт выделил т.н. «столовые амфоры» с массивными кручеными ручками и широким плоским или вогнутым дном, которые производились на Нижнем Дунае со II по VI вв. включительно [33, р. 206-207, pl. 4,1A,1B,5,6; 5,3]. Не исключено, что такую же форму имели амфоры, которым принадлежали описанные фрагменты.

К сожалению, рубчатые (с продольными бороздками) ручки ни разу не были найдены в сочетании с венчиками, но их массивность позволяет предположить их принадлежность к одному из перечисленных выше типов амфор (рис. 16,7-8). Фрагмент амфоры, аналогичной типу Зеест-89, из розовато-красной глины с серо-желтым ангобом с подобными ручками был найден в Нимфее. Автор раскопок датирует такие сосуды в пределах середины II – начала III вв. и приписывает их изготовление одному из центров Таманского полуострова [32, с. 13, рис. 23,2, фото VIII,6].

Среди ножек амфор боспорского производства также выделяется несколько разновидностей. К наиболее часто встречающимся относятся короткие сплошные конические (рис. 17,6,8,12,13), в виде усеченного конуса с выпуклой или плоской подошвой (рис. 17,1,2,5,7,9-11). Реже встречаются короткие сплошные цилиндрические ножки с четко выраженной подошвой (рис. 17,3-4). На некоторых экземплярах хорошо видны следы заглаживания плоским инструментом и следы от подставки.

Светлоглиняные псевдокосские амфоры с двуствольными ручками (тип С I по Внукову)

Незначительное количество венчиков амфор этого типа можно отнести к варианту С Ia (рис. 18,1-3), датирующемуся рубежом 60-50-х гг. I в. до н.э. – первой четвертью I в. н.э. [14, с. 167]. Однако доминируют в зольнике фрагменты венчиков позднего варианта (рис. 18,4-10), принадлежность к которому определялась по морфологическим признакам, описанным выше (см. зольник 1, раздел «Светлоглиняные псевдокосские амфоры»).

Среди ножек варианты С н 1А и С н 1Б представлены единичными экземплярами (рис. 18,11-13) при значительном преобладании варианта С н 1В (рис. 18,14-21), который более характерен для амфор варианта С Iб. Таким образом, как и в зольнике 1, большую часть светлоглиняных амфор с двуствольными ручками из зольника 2 с большой степенью вероятности можно отнести к варианту С Iб, датирующемуся 10-ми гг. I – первой третью II вв. н.э. [14, с. 167].

Красноглиняные псевдокосские амфоры с двуствольными ручками

В ходе раскопок зольника 2 были выявлены фрагменты псевдокосских амфор, сделанных из разных типов глины, но, как и в зольнике 1, преобладают фрагменты амфор из красной плотной хорошо отмученной глины со слюдой и единичными белыми включениями. Закал, как правило, темно- или пепельно-серый, поверхность покрыта светлым ангобом (рис. 18,22-33).

Единичными фрагментами представлены **псевдородосские светлоглиняные амфоры (типа II по Внукову)**, представляющие собой довольно редкую разновидность тары раннеримского времени в Причерноморье и датирующиеся 50-ми годами I в. до н.э. – рубежом эр [13, с. 97, 202]. В зольнике удалось выявить круглую в сечении ручку диаметром 3,5 см.

Светлоглиняные остродонные амфоры с профилированными ручками (тип С III по Внукову)

Как уже отмечалось, близость формы ручек и венчиков амфор этого типа и узкогорлых светлоглиняных варианта С IVA позволяет только в редких случаях точно определять принадлежность того или иного фрагмента к одному из типов. Среди материала из описываемого зольника только несколько фрагментов удалось бесспорно отнести к типу С III (рис. 19,1-3). Ряд венчиков могли одинаково принадлежать как амфорам типа С III, так и узкогорлым светлоглиняным амфорам подварианта С IVA₁ (рис. 19,4-7). Возможно, амфорам типа С III принадлежат несколько фрагментов конических ножек разновидностей С н 3а и С н 3б (рис. 19,8-10) [13, с. 113-115].

Светлоглиняные узкогорлые амфоры (тип С IV по Внукову)

Светлоглиняные узкогорлые амфоры представлены в зольнике 2 единичными фрагментами доньев (рис. 21, 1-4) и венчиков амфор варианта С IVA (подвариант 1 – рис. 19, 11-13; подвариант 2 – рис. 19, 14-16) и значительно большим количеством фрагментов амфор варианта С IVB 80-х гг. I – 40-х гг. II вв. н.э. [14, с. 167] (рис. 19, 17-22; 21, 5, 11-17). Несколько доньев можно отнести к переходному варианту С IVA-B (рис. 21, 6, 8-10). Превалируют в комплексе узкогорлых светлоглиняных амфор из верхнего зольника, безусловно, фрагменты амфор варианта С IVC (рис. 20, 1-10, 13; 21, 18-27) второй четверти – конца (?) II вв. н.э. [14, с. 167]. Несколько выявленных фрагментов, возможно, принадлежат амфорам варианта С IVD (рис. 20, 14; 21, 24-25), появившегося, по предположению С.Ю. Внукова, в последней четверти II в. н.э. [14, с. 167].

Следует отметить находку двух нетипичных горл узкогорлых светлоглиняных амфор. Одно – относительно короткое раздутое, с валикообразным, сильно отогнутым венчиком, приобретающим вид воронки (рис. 20, 11); второе – короткое, расширяющееся книзу, с валикообразным, слегка отогнутым венчиком, характерным для варианта С IVA₂ (рис. 20, 12).

Ручки светлоглиняных позднегераклейских амфор

Как уже отмечалось, из-за наличия многочисленных переходных вариантов и из-за того, что амфоры разных типов часто имели ручки одного профиля, определить принадлежность той или иной ручки к одному из типов светлоглиняных позднегераклейских амфор чрезвычайно трудно. К амфорам типа С III С.Ю. Внуков относит ручки шириной не более 48 мм, с двумя пальцевыми округлыми врезами (вариант С р 3А) (рис. 21, 28-31), с тремя одинаково выполненными «подпрямоугольными» врезами (вариант С р 3Б) (рис. 21, 32-41), с тремя угловатыми острыми врезами (вариант С р 3В) (рис. 21, 42-45) и с тремя округлыми врезами (разновидность С р 3г) (рис. 21, 46-52), а также разновидности С р 3д (рис. 21, 53-56) [13, с. 109, табл. 24]. По наблюдениям С.Ю. Внукова, примерно у четверти ранних амфор варианта С IVA отмечены ручки, не отличающиеся профилировкой от ручек сосудов типа С III, хотя в среднем они более широкие [13, с. 126-127].

К варианту С IVA мы предположительно отнесли ручки, профилированные в комбинированной технике (вариант С р 3Ж) (рис. 21, 57-68). Однако настораживает несоответствие между незначительным количеством выявленных в зольнике венчиков указанных вариантов амфор и большим количеством ручек, предположительно относящихся к ним. Доминируют в верхнем зольнике ручки со сдвинутым в сторону валиком, рассеченным желобком, относящиеся к вариантам С IVB или С IVC (рис. 21, 69-75). Кроме того, следует отметить наличие многочисленных светлоглиняных овальных в сечении ручек небольших размеров.

Позднесинопские амфоры типа Син VI по Внукову

Возможно, амфорам недавно выделенного С.Ю. Внуковым типа Син VI, датирующегося концом II – началом III вв. н.э. [34], принадлежат два фрагмента горл с уплощенным венчиком с четкой подрезкой (рис. 22,1-2). Амфоры данного типа характеризуются коническим или яйцевидным туловом, относительно узким горлом, петлевидными овальными или ромбовидными в сечении ручками и короткой конической ножкой [34, fig. 2,5-8].

Позднесинопские амфоры с желобком под венчиком (тип Син II по Внукову)

Позднесинопские амфоры типа Син II, бытовавшие с последней четверти I в. н.э. [14, с. 167], представлены в зольнике довольно значительным количеством фрагментов горл, как ранних вариантов, с хорошо выраженным желобком под венчиком, так и более поздних, с почти не читающимся желобком (рис. 22,3-15,17,18). К этому же типу относятся конические донья (рис. 22,20-26).

Псевдокосские синопские амфоры (тип Син III по Внукову)

Возможно, этому типу амфор 40-х гг. I в. до н.э. – конца I в. н.э. [13, с. 141-143; 14, с. 159, 167] принадлежит желудевидная ножка (рис. 22,27).

Позднесинопские плоскодонные амфоры со сложнопрофилированным венчиком (тип Син IV по Внукову)

В верхнем зольнике наряду с фрагментами двухваликовых венчиков амфор варианта Син IVa конца I в. до н.э. – середины II в. н.э. [14, с. 167] (рис. 22,28) и амфор переходного варианта (рис. 22,29,30) II в.⁷ выявлены фрагменты венчиков с довольно высоким массивным отогнутым наружу подтреугольным валиком с вогнутым внешним контуром и четкой подрезкой внизу, принадлежащих амфорам варианта Син IVб (рис. 22,31-32) второй половины II – первой четверти IV вв. н.э. [34]. Донца амфор данного типа имеют четкий перегиб контура, отделяющий поддон от стенки тулова (разновидность С п 1а), и относятся к амфорам варианта Син IVa (рис. 22,33-34) и варианта Син IVб (рис. 22,35).

Из глины, визуально напоминающей глину синопских амфор, выполнен фрагмент цилиндрического горла с небольшим треугольным в сечении венчиком и массивной овальной в сечении ручки с валиком на верхней поверхности (рис. 22,36).

Как уже отмечалось, некоторые ручки синопских амфор можно отнести к тому или иному типу только предположительно. Возможно, небольшие овальные в сечении, иногда миниатюрные, ручки относятся к типу Син II

⁷ Датировка С.Ю. Внукова.

(рис. 22, 37-44), а с легкой профилировкой на верхней поверхности – к типу Син IV (рис. 22, 45-47). Несколько фрагментов ручек по общей форме и профилю, вероятно, можно отнести либо к типу синопских широкогорлых амфор с профилированными ручками (тип V по Внукову), датирующихся второй половиной I в. н.э. [13, с. 202] (рис. 22, 48-49), либо к типу позднесинопских плоскодонных амфор со сложнопрофилированным венчиком варианта Син IVa конца I в. до н.э. – середины II в. н.э. [14, с. 167].

Коричневоглиняные (колхидские) амфоры

Амфоры этого типа представлены в верхнем зольнике фрагментами венчиков амфор варианта Кх IB₂ (рис. 23, 1-5) и более поздних Кх IC₁ (рис. 23, 6-16) и Кх IC₂ (рис. 23, 17) по С.Ю. Внукову. Первые два сменяли друг друга в последней четверти I в. н.э. [13, с. 202]. Вариант Кх IB₂, представленный в зольнике единичными экземплярами, характеризуется отсутствием ребра на горле. Поздний вариант (Кх IC), для которого характерно очень короткое горло с более или менее выраженным ребром на уровне верхнего прилепа ручек и соответствующим ему вдавлением внутри горла, представлен в зольнике в развитии от ранних разновидностей с небольшой припухлостью на горле (рис. 23, 6-7) к поздним со специально оформленным ребром (рис. 23, 8, 9-11, 14, 16). Серединой III в. н.э. датируются сосуды с венчиком, диаметр которого значительно превышает диаметр горла под ребром и практически совпадает с диаметром этого ребра (рис. 23, 12, 13, 15, 17) [13, с. 165, рис. 66, 3].

Ручки колхидских амфор лишены четких морфологических признаков, позволяющих определить вариант амфоры, которому они принадлежали. Только их общая форма дает возможность выделить ранние и поздние варианты – со временем нижний прилеп ручек перемещается от средней части плечиков на границу плечиков и горла или даже к нижней части горла (рис. 23, 21-23) [13, с. 180, рис. 66, 2, 3].

Выявленные в зольнике варианты ножек: конические со слегка вогнутым внешним контуром и округлой или плоской подошвой (Кх н 1Аб) (рис. 23, 18), конические с прямым (Кх н 1Аг) (рис. 23, 19, 25) или слегка вогнутым внешним контуром (Кх н 1Аа) (рис. 23, 20, 24, 26-27) также характерны для амфор вариантов Кх IB₂ и Кх IC. «Улитка», имеющаяся на внутренней стороне некоторых доньев из зольника 2 (рис. 23, 19, 20), в основном встречается на амфорах эллинистического времени. В римский период она постепенно исчезает и в III в. н.э. встречается только на больших сосудах подварианта Кх IC₂ [35].

Амфоры с воронковидным горлом

Как и в зольнике 1, все выявленные в зольнике 2 амфоры этого типа, за единичными исключениями, сделаны из красной, хорошо отмученной глины с редкими включениями карбонатов и частиц слюды и покрыты светлым ангобом,

изредка приобретающим зеленоватый оттенок (рис. 24,3,6,8-17). Единичные экземпляры сделаны из бежевой с красным закалом глины со слюдой и белыми включениями (рис. 24,1-2,4,7). Кроме того, в зольнике выявлен фрагмент воронковидного горла гераклейской светлоглиняной амфоры (рис. 24,5) (тип С V по Внукову), основное время бытования которых относится к III в. н.э. [13, с. 128-129].

Фрагментированность материала из зольника не позволяет в полном объеме использовать имеющиеся типологии амфор рассматриваемого класса, учитывающих форму тулова, соотношение высоты горла и воронки и т.д.

Среди венчиков выделяются несколько фрагментов довольно массивных горл со скошенной внутрь или горизонтальной уплощенной верхней поверхностью и довольно плавным переходом к горлу. Диаметр таких венчиков – около 17-18 см (рис. 24,1-4). Три из них сделаны из бежевой глины со слюдой и один – из плотной хорошо отмученной глины и покрыт зеленоватым ангобом. Аналогичные венчики имеют амфоры, найденные в слое II в. н.э. в Танаисе [9, с. 81, рис. 28,2], на городище Артезиан в слое I-III вв. [25, рис. 12,51]. Близкая аналогия горлу с округлым венчиком с незначительным загибом вовнутрь происходит из комплекса II – первой половины III вв., открытого на хоре Херсонеса Таврического [36, с. 241, рис. 3,3].

Точная аналогия резко расширяющемуся книзу горлу с воронкой, с прямыми стенками и с массивными овальными в сечении ручками (рис. 24,7) найдена на Булганакском городище и датируется временем не позже первой половины II в. н.э. [21, с. 103, рис. 1,4]. Найденный в зольнике экземпляр сделан из плотной, чистой глины, красной у самой поверхности и сиреневатой в середине черепка. Поверхность покрыта плотным зеленоватым ангобом.

Один из фрагментов горл (рис. 24,12) очень близок фрагменту горла, выявленному в слое пожара рубежа 30-40-х гг. III в. в Горгиппии [30, рис. 14,20].

Ножки амфор с воронковидным горлом из зольника 2 представлены тремя типами: 1) массивные конические (рис. 24,18), аналогичные ножкам из слоя II в. н.э. в Танаисе [9, с. 81, рис. 30,31]; 2) конические с четко выраженной, слегка выпуклой подошвой (рис. 24,19-20), подобные найденным в слое II в. н.э. в Танаисе [9, с. 68, 81, рис. 28,3; 29,4; 32,3]; 3) небольшие конические с округлой подошвой (рис. 24,21-22).

Все выявленные в зольнике ручки амфор рассматриваемого типа – овальные в сечении, иногда очень миниатюрные.

Амфоры типа «со сложнопрофилированными ручками»

(Зеест-75 [7, с. 113, табл. XXXI,75]; Абрамов-6.16-6.18 [8, с. 47, рис. 54])

Амфоры этого типа из красно-оранжевой глины с примесью белых включений и песка представлены в верхнем зольнике фрагментами горл с массивным подтреугольным в сечении венчиком (10 шт.) (рис. 25,1-5) и ручек

(рис. 25,6-14). Однако следует отметить, что известные на сегодняшний день целые амфоры рассматриваемого типа имели самые разные венчики, что свидетельствует об их производстве в разных гончарных мастерских [15, р. 109-110]. Предполагается производство этого типа амфор на Боспоре [7, с. 113; 37, с. 99; 14, с. 88-89, 95]; называется также район Балаклавы [15, р. 110].

И.Б. Зеест, а вслед за ней В.В. Крапивина датировали этот тип амфор II-III вв. [7, с. 113; 37, с. 99], А.П. Абрамов – концом II – первой половиной III вв. н.э. [8, с. 47, рис. 54]. Последней точки зрения придерживается Е.Ю. Клена [38, с. 24-15]. В Танаисе этот тип амфор зафиксирован почти исключительно в помещениях, разрушенных в середине III в., хотя не исключается их появление там во второй половине II в. [9, с. 145, рис. 24,2; 12, с. 283], этим же временем датируются амфоры из раскопок Афинской Агоры [39, р. 69, pl. 14]. Хорошо они известны в Западном Причерноморье: Тире, Ольвии, Истрии и т.д. [40, с. 219, рис. 121], Херсонесе [41, рис. 5,45-46]. На Козырьском городище это один из наиболее многочисленных типов [42, с. 71, табл. II,16].

Красноглиняные амфоры типа найденной в Мирмекии (Зеест-72 [7, с. 111, табл. XXXI,72]; Абрамов-6.11-6.13 [8, с. 47, рис. 54])

Амфоры из крупнозернистой, как правило, красно-оранжевой глины с примесью песка и белых включений представлены фрагментами овальных в сечении ручек, с профилированной несколькими, иногда слабо выраженными, продольными желобками внешней поверхностью и асимметричным желобком на внутренней (24 шт.) (рис. 25,18-26) и тремя фрагментами горл с подтреугольным в сечении венчиком (рис. 25,15-17). Одно из них (рис. 25,15) аналогично найденному в Танаисе [9, с. 65, рис. 43,1]. Однако здесь следует отметить, что массивные овальные в сечении ручки с желобком на внутренней поверхности характерны для многих северо-причерноморских амфор [15, р. 113], в частности для амфор типа Зеест-73 и 77 [14, с. 25], поэтому не исключено, что какая-то их часть могла принадлежать амфорам других типов.

В.Ф. Гайдукевич датировал данный тип амфор второй половиной III – первой половиной IV вв. [43, с. 206-207], И.Б. Зеест – II-III вв. [7, с. 111], А.П. Абрамов и В.В. Крапивина – концом II – первой половиной III вв. н.э. [8, с. 47, рис. 54,6.11-6.13; 37, с. 97, рис. 30,1-3]. В Танаисе подобные амфоры зафиксированы в закрытых комплексах середины III в., хотя очевидно, что в город эта форма тары поступала со второй половины II в. [9, с. 141; 10, с. 66; 12, с. 283]; в Горгиппии они отмечены в комплексах II – первой половины III вв. н.э. [31, с. 277, 506]. Более широкую дату дает А. Опайт, который датировал их концом II – IV вв. н.э., отмечая редкие находки их фрагментов в слоях до середины V в. [44, р. 27-28, pl. 17,1,3]. В Ятруссе они выявлены в слоях периода А IV в. [45, s. 33, 44, 95-96, taf. 21,5-9]. Существует предположение о производстве амфор рассматриваемого типа на территории Боспорского царства [7, с. 111; 14, с. 88-89].

**Красноглиняные амфоры с клювообразными венцами
и ручками типа мирмекийских (Зеест-73 [7, с. 112, табл. XXXI,73];
Абрамов-6.14 [8, с. 47, рис. 54])**

В верхнем зольнике найдено несколько фрагментов венчиков амфор этого типа, выполненных из красно-оранжевой глины с примесью песка (рис. 25, 43-46). Возможно, этому же типу принадлежат еще два фрагмента венчиков, несколько отличающиеся от вышеприведенных экземпляров (рис. 25, 47, 48). Близкие аналогии последним двум были обнаружены в слоях I-III вв. и первой половины III в. на городище Артезиан [25, с. 49, рис. 12, 41, 42; 49, 4]. И.Б. Зеест датирует амфоры данного типа II-III вв. [7, с. 112], с этой датой согласны В.В. Крапивина [37, с. 97, рис. 29, 40-44] и Е.Ю. Кленина [38, с. 21-24, рис. 5; 6, 50-53]. А.П. Абрамов сузил время их бытования до конца II – первой половины III вв. [8, с. 47]. Амфоры этого типа хорошо известны по раскопкам позднеантичных памятников Крыма (Херсонес и его округа [41, рис. 5, 11, 13; 38, с. 21-24], Инкерманский и Чатырдагский могильники, Совхоз-10, Неаполь Скифский, города и поселения Боспора и др. [40, с. 218, рис. 122]).

**Красноглиняные узкогорлые амфоры типа
«с высоко поднятыми ручками» (тип Зеест-79 [7, с. 114, табл. 79];
Абрамов-6.24-6.26 [8, с. 48, рис. 56])**

До сих пор у исследователей нет единого мнения по поводу времени появления и времени наибольшего распространения амфор данного типа, выполненных из красной с коричневым оттенком глины с редкими белыми включениями и песком и покрытых красно-коричневым ангобом. А.П. Абрамов относит время их бытования к концу II – первой половине III вв. [8, с. 48], В.В. Крапивина – к началу III – IV вв. [37, с. 95, рис. 29, 18-20], А. Опайт – ко второй половине II – IV вв. [44, р. 13, pl. 8, 7-8]. Судя по находкам целых экземпляров и их фрагментов в закрытых комплексах середины III в., в Танаис эти амфоры регулярно ввозились со второй половины II в., т.к. в закрытых комплексах середины II в. их нет [12, с. 285]. По мнению Г.С. Робинсона, Дж. Райли, Г. Кузманова и О.П.С. Пикока / Д.Ф. Вильямса, пик их бытования приходится на вторую половину III – IV вв., а использовались они, возможно, до начала V в. [39, р. 69, pl. 15, K113; 16, L33; 28, M237; 29, M274; 31, M303; 46, р. 40; 47, с. 100, табл. 7; 48, р. 193]. О том, что данный тип амфор был распространен в Крыму и после III в., свидетельствуют материалы из раскопок цитадели на горе Опук, где они были выявлены в мусорных напластованиях, сформированных после гибели прибрежного городища Киммерик [23, с. 81]. К концу II – III вв. относят их бытование Дж. Хейс и К. Панелла [49, р. 155, fig. 25.86-87; 50, р. 616, 617, fig. II]. Мы склонны присоединиться к мнению И.Н. Храпунова, В.П. Власова и А.В. Смокотиной, согласно которому амфоры Зеест-79, появившись во второй половине / конце II в., получают широкое распространение в III-IV вв. [51, с. 8].

Место их производства точно не определено, но обычно указывают на бассейн Эгейского моря [46, р. 40, fig. 51; 52, р. 113, pl. 26, RC11]. В зольнике 2 выявлено довольно значительное количество их фрагментов (41 шт.) (рис. 25, 27-42).

**Красноглиняные амфоры типа «с желобчатыми венцами»
(тип Зеест-80 [7, с. 114, табл. XXXIII, 80]; Абрамов-6.21-6.23 [8, с. 47, рис. 55])**

И.Б. Зеест датировала амфоры этого типа, выполненные из красной, иногда оранжевой глины с примесью шамота, белых частиц и слюды, II-III вв., В.В. Крапивина – II – первой половиной III вв. [37, с. 99], А.П. Абрамов и Е.М. Алексеева – концом II – первой половиной III вв. [8, с. 48, рис. 55, 6.21-23; 31, с. 277, 506]. В Танаисе этот тип амфор относится к числу наиболее часто встречаемых в комплексах первой половины III в. [9, с. 142, рис. 22]. На Козырьском городище они выявлены в слоях II-III вв. [42, с. 72, табл. III, 8а, 8б]. Подобные амфоры из раскопок Афинской Агоры датируются началом III в. [39, р. 69, pl. 14]. Дж. Хейс в работе, посвященной результатам раскопок на вилле Дионисия, пишет о широком распространении амфор Зеест-80 в III в. [49, р. 155, fig. 25, 89-90], а в работе о раскопках в Константинополе датирует их IV-V вв. [53, р. 63]. А. Опайт дает чрезвычайно широкую дату их бытования – с конца I по VI вв. включительно [44, р. 26]. Суммируя все вышеприведенные даты, И.Н. Храпунов, В.П. Власов, А.В. Смокотина дают дату II-IV вв. [51, с. 8]. Не менее разнообразны мнения исследователей по поводу места изготовления рассматриваемых амфор, охватывающих широчайший регион, включающий бассейны Средиземного, Эгейского и Черного морей [7, с. 114-115; 54, р. 188; 55, р. 308, 326; 56, р. 261].

В зольнике 2 данный тип представлен горлом (рис. 26, 1), четырьмя венчиками (рис. 26, 2-3) и пятью фрагментами овальных в сечении ручек с несколькими неглубокими продольными желобками на внешней поверхности (рис. 25, 4-8)⁸.

**Красноглиняные амфоры типа «с конусовидным дном»
(тип Зеест-69 [7, с. 111, табл. XXIX, 69]; Абрамов 6. 1 [8, с. 46, рис. 51])**

Вызывает удивление присутствие в верхнем зольнике большого количества ножек данного типа амфор (рис. 26, 9-17), обычно датирующихся I-II вв. н.э. [7, с. 111]⁹, тогда как в зольнике 1 они представлены лишь одним экземпляром. Практически все они были сосредоточены в нижних штыках квадрата 3, за исключением трех фрагментов из штыков 1, 9 и 10 квадрата 2. Не исключено, что они могли принадлежать, как считает С.А. Науменко,

⁸ По мнению С.А. Науменко, описываемые фрагменты принадлежат либо амфорам неопределенных центров, возможно, датируемым II в., либо вариантам амфор типа Зеест-80, у которых, по наблюдениям исследовательницы, всегда округлые ручки и устойчивая морфология (устная консультация).

⁹ А.П. Абрамов сузил время бытования амфор данного типа до I в. н.э. [8, с. 46].

представленным в обоих зольниках амфорам разных типов из серии оранжевоглиняных (амфорам с отогнутым краем, а также типа Зеест-75 и 72)¹⁰.

Розовоглиняные амфоры с ручками на плечиках

В зольнике выявлен лишь один фрагмент амфоры данного типа, датирующейся концом II – III вв. н.э. [8, с. 49, рис. 59,6.37]. Выполнен он из коричневатой глины с сиреневым оттенком с редкими частицами слюды, бурыми и сероватыми включениями (рис. 26,23).

Амфоры с высокой цилиндрической ножкой с грибообразным окончанием

В зольнике было найдено несколько высоких сплошных ножек с грибообразным окончанием (рис. 26,24-30). Подобные ножки принадлежали красноглиняным ангобированным амфорам с валикообразным венчиком, коротким цилиндрическим горлом и цилиндрическим широким туловом с почти горизонтальными плечиками. Ложнодвуствольные ручки в средней части изогнуты почти под прямым углом. Возможно, именно этому типу амфор принадлежал фрагмент ручки из светлой с зеленоватым оттенком глины с редкими бурыми и сероватыми включениями (рис. 26,18).

В Танаисе подобные амфоры со светлым ангобом, аналогичными ножками и ложнодвуствольными ручками происходят из закрытых комплексов как середины II в., так и середины III в. и ввозились в Танаис во II-III вв. [9, с. 82, рис. 28,1; 12, с. 277, илл. 5,6]. Представленные ножки, скорее всего, принадлежали амфорам варианта 2, характеризующимся высокими, почти цилиндрическими ножками, иногда с мелким рифлением и округлой подошвой [12, с. 277].

Дж. Райли и К. Панелла локализируют их производство в Пафосе на Кипре, где они были особенно распространены в начале II в. [54, р. 186-187, 210]. Ж.-И. Амперер, И. Гарлан считают местом их производства Киликию [57, с. 12]. К. Панелла дает широкую дату их бытования – I-IV вв. [50, р. 621, 622, fig. 19]. С этой датой согласны Т.М. Арсеньева и С.А. Науменко [9, с. 149, рис. 28,1].

Красноглиняные амфоры с отогнутым краем

Находки фрагментов аналогичных горл отмечены в нижнем зольнике. По материалам из раскопок Танаиса они датируются серединой I – серединой II вв. [12, с. 272].

Амфоры неопределенных типов

Из коричневой глины с большим количеством примесей сделан венчик, который, возможно, принадлежал амфоре с широким высоким горлом, коротким

¹⁰ Устная консультация.

яйцевидным туловом и кольцевым поддоном («fish table amphora 54») [15, р. 115]. На поверхности венчика сохранились следы плотного белого ангоба (рис. 26, 19). Редкие экземпляры амфор данного типа встречаются в Танаисе в комплексах, главным образом, середины III в. н.э. [9, с. 157, рис. 38, 1; 10, с. 69-70, рис. 12, 2; 12, с. 283, рис. 9, 15]. Похожая амфора найдена в Мирмекии в слое II-III вв. [58, с. 171, рис. 191]. В окрестностях Херсонеса фрагмент такой амфоры был выявлен в слое второй половины III в. [15, р. 116]. Известны их фрагменты из раскопок Горгиппии [31, табл. 131, 2], Херсонеса [41, рис. 5, 10, 17] и Ольвии [37, с. 99, рис. 30, 25].

В зольнике 2 выявлено множество фрагментов венчиков и ручек амфор, представленных единичными экземплярами. Здесь мы представим наиболее сохранившиеся.

Фрагмент массивного горла с отогнутым венчиком и овальной в сечении ручкой. Глина красная с песком и коричневатыми включениями (рис. 27, 1).

Фрагмент слегка раздутого горла с подтреугольным в сечении венчиком и массивной овальной в сечении ручкой с валиком на наружной поверхности (рис. 27, 2). Глина красная с единичными белыми включениями.

Фрагмент горла с валикообразным венчиком и массивной, овальной в сечении ручкой со слабо профилированной наружной поверхностью. Глина красная с желтоватым оттенком, с большим количеством мелких белых включений (рис. 27, 3).

В зольнике найдено множество ручек, сделанных из красно-оранжевой глины с разными включениями. Среди них: а) овальные в сечении разных размеров, с доминированием массивных (рис. 27, 4-6) и единичными экземплярами небольших размеров (рис. 27, 7); б) массивная круглая в сечении (рис. 27, 8); в) подтреугольные в сечении (рис. 27, 9-12); г) массивные овальные в сечении со слабой профилировкой на верхней поверхности (рис. 27, 13-16) и множество ручек разных сечений, представленных единичными экземплярами (рис. 27, 17-32).

Из красной и красно-коричневой глины с разнообразными включениями сделано множество выявленных в зольнике ручек разных профилей. Причем ручки одинакового профиля часто сделаны из разного теста.

Из выявленных в зольнике доньев красноглиняных амфор большая часть имеет конические или цилиндрические ножки с округлой или четко выраженной подошвой (рис. 27, 33-38).

Совокупность материалов из зольника 2 свидетельствует о том, что его ядро составляет материал преимущественно II в. н.э. Главное отличие состава амфорного комплекса зольника 2 от набора амфор из зольника 1 заключается в значительном преобладании в нем светлоглиняных узкогорлых амфор варианта C IVС второй четверти – конца II в. и наличии типов амфор, датирующихся концом II – первой половиной III вв., равномерно рассеянных по всей

его толще. Формирование зольника закончилось, по-видимому, около середины III в. В пользу этой даты говорят, с одной стороны, выявленные в зольнике монеты, самые поздние из которых относятся ко времени правления Рескупорида III (224-235) (3 шт.) и Рескупорида IV (242-276), а, с другой, отсутствие в нем т.н. амфор типа Делакеу (Зеест-100 [7, с. 120, табл. XXXIX, 100]), появившихся в середине III в. [8, с. 49; 59, с. 9-14; 60, с. 293].

Помимо зольников, в ходе раскопок была открыта часть квадратной каменной постройки (помещение 1) размерами 4,4x4,2 м, впущенной в зольник 1 и перекрытой зольником 2. В ходе раскопок помещения, зачистки развалов камней кладок и выборки заполнения из внутренней части помещения были найдены различные археологические материалы, позволяющие уточнить хронологию последнего этапа, связанного со временем разрушения этой постройки.

При зачистке кладки помещения были найдены фрагменты разновременной керамики I-III вв. н.э. Среди них – фрагмент венчика светлоглиняной узкогорлой амфоры варианта C IVA₁, датирующегося второй – началом последней четверти I в. н.э. (рис. 28, 1). Здесь же присутствовали и хронологически более поздние фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор, среди которых фрагмент горла и ручки варианта C IVB 80-х гг. I – 40-х гг. II вв. н.э. (рис. 28, 2); 2 фрагмента ручек варианта C IVB или C (рис. 28, 3, 4), 2 донца амфор варианта C IVС второй четверти - конца II в. н.э. (рис. 28, 5, 6). Амфоры боспорского производства представлены фрагментами горл с валикообразным венчиком с выемкой вдоль внутреннего края (рис. 28, 7, 8), фрагментами массивных круглых в сечении ручек (рис. 26, 9-10) и фрагментом конического донца с округлой подошвой (рис. 28, 11). Аналогичные венчики, донца и ручки амфор боспорского производства встречались как в нижнем, так и в верхнем зольниках.

Фрагмент овальной в сечении ручки принадлежал амфоре с воронковидным горлом из хорошо отмученной красной глины с редкими белыми включениями (рис. 28, 12). Фрагменты амфор, выполненных из аналогичной глины, доминировали среди амфор данного типа в обоих зольниках.

Выявлены также фрагменты овальных в сечении ручек позднесинопских амфор, скорее всего, типа «с желобком под венчиком» (тип Син II по Внукову), бытовавших с последней четверти I в. н.э. (рис. 28, 13-14). Амфоры типа «со сложнопрофилированными ручками» и типа «найденной в Мирмекии» конца II – III вв. н.э. представлены фрагментами ручек (рис. 28, 15, 16). Массивные овальные в сечении ручки со слабо профилированной верхней поверхностью характерны для верхнего зольника (рис. 28, 17), что же касается крученых ручек (рис. 28, 18), то они выявлены как в нижнем, так и в верхнем зольниках.

В развале стен внутри помещения выявлены светлоглиняные узкогорлые амфоры, представленные двумя фрагментами ножек амфор подварианта C IVA₁ (рис. 29, 7-8) второй четверти – начала последней четверти I в. н.э., фрагментом ножки амфоры подварианта C IVA₂ (рис. 29, 9) 60-х гг. – конца I в. н.э.,

фрагментом горла амфоры варианта С IVB (рис. 29,1) 80-х гг. I – 40-х гг. II вв. н.э., двумя фрагментами горл амфор варианта С IVC (рис. 29,2-3) второй четверти – конца II в. н.э. и ножкой амфоры варианта С IVC (рис. 29,10). Одна из ручек, выявленных в развале, скорее всего, принадлежит амфоре либо подварианта С IVA₂, либо С IVB (рис. 29,4), а две других – вариантам С IVB или С IVC (рис. 29,5-6).

Среди фрагментов боспорских амфор выявлены фрагмент горла с уплощенным, вытянутым по вертикали венчиком со скошенной внутрь верхней поверхностью (рис. 29,11), фрагментами круглых в сечении ручек (рис. 29,12) и несколькими донцами со сплошными коническими и цилиндрической ножкой (рис. 29,13-15).

Другие типы амфор в рассматриваемом керамическом комплексе представлены фрагментами ручки амфоры типа «с воронковидным горлом» (рис. 29,16), нескольких рубчатых ручек (рис. 29,17-19), характерных для верхнего зольника, и ручек амфор типа «со сложнопрофилированными ручками» (рис. 29,20-21), а также ножки амфоры типа «с конусовидным дном» I-II вв. н.э. (рис. 29,23) и ножки коричневоглиняной (колхидской) амфоры (рис. 29,22).

В процессе исследования слоев на небольшой территории, открытой у внешнего фасада помещения 1, были выявлены следующие материалы. К востоку от восточной стены помещения найдены фрагменты ручек светлоглиняных амфор, скорее всего, принадлежащих широкогорлым амфорам с профилированными ручками (тип С III по Внукову), бытовавших до первой трети I в. н.э. (рис. 30,2-3). Светлоглиняные узкогорлые амфоры представлены фрагментом горла амфоры подварианта С IVA₂ 60-х гг. - конца I в. н.э. (рис. 30,1). Найден также фрагмент горла псевдокосской светлоглиняной амфоры (рис. 30,4) и фрагменты амфор боспорского производства, представленных фрагментом горла с уплощенным венчиком (рис. 30,5), фрагментом массивной круглой в сечении ручки (рис. 30,6) и коническим донцем с четко выраженной подошвой (рис. 30,7). Аналогичные венчики, донца и ручки характерны как для нижнего, так и для верхнего зольников. К поздним типам, датирующимся концом II – III вв. н.э., относятся амфоры типа «со сложнопрофилированными ручками» и типа «найденной в Мирмекии», представленные фрагментами ручек (рис. 30,8-9).

На поверхности у юго-западного угла помещения найдены фрагменты круглых в сечении ручек боспорских амфор и фрагменты ручек узкогорлых светлоглиняных амфор, принадлежность которых к тому или иному типу можно определить только весьма предположительно (рис. 31,1-3).

Таким образом, весь комплекс керамики, связанный с помещением, относится к зольнику 2 и датируется в рамках I – первой половины III вв. Несколько иная ситуация прослежена в слоях, исследованных к югу от кладки 1 помещения 1, где выявлены фрагменты ручек светлоглиняных широкогорлых амфор с профилированными ручками (тип С III по Внукову), бытовавших

до первой трети I в. н.э. (рис. 31,4-6), светлоглиняных узкогорлых амфор, среди которых: фрагмент горла узкогорлой светлоглиняной амфоры варианта C IVA₂ 60-х гг. – конца I в. н.э. (рис. 31,7) и два горла варианта C IVC второй четверти – конца II в. н.э. (рис. 31,8-9), два фрагмента ручек, которые, скорее всего, принадлежали амфорам варианта C IVA (рис. 31,10-11), а также две ножки амфор варианта C IVB (рис. 31,12-13).

Амфоры боспорского производства представлены фрагментом горла с валикообразным венчиком (рис. 31,14) и фрагментом массивной круглой в сечении ручки. Аналогичные венчики и ручки боспорских амфор встречались как в нижнем, так и в верхнем зольниках. Фрагмент овальной в сечении ручки принадлежал амфоре с воронковидным горлом из хорошо отмученной красной глины с редкими белыми включениями.

Выявлены также фрагмент рубчатой ручки (рис. 31,15), фрагмент светлоглиняной двуствольной ручки (рис. 31,16) и фрагмент ножки амфоры этого же типа варианта C н 1B (рис. 31,17), который более характерен для амфор варианта C 1б, датирующегося 10-ми гг. I – первой третью II вв. н.э.

Таким образом, выявленная в описанном слое керамика относится, главным образом, к I в., с единичными фрагментами керамики II в. Такой состав более характерен для зольника 1, что позволяет предположить, что помещение 1, скорее всего, было впущено в слои, хронологически близкие зольнику 1 и начальному этапу формирования зольника 2.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Ачкинази И.В., Голофаст Л.А. Раскопки зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Памяти В.В. Шкорпила. Керчь, 2003.
2. Сидоренко В.А. Банковские операции при храмах на Боспоре в I в. до н.э. – II в. н.э. (по материалам граффити) // БИ. Симферополь; Керчь, 2003. Вып. III.
3. Костромичев Д.А. Металлические предметы из раскопок зольника римского времени в Керчи // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. V.
4. Каспаров А.К. Два хронологических периода в формировании зольника Пантикапея. Специфика костных материалов // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004.
5. Голофаст Л.А. Стекло из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // БИ. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XI.
6. Власов В.П. Лепная керамика из зольника у горы Митридат // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
7. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
8. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 3.
9. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992.
10. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Комплекс находок из подвала МБ II-III вв. н.э. // Вестник Танаиса. Ростов-на-Дону, 1993. Вып. 1.
11. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора. М., 2001. Вып. 4.

12. Науменко С.А. Амфоры из закрытых комплексов Танаиса римского времени // *Novensia*. 2008. Вып. 18-19.
13. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть I. Морфология. М., 2003.
14. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. М., 2006.
15. Oraït A. A Weighty Matter: Pontic Fish Amphorae // *The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges*. Black Sea Studies. 2007. Vol. 6.
16. Внуков С.Ю. Псевдокосские амфоры Причерноморья // *РА*. 2000. № 4.
17. Каменецкий И.С. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // *Античные древности Подонья – Приазовья*. М., 1969.
18. Внуков С.Ю. Новые типы позднесинопской амфорной тары // *РА*. 1993. № 3.
19. Oraït A. From Dr 24 to LR 2? // *Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry*. Vol. II. BAR Int. Series 1662 (II). 2007.
20. Oraït A., Tsaravopoulos A. A Chiote Pottery Workshop of Roman Period (Forthcoming).
21. Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю. Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // *ХСБ*. Севастополь, 1998. Вып. IX.
22. Oraït A. Anfore romane de mare saracitate. Considerații tipologice // *SCIVA*. 1987. Vol. 38, 1.
23. Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007.
24. Соколова О.Ю. О керамическом производстве в Нимфее. Керчь, 2001.
25. Винокуров Н.И. Раскопки городища Артезиан в 1997-1998 гг. (Исследование северо-западного участка раскопа I) // *Древности Боспора*. 1999. Вып. 2.
26. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // *МИА*. 1952. № 25.
27. Гайдукевич В.Ф. Илурат. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // *МИА*. 1958. № 85.
28. Левин И.С. Комплекс керамики середины III в. н.э. из Патрея // *Боспорский сборник*. М., 1994. Вып. 4.
29. Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998.
30. Алексеева Е.А. Центральная часть Горгиппии в первые века нашей эры // *Древности Боспора*. М., 2002. Вып. 5.
31. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
32. Соколова О.Ю. Материалы Нимфейской экспедиции. Вып. I. СПб., 2003.
33. Oraït A. Aspecte ale vieții economice din provincial Scythia (secolele IV-VI p.Ch.). București, 1996.
34. Vnukov S.Yu. Rare Types of Sinopean Amphorae of Roman Period (Forthcoming).
35. Vnukov S.Yu. "Colchean" Amphorae from Abkhazia (Forthcoming).
36. Созник В.В. Круглая башня на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса Таврического // *БИ*. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. VIII.
37. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев, 1993.
38. Кленина Е.Ю. Керамические сосуды II-III вв. н.э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического). *Poznas*, 2004.
39. Robinson H.S. Pottery of the Roman Period // *Athenian Agora*. Princeton; New Jersey, 1959. Vol. V.
40. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б., Щукин М.Б. Исследования Чатырдагского некрополя // *Археологические исследования в Крыму*. 1994 год. Симферополь, 1997.
41. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. О принципах изучения античных водосборных цистерн. Севастополь, 1997.
42. Бураков А.В. Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев, 1976.
43. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935-1938 гг. // *МИА*. 1952. № 25.
44. Oraït A. Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th – 6th centuries AD). Oxford, 2004.

45. Böttger B. Die Gefäßskeramik aus dem Kastel Iatrus // Iatrus-Krivina. Berlin, 1982. Bd. II.
46. Riley J.A. The Pottery From the First Session Of Excavation in the Caesarea Hippodrom // BASOR. 1975. N 218.
47. Кузманов Г. Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV-VI вв.). София, 1985.
48. Peacock O.P.S., Williams D.F. Amphorae and the Roman Economy. New York, 1986.
49. Hayes J.W. The Villa Dionysos excavations at Knossos: The Pottery // Annual of the British School at Athens. 1983. 78.
50. Panella C. Oriente ed occidente: conciderazioni sulle aiquene anfore «Egee» di eta imperiale a Ostia // BCH. 1986. Suppl. XIII.
51. Храпунов И.Н., Власов В.П., Смокотина А.В. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2004-2006 гг.). Симферополь, 2007.
52. Adamsheck B. Kenchreai: the Eastern Port of Corinth. IV. The Pottery. Leiden, 1979.
53. Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. Princeton, 1992.
54. Riley J.A. Coarse Pottery // Excavations at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice). Vol. II. Suppl. to Libya Antiqua - V, vol. II. Tripoli, 1979.
55. Opaït A. Consideratii preliminare asupra amforelor romane si romano-bizantine din Dobrogea // Peuce VIII. Tulcea, 1980.
56. Abadie-Reynal C. Les amphores romains en Mer Noire (Ier – IVe s.) // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Textes reunis par Yvon Garlan (Cedex 1999).
57. Амперёр Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. Саратов, 1992.
58. Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.
59. Алексеева Е.М. Виноделие Горгиппии // Боспорский сборник. М., 1995. Вып. 6.
60. Шаров О.В. О времени появления амфор типа Делакеу // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тез. докладов. Краснодар, 2005.

Голофаст Л.А.

**Амфорная тара из раскопок зольника римского времени
у подножия горы Митридат в Керчи**

Резюме

В статье рассматривается амфорный комплекс из раскопок римского зольника, открытого в 2002 году у подножия горы Митридат в Керчи. В зольнике выявлены два стратиграфических горизонта и часть каменной постройки (помещение 1), впущенной в зольные напластования.

Ядро нижнего зольника 1 составляет материал преимущественно I в. н. э. со значительным преобладанием светлоглиняных узкогорлых амфор типа С IVA по С. Внукову, преимущественно позднего варианта 2, и светлоглиняных псевдокосских. Судя по присутствию в нем некоторого количества светлоглиняных узкогорлых амфор типа С IVC, его формирование закончилось во второй четверти II в. Выявленные в зольнике фрагменты розовоглиняных широкогорлых амфор боспорского производства (около 7%) свидетельствуют о появлении этого типа амфор в первой половине II в.

Формирование зольника 2, в котором в отличие от зольника 1 преобладали светлоглиняные узкогорлые амфоры варианта С IVC второй четверти – конца II в., закончилось, по-видимому, около середины III в. В пользу этой даты говорит наличие в нем амфор, датирующихся концом II – первой половиной III вв., равномерно рассеянных по всей его толще, и отсутствие амфор типа Зеест-100, появившихся в середине III в.

Керамика, выявленная в слоях, исследованных к югу от помещения 1, позволяет предположить, что оно, скорее всего, было впущено в слои, хронологически близкие зольнику 1 и начального этапа формирования зольника 2.

Голофаст Л.О.

**Амфорна тара з розкопок зольника римського часу
біля підніжжя гори Мітрідат у Керчі**

Резюме

У статті розглядається амфорний комплекс з розкопок римського зольника, відкритого в 2002 році біля підніжжя гори Мітрідат у Керчі. В зольнику виявлено два стратиграфічні горизонти і частину кам'яної споруди (приміщення 1), впущеної в зольні напластуння.

Ядро нижнього зольника 1 складає матеріал переважно I ст. н. е. із значною перевагою світлоглиняних вузькогорлих амфор типу С IVA за С. Внуковим, здебільше пізнього варіанту 2, та світлоглиняних псевдокосських. Судячи з присутності в ньому певної кількості світлоглиняних вузькогорлих амфор типу С IVC, його формування закінчилося в другій чверті II ст. Виявлені в зольнику фрагменти рожевоглиняних широкогорлих амфор боспорського виробництва (близько 7%) свідчать про появу цього типу амфор в першій половині II ст.

Формування зольника 2, в якому на відміну від зольника 1 переважали світлоглинні вузькогорлі амфори варіанту C IVC другої чверті – кінця II ст., закінчилося, мабуть, біля середини III ст. На користь цієї дати говорить наявність в ньому амфор, що датуються кінцем II – першою половиною III ст., рівномірно розсіяних по всій його товщі, і відсутність амфор типа Зеест-100, що з'явилися в середині III ст.

Кераміка, виявлена в шарах, досліджених на південь від приміщення 1, дозволяє припустити, що воно, скоріш за все, було впущене в шари, хронологічно близькі зольнику 1 і початкового етапу формування зольника 2.

Golofast L.A.

Amphorae from the Roman Cinder Heap Uncovered at the Foot of Mithridates Mount in Kerch

Summary

The article regards amphorae assemblage recovered from the Roman cinder heap uncovered in 2002 at the foot of Mithridates Mount in Kerch. Within the cinder heap two stratigraphical horizons and a part of the stone construction (room 1) sunk into the cinder layers have been revealed.

The kernel of the lower cinder heap (cinder heap 1) was constituted by the material dated mainly to the 1st century AD with considerable predominance of the light-clay narrow-necked amphorae of Vnukov C IVA type, with prevalence of the late variant 2, and the light-clay pseudo-cossian ones. Some quantity of light-clay narrow-necked amphorae of Vnukov C IVC type allows assigning the end of its formation to the second quarter of the 2nd century AD. Some fragments of rose-clay wide-necked amphorae of Bosporan make (about 7%) testify to the appearance of this amphorae type in the first half of the 2nd century.

The formation of the cinder heap 2 where light-clay narrow-necked amphorae of Vnukov C IVC variant prevailed seems to have been ceased in the mid-3rd century at the latest. The date proposed is supplied by the amphorae types dated back to the late 2nd – first half of the 3rd centuries, evenly distributed through its whole depth and the absence of Zeest-100 amphorae that appeared in the mid-3rd century.

Ceramics produced by the layers southwards room 1 permits to suppose that the construction was sunk into the layers chronologically close to the cinder heap 1 and primary phase of the second one.

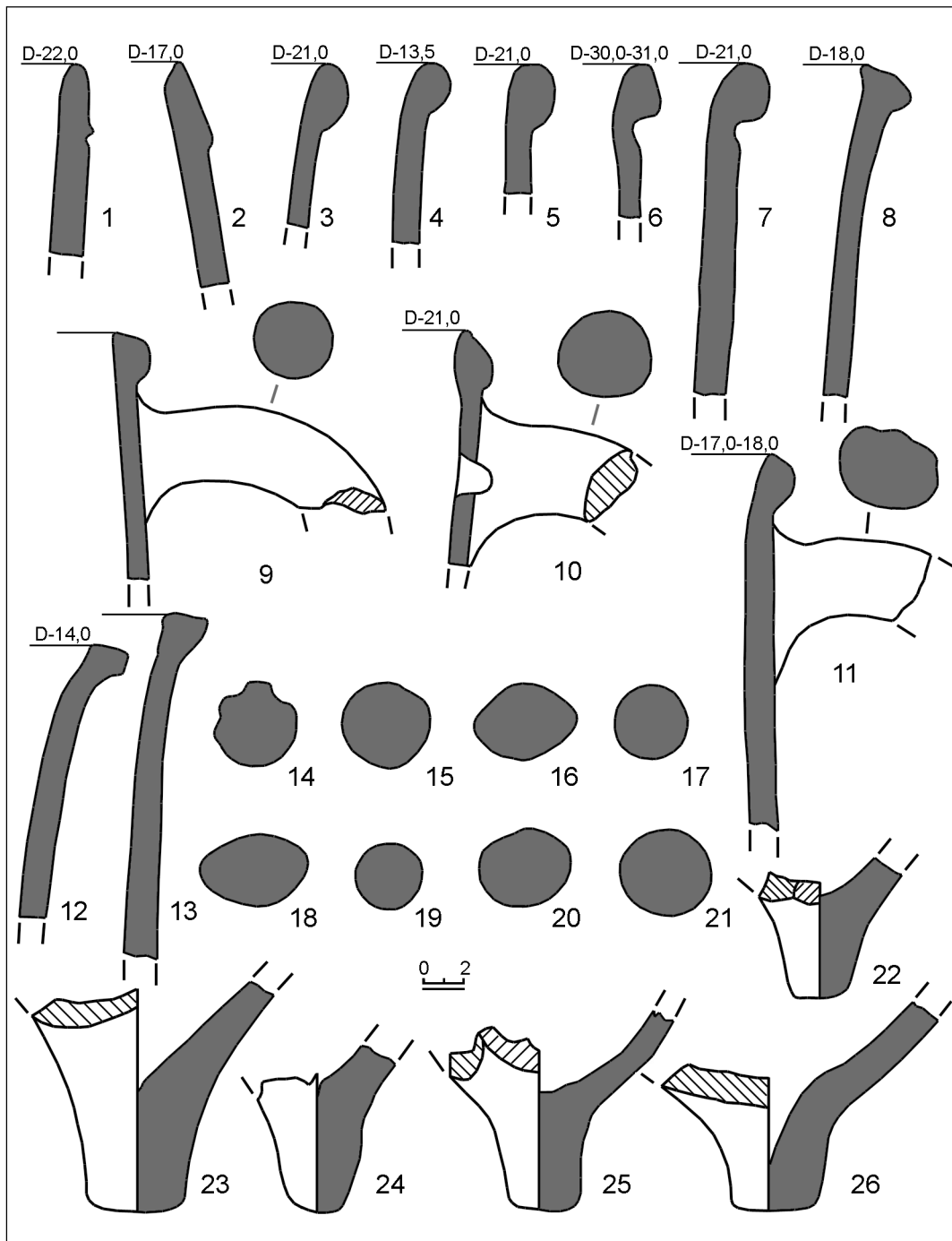

Рис. 1. Зольник 1. Амфоры боспорского производства.

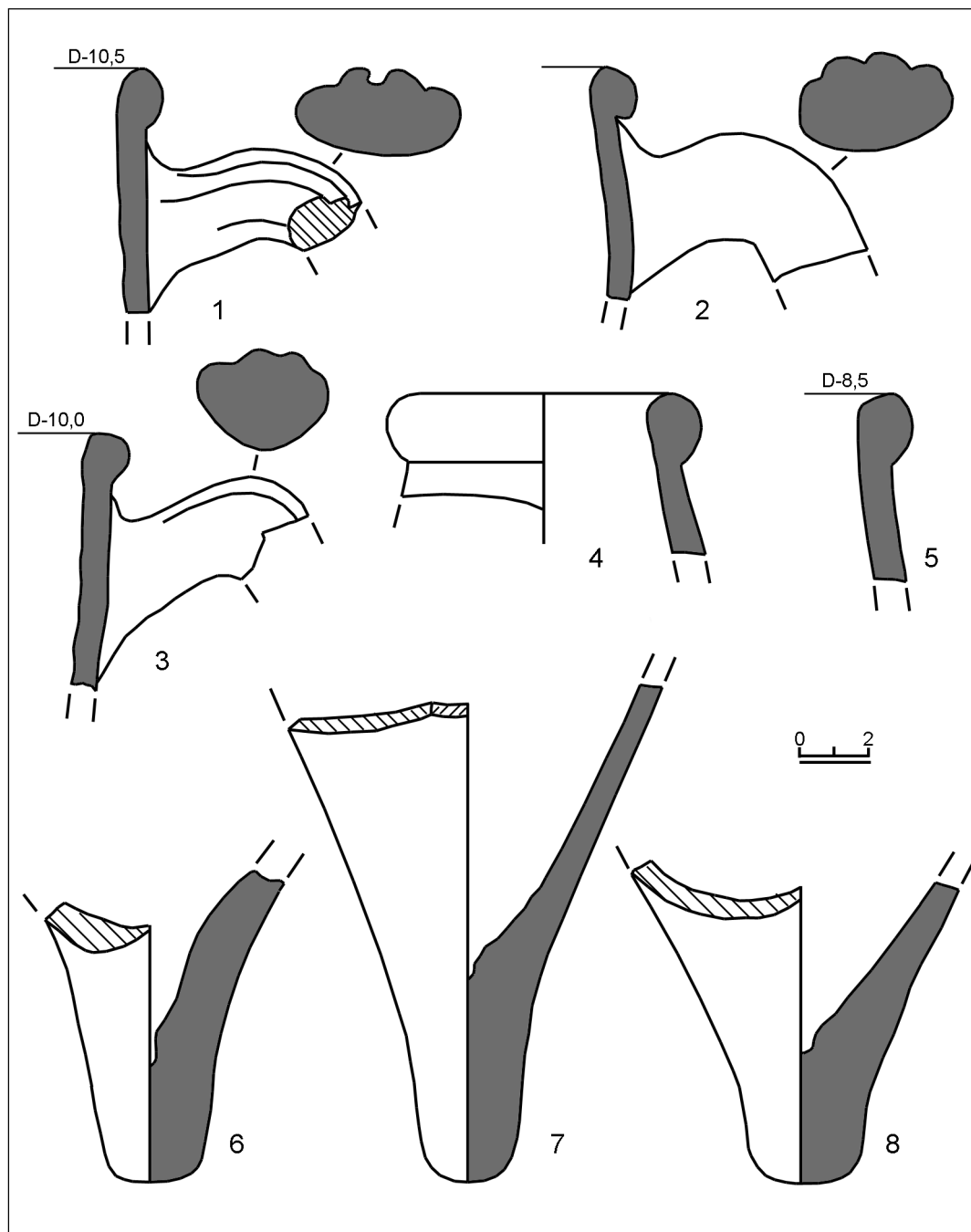

Рис. 2. Зольник 1. Светлоглиняные остродонные амфоры с профилированными ручками (тип С III по Внукову).

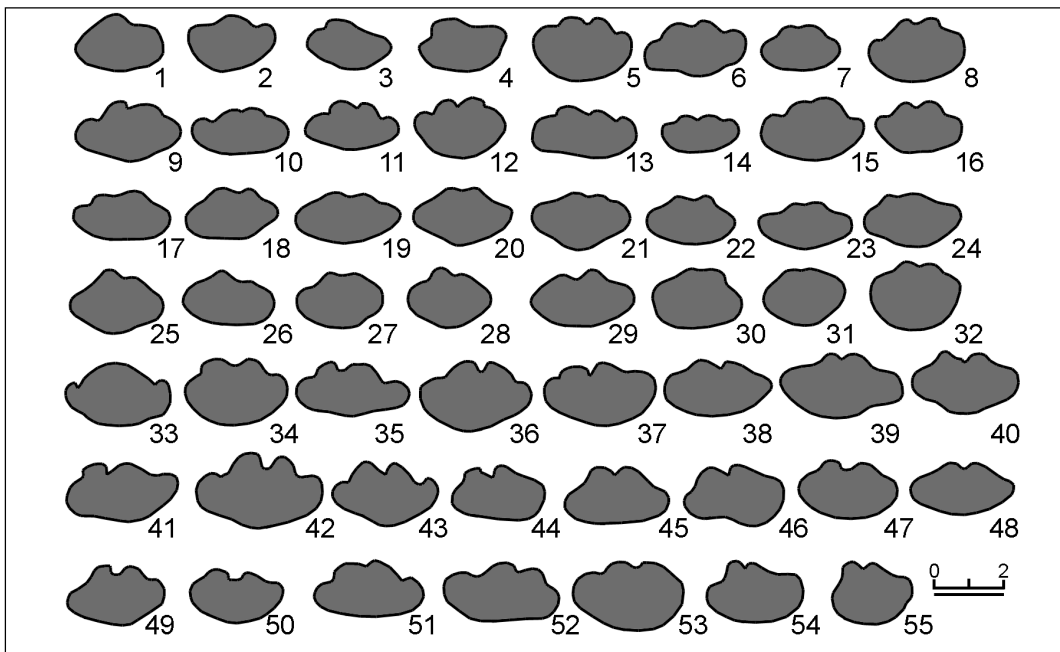

Рис. 3. Зольник 1. Светлоглиняные амфоры. Ручки.

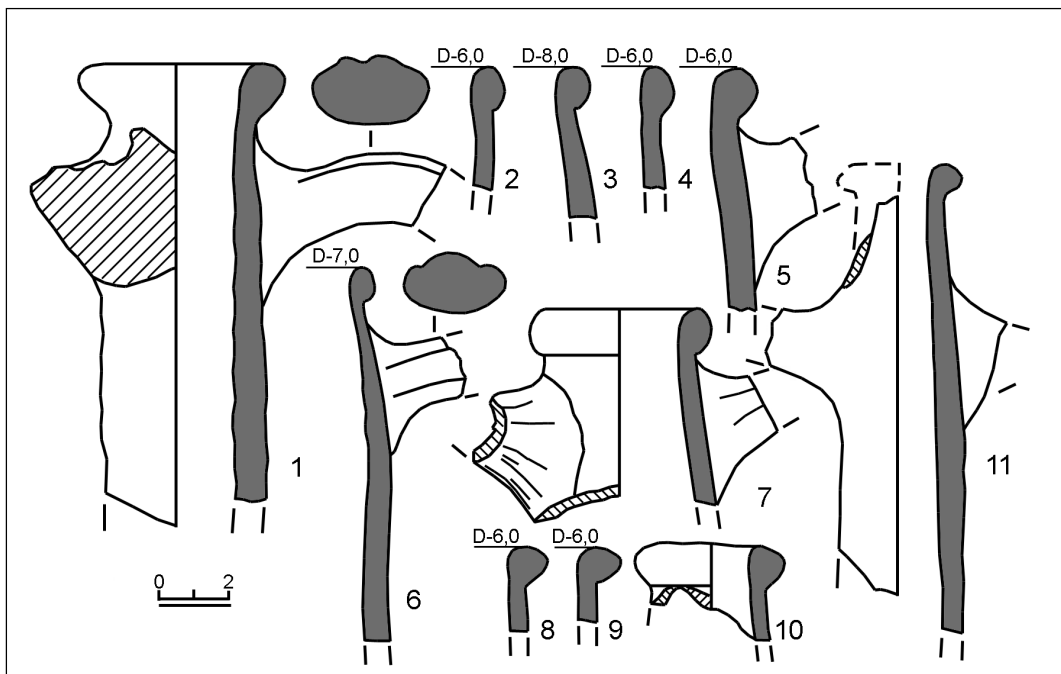

Рис. 4. Зольник 1. Светлоглиняные узкогорлые амфоры (тип С IV по Внукову).

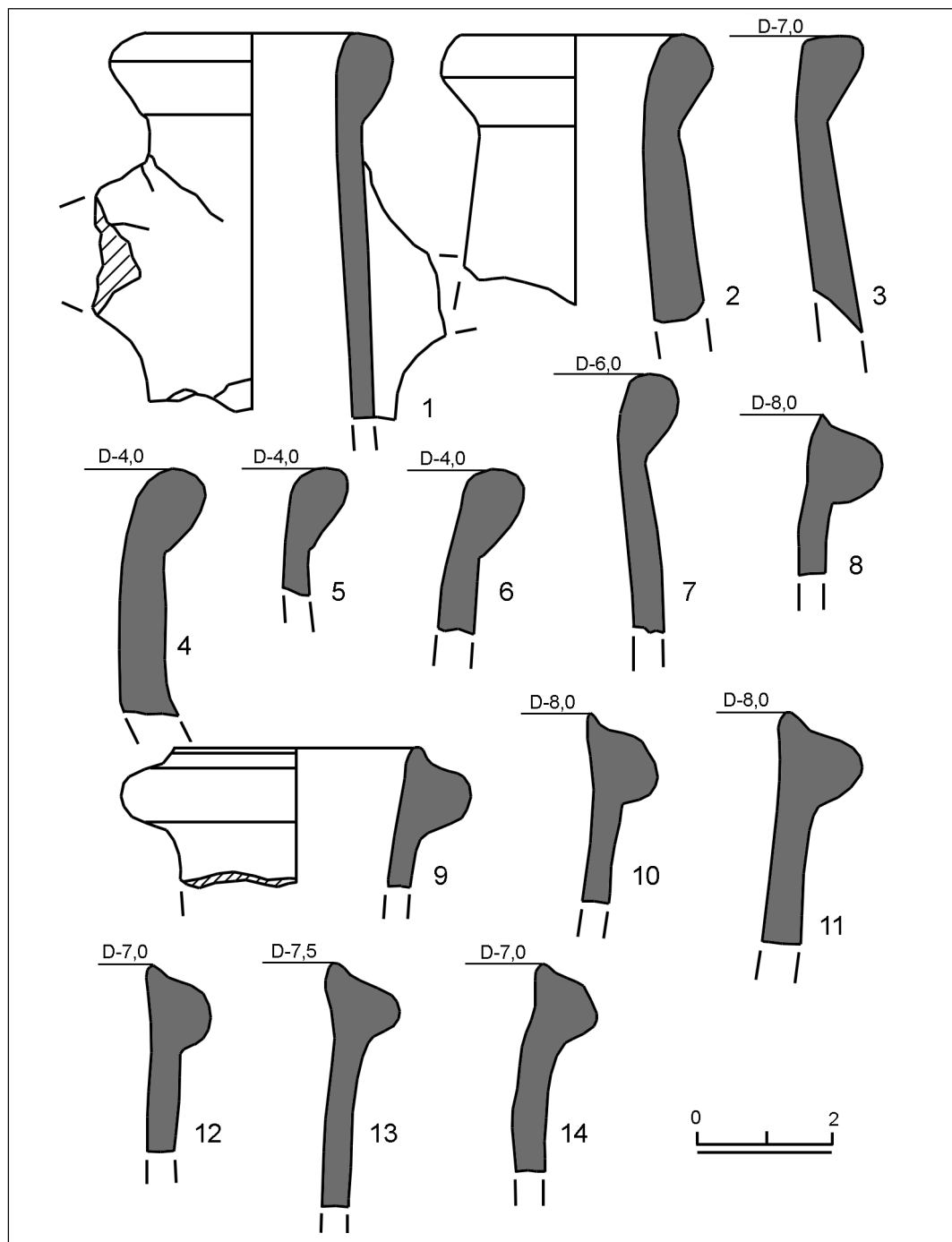

Рис. 5. Зольник 1. Светлоглиняные узкогорлые амфоры (тип С IV по Внукову).

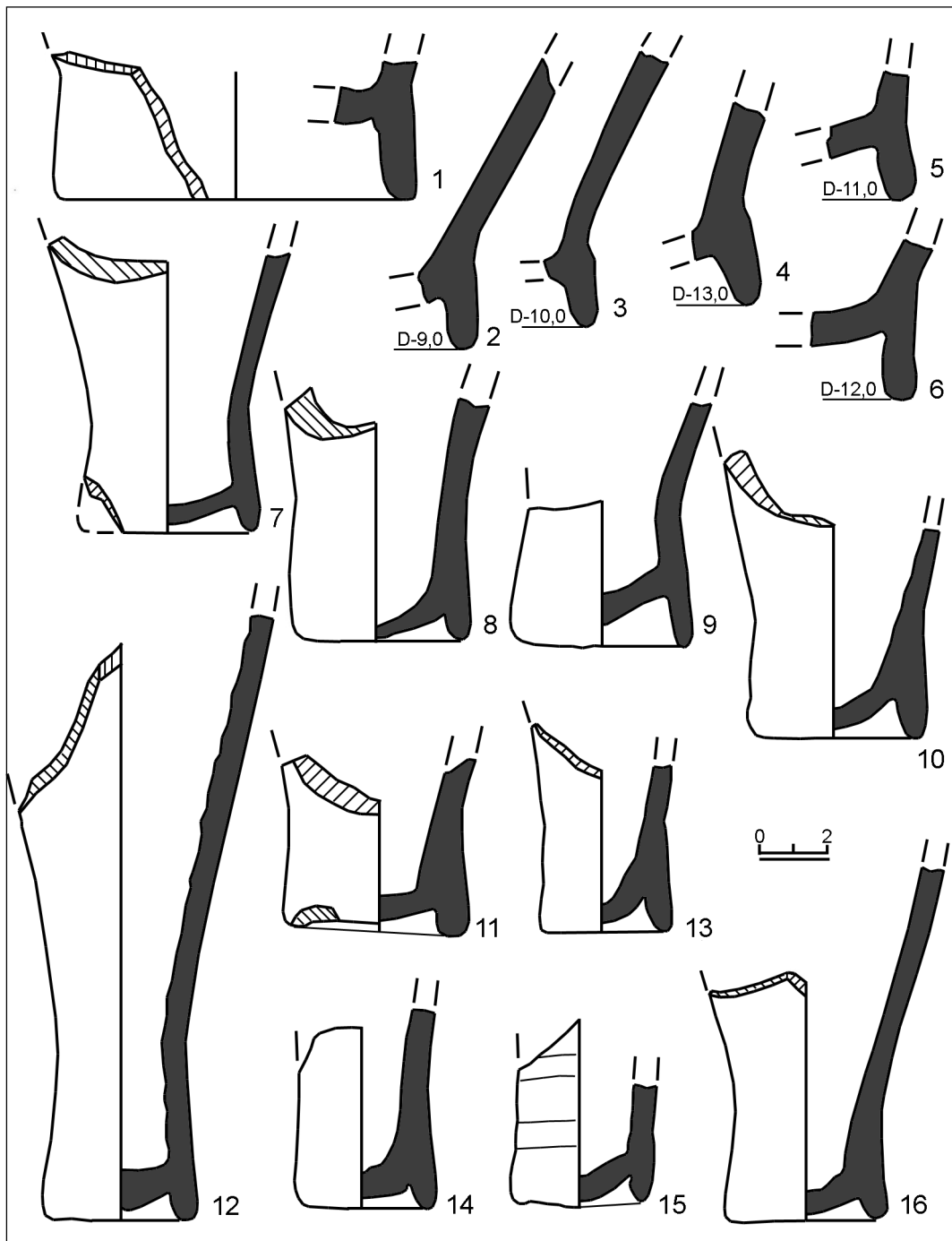

Рис. 6. Зольник 1. Светлоглиняные узкогорлые амфоры (тип С IV по Внукову). Донья.

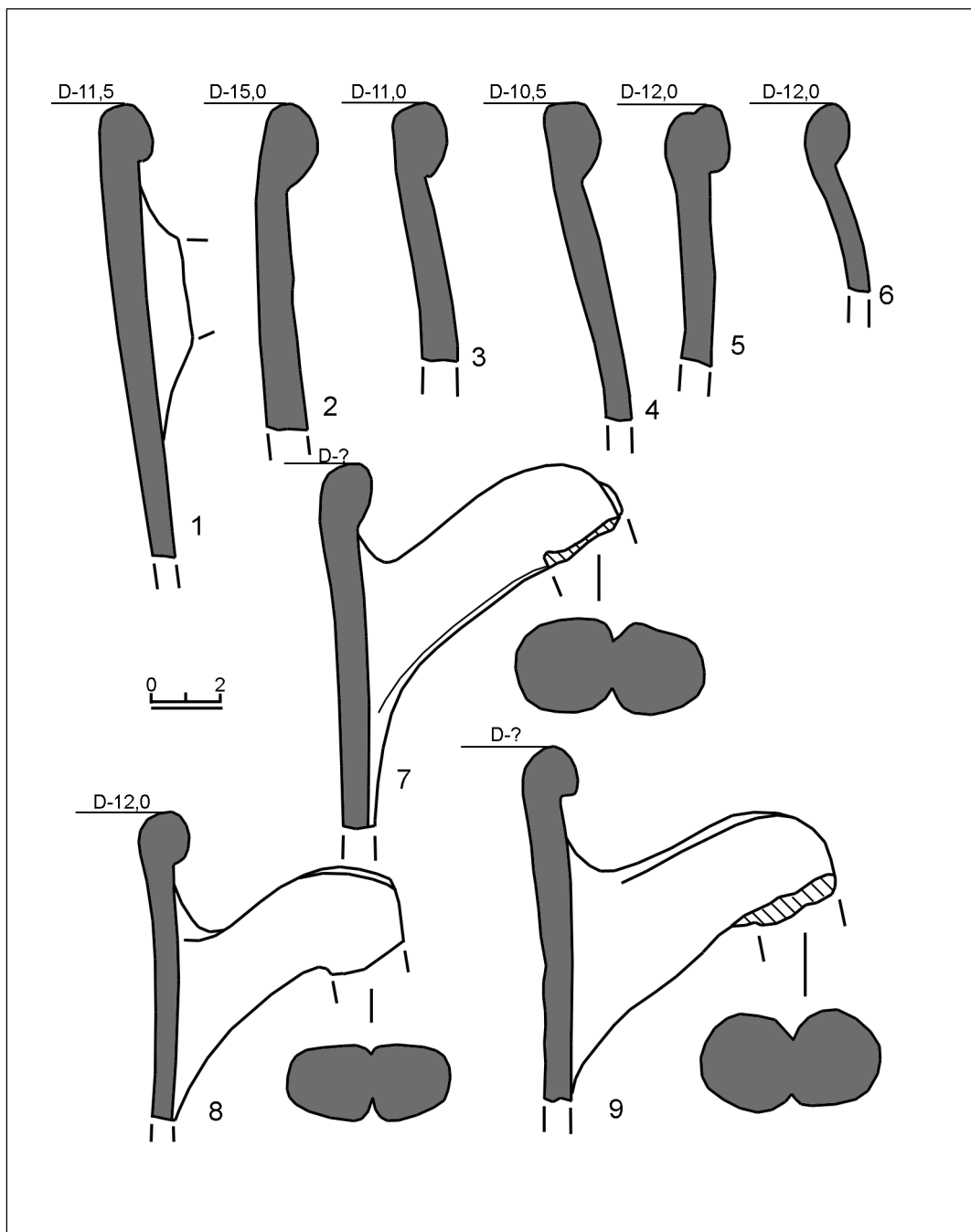

Рис. 7. Зольник 1. Светлоглиняные псевдокосские амфоры с двустольными ручками (тип С I по Внукову).

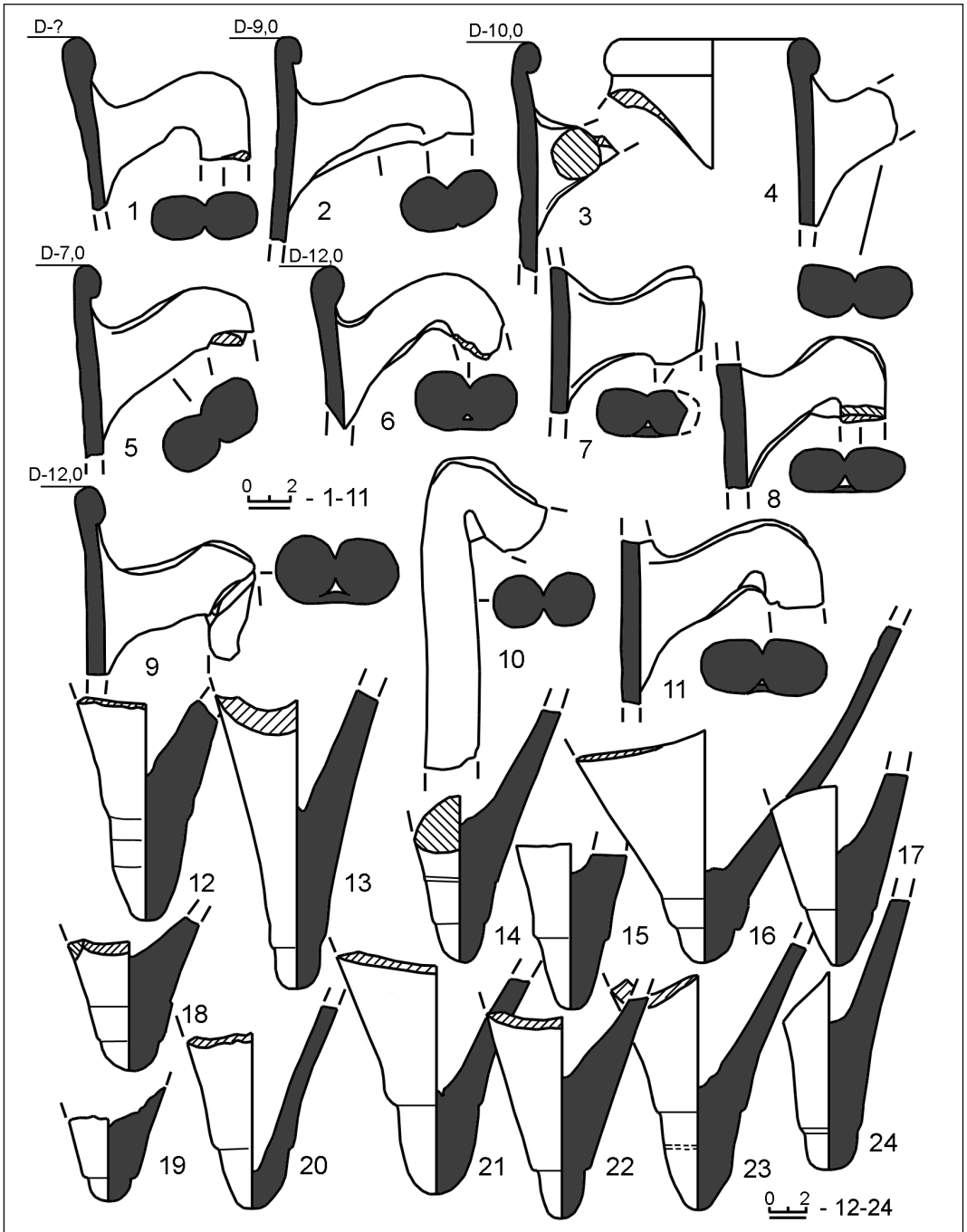

Рис. 8. Зольник 1. Светлоглиняные псевдокосские амфоры с двустольными ручками (тип С I по Внучку).

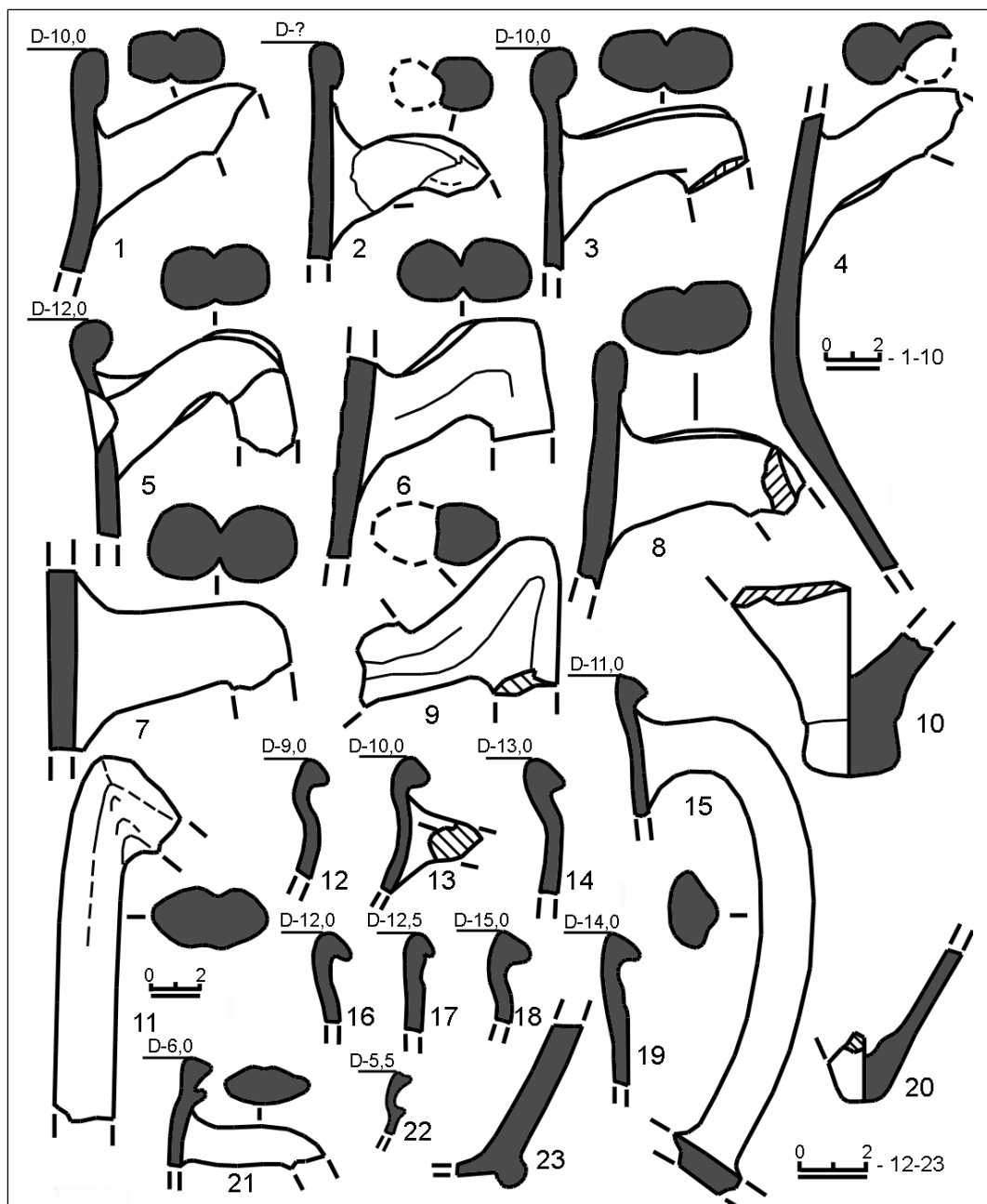

Рис. 9. Зольник 1. Красноглиняные псевдокосские амфоры с двустольными ручками (1-10); амфора с ложнодвустольными ручками (11); позднесинопские амфоры с желобком под венчиком (тип Син II по Внукову) (12-20); позднесинопские плоскодонные амфоры со сложнопрофилированным венчиком (тип Син IVa по Внукову) (21-23).

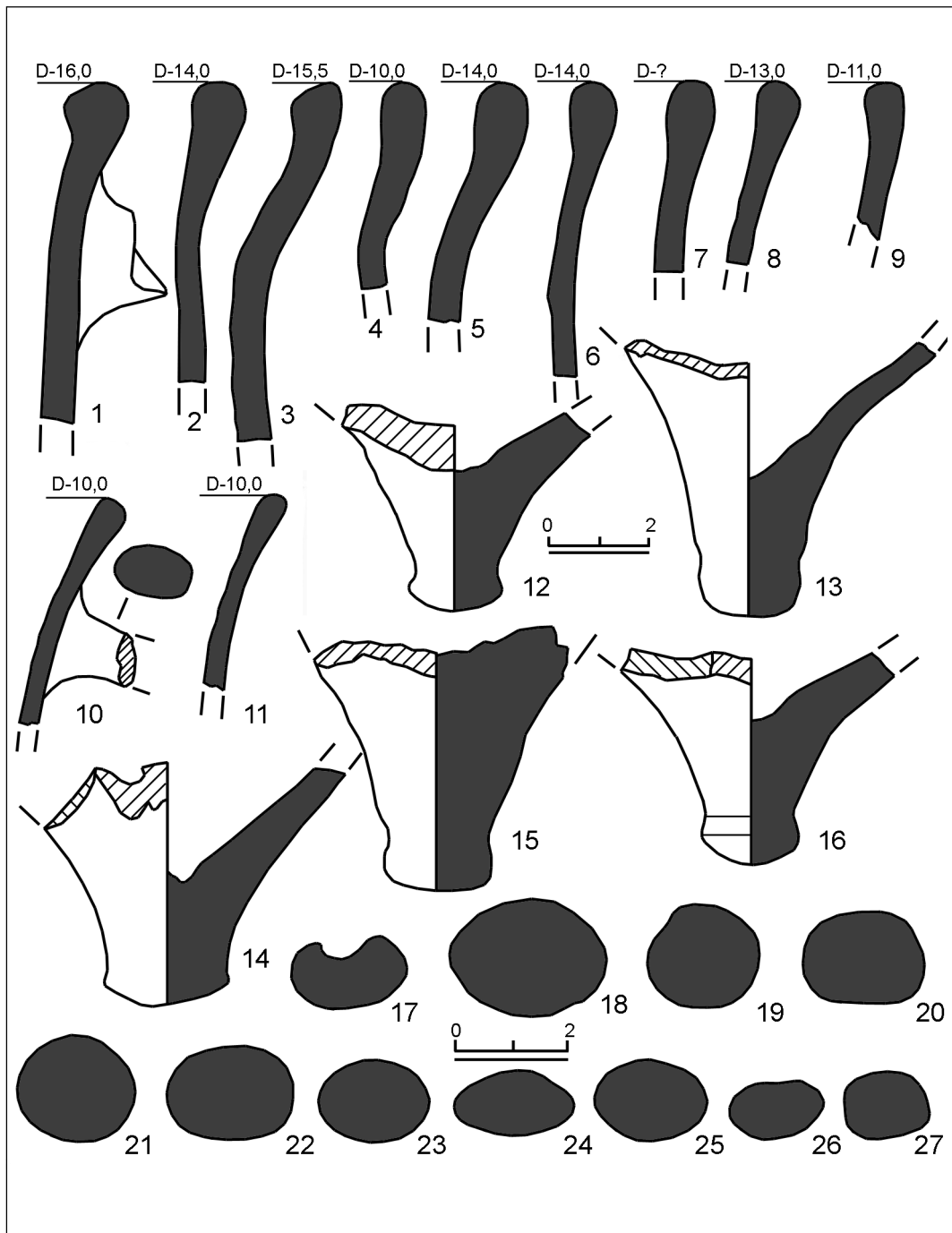

Рис. 10. Зольник 1. Амфоры с воронковидным горлом.

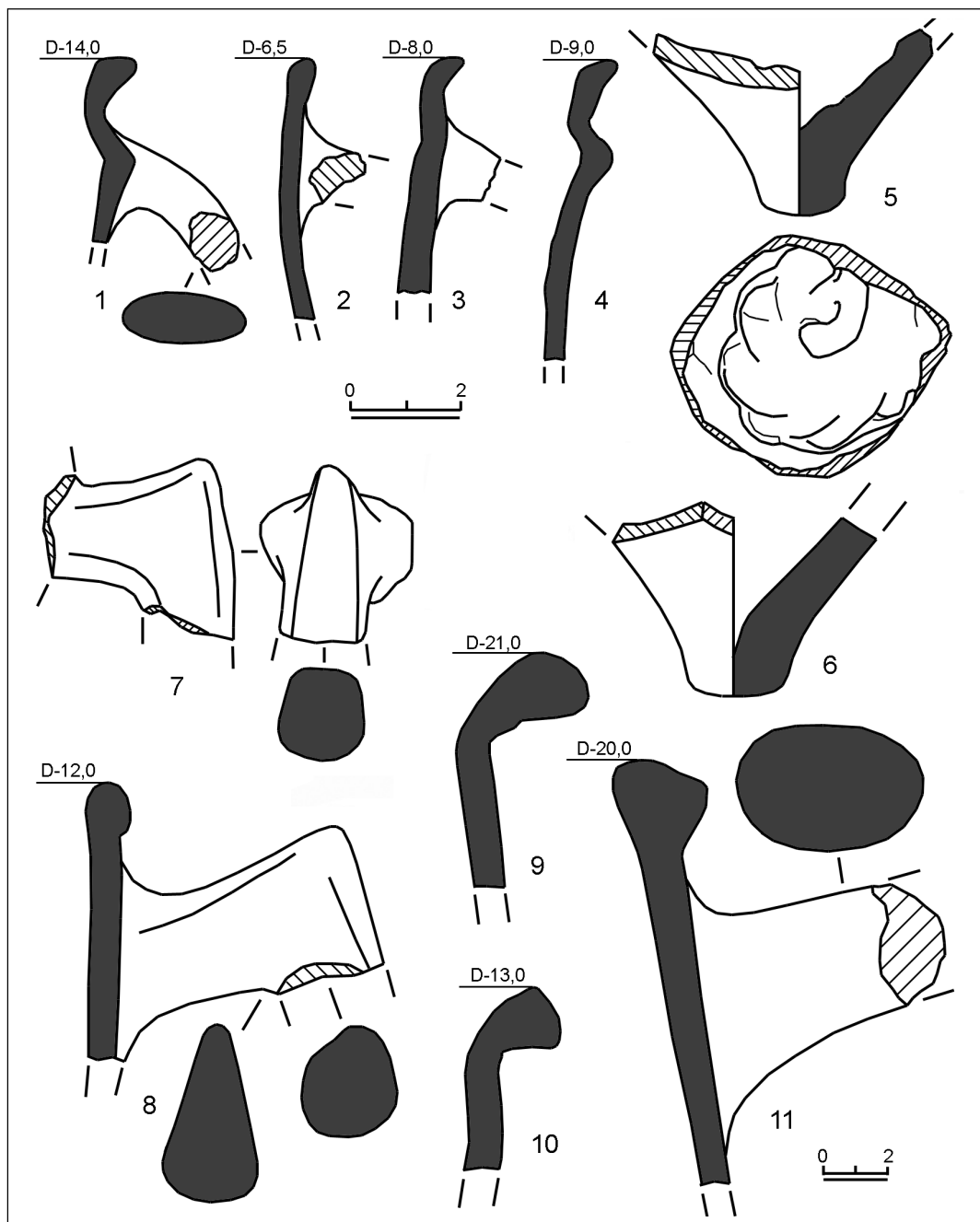

Рис. 11. Зольник 1. Коричневоглиняные (колхидские) амфоры (1-6); амфоры с шиповидными ручками (7-8); красноглиняные амфоры с отогнутым краем (9-10); красноглиняная амфора неопределенного типа (11).

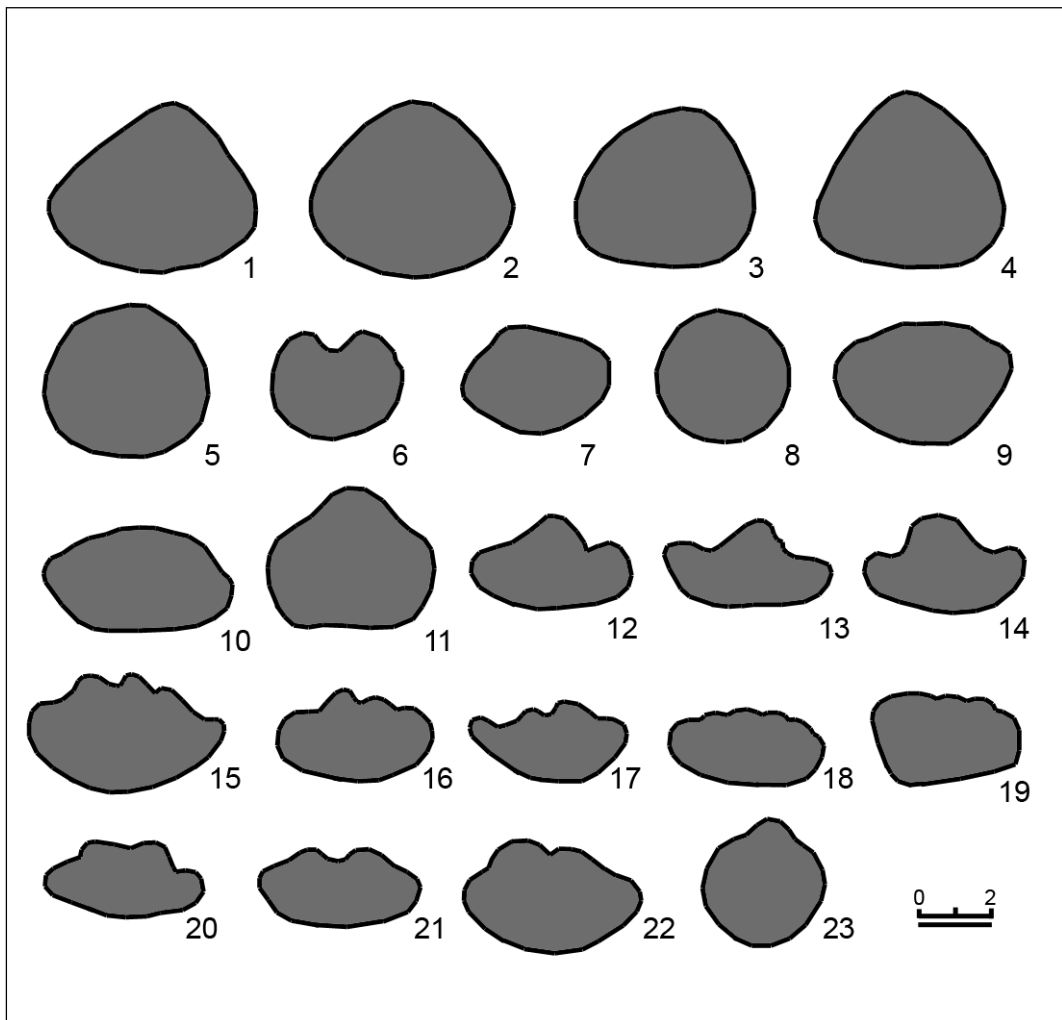

Рис. 12. Зольник 1. Ручки красноглиняных амфор.

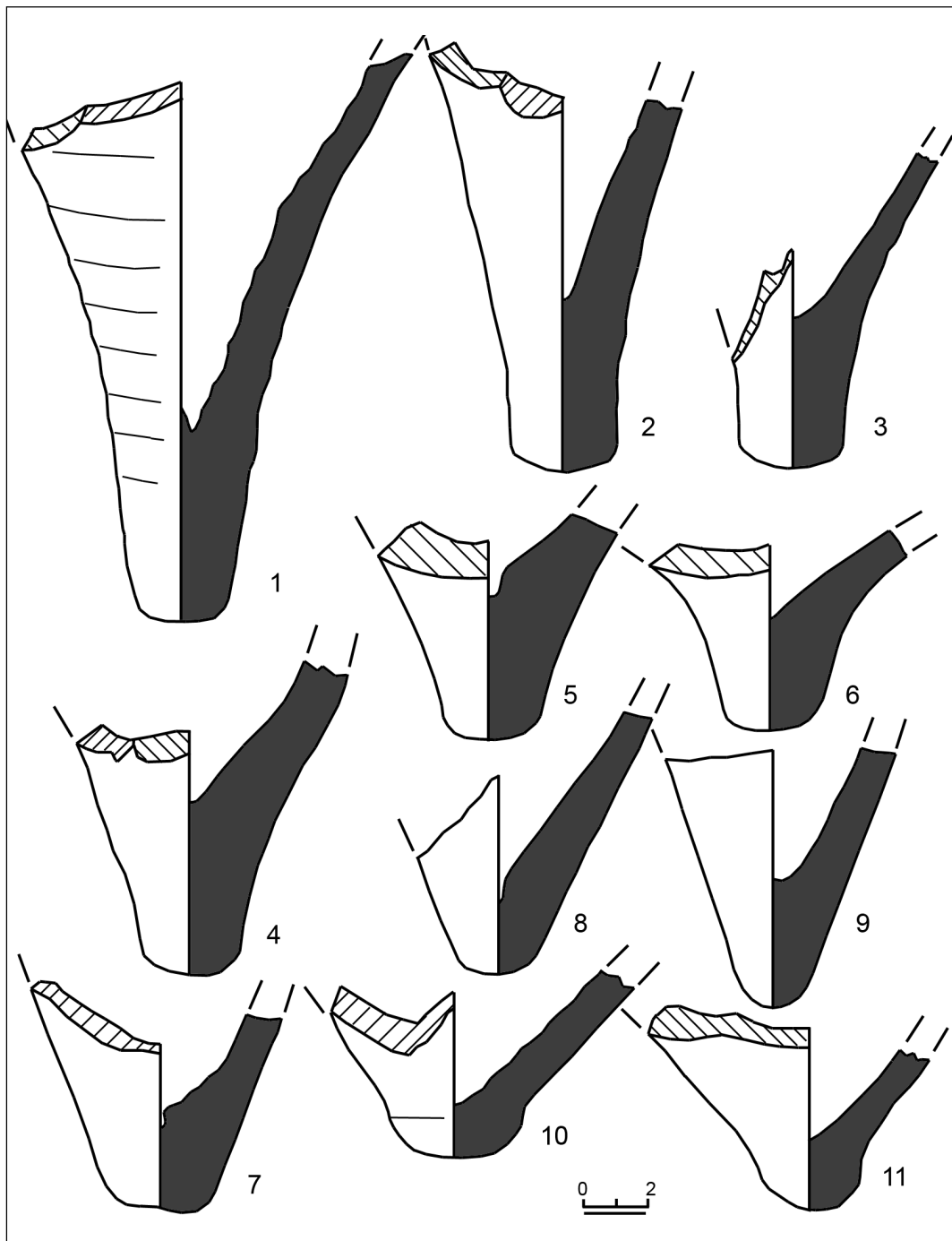

Рис. 13. Зольник 1. Донья красноглиняных амфор.

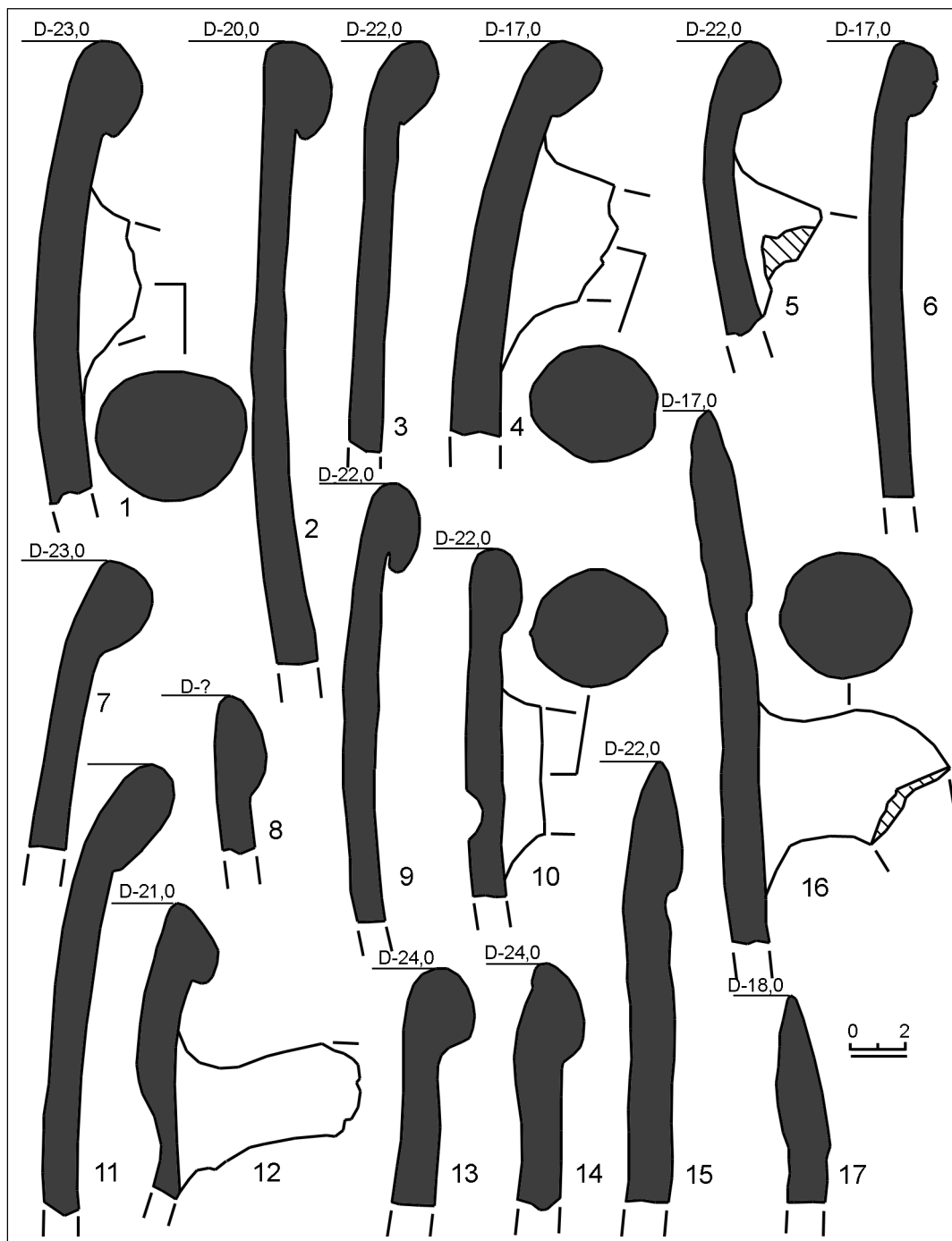

Рис. 14. Зольник 2. Амфоры боспорского производства.

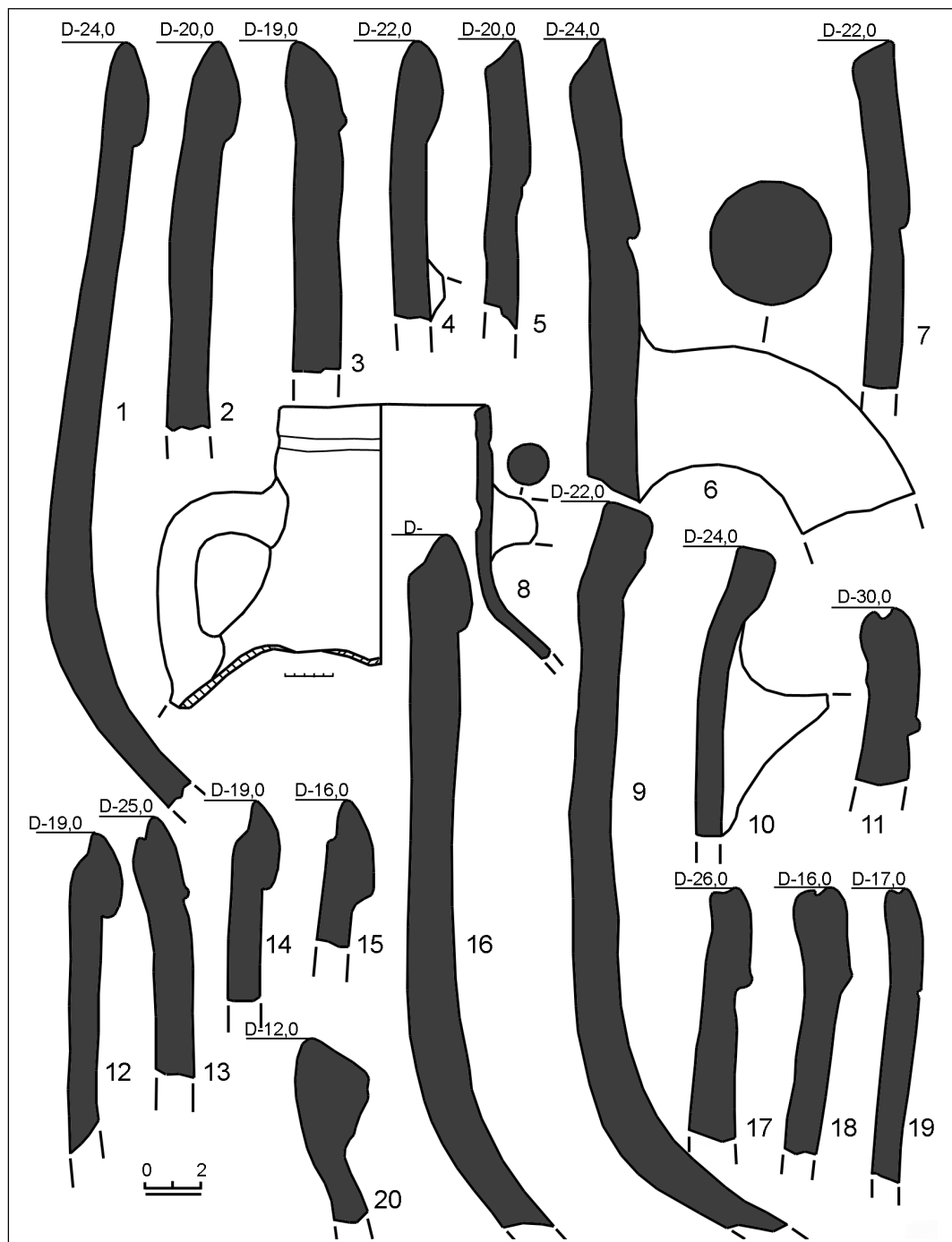

Рис. 15. Зольник 2. Амфоры боспорского производства.

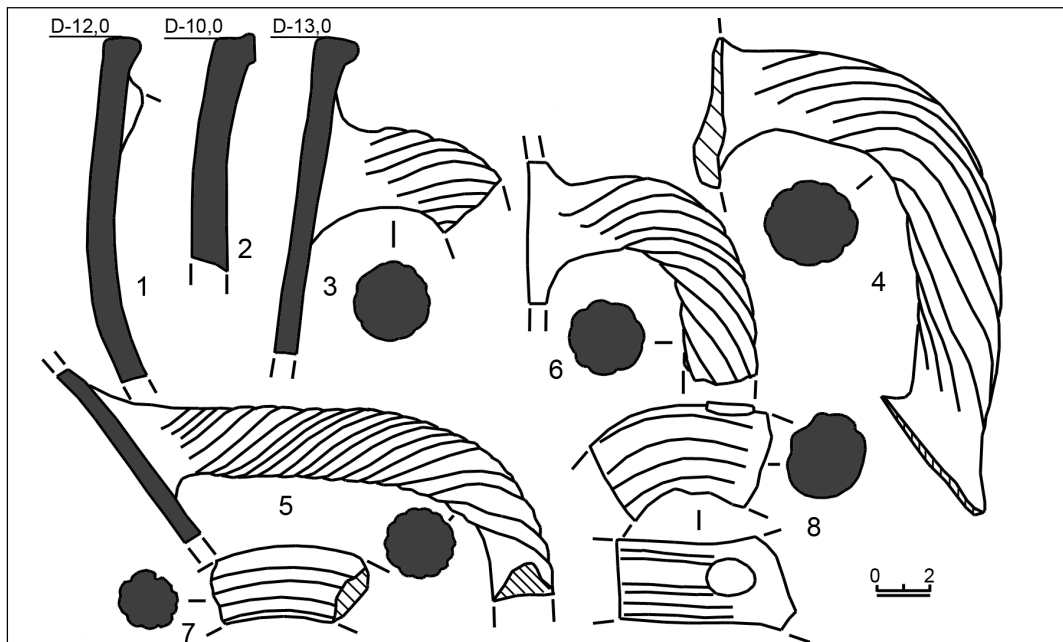

Рис. 16. Зольник 2. Амфоры боспорского производства.

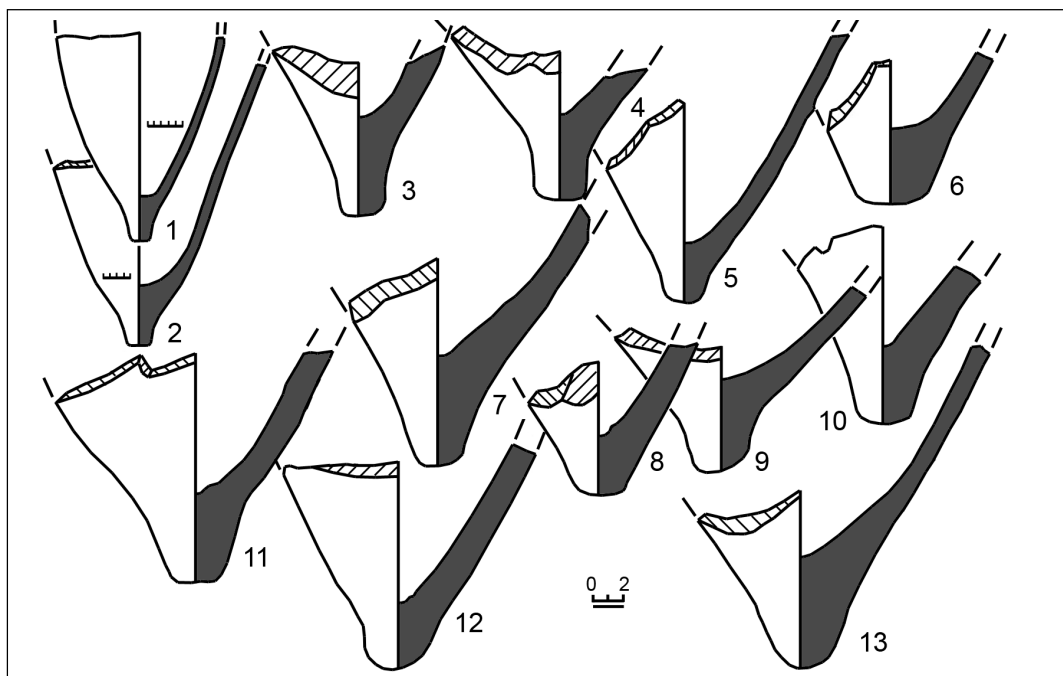

Рис. 17. Зольник 2. Амфоры боспорского производства. Донья.

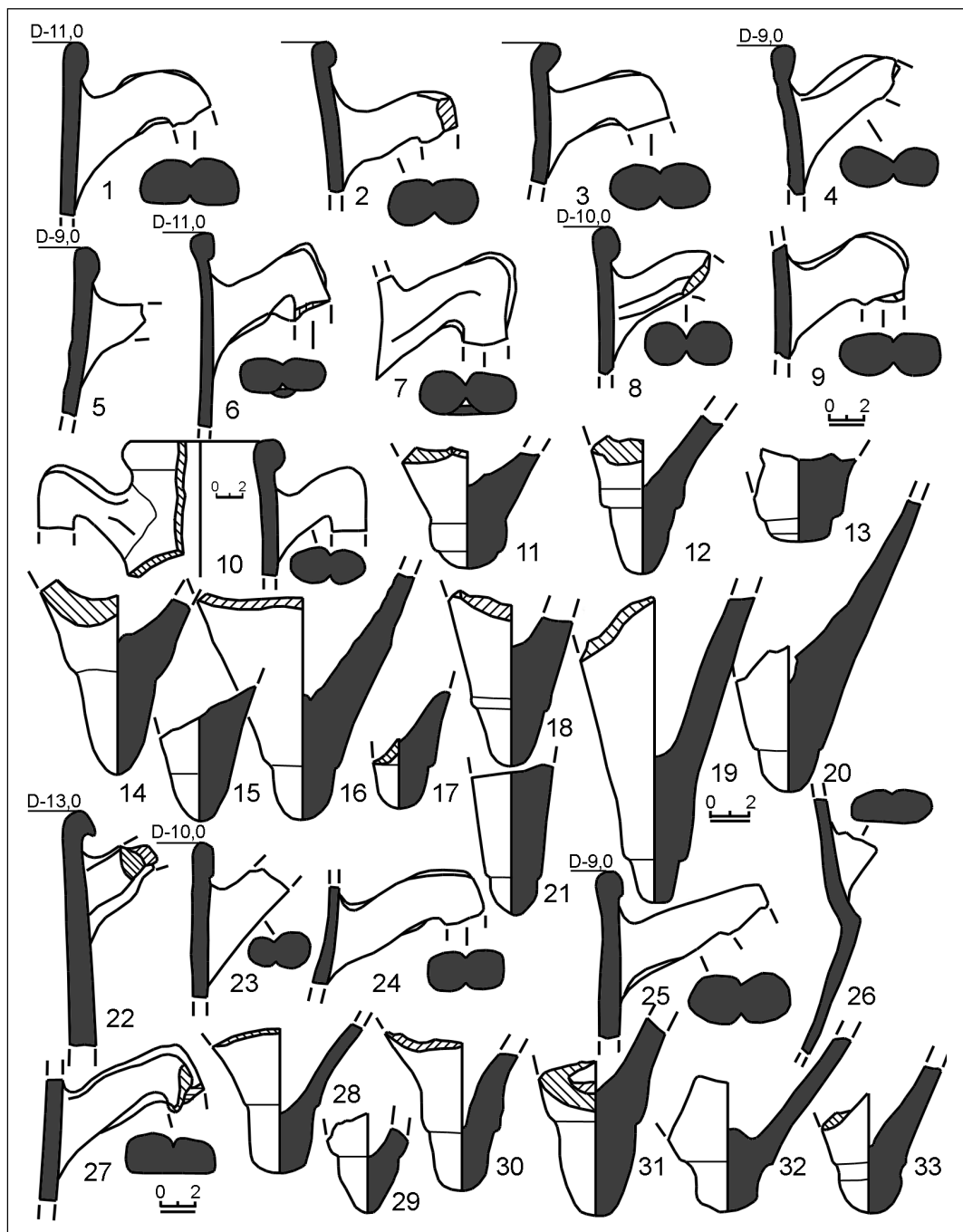

Рис. 18. Зольник 2. Светлоглиняные псевдокосские амфоры с двустольными ручками (1-21); красноглиняные псевдокосские амфоры с двустольными ручками (22-33).

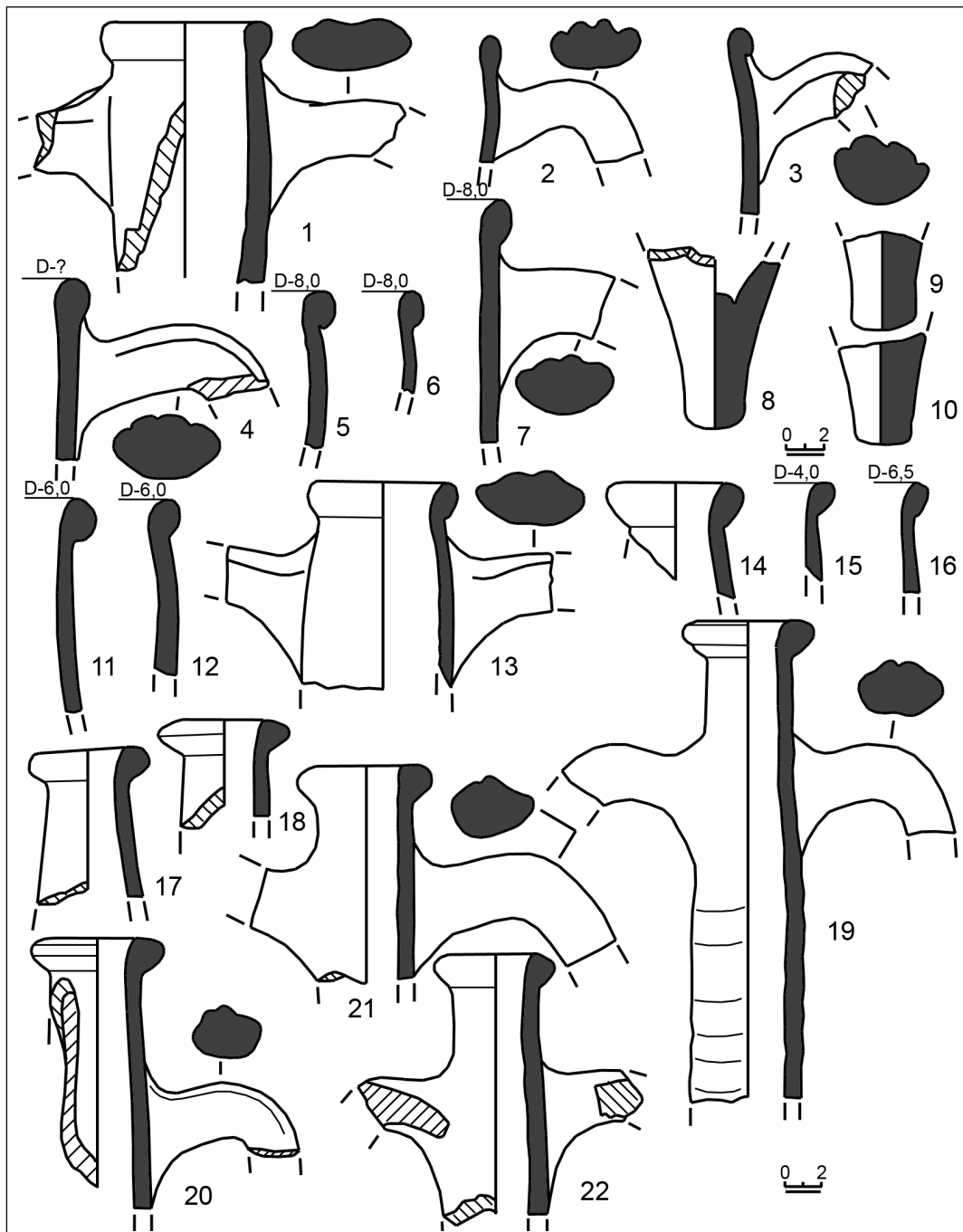

Рис. 19. Зольник 2. Светлоглиняные остродонные амфоры с профилированными ручками (тип С III по Внукову) (1-10); светлоглиняные узкогорлые амфоры (11-22).

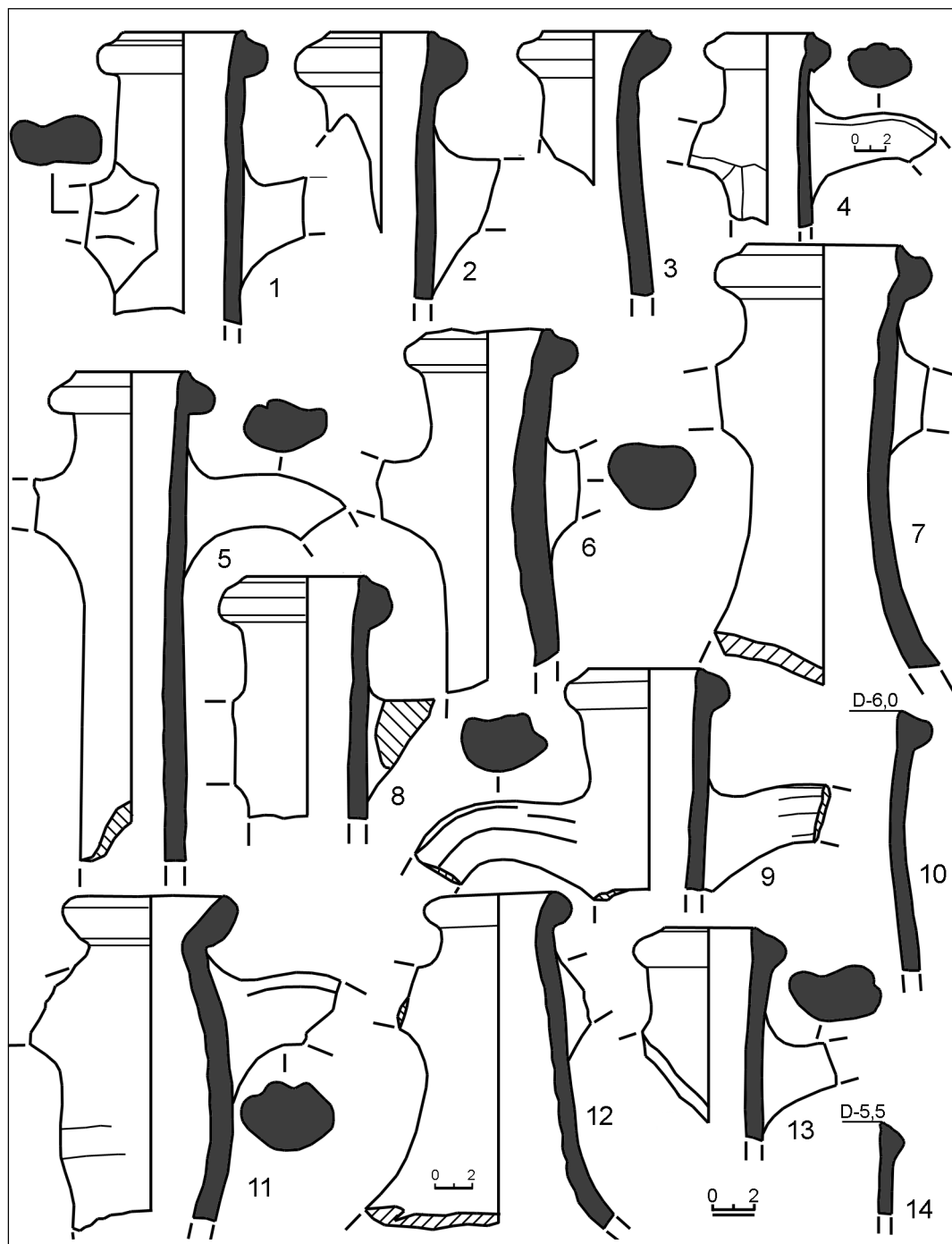

Рис. 20. Зольник 2. Светлоглиняные узкогорлые амфоры.

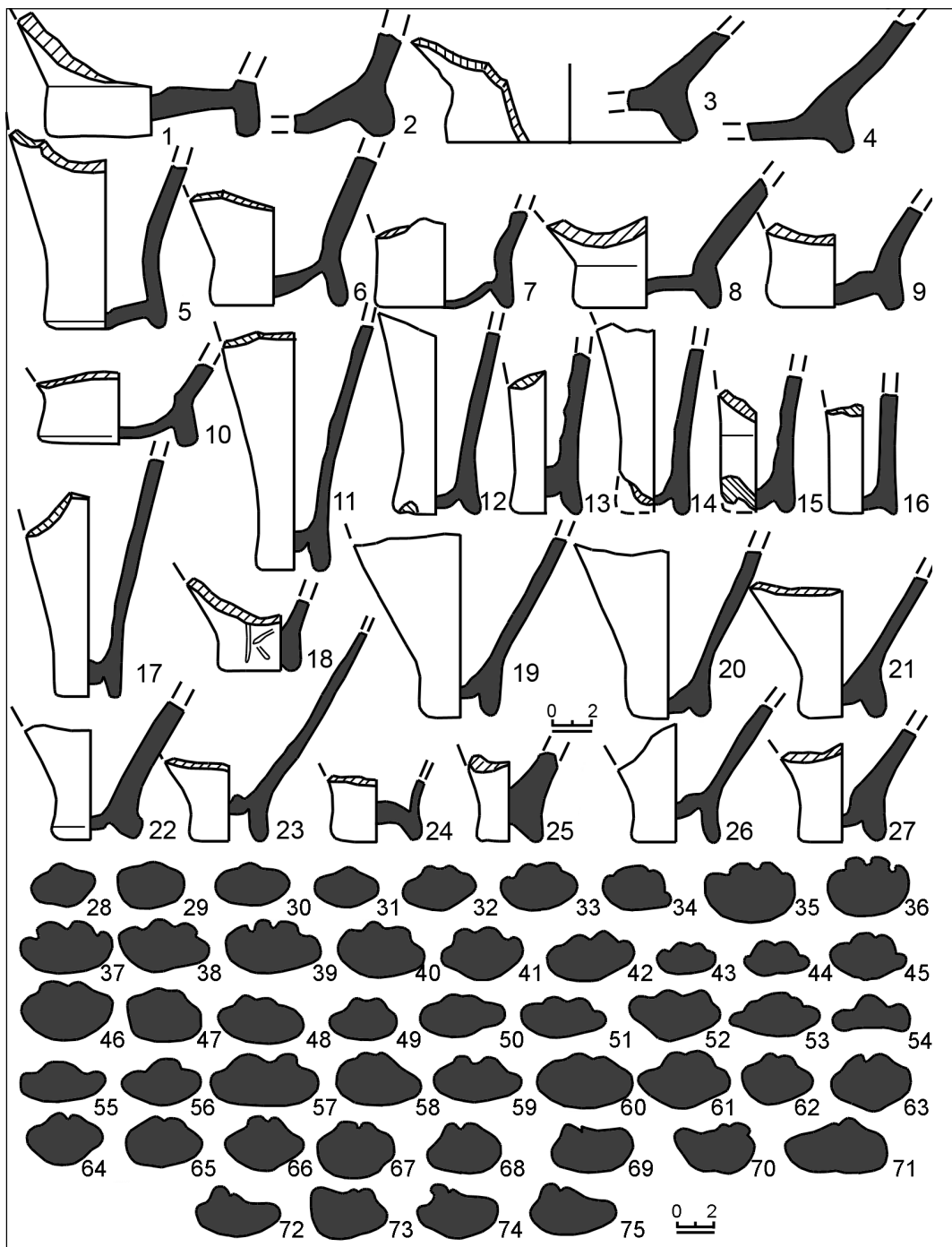

Рис. 21. Зольник 2. Светлоглиняные узкогорлые амфоры.

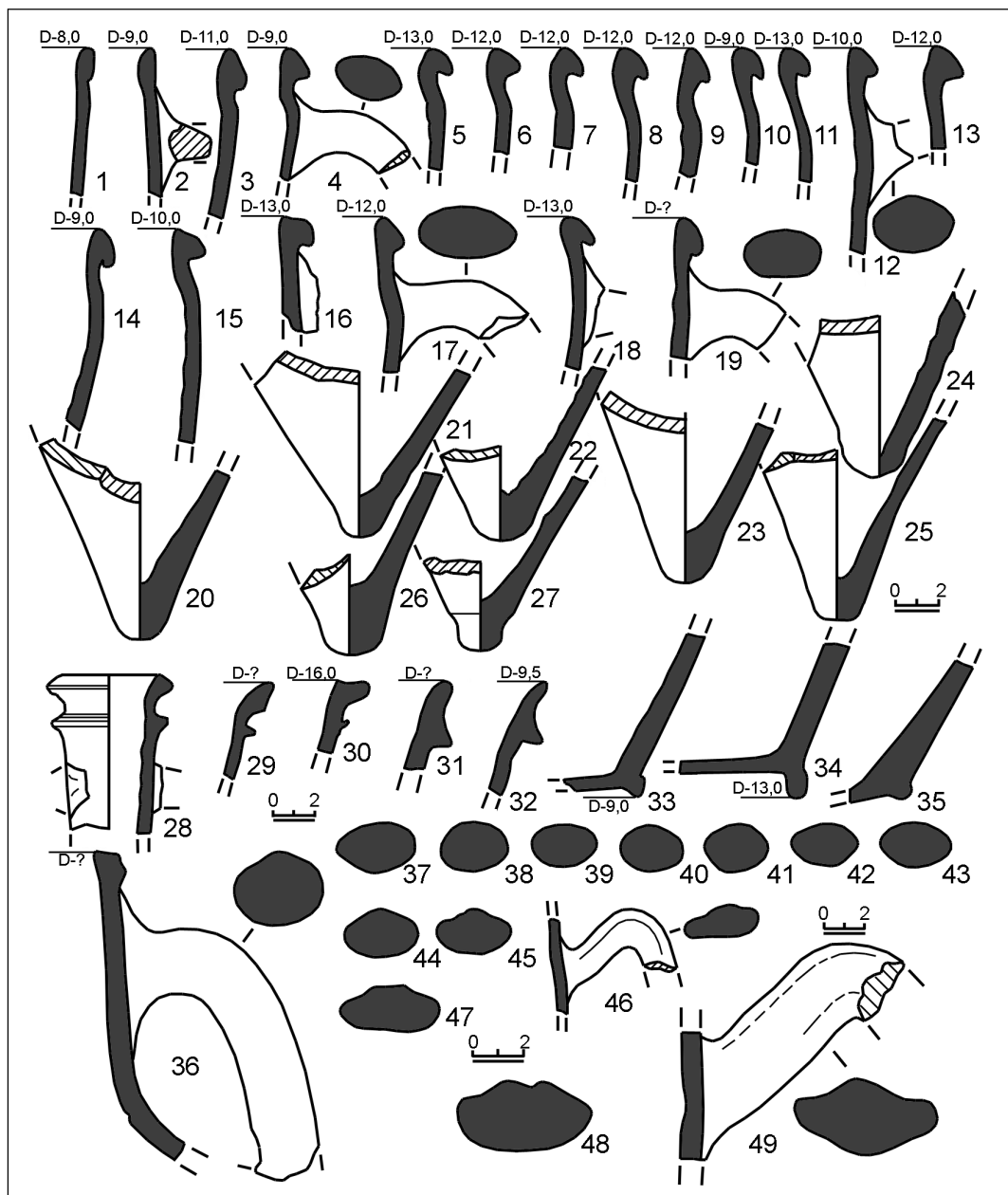

Рис. 22. Зольник 2. Позднесинопские амфоры с овальными ручками и конической ножкой (тип Син I по Внукову) (1-2); позднесинопские амфоры с желобком под венчиком (тип Син II по Внукову) (3-26); псевдокосские синопские амфоры (тип Син III по Внукову) (27); позднесинопские плоскодонные амфоры со сложнопрофилированным венчиком (тип Син IVa по Внукову) (28-35); синопская (?) амфора неопределенного типа (36); ручки синопских амфор (37-49).

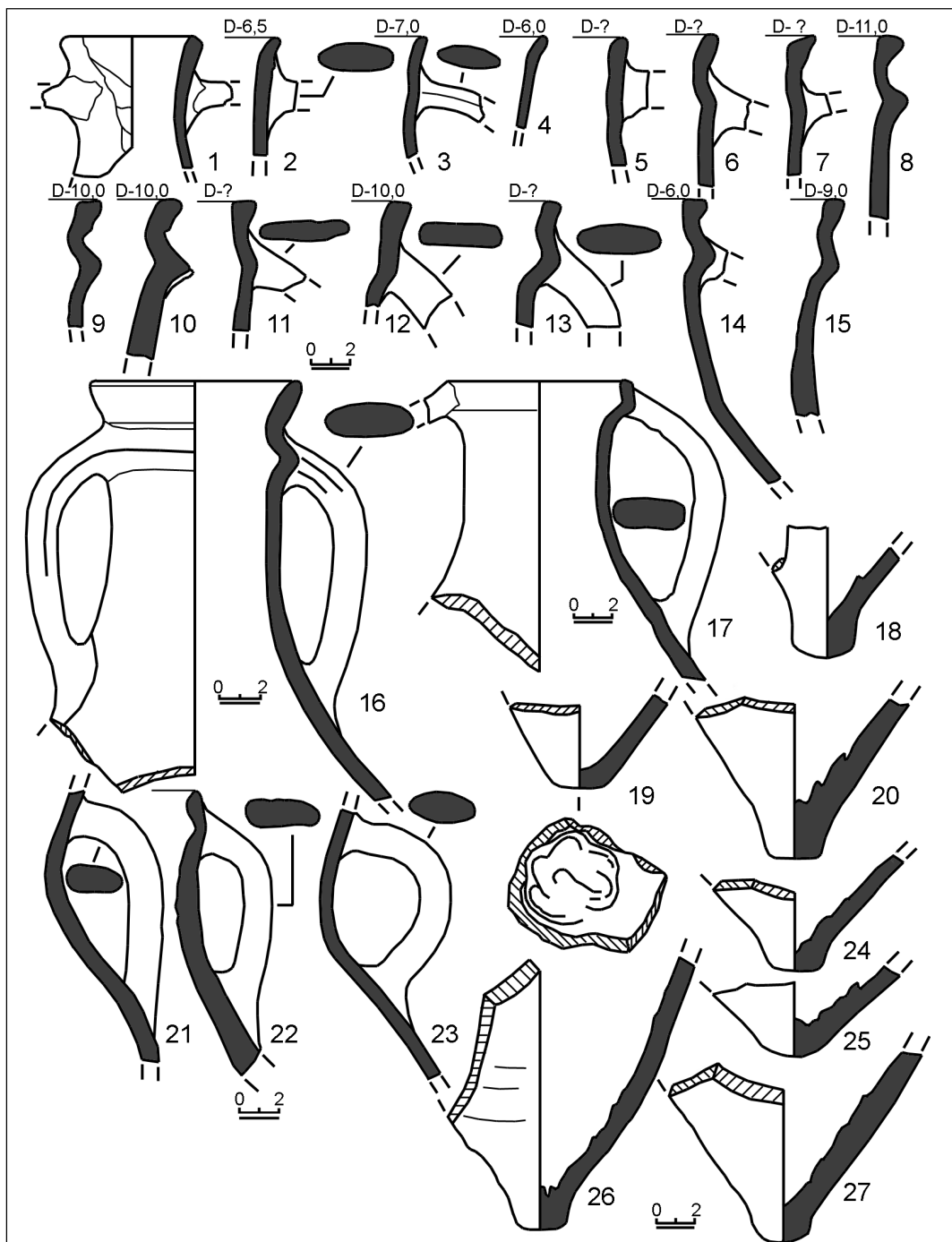

Рис. 23. Зольник 2. Коричневоглиняные (колхидские) амфоры.

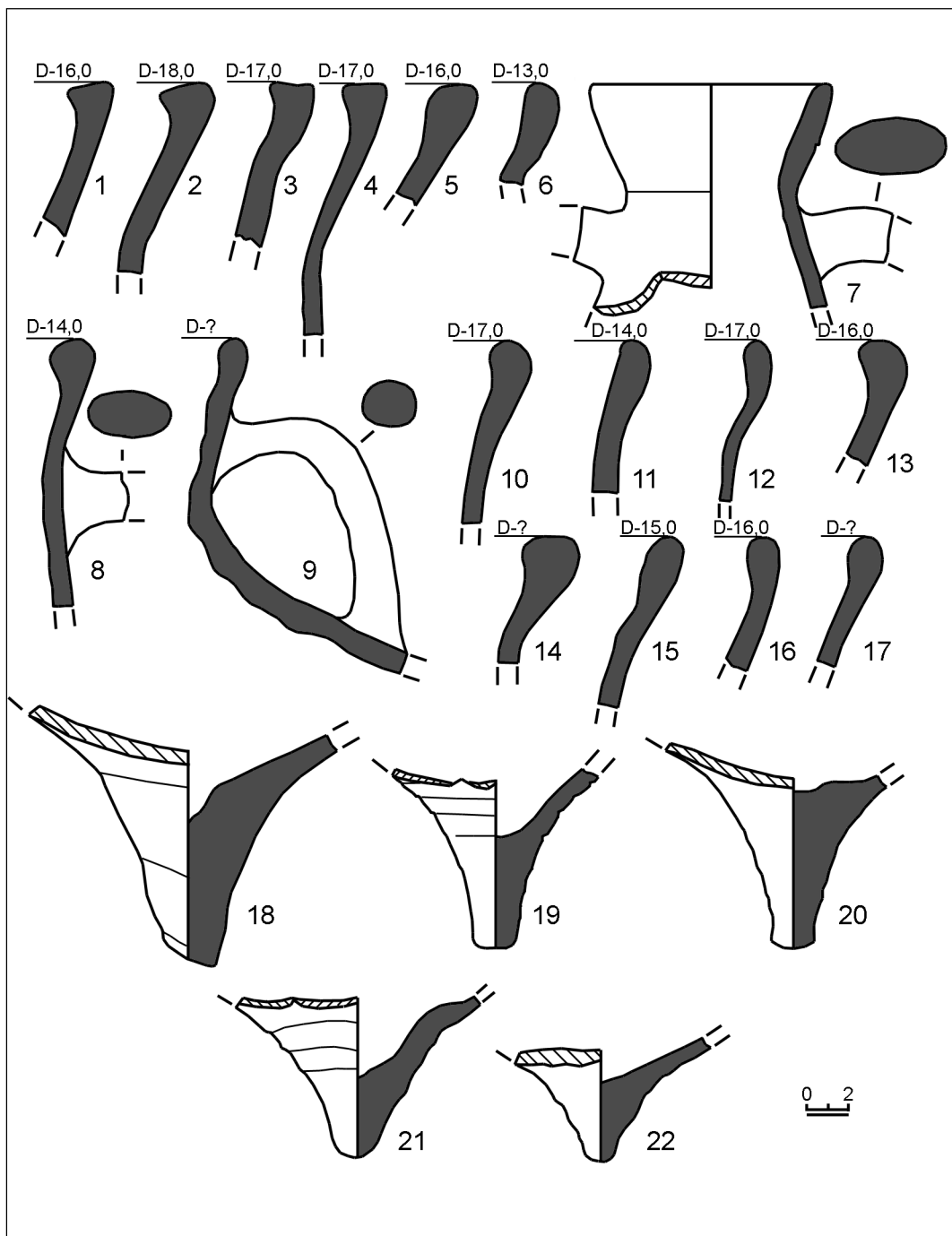

Рис. 24. Зольник 2. Амфоры с воронковидным горлом.

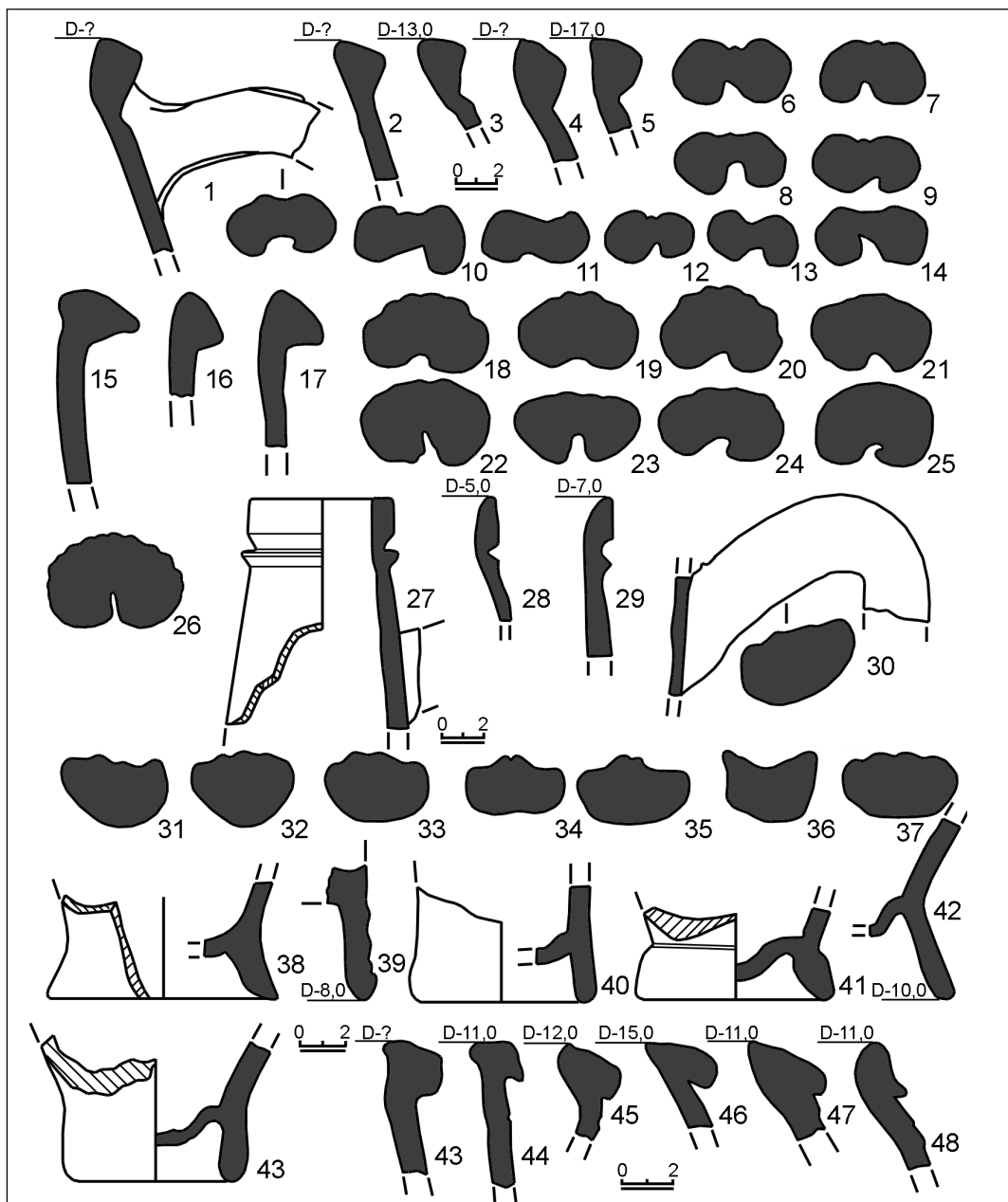

Рис. 25. Зольник 2. Амфоры типа «со сложнопрофилированными ручками» (Зеест-75) (1-14); красноглиняные амфоры типа «найденной в Мирмекии» (Зеест-72) (15-26); красноглиняные узкогорлые амфоры типа «с высоко поднятыми ручками» (Зеест-79) (27-42); красноглиняные амфоры с клювообразными венчиками и ручками типа мирмекийских (Зеест-73) (43-48).

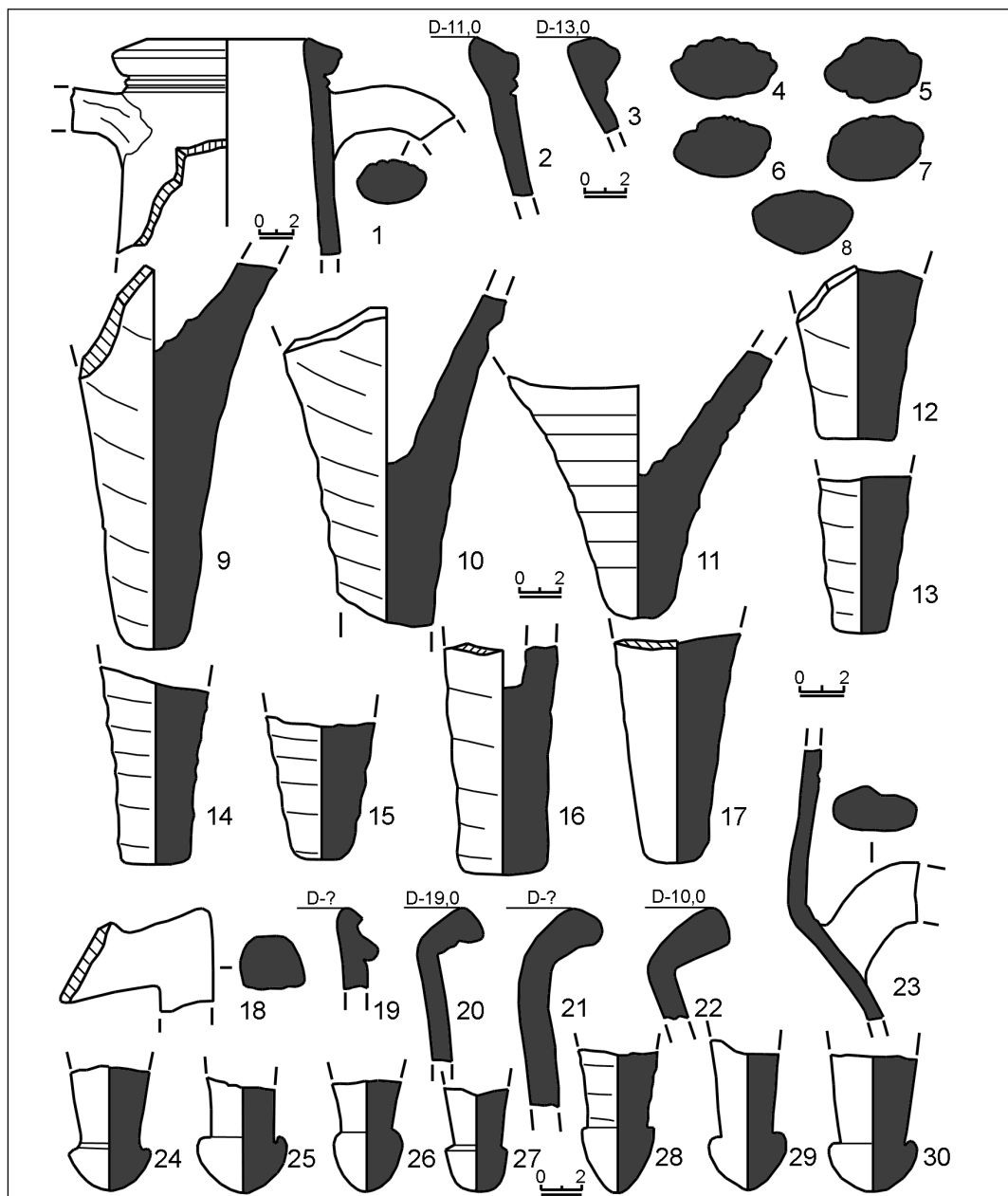

Рис. 26. Зольник 2. Красноглиняные амфоры типа «с желобком под венчиком» (Зеест-80) (1-8); красноглиняные амфоры типа «с конусовидным дном» (Зеест-69) (9-17); амфоры на кольцевом поддоне (18-19); красноглиняные амфоры с отогнутым краем (20-22); розовоглиняные амфоры с ручками на плечиках (23); амфоры с высокой цилиндрической ножкой с коническим или полукруглым утолщением на конце (24-30).

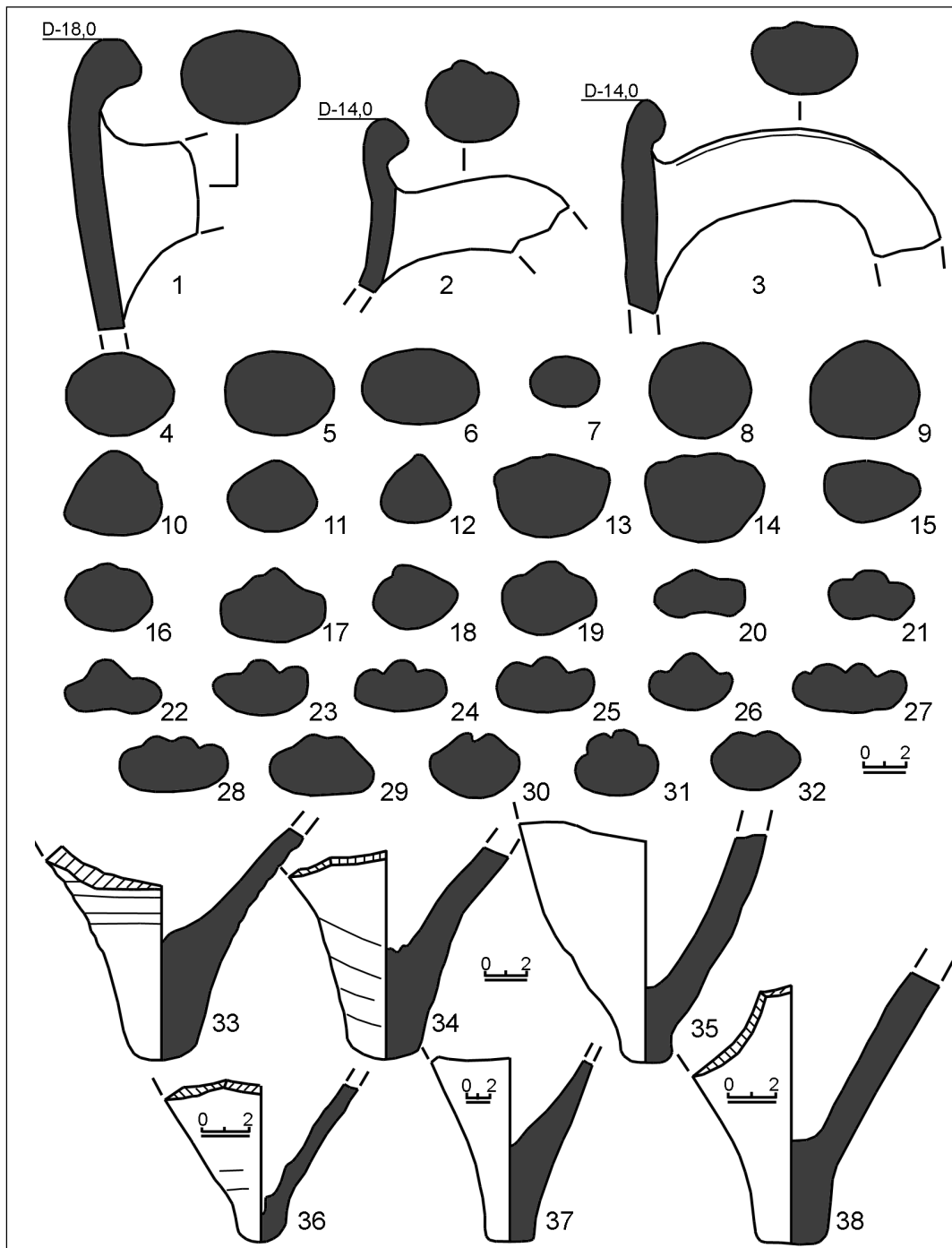

Рис. 27. Зольник 2. Амфоры разных типов.

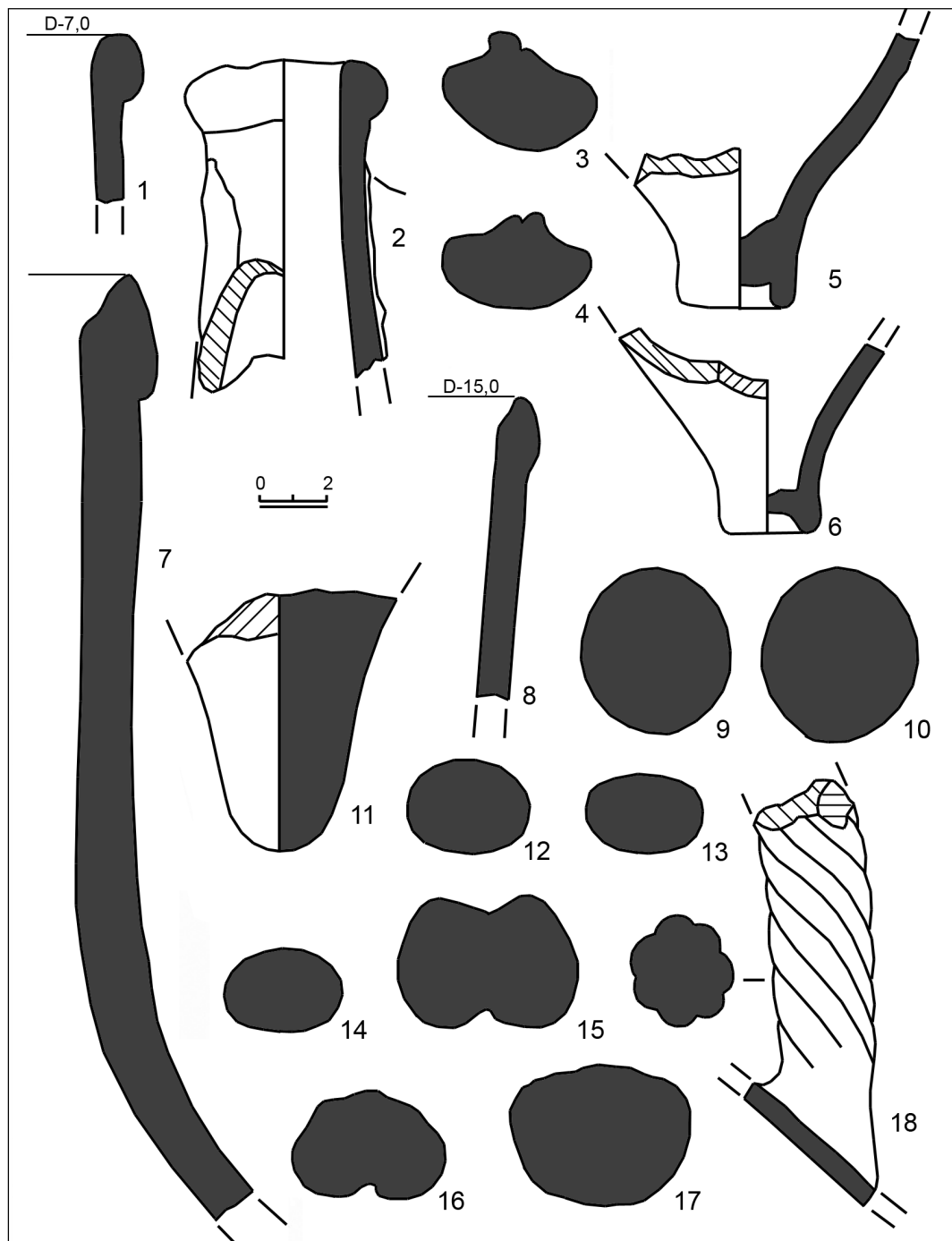

Рис. 28. Керамика из кладки помещения 1.

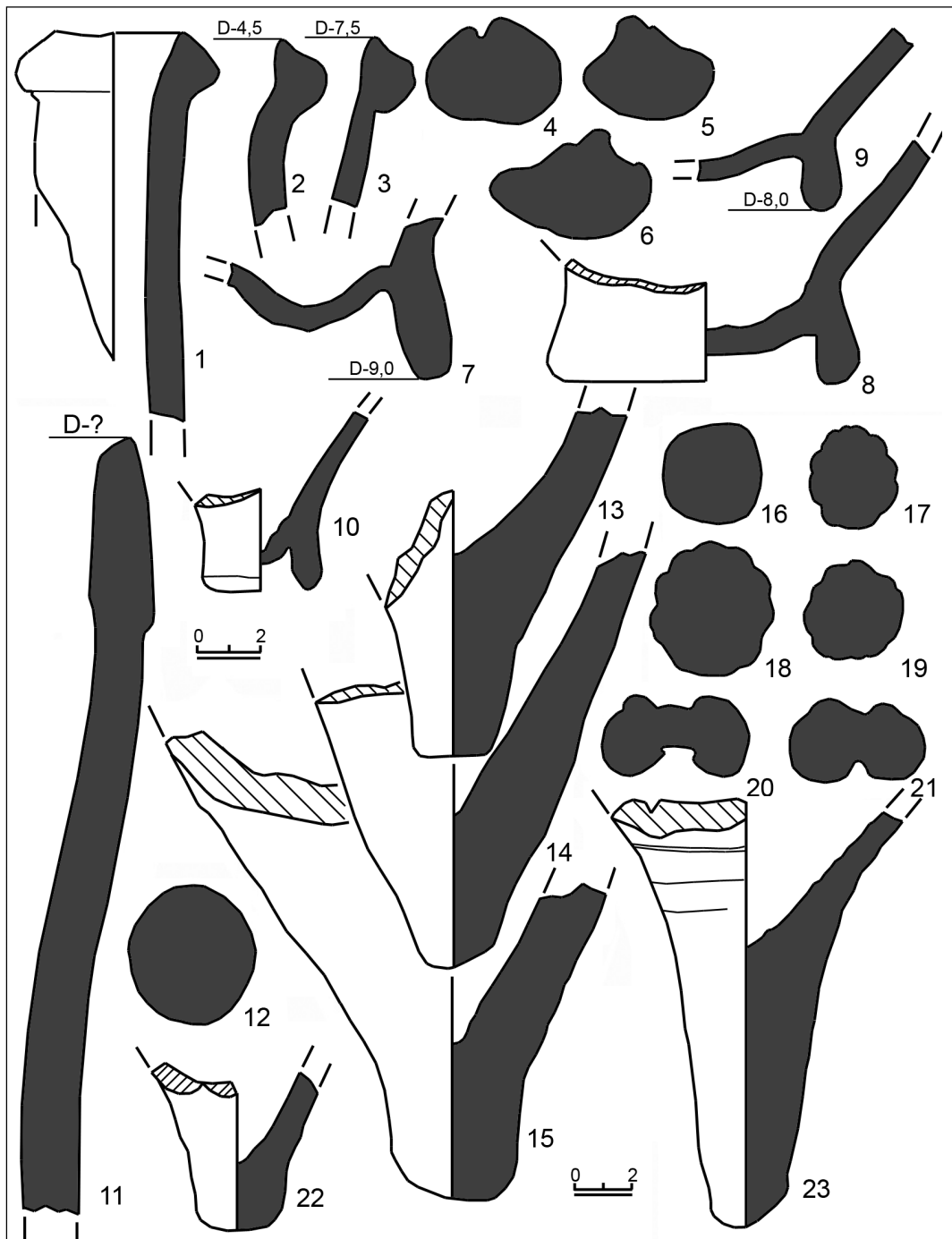

Рис. 29. Керамика из развала стен внутри помещения 1.

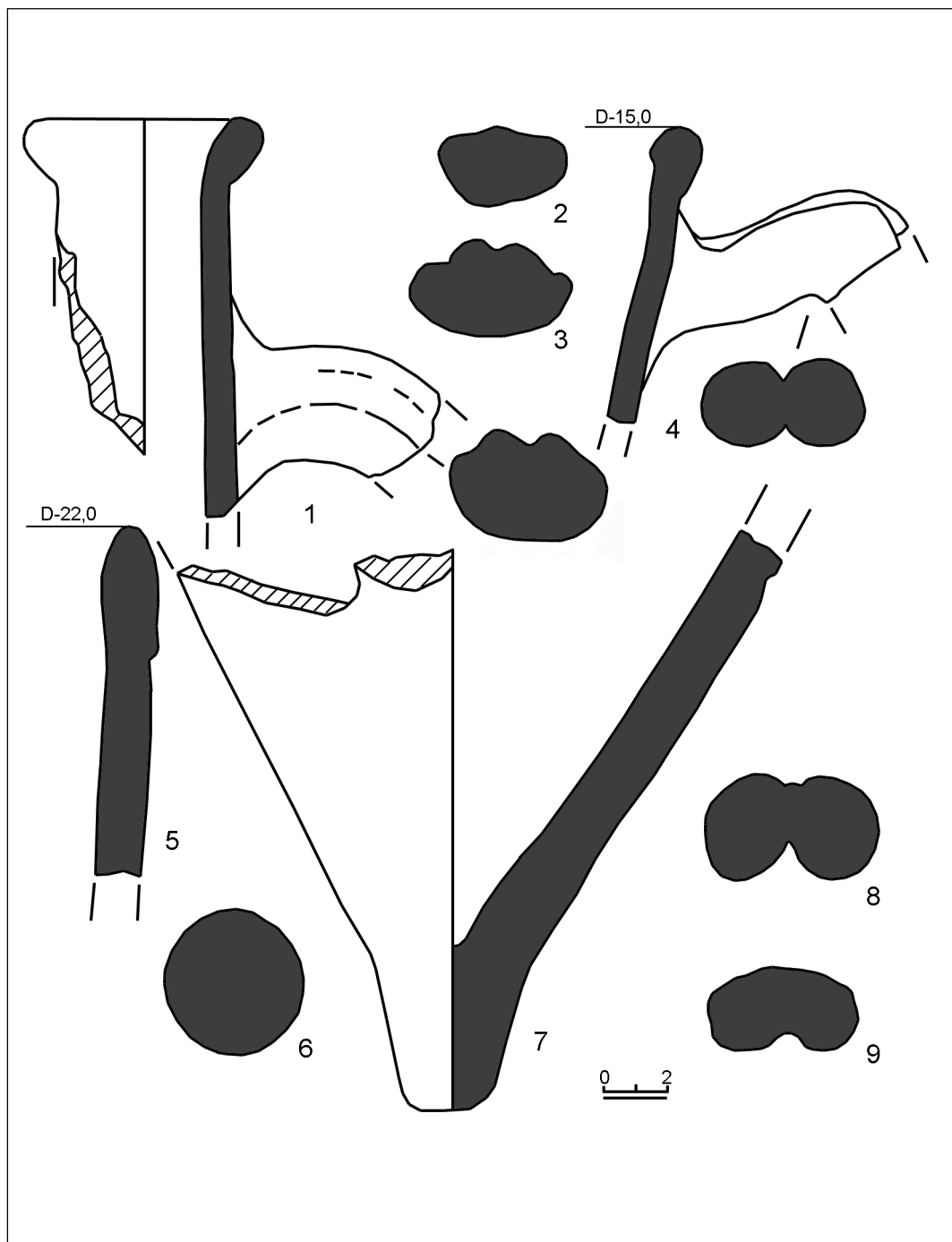

Рис. 30. Керамика из слоев у фасада помещения 1.

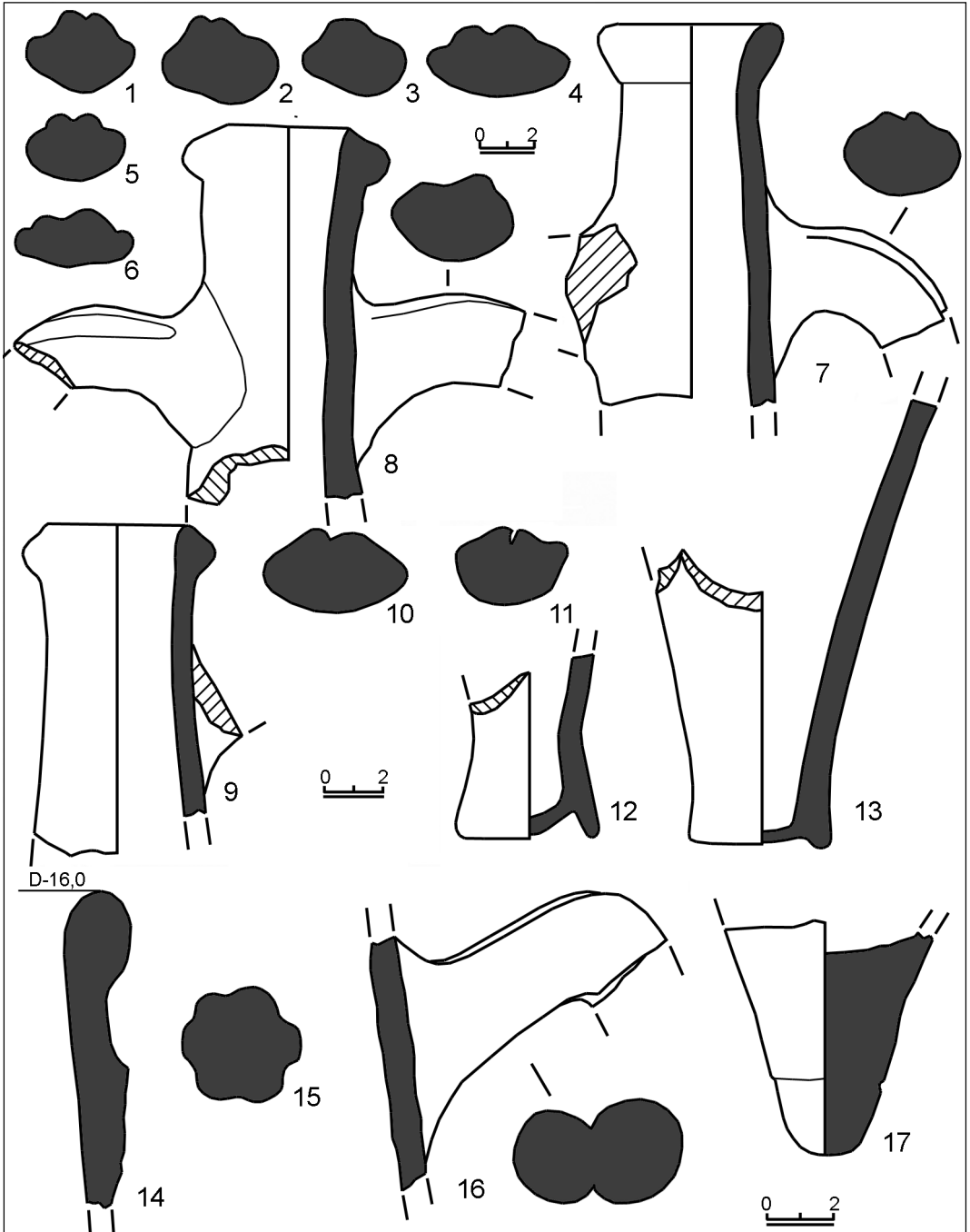

Рис. 31. Керамика с поверхности у юго-западного угла помещения 1 (1-3); керамика из слоев к югу от кладки 1 помещения 1 (4-17).

Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ НА СКЛОНЕ ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН В 2006-2008 гг.

В последней четверти VI – IX вв. жители городища Эски-Кермен хоронили своих умерших на юго-восточном пологом склоне одноименного плато (рис. 1; 29, II, 1). В 1928 и 1929 гг. могильник исследовался экспедицией Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) под руководством Н.И. Репникова (рис. 1, а). В 1933 г. на территории могильника работала советско-американская экспедиция, организованная ГАИМКом, Государственным историческим музеем и Пенсильванским университетом (США, Филадельфия) (рис. 1, б). За эти годы было раскопано более сотни погребальных сооружений, большинство из которых оказались разграбленными в древности. Часть находок поступила на хранение в Эрмитаж, почти все вещи, найденные в 1933 г., были переданы в музей Пенсильванского университета. В 1932 г. в «Готском Сборнике» Н.И. Репников опубликовал 62 погребальных сооружения, зачищенных в ходе раскопок 1928-1929 гг. [1, с. 153-180]. В статье описаны склепы и могилы, даны чертежи большинства из них, приведены рисунки и фотографии отдельных вещей. Н.И. Репников подробно анализирует особенности конструкций погребальных сооружений и зафиксированные в них обряд и инвентарь и приходит к заключению, что в склепах хоронили в V-VII вв., в подбойных могилах – в VII-VIII вв., а в простых грунтовых могилах – в XI-XIII вв. [1, с. 180]. Исследователь высказывает наблюдение о тождественности склепов Эски-Керменского некрополя и могильников «области крымских гот» – Суук-Су и Узень-Баш [1, с. 179-180]. Материалы раскопок на территории некрополя 1933 г. не публиковались. В предисловии к вышедшим в 1935 г. «Материалам Эски-Керменской экспедиции 1931-1933 гг.» сообщалось только о том, что было раскопано 38 склепов, 3 подбойных и 4 грунтовых могилы и о готовящейся совместно с американской стороной публикации этих материалов [2, с. 8]. В небольшой статье, включенной в этот же сборник, Г.И. Петров дал предварительную информацию об антропологическом материале Эски-

Керменской экспедиции за 1931-1935 гг., в том числе и из раннесредневекового некрополя [3, с. 12-17]. В публикациях по итогам раскопок и в отчетах Эски-Керменской экспедиции отсутствует сводный план могильника. В архиве Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) среди материалов Эски-Керменской экспедиции удалось найти только планы раскопов 1928 г. [4, л. 15, № 787], общий план городища с отмеченными простым карандашом местами раскопов 1929 г. [4, л. 2, № 771], а также карандашные планы раскопанных в 1933 г. погребальных сооружений и указание на то, что находились они «под церковью «Успения», на горизонте храма «Трех всадников», в расстоянии от него в 55 м к югу» [5, с. 2].

В 1978-1982 гг. экспедиция Отдела археологии Крыма ИА АН УССР и Крымского областного краеведческого музея под руководством А.И. Айбабина раскопала на юго-восточном склоне плато 164 погребальных сооружения (рис. 1,с): 75 склепов, 32 грунтовые могилы, 30 вырубленных в скале могил, 24 подбойные могилы и 3 гробницы [6, с. 286-287; 7, с. 167-168; 8, с. 239]. Многие из них были разграблены в древности. Материалы раскопок полностью не опубликованы. Изданы только два неразграбленных комплекса: подбойная могила 315 с редкой для Юго-Западного Крыма боспорской орлиноголовой пряжкой [9, р. 130, fig. II,42-44] и склеп 257, ставший эталонным для хронологии древностей раннесредневекового Крыма, благодаря найденным в нем византийским монетам и многочисленным вещам, зафиксированным *in situ* на костях [10, с. 183-188, рис. 9; 10]. Многие отдельные находки – фибулы, византийские пряжки, детали поясной гарнитуры – включены А.И. Айбабиным в типологию раннесредневековых древностей Юго-Западного Крыма и учтены им при разработке хронологии могильников региона [10, с. 165-188; 11, рис. 8,12; 12,3; 16,2; 18,1,6; 20,4; 35,1,2; 43,1-20; 44,2,5,7; 45,1,3,6; 12, рис. 2; 3,1,4,6; 4,12,13,15,16; 5-8]. Группу пряжек, производившихся местными мастерами по византийским образцам, А.И. Айбабин выделил в отдельный тип «Эски-Кермен» [13, с. 42-45; 10, с. 178; 14, с. 47-48, рис. 45]. Уточненная хронология инвентаря, а также анализ письменных источников и общей ситуации в регионе позволили А.И. Айбабину пересмотреть предложенную Н.И. Репниковым датировку могильника и отнести время его функционирования к периоду с последней четверти VI до конца IX вв. [15, с. 45-47; 14, с. 114]. С рубежа IX-X вв. жители городища Эски-Кермен стали хоронить своих умерших на самом плато в усыпальницах, вырубленных в храмах или рядом с ними. Первоначальный некрополь на склоне лишь изредка использовался для единичных захоронений в грунтовых могилах или гробницах [15, с. 48]. Учитывая границы раскопов Н.И. Репникова и раскопанных в 1978-1982 гг. участков, А.И. Айбабин пришел к заключению, что площадь могильника составляла около 2,42 га [15, с. 43].

В 2003 г. на некрополе грабители вскрыли свыше 20-ти склепов и могил (рис. 1, d). Они повторно открыли и несколько склепов, уже раскопанных

в 1978-1982 гг. В этом же году экспедиция Крымского отделения Института востоковедения НАНУ под руководством А.И. Айбабина провела охранные раскопки на подвергнутых разграблению участках некрополя (рис. 1,е). В ходе работ на территории общей площадью около 200 м² зачищено пять склепов и девять могил, а также доследованы три недавно разграбленных склепа.

В 2006 г., в рамках совместного с Римско-Германским музеем г. Майнца проекта «Готы в Крыму» немецкие специалисты под руководством директора названного музея доктора Фалько Дайма инженер-геофизик Института геоинформатики Гвидо Гейнц и инженер Аня Крамер, проводили геофизические исследования на нижней террасе юго-восточного склона горы с целью уточнения границ некрополя. По результатам этих разведок было решено провести археологические раскопки.

В 2006-2008 гг. в 35 м к югу от самых нижних раскопов 1978-1982 гг. и 2003 г. заложены новые раскопы №№ 98-107¹ (рис. 1, f; 2, l; 29, l, 2; 29, ll, 1; 30). Их заполнение состояло из дерна толщиной 0,3-0,4 м и залегавшего под ним слоя темной земли мощностью от 0,9 до 1,4 м (рис. 15, l; 30), образовавшегося в результате жизнедеятельности после того, как некрополь был заброшен. В этом слое темной земли, перекрывавшем плотную материковую глину, в которой были выкопаны погребальные сооружения, найдены: железный кованый гвоздь с плоской овальной шляпкой (длина 8,5 см) (рис. 2, ll, 5); фрагмент костяной застежки (длина 3,9 см) (рис. 2, ll, 1); обломок браслета из темно-синего стекляннo-го жгута (длина 2,2 см) (рис. 2, ll, 3); два кремня (размеры 2,4x2,7 и 3,5x6,7 см) (рис. 2, ll, 2, 4) и многочисленные мелкие обломки керамических сосудов. Костяная застежка (рис. 2, ll, 1) повторяет форму отлитых из бронзы изделий из Лучистого, из склепа 228, из слоя с находками конца VI – первой половины VII вв. и из Суук-Су, из склепа 162 [16, с. 120, 146, рис. 114] третьей четверти VII в. [11, рис. 2, 137, 138]. Браслеты с плоской внутренней и выпуклой внешней поверхностями, получаемые путем вытягивания стекляннo-го жгута на плоскую поверхность, темно-синего (кобальтового) цвета (рис. 2, ll, 3) бытовали во второй половине IX – первой половине XII вв. [17, с. 323; 18, с. 362-363].

На исследованной территории общей площадью около 170 м² зачищено 17 погребальных сооружений: 7 склепов (№№ 362-365, 372, 377, 378), 9 подбойных могил (№№ 366-369, 371, 373-376) и одно незаконченное (№370) (рис. 2, l)².

Описание погребальных сооружений и инвентаря из них

Склеп 362 (рис. 3; 4; 31, 1-3) зачищен в западном углу раскопа 98, под 1,4-метровым натечным слоем, перекрытым дерном. Т-образный в плане склеп

¹ Нумерация раскопов на некрополе идет от начала работ А.И. Айбабина в 1978 г.

² Нумерация погребальных сооружений ведется от начала работ Н.И. Репникова в 1928 г. При этом следует учитывать, что Н.И. Репников включал в одну нумерацию погребальные сооружения не только некрополя, но и городища, в последовательности их вскрытия [1, с. 156, прим. 1].

ориентирован длинной осью с востока на запад, его длина – 5,05 м. Дромос прямоугольный в плане, с закругленными углами и покатым к входу в камеру дном (длина – 1,7 м, ширина – 0,57-0,74 м, глубина у входа в камеру – 1,6 м) (рис. 31,1). Входное отверстие в камеру, выкопанное в западном борту дромоса, оказалось заваленным землей. Его длина – 0,7 м, ширина – 0,53 м, высота – 0,7 м (рис. 3,2). Закладная плита из известняка лежала в камере склепа, у входа. Камера почти прямоугольной в плане формы, со сводчатым потолком (длина – 2,65 м; ширина – 2,0 м; высота – 1,22 м; глубина от древней поверхности – 2,3 м). В западной, противоположной от входа стенке сделана ниша арочной формы (рис. 3,1; 31,2). Уровень пола камеры на 0,7 м ниже уровня дна дромоса. Склеп ограблен в древности. На полу склепа в слое темной земли лежали переверошенные кости не менее пяти погребенных³, две бронзовые пряжки (№№ 1, 2), железные две пряжки (№№ 3, 4) и нож (№ 5), а также стеклянные бусины (№ 6).

1. Пряжка с овальной, вытянутой в ширину рамкой из овального в сечении бронзового стержня и загнутым в передней части язычком из железной проволоки. Длина 1,8 см; ширина 2,5 см (рис. 4, 1; 36,3).
2. Пряжка бронзовая, состоящая из рамки с массивной треугольной передней стороной, сегментовидного в сечении язычка с небольшим квадратным выступом на тыльной стороне и из прямоугольного щитка, вырезанного из согнутой пополам пластины, скрепленной двумя гвоздиками с полусферическими шляпками. Язычок погнут. Длина 2,7 см; ширина рамки 2,2 см (рис. 4,2; 36,5).
3. Пряжка железная, с массивной В-образной рамкой и загнутым в передней части язычком из прямоугольного в сечении стержня. Рамка фрагментирована. Длина 5,0 см; ширина 7,0 см (рис. 4,3).
4. Пряжка железная, с овальной, вытянутой в ширину рамкой из овального в сечении стержня. Сильно корродирована. Длина 2,5 см; ширина 3,5 см (рис. 4,5).
5. Нож железный, однолезвийный, черешковый, с прямой спинкой и остатками кожаных ножен на лезвии. Черенок фрагментирован. Длина 11,3 см (рис. 4,4).
6. Бусы: бусины эллипсоидной, уплощенной, из темно-синего глухого стекла мелкие фрагменты (рис. 4,7); бусина в виде двух объединенных сферических бусин, из прозрачного желтоватого стекла с внутренней металлической прокладкой (длина 1,1 см, рис. 4,6).

Склеп 363 (рис. 5; 31,4) обнаружен в раскопе 99 под 1,1-метровым слоем натечной земли, перекрытой дерном. Т-образный в плане склеп ориентирован длинной осью с юго-востока на северо-запад, его длина – 4,77 м. Дромос прямоугольный в плане, с закругленными углами и покатым к входу дном (длина – 1,94 м, ширина – 0,56 м, глубина у входа в камеру – 2,5 м). В восточном

³ Количество погребенных определено В.Ю. Радочиным по костным остаткам.

борту дромоса выкопана ступень высотой 0,3 и длиной 0,1 м. Сдвинутая грабителями закладная плита из известняка стояла около южного борта дромоса. Входное отверстие оказалось заваленным землей. Его длина – 0,55 м, ширина – 0,71 м, высота – 0,65 м. Камера в плане прямоугольной формы, со сводчатым потолком с выбранной по центру продольной бороздой глубиной 0,2-0,25 м (рис. 31,4). Длина камеры – 2,28 м, ширина – 1,47 м, высота – 1,62 м. Уровень пола камеры на 0,4 м ниже уровня дна дромоса. Склеп ограблен в древности. На полу склепа, в слое темной земли лежали переверошенные кости двух погребенных, обломок язычка большой серебряной пряжки (№ 1), фрагмент рамки бронзовой пряжки (№ 2), фрагмент железного ножа (№ 3), а также астрагал (№ 4).

1. Передняя часть полого, граненого язычка орлиноголовой пряжки из серебра. Боковые стороны декорированы резными линиями и напаянными цилиндрическими гнездами с полусферическими вставками из красного камня. Длина 3,2 см (рис. 5,4; 36,4).
2. Фрагмент трапецевидной или прямоугольной, граненой, пластинчатой рамки бронзовой литой пряжки. Длина 2,0 см (рис. 5,5).
3. Фрагмент лезвия железного однолезвийного ножа с прямой спинкой. Длина 4,7 см (рис. 5,3)
4. Астрагал. Размеры 2,0x3,2 см (рис. 5,2).

Склеп 364 (рис. 6; 32,1,2) найден около северо-западного борта раскопа 100, под 1,0-метровым слоем натечной земли, перекрытой дерном. Т-образный в плане склеп ориентирован длинной осью с юго-востока на северо-запад, его длина – 4,5 м. Трапецевидный в плане, с закругленными углами дромос (длина – 2,17 м, ширина – 0,55-0,6 м, глубина у входа в камеру – 2,25 м) примыкает к камере с юго-восточной стороны. В его северо-западном борту сделано входное отверстие в камеру (длина – 0,35 м, ширина – 0,5-0,6 м, высота – 0,58 м) (рис. 32,1). Входное отверстие завалено землей. Закладная плита из известняка и подпиравший ее камень были сдвинуты грабителями и лежали в грунте, заполнявшем дромос склепа, у входа в камеру. Из грунта, заполнявшего дромос, извлекли также плоский камень, который, скорее всего, был вкопан около юго-восточного борта для обозначения местонахождения погребального сооружения. Камера полуовальной в плане формы, со сводчатым потолком (длина – 2,0 м; ширина – 1,3 м; высота – 0,87 м; глубина от древней поверхности – 2,6 м). Уровень пола камеры на 0,4 м ниже уровня дна дромоса и на 0,13 м ниже уровня пола входного отверстия. Склеп ограблен в древности. В юго-западной стенке камеры, на высоте 0,7 м от пола грабители пробили лаз в подбойную могилу 371. На полу камеры склепа в слое темной земли зачищены переверошенные кости не менее четырех погребенных, фрагменты железных пряжек (№№ 1, 2) и ножа (№ 3), а также лепная кружка (№ 4).

1. Язычок пряжки из сегментовидного в сечении железного стержня. Длина 3,3 см (рис. 6,2).
2. Фрагмент овальной рамки железной пряжки из круглого в сечении стержня. Длина 3,2 см (рис. 6,3).
3. Фрагмент железного однолезвийного ножа с прямой спинкой и остатками дерева на черенке и кожи на лезвии. Длина 8,0 см (рис. 6,4).
4. Кружка лепная, коричневоглиняная, с залощенной поверхностью, с высоким, прямым, отогнутым венчиком со скошенным наружу верхним краем, эллипсоидным туловом и плоским дном. Вертикальная, петлевидная, трапециевидная в сечении ручка прикреплена к верхнему краю венчика и в месте максимального расширения тулова. Высота 10,6 см; диаметр венчика 7,2 см; диаметр дна 5,0 см (рис. 6,5; 36,6).

Склеп 365 (рис. 7; 8; 32,3,4) обнаружен в южной части раскопа 100, под 0,9-метровым слоем натечной земли, перекрытой дерном. Т-образный в плане склеп ориентирован длинной осью с востока на запад, с небольшим отклонением по линии северо-восток – юго-запад, его длина – 4,8 м. Трапециевидный в плане, с закругленными углами дромос, с покатым к входу дном (длина – 2,15 м, ширина – 0,5-0,75 м, глубина у входа в камеру – 2,0 м) примыкает к камере с восточной стороны (рис. 32,4). В его западном борту сделано входное отверстие в камеру. Его длина – 0,53 м, ширина – 0,5 м, высота – 0,56 м. Входное отверстие завалено землей. Закладная плита из известняка стояла около южного борта дромоса. Камера в плане неправильной формы, с сужающейся западной частью и со сводчатым потолком (длина – 2,2 м; ширина – 1,25 м; высота – 0,8 м; глубина от древней поверхности – 2,3 м) (рис. 32,3). Уровень пола камеры на 0,28 м ниже уровня дна дромоса и на 0,17 м ниже уровня пола входного отверстия. Склеп ограблен в древности. На полу камеры зачищены остатки погребений двух взрослых. Костяки почти полностью перевероршены, *in situ* прослежены только кости ног. Среди костей собраны бронзовое кольцо (№ 1) и колокольчики (№№ 2-4), железные четыре пряжки (№№ 5-8) и нож (№ 9), а также фрагменты бусин (№ 10).

1. Кольцо бронзовое, сплошное, из сегментовидного в сечении стержня. Размеры: 3,7х3,9 см (рис. 8,11).
2. Колокольчик бронзовый с полусферическим, декорированным резными линиями туловом и граненой петелькой для подвешивания с врезной точкой на верхней стороне. Внутри тулова сохранилась железная петелька от биты. Высота 2,5 см; диаметр 2,3 см (рис. 8,5).
3. Колокольчик бронзовый с коническим, декорированным резными линиями туловом и граненой петелькой для подвешивания с врезной точкой на верхней стороне. Высота 2,6 см; диаметр 2,3 см (рис. 8,6).
4. Фрагмент нижней части гладкого тулова бронзового колокольчика. Диаметр 2,4 см (рис. 8,7).

5. Пряжка железная, с овальной, вытянутой в ширину рамкой из овального в сечении стержня, с прогнутым язычком. Длина 2,5 см; ширина 3,7 см (рис. 8,1).
6. Пряжка железная, с овальной, вытянутой в ширину рамкой из круглого в сечении стержня, с загнутым на завершении язычком. Длина 2,9 см; ширина 3,7 см (рис. 8,2).
7. Пряжка железная, с овальной, вытянутой в ширину рамкой из овального в сечении стержня, с прогнутым язычком. Длина 3,2 см; ширина 4,3 см (рис. 8,3).
8. Пряжка железная, с овальной, вытянутой в ширину рамкой со слегка вогнутой передней стороной, с прогнутым язычком из сегментовидного в сечении стержня. Внутри рамки сохранились остатки кожаного ремня. Длина 2,9 см; ширина 4,2 см (рис. 8,4).
9. Нож железный, однолезвийный, черешковый, с прямой спинкой и остатками дерева на черенке. Длина 9,2 см (рис. 8,12).
10. Бусы: фрагмент эллипсоидной, уплощенной бусины из синего прозрачного стекла (длина 0,9 см, рис. 8,8); фрагмент цилиндрической янтарной бусины (диаметр 1,0 см, рис. 8,9); фрагмент бусины из слегка обработанной янтарной гальки с поперечно нанесенным отверстием для подвешивания (размер 1,2x1,7x2,8 см, рис. 8,10).

Подбойная могила 366 (рис. 9; 32,5) зачищена в центральной части раскопа 101, под 1,1-метровым слоем натечной земли, перекрытой дерном. Длинной осью ориентирована с юго-востока на северо-запад. Входная яма овальная в плане, с покатым к подбою дном (длина – 1,7 м; ширина – 0,45 м; борта прослежены на высоту 1,0 м). В северо-восточном борту входной ямы выкопан овальный в плане подбой (длина – 1,7 м; ширина – 0,6 м; глубина от древней поверхности – 1,1 м). Пол подбоя на 0,1 м ниже уровня дна входной ямы. Свод подбоя обрушен. На полу подбоя зачищены перемещенные кости скелета подростка и обломок лепного горшка (№ 1), внутри которого лежали древесные угли. Могила ограблена в древности.

1. Фрагмент верхней части лепного, коричневоглиняного горшка с высоким, прямым, отогнутым венчиком и эллипсоидным туловом. Диаметр венчика 22,0 см (рис. 9,1).

Подбойная могила 367 (рис. 10,1; 33,4) выявлена около северо-западного борта раскопа 102, под 1,6-метровым слоем натечной земли, перекрытой дерном. Длинной осью ориентирована с юго-востока на северо-запад. Входная яма прямоугольная в плане, с закругленными углами (длина – 1,1 м; ширина – 0,46 м; борта прослежены на высоту 0,47-0,5 м). В юго-западном борту входной ямы выкопан овальный в плане подбой (длина по полу – 1,1 м; ширина – 0,38-45 м; глубина от древней поверхности – 0,68 м). Пол подбоя на 0,18 м ниже уровня дна входной ямы. Свод подбоя обрушен. Судя по размерам, могила предназначалась для детского погребения. Костные остатки не сохранились.

Подбойная могила 368 (рис. 11; 12, 1, 2; 33, 1) найдена в западном углу раскопа 102, под 1,6-метровым слоем натечной земли, перекрытой дерном. Длинной осью ориентирована с юго-востока на северо-запад (рис. 11, I). Входная яма прямоугольная в плане, с закругленными углами, с сужающимися ко дну бортами (длина по дну – 2,07 м, в верхней части – 2,22 м; ширина – 0,57-6,0 м; борта прослежены на высоту 1,2 м). Около юго-восточного борта, в заполнении входной ямы был вкопан небольшой камень (рис. 11, 1), которым могильщики обозначили местонахождение погребального сооружения. В юго-западном борту входной ямы выкопан овальный в плане подбой (длина по дну – 2,0 м; ширина – 0,67 м; глубина от древней поверхности – 1,4 м). Пол подбоя на 0,21-0,24 м ниже уровня дна входной ямы. Свод подбоя обрушен. На полу подбоя зачищены остатки погребения взрослого, похороненного на 0,5-метровой подсыпке из древесных углей, вытянуто на спине, головой на северо-запад, с вытянутой вдоль туловища левой рукой и уложенной под спину правой рукой (рис. 11, II; 33, 1). Подсыпка из древесных углей равномерно распределена почти по всему полу подбоя. В погребении найдены две железные пряжки, лежавшие на нижних позвонках (№ 1) (рис. 11, II, 2) и у крестца (№ 2) (рис. 11, II, 3).

1. Железная пряжка с В-образной рамкой с утолщенной передней стороной из овального в сечении стержня, с загнутым в передней части язычком. Фрагментирована. Длина 2,7 см; ширина 3,4 см (рис. 12, 2).
2. Железная пряжка с овальной, вытянутой в ширину рамкой с утолщенной передней стороной из овального в сечении стержня, с язычком из овального в сечении стержня. На тыльной стороне сохранились остатки кожного ремня. Длина 3,0 см; ширина 3,5 см (рис. 12, 1).

Подбойная могила 369 (рис. 12, 3-11; 13; 33, 2, 3) обнаружена около северо-восточного борта раскопа 103, под 1,0-1,2-метровым слоем натечной земли, перекрытой дерном. Длинной осью ориентирована с юго-востока на северо-запад (рис. 13, I). Входная яма прямоугольная в плане, с закругленными углами, с сужающимися ко дну бортами, с покатым к подбою дном (длина по дну – 2,12 м, в верхней части – 2,24 м; ширина – 0,67 м; борта прослежены на высоту 1,05-1,22 м). В северо-восточном борту входной ямы выкопан овальный в плане подбой (длина по дну – 2,02 м; ширина – 0,67 м; глубина от древней поверхности – 1,47 м). Пол подбоя на 0,25 м ниже уровня дна входной ямы. Свод подбоя обрушен. На полу подбоя зачищены остатки погребения женщины, захороненной на 0,5-метровой подсыпке из древесных углей, вытянуто на спине, головой на северо-запад, с вытянутыми вдоль туловища руками (рис. 13, II; 33, 2, 3). Подсыпка из древесных углей равномерно распределена почти по всему полу подбоя. В погребении найдены: за черепом – фрагменты железных игл (№ 1) (рис. 13, II, 1); под нижней челюстью и на шейных позвонках – ожерелье из стеклянных и янтарных бусин (№ 2) (рис. 13, II, 2).

1. Четыре фрагмента железных игл из круглого в сечении стержня с остатками деревянного игольника. Длина 1,1-1,8 см (рис. 12,3).
2. Ожерелье из 21 бусины, в числе которых: 11 сферических бусин из черного глухого стекла (диаметр 0,3-0,5 см, рис. 12,4); сферическая бусина из красного глухого стекла (диаметр 0,6 см, рис. 12,7); сферическая бусина из зеленого глухого стекла (диаметр 0,3 см, рис. 12,5); бусина в виде двух объединенных сферических бусин из стекла плохой сохранности (длина 0,7 см, рис. 12,6); две сферические бусины из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (диаметр 0,5 см, рис. 12,8); цилиндрическая вытянутая бусина из черного глухого стекла, украшенная спирально навитой нитью желтого глухого стекла (длина 1,3 см, рис. 12,9); эллипсоидная бусина из янтаря (длина 0,8 см, рис. 12,10); три эллипсоидные, уплощенные бусины из янтаря (длина 1,1; 1,6 и 2,4 см, рис. 12,11).

В центре раскопа 103, под 0,9-метровым слоем натечной земли, зачищено **недостроенное погребальное сооружение 370** (рис. 10,II; 14; 35,3). Почти овальная в плане яма с сужающимися ко дну бортами ориентирована длинной осью с юго-востока на северо-запад (длина по дну – 1,85 м, в верхней части – 2,2 м; ширина – 0,78 м; глубина – 0,7-0,9 м). В северо-западной части, на всю ширину ямы, на дне оставлена ступень высотой 0,24 м.

Подбойная могила 371 (рис. 14-17; 34,1,2) выявлена в южном углу раскопа 103, под 0,9-метровым слоем натечной земли, перекрытой дерном. Длинной осью ориентирована с юго-востока на северо-запад (рис. 15,I; 34,1). Входная яма прямоугольная в плане, с закругленными углами (длина – 2,15 м; ширина – 0,55 м; борта прослежены на высоту 1,7-1,6 м). В северо-восточном борту входной ямы выкопан овальный в плане подбой (длина по дну – 2,25 м; ширина – 1,05 м; глубина от древней поверхности – 1,65-1,9 м). Пол подбоя на 0,33 м ниже уровня дна входной ямы. В подбой сводили две ступени высотой 0,13 и 0,2 м. Свод подбоя обрушен. Северо-восточная часть подбоя разрушена грабительским лазом, прорытым из камеры склепа 364 (рис. 14; 34,1). На полу подбоя зачищены остатки двух погребений взрослых. От костяка 1, потревоженного грабителями, сохранился только череп. Судя по его расположению, умершего похоронили вдоль северо-восточной стенки подбоя головой на северо-запад. Погребение мужчины 2 совершено вдоль ступеней, ведущих из входной ямы, вытянуто на спине, головой на северо-запад, с вытянутыми вдоль туловища руками (рис. 15,II). В погребении 2 найдены (рис. 34,2): около нижних позвонков – бронзовая пряжка (№ 1) (рис. 15,II,1); под левой тазовой костью – детали сумочки и ее содержимое (рис. 17): костяная накладка (№ 2) (рис. 15,II,2); железные шило (№ 3) (рис. 15,II,3), кресало с кремнем (№№ 4, 5) (рис. 15,II,4,5), пряжка (№ 6) (рис. 15,II,6); под левым тазобедренным суставом – железный нож (№ 7) (рис. 15,II,7). Из грунта, заполнявшего подбой, извлекли стеклянную бусину (№ 8).

1. Пряжка бронзовая треугольнорамчатая 1 варианта, с рамкой с массивной треугольной передней стороной и сегментовидным в сечении язычком. Длина 2,5 см; ширина 3,2 см (рис. 16,2; 36,1).
2. Накладка костяная в виде узкой длинной пластины с закругленными концами. По краям – два круглых отверстия. Лицевая сторона декорирована циркульным орнаментом. Длина 7,0 см (рис. 16,7; 36,2).
3. Шило железное, черешковое, из овального в сечении стрежня, с остатками деревянной рукояти на черенке. Длина 6,5 см (рис. 16,6).
4. Кресало железное в виде фигурной пластины. Сильно коррозировано. Размеры: 4,2х6,2 см (рис. 16,5).
5. Кремень. Размеры: 2,5х2,8 см (рис. 16,3).
6. Пряжка железная с овальной, вытянутой в ширину рамкой и прогнутым язычком с остатками кожаного ремня. Длина 2,5 см; ширина 3,0 см (рис. 16,4).
7. Нож железный, однолезвийный, черешковый, с прямой спинкой. Длина 17,0 см (рис. 16,1).
8. Бусина сферическая из коричневого, полупрозрачного стекла. Диаметр 1,0 см (рис. 16,8).

Склеп 372 (рис. 18-21) обнаружен в западном углу раскопа 104, под 1,1-метровым слоем натечной земли, перекрытой дерном. Т-образный в плане склеп ориентирован длинной осью с юго-востока на северо-запад, его длина – 4,25 м (рис. 18). Трапециевидный в плане, с закругленными углами дромос, с сужающимися ко дну бортами и с покатым к входу дном (длина по дну – 1,53 м, ширина – 0,45-0,62 м, глубина у входа в камеру – 1,52 м) примыкает к камере с северо-восточной стороны. В его юго-западном борту сделано входное отверстие в камеру (длина – 0,35 м, ширина – 0,65 м, высота – 0,47 м). Входное отверстие завалено землей. Закладная плита из известняка лежала в грунте, заполнявшем дромос. Камера в плане неправильной формы, со сводчатым потолком (длина – 2,18 м; ширина – 2,4 м; высота – 1,07 м; глубина от древней поверхности – 2,0 м). Уровень пола камеры на 0,68 м ниже уровня дна дромоса и на 0,52 м ниже уровня пола входного отверстия. В северо-западной стенке камеры, на высоте 0,55 м от пола сделана небольшая ниша (глубина – 0,23 м; высота – 0,35 м; ширина – 0,6 м). В нише лежали древесные угли. Склеп ограблен в древности. На полу камеры зачищены кости от трех скелетов взрослых (рис. 19). Костяки почти полностью переверорощены грабителями, *in situ* прослежены только кости ног двух скелетов. Среди костей лежали фрагмент бронзовой подвески (№ 1) (рис. 19,6), три железных ножа (№№ 2-4) (рис. 19,1,2,5), железные пряжка (№ 5) (рис. 19,4) и шило с кремнем (№ 6) (рис. 19,3). Из грунта, заполнявшего камеру склепа, извлекли стеклянные и янтарные бусы (№ 7) и железную пряжку (№ 8).

1. Фрагмент верхней части подвесного бронзового литого креста в виде трапециевидной пластины с цилиндрической петелькой для подвешивания. Высота 1,3 см (рис. 20,5).

2. Нож железный, однолезвийный, черешковый, с прямой спинкой и остатками деревянных ножен на лезвии. Длина 13,0 см (рис. 19, 1).
3. Нож железный, однолезвийный, черешковый, с прямой спинкой и остатками кожаных ножен на лезвии. Длина 15,9 см (рис. 20, 9).
4. Нож железный, однолезвийный, черешковый, с прямой спинкой и остатками кожаных ножен на лезвии. Сохранилось два отдельных фрагмента кожаных ножен, прошитых кожаным ремешком. Длина ножа – 15,5 см; фрагментов кожаных ножен – 1,8 и 2,5 см (рис. 21, 1-3).
5. Пряжка железная с овальной, вытянутой в ширину рамкой из сегментовидного в сечении стержня, с выступающим за передний край рамки язычком и с остатками кожаного ремня. Сильно коррозирована. Длина 3,4 см; ширина 3,0 см (рис. 21, 4).
6. Шило железное, черешковое, из прямоугольного железного стержня с заостренной рабочей частью, с остатками дерева от рукояти на черенке и с прикипевшим кремнем. Длина шила 7,0 см; размеры кремня 3,0х4,0 см (рис. 20, 10).
7. Бусы: бисерина сферическая из черного глухого стекла (диаметр 0,4 см, рис. 20, 1); бусина 14-гранная из темно-синего полупрозрачного стекла (длина 0,8 см, рис. 20, 2); две цилиндрические бусины из стекла плохой сохранности и неопределимого цвета (длина 0,8 и 1,7 см, рис. 20, 3); бусина сферическая из темно-синего глухого стекла, украшенная множеством мелких пятнышек красного глухого стекла (диаметр 1,7 см, рис. 20, 4); бусины сферические – четыре одинарных, одна двойная и две тройные – из стекла с внутренней металлической прокладкой плохой сохранности (длина 0,3-1,4 см, рис. 20, 6); 15 эллипсоидных, уплощенных бусин из янтаря (длина 0,7-1,0 см, рис. 20, 7); бусина коротко-цилиндрическая из янтаря (диаметр 2,0 см, рис. 20, 8).
8. Пряжка железная с овальной, вытянутой в ширину рамкой и с загнутым в передней части язычком, с остатками кожаного ремня на тыльной стороне. Длина 3,2 см; ширина 3,7 см (рис. 21, 5).

Подбойная могила 373 найдена в западном углу раскопа 105, под 0,9-метровым слоем натечной земли. Длинной осью ориентирована с юго-востока на северо-запад (рис. 22, 1; 35, 4). Входная яма прямоугольная в плане, с закругленными углами, с сужающимися ко дну бортами, с покатым к подбою дном (длина по дну – 1,25 м, в верхней части – 1,4 м; ширина – 0,4 м; борта прослежены на высоту 0,3-0,87 м). В северо-восточном борту входной ямы выкопан овальный в плане подбой (длина по дну – 0,8 м; ширина – 0,34 м; глубина от древней поверхности – 1,15 м). Пол подбоя на 0,32 м ниже уровня дна входной ямы. Свод подбоя обрушен. Судя по размерам, могила предназначалась для детского погребения. Костные остатки не сохранились.

Подбойная могила 374 (рис. 23; 34, 4) выявлена около северо-восточного борта раскопа 105, под 1,1-метровым слоем натечной земли. Длинной осью

ориентирована с востока на запад (рис. 23,I). Входная яма прямоугольная в плане, с закругленными углами (длина – 1,64 м; ширина – 0,55 м; борта прослежены на высоту 1,4-1,5 м). В северном борту входной ямы выкопан овальный в плане подбой (длина по дну – 1,78 м; ширина – 0,72 м; глубина от древней поверхности – 1,9 м). Пол подбоя на 0,5 м ниже уровня дна входной ямы. В подбой сводили две ступени шириной 0,15 и 0,17 м, высотой – 0,1 и 0,12 м. Свод подбоя обрушен. На полу, в центральной части подбоя зачищены остатки погребения подростка, захороненного вытянуто на спине, головой на запад, с вытянутой вдоль туловища правой рукой и со слегка согнутой в локте левой рукой, уложенной кистью на тазу (рис. 23,II). На левой стороне грудной клетки лежала бронзовая пряжка (№ 1) (рис. 23,II, 1), а около нижних позвонков – серебряная пряжка (№ 2) (рис. 23,II, 2).

1. Пряжка, штампованная из тонкой бронзовой пластины и заполненная с обратной стороны белой пастой, с В-образной граненой рамкой с овальной прорезью для ремня и небольшим геральдическом щитком. Язычок сделан из тонкой, сегментовидной в сечении, бронзовой проволоки. На ремне пряжка крепилась при помощи заклепки, укрепленной в пасте на обороте щитка. Плохой сохранности. Длина 2,2 см; ширина рамки 2,4 см (рис. 23,1).
2. Пряжка, штампованная из тонкой серебряной пластины и заполненная с обратной стороны белой пастой, с трапециевидной граненой рамкой и небольшим прямоугольным щитком. Язычок сделан из тонкой, сегментовидной в сечении, бронзовой проволоки. На ремне пряжка крепилась при помощи двух заклепок, укрепленных в пасте на обороте щитка. Плохой сохранности. Длина 2,5 см; ширина рамки 2,5 см (рис. 23,2).

Подбойная могила 375 обнаружена в северо-восточном борту раскопа 105, под 1,0-1,3-метровым слоем натечной земли. Длинной осью ориентирована с юго-востока на северо-запад (рис. 22,II). Входная яма прямоугольная в плане, с закругленными углами (длина – 1,5 м; ширина – 0,43 м; борта прослежены на высоту 0,62-0,73 м). В юго-западном борту входной ямы выкопан овальный в плане подбой (длина по дну – 0,72 м, в месте максимального расширения – 1,3 м; ширина – 0,22-0,58 м; глубина от древней поверхности – 1,0 м). Пол подбоя на 0,3 м ниже уровня дна входной ямы. В подбой сводили две ступени высотой по 0,16 м. Свод подбоя обрушен. Судя по размерам, могила предназначалась для детского погребения. Костные остатки не сохранились. Из грунта, заполнявшего подбой, извлекли стеклянную бусину (№ 1).

1. Бусина цилиндрическая из темно-синего полупрозрачного стекла, украшенная спиральной нитью белого глухого стекла. Длина 1,3 см (рис. 22,II, 1).

Подбойная могила 376 (рис. 24; 34,3) зачищена около северо-западно-го борта раскопа 104, под 1,0-метровым слоем натечной земли. Длинной осью ориентирована с востока на запад, с небольшим отклонением по оси юго-восток – северо-запад. Входная яма овальная в плане, с сужающимися

ко дну бортами (длина по дну – 1,68 м, в верхней части – 1,73 м; ширина – 0,47 м; борта прослежены на высоту 0,16-0,35 м). В южном борту входной ямы выкопан овальный в плане подбой (длина по дну – 1,7 м; ширина – 0,5 м). Пол подбоя на 0,15 м ниже уровня дна входной ямы. Свод подбоя обрушен. На полу подбоя зачищены остатки безынвентарного погребения взрослого, захороненного на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к северу, с вытянутой вдоль туловища правой рукой и со слегка согнутой в локте левой рукой, уложенной кистью на левом бедре, с подогнутыми в коленях ногами.

Склеп 377 (рис. 25-26; 35, 1) найден в северной части раскопа 106, под 0,7-метровым слоем натечной земли, перекрытой дерном. Т-образный в плане склеп ориентирован длинной осью с юго-востока на северо-запад, его длина – 4,6 м (рис. 25). Овальный в плане дромос, с сужающимися ко дну бортами и с покатым к входу дном (длина по дну – 1,8 м, в верхней части – 2,15 м; ширина – 0,74-0,87 м; глубина у входа в камеру – 1,68 м) примыкает к камере с юго-восточной стороны. В его северо-западном борту сделано входное отверстие в камеру (длиной – 0,2 м, шириной – 0,57 м, высотой – 0,55 м) (рис. 25, 1). Входное отверстие завалено землей. Закладная плита из известняка (размеры: 5,7х6,0 см; толщина 0,1 м) сброшена грабителями внутрь камеры склепа. Камера в плане неправильной формы со сводчатым потолком (длина – 2,45 м; ширина – 1,8 м; высота – 1,3 м; глубина от древней поверхности – 2,35 м). Уровень пола камеры на 1,1 м ниже уровня дна дромоса и на 0,62 м ниже уровня пола входного отверстия. Склеп ограблен в древности. В юго-западной и северо-восточной стенках камеры, на уровне пола и на высоте 0,3 м от пола, грабители в поисках соседних погребальных сооружений сделали небольшие подбои (рис. 25,d). В юго-восточной части камеры склепа, на полу, зачищены сохранившиеся *in situ* кости ступней двух костяков. Из слоя темной земли, заполнявшей камеру, извлекли кости не менее трех погребенных, бронзовую поясную бляшку (№ 1), обломки железных пряжек (№№ 2, 3) и ножей (№№ 4, 5), а также стеклянные и янтарные бусы (№ 6).

1. Поясная геральдическая бляшка, отлитая из бронзы, с прорезным декором в виде личины. На обороте припаяны два штифта для крепления на ремне. Размеры: 2,3х2,3 см (рис. 26, 14).
2. Фрагмент тыльной стороны рамки железной пряжки с остатками язычка из овального в сечении стержня. Размеры: 3,0х4,2 см (рис. 26,9).
3. Фрагмент рамки железной пряжки из круглого в сечении стержня. Размеры: 2,2х3,0 см (рис. 26, 10).
4. Два фрагмента железных, однолезвийных, черешковых ножей с прямой спинкой. Длина 7,0 и 8,7 см (рис. 26, 11, 12).
5. Фрагмент лезвия железного ножа с прямой спинкой и остатками кожаных ножен. Длина 3,5 см (рис. 26, 13).
6. Бусы: бусина граненая, вытянутая, из темно-синего прозрачного стекла

(длина 1,8 см, рис. 26,2); бусина эллипсоидная, с валиками по краям, из темно-синего глухого стекла (длина 1,1 см, рис. 26,1); бусина-подвеска фигурная, из темно-синего глухого стекла (высота 1,9 см, рис. 26,3); пять сферических, уплощенных бусин из янтаря (длина 0,7-1,2 см, рис. 26,4); фрагмент эллипсоидной, уплощенной бусины из янтаря (длина 1,1 см, рис. 26,5); бусина янтарная, коротко-цилиндрическая (диаметр 1,9 см, рис. 26,7); фрагмент бусины из слегка подправленной янтарной гальки с поперечным отверстием (длина 2,5 см, рис. 26,8); бусина янтарная из поломанной бусины с повторно нанесенным каналом отверстия (длина 2,5 см, рис. 26,6).

Склеп 378 (рис. 27; 35,2) обнаружен в южном углу раскопа 107, под 1,0-метровым слоем натечной земли, перекрытой дерном. Т-образный в плане склеп ориентирован длинной осью с юго-востока на северо-запад, его длина – 4,45 м. Трапециевидный в плане, с закругленными углами дромос с сужающимися ко дну бортами и с покатым к входу дном (длина по дну – 2,07 м, ширина – 0,45-0,7 м, глубина у входа в камеру – 1,8 м) примыкает к камере с юго-восточной стороны. Около южного борта, в заполнении дромоса найдена необработанная известняковая плита с заостренной нижней частью (размеры: 0,33x0,8 м; толщина 0,12 м) (рис. 27,4; 35,2). Скорее всего, в древности она была вкопана в засыпь дромоса для обозначения местонахождения погребального сооружения. В юго-восточной части дромоса оставлена ступень высотой 0,05 м и длиной 0,42 м. В северо-западном борту сделано входное отверстие в камеру (длина – 0,12 м, ширина – 0,5 м, высота – 0,54 м) (рис. 27,1,2). Входное отверстие завалено землей. Закладная плита из известняка (размеры: 0,44x0,55 м; толщина 0,1 м) (рис. 27,3) отодвинута грабителями к центру дромоса. Камера в плане прямоугольная, вытянутая в длину, с закругленными углами и со сводчатым потолком (длина – 2,17 м; ширина – 1,64 м; высота – 1,0 м; глубина от древней поверхности – 2,12 м). Уровень пола камеры на 0,55 м ниже уровня дна дромоса и на 0,3 м ниже уровня пола входного отверстия. Склеп ограблен в древности. На полу камеры, в слое темной земли зачищены переворошенные кости двух погребенных, бронзовые серьга (№ 1) и фрагмент пластины (№ 2), железные пряжка (№ 3) и фрагмент ножа (№ 4), а также две бусины (№ 5).

1. Серьга бронзовая из круглого в сечении стержня с утолщенной центральной частью и с заходящими друг за друга заостренными концами. Размеры: 1,7x1,8 см (рис. 27,7).
2. Фрагмент бронзовой прямоугольной вогнутой пластины с небольшим круглым отверстием. Возможно, от оковки ножен или рукояти ножа. Размеры: 1,4x1,4 см (рис. 27,8).
3. Пряжка железная с овальной, вытянутой в ширину рамкой с утолщенной передней стороной из круглого в сечении стержня с загнутым в передней части язычком с остатками кожаного ремня. Длина 2,4 см; ширина 2,8 см (рис. 27,5).

4. Фрагмент лезвия железного ножа с прямой спинкой. Длина 4,8 см (рис. 27,6).
5. Бусы: бусина сферическая, уплощенная из янтаря (длина 1,1 см, рис. 27,9); бусина эллипсоидная из сердолика с двусторонним сверлением канала отверстия; на торцовых сторонах видны поперечные надпилы (длина 1,0 см, рис. 27,10).

Погребальные сооружения и обряд

На исследованном участке некрополя хоронили в склепах и в подбойных могилах, выкопанных рядами, расположенными вдоль склона, с юга на север (рис. 2,1; 30,1,2). Зафиксировано три ряда погребальных сооружений. В нижнем ряду раскопаны только склепы (№№ 362-365), в центральном – подбойные могилы (№№ 366, 367-369, 371), в верхнем – склепы (№№ 372, 377 и 378) и подбойные могилы (№№ 373-376) (рис. 30,2). Учитывая расположение погребальных сооружений относительно друг друга, можно говорить о системном заполнении некрополя. В центральном ряду выявлено недостроенное погребальное сооружение 370 (рис. 10,II; 14). Выкопав яму на глубину 0,9 м, могильщики, по-видимому, установили наличие сооруженных ниже по склону склепа 364 и подбойной могилы 371 и вынуждены были остановиться (рис. 14). Неоконченные склепы фиксировались и в ходе раскопок Н.И. Репникова в 1928-1929 гг. [1, с. 179] и А.И. Айбабина в 1978-1982 гг. Местонахождение некоторых погребальных сооружений в древности пытались обозначить. Так, склепы 364 и 378 и подбойная могила 368 были отмечены небольшими плоскими камнями, своего рода «стелами», вкопанными в засыпь дромоса (рис. 28,II) или входной ямы (рис. 28,I).

Склепы. Все склепы Т-образные в плане, вырыты в материковой глине на глубине 2,0-2,6 м (рис. 28,II). Они состоят из узкого, короткого дромоса и погребальной камеры, соединенных между собой небольшим коридорчиком-входом. Дромос – прямоугольной или трапециевидной в плане формы, со скругленными углами. Борта дромосов ровные, тщательно заглаженные. Дно горизонтальное или плавно пологое по направлению к камере. В коротком, восточном, борту дромоса склепа 363 оставлена небольшая ступень (рис. 5,I). Невысокая ступень также выкопана на дне дромоса склепа 378 (рис. 27). В коротком, западном, борту дромоса выкапывался узкий коридорчик – вход в камеру. Все входы по форме арочные. Со стороны дромоса вход закрывался обработанной плитой из местного известняка. В склепе 364 плита у основания подпиралась камнем. Пол камер склепов на 0,28-1,1 м ниже дна дромоса. Камеры в плане прямоугольные, со скругленными углами (363 и 378) (рис. 5; 27), полуовальные (364) (рис. 6,I), либо неправильной формы (362, 365, 372, 377) (рис. 3; 7; 18; 25) со сводчатым потолком. Склепы Т-образной планировки с коридорчиком-входом между дромосом и камерой появились в Юго-Западном Крыму около середины III в. на могильниках, принадлежавших

переселившимся из Приазовья аланам [19, с. 193; 14, с. 18, 20, 22-23, 30, рис. 6,3-5]. Склепы этой планировки существовали до конца IX в., а на могильнике у с. Лучистое в них хоронили и до XII в. [12, с. 127; 20, рис. 34,14-29, табл. 9].

Некоторые из публикуемых склепов выделяются внутренним устройством камер. В задней стенке камеры склепа 362, на всю ее высоту, сделано углубление с арочной верхней частью (рис. 3,1; 31,2). По центру свода камеры склепа 363, по всей его длине выбрана ровная, глубокая борозда, имитирующая конек крыши (рис. 5,1; 31,4). Вероятно, в представлении древних склеп являлся своего рода жилищем для умерших, поэтому камера повторяла форму жилого помещения. В камере склепа 372, в противоположной входу стенке, выкопана небольшая ниша, предназначавшаяся для посуды или светильника (рис. 18,2). В Юго-Западном Крыму такие ниши для сосудов сделаны во многих склепах из могильников позднеантичного и раннесредневекового времени [21, рис. 2; 22, с. 217, рис. 2; 23, рис. 5; 9; 19; 26,II; 28,I; 43,I; 47; 57; 58; 64; 24, с. 223-224, 250, прил. 1]. В склепах из Скалистого ниши или полки для сосудов вырубали в стенках вплоть до конца IX в. [12, с. 127, рис. 17,16,17].

Стенки камер большинства склепов выровнены и тщательно заглажены (рис. 31,4). На отдельных участках стен камер склепов 362, 364 и 372 видны узкие неглубокие борозды, шириной 5-7 см – следы инструмента, которым работали могильщики (рис. 18,1-3; 31,3; 32,2). Следы таких же орудий отмечены и на стенах склепов VII-VIII вв. из могильников у с. Большое Садовое и у с. Аромат [25, с. 146]. Для выборки камер в глине использовалась, скорее всего, небольшая мотыга или инструмент наподобие современной кирки. После захоронения камеры оставались полыми, их не засыпали землей. Темный грунт, покрывавший переворошенные остатки погребений, скорее всего, попал из дромоса в результате деятельности грабителей. Все склепы ограблены. Из камеры склепа 364 грабители сделали лаз в находящуюся рядом подбойную могилу 371 и через него разграбили погребение № 1 (рис. 14). В камере склепа 377 грабители сделали небольшие подкопы в поисках соседних погребальных сооружений (рис. 25).

Склепы являлись коллективными семейными усыпальницами [1, с. 178; 26, с. 40-41], в них захоронено по 2-3 взрослых человека, либо 4-5 взрослых с детьми. Судя по зафиксированным *in situ* костям ног (рис. 7,II; 19,I; 25), умерших хоронили в склепах на полу, ногами к входу, головами на запад и северо-запад. Западная ориентировка погребенных считается влиянием христианства на погребальный обряд [26, с. 42]. Почти у всех захороненных в склепах черепа искусственно деформированы⁴. Учитывая находки, можно говорить о том, что умершие были захоронены в прижизненной, часто парадной, одежде с металлическими аксессуарами и украшениями. В склепе 364 найдена лепная

⁴ Антропологические исследования выполнены В.Ю. Радочиним.

кружка. Видимо, вместе с погребенными ставили бытовую посуду. Этот, считающийся языческим, обряд в Юго-Западном Крыму сохраняется вплоть до конца XV в. В Скалистом лепные сосуды в большом количестве найдены в погребениях V-VI вв., а гончарные кувшины присутствуют во многих склепах VII-IX вв. [27, с. 190-193]. Керамические сосуды обнаружены также в погребениях VII в. из Чуфут-Кале [28, рис. 2,4; 4] и VI-VII вв. из Суук-Су [26, с. 44, 77, рис. 2,69-79; 20, с. 22, рис. 12,31-33]. В Лучистом керамические сосуды защищены как в погребениях с участков конца IV – X вв. и VII-XII вв. [20, с. 18, рис. 21.1,39-45; 24; 27,1; 30,7,8; 32,4,16,18,19,22,23; 33,12; 34,3,14], так и на позднем участке, в плитовых могилах около двухапсидного храма XIV-XVI вв. [87, рис. 8,1,2]. В камерах склепов, раскопанных ранее на склонах Эски-Кермена, а также в Сахарной Головке, в Малом Садовом, в Узень-Баше, керамические сосуды весьма редки [12, с. 127].

Подбойные могилы состоят из прямоугольной или овальной в плане входной ямы, ориентированной длинной осью с юго-запада на северо-восток, и из овального в плане подбоя, вырытого в одной из боковых стенок входной ямы. Подбоя, скорее всего, ничем не закрывали, а просто засыпали грунтом. Пол подбоя на 0,1-0,4 м ниже уровня дна входной ямы. Детские подбойные могилы менее глубокие. В подбоях хоронили по одному, реже по два человека, так же, как и в склепах, – вытянуто на спине, головой на запад или северо-запад, в прижизненной одежде. Как и в склепах, почти у всех захороненных в подбойных могилах были искусственно деформированы черепа.

В двух расположенных рядом подбойных могилах 368 и 369 умерших уложили на древесные угли (рис. 11; 13; 33,1-3). Подсыпка из угля – характерный для сармат ритуал, который фиксируется в Юго-Западном Крыму и в эпоху раннего средневековья [14, с. 18]. Использование угольной подсыпки отметил Н.И. Репников при зачистке в 1929 г. на склоне Эски-Кермена склепа 65 с находками VII-VIII вв.: «костики изобильно присыпаны углями, встречались даже отдельные головни» [1, с. 168]. В Лучистом в склепах 122А и 268 на полу, обильно посыпанном древесными углями, защищены остатки погребений второй половины VI в. Древесные угли, которыми обсыпали погребенных или из которых состояла подсыпка под ними, встречены также в склепах Чуфут-Кале, Аромата, Скалистого и Сахарной Головки [25, с. 137-141, 146; 26, с. 41-42].

В подбойной могиле 366 лежал обломок верхней части лепного горшка с углями внутри. Возможно, его использовали в качестве светильника во время совершения обряда захоронения. Аналогичные по назначению фрагменты лепных горшков с остатками древесных углей на внутренней стороне найдены в Лучистом, в склепах 77 и 204, в погребениях второй половины VI – первой половины VII вв. [29, с. 85, 89, 496, рис. 1.1,51; 30, р. 66, 69, 71, fig. 1; 3,13; 4,9].

Зачищенные в 2006-2008 г. погребальные сооружения по конструкции и зафиксированному в них обряду аналогичны найденным ранее на некрополе

Эски-Кермена склепам и могилам. Вместе с тем можно отметить некоторые особенности исследованного участка. На нем выявлено только два типа погребальных сооружений: склепы и подбойные могилы. При этом подбойные могилы преобладают. На участках, раскопанных в прежние годы и расположенных севернее и выше по склону, преобладали склепы (50,2%), в которых хоронили на протяжении всего периода использования некрополя – с последней четверти IV – до конца IX вв., и простые грунтовые могилы (25%). В последних, скорее всего, хоронили в самый поздний период существования некрополя, поскольку они выкопаны в почвенном слое, перекрывающем склепы и подбойные могилы [12, с. 129]. Подбойные могилы составляли лишь 12,5% от общего числа погребальных сооружений. Немногочисленны также вырубленные в скале могилы с прямыми бортами VIII-IX вв. (9,2%) и с антропоморфным углублением на дне VII – первой половины VIII вв. (2%) [12, с. 127-129].

Подбойные могилы, широко распространившиеся в Крыму во II-III вв., считаются характерным для сармат типом погребальных сооружений [19, с. 188-189]. Переселившиеся из Приазовья в Юго-Западный Крым около середины III в. аланы хоронили в склепах, в грунтовых и в подбойных могилах. На могильниках, оставленных этим населением и достаточно полно раскопанных – Дружное (второй половины III – IV вв.), Инкерман (второй половины III – первой половины V вв.), Черная Речка (участок второй половины III – первой половины VI вв.), – преобладают подбойные могилы [28, с. 212-213, табл. 2,6; 31, с. 16; 32, с. 90; 23, с. 15]. В Юго-Западном Крыму в эпоху раннего средневековья смешанное алано-готское население продолжало хоронить в погребальных сооружениях тех же типов. Однако процентное соотношение склепов и подбойных могил меняется. Только на одном могильнике у высоты «Сахарная Головка», на участке с погребальными сооружениями второй половины V – IX вв., подбойные могилы преобладали [31, с. 42]. По наблюдению Е.В. Веймарна, они – самые древние погребальные сооружения на некрополе, поскольку многие перерезают друг друга, либо разрушены сооруженными позже склепами [31, с. 50]. В остальных раннесредневековых могильниках региона подбойные могилы немногочисленны. На некрополе со склона Чуфут-Кале подбойные могилы составляли 15% от общего числа погребальных сооружений, а в Скалистом – лишь 4,5% [28, с. 212-213, табл. 2,6; 27, с. 4]. В подбойных могилах из Скалистого найден, в основном, инвентарь V-VII вв.; на участке VIII-IX вв. выявлены только три безынвентарные подбойные могилы [27, с. 198]. Самые поздние подбойные могилы зачищены на склоне Эски-Кермена – с находками первой половины VIII в. и в Лучистом – с инвентарем IX в. [12, с. 127; 20, с. 66, рис. 32, 14-16].

Учитывая вышесказанное, преобладание подбойных могил и отсутствие поздних типов погребальных сооружений – грунтовых и вырубных могил, а также гробниц, свидетельствует о том, что в 2006-2008 гг. исследовался один

из самых ранних участков некрополя на склоне Эски-Кермена, на котором позже уже не хоронили. В пользу последнего свидетельствует вторая особенность раскопанного участка: склепы и могилы здесь расположены на достаточном расстоянии друг от друга, и не одно из погребальных сооружений не перерезает другого. На центральных и верхних участках некрополя погребальные сооружения находились близко друг к другу, среди них отмечены в той или иной степени поврежденные в процессе вырубки более поздних склепов и могил [1, с. 160, 166-167, рис. 29; 34; 6, с. 287; 15, с. 45; 12, с. 126].

Характеристика инвентаря

В склепах и могилах найдены аксессуары одежды, украшения, предметы культа, орудия труда и керамические сосуды. Самая многочисленная группа находок – металлические детали одежды. К ним относятся пряжки и элементы поясов.

Пряжки

Обнаружено 17 целых и 6 фрагментов пряжек. Большинство (12 целых экземпляров и 4 фрагмента) сделано из железа. Многие из них плохой сохранности и деформированы коррозией. Преобладают пряжки с овальной, вытянутой в ширину рамкой (рис. 4,5; 8, 1-4; 12, 1,2; 16,4; 21,4,5; 27,5), подобные застежкам из погребений VI в. [27, с. 179; 33, с. 559, рис. 3,12,13] и первой половины VII в. [20, с. 183, табл. 49,12] из могильников Юго-Западного Крыма. В VI в. такими пряжками застегивали поясные ремни, сумочки или ремешки для подвешивания ножа к поясу (рис. 17, IIВ). В VII в. железные поясные застежки меняют свою форму. Вместо овальных, вытянутых в ширину пряжек на поясах носят прямоугольные или трапециевидные застежки, либо с овальной рамкой с вогнутыми боковыми сторонами. В этот период овальные пряжки встречаются редко и используются только в качестве застежек для сумочек [29, р. 501, рис. 6,13; 30, р. 73, fig. 6,13] или для подвешивания ножа [20, с. 183, табл. 49,12].

Железная В-образная пряжка из публикуемого склепа 362 (рис. 4,3) аналогична найденным на территории этого же могильника, в склепе 335 (раскопки А.И. Айбабина, 1982 г.), в погребении последней четверти VI – первой половины VII вв. [34, с. 163] и в Лучистом, в склепе 135, в слое с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта конца VI – первой четверти VII вв.

Для датировки погребений важны бронзовые и серебряные пряжки, представленные шестью типами. Типология пряжек дается по А.И. Айбабину [11, с. 32-57].

Бронзовые пряжки с рамкой с массивной треугольной передней стороной из склепа 362 (рис. 4,2; 36,5) и из подбойной могилы 371 (рис. 16,2; 36,1) отнесены к треугольнорамчатым застежкам 1-го варианта, бытовавшим в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – VII вв. [11, с. 40, 217, рис. 2,82; 38,2,3; 14, с. 316, табл. XXX,2]. Они найдены в Скалистом, в склепе 418 [27, с. 100,

рис. 71,1] второй половины VI в. [11, с. 41; 20, с. 25, рис. 15,6,7]; в Чуфут-Кале, в склепе 50 с вещами первой половины VII в. [11, с. 41, 179, 217, рис. 2,82; 38,3]; в Суук-Су, в могиле 71 [35, с. 21, табл. X,15] вместе с большой пряжкой с изображением льва на прямоугольном щитке 6-го варианта второй половины VI – первой половины VII вв. [20, с. 26, 54, рис. 16], в могиле 118 [16, с. 109, табл. XVI,9] с поясным набором второй половины VII вв. [11, с. 41, рис. 2,82]. На некрополе Эски-Кермен аналогичная застежка обнаружена также в склепе 338, вместе с бронзовой пряжкой типа «Сиракузы» VII в. В Херсонесе однотипные пряжки найдены на Северном берегу, в XXV квартале, в заполнении цистерны П-1967 [36, с. 222, 225, рис. 1,6,7] вместе с керамикой второй половины VI – первой половины VII вв. [37, с. 142], в Керчи, в нижнем слое склепа 152 [38, с. 434-435, 473, табл. XVII,4,5] – с переворошенными погребениями второй четверти – второй половины VI вв. [14, с. 103, 104, рис. 38,3,4]. Датировку пряжек подтверждают недавние находки в могильнике у с. Лучистое. В склепе 204 однотипные пряжки зачищены на костяке, рядом с погребением с поясным и обувным наборами второй половины VI в. [39, с. 153, рис. 13], в склепе 137 – в захоронении с восьмерковидной бляшкой второй половины VI – первой половины VII вв. [11, с. 54, рис. 2,86; 49,30], в склепе 202 – в слое 5 с большой пряжкой 6-го варианта с изображением льва на прямоугольном щитке второй половины VI – первой половины VII вв. [20, с. 26, 54, 56, рис. 16] и в слое 3 с орлиноголовой пряжкой 4-го варианта второй половины VII в. [20, с. 22, 57, рис. 12,43].

Пряжки этого типа, скорее всего, привозили из Византии или делали местные мастера по привозным образцам. Они найдены на многочисленных византийских памятниках [40, S. 19, Abb. 7,16-24]: в Коринфе, в погребении VII в. [41, p. 270, pl. 113,2177], на Кипре – в Саламине, в слоях VI-VII вв. [42, p. 162, pl. 46,465], в Сардах, в помещении E11 с монетами, самая поздняя из которых – фоллис Ираклия, выпущенный в 612-614 гг. [43, p. 121, pl. 44,710; 44, p. 76, fig. 354], в Anemurium [45, p. 138, fig. 6,4,5]. Публикуемая пряжка из погребения мужчины из подбойной могилы 371 (рис. 15,1; 16,2), лежавшая в области пояса, принадлежала поясному ремню. Судя по размерам рамки и щитка, пряжка из склепа 362 предназначалась для застегивания узкого ремешка (шириной 1,0 см) от обуви или от поясной сумки.

Бронзовая овальная пряжка из склепа 362 (рис. 4,1; 36,3) по форме и размерам подобна проволочным рамкам обувных застежек VI – первой половины VII вв. из Карши-Баира, Скалистого и Лучистого [39, с. 141, 146-149, рис. 1,14-24; 6,3,5,6,9,10; 7,1,3; 8,1,3,5; 9,1,3,6]. Видимо и публикуемая пряжка использовалась в качестве обувной застежки. Она ремонтировалась: поломанный бронзовый язычок заменили железным стержнем.

Штампованная из тонкой бронзовой пластины пряжка с В-образной граничной рамкой с овальной прорезью для ремня и небольшим геральдическим щитком из подбойной могилы 374 (рис. 23,1) похожа на цельнолитые пряжки

из Лучистого, из склепа 175 с поясным геральдическим набором второй половины VI – первой половины VII вв. [46, с. 70, рис. 4,2] и из склепа 77, из захоронений 6 и 7 первой половины VII в. [29, с. 505, рис. 10,5,12; 30, р. 80, fig. 10,5,12].

Штампованная из тонкой серебряной пластины пряжка с трапециевидной граненой рамкой и небольшим прямоугольным щитком из подбойной могилы 374 (рис. 23,2) аналогична цельнолитым застезкам варианта I-9 [11, с. 49, рис. 2,116; 46,25]. Такие пряжки использовали в обувных наборах второй половины VI – первой половины VII вв. [39, с. 128, 141, 152, рис. 1,18; 12,2]. Они найдены в Лучистом, в склепе 64, в погребении 3 с поясной застезкой типа «Суцидава» второй половины VI в. [39, с. 128, 141, 152, рис. 1,18; 12,2; 14, с. 314, табл. XXVIII,9; 9, р. 134-135, fig. II,52; II,54], в Суук-Су, в склепе 72 первой половины VII в. [35, с. 22, табл. X, 10; 11, с. 49, рис. 2,116], в Скалистом, в склепах 153 и 403 первой половины VII в. [27, с. 23, 93, рис. 12,14; 65,15,16; 11, рис. 2,116; 46,25].

Обе описанные пряжки из могилы 374 являются более дешевым вариантом цельнолитых застезек. Выпуклые, заполненные изнутри пастой изделия создавали видимость массивных вещей при минимальной затрате металла. Набор из аналогичных по форме и технике изготовления пряжек найден в могильнике Карши-Баир [33, с. 559, рис. 3,1-4].

Обломок бронзовой трапециевидной или прямоугольной, граненой, пластинчатой рамки из склепа 363 (рис. 5,5), судя по размерам, принадлежал поясной застезке. Пряжки с такими рамками появляются в Юго-Западном Крыму во второй половине VI в. и бытуют вплоть до конца VII в. [14, с. 316-317, табл. XXX,1,16,26,34; 47, р. 12-13, 30, fig. 3,7-9,12,17]. Более точная датировка зависит от отсутствия или наличия щитка, от его формы и способа крепления к рамке. По найденному фрагменту невозможно полностью восстановить конструкцию и тип пряжки, а, следовательно, определить более узкие рамки бытования. Указанный фрагмент мог принадлежать цельнолитым пряжкам следующих вариантов: I-5 с прямоугольной рамкой и со щитком с закругленной или заостренной тыльной стороной второй половины VI – первой четверти VII вв. [11, с. 48-49, рис. 2,74; 46,24], I-7 с широкой трапециевидной рамкой и с геральдическим щитком с выемками на боковых сторонах конца VI – первой половины VII вв. [11, с. 49, рис. 2,87; 46,26], I-2 с широкой трапециевидной рамкой и большим геральдическим щитком второй половины VII в. [11, с. 48, рис. 46,17], I-6 с широкой трапециевидной рамкой и со щитком с закругленной или заостренной тыльной стороной второй половины VII в. [11, с. 49, рис. 2,162; 46,18,27], а также II-2 с трапециевидной рамкой и с фигурными зажимами для ремня первой половины VII в. [11, с. 49, рис. 46,2,3].

Фрагмент серебряного язычка орлиноголовой южнокрымской пряжки из склепа 363 (рис. 5,4), скорее всего, принадлежал застезке ранних вариантов. Южнокрымские орлиноголовые пряжки, производившиеся в Юго-Западном

Крыму с середины VI и до конца VII вв., были самой популярной застежкой в женском костюме [11, с. 32-34, 208-213, рис. 29,1; 30,1,2; 31,1,2; 32,2; 33; 34; 14, с. 272-273, рис. 40,7; 41,9; 42; 60; 63,1, табл. XXIX; 48, с. 91, 109-111; 20, с. 20-22, рис. 12]. Они обнаружены в могильниках Эски-Кермен, из окрестностей Мангупа, Баштановка, Чуфут-Кале, Скалистое, в Верхней Ореанде, у пос. Голубой Залив, Суук-Су, Артек, у с. Лучистое, а также в Херсонесе [35, табл. VIII,1,3-5; IX,5,7-9; 16, табл. XIV,1-3,5; 28, с. 208, рис. 3,2; 49, рис. 138,1,2; 10, с. 185, рис. 10,1; 11, с. 32-34; 27, с. 103, рис. 73,1; 50, с. 17-18; 51, p. 198, fig. 95,96; 52, с. 167]. Только на орлиноголовых пряжках 1-3-го вариантов второй половины VI – первой половины VII вв. делали вставки из красного камня, наподобие тех, что присутствуют на фрагменте публикуемого язычка. На поздних пряжках 4-го и 5-го вариантов второй половины VII в. все вставки сделаны из стекла.

Детали поясов и сумок

Бронзовая геральдическая бляшка с прорезным орнаментом в виде личины из склепа 377 (рис. 26,14) относится к 1-му варианту щитковидных бляшек, входивших в состав геральдических поясных наборов II типа [11, с. 54, рис. 2,98; 50,1,3,5,7]. Аналогичные бляшки найдены в Лучистом, в склепе 74, в погребении 1 второй половины VI в. [14, с. 113, рис. 44,10,13,15; 53, S. 91, Abb. 91; 47, p. 31, fig. 4,4], в склепах первой четверти VII в. со склона Чуфут-Кале [11, с. 54, рис. 2,98]. Этими бляшками вспомогательные узкие ремешки прикрепляли к основному ремню. Во второй половине VI – первой половине VII вв. из таких бляшек иногда делали подвески, которые женщины и девочки носили в ожерельях наряду с амулетами-оберегами [34, с. 173, рис. 11,2].

В склепе 365 найдено сплошное бронзовое кольцо (рис. 8,11). Поскольку расположение предмета в погребении не зафиксировано *in situ*, довольно трудно определить его назначение. Аналогичные кольца, выполненные из бронзы и железа, найдены в Лучистом, в погребениях V в. из склепа 88 [54, с. 303, рис. 16,25,27], второй половины VII в. из склепа 232 [55, с. 181, рис. 6,II], из перемещенных погребений второй половины VII – VIII вв. из нижнего слоя склепа 6 и IX в. из склепов 20 и 39 [20, с. 153, 205, 224, 295, табл. 19,8; 71,5,6; 90,1; 161,5], а также в Скалистом, в склепе 332 в погребении 1 первой половины VIII в. [27, с. 73, рис. 50,34; 51,5].

Обычно их относят к предметам конского снаряжения [27, с. 180], а именно к псалям, вставлявшимся в петли удил и служившим для крепления ременной части оголовья лошади. Удила с бронзовыми или серебряными кольчатými псалями были широко распространены в гуннскую эпоху в погребениях кочевников южнорусских степей и варваров гуннского союза в Центральной и Восточной Европе, а также на Боспоре [56, с. 48-49, 67-68, табл. 18,57,58; 19,58,59,60; 36,170; 57, с. 41]. В Юго-Западном Крыму удила с кольчатými псалями бытуют в IV-IX вв. В большом количестве они зафиксированы в склепах IV в. в аланском могильнике Дружное [21, с. 106, рис. 3,1; 23,

рис. 72,4,5; 101,4; 156,1,4; 169,16; 182,17; 199,1; 208,1], а также в гото-аланских некрополях, в погребениях конца IV – первой половины V вв. и второй половины VIII – IX вв. из Скалистого [27, с. 52, 86, рис. 32,16; 59,28], VI в. из Карши-Баира [22, с. 23, 217, рис. 2; 33, с. 59, рис. 3,14], VII в. со склона Эски-Кермена (склеп 257, раскопки А.И. Айбабина), IX в. из Лучистого [20, с. 205, табл. 71,1,4]. Пса-лии второй половины VIII – IX вв. отличаются от ранних большим диаметром.

На наш взгляд, считать кольца предметами конского снаряжения можно лишь в тех случаях, когда они найдены непосредственно вставленными в кольца удил. Отдельные кольца, скорее всего, использовались иначе. В отличие от удил, помещавшихся отдельно от погребенного в ногах, реже у пояса, часто с другими металлическими деталями конской сбруи, отдельные кольца в захоронениях всегда находятся на тазовых костях или в области пояса, в наборе с поясными принадлежностями. На кольцах из Лучистого, из склепа 6, лежавших одно на другом, сохранились остатки тонких кожаных ремешков и отпечатки ткани [20, с. 153, табл. 19,8]. Судя по ремням, оба кольца подвешивались вместе. Видимо, кольца использовали для соединения портупейных или вспомогательных поясных ремней [58, с. 205-206, 218-221, рис. 4,8; 5,7; 6; 7], либо в качестве поясного кольца, к которому подвешивали нож или сумочку [55, с. 181, рис. 6,II].

Костяная пластинчатая накладка из подбойной могилы 371 (рис. 16,7; 36,2) аналогична найденным на некрополе Эски-Кермена в склепе 273, в погребении 4 вместе с деталями поясного набора второй половины VII в. [11, с. 180, рис. 2,139,170,172], в Суук-Су, в могиле 89 с орлиноголовой пряжкой 3-го варианта второй четверти VII в. [35, с. 27, 73, рис. 65; 11, с. 33] и в Керчи, в могильнике в Босфорском переулке, в могиле 63 VII в. (рис. 17,1). На могильнике в Босфорском переулке начали хоронить в начале VII в., так как он впущен в слой, перекрывавший жилой квартал, с постройками, использовавшимися до самого конца VI в. [59, с. 6-7; 60, с. 15-16]. Все крымские костяные накладки, подобные публикуемой, происходят из комплексов VII в. Помимо Крыма, они в большом количестве найдены на памятниках византийских провинций VI – начала VII вв. в Подунавье [61, S. 194-195, Taf. 12,12-17; 62, табл. VI,12; 63, S. 98, 120, Abb. 23,2; 35,4,5] и известны в Северо-Восточном Причерноморье – в могильнике Борисово, в могиле 162 первой половины VII в. [64, с. 245, табл. 78,97].

Такие костяные изделия служили накладками на поясные сумки [61, S. 194-195, Abb. 16]. В предложенной S. Uenze реконструкции через отверстия на концах костяной накладки продевались ремешки, на которых сумка подвешивалась к поясу (рис. 17,III,b). Недавние крымские находки костяных накладок с зафиксированным *in situ* положением в погребениях позволяют высказать ряд новых наблюдений по поводу их использования и способу крепления. На склоне Эски-Кермена, в склепе 273, на костяке 4 накладка лежала на тазовых костях, рядом с ножом и кресалом с кремнями, в могиле 371 – около

левой тазовой кости, вместе с шилом, кресалом с кремнем, железной пряжкой и ножом (рис. 16, I), а в Керчи, в могиле 63 – под правой локтевой костью, вместе с бронзовыми рыболовными крючками, монетой, кресалом с кремнем, шилом, железной пряжкой и подставкой под ножку стеклянной рюмки (рис. 17, IV). Все эти предметы помещались в кожаную или тканую сумочку, остатки которой фиксируются в виде темно-коричневого органического тлена.

Обратим внимание на то, что в двух из описанных случаев среди содержимого сумочек или рядом с ним лежат дополнительные, маленькие железные пряжки, предназначавшиеся для узких ремешков. В могиле 63 из Керчи такой пряжкой, скорее всего, застегивали сумку. При этом костяная накладка, укрепленная в верхней части сумки, могла служить деталью застежки, удерживающей конец ремешка (рис. 17, IV, D). Возможно и другое применение костяной пластины – в качестве поясной накладки (рис. 17, IV, C), в петли которой продевались ремешки для подвешивания сумки. К поясу костяная накладка могла пришиваться тонкими ремешками. В погребении из могилы 371 со склона Эски-Кермена маленькой пряжкой застегивался ремешок, на котором нож подвешивался к поясу (рис. 17, II, B), что подтверждается расположением застежки около рукоятки ножа (рис. 16, I, 1, 4). Длинный нож не помещался в поясную сумочку, его носили отдельно. При помощи костяной накладки застегивали сумочку. На нашей реконструкции представлены два варианта застежек с использованием костяной накладки, зависящих от конструкции сумки (рис. 17, II, A, B). Костяные накладки, декорированные циркульным орнаментом, служили также и для украшения поясных сумок.

На обратной стороне накладки из Керчи прочерчен крест (рис. 17, 1). Возможно, таким образом утилитарной и декоративной детали сумки была придана еще и функция оберега. С VI в. в Византии и на сопредельных территориях распространился обычай украшать все предметы, роскошные или повседневные, христианскими сюжетами и символами [65, с. 361; 66, с. 181].

В описанных случаях костяные накладки были принадлежностью костюма мужчин, носивших на поясе сумочки с кресалом с кремнем и шилом. В Суук-Су, в могиле 89, костяная накладка (рис. 17, I) зафиксирована в женском погребении: она лежала вместе с колокольчиками в области груди, около фибул [35, с. 27]. Изделие было поломано и вторично использовано уже в качестве подвески в нагрудном украшении.

Описанные костяные пластинчатые накладки не получили в Крыму широкого распространения. Для застегивания сумок использовали изделия других форм: в качестве примера назовем костяную деталь сумки, фрагмент которой найден в натечном слое (рис. 2, II, 1). Детали аналогичной формы делали также из бронзы [16, с. 120, 146, рис. 114]. Однако чаще всего сумки застегивали специально сделанными для этого пряжками [47, р. 33, fig. 6, 1, 2, 7, 16-18, 25-28].

Украшения

В склепе 378 найдена бронзовая серьга из круглого в сечении стержня с утолщенной центральной частью (рис. 27,7), относящаяся к типу украшений, имеющих широкие хронологические рамки бытования и ареал. В римское время они встречаются на Среднем Востоке, на Северном Кавказе и на территории Боспорского царства [67, табл. XXXIV,9; 68, с. 120, табл. 9,2; 69, с. 101, табл. XXXI,6; 70, р. 106, 109; 71, с. 150], а с конца IV и до VII вв. – распространены на широкой территории от Восточного Приаралья до Западной Европы [70, р. 522-525, fig. 136; 57, с. 76; 71, с. 150, 155, рис. 6,1; 72, с. 73, 80, 339, рис. 144,1-40,42-46].

В Юго-Западном Крыму эти серьги появляются в первой половине V в. и бытуют до конца VII в. [73, с. 61, 98, рис. 4,15]. Они найдены в могильниках Карши-Баир [33, с. 561, рис. 4,11], под Мангупом [52, с. 21], Суук-Су [35, с. 19, табл. 1,2] и Лучистое [74, с. 90, рис. 10,1; 20, с. 50, рис. 26,13], а также на некрополе Херсонеса [75, с. 95, №№ 126, 127]. Парные серьги носили женщины. По одной серьге зафиксировано в мужских погребениях второй половины VI в. из Лучистого (подбойная могила 99, склепы 131, 189, 283) [47, р. 15, 29, fig. 2,II,1,2] и второй половины VII в. из Суук-Су (могила 63) [35, с. 19, табл. 1,2; 11, с. 179, рис. 2,127,141,142]. Серьги этого типа делали не только из бронзы, но и из серебра и из золота.

В зачищенных склепах и могилах найдено семьдесят бусин из стекла (27 экз.), стекла с внутренней металлической прокладкой (10 экз.), янтаря (32 экз.) и сердолика (1 экз.). Среди стеклянных бусин преобладает сферический бисер черного цвета (рис. 12,4). Много бусин из темно-синего стекла различной формы: 14-гранная (рис. 20,2), эллипсоидная граненая (рис. 26,2) и эллипсоидная с валиками по краям (рис. 26,1). Из темно-синего стекла сделана и фигурная подвеска из склепа 377 (рис. 26,3), подобная известным в варварских погребениях поздне римского времени из Юго-Западного Крыма [76, с. 74, тип 1936, табл. 34,36,37]. Только три бусины сделаны из полихромного стекла (рис. 12,9; 20,4; 22,1) с темно-синим или черным ядром и легко выполнимой орнаментацией в виде накладных пятнышек или спирально навитых нитей.

Среди янтарных бусин преобладают шаровидные или эллипсоидные уплощенные экземпляры (рис. 12,10,11; 20,7; 26,4). Несколько бусин сделано из природной, слегка подправленной крупной янтарной гальки с поперечным каналом отверстия (рис. 8,10; 20,8; 26,6-8). Одна из них поломана в древности, края излома заглажены и повторно нанесено отверстие (рис. 26,6). В Юго-Западном Крыму в раннесредневековое время поломанные янтарные бусины повторно использовали довольно часто [20, табл. 117,1; 138,2i; 149,2n; 155,3; 159,1].

Единственная сердоликовая бусина происходит из склепа 378 (рис. 27,10). Она эллипсоидной формы, с хорошо отшлифованной поверхностью

и с просверленным с двух сторон узким каналом отверстия. Около отверстия, на обоих концах изделия, сделаны маленькие надпилы, которыми намечались места начала сверления. Просверливали такие бусины металлической трубочкой с применением абразивного порошка [77, с. 6, 15]. Подобные по форме и технике изготовления сердоликовые бусы известны на памятниках Северного Причерноморья с эпохи античности [77, с. 16, тип 36, табл. 38,29,30]. В Юго-Западном Крыму они встречаются на варварских могильниках позднеримского времени [78, с. 77, тип 111, табл. 1,60-62], единичные их находки известны и в комплексах второй половины VI – первой четверти VII вв. из Лучистого [34, с. 173, рис. 11,3].

В целом набор бус из описанных склепов и могил типичен для погребений второй половины VI – первой половины VII вв. из Юго-Западного Крыма. Для этих наборов характерны большое количество черного бисера, присутствие бусин из темно-синего стекла и полихромных бусин неярких цветов, единичность полихромных мозаичных бусин, многочисленность янтарных бусин. Отметим, что обилие янтарных бусин в ожерелье можно считать хронологическим показателем. Так, из 291 янтарных бусин, происходящих из Лучистого, из женских погребений с орлиноголовыми пряжками, только 43 связаны с комплексами второй половины VII в. Остальные обнаружены в захоронениях с пряжками 1-го и 2-го вариантов второй половины VI – первой четверти VII вв. Небольшое количество янтарных бусин или их полное отсутствие в погребениях второй половины VII в. характерно и для других могильников Юго-Западного Крыма [48, с. 106]. Аналогичная ситуация отмечена и в отношении черного бисера, который в больших количествах фиксируется в погребениях второй половины VI – первой половины VII вв. и полностью отсутствует в захоронениях второй половины VII в. [48, с. 107].

В склепе 365 обнаружены колокольчики (рис. 8,5-7). Они выполнены с граненой петелькой, внутри у одного сохранилось железное колечко, к которому подвешивалась проволочная бита. Тулова колокольчиков украшены резными концентрическими линиями. В Юго-Западном Крыму колокольчики этого типа бытовали во второй половине VI – VII вв. [27, с. 26, 44, 106, 188, рис. 14,12; 26,25-27; 76,11; 48, с. 97; 20, с. 38, 40, рис. 20,3,9; 21,17,23]. Колокольчики характерны для женского и детского костюмов [47, р. 26, 43, fig. 16]. Их использовали в ожерельях на шее, подвешивали к цепи или на нити с бусами, соединявшие фибулы [48, рис. 13; 15; 47, fig. 13,III; 14,I; 16; 79, с. 311, 313, рис. 15,15; 17; 20, с. 280, табл. 146]. Женщины носили колокольчики только в костюме с орлиноголовой пряжкой, их нет ни в одном погребении с пряжками с большими прямоугольными щитками [48, с. 97; 47, р. 37, fig. 10,13,24,48,57]. Помимо Крыма, подобные колокольчики многочисленны в составе кладов круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье [80, табл. 44,5,6,8,9; 54,1-12; 78,3] и известны в византийских крепостях VI – начала VII вв. в Подунавье,

а также в женских погребениях VI-VII вв. у гепидов, лангобардов и меровингов [61, S. 197-198]. У древних народов Северного Причерноморья и Кавказа колокольчики служили не только украшением, но и являлись одним из самых распространенных видов амулета-оберега. Считалось, что звон пришитых или подвешенных на цепочке к одежде колокольчиков отгонял злых духов и тем самым отвращал несчастья от человека [81, с. 22, 50, кат. 148, табл. 15, 148].

Предметы культа и амулеты

Происходящий из склепа 372 фрагмент верхней ветви литого креста с петелькой для подвешивания (рис. 20,5) отнесен к типу 3-3 подвесных крестов с расширяющимися концами [34, с. 152, 163-164, рис. 1,23,26; 7,1,2]. Пара подобных крестов выявлена на склоне Эски-Кермена, в склепе 335 (раскопки А.И. Айбабина, 1982 г.), в погребении последней четверти VI – первой половины VII вв. [34, с. 163-164, рис. 7,1,2]. Аналогичные кресты из Палестины датируются VI-VII вв. [66, ил. 6].

В склепе 363 найден астрагал (рис. 5,2). Астрагалы многочисленны на античных памятниках Северного Причерноморья [82, с. 78-80]. Их использовали в качестве игровой кости. Кроме того, астрагал был символом везения и удачи, амулетом счастья и оберегом, отвращавшим дурной глаз [82, с. 81]. По мнению В.Е. Флеровой, в эпоху средневековья астрагал был многофункциональным предметом: его могли использовать как амулет, как застежку, в приборах для добывания огня, для игр и для различных гаданий [83, с. 108]. В могильнике у с. Лучистое по одному астрагалу найдено в мужских погребениях второй половины VI в. из склепов 186 и 268 и конца VI – первой половины VII вв. из склепа 227 [47, р. 15, 33, fig. 6,9,15], в области пояса, вместе с вещами, которые обычно носили в поясной сумочке.

Орудия труда

В могилах присутствуют лишь те орудия труда, которые были предметами личной собственности умершего, сопровождали его в повседневной жизни и носились на поясе или в поясной сумочке: ножи, кресала, шилья, иглы.

Все найденные ножи – черешковые, однолезвийные, с прямой спинкой, с заостренным концом и с выступами, отделяющими лезвие от черенка. Длина лезвия ножей – 10-12 см; самый короткий нож найден в склепе 365, его лезвие не превышало в длину 6 см. Бесспорно, это не воинские, а хозяйственные ножи, предназначавшиеся, скорее всего, для еды. Рукоять делали из дерева – ее остатки фиксируются на черенках многих ножей. На лезвии большинства ножей присутствуют остатки дерева (рис. 19,1) или дерева и кожи (рис. 4,4; 6,4; 20,9; 26,11,13). Скорее всего, деревянные ножны обтягивали кожей. На ноже из склепа 372 почти полностью сохранились ножны, сделанные из цельного куска толстой кожи (рис. 21,3а), края которых были сшиты небольшим кожаным шнурком (рис. 21,1,2). В склепе 378 найден фрагмент бронзовой пластинчатой оковки ножен или рукояти ножа (рис. 27,8). В могиле 371 нож

зачищен в мужском погребении, около левого тазобедренного сустава, рядом с сумочкой (рис. 15,7). Его носили слева, сбоку, подвешенным на ремешке к поясу (рис. 17,IIВ).

Кресало с кремнем обнаружено в могиле 371 (рис. 16,3,5), кремь, прикипевший к шилу – в склепе 372 (рис. 20,10), а два кремня, также относившихся к приборам для добывания огня – в натечном слое (рис. 2,2,4). Кресало сделано из небольшой железной пластины, возможно, из обломка лезвия меча. Кресало с одним или несколькими кремнями – обязательный атрибут мужских раннесредневековых погребений в Юго-Западном Крыму [47, р. 15, fig. 4,9,10; 6,3,4,8,10-12,21,24,30].

Небольшие шилья с остатками деревянной рукояти зачищены в могиле 371 (рис. 16,6) и в склепе 372 (рис. 20,10). Длина рабочей части у них 3 и 4 см. Такие шилья, использовавшиеся при сшивании толстой твердой кожи, бытовали вплоть до конца VII в., пока их не сменили другие инструменты [47, р. 15, fig. 6,31]. Шило вместе с кресалом с кремнями носили в специально сделанных для этого поясных сумочках [47, р. 15, fig. 4,9; 6,5,13,27].

Фрагменты железных игл из круглого в сечении стержня зачищены в могиле 369 (рис. 12,3). Иглы найдены только в женских захоронениях. В могильнике у с. Лучистое железные иглы лежали в погребениях второй половины VI в. в склепах 74, 118, 147 и 172, а бронзовые – в захоронениях VII в. в склепах 38 и 108 [47, р. 33, fig. 6,27; 20, с. 264, табл. 130,2].

Керамика

Лепной коричневоглиняный горшок с прямым отогнутым венчиком и сферическим туловом из могилы 366 (рис. 9,1) аналогичен сосудам из Лучистого из склепа 204 второй половины VI в. и из склепа 77 второй половины VI – первой половины VII вв. [29, с. 498-499, рис. 3, 13; 4, 9; 30, р. 69, 71, fig. 3,13; 4,9].

Лепная кружка из склепа 364 (рис. 6,5; 36,6) подобна найденным в Карши-Баире, в склепе 7 первой половины VI в. [22, с. 217, рис. 2,3] и в Скалистом, в подбойной могиле 490 V в. и в склепе 406 с вещами второй половины VI – первой половины VII вв. [27, с. 94, 123, рис. 66,26; 90,28].

Датировка

Многие публикуемые вещи имеют широкие рамки бытования. В склепах 363, 372, 377 и в подбойных могилах 369 и 374 выявлены находки второй половины VI – первой половины VII вв.: фрагмент язычка орлиноголовой пряжки ранних вариантов (рис. 5,4), пряжки с В-образной (рис. 23,1) и трапециевидной рамками (рис. 23,2), геральдическая бляшка (рис. 26,14), обломок креста (рис. 20,5) и наборы бус из одноцветного стекла и янтаря (рис. 12,4-11; 20,1-4,6-8; 26,1-8). В склепе 362 и в подбойной могиле 371 найдены вещи, датирующиеся еще более широким периодом – со второй половины VI до конца VII вв.: треугольнорамчатые пряжки 1-го варианта (рис. 4,2; 16,2)

и костяная пластинчатая накладка на сумку (рис. 16, 7). К этому же времени относятся и бронзовые колокольчики из склепа 365 (рис. 8, 5, 6). Для уточнения датировки раскопанного участка важно отметить тот факт, что в склепах и могилах отсутствуют византийские бронзовые цельнолитые пряжки VII в., которые в большом количестве встречаются в разграбленных, расположенных выше по склону погребальных сооружениях. Вместе с тем почти во всех склепах и в двух подбойных могилах присутствуют железные овальные пряжки, характерные, в основном, для VI в. (рис. 4, 5; 8, 1-4; 12, 1, 2; 16, 4; 21, 4, 5; 27, 5). Учитывая вышесказанное, можно заключить, что на исследованном участке некрополя хоронили в конце VI или на рубеже VI-VII вв.

Особенности костюма

Выявленные в ходе раскопок 2006-2008 гг. нетронутые грабителями погребения, в которых расположение вещей зафиксировано *in situ*, а также отдельные находки металлических аксессуаров одежды в склепах дают представление о костюме жителей крепости на плато Эски-Кермен.

В подбойной могиле 368, в погребении мужчины на нижних позвонках и на тазовых костях лежали две железные пряжки (рис. 11, II). Одна из них предназначалась для узкого ремня, опоясывавшего верхнюю одежду, второй, скорее всего, скрепляли пояс штанов или застегивали подвешенную к поясу сумку. Такую одежду носили мужчины, рядовые жители Юго-Западного Крыма в VI-VII вв. [47, p. 12-14].

В подбойной могиле 371 мужчину похоронили в одежде, подпоясанной узким кожаным ремнем с бронзовой треугольнорамчатой пряжкой, на котором с левой стороны висели сумочка и железный ножик (рис. 15, II; 16, I; 17, II B; 34, 2). По мнению М.-J. Chavane, пряжками этого типа застегивали свои пояса рядовые византийские солдаты [42, p. 161]. В Коринфе аналогичная пряжка зачищена в погребении воина, в нем также найден наконечник стрелы [41, p. 270, pl. 92, 1557; 113, 2176]. Возможно, в могиле 371 на склоне Эски-Кермена тоже был похоронен солдат. Отметим при этом, что в Юго-Западном Крыму треугольнорамчатые пряжки были универсальными: их носили и мужчины, и женщины, и дети. В Суук-Су, в могиле 71 пряжка зачищена в детском погребении, а в могиле 118 – на костяке мужчины вместе с воинским поясным набором [35, с. 21, табл. X, 15; 16, с. 109]. В Лучистом они обнаружены, в основном, в женских и детских захоронениях.

Бесспорно, воинскому поясу принадлежала геральдическая бляшка из склепа 377 (рис. 26, 14). Воины носили пояс с несколькими свисающими узкими вспомогательными ремнями, закрепленными металлическими бляшками, подобными публикуемой. На завершении основного и вспомогательных ремней крепились металлические наконечники. Как правило, бляшки и наконечники выполнены и декорированы в едином стиле и образуют единый поясной набор [26,

с. 49; 14, с. 111]. Геральдический стиль, при котором все металлические детали пояса имели элемент в форме гербового щита, возник около середины VI в. в византийских владениях на Нижнем Дунае [26, с. 49]. Примерно в это же время в Юго-Западном Крыму местные воины стали подпоясывать свою одежду поясом с геральдическими металлическими деталями [14, с. 111; 47, р. 12-14, 31-32, fig. 4,5]. Появление воинского византийского костюма в Юго-Западном Крыму не удивительно: по свидетельству Прокопия Кесарийского, готы страны Дори были союзниками византийцев, по желанию императора участвовавшими во всех походах его войск [84, Libri VI. III. VII.14]. В Лучистом около трети мужских погребений второй половины VI – VII вв. содержали поясные наборы или их отдельные элементы, а в Суук-Су – 12 из 44 [26, с. 50; 47, р. 14].

Зафиксировано два типа женского костюма – без пряжки и с большой орлиноголовой пряжкой. В подбойной могиле 369 похоронили женщину в одежде без металлических аксессуаров. Отсутствие пряжки, скорее всего, связано с имущественным положением или социальным статусом погребенной. Возможно, так одевались незамужние женщины. Шею погребенной украшало ожерелье из чередующихся янтарных бусин и черного стеклянного бисера (рис. 12,4-11; 13,II,2). В Юго-Западном Крыму такие ожерелья носили девочки и женщины во второй половине VI – первой половине VII вв. [85, с. 38, рис. 4,2а; 53, S. 92-93, Abb. 79; 82; 48, с. 108; 34, с. 172, рис. 10,2; 47, р. 40, fig. 13,1]. Бусы нанизывались на нить или тонкий кожаный шнурок – в некоторых случаях зафиксированы их остатки. Длина низки с бусами невелика – около 13 см. Вероятно, нить охватывала всю шею, а бусы размещались только спереди. Такой способ ношения бус мог быть связан с присутствием в одежде плаща. Его ворот почти полностью закрывал шею, оставляя открытым лишь пространство около горла. Концы нити с бусами и подвесками могли укрепляться и на плечах платья, у горловины, свисая полукругом вдоль ворота [48, с. 107]. Именно так подвешено ожерелье на полностью сохранившемся платье женщины из могилы 1/2 1968 г. в могильнике VIII-IX вв. Мощева Балка из Северо-Западного Кавказа [86, S. 46, Kat. 33,34].

Судя по находке фрагмента язычка (рис. 5,4), в склепе 363 была похоронена женщина с широким поясом с орлиноголовой пряжкой. Пряжки этого типа были достаточно популярны у жительниц крепости на плато Эски-Кермен, о чем свидетельствуют находки на могильнике. Южнобережные орлиноголовые пряжки найдены в склепах 133 (раскопки 1933 г.) и 257, а боспорские – в склепе 81 и в могиле 315 [11, с. 32, 214, рис. 35,1,2]. Судя по обломкам укрепляющих пластин, большие орлиноголовые пряжки были и в разграбленных склепах 249 и 259 (раскопки А.И. Айбабина). В склепе 257, в погребении 6 второй половины VII в. все детали костюма зафиксированы полностью *in situ* [8, с. 183, 186-187, рис. 9]. Женщину похоронили с серебряными серьгами на ушах, с ожерельем на шее, состоящим из двух рядов бусин и нескольких подвесок,

с парой бронзовых пальчатых фибул днепровского типа, пристегивавших на плечах накидку, и с большой орлиноголовой пряжкой на поясе [47, р. 38, fig. 11,1]. Умершая была похоронена в одежде, типичной для жительниц Юго-Западного Крыма того времени.

Начиная с середины VI и вплоть до конца VII вв., замужние женщины Юго-Западного Крыма носили парадный костюм, состоявший из подпоясанного широким ремнем с большой пряжкой верхнего платья и из наплечной накидки, которую, как правило, пристегивали к платью парой одинаковых фибул. Этот костюм складывается в V в. на Среднем Дунае под влиянием римской провинциальной моды в среде разноплеменной верхушки гуннского государства, а в VI в. он фиксируется только у визиготов, остготов и готов области Дори [26, с. 61; 14, с. 111]. Костюм с орлиноголовой пряжкой является самым распространенным вариантом женского одеяния с большой поясной застежкой [48, с. 91-92, 109-111; 47, р. 16-26].

Представление о детском костюме дают находки из могилы 374. Узкий поясной ремень ребенка застегивался обувной пряжкой с трапециевидной рамкой и прямоугольным щитком (рис. 23,2). В могильнике у с. Лучистое, в нескольких детских погребениях также отмечены случаи использования деталей обувных наборов в качестве элементов поясной гарнитуры [39, с. 130; 20, с. 261, 282, табл. 127,36; 148,1,2]. Связано это с тем, что детская одежда, как правило, была уменьшенной копией одеяния взрослого. В одежде взрослых обувные наборы часто являлись миниатюрными копиями поясов.

Вторая пряжка, из погребения ребенка, с В-образной рамкой и геральдическим щитком (рис. 23,1), скорее всего, предназначалась для застегивания наплечной накидки. В пользу этого свидетельствует ее расположение – она лежала на левой стороне грудной клетки (рис. 23,II,1), и остатки ткани внутри рамки и на язычке. Аналогичные В-образные пряжки в Лучистом, в склепах 77 и 175 зачищены на костяках в области левой ключицы.

Судя по набору металлических аксессуаров и украшений, жители крепости одевались так же, как и все остальное население региона того времени. В соответствии с модой, распространенной в среде варваров, служивших в византийской армии, мужчины подпоясывали одежду наборными поясами, украшенными металлическими бляшками. Замужние женщины носили традиционный костюм, близкий этническому костюму остготов и визиготов. Свой, особый облик некоторым местным жителям придавала вытянутая форма головы, вызванная искусственной деформацией черепа.

Заключение

В 2006-2008 гг. на юго-восточном склоне Эски-Кермена изучался самый ранний участок некрополя, на котором в конце VI или на рубеже VI–VII вв. хоронили солдат гарнизона крепости на плато и членов их семей. В начале VII в.

участок, использовавшийся на протяжении небольшого отрезка времени, был заброшен (рис. 1, f). Позже хоронили только на центральных и верхних террасах склона (рис. 1, a, b, c, e). Могильник рос с юга на север, его территория заполнялась снизу вверх по склону (рис. 1).

Проведенные исследования еще раз подтвердили предложенную и обоснованную А.И. Айбабиным дату возникновения крепости на плато Эски-Кермен – последние десятилетия VI в. [15, с. 45; 14, с. 114]. Могильник возник одновременно с крепостью на плато. Отметим, что за все годы раскопок на некрополе не найдены вещи, относящиеся к V – первой половине VI вв. Видимо, до строительства крепости плато Эски-Кермен и его окрестности были незаселенными. Для возведения крепости и ее дальнейшего функционирования на плато Эски-Кермен переселили часть населения из ближайших районов. Таковыми могли оказаться жители небольшого поселения, оставившие могильник, расположенный в 4 км к северо-востоку от Эски-Кермена, на юго-западной окраине села Красный Мак. На могильнике, аналогичном публикуемому по конструкции погребальных сооружений и зафиксированному в них обряду, самые поздние находки – трехчастные пряжки с овальным кольцом 1-го и 3-го вариантов – относятся к первой половине VI в. [11, с. 36-37, рис. 2, 68, 69; 24, рис. 5, 9, 10, 12]. В VI в. достаточно заселенной была и округа Мангупа, расположенного в 5 км к юго-востоку от Эски-Кермена, о чем свидетельствуют находки из могильников в балке Каралез и в Терновке [51, с. 198; 14, с. 120-121, рис. 48, 3]. Примерно в 7 км к северо-западу от Эски-Кермена, в районе станции Верхнесадовая находится могильник Карши-Баир, самые поздние находки из которого одновременны вещам из погребений публикуемого раннего участка некрополя.

На склоне Эски-Кермена хоронило смешанное, гото-аланское население. Прокопий Кесарийский, описывая страну Дори, локализуемую исследователями в регионе от Алушты до низовьев реки Чёрная, называл ее жителей готами [84, Libri VI. III. VII. 14; 14, с. 105, 107, 111]. По набору аксессуаров и способу их ношения местный женский традиционный костюм VI-VII вв. близок этническому костюму остроготов и визиготов. Конструкция погребальных сооружений и зафиксированный в них обряд характерны для алан. Учитывая находку фрагмента подвесного креста, а также западную или северо-западную ориентировку погребенных, можно говорить о том, что представители местной алано-готской общины, как и остальные жители региона, были христианами.

Работы последних лет показали, что могильник занимает большую площадь, чем предполагалось ранее. Дальнейшие раскопки неисследованных участков некрополя должны расширить наше представление о раннесредневековом населении крепости на плато Эски-Кермен.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Вып. XII, 1-8.
2. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931-1935 гг. ИГАИМК. 1935. Вып. 117.
3. Петров Г.И. Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции 1931-1933 гг. // Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931-1935 гг. ИГАИМК 1935. Вып. 117.
4. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1928 г. // НА ИИМК РАН. Фонд Р-1, 119а. Д. 771, 787.
5. Веймарн Е.В. Дневник раскопок на Эски-Керменском могильнике в 1933 г. // НА ИИМК РАН. Фонд 2, 1933. Д. 292.
6. Айбабин А.И. Раскопки Эски-Керменского могильника // АО 1978 г. М., 1979.
7. Айбабин А.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1978-1979 гг. // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. Киев, 1980.
8. Айбабин А.И. Раскопки раннесредневековых могильников в Горном Крыму // АО 1982 г. М., 1984.
9. Ajbabin A.I. I Goti in Crimea (secoli V-VII) // I Goti. Milano, 1994.
10. Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
11. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
12. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
13. Айбабин А.И. Антропоморфная пряжка из Эски-Керменского могильника // СГЭ. 1975. Вып. XL.
14. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
15. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
16. Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов, ч. II // ЗООИД. 1907. Вып. XXVII.
17. Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела Белой Вежи // МИА. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. 1959. Вып. 75.
18. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
19. Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII вв. н.э. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.
20. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982-1984 гг. Симферополь; Керчь, 2008.
21. Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. IV.
22. Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Об аланах-христианах в Юго-Западном Крыму (по материалам раскопок могильника Карши-Баир) // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001.
23. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. н.э.). Люблин, 2002.
24. Лобода И.И. Раскопки Красномакского могильника в 1983-1984 гг. // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
25. Лобода И.И. Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму // СА. 1976. № 2.
26. Амброз А.К. Юго-западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. IV.
27. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
28. Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. XXVIII.
29. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
30. Aibabin A., Kairedinova E. Un nouvel ensemble de fibules digitées provenant de la nécropole de Loutchistoe // Les sites archeologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Leiden; Boston; Köln, 2000.

31. Веймарн Э.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. XIII.
32. Бабанчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. XIII.
33. Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Могильник Карши-Баир в юго-западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла) // Сугдейский сборник. Киев; Судак 2005. Вып. II.
34. Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
35. Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов, ч. I // ИАК. 1906. Вып. 19.
36. Гавритухин И.О. Фибулы и ременные гарнитуры из цистерны П-1967 г. в Херсонесе // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
37. Голофаст Л.А. Штампы V-VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
38. Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
39. Хайрединова Э.А. Обувные наборы V-VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
40. Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römischo-Germanischen Zentralmuseum. Teil 1. Mainz, 2002.
41. Davidson G.R. The minor objects // Corinth. Princeton, 1952. XII.
42. Chavane M.-J. Salamine de Chypre VI. Les petits objets. Paris, 1975.
43. Waldbaum J.C. Metalwork from Sardis. Cambridge, London, 1983.
44. Stephens Crawford J. The Byzantine shops at Sardis. Cambridge, London, 1990.
45. Russell J. Byzantine Instrumenta Domestica from Anemurium: the significance of context // City, Town and countryside in the Early Byzantine Era. New York, 1982.
46. Айбабин А.И. Ранневизантийские воинские фибулы с подвязной ножкой из Юго-Западного Крыма // АДСВ. 2009. Вып. 39.
47. Khaïrédinova E. Le costume des barbares aux confins septentrionaux de Byzance (VI-VII siècles) // Kiev – Cherson – Constantinople. Kiev; Simferopol; Paris, 2007.
48. Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
49. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. Вып. 63.
50. Сидоренко В.А. Федераты Византии в Юго-Западном Крыму (последняя четверть III – начало VIII вв.): Автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.
51. Herzen A.G. Oggetti provenienti dalle necropoli dei dintorni di Mangup // Dal mille al mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995.
52. Герцен А.Г., Махнева-Чернец О.А. «Пещерные города» Крыма. Путеводитель. Симферополь, 2004.
53. Khaïrédinova E. Die Tracht der Krimgoten im 6. und 7. Jahrhundert // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999.
54. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
55. Хайрединова Э.А. Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
56. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
57. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994.
58. Хайрединова Э.А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
59. Айбабин А.И., Смокотина А.В., Хайрединова Э.А. Некоторые итоги раскопок раннесредневековой Керчи в 2007 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. IX Боспорские чтения. Керчь, 2008.

60. Айбабин А.И., Хайредино́ва Э.А. Раскопки некрополя раннесредневекового Боспора в 2007-2008 гг. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. X Боспорские чтения. Керчь, 2009.
61. Uenze S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec. München, 1992.
62. Кондић В., Поповић В. Царичин Град. Утврњено насеље у византијском Илирику. Београд, 1977.
63. Milinković M. Die Byzantinische Höhenanlage auf der Jelica in Serbien – ein Beispiel aus dem Nördlichen Illyricum // Старинар. 2002. LI/2001.
64. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII вв.: Археология в 20-ти т. М., 2003.
65. Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.
66. Мусин А.Е. Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб., 2006.
67. Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса // МИА. 1961. Вып. 98.
68. Арсеньева Т.М. Могильник у дер. Ново-Отрадное // МИА. Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. 1970. Вып. 155.
69. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977.
70. Pilet Ch. La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay. Paris, 1994.
71. Ковалевская В.Б. Хронология древностей Северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.
72. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М., 1996.
73. Хайредино́ва Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
74. Айбабин А.И., Хайредино́ва Э.А. Новые ранние комплексы из могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
75. Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв. Каталог коллекции. СПб., 2006.
76. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1978. Вып. Г1-12.
77. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1982. Вып. Г1-12.
78. Хайредино́ва Э.А. Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
79. Айбабин А.И., Хайредино́ва Э.А. Новые византийские пряжки из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
80. Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
81. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
82. Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
83. Флерова В.Е. Резная кость Юго-Востока Европы IX-XII веков: искусство и ремесло. СПб., 2001.
84. Procopius. De Aedificiis. Opera Omnia. Libri VI // Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. IV. Lipsiae, MCMLXIV.
85. Хайредино́ва Э.А. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // ХСб. 1999. Вып. X.
86. Ierusalimskaja A.A. Von China nach Byzanz. München, 1996.
87. Айбабина Е.А. Двухапсидный храм близ крепости Фуна // Византийская Таврика. Киев, 1991.

Хайрединова Э.А.

Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006-2008 гг.

Резюме

В последней четверти VI – IX вв. жители Эски-Кермена хоронили своих умерших на юго-восточном пологом склоне одноименного плато (рис. 1; 29,II,1).

На исследовавшемся в 2006-2008 гг. участке некрополя зачищено 17 погребальных сооружений: 7 склепов (№№ 362-365, 372, 377, 378), 9 подбойных могил (№№ 366-369, 371, 373-376) и одно незаконченное (№ 370) (рис. 2, I). В статье публикуются материалы раскопок, анализируются особенности конструкции погребальных сооружений и зафиксированный в них обряд, на основании типологии и хронологии инвентаря определяются временные рамки использования участка некрополя, рассматриваются особенности костюма местного населения и приводятся реконструкции отдельных элементов одежды.

В 2006-2008 гг. изучался самый ранний участок некрополя Эски-Кермена, на котором в конце VI в. или на рубеже VI–VII вв. хоронили солдат гарнизона крепости на плато и членов их семей. В начале VII в. участок, использовавшийся на протяжении небольшого отрезка времени, был заброшен (рис. 1, f). Позже хоронили только на центральных и верхних террасах склона (рис. 1, a, b, c, e). Могильник рос с юга на север, его территория расширялась снизу вверх по склону.

Проведенные исследования еще раз подтвердили предложенную и обоснованную А.И. Айбабиным дату возникновения крепости на плато Эски-Кермен – последние десятилетия VI в. Могильник возник одновременно с крепостью. За все годы раскопок на некрополе не найдены вещи, относящиеся к V – первой половине VI вв. Видимо, до строительства крепости плато Эски-Кермен и его окрестности были незаселенными. Для возведения крепости и ее дальнейшего функционирования на плато Эски-Кермен переселили часть населения из ближайших районов.

На склоне Эски-Кермена хоронило смешанное, гото-аланское, христианское население. Прокопий Кесарийский, описывая страну Дори, локализуемую исследователями в регионе от Алушты до низовьев реки Чёрная, называл ее жителей готами. Конструкция погребальных сооружений и зафиксированный в них обряд характерны для алан.

Судя по набору металлических аксессуаров и украшений, жители крепости одевались так же, как и все остальное население региона того времени. В соответствии с модой, распространенной в среде варваров, служивших в византийской армии, мужчины подпоясывали одежду наборными поясами, украшенными металлическими бляшками. Замужние женщины носили традиционный костюм, близкий этническому костюму остготов и визиготов. Свой, особый облик некоторым местным жителям придавала вытянутая форма головы, вызванная искусственной деформацией черепа.

Работы последних лет показали, что могильник занимает большую площадь, чем предполагалось ранее. Дальнейшие раскопки новых участков некрополя должны расширить наше представление о раннесредневековом населении крепости на плато Эски-Кермен.

Хайредінова Е.А.

Розкопки некрополя на схилі плато Ескі-Кермен у 2006-2008 рр.

Резюме

У останній чверті VI – IX ст. жителі Ескі-Кермена ховали своїх померлих на південно-східному положому схилі однойменного плато (рис. 1; 29,II,1).

На ділянці некрополя, що досліджувалася в 2006-2008 рр., зачищено 17 поховальних споруд: 7 склепів (№№ 362-365, 372, 377, 378), 9 підбійних могил (№№ 366-369, 371, 373-376) і одна незакінчена (№ 370) (рис. 2, I). У статті публікуються матеріали розкопок, аналізуються особливості конструкції поховальних споруд і зафіксований в них обряд, на підставі типології і хронології інвентарю визначаються рамки використання ділянки некрополя, розглядаються особливості костюму місцевого населення і наводяться реконструкції окремих елементів одягу.

У 2006-2008 рр. вивчалася найраніша ділянка некрополю Ескі-Кермена, на якій наприкінці VI ст. або на межі VI–VII ст. ховали солдатів гарнізону фортеці на плато і членів їхніх родин. На початку VII ст. ділянку, яка використовувалась впродовж незначного проміжку часу, було покинуто (рис. 1, f). Пізніше ховали лише на центральних та верхніх терасах схилу (рис. 1, a, b, c, e). Могильник зростав з півдня на північ, його територія поширювалася знизу доверху по схилі.

Проведені дослідження ще раз підтвердили запропоновану і обґрунтовану О.І. Айбабіним дату виникнення фортеці на плато Ескі-Кермен – останні десятиліття VI ст. Могильник виник водночас з фортецею. За всі роки розкопок на некрополі не знайдені речі, що відносяться до V – першої половини VI ст. Мабуть, до будівництва фортеці плато Ескі-Кермен і його околиці були незаселеними. Для зведення фортеці та її подальшого функціонування на плато Ескі-Кермен переселили частину населення з найближчих районів.

На схилі Ескі-Кермена ховало змішане, гото-аланське, християнське населення. Прокопій Кесарійський, описуючи країну Дорі, що локалізується дослідниками в регіоні від Алушти до низов'їв річки Чорна, називав її мешканців готами. Конструкція поховальних споруд і зафіксований в них обряд притаманні аланам.

Судячи з набору металевих аксесуарів і прикрас, жителі фортеці одягалися так само, як і все інше населення регіону того часу. Відповідно до моди, поширеної в середовищі варварів, що служили у візантійській армії, чоловіки підперезували одяг набірними поясами, прикрашеними металевими бляшками. Заміжні жінки носили традиційний костюм, близький етнічному костюму остготів і візіготів. Свій, особливий вигляд деяким місцевим жителям додавала витягнута форма голови, викликана штучною деформацією черепа.

Роботи останніх років показали, що могильник займає декілька більшу площу, ніж це вважалося раніше. Подальші розкопки нових ділянок некрополя повинні розширити наше уявлення про ранньосередньовічне населення фортеці на плато Ескі-Кермен.

Khairedinova E. A.

Excavations of Necropolis on the Slope of Eski-Kermen Plateau in 2006-2008

Summary

In the last quarter of the 6th – 9th centuries the population of Eski-Kermen buried their deceased on the South-eastern slope of the plateau (fig. 1; 29,II,1).

In 2006-2008, 17 burial constructions were researched on the plot of the necropolis; among them: 7 vaults ((№№ 362-365, 372, 377, 378), 9 shaft-and-chamber graves (№№ 362-365, 372, 377, 378), and one more not completed (№ 370) (fig. 2,1). The author publishes the materials of excavations, analyzes the peculiarities of the funeral constructions and the rite fixed in them; on the basis of typology and chronology of burial equipment, the period when this necropolis was in use is dated; peculiarities of costumes of local population are considered and reconstruction of some elements of clothes is given.

In 2006-2008, the earliest part of Eski-Kermen necropolis was investigated. At the end of the 6th or at the turn of the 6th -7th centuries soldiers of the garrison of the fortress on the plateau and the members of their families were buried here. At the beginning of the 7th century the part which was used for a short period was neglected (fig. 1,f). Later they buries only on the central and upper terraces of the slope (fig. 1,a,b,c,e). The cemetery enlarged from the south to the north, and its territory grew from the lower part up to the top along the slope.

The results of undertaken research confirmed the date of foundation of the fortress on Eski-Kermen plateau suggested by Aibabin A. I. – the last decades of the 6th century. The cemetery emerged simultaneously with the fortress. No artifacts dating back to the 5th century – the first half of the 6th century were found during all those years. Probably, Eski-Kermen plateau and its vicinity were not settled before building the fortress. A part of the population from the nearest regions was brought to Eski-Kermen to build the fortress and make it function.

The Goths-Alans, Christian and mixed population buried on the slope of Eski-Kermen. Procopius of Caecsarean, describing the country of Dori, localized by the researchers in the region from Alushta to the lowest reaches of the Chernaya River, called its inhabitants – the Goths. The construction of burial structures and the rite fixed in them are characteristic for the Alans.

Judging by sets of metal accessories and decorations, the inhabitants of the fortress dressed in the same way as the other part of the population of this region of this period. In compliance with the fashion among barbarians who served in Byzantine army, males girdled their clothes with type ornament belts decorated with metal plates. Married women wore traditional costume close to ethnic costume of the Ostgoths and Visigoths. The prolate form of the cranium caused by artificial deformation gave a peculiar view to some local inhabitants.

Recent works showed that the cemetery occupies a larger territory than we used to assume. Further excavations of new parts of the necropolis must expand our knowledge about early medieval population of the fortress on Eski-Kermen plateau.

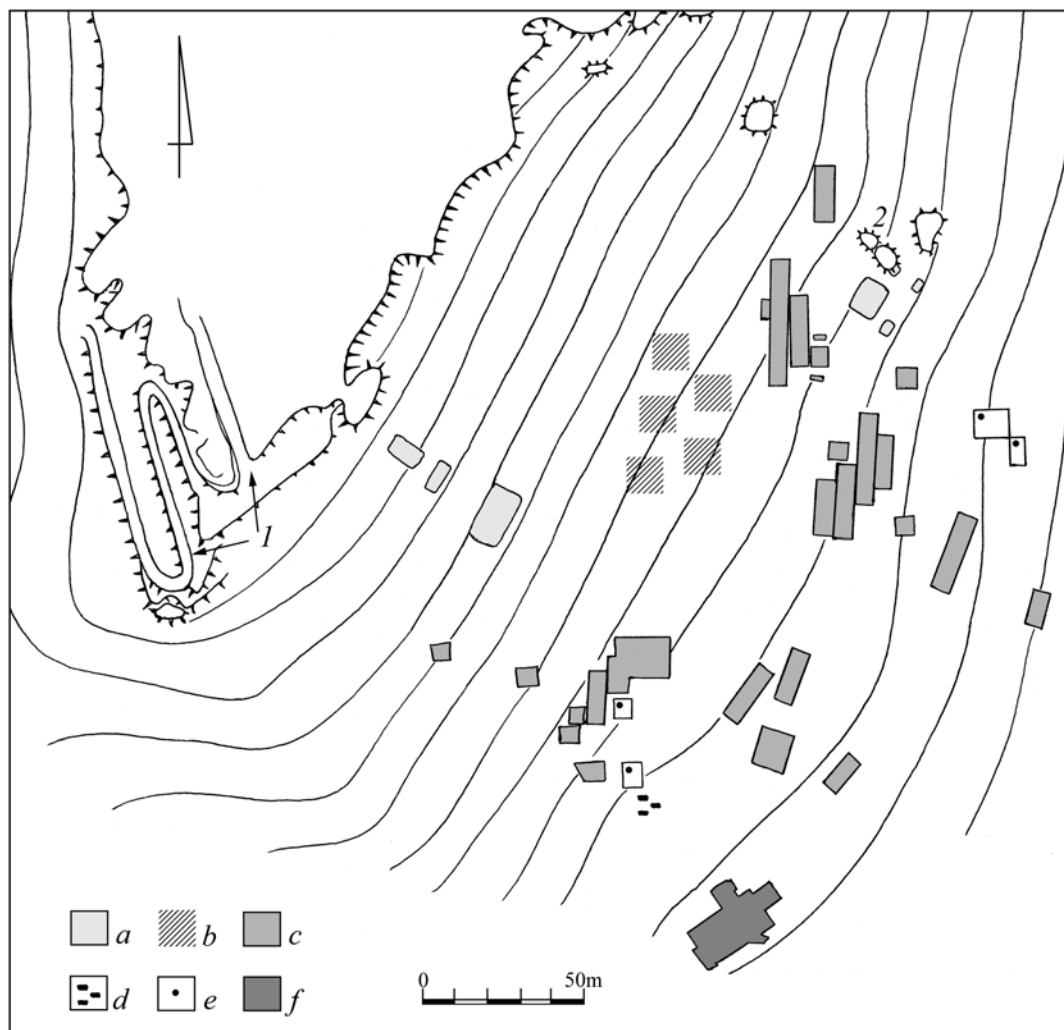

Рис. 1. План раскопок на некрополе Эски-Кермена.

1 – подъемная дорога и главные городские ворота; 2 – храм «Трех всадников»; а – раскопы 1928-1929 г.; b – место раскопок 1933 г.; c – раскопы 1978-1982 г.; d – склепы, вскрытые грабителями в 2003 г.; e – раскопы 2003 г.; f – раскопы 2006-2008 г.

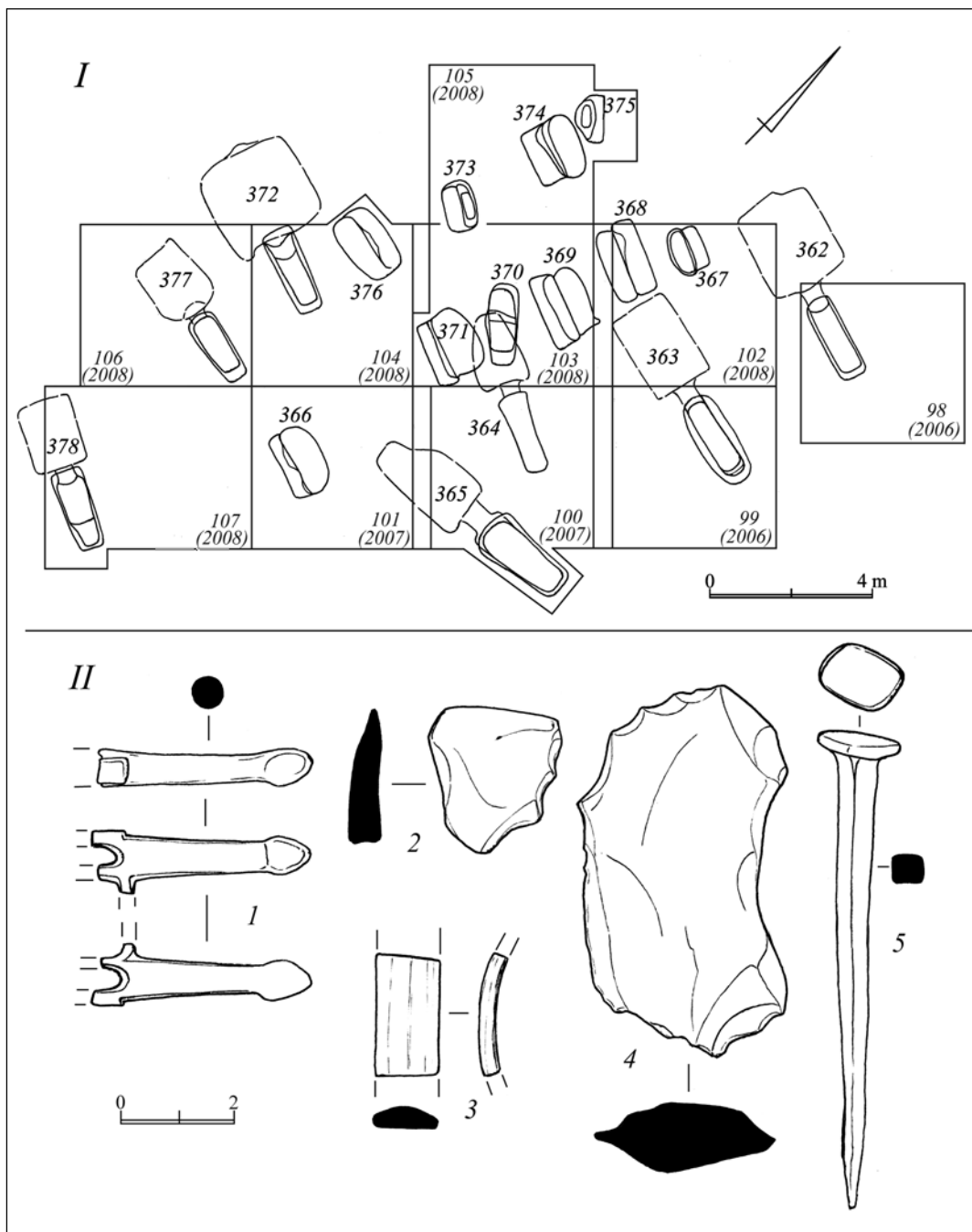

Рис. 2. План участка некрополя Эски-Кермена, исследовавшегося в 2006-2008 гг. (I) и находки из натечного слоя (II).

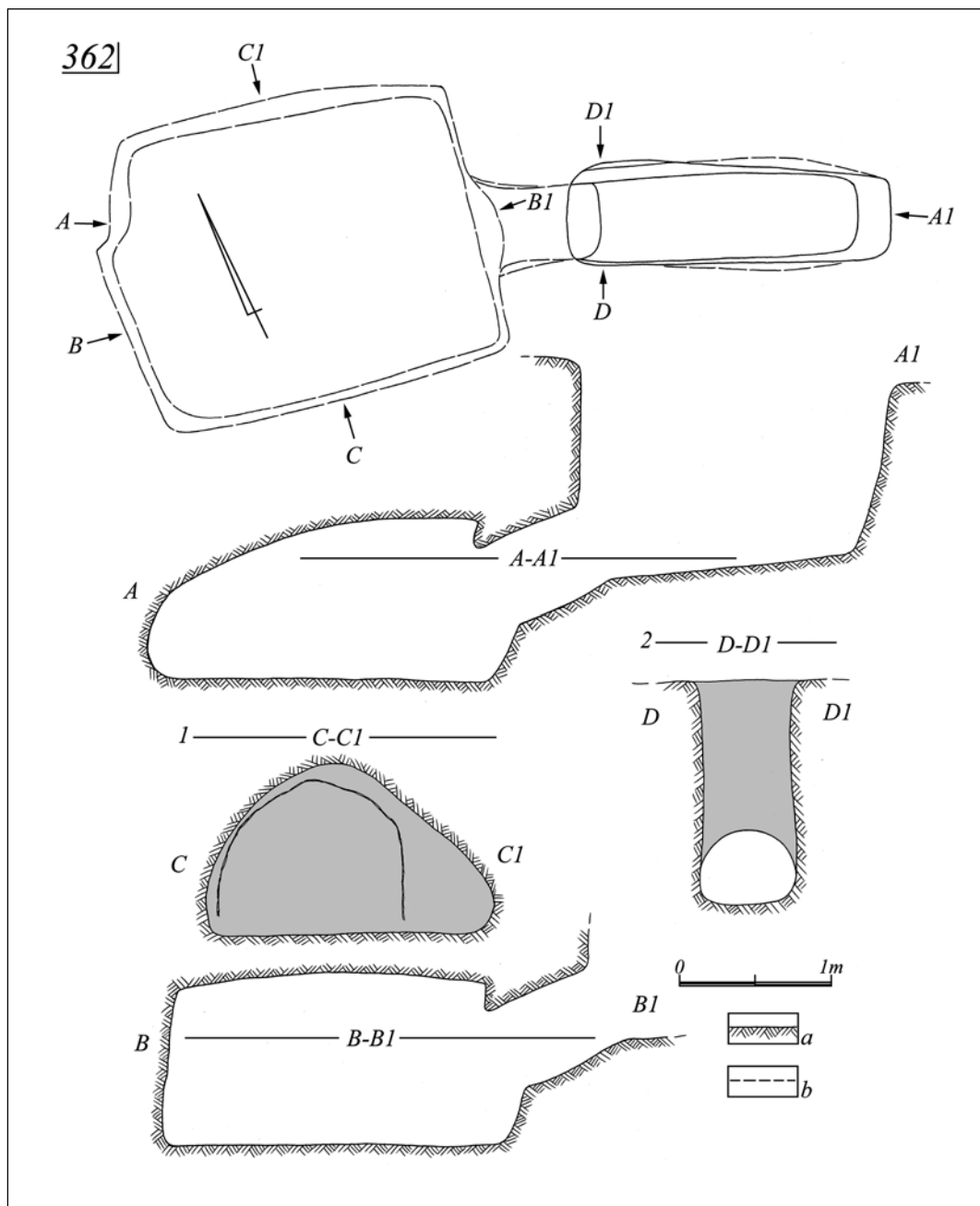

Рис. 3. Склеп 362. План, разрезы к плану, фасировки западной стенки камеры (1) и западного борта дромоса (2).

a – материковая глина; *b* – подземная часть склепа.

362

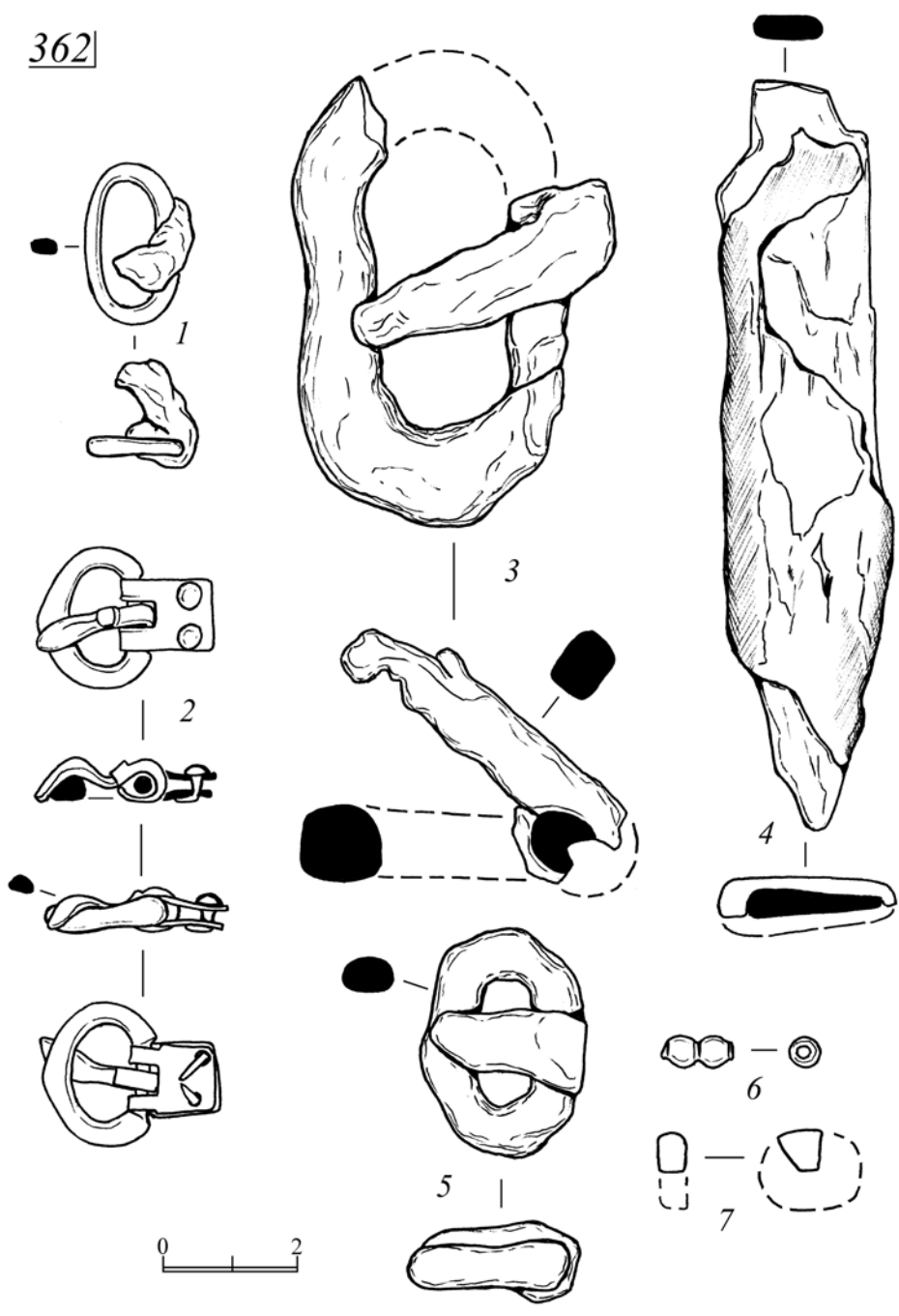

Рис. 4. Находки из склепа 362.

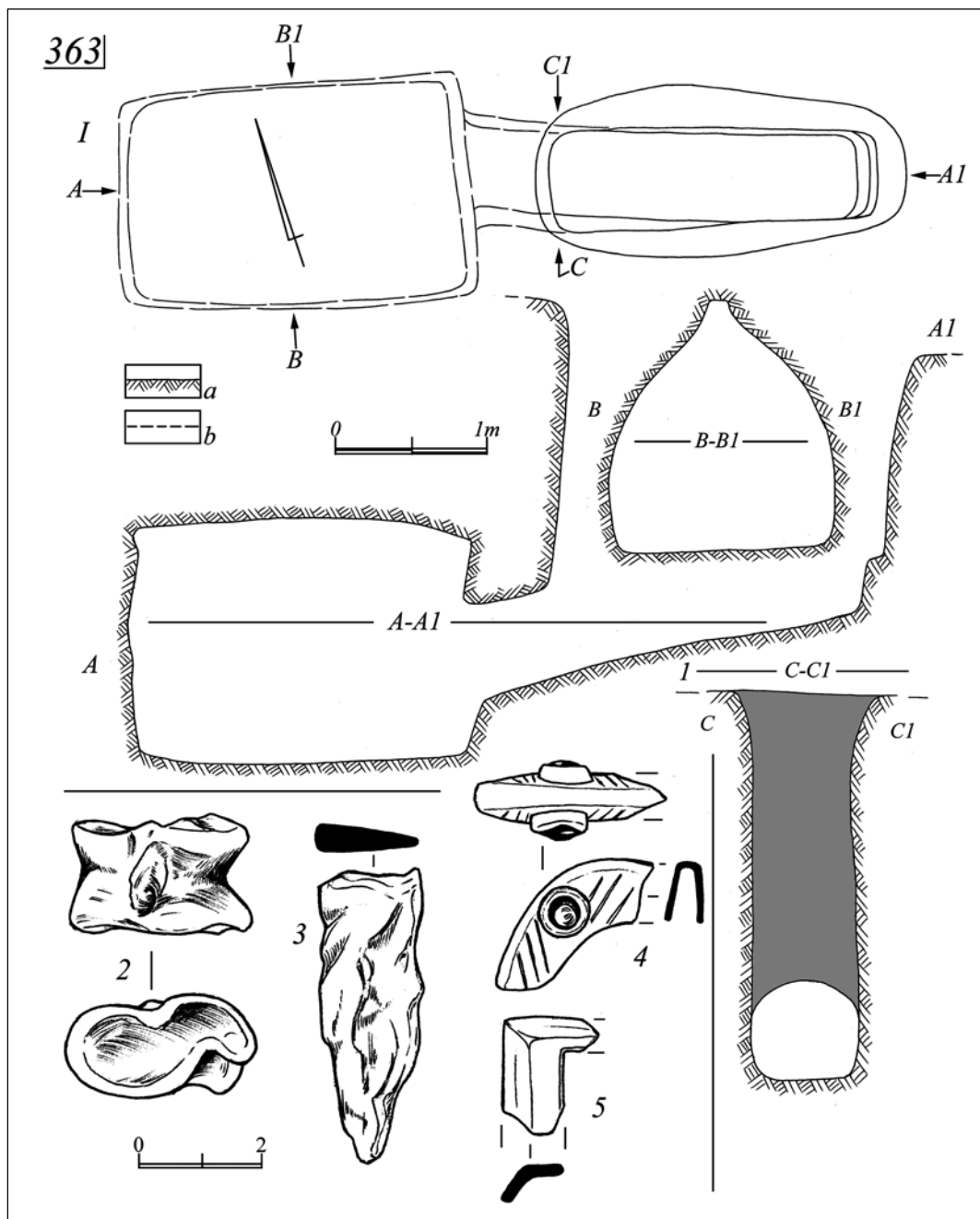

Рис. 5. Склеп 363. План, разрезы к плану, фасировка северо-западного борта дромоса (1) и находки (2-5).

a – материковая глина; *b* – подземная часть склепа.

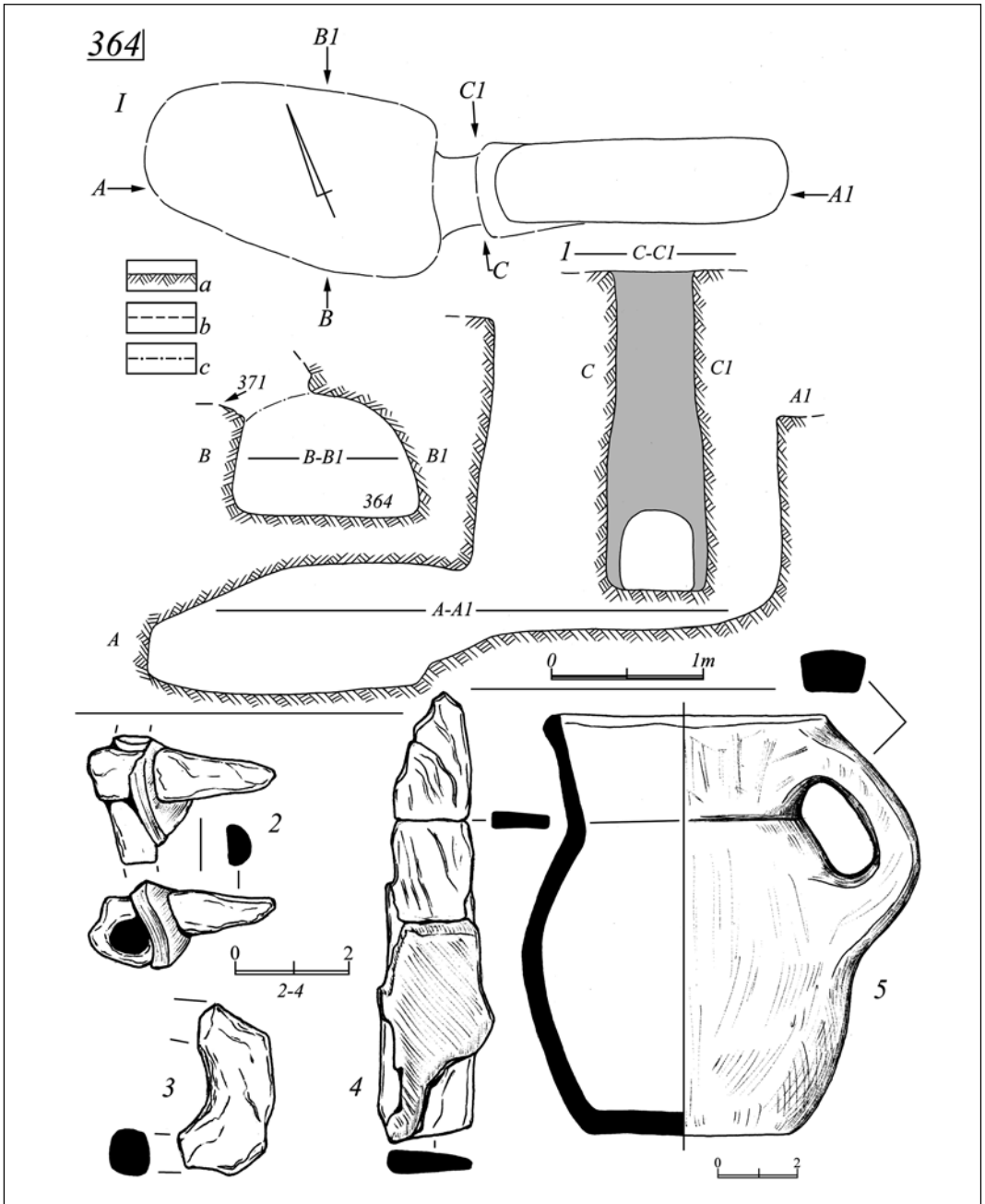

Рис. 6. Склеп 364. План, разрезы к плану, фасировка северо-западного борта дромоса (1) и находки (2-5).

a – материковая глина; *b* – подземная часть склепа; *c* – разрушенная часть камеры склепа.

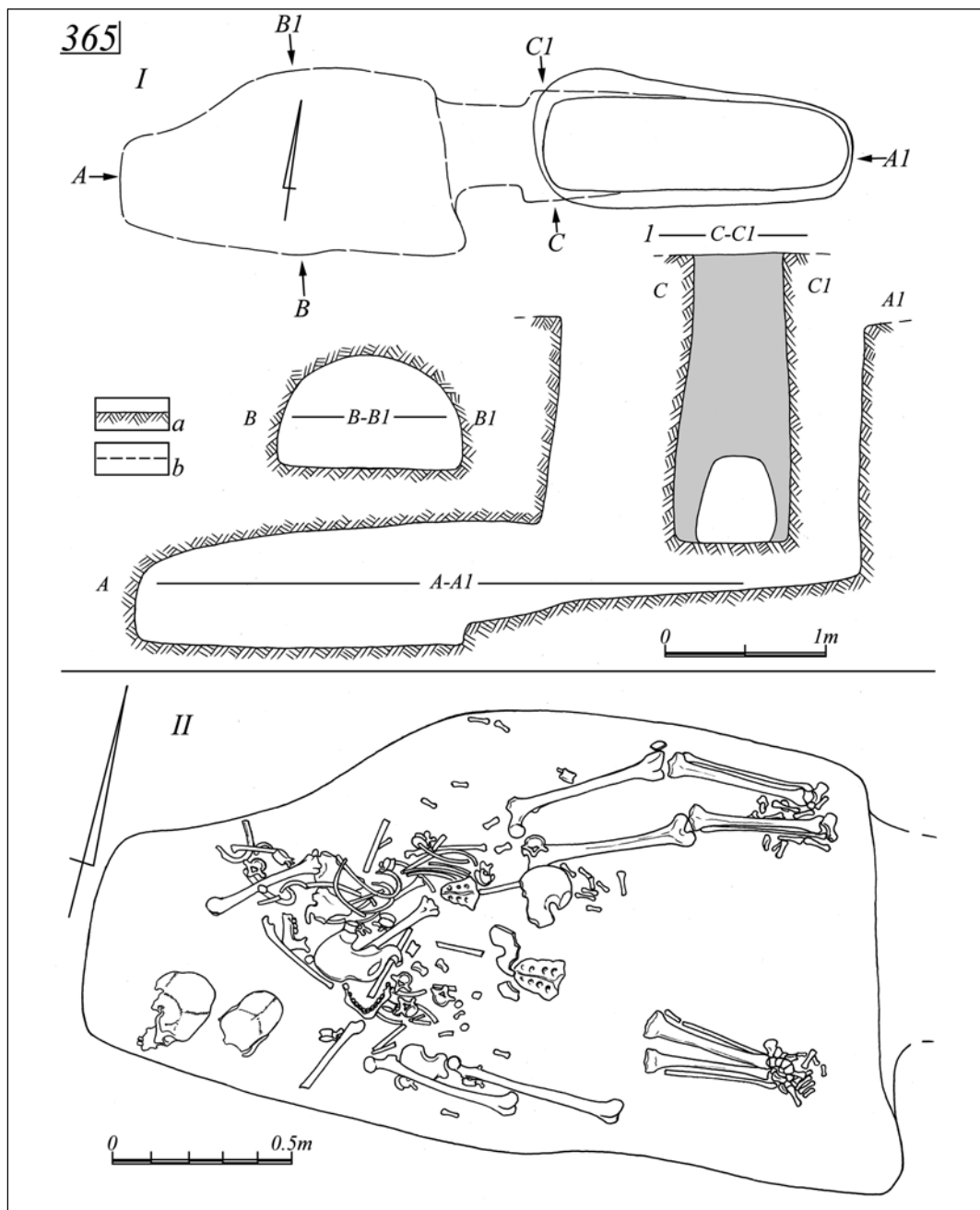

Рис. 7. Склеп 365. Общий план (I), разрезы к плану, фасировка западного борта дромоса (1) и план погребений (II).

a – материковая глина; *b* – подземная часть склепа.

365

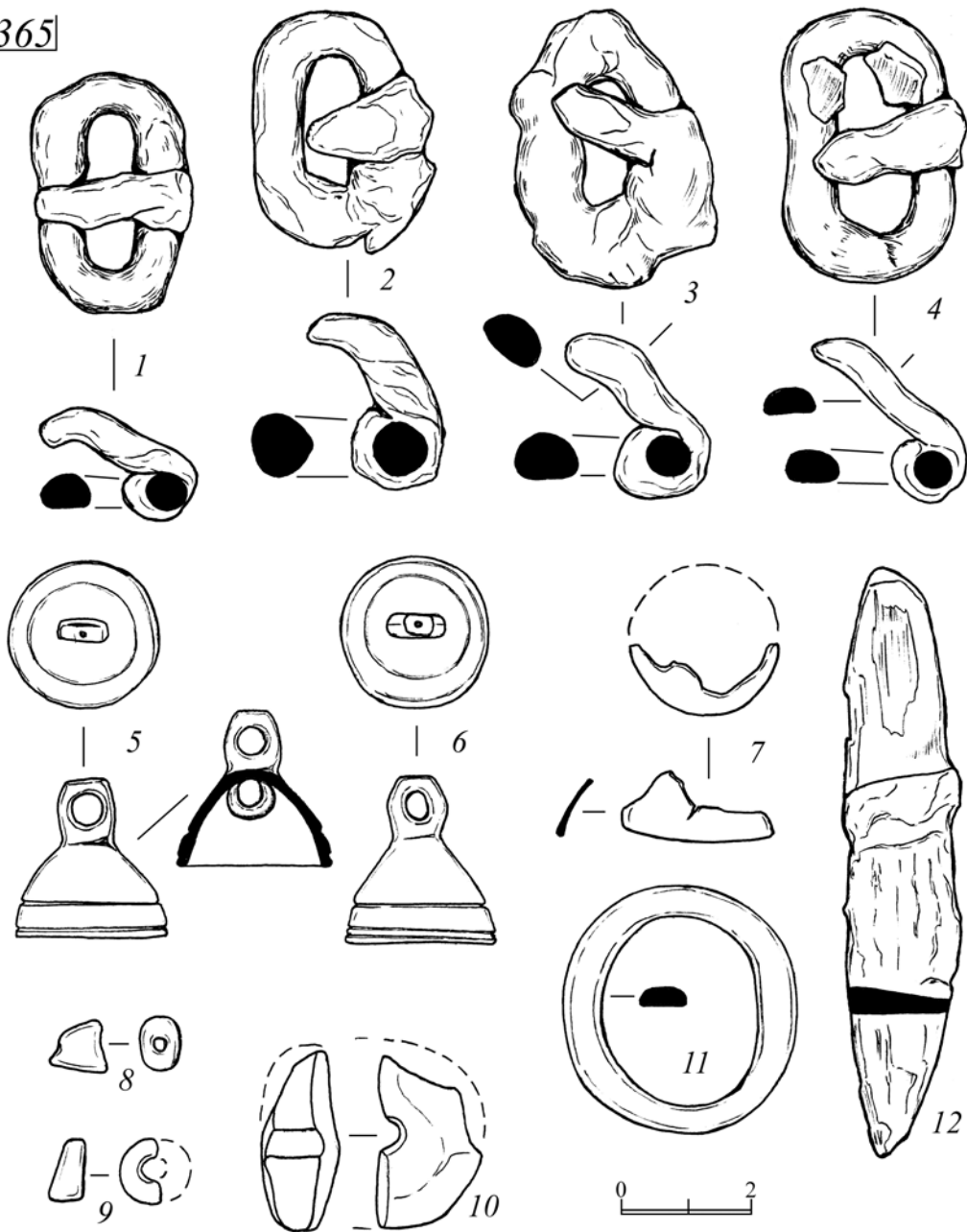

Рис. 8. Находки из склепа 365.

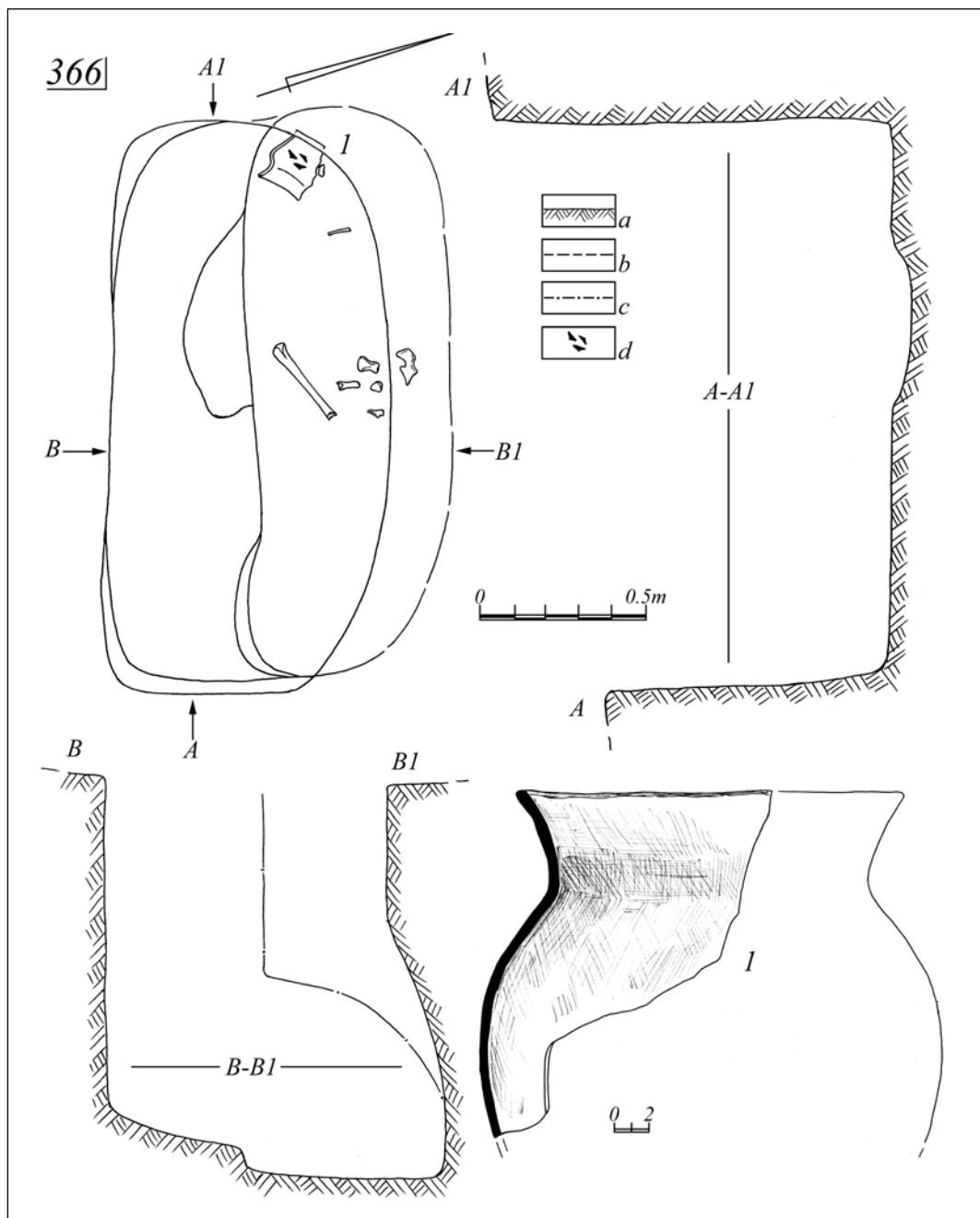

Рис. 9. Подбойная могила 366. План, разрезы к плану и находка из погребения (1).

a – материковая глина; b – подземная часть могилы; c – предполагаемые границы разрушенной части могилы; d – древесные угли.

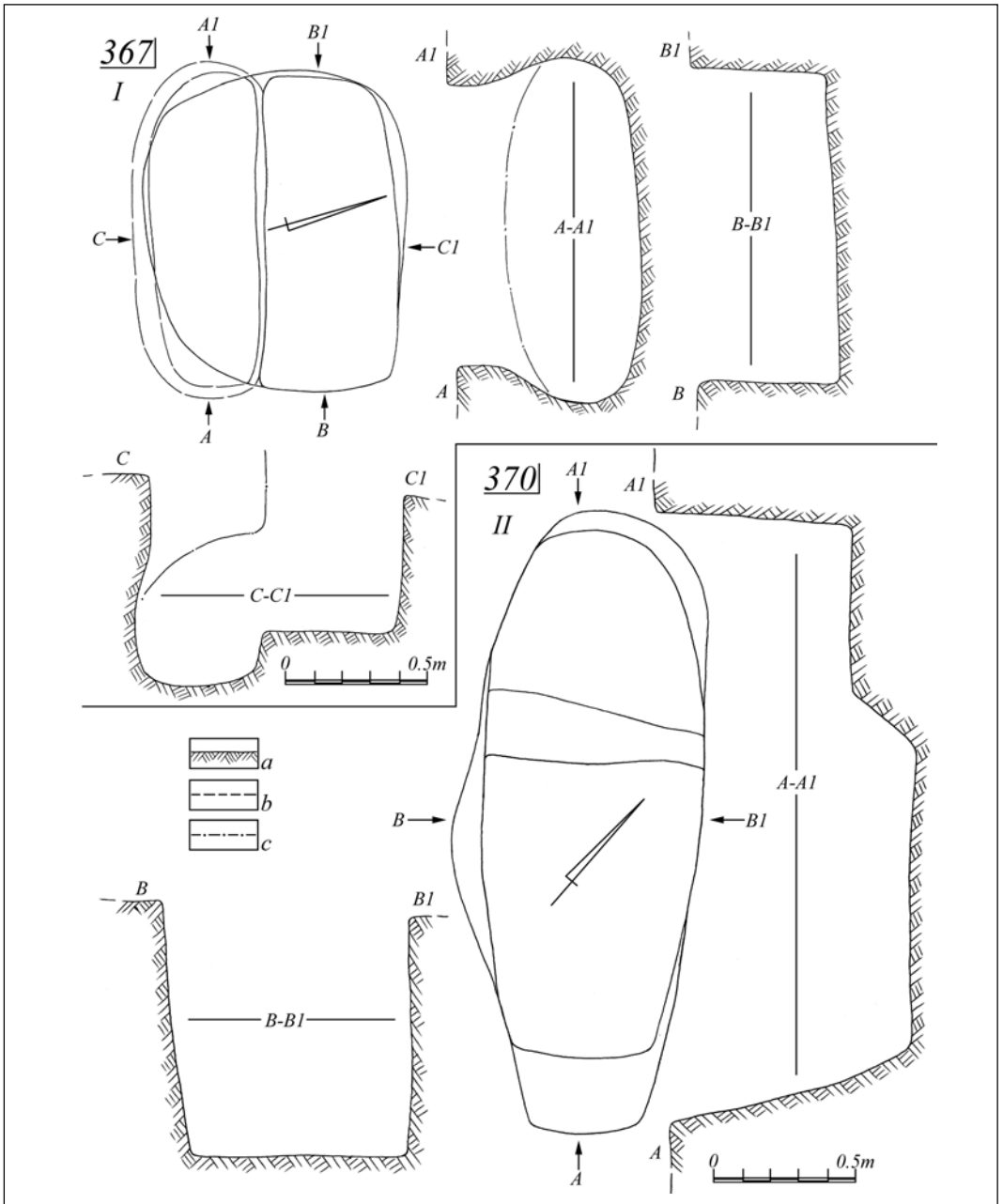

Рис. 10. Подбойная могила 367 (I) и недостроенное погребальное сооружение 370 (II). Планы и разрезы к планам.

a – материковая глина; *b* – подземная часть могилы; *c* – предполагаемые границы разрушенной части могилы.

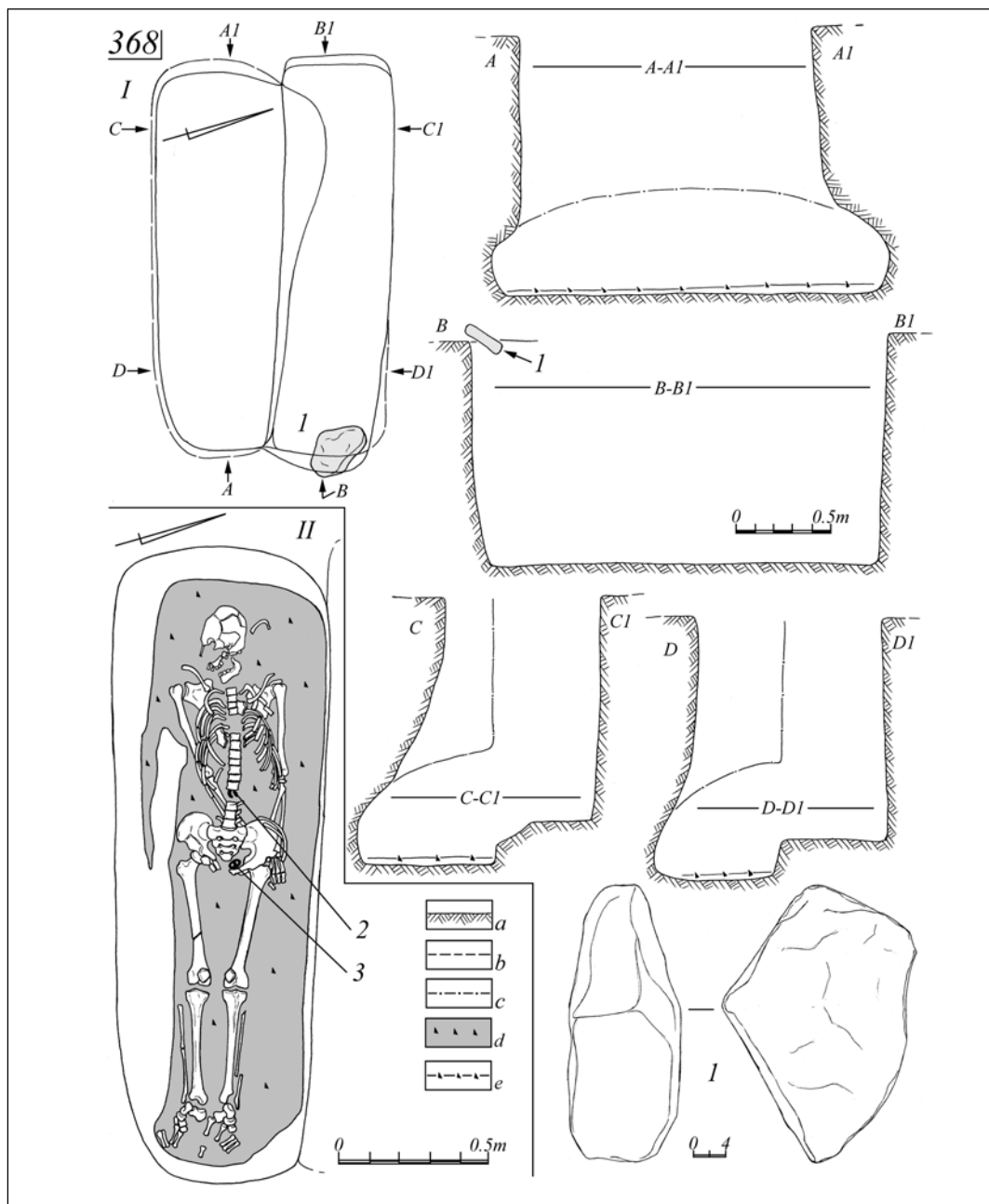
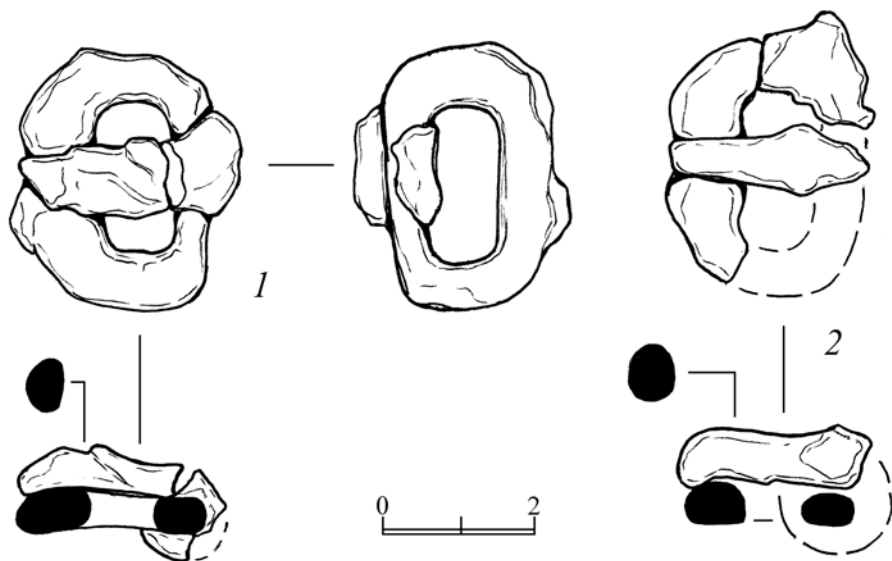

Рис. 11. Подбойная могила 368. Общий план (I), разрезы к плану, план погребения (II). 1 – камень из заполнения входной ямы; 2, 3 – железные пряжки; а – материковая глина; б – подземная часть могилы; с – предполагаемые границы разрушенной части могилы; d, e – подсыпка из древесных углей.

368

369

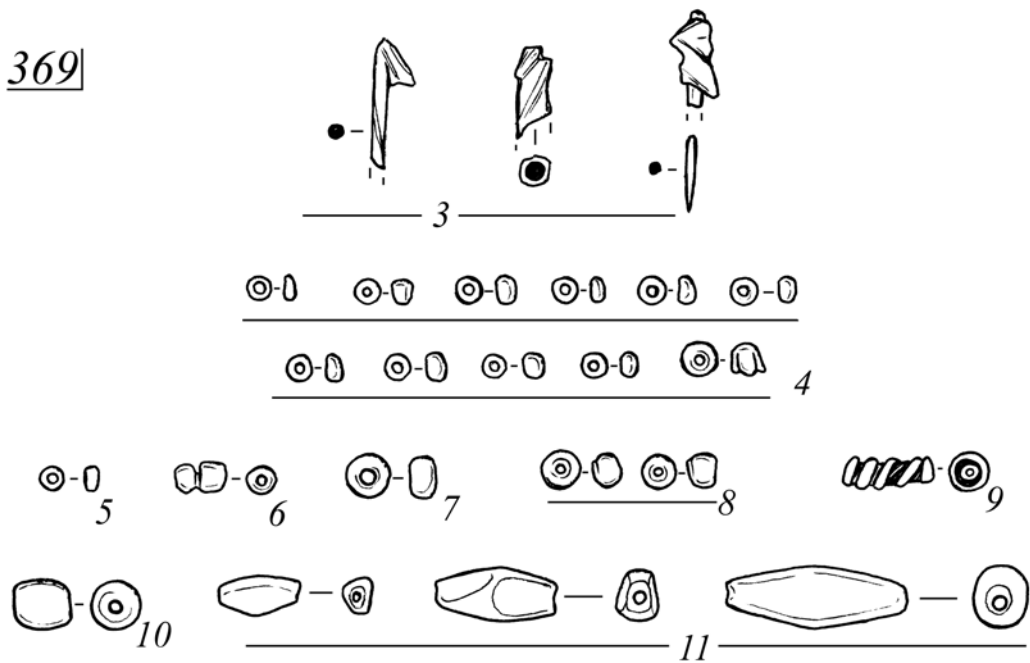

Рис. 12. Находки из могил 368 (1, 2) и 369 (3-11).

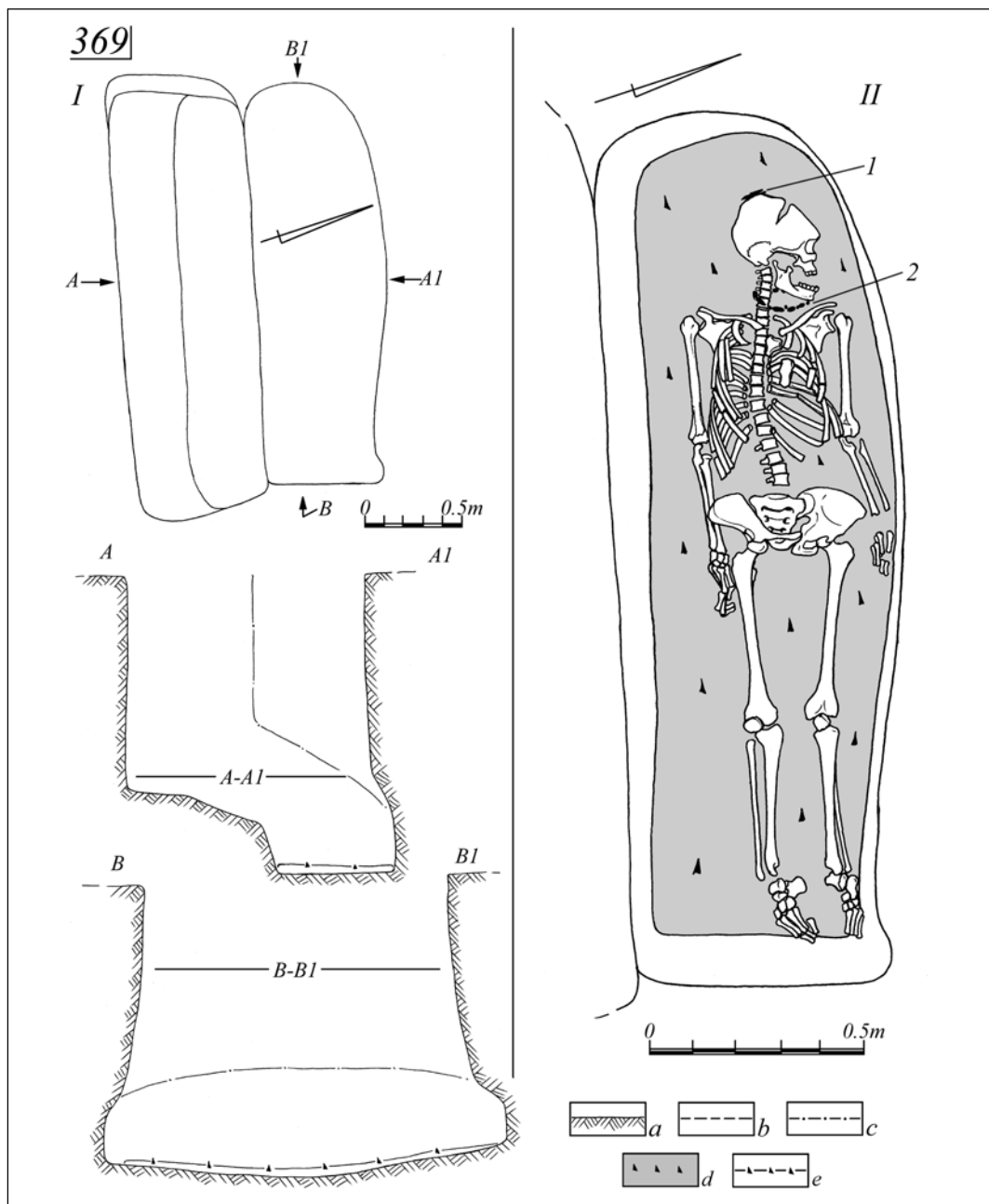

Рис. 13. Подбойная могила 369. Общий план (I), разрезы к плану, план погребения (II). 1 – фрагменты железных игл; 2 – бусы из стекла и янтаря; а – материковая глина; б – подземная часть могилы; с – предполагаемые границы разрушенной части могилы; д, е – подсыпка из древесных углей.

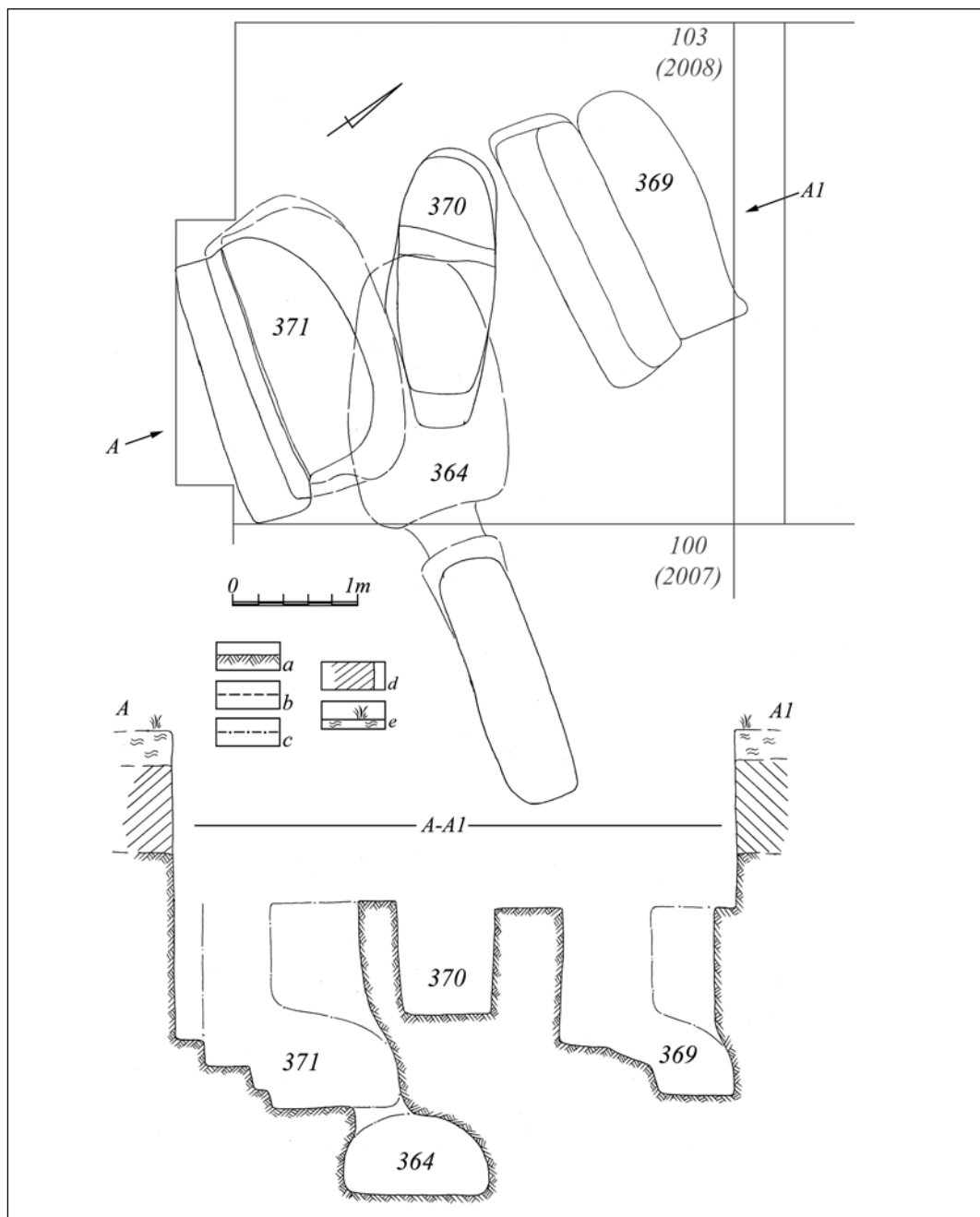

Рис. 14. Общий план раскопа № 103 2008 г. и разрез к плану по линии А-А1.

a – материковая глина; *b* – подземные части погребальных сооружений; *c* – предполагаемые границы разрушенных частей погребальных сооружений; *d* – слой темной земли; *e* – дерн.

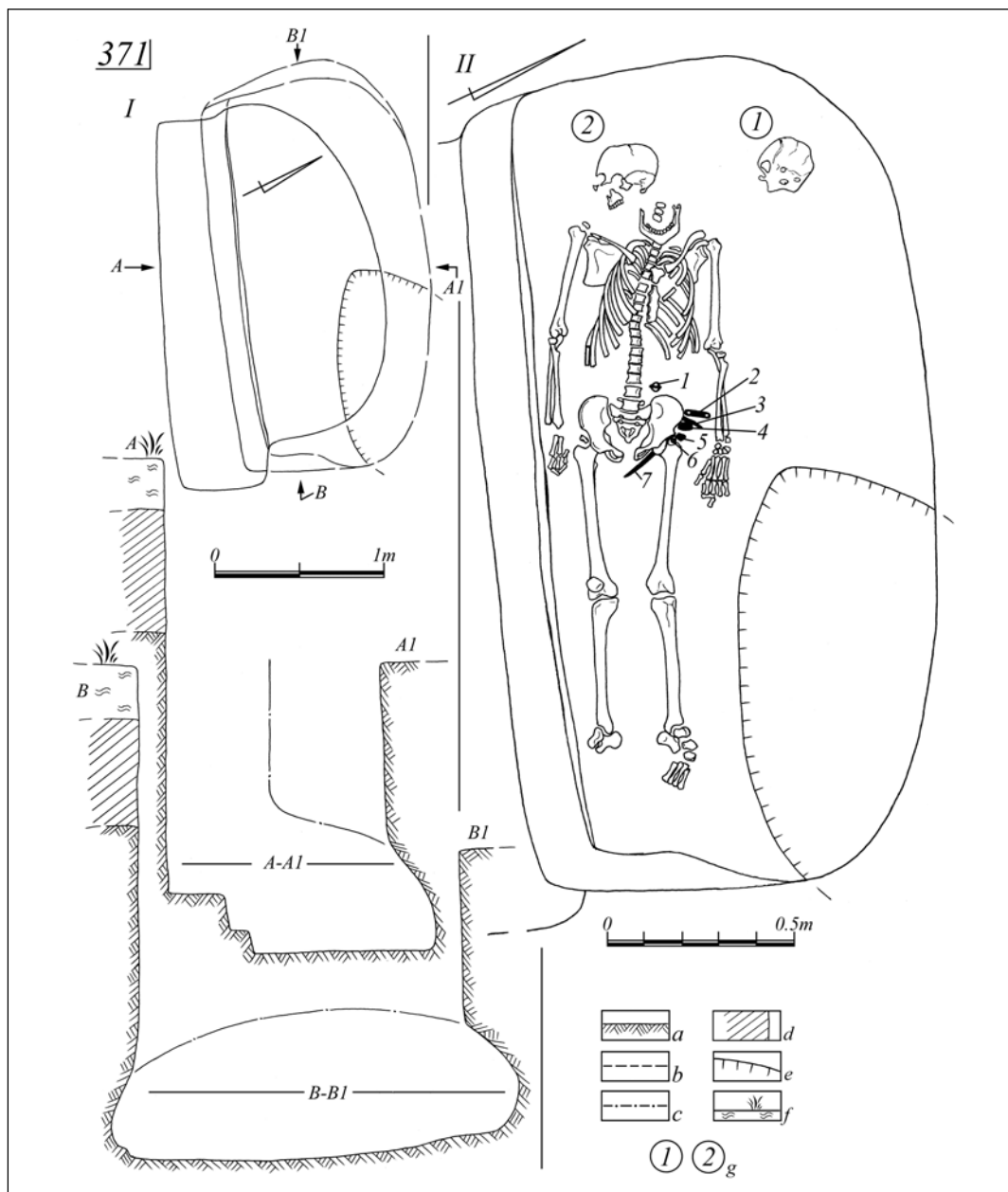

Рис. 15. Подбойная могила 371. Общий план (I), разрезы к плану, план погребения (II).
 1 – пряжка бронзовая; 2 – накладка костяная; 3 – железное шило; 4 – железное кресало;
 5 – кремень; 6 – железная пряжка; 7 – железный нож; а – материковая глина; б – подземная
 часть могилы; с – предполагаемые границы разрушенной части могилы; d – слой темной
 земли; e – грабительский лаз из камеры склепа 364; f – дерн; g – номера погребений.

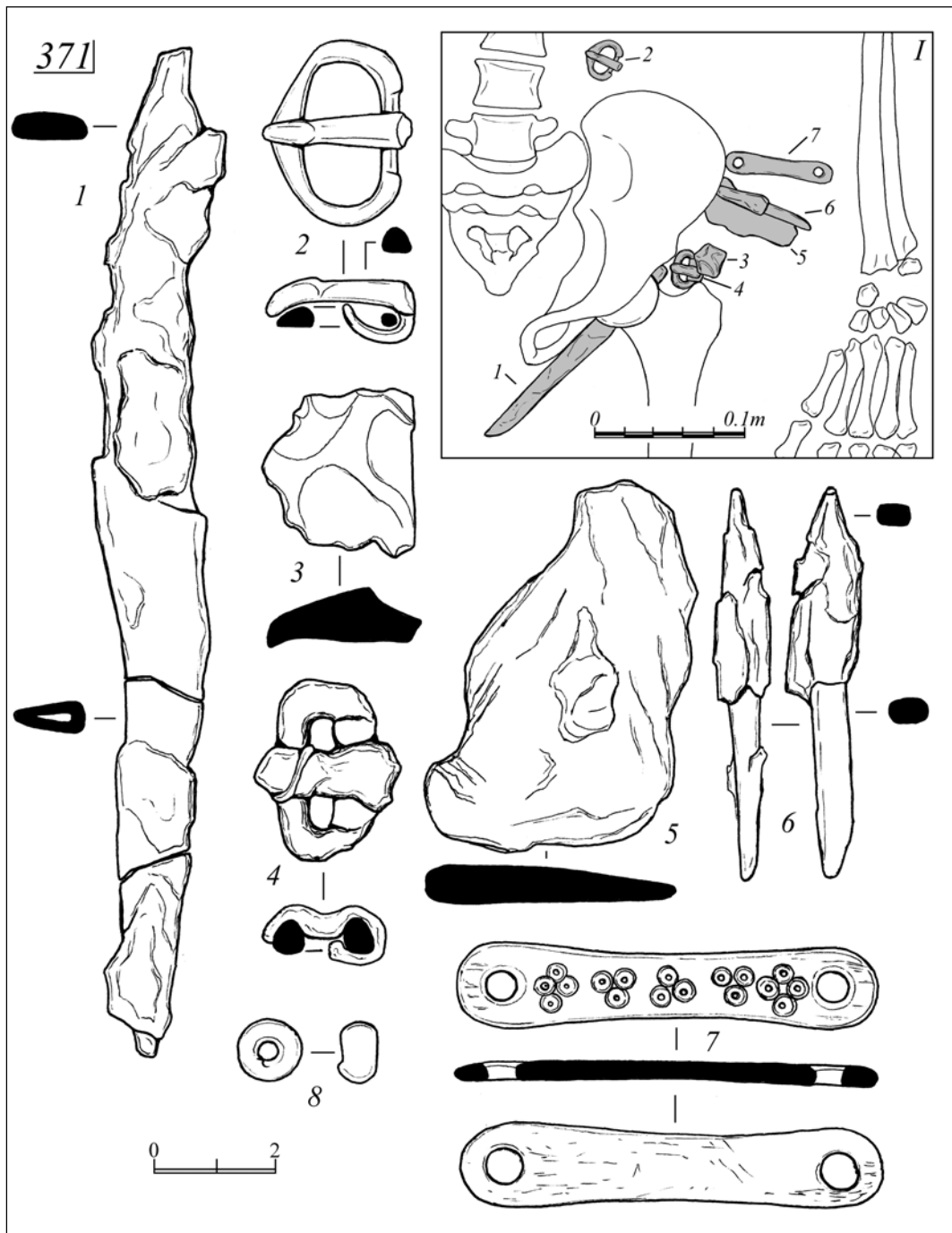

Рис. 16. Находки из подбойной могилы 371 (1-7) и план их расположения в погребении (I).

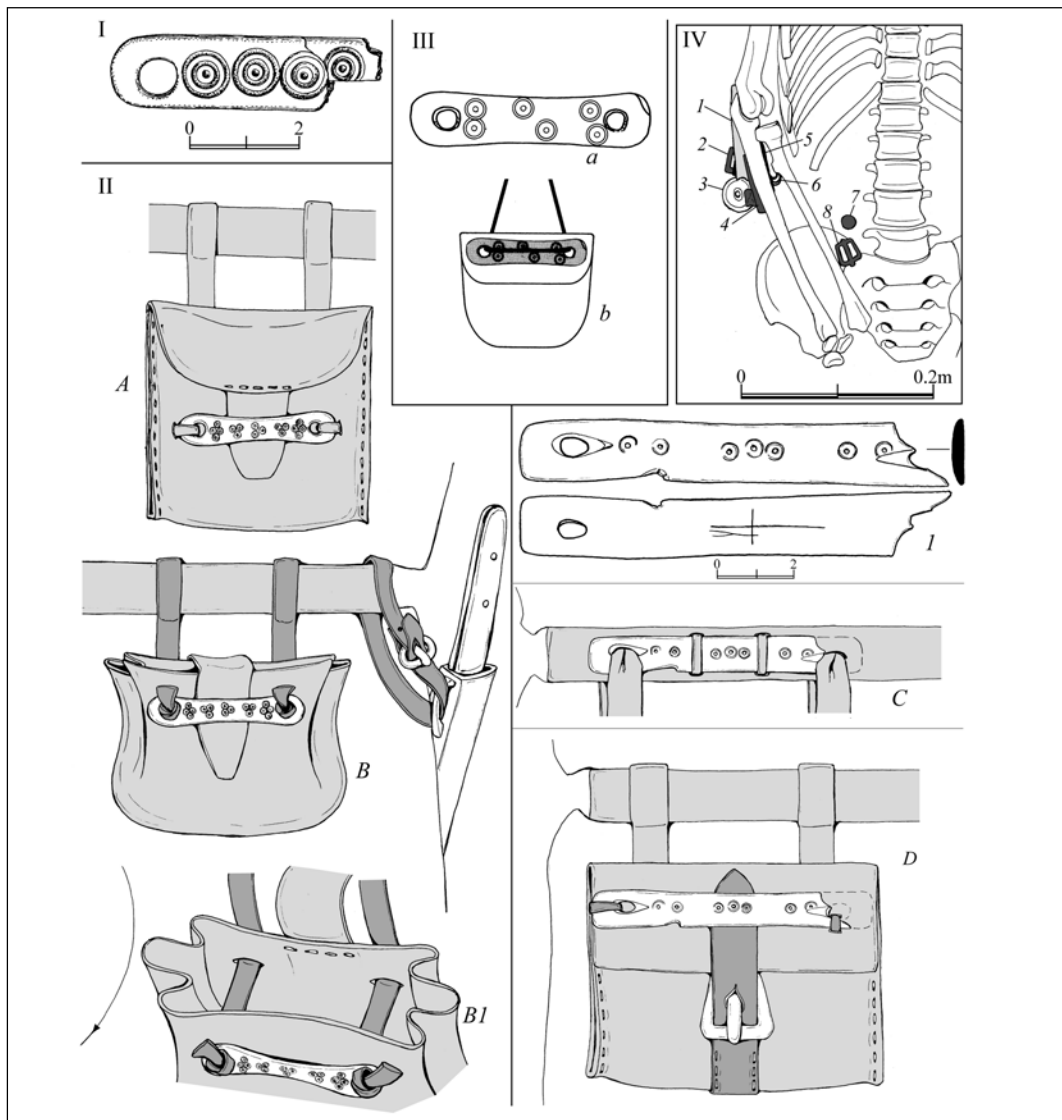

Рис. 17. Костяные пластинчатые накладки из Крыма (I, II, IV) и из Подунавья (III) и возможные варианты их использования.

I – Суук-Су, могила 89 [по: 35, с. 27, 73, рис. 65]; II – Эски-Кермен, подбойная могила 371 (A, B – варианты реконструкции поясной сумки с использованием пластинчатой костяной накладки); III – Големаново Кале (b – реконструкция поясной сумки с костяной накладкой) [по: 61, S. 195, Abb. 16]; IV – Керчь, Босфорский переулоч, могила 63, расположение вещей в погребении (1 – костяная пластинчатая накладка; 2 – железная пряжка; 3 – подставка под ножку стеклянной рюмки; 4 – кресало с кремнем; 5 – шило железное; 6 – бронзовые рыболовные крючки; 7 – монета бронзовая; 8 – пряжка железная, поясная) и варианты реконструкции использования костяной накладки на поясе (C) и на поясной сумке (D).

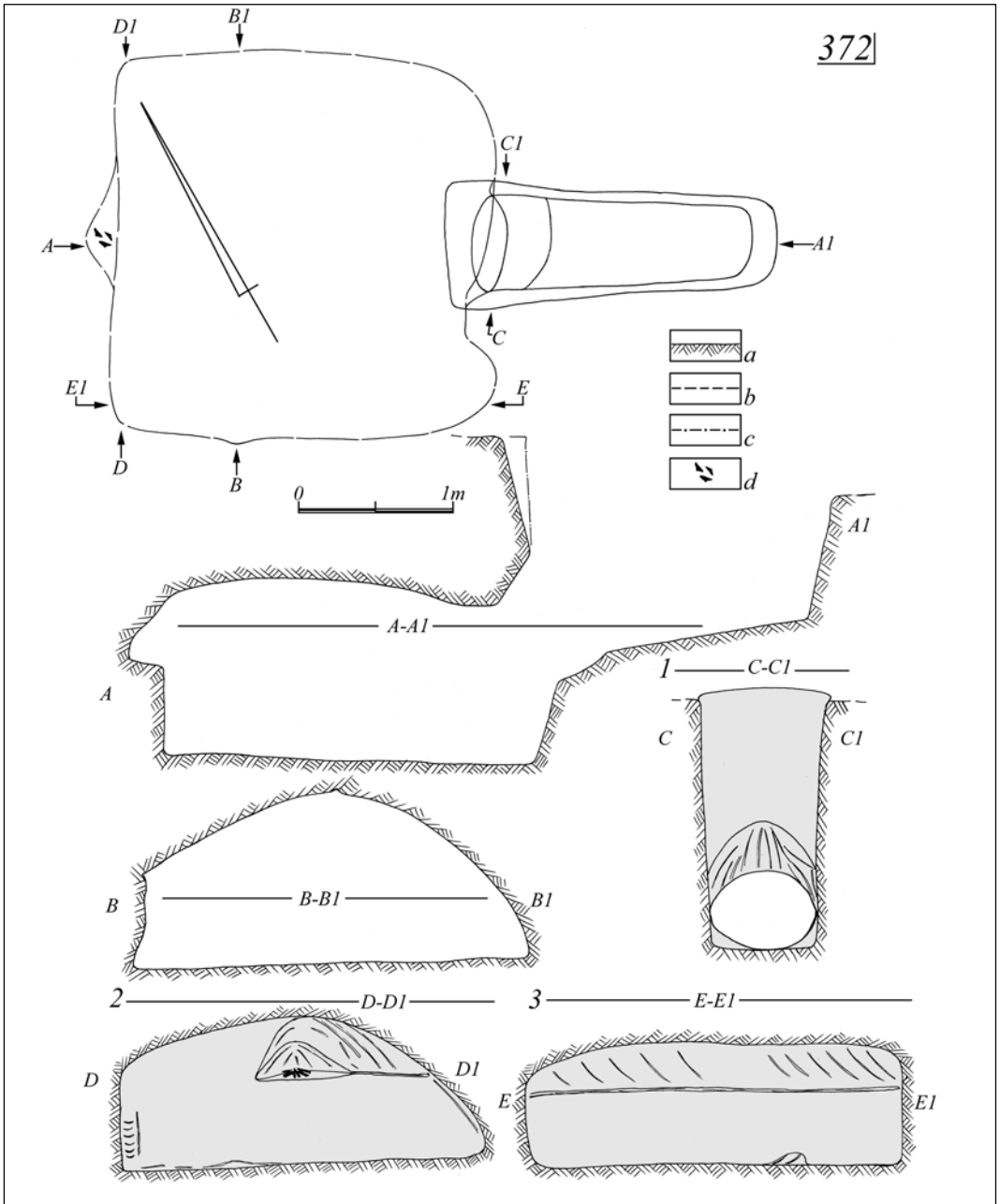

Рис. 18. Склеп 372. План, разрезы к плану, фасировки северо-западного борта дромоса (1), северо-западной (2) и юго-западной (3) стенок камеры.

a – материковая глина; *b* – подземная часть склепа; *c* – предполагаемые границы разрушенной части дромоса; *d* – деревянные угли.

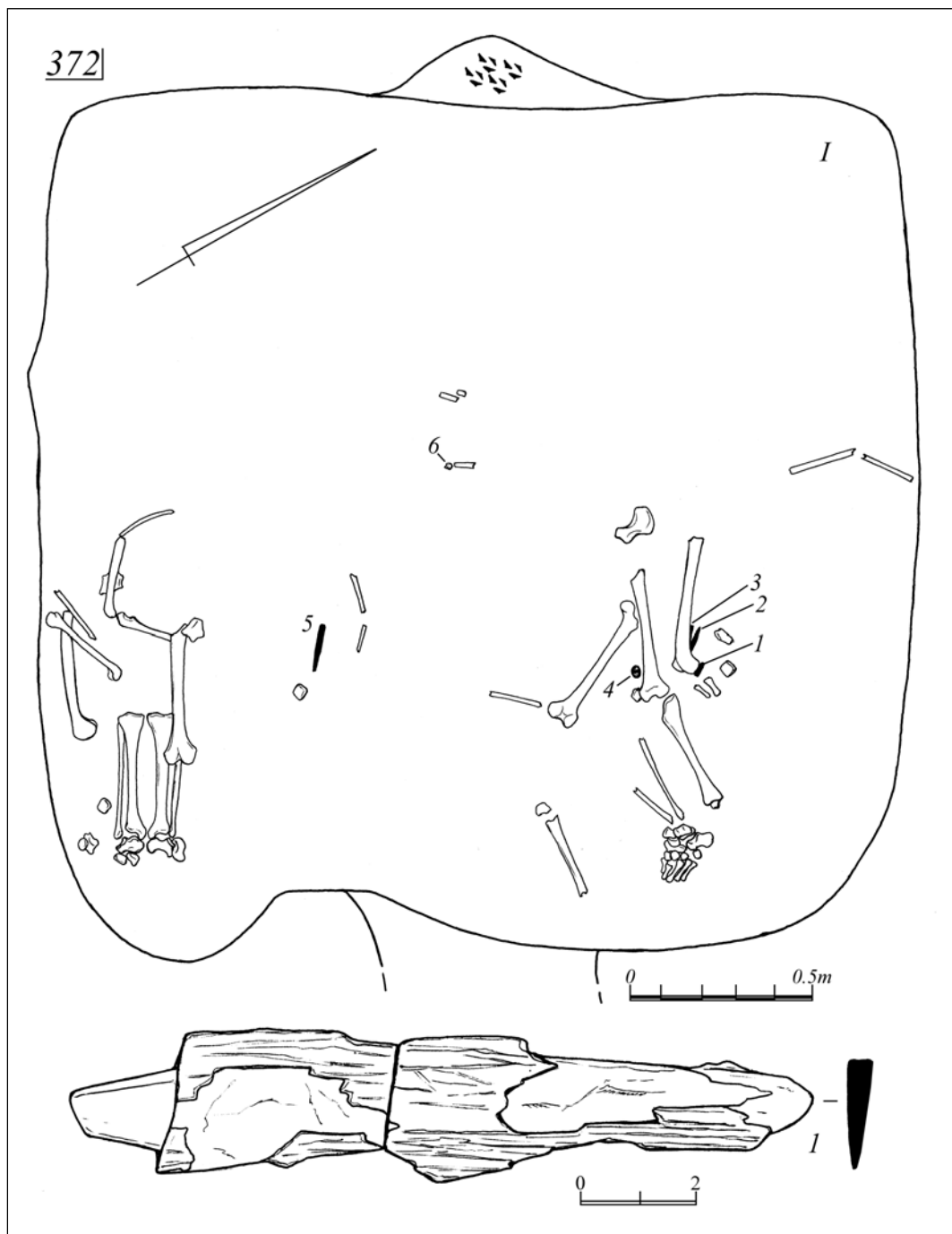

Рис. 19. Склеп 372. План остатков погребений (I) и железный нож (1).

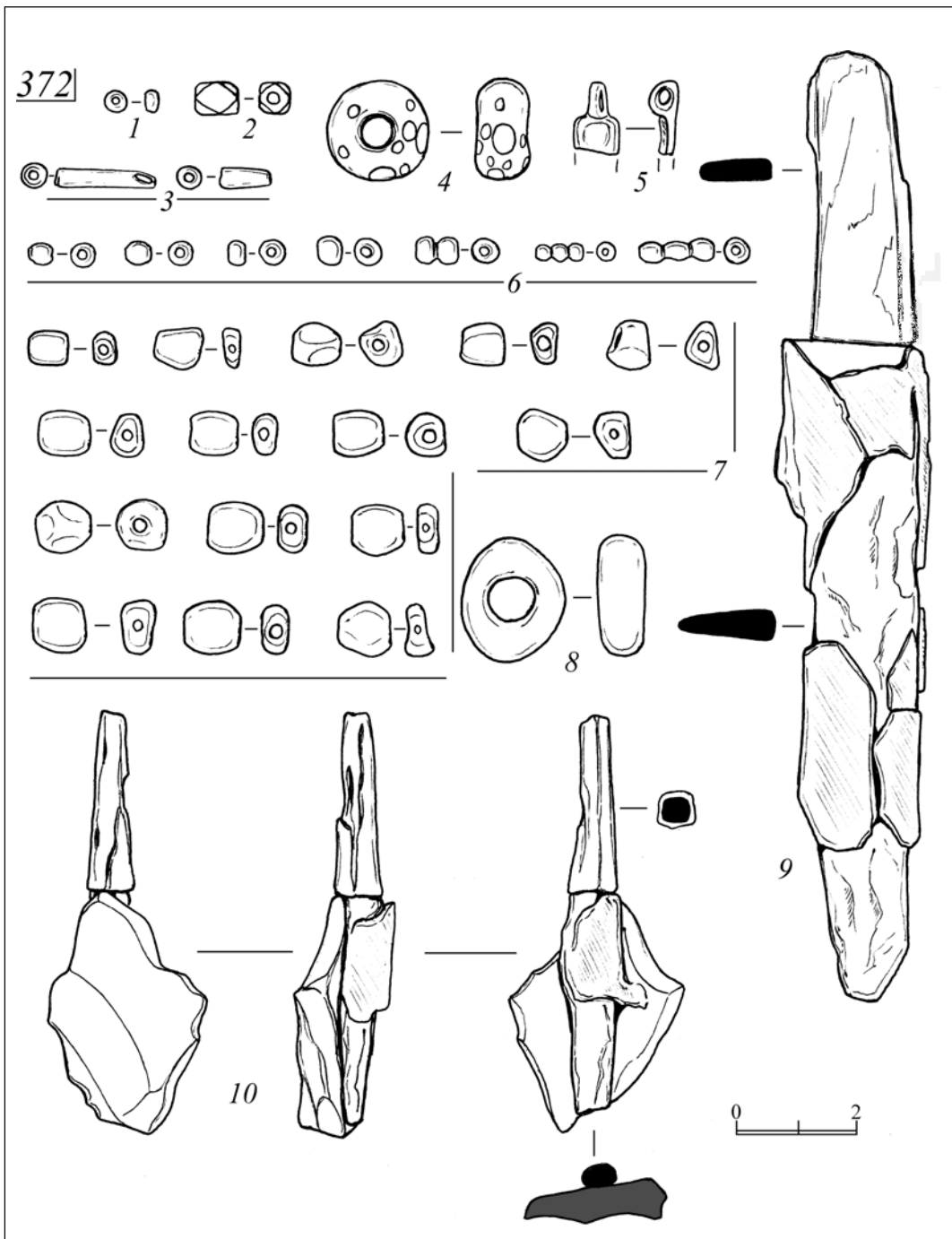

Рис. 20. Находки из склепа 372.

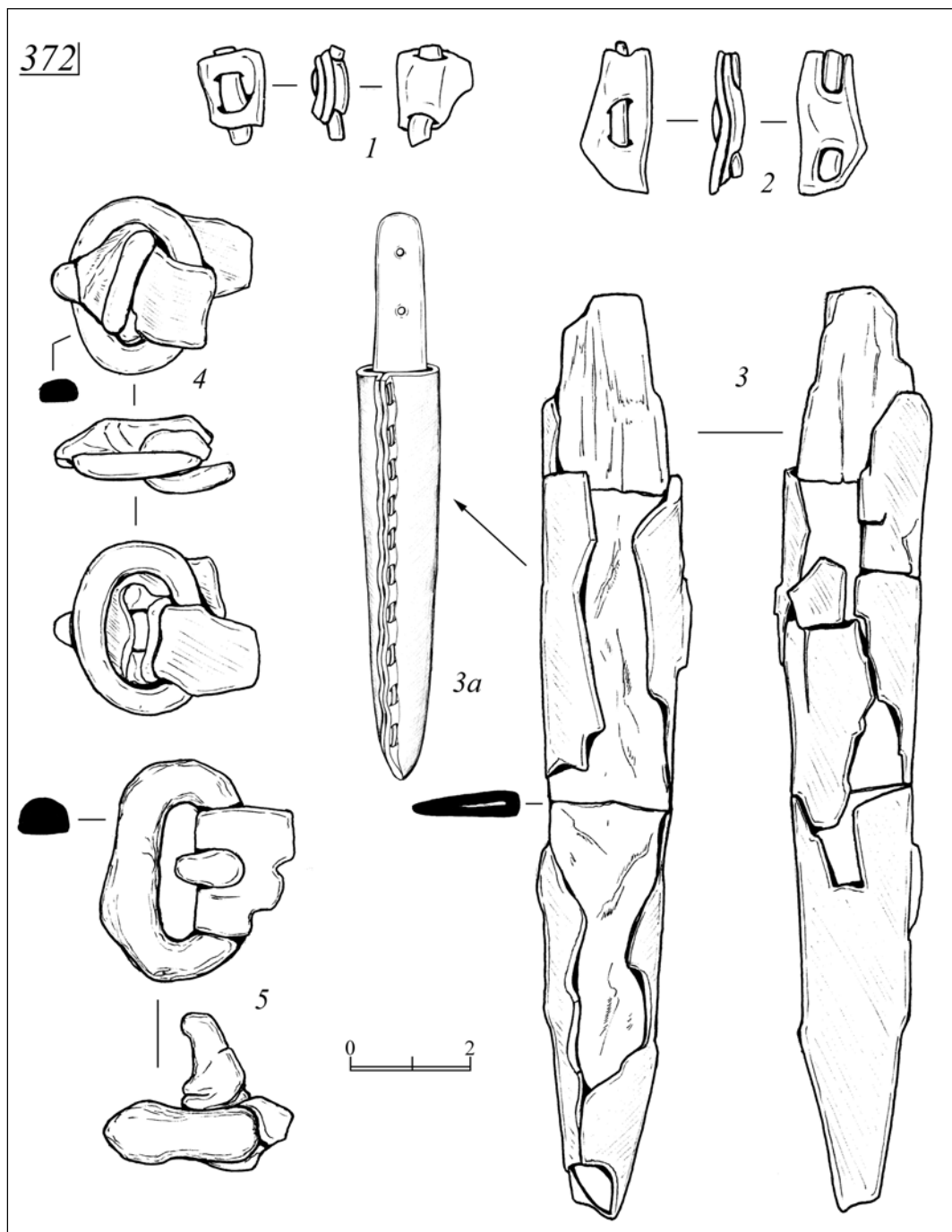

Рис. 21. Находки из склепа 372.

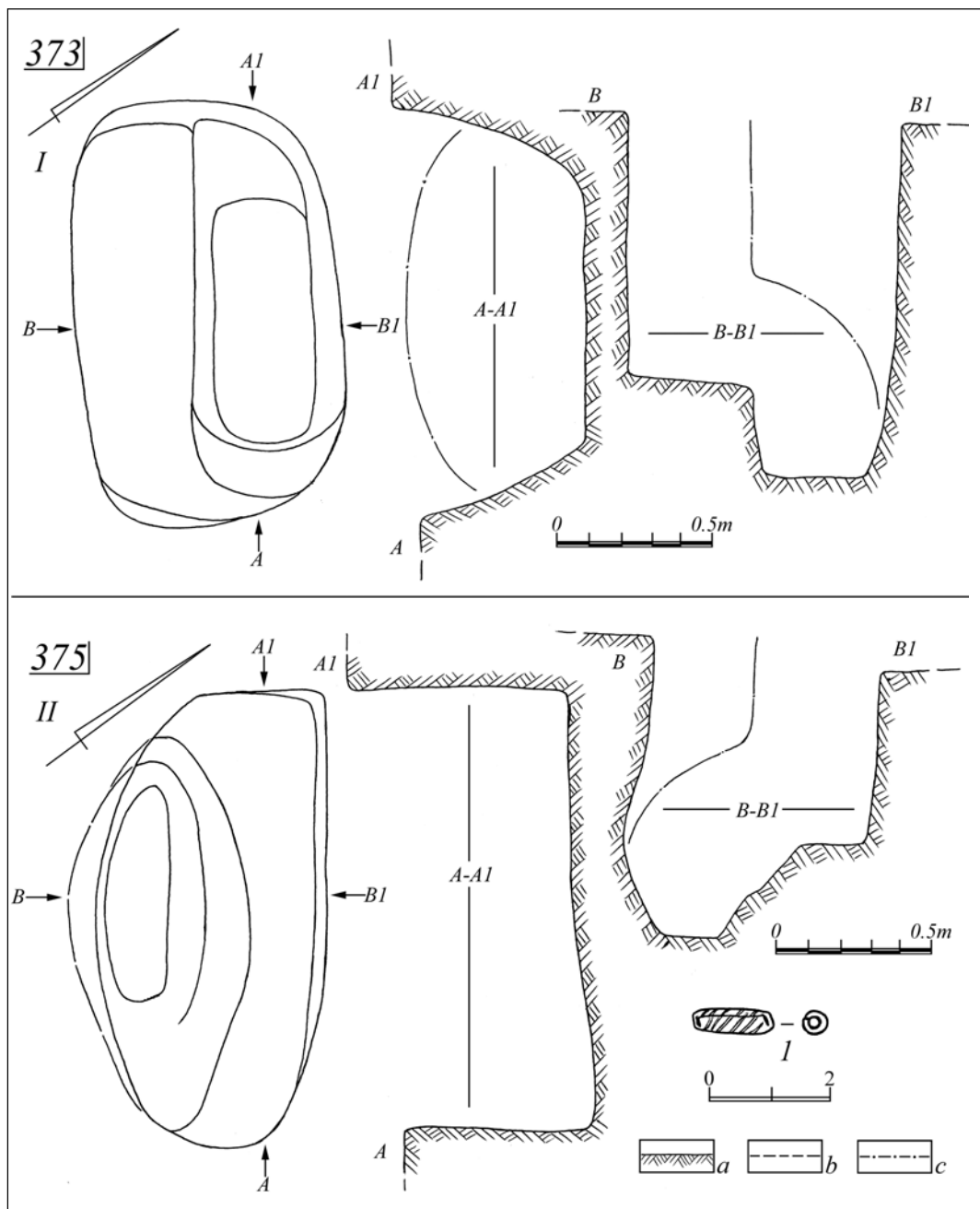

Рис. 22. Подбойные могилы 373 (I) и 375 (II). Планы и разрезы к планам.

1 – стеклянная бусина из заполнения могилы 375; а – материковая глина; б – подземная часть могилы; с – предполагаемые границы разрушенной части могилы.

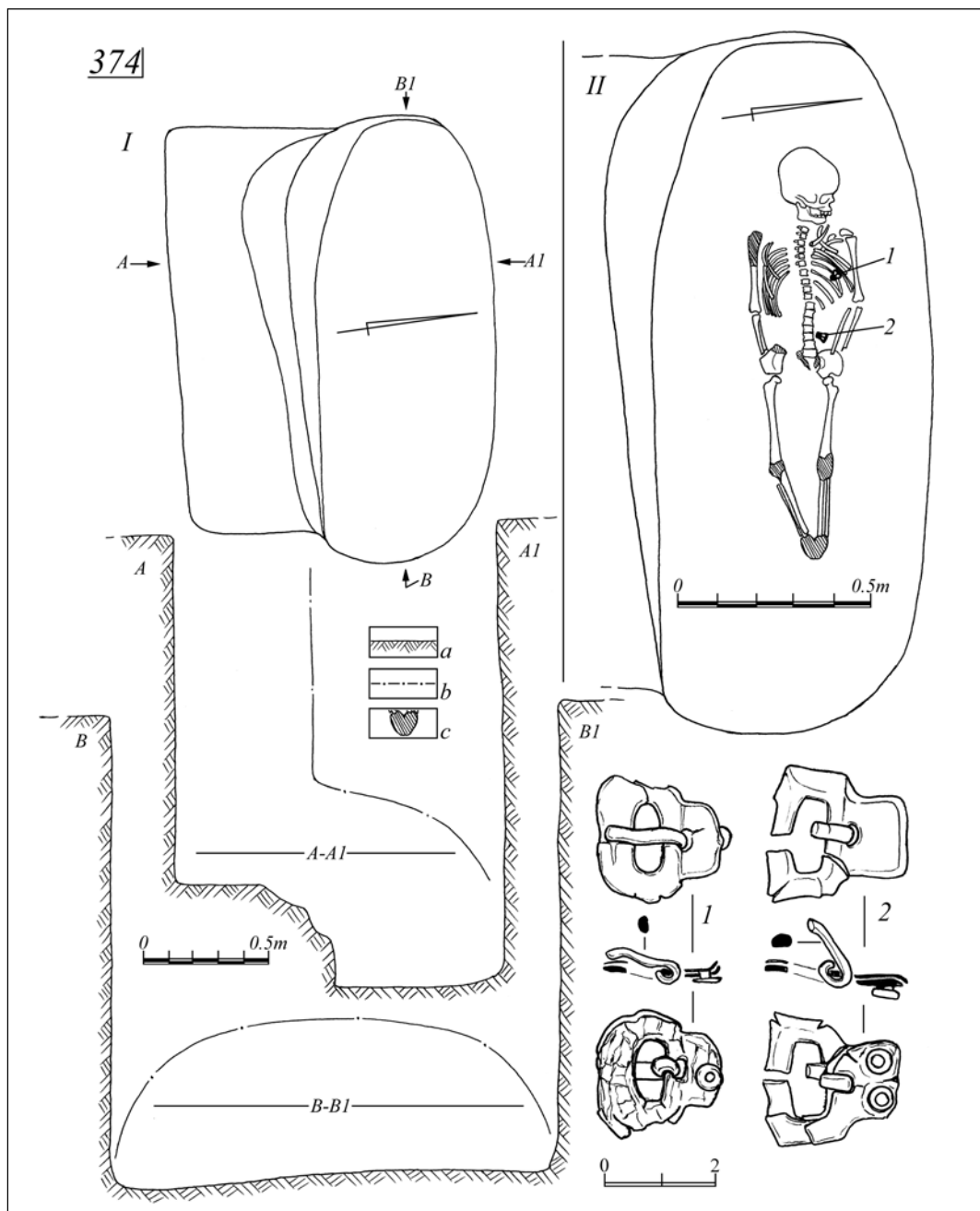

Рис. 23. Подбойная могила 374. Общий план (I), разрезы к плану, план погребения (II). 1 – пряжка бронзовая; 2 – пряжка серебряная; а – материковая глина; b – предполагаемые границы разрушенной части могилы; с – костный тлен.

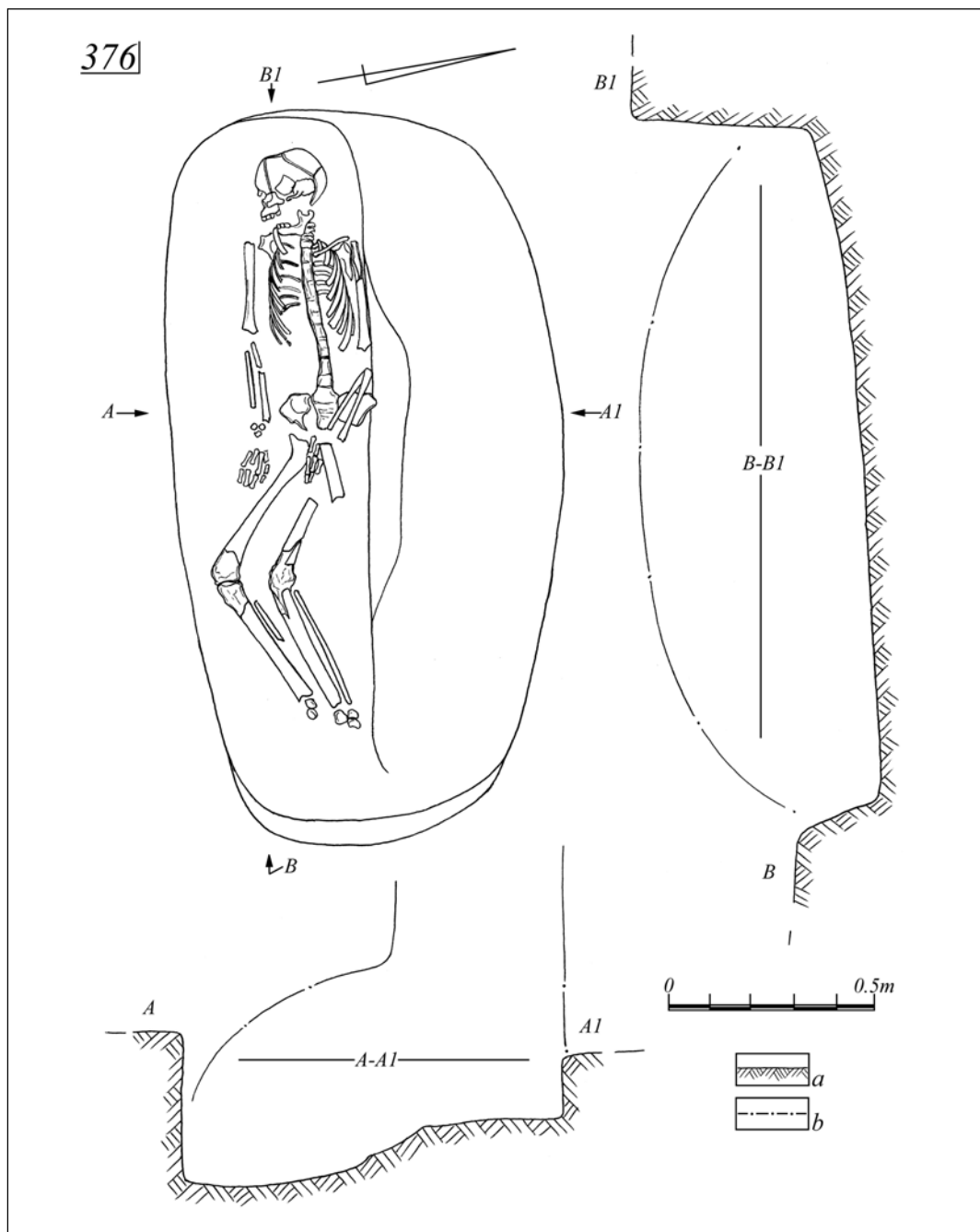

Рис. 24. Подбойная могила 376. План и разрезы к плану.

a – материковая глина; *b* – предполагаемые границы разрушенной части могилы.

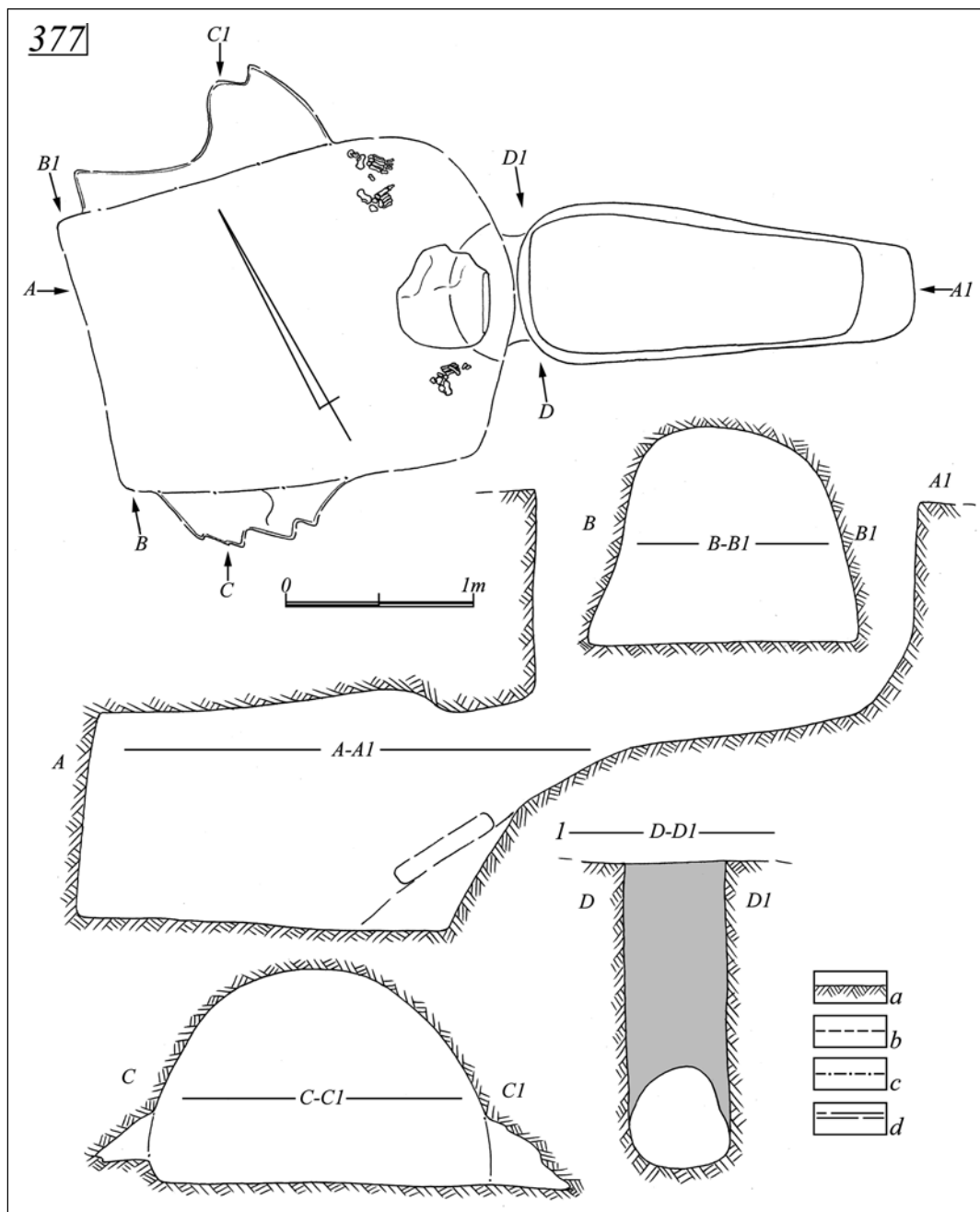

Рис. 25. Склеп 377. План, разрезы к плану и фасировка западного борта дромоса (1).
 а – материковая глина; б – подземная часть склепа; с – разрушенные стенки камеры склепа; д – грабительские подкопы.

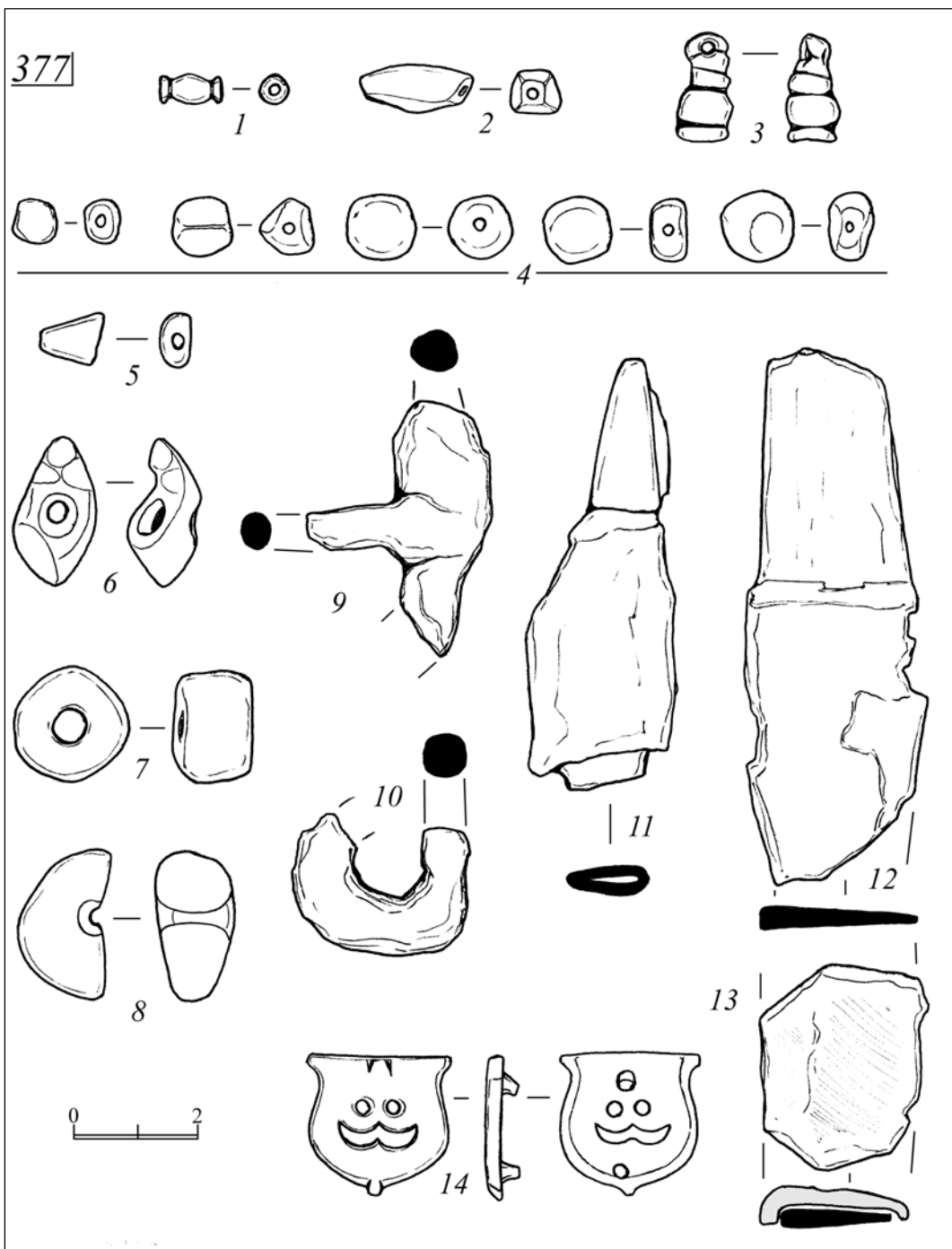

Рис. 26. Находки из склепа 377.

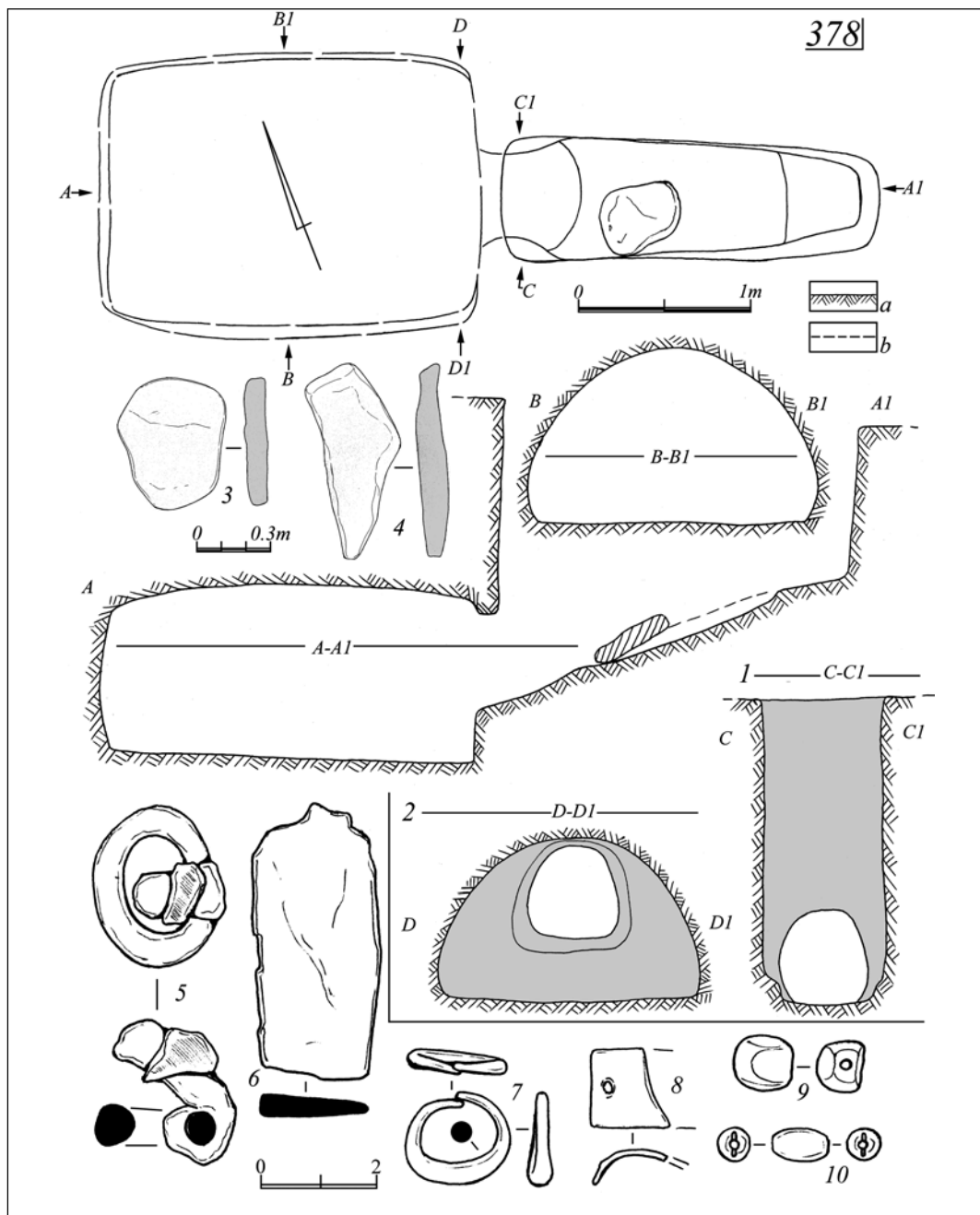

Рис. 27. Склеп 378. План, разрезы к плану, фасировки юго-восточной стенки камеры (1) и северо-западного борта дромоса (2) и находки (3-10).

a – материковая глина; *b* – подземная часть склепа.

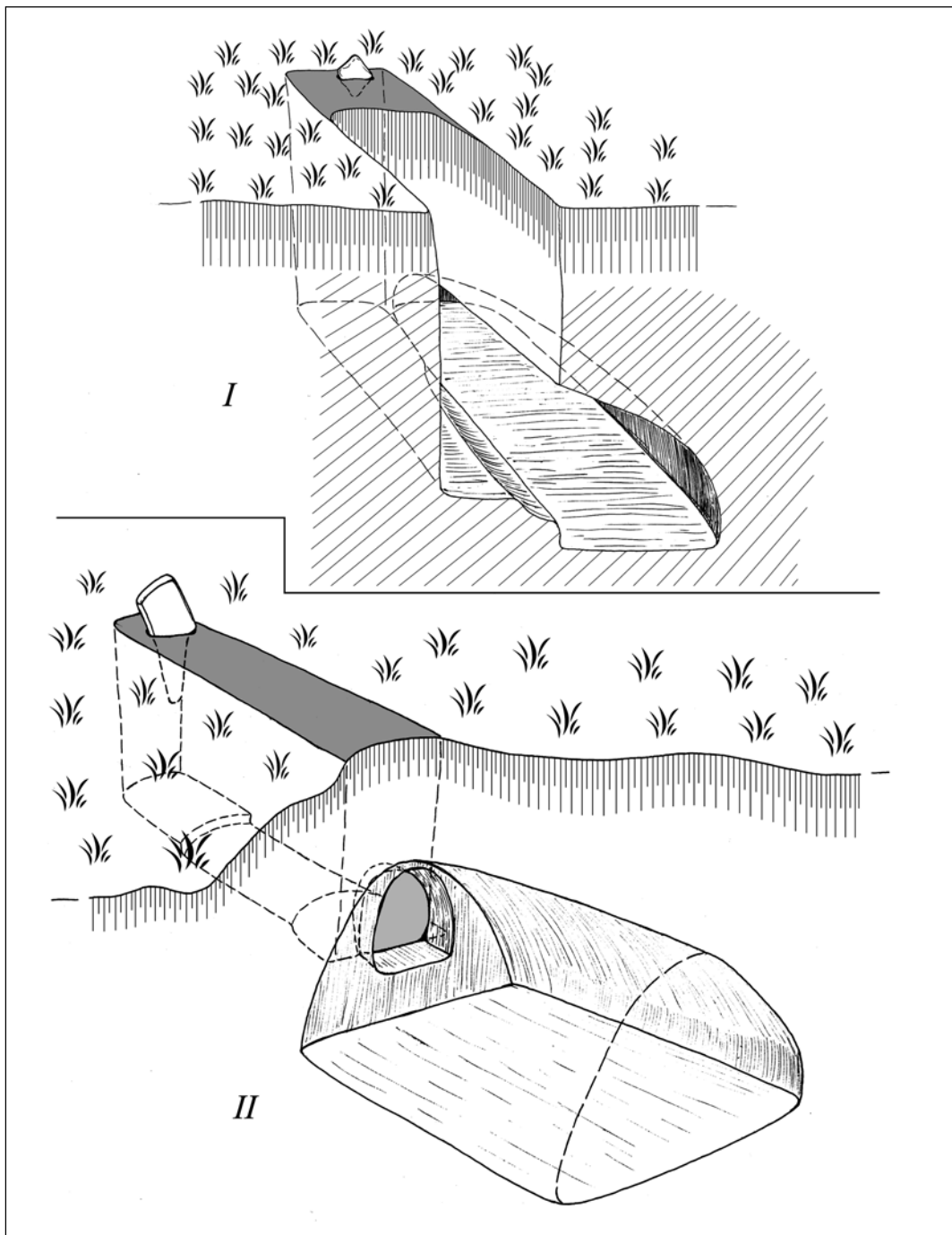

Рис. 28. Реконструкции подбойной могилы 368 (I) и склепа 378 (II).

I

II

Рис. 29. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен.

I – вид с юга. 1 – южная сторона городища на плато Эски-Кермен; 2 – юго-восточный склон, на котором расположен раннесредневековый некрополь; 3 – место раскопок 2006-2008 гг.

II – вид с плато, со стороны восточной калитки. 1 – место раскопок 2006-2008 гг.

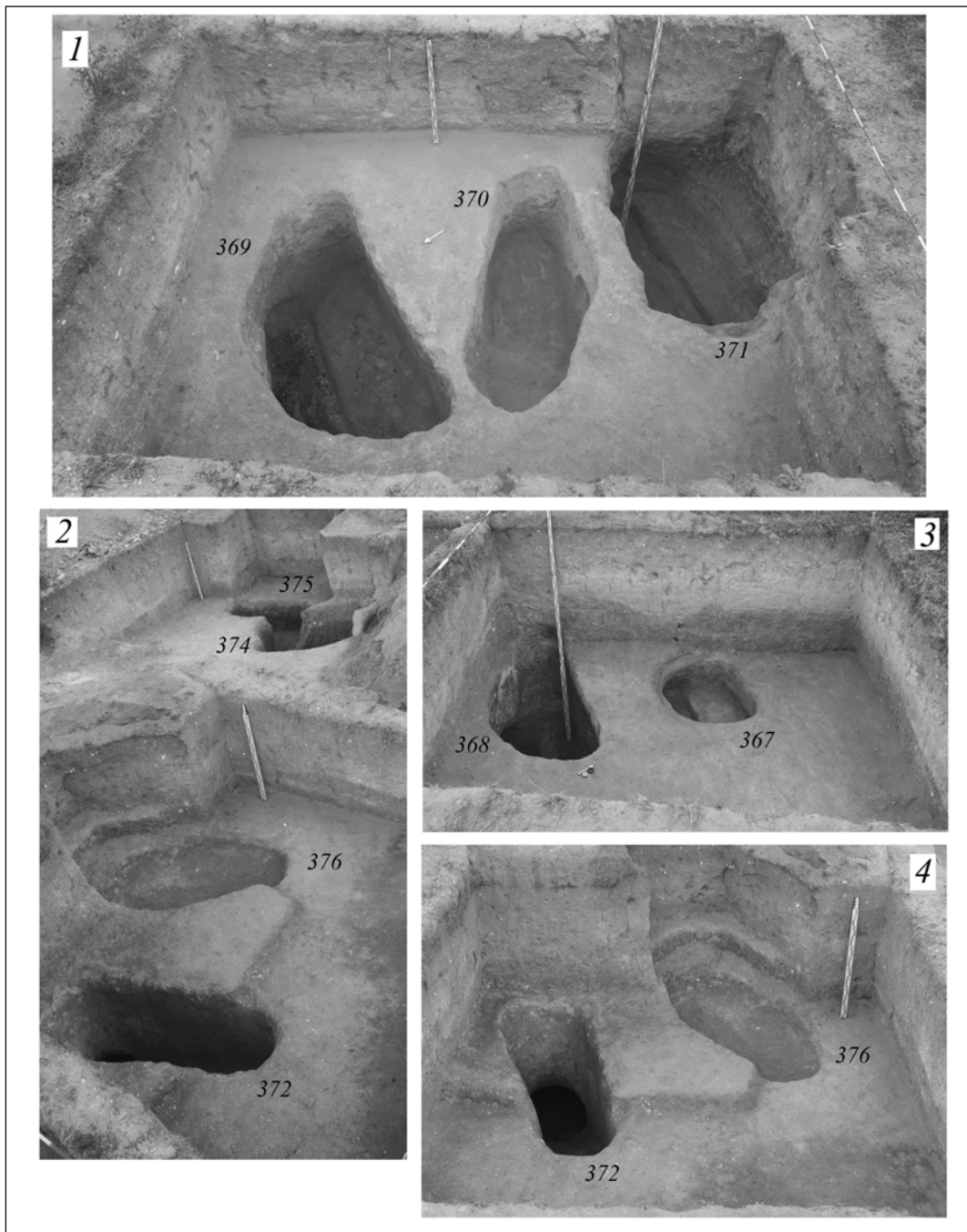

Рис. 30. Общие виды раскопов 2008 г.:

1 – № 103; 2 – №№ 104 и 105; 3 – № 102; 4 – № 104.

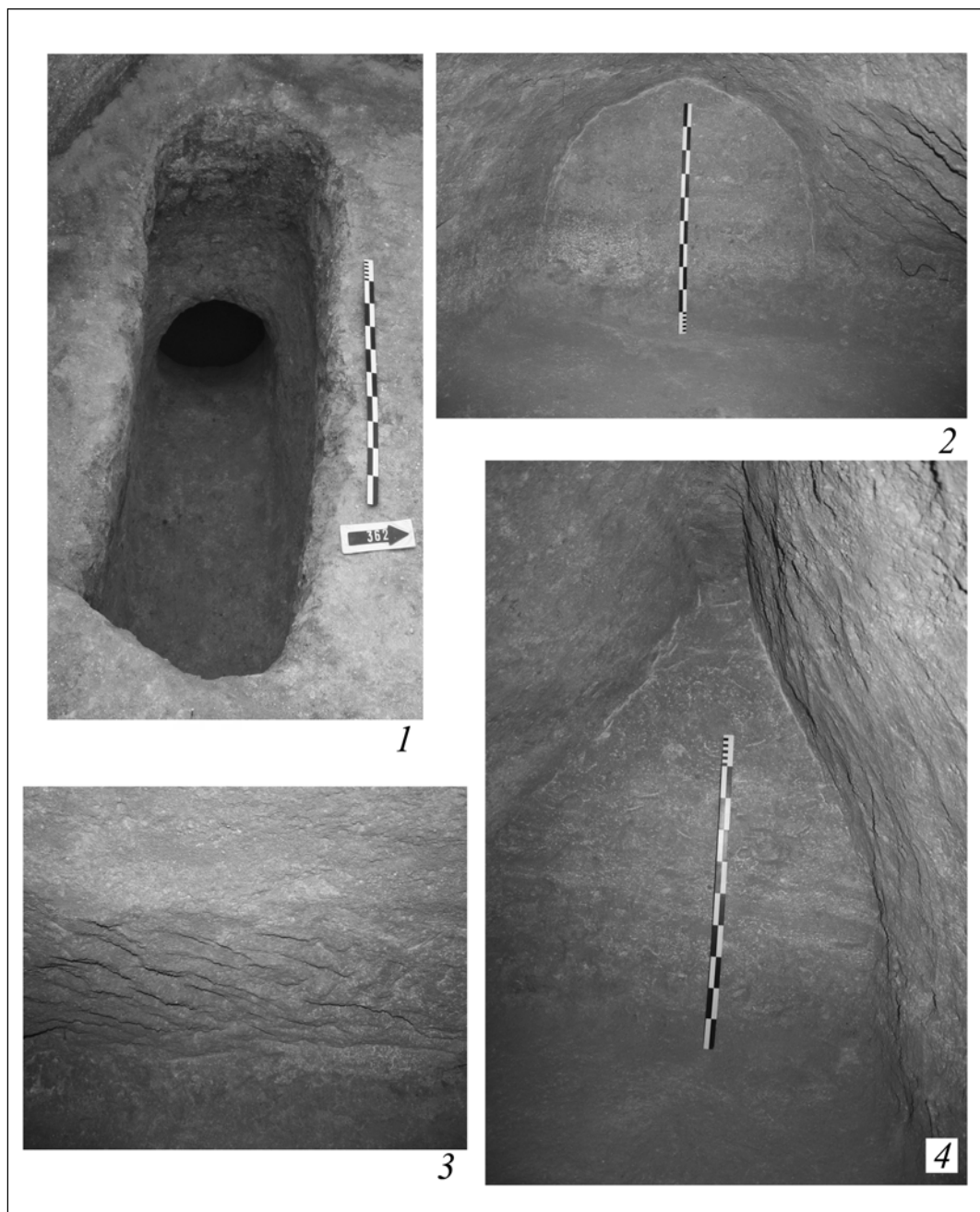

Рис. 31. Склепы 362 (1-3) и 363 (4).

1 – дромос склепа 362; 2 – западная часть камеры склепа 362; 3 – стена камеры склепа 362 со следами инструмента, которым она была выбрана в глине; 4 – камера склепа 363.

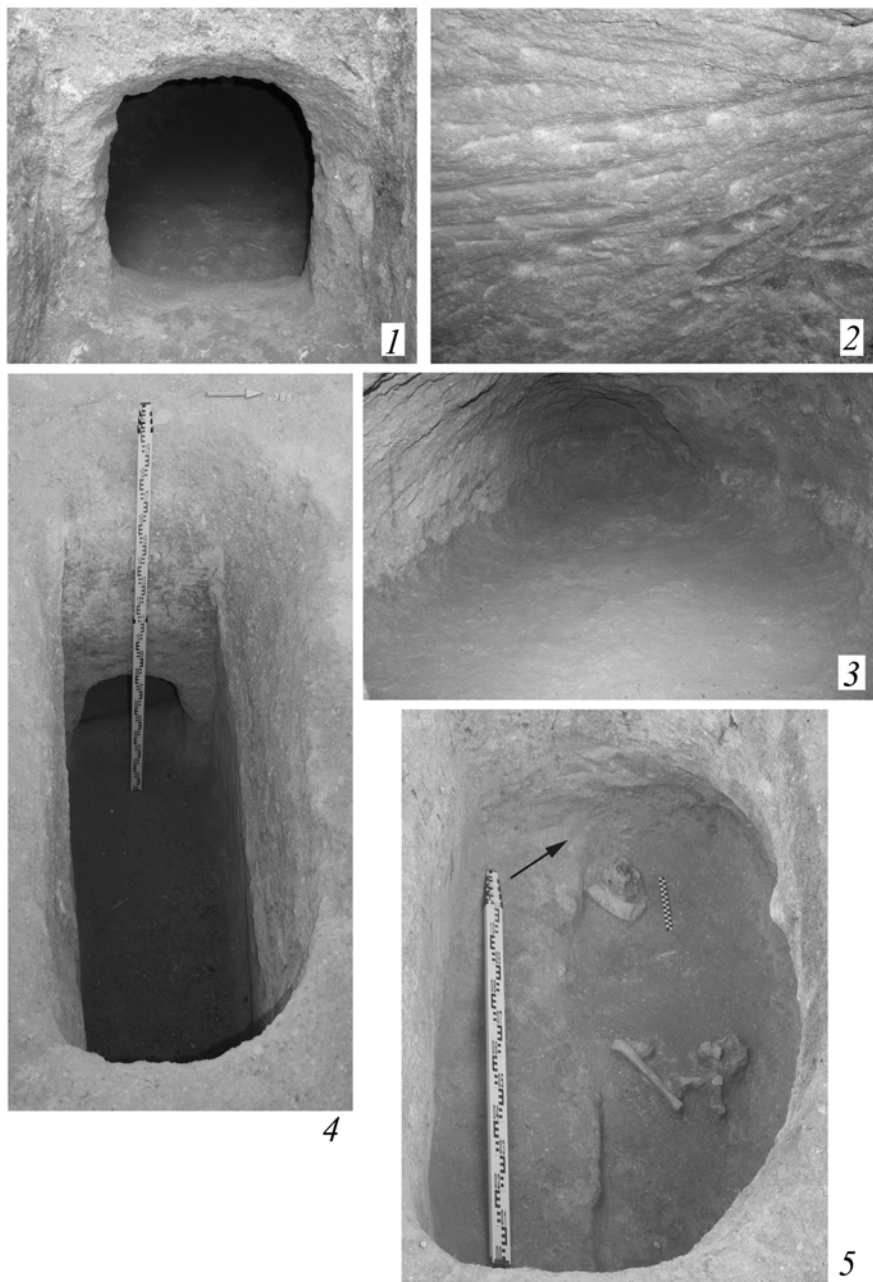

Рис. 32. Склепы 364 (1, 2), 365 (3, 4) и подбойная могила 366 (5).

1 – вход в камеру из дромоса склепа 364; 2 – следы инструмента на стенах камеры склепа 364; 3 – камера склепа 365; 4 – дромос склепа 365.

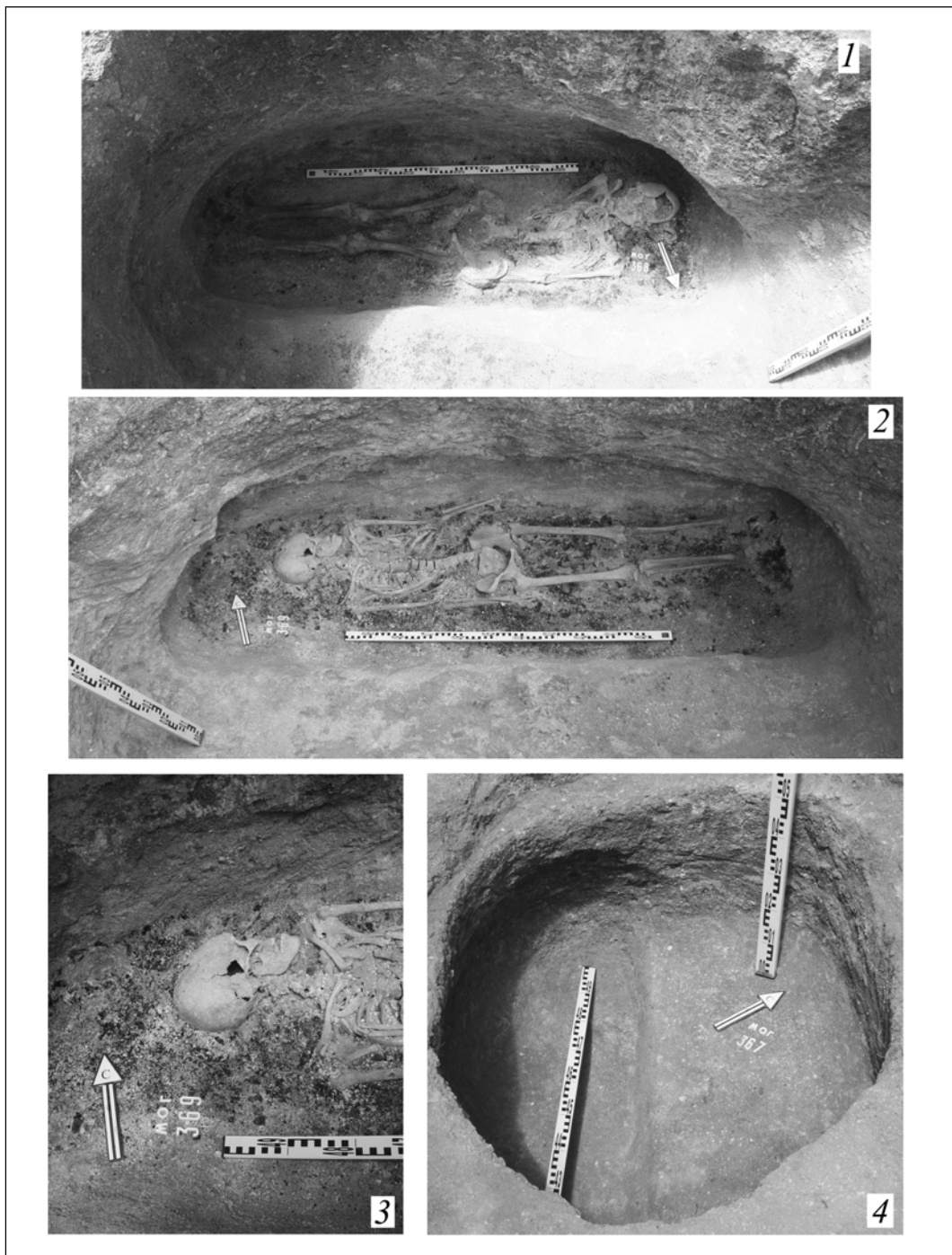

Рис. 33. Подбойные могилы 368 (1), 369 (2, 3) и 367 (4).

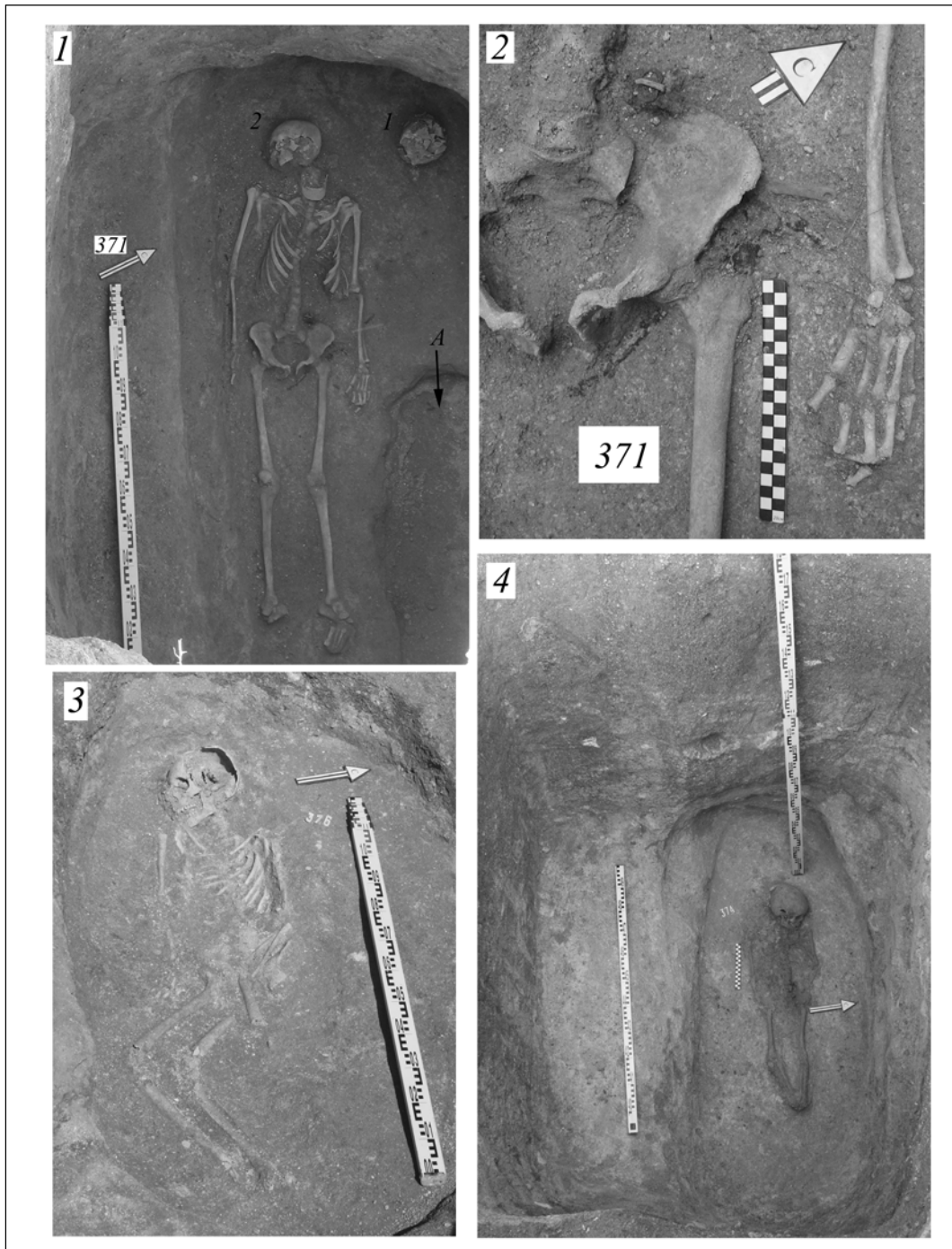

Рис. 34. Подбойные могилы 371 (1, 2), 374 (4) и 376 (3).

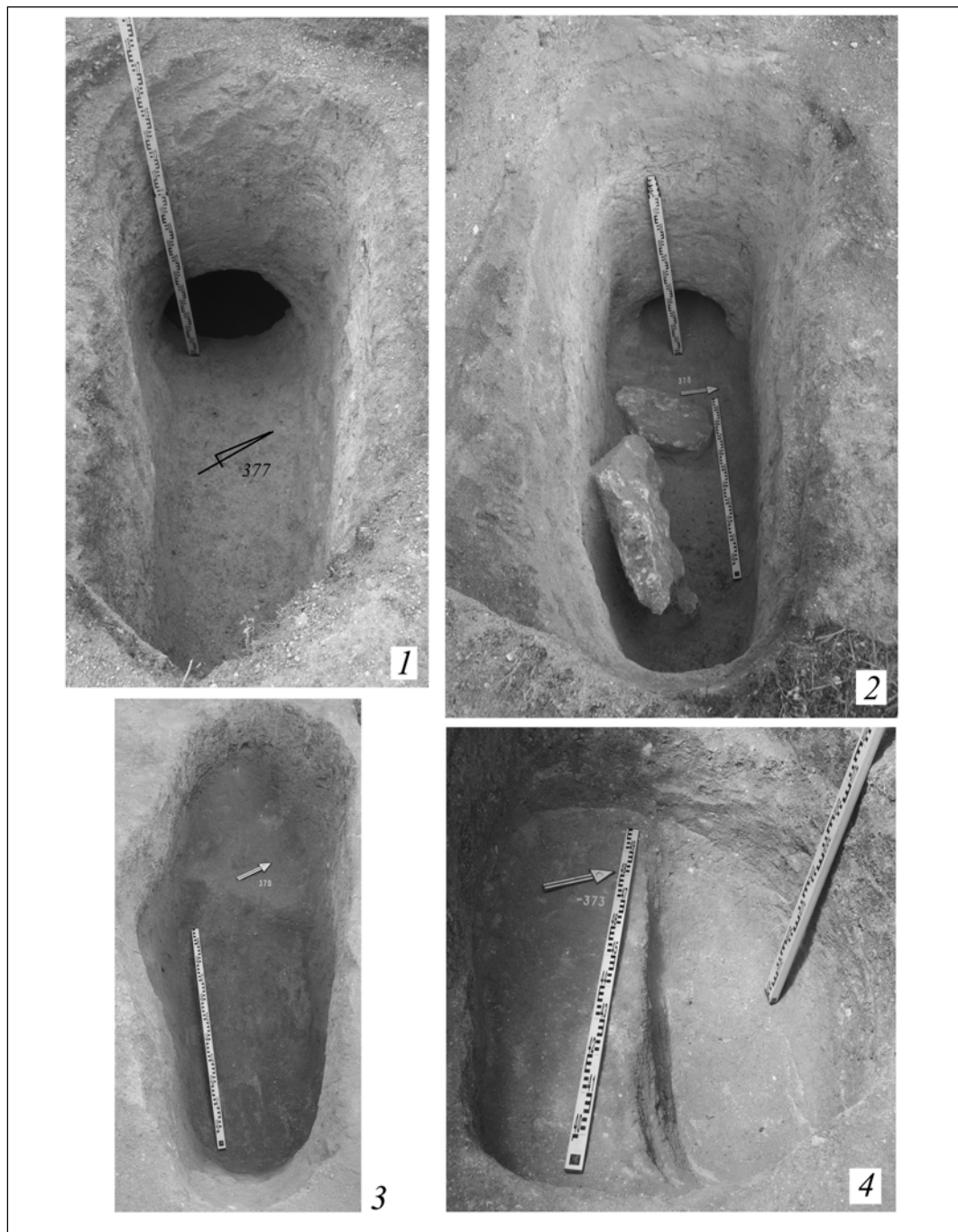

Рис. 35. Дромосы склепов 377 (1) и 378 (2), недокопанное погребальное сооружение 370 (3) и подбойная могила 373 (4).

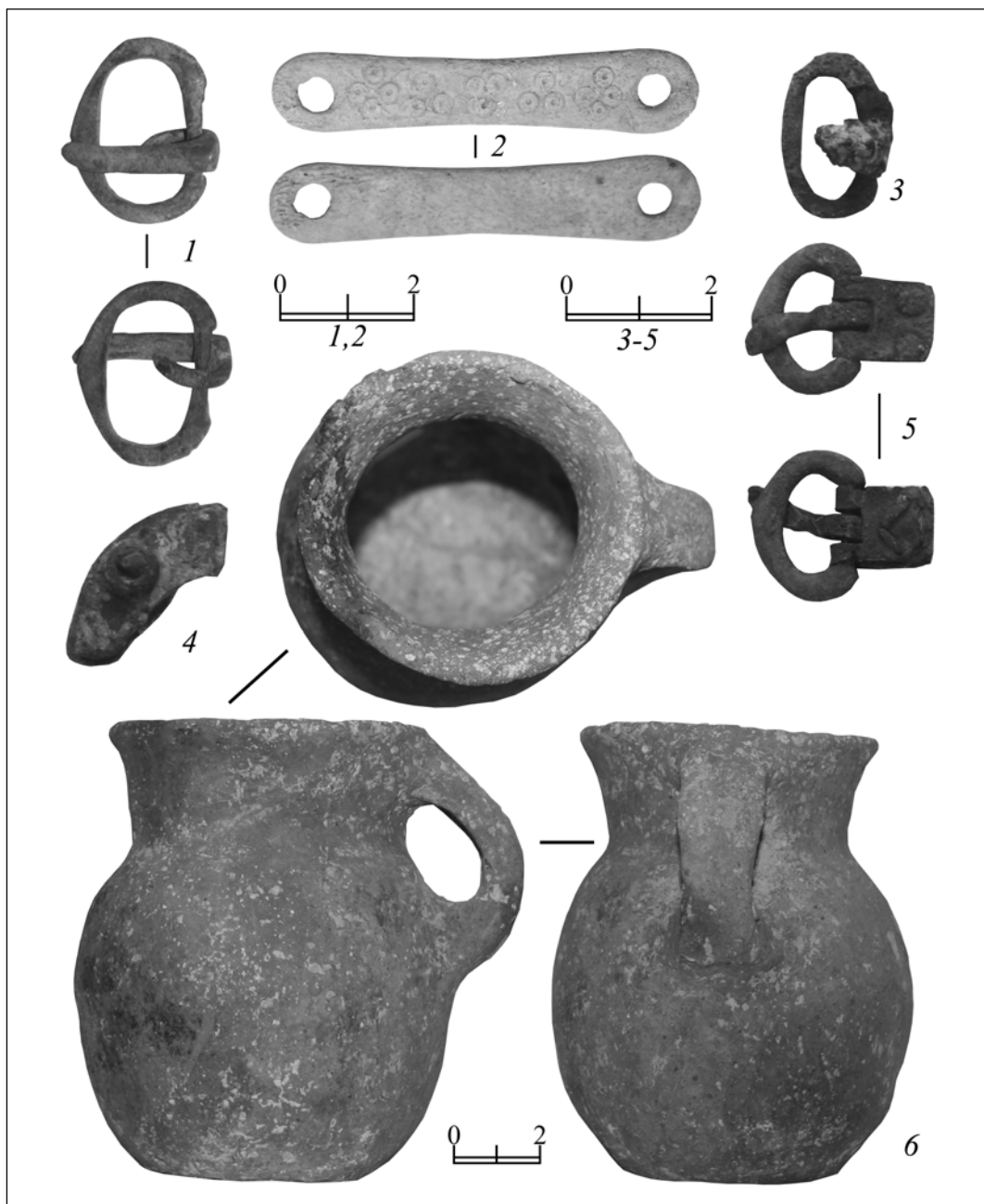

Рис. 36. Находки из склепов 362 (3, 5), 363 (4), 364 (6) и из подбойной могилы 371 (1, 2). 1, 5 – бронзовые треугольнорамчатые пряжки 1 варианта; 2 – костяная накладка от поясной сумочки; 3 – овальная бронзовая пряжка; 4 – фрагмент язычка орлиноголовой пряжки; 6 – лепная кружка.

А. И. АЙБАБИН

ГОРОДИЩЕ НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА ХАЗАР В КРЫМУ

Исследователи высказывали противоречивые суждения о дате захвата хазарами городища Эски-Кермен. А.А. Васильев [1, р. 81], а вслед за ним и А.Л. Якобсон [2, с. 28] полагали, что в конце VII – начале VIII вв. хазары подчинили себе все крепости Юго-Западного Крыма. По мнению Н.И. Репникова, хазары разрушили городище Эски-Кермен и его оборонительные сооружения не ранее конца VIII в. в результате неудачного восстания Иоанна Готского, а скорее всего в IX-X вв. [3, с. 136, 137, 144, 149-150; 4, с. 181-211]. По словам Е.В. Веймарна, уже господствовавшие на полуострове хазары после подавления в 787 г. антихазарского восстания снесли все крепостные стены на плато [5, с. 53-54]. По утверждению А.Г. Герцена, крепость Эски-Кермен попала под контроль хазар в IX в. [6, с. 86-87].

Судя по рассказам Феофана и Никифора о событиях, последовавших за ссылкой в Херсон в 695 г. лишённого трона Юстиниана II, в начале VIII в. почти весь Крым принадлежал хазарам. В 704 г. Юстиниан II скрылся от преследования представителей византийской администрации в локализуемой на плато Мангуп крепости Дорос [7, с. 155, 163; 8, 42,6-8, р. 100, 101]. Там он смог обратиться к кагану Хазарии, который взял беглеца под защиту и выдал за него свою дочь [1, р. 84]. В 712 г. войска хазар заставили посланные Юстинианом II воинские подразделения под командованием патрикия Мавра прекратить осаду Херсона. Каган потребовал от ромеев дать клятву верности бегжавшему к хазарам Вардану и уплатить выкуп за каждого воина. Вардан с войском патрикия Мавра на кораблях отплыл в Византию, сверг и казнил Юстиниана II [7, с. 41, 64, 65; 8, 45,32-65]. Описанные события красноречиво характеризуют реальные позиции Византии и каганата на полуострове после 712 г. Хазары признали принадлежность Херсона империи, но подчинили себе остальную Крым. Оказавшуюся под властью хазар готскую область Дори византийцы стали называть Готией, а ее административные районы, имевшие крепость или городок с резиденцией архонта, – архонтиями или климатами

[9, р. 217-220; 10, с. 210, 211; 11, с. 616]. Очевидно, архонта Дороса каган назначил правителем Готии и поручил ему сбор дани. Центром одной архонтии или климата стала крепость на плато Эски-Кермен [10, с. 211].

В начальный период хазарского господства, до выступления против них местных правителей, в жизни обитателей поселений и крепостей Готии не произошло каких-либо существенных изменений. Каган, относясь благосклонно к христианам, не препятствовал функционированию христианских общин и образованию на территории Хазарии новых епархий. В первой половине VIII в. была создана Готская епархия [11, с. 617]. В написанном между 815 и 842 гг. «Житии Святого Иоанна Готского» [12, р. 115] говорится об участии в иконоборческом соборе 754 г. неназванного епископа Готии [13, с. 416; 14, р. 70-71].

На плато функционировали возведенные после 581 г. [15, с. 137] оборонительные сооружения и базилика. Жилые и хозяйственные постройки этого периода, так же, как и более ранние, были уничтожены или перестроены в поздневизантийский период (рис. 1). Немногочисленные находки этого периода встречены в слоях, перемещенных к оборонительным стенам. Одна из них – византийская бронзовая цельнолитая пряжка с крестовидным щитком варианта II-7-4 конца VII – первой половины VIII вв. – извлечена из заполнения траншеи, выкопанной экспедицией Н.И. Репникова у внешней стороны восточной оборонительной стены [15, с. 133, рис. 6,2; 16, с. 58, 61, рис. 30,4].

Раскопанные на территории некрополя захоронения первой половины VIII в. подтверждают продолжение жизнедеятельности на плато в рассматриваемое время [17, рис. 2]. С начала VIII в. у живших на плато алан и готов наряду с византийскими вещами вошли в моду украшения и детали поясных наборов уральского круга. В поясной набор из захоронения первой половины VIII в. в склепе 181 наряду с византийскими цельнолитыми пряжками варианта II-5 [16, с. 61, рис. 30,6] с прорезным трилистником на щитке (рис. 2,1) и варианта II-7-4 [16, с. 58, 61, рис. 30,4] с крестовидным щитком (рис. 2,8) лежали цельнолитые прямоугольные (рис. 2,2-6) и подковообразная (рис. 2,7) бляшки, подобные уральским [18, с. 175, рис. 4,1-8]. По прототипам из названного региона отлиты и бляшки из склепов 338 (рис. 2,11,12) и 339 (рис. 2,9,10) [19, рис. 53,8,9,33,36]. Штампованная бляшка из склепа 52 (рис. 2,13) [20, рис. 40,4] близка южносибирским [21, табл. XII,2; XIX,2; XXIV,5].

Строительные остатки и культурный слой интересующего нас времени в 2003-2007 гг. прослежены в процессе раскопок квартала, расположенного на восточной стороне главной улицы городища и у восточного участка оборонительной стены (рис. 1). На территории квартала раскопаны остатки четырех усадеб (рис. 3).

В юго-восточной части квартала зачищены участки цоколя и постелей стен часовни, в скальном полу которой выявлены высеченные в скале: в апсиде – нижняя часть ямы тарапана для слива отжатого виноградного сока,

в юго-восточном углу – давяльня, а у входа – пифосовидная зерновая яма (рис. 4; 5).

Яма тарапана (рис. 4; 5) в плане трапециевидная с вертикальными стенками, ровным дном (размеры 0,85x0,75 м, глубина 0,52 м) и сливным каналом (длина 0,36 м, ширина 0,06 м).

Давильня (рис. 4; 6-7) состояла из двух прямоугольных в плане с закругленными углами ям (длина большей ямы 1,94 м, ширина 1 м, глубина 0,4 м, длина меньшей ямы 0,78 м, ширина 0,55 м, глубина 0,26 м). Вероятно, в ней был установлен давяльный пресс. Меньшая часть давяльни использовалась для сбора жидких продуктов. Северо-западная часть большой ямы была перекрыта массивной плитой, на которую поставили северо-восточный угол часовни. Видимо, после сооружения часовни в яме давяльни осуществили два захоронения. В верхнем слое заполнения зачищены остатки скелета младенца и стеклянная подставка от рюмки (рис. 6,1), лежавшие на пятисантиметровой прослойке темной земли. На дне вырубки найдены остатки погребения взрослого (рис. 6,7), похороненного вытянуто на спине, головой на северо-запад, с согнутыми в локтях руками и перекрещенными кистями. В области пояса лежал лепной кувшинчик (рис. 6,2), подобный найденным в Херсоне в слоях IX-X вв. [22, с. 80, рис. 48,3].

Очевидно, часовню построили до совершения описанного захоронения – не ранее IX в. При возведении часовни в результате перепланировки находившейся на этом месте усадьбы III снесли ее двор, в котором находились упомянутые выше тарапан, давяльня и пифосообразная зерновая яма. Одновременно были уменьшены размеры соседнего помещения 1, а его новую стену сложили поверх одной из кормушек для домашнего скота. Приведенные факты позволяют предположить, что усадьбу III построили в хазарский период.

Скорее всего, к этому же периоду можно отнести тарапан (общая длина 3,6 м), зачищенный в том же квартале в скальном полу усадьбы I (рис. 8). Трапециевидная в плане давяльня (длина 2,1 м, ширина 1,4 м) выявлена в восточном углу помещения 1. Ее дно понижается в сторону ямы для слива сока (глубина от уровня пола 0,25-0,6 м). На дне высечены две неглубокие ямы, заполненные слоем стерильной глины. Высеченная в скале овальная в плане яма для слива сока (размеры 0,7x0,84 м, глубина 0,5 м) обнаружена близ южного угла помещения 2. С северо-восточной стороны она обрамлена небольшим скальным бортиком. В скальной стенке, разделяющей давяльню и яму для сока, на высоте 0,4 м от дна пробит сливной канал (диаметр 0,17 м), обрамленный двумя бортиками. При сооружении упомянутых помещений усадьбы I обе части тарапана засыпали плотным грунтом, а поверх давяльни возвели разделяющую помещения 1 и 2 стену 3.

Третий, аналогичный описанному выше, вырубленный в скале тарапан (рис. 9) экспедиция Н.И. Репникова раскрыла в 1936 г. рядом с усадьбой

у восточного края плато. Тарапан состоял из квадратной в плане давилыни (2,12x2,12 м) и трапециевидной в плане ямы для слива сока (1,1x0,8x0,7 м), разделенных простенком (толщина 0,28 м) со сливным каналом (диаметр 0,07 м). К сожалению, в отчете экспедиции отсутствует информация о датирующих археологических материалах, обнаруженных при исследовании тарапана [23, с. 22-23].

В рассматриваемый период внутреннюю сторону восточной оборонительной стены засыпали слоем гумусированного грунта, который перекрыл дневную поверхность конца VI – VII вв. На вновь образованной дневной поверхности соорудили усадьбу. В 2006 г. были зачищены участок двора (рис. 10) с ямами (диаметр 0,8-0,9 м, глубина 0,8 м) для четырех пифосов для хранения зерна и северо-восточная часть прямоугольного подвала (ширина 1,5 м, глубина 1,6 м от современной дневной поверхности), вплотную пристроенного к внутренней облицовке оборонительной стены. Обмазанный толстым слоем глины пол подвала перекрывал слои конца VI – VII вв. [15, с. 135-136]. Северо-восточный борт котлована подвала был облицован кладкой (длина сохранившегося участка 3,5 м, ширина 0,7 м, высота 1,0-1,2 м), сооруженной в перевязь с плитой перекрытия оборонительной стены. Двурядная кладка сооружена из бутового камня на земляном растворе без фундамента. Основание западной части сложили на вырубленном в предшествующий период в материковой скале водостоке.

О дате разрушения усадьбы дают представление находки из засыпи подвала и ям для пифосов. Из заполнявшего подвал гумусированного грунта помимо бытовавших в ранневизантийский период фрагментов амфор типа Якобсон 9 или LR 1, амфор типа 5 по херсонесской классификации, амфор типа 1 по Якобсону, амфор с сужением корпуса типа Якобсон 7 [15, с. 135-137; 24, с. 108-109] извлекли фрагменты амфор причерноморского типа второй половины VIII – первой половины XI вв., гончарных ойнохой конца VI – первой половины XI вв. [25, pl. 35,6-11; 26, p. 208, fig. E,37-40; 27, p. 11, fig. 3,3; 17, с. 123, 124, 125, рис. 7,3,7,16,18; 28, с. 172, 173, рис. 7,1-3; 29, с. 123, 124; 30, с. 320, рис. 6,1,2], одновременного кувшина с воронковидным горлом и стеклянного браслета. Однотипные браслеты распространились в Крыму в конце IX – X вв. [31, с. 46-47; 30, с. 326].

В одной из ям сохранилось дно пифоса. Из заполнения ям 1 и 2 извлечены фрагменты амфор типа 5 по херсонесской классификации, амфор с рифлением типа набегающей волны, амфор причерноморского типа, гончарных кувшина с воронковидным горлом, ойнохой и высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Судя по керамике из засыпи ям и подвала, их разрушили одновременно в конце X в.

Время засыпки оборонительной стены определяется по керамике из обкладки стены и глиняного пола подвала.

В земляном растворе обкладки стены подвала найдены как фрагменты амфор, встреченных в рассмотренных выше слоях первого периода, типа

Зеест 95, амфор типа Якобсон 9 или LR 1, амфор типа 1 по Якобсону, так и причерноморской амфоры 1 варианта и лепных сосудов. В данном комплексе самым поздним является фрагмент стенки причерноморской амфоры 1 варианта с поясом зонального рифления, выполненного мелким зубчатым штампом, аналогичной бытовавшим во второй половине VIII – первой половине XI вв. [22, с. 30, 31, рис. 12,1-6; 32, р. 35].

В глиняном полу подвала, помимо фрагмента стенки амфоры типа 5 по херсонесской классификации [22, с. 11, рис. 3,6], обнаружены фрагменты причерноморских амфор 1 и 2 вариантов [22, с. 30, 31, рис. 12,1-6; 13,1,2; 10, с. 192, 194, 205, 218; 32, р. 35, 43].

В растворе обкладки стены подвала и в его глиняном полу отсутствуют изготовлявшиеся со второй половины [33, с. 104; 34, с. 74; 32, р. 35] или с последней трети [30, с. 318-320] IX в. высокогорлые кувшины с плоскими ручками. Очевидно, в начальный период бытования причерноморских амфор – во второй половине VIII в. – внутреннюю сторону оборонительной стены засыпали до плит ее перекрытия и пристроили к ней хозяйственный комплекс с упомянутым выше подвалом [15, с. 136]. Тем самым стена из оборонительной была превращена в подпорную.

Предлагаемая дата позволяет связать засыпку восточной оборонительной стены с последствиями антихазарских волнений в Готии. В тексте «Жития Святого Иоанна Готского» рассказывается о том, что после состоявшегося в 787 г. в Никее VII Вселенского собора, восстановившего иконопочитание, епископ Готии был выдан хазарским властителям. По словам автора жития, епископ Иоанн примкнул к заговору господина Готии и ее народа против захвата хазарами Готии. Хазарский каган ввел в столицу Готии Дорос хазарский военный отряд. Не желая с этим мириться, епископ Готии Иоанн вместе с господином Готии, его архонтами и ее жителями восстали, изгнали хазар из Дороса и овладели горными проходами. Хазары подавили восстание. Каган пощадил господина Готии, но казнил семнадцать крестьян. Иоанна же отправили в хазарскую тюрьму в Фулы, из которой он бежал в Амастриду [13, с. 397-398; 14, р. 80-81].

Однако изложенная в житии последовательность событий противоречит информации, содержащейся в протоколах VII Вселенского (II Никейского) собора. Протоколы первого и третьего заседаний монах Кирилл подписал по поручению епископа Готии Никиты [35, XII,994C; XIII,384B], а решение четвертого заседания – за епископа Готии Иоанна [35, XIII,137B]. В протоколах седьмого заседания в подписи Кирилла вместо имени представляемого им епископа написано название города Никополь. В латинском переводе Анастасия имя епископа исправлено на Niceri [35, XIII,384]. По предположению В.Г. Васильевского, в протоколе седьмого заседания по ошибке вместо имени епископа Никиты вписали название города [13, с. 396-417]. По мнению А.А. Васильева,

упоминание в актах двух епископов отражает существовавшую в Готии ситуацию. Поскольку плененный хазарами Иоанн не смог прибыть на собор, то его представлял монах Кирилл. Но вскоре Никита вместо Иоанна занял епископскую кафедру в Готии. У Никиты имелось достаточно времени, чтобы прибыть в Константинополь и принять участие в соборе [1, р. 91-92]. По словам Ж. Даррузэ, епископом Готии был либо Иоанн, либо Никита [36, р. 19]. М.-Ф. Озепи, отметив, что подписи в актах II Никейского собора фиксируют двух епископов Готии – Иоанна и Никиту, согласилась с предложенным А.А. Васильевым объяснением этого факта [37, р. 275-276]. Э. Ламберц вновь проанализировал документы VII Вселенского (II Никейского) собора и доказал, что упоминание в одной из подписей Иоанна, скорее всего, заимствовано в более позднее время из текста «Жития Святого Иоанна Готского». Как явствует из исследования Э. Ламберца, во время работы собора епископом Готии являлся Никита [38, р. 31, 46, 47]. Очевидно, епископ Иоанн участвовал в восстании против хазар и был заключен в тюрьму не по окончании заседаний VII Вселенского (II Никейского) собора, а до его созыва (но после 784 г.). Новым епископом Готии назначили Никиту. Его и представлял на заседаниях собора монах Кирилл.

М.-Ф. Озепи и К. Цукерман предложили другую дату восстания. Согласно тексту жития, Иоанн вернулся на кафедру Готии после того, как по разрешению императрицы Ирины встретился в Константинополе с патриархом Павлом (незадолго до его кончины в 784 году) для дискуссии о возврате к иконопочитанию [13, с. 410-412]. По мнению М.-Ф. Озепи, Иоанн отправился в Константинополь не для дискуссии об иконах (чей возврат он вряд ли ожидал), а для обсуждения вооруженного конфликта, который противопоставил Готию Хазарии [39, р. 328-329; 14, р. 74]. По утверждению К. Цукермана, житие представляет события таким образом, что понять их становится сложным. По его предположению, восставшие против хазар правители Готии рассчитывали на помощь Византии. За ней Иоанн в 784 г. и отправился в Константинополь, но в своей миссии не преуспел, и после его возвращения в Готию ее народ сдал Иоанна хазарам. Византия, отказавшись поддержать восставших, избежала напряженности в отношениях с хазарским каганатом. К. Цукерман считает признание VII Вселенским собором преемника Иоанна, Никиты, законным архиепископом Готии первым признаком разрядки византийско-хазарских отношений [40, р. 217]. Однако для предположений о дипломатическом характере поездки Иоанна в Константинополь и датировки восстания 784 г. в тексте жития отсутствуют какие-либо основания.

Господин и архонты Готии после подавления антихазарского восстания были пленены хазарами, а затем отпущены [13, с. 416]. Вероятно, тогда же по приказу хазарского военачальника и была засыпана восточная оборонительная стена Эски-Кермена.

Недавно опубликованная хранящаяся в архиве Института истории мировой

культуры РАН (Санкт-Петербург) фотография строительной надписи из Юго-Западного Крыма говорит о толерантном отношении правителей Хазарии к населению Готии. В основной части надписи А.Ю. Виноградов и А.В. Комар прочли: «В царствование (?) ...ута хагана Иза (?) тудуна, ...освящается и устроен (?) храм Божий 14 апреля...». В публикации надпись безосновательно связана с храмом, впервые открытым и раскопанным в 1974 г в селе Поворотное (Севастопольский горсовет). Авторы не обратили внимания на подпись на сделанной в 1940 г. фотографии: «Обломок камня в Бахчис. Муз. Пещ. Городов» [41, с. 42, 43, 48, 51]. В этот музей поступали находки из раскопок совместных экспедиций музея и ГАИМКа на Мангупе и Эски-Кермене. Мангупская экспедиция работала в 1938 г., а материалы публиковались в 1953 г. Один из ее руководителей А.Л. Якобсон неоднократно обращался к материалам и не оставил бы без внимания надпись. Эски-Керменская экспедиция в 1937 г. была внезапно ликвидирована, а ее руководитель Н.И. Репников уволен. В последний год работы экспедиция вела раскопки не только на плато, но и обследовала близлежащие средневековые памятники. После закрытия экспедиции ее сотрудники не успели завершить полную обработку материалов раскопок и подготовить их публикацию. Большую часть материалов экспедиции сразу после окончания полевых работ сдали в Бахчисарайский Музей Пещерных Городов. Не исключено, что экспедиция передала в музей и рассматриваемую надпись. Авторы статьи справедливо считают надпись весомым аргументом в пользу господства хазар в Готии. Другие же выводы авторов весьма спорны. Конечно же, каган лично не участвовал в подавлении антихазарского восстания в Готии. Об этом ничего не сказано и в «Житии Святого Иоанна Готского». Вряд ли после усмирения восстания хазарскую администрацию в Готии возглавил тудун. Тексты житий и письмо Федора Студита свидетельствуют о сохранении в Готии после подавления антихазарского восстания уже существовавшей административной системы. Игнатий (умер вскоре после 845 г.) в житии патриарха Никифора (808-815 гг.) [12, р. 121-122] возмущался поведением правителя народа Таврических климатов [42, р. 160; 43, р. 273]. Патриарх Никифор встречался с правителем Готии в 808 г. в Константинополе [44, р. 37, п. 377а; 43, р. 273]. В написанном в 808 г. письме Федор Студит возмущался распутным поведением нарушившего церковные правила архонта Готии и ее климатов [45, р. 88]. Как мы видим, византийцы называли главу принадлежавшей хазарам Готии неофициальным, отсутствующим в византийских табелях о рангах термином «архонт Готии и ее климатов» и «правитель народа Таврических климатов» [10, с. 210-211]. Рассматриваемую строительную надпись местный автор вырезал в возникшей на полуострове еще в античное время форме «в правление таких-то...» (в нашем случае – кагана и тудуна). Упоминание в таких надписях правителей империи или ее провинций вовсе не означало, что их резиденция находилась в каком-либо городе или укреплении в Юго-Западном Крыму.

В ходе восстания боевые столкновения происходили в основном в Доросе. Другие городища, в том числе и расположенное на плато Эски-Кермен, не пострадали. Судя по зачищенным на территории некрополя многочисленным захоронениям хазарского времени, численность населения городища, по крайней мере, не сократилась.

На некрополе и после антихазарского восстания погребали в склепах и могилах традиционных для Готии конструкций, в инвентаре преобладали пряжки и украшения византийского круга. Только в семи склепах (54, 182, 210, 216, 220, 249, 290) помимо названных находок обнаружены пряжки и украшения, характерные для салтовской культуры, созданной полиэтничным населением Хазарского каганата. В склепе 210 наряду с железным кресалом (рис. 11,8), византийскими серьгами (рис. 11,1-4) и нательным крестом (рис. 11,5) нашли салтовские пуговицу (рис. 11,9), гладкий бубенчик (рис. 11,10) и бронзовую подвеску-коробочку для хранения благовоний из двух половинок, называемую в литературе «самоварчиками» (рис. 11,7), однотипные входящим в состав крымских комплексов IX в. [17, рис. 2,34,40]. Тогда же такие бубенчики и коробочки использовались на территории салтовской культуры [46, с. 106, 168-172, рис. 55; 57]. В склепе 249 вместе с византийскими пряжками, серьгами и нательным крестом лежала салтовская поясная бляшка (рис. 12,17).

Происходящая из склепа 54 цельнолитая пряжка (рис. 12,14) по форме сегментовидной рамки, язычка с массивным передним концом и щитка подобна салтовским пряжкам второй половины VIII в. варианта I-7 [47, с. 230, рис. 1,23; 16, с. 65, рис. 32,1; 48, с. 139, рис. 7,24].

Цельнолитые пряжки со свойственными для салтовских пряжек выпуклыми утолщениями в месте перехода рамки в полукруглый щиток с рельефным растительным орнаментом и язычком с массивным передним концом из склепов 220 (рис. 12,22) и 290 (рис. 12,12) [31, рис. 4,17,22] и из Лучистого из могилы 255 [16, с. 65, рис. 32,2] объединены в вариант I-8 по типологии крымских салтовских поясных наборов [47]. Датировка пряжек определяется по аналогиям из Прикубанья с территории старокорсунского могильника салтовской культуры из погребений второй половины VIII – первой половины IX вв. [49, с. 201, рис. 7,3; 10,56].

Салтовская пряжка варианта II-1 (рис. 12,15) [47, с. 230] из склепа 182 аналогична найденным в захоронениях второй половины VIII – IX вв. в Лучистом в верхнем слое склепа 54 и в могиле 15 [16, с. 65, 67, рис. 32,10,21], в Скалистом в склепах 199, 241, 290 и 384 [47, рис. 1,9,12; 17, рис. 2,30] и на некрополях салтовской культуры [46, с. 172, рис. 86; 50, с. 182, рис. 3,2; 4,5].

Цельнолитая пряжка (рис. 12,16) из склепа 183 близка салтовским вариантам II-2, известным на могильниках салтовской культуры [47, с. 230, рис. 1,15,16; 31, рис. 4,21].

Шарнирную пряжку со щитком (рис. 12,11), отлитым с элементами декора, характерного для салтовской поясной гарнитуры, из склепа 216 [31, рис. 4,19] следует выделить в IV тип салтовских пряжек. Шарнирная пряжка данного типа из Скалистого из склепа 204 входила в состав ременного гарнитура с салтовскими бляшками [47, с. 232, рис. 3,28-33].

В могиле с заплечиками 243 (длина 0,3 м, ширина 0,3 м, глубина от современной дневной поверхности 0,9 м), выкопанной в предматериковом грунте, среди истлевших костей младенца, ориентированного черепом на северо-запад, найдены раковина каури (рис. 12,3), салтовские гладкий бубенчик (рис. 12,5), пуговица (рис. 12,4), накосник (рис. 12,6), перстень со стеклянной вставкой (рис. 12,8), закрепленной крестообразно расположенными лапками, подвеска от накосника, аналогичная уральским (рис. 12,2) [51, табл. VII,27; 52, рис. 15,7], византийские серьга (рис. 12,1) и перстень с припаянным щитком с пуансонным изображением головы Медузы Горгоны (рис. 12,9). По инвентарю могила датирована первой половиной IX в. [17, с. 125, рис. 2,21,34,35; 5,10,11,14,22; 6,2,16]. По конструкции могила близка раскопанным на салтовских могильниках в Юго-Восточном Крыму на холмах Кордон-Оба и Тепсень [17, с. 129].

Как показывают рассмотренные материалы, этнический состав населения городища в хазарский период практически не изменился. Скорее всего, большую часть салтовских вещей жители городища купили. Только одну детскую могилу 243 можно связать с носителем салтовской культуры.

Экономику городища в хазарский период характеризуют приведенные выше археологические свидетельства. В усадьбах этого времени имелись зернохранилища, кормушки для домашних животных и тарапаны. Жители городища на плодородных землях, прилегающих к плато долин, выращивали злаки, возделывали сады и виноградники, а также содержали домашний скот. Сам факт выявления тарапанов в двух усадьбах, из четырех исследованных в 2003-2008 гг., указывает на популярность среди жителей городища виноделия.

Хазарский период в истории городища завершился после возвращения климатов Готии под контроль Византии. В середине 830-х гг. венгры изгнали хазар из степей Северного Причерноморья. Продолжатель Феофана сообщает о прибытии в Константинополь через год после избрания патриархом Иоанна Грамматика (838 г.) [53, р. 313, 448; 9, р. 211] хазарского посольства с просьбой построить для них крепость для защиты от варваров, угрожавших хазарским землям [54, р. 122-123]. По поручению императора Феофила спарфорокандидат Петрона Каматир зимой 840/841 гг. построил для хазар крепость Саркел. По повелению императора Феофила в Юго-Западном Крыму была образована новая фема с центром в Херсоне [55, с. 171-173], названная в Тактиконе Успенского фемой Климатов [56, р. 41, 48, 49]. Видимо, ее создали летом 841 г. [9, р. 214]. Вероятно, Византия, пользуясь установлением союзнических отношений с хазарами, решила вернуть климаты Готии под свое

управление. Другие районы полуострова остались под контролем хазар. Быть может, с организацией фемы связаны перестройка цитадели Баклы и обороны Мангупа, строительство новой крепости в долине р. Бельбек на высоком плато Сьюрень у села Малое Садовое [10, с. 216, 218].

Новая обстановка на полуострове отразилась и в житии Константина-Кирилла Философа, возглавлявшего в 860-861 гг. миссию, отправленную из столицы империи через Херсон к хазарскому кагану. Прибыв в Херсон, он узнал о нападении хазар на один из христианских городов и отправился на переговоры с «воеводой» хазар, осадившим город. Вряд ли бы хазары совершили набег на принадлежавшую им крепость [57, с. 126, 127, 158].

В последней четверти IX в. Византии уже принадлежал весь Крым. На дату ликвидации хазарского правления в Крыму указывает письмо патриарха Фотия, отправленное в 873 г. архиепископу Боспора. В нем выражена поддержка стремлению последнего крестить всех евреев Боспора [58, р. 132]. В городе, принадлежавшем хазарам, никто и не помышлял бы о такой акции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vasiliev A.A. *The Goth in the Crimea*, Cambridge, 1936.
2. Якобсон А.Л. *Средневековый Крым*. М.; Л., 1964.
3. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. Л., 1932. Вып. XII.
4. Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. Л., 1932. Вып. XII.
5. Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена // *История и археология средневекового Крыма*. М., 1958.
6. Герцен А.Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западного Крыма // *АДСВ. Симферополь*, 1995. Вып. 27.
7. Чичуров И.С. *Византийские исторические сочинения*. М., 1980.
8. Nikephoros patriarch of Constantinople short history. Text, tr. and com. by C. Mango. Washington, 1990.
9. Zuckerman C. Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson // *Byzantine and modern Greek studies*. 1997. 21.
10. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
11. Айбабин А.И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // *МАИЭТ*. 2006. Вып. XII.
12. Ševčenko I. *Hagiography of the Iconoclast period* // A. Bryer and J. Herrin, eds. *Iconoclasm*. Birmingham, 1977.
13. Васильевский В.Г. *Житие Иоанна Готского* // *Труды*. Т. II. Вып. 2. СПб., 1912.
14. Auzépy M.-F. *La vie de Jean de Gothie (BHG 891)* // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris, 2006.
15. Айбабин А.И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // *МАИЭТ*. 2007. Вып. XIII.
16. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. *Могильник у села Лучистое*. Том I. Раскопки 1977, 1982-1984 годов. Симферополь; Керчь, 2008.
17. Айбабин А.И. *Могильники VIII – начала X вв. в Крыму* // *МАИЭТ*. 1993. Вып. III.
18. Айбабин А.И. *Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму* // *Древности эпохи Великого переселения народов (V-VIII вв.)*. М., 1982.

19. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
20. Репников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. Л., 1932. Вып. XII.
21. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
22. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
23. Репников Н.И. Отчет о раскопках на Эски-Кермене в 1936 г. // Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1936, № 268.
24. Смокотина А.В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
25. Robinson H.S. Pottery of the Roman period. The Athenian Agora. Vol. V. Princeton, 1959.
26. Hayes J.W. A seventh-century pottery group // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1968. XXII.
27. Hayes J.W. The pottery. Excavations at Sarāçhane in Istanbul. Vol. 2. Princeton, 1992.
28. Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 1.
29. Седикова Л.В. Керамический комплекс второй половины IX в. из цитадели в Херсонесе // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
30. Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X века из раскопок квартала «Б» северного района Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. X.
31. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
32. Aibabin A.I. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006.
33. Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
34. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР в 20-ти т. М., 1981.
35. Mansi J.D. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. 1758-1798. Graz, 1960-1962. Т. XII, XIII.
36. Darrouzès J. Listes épiscopales du Concile de Nicée (787) // REB. 1975. Т. 33.
37. Auzépy M.-F. L'hagiographie et l'icoclisme byzantin // Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs. 1999. 5.
38. Lamberz E. Die Bischoflisten des VII. Ökumenischehen Konzils (Nicaenum II). München, 2004.
39. Auzépy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
40. Zuckerman C. Byzantium's Pontic policy in the Notitia Episcopatum // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006.
41. Виноградов А.Ю., Комар А.В. Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II.
42. La Vie de Nicéphore par Ignace le diacre. Nicephorus. Opuscula Historica. Ed. C. de Boor. Leipzig, 1880.
43. Alekséenkov N.A. Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // REB. 1996. Т. 54.
44. Grumel V., Darrouzès J. Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. I, fasc. II-III. Paris, 1989.
45. Theodori Studitae. Epistulae. Hrsg. G. Fatouros // Corpus Fontium Historiae Byzantinae, Series Berolinensis, 31. Berlin; New York, 1992. Vol. 1-2.
46. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
47. Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. 1977. № 1.
48. Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita Antiqua. Киев, 1999. № 2.
49. Каминский В.Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. 1987. № 4.

50. Круглов Е.В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // СА. 1992. № 4.
51. Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники // МАР. 1893. Т. 10.
52. Алихова А.Е. Могильник у колхоза «Красный Восток» // КСИИМК. 1949. XXIX.
53. Treadgold W. The Byzantine Revival 780-842. Stanford, 1988.
54. Theophanes Continuatus. Ed. I. Bekker. Bonn, 1838.
55. Константин Багрянородный. Об управлении государством. М., 1989.
56. Oikonomidés N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972.
57. Климент Охридски. Собрани съчинения. Ред. и ком. С.Б. Ангелов, X. Кодов. Т. 3. София, 1973.
58. Photii Patriarchae Constantinopolitani, Epistulae et amphiloghia. Vol. I. Bibliotheca scriptorum graecorum et Romanorum Teubneriana. 1983.

Айбабин А.И.

Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму

Резюме

Судя по рассказам Феофана и Никифора о событиях, последовавших за ссылкой в Херсон в 695 г. лишённого трона Юстиниана II, в начале VIII в. почти весь Крым принадлежал хазарам. Оказавшуюся под властью хазар готскую область Дори византийцы стали называть Готией, а ее административные районы, имевшие крепость или городок с резиденцией архонта – архонтиями или климатами. Очевидно, архонта Дороса каган назначил правителем Готии и поручил ему сбор дани. Центром одной архонтии или климата стала крепость на плато Эски-Кермен.

Строительные остатки и культурный слой интересующего нас времени в 2003-2008 гг. прослежены в процессе раскопок квартала, расположенного на восточной стороне главной улицы городища (рис. 3) и у восточного участка оборонительной стены.

На некрополе и после антихазарского восстания погребали в склепах и могилах традиционных для Готии конструкций, в инвентаре преобладали пряжки и украшения византийского круга. Только в семи склепах (54, 182, 210, 216, 220, 249, 290) помимо названных находок обнаружены пряжки и украшения, характерные для салтовской культуры, созданной полиэтничным населением Хазарского каганата. Как показывают рассмотренные материалы, этнический состав населения городища в хазарский период практически не изменился. Скорее всего, большую часть салтовских вещей жители городища купили. Только одну детскую могилу 243 можно связать с носителем салтовской культуры.

Экономику городища в хазарский период характеризуют приведенные в статью археологические свидетельства. В усадьбах этого времени имелись зернохранилища, кормушки для домашних животных и тарапаны. Жители городища на плодородных землях, прилегающих к плато долин, выращивали злаки, возделывали сады и виноградники, а также содержали домашний скот. Сам факт выявления тарапанов в двух усадьбах, из четырех исследованных в 2003-2008 гг., указывает на распространенность в хозяйстве жителей городища виноделия.

Хазарский период в истории городища завершился после возвращения климатов Готии под контроль Византии в 841 г.

Айбабін О.І.

Городище на плато Ескі-Кермен в період панування хозар в Криму

Резюме

Судячи з розповідей Феофана і Никифора про події, що відбулися після заслання до Херсона в 695 р. позбавленого трону Юстиніана II, на початку VIII ст. майже весь Крим належав хозарам. Готську область Дорі, що опинилася під владою хозар, візантійці стали називати Готією, а її адміністративні райони, що мали фортецю або містечко з резиденцією архонта – архонтіями або кліматами. Вочевидь, архонта Доросу каган призначив правителем Готії і доручив йому збір данини. Центром однієї архонтії або клімату стала фортеця на плато Ескі-Кермен.

Будівельні залишки і культурний шар часу, що нас цікавить, в 2003-2008 рр. дослідили в процесі розкопок кварталу, розташованого на східній стороні головної вулиці городища (рис. 3) і біля східної ділянки оборонної стіни.

На некрополі і після антихозарського повстання хоронили в склепах і могилах традиційних для Готії конструкцій, в інвентарі переважали пряжки і прикраси візантійського круга. Лише у семи склепах (54, 182, 210, 216, 220, 249, 290) окрім названих знахідок виявлені пряжки і прикраси, характерні для салтівської культури, створеної поліетнічним населенням Хозарського каганату. Як показують розглянуті матеріали, етнічний склад населення городища в хозарський період практично не змінився. Швидше за все, велику частину салтівських речей мешканці городища купили. Лише одну дитячу могилу 243 можна пов'язати з носієм салтівської культури.

Економіку городища в хозарський період характеризують наведені у статті археологічні свідчення. У садибах цього часу були зерносховища, годівниці для свійських тварин і тарапани. Мешканці городища на родючих землях, прилеглих до плато долин, вирощували злаки, обробляли сади і виноградники, а також тримали худобу. Сам факт виявлення тарапанів в двох садибах, з чотирьох досліджених в 2003-2008 рр., вказує на розповсюдженість у господарстві жителів городища виноробства.

Хозарський період в історії городища завершився після повернення кліматів Готії під контроль Візантії в 841 р.

Aibabin A.I.

**Site on the Plateau of Eski-Kermen during the Period
of Khazars' Predominance in Crimea**

Summary

According to stories of Theophanous and Nicephorus about the events that followed the exile of Justinian II, who was deprived of the throne, to Cherson in 695, at the beginning of the 8th century almost the whole Crimea belonged to the Khazars. The Byzantines began to name the Gothian region of Dori, which appeared under the rule of the Khazars, as Gothia; its administrative districts having a fortress or a small town with a residence of archon - as archontia or climates. Obviously, the kagan appointed the archon of Doras archontia the ruler of Gothia and commissioned him to levy tribute. The fortress on the plateau of Eski-Kermen became the centre of one of archontias or climates.

In 2003-2008, building remains and cultural layer of the period we are interested in were traced during the excavations of the block situated on the eastern side of the main street of the site (Fig. 3) and near the eastern part of the defense wall.

On the necropolis and after anti-Khazars rebellion they buried in vaults and graves of constructions traditional for Gothia; buckles and decorations of Byzantine period prevail. Only in seven vaults (54, 182, 210, 216, 220, 249, 290) besides the above mentioned finds, buckles and decorations characteristic for Saltovo culture were discovered; it was created by poly-ethnic population of Khazar Khaganate. As the materials under consideration show ethno-chechen composition of the population of the site in Khazar period remained practically the same. Most probably, the major part of Saltovo things was bought by the inhabitants of the site. Only one child grave 243 can be connected with a bearer of Saltovo culture.

The economy of the site in Khazar period is characterized by the above mentioned archaeological evidence. There were granaries, feedboxes for domestic animals and winery in the farmsteads of that time. The inhabitants of the site grew cereals and crops, gardens and vineyards on the fertile lands of the valleys adjacent to the plateau, and kept domestic animals. The fact of revealing wineries in two farmsteads out of four investigated in 2003-2008 demonstrates the popularity of wine-making among the population of the site.

Khazar period in the history of the site was over when climates of Gothia came back under the control of Byzantium in 841.

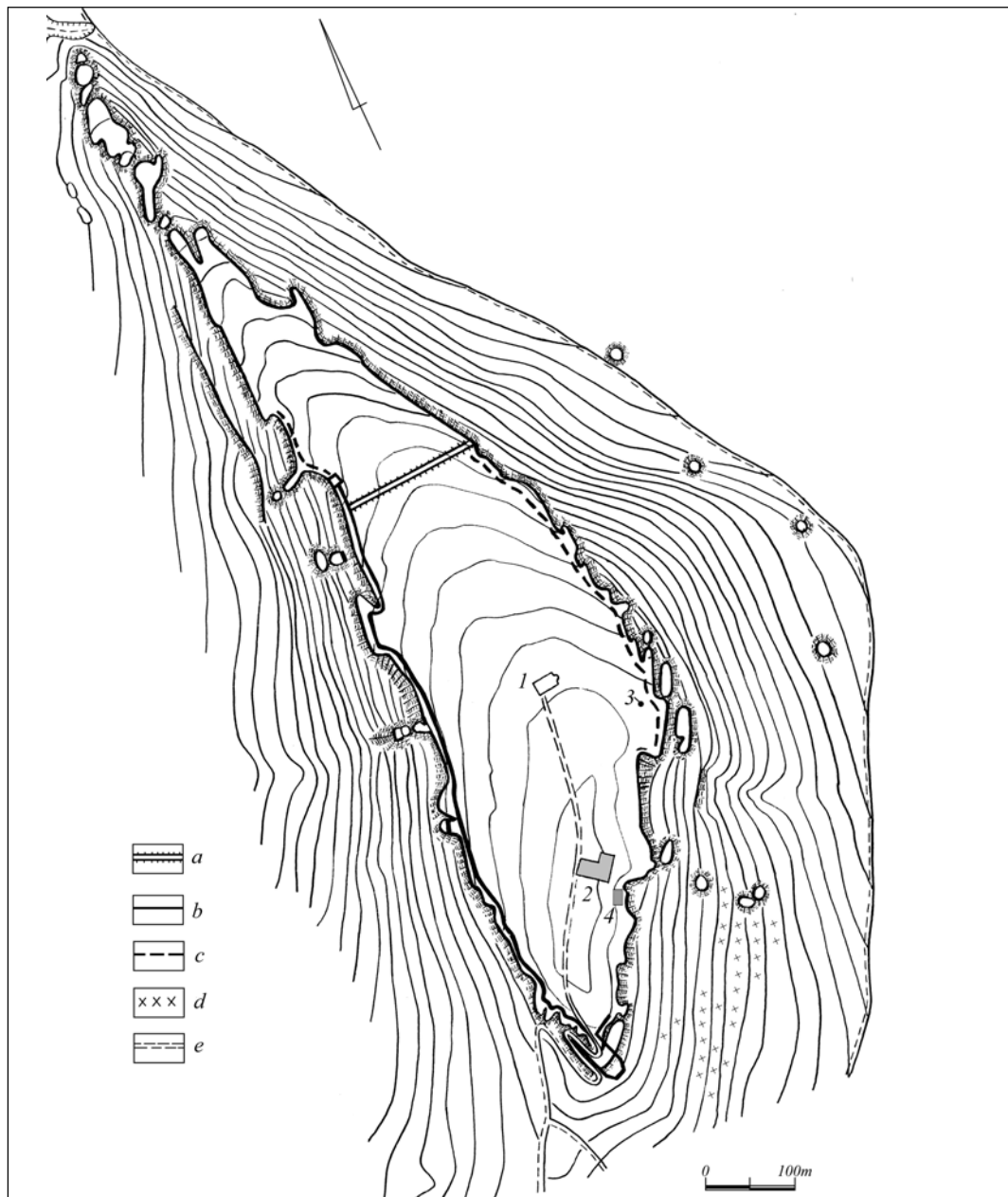

Рис. 1. Ситуационный план городища Эски-Кермен в период хазарского господства.
а – граница городища; b, c – остатки оборонительных сооружений конца VI – третьей четверти VIII вв.; d – некрополь; e – главная улица; 1 – базилика, 2 – квартал I (раскопки 2003-2008 гг.), 3 – тарапан у восточного края городища (раскопки 1936 г.), 4 – усадьба у восточной оборонительной стены (раскопки 2006 г.).

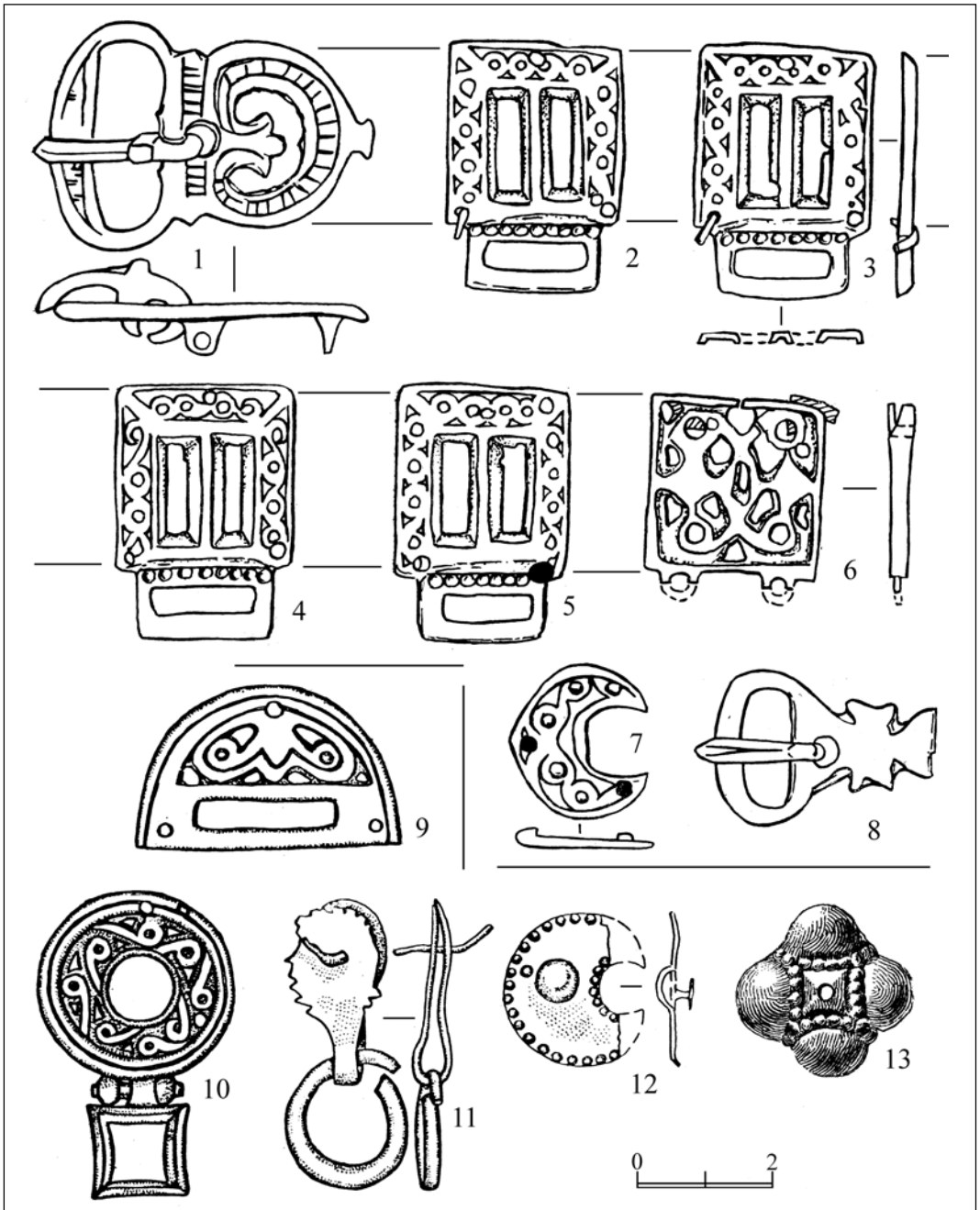

Рис. 2. Находки первой половины VIII в. из погребальных сооружений на некрополе Эски-Кермена.

1-8 – склеп 181; 9, 10 – склеп 339; 11, 12 – склеп 338; 13 – склеп 52.

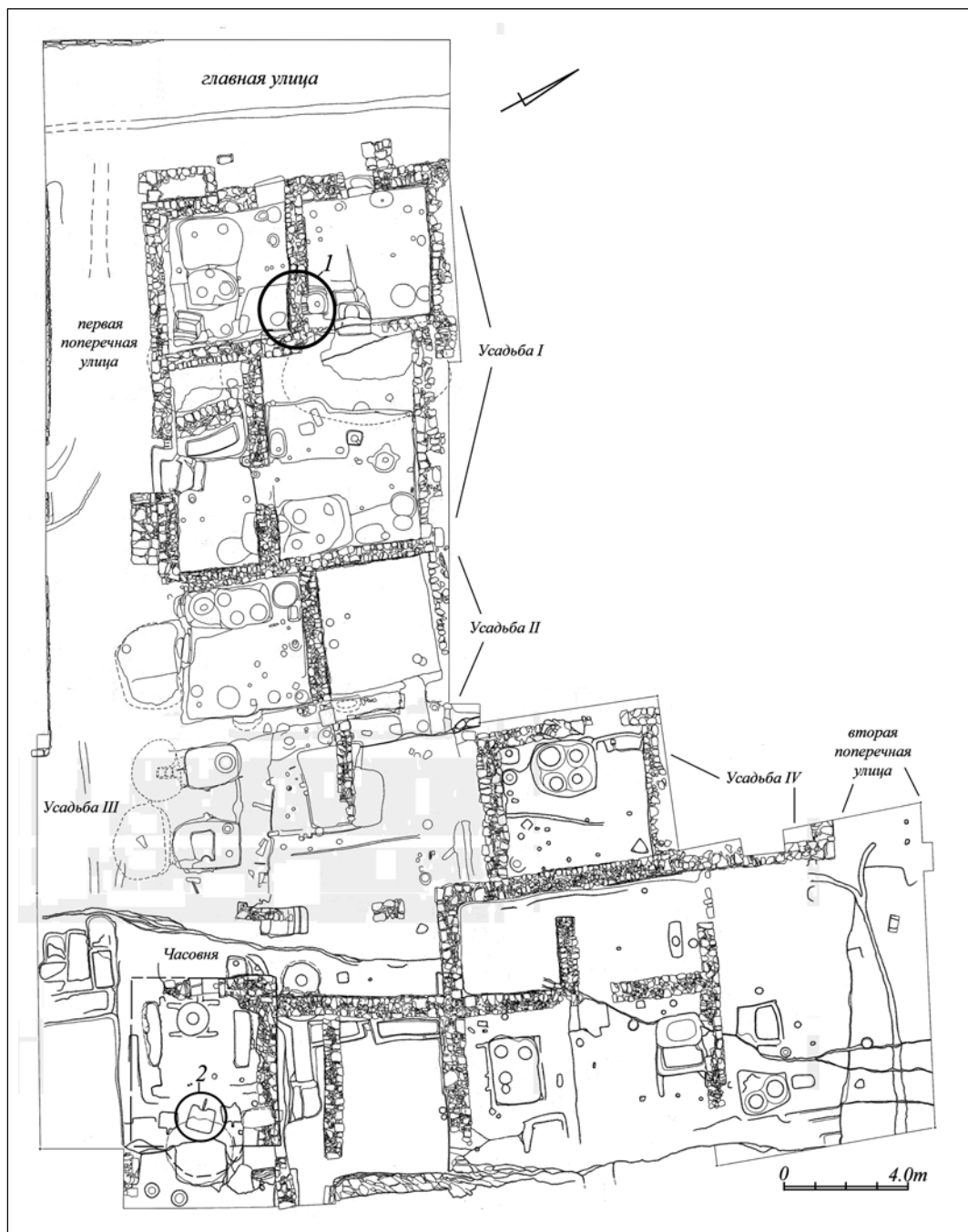

Рис. 3. План квартала, раскопанного в 2003-2008 гг. на главной улице Эски-Кермена.

1 – тарапан в усадьбе I; 2 – тарапан в усадьбе III.

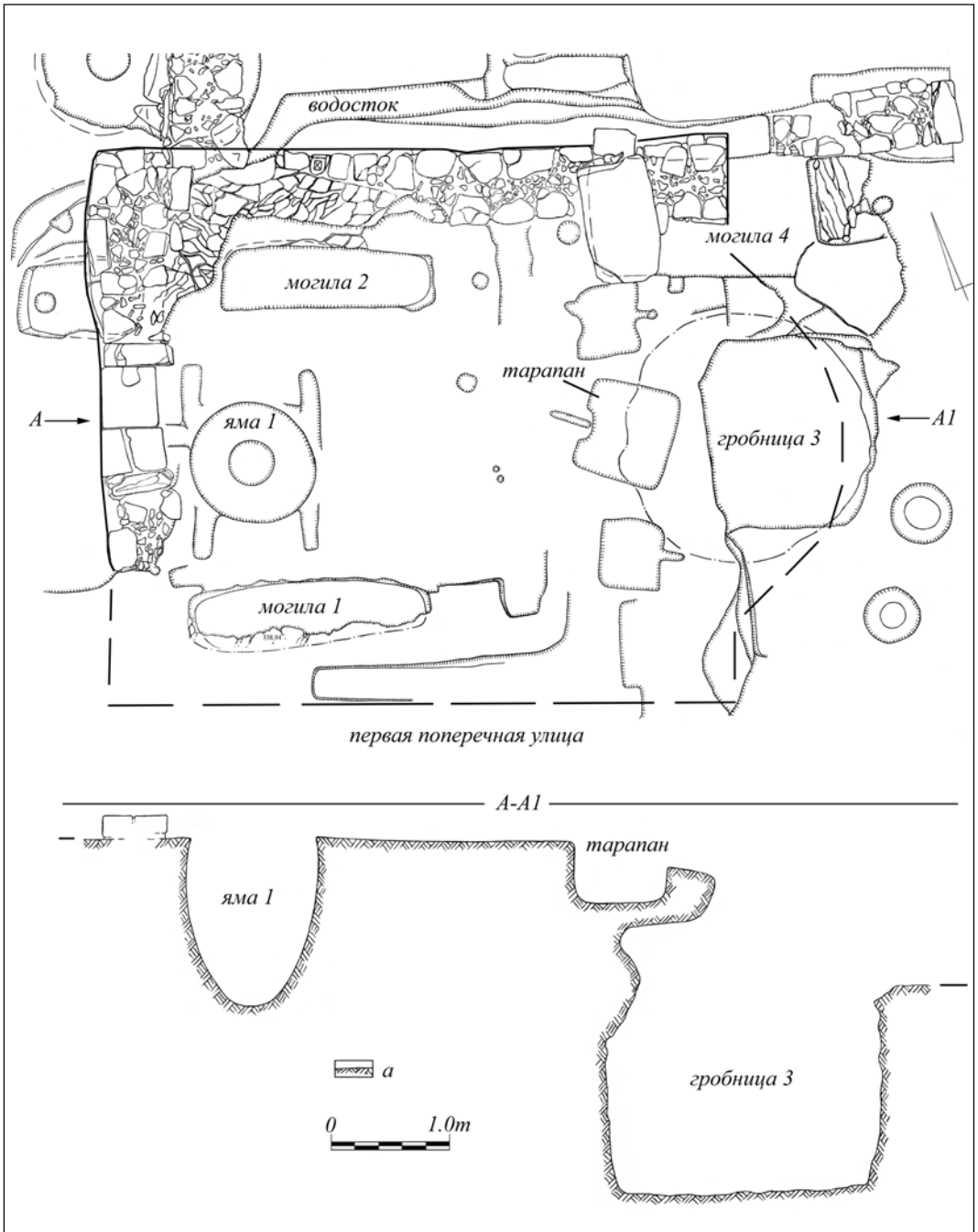

Рис. 4. План и разрез к плану часовни конца IX – XIII вв. и хозяйственные сооружения хазарского периода.

Рис. 5. Нижняя часть ямы тарпана в скальном полу часовни.

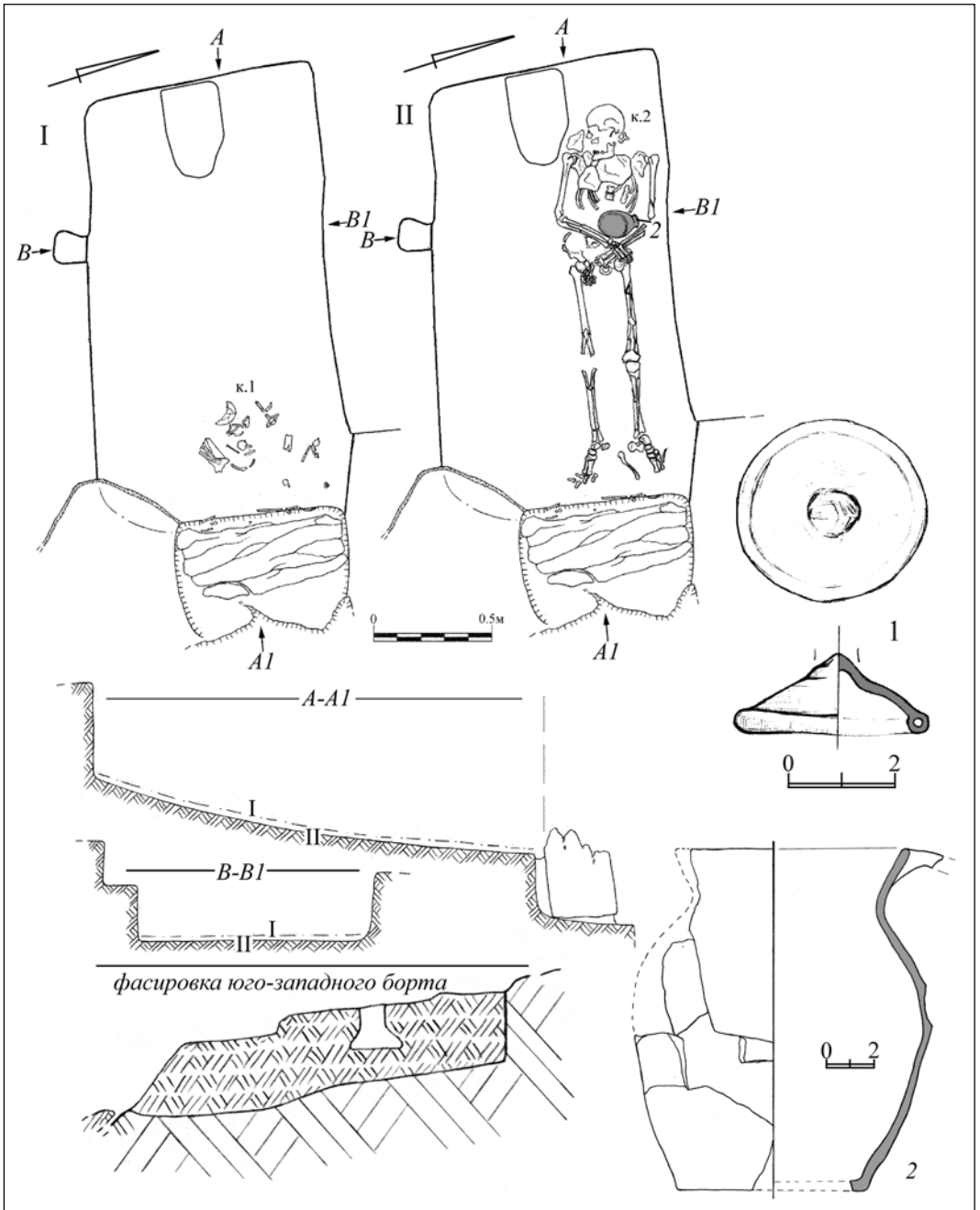

Рис. 6. Захоронения в давяльне.

I – захоронение младенца, II – захоронение взрослого, 1 – подставка ножки стеклянной рюмки из детского захоронения, 2 – кувшин из взрослого захоронения.

Рис. 7. Захоронение взрослого в давяльне.

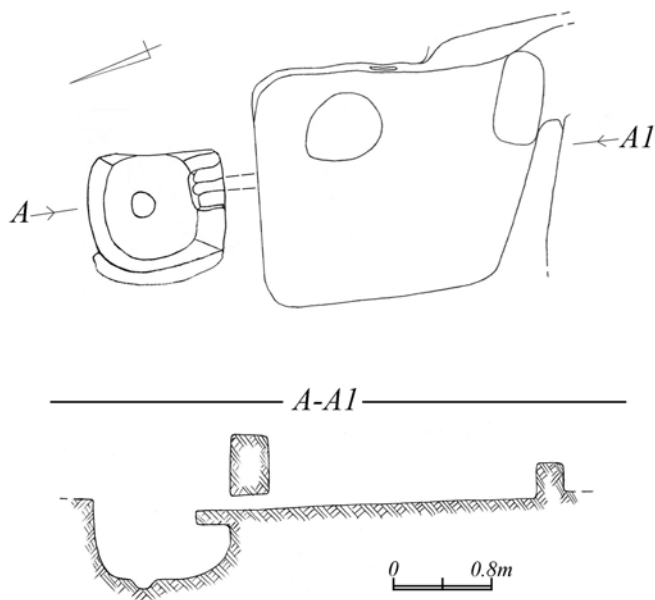

Рис. 8. План, разрез к плану и фотография тарапана в усадьбе I.

Рис. 9. Тарпан у восточного края городища (раскопки 1936 г.).

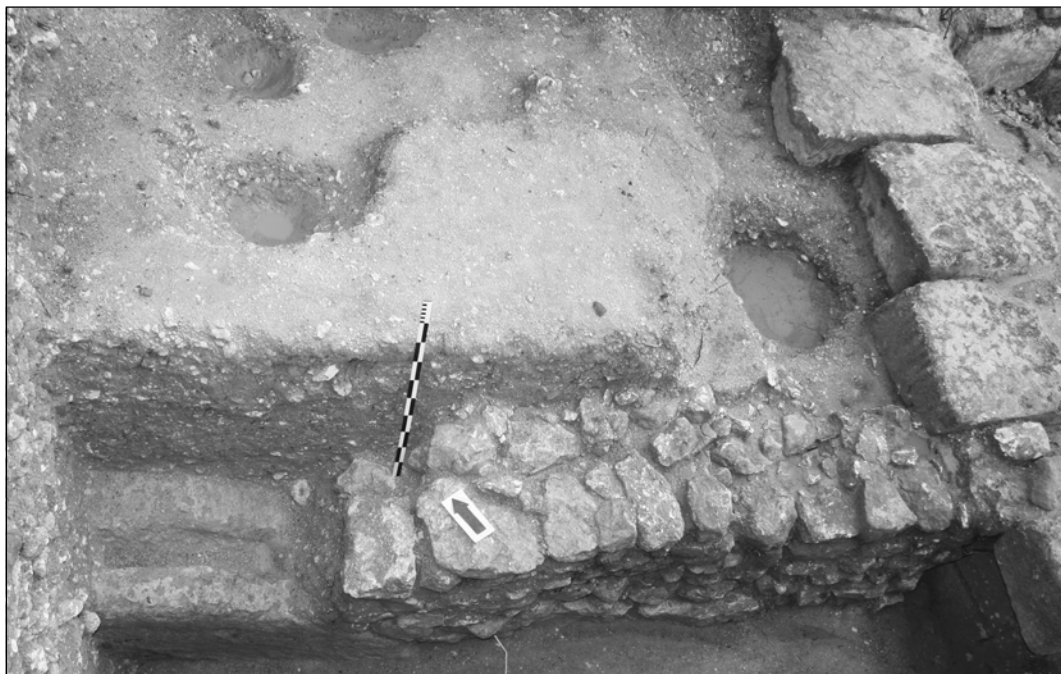

Рис. 10. Остатки двора усадьбы у восточной оборонительной стены (раскопки 2006 г.).

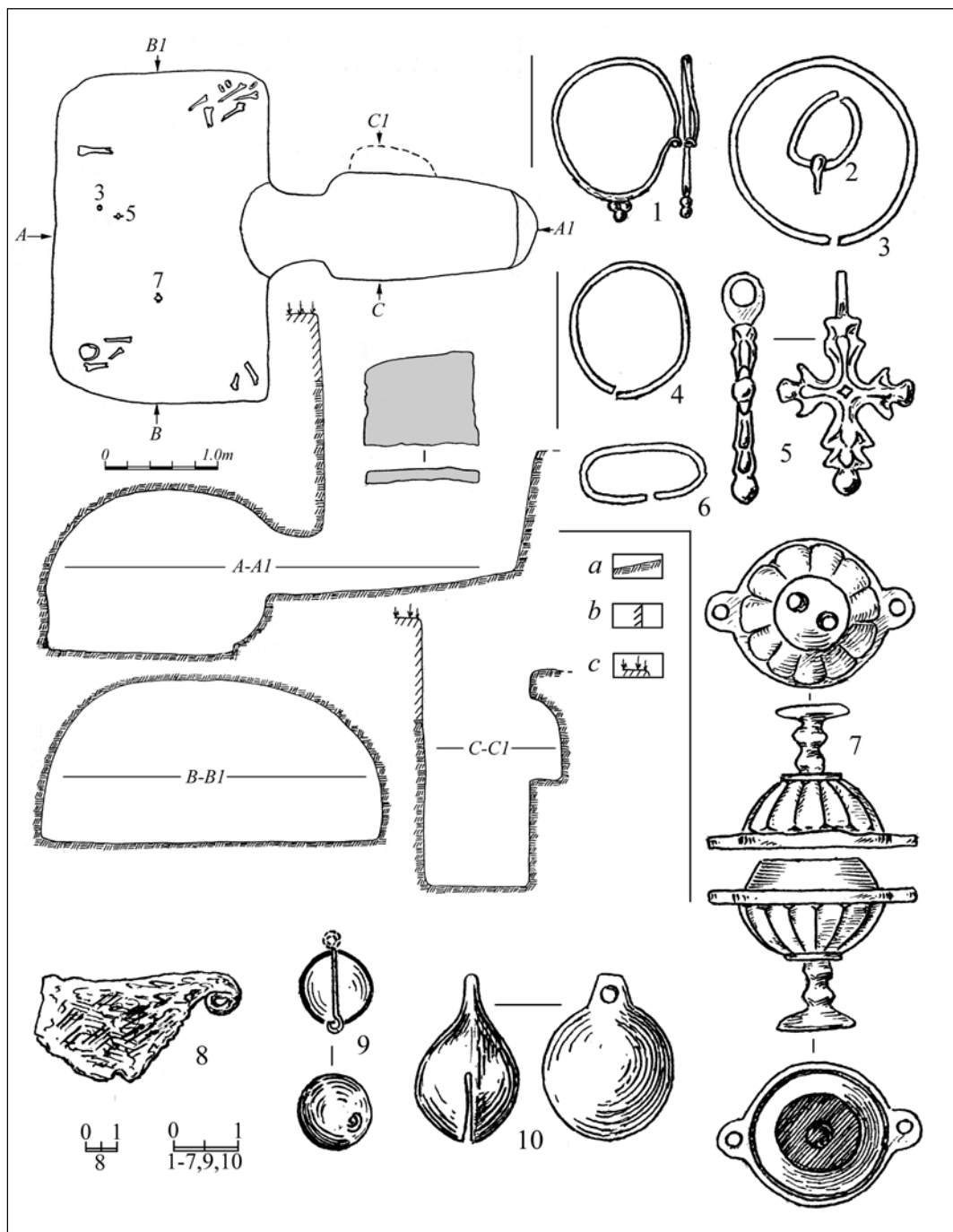

Рис. 11. Склеп 30. План, разрезы к плану и вещи из склепа.

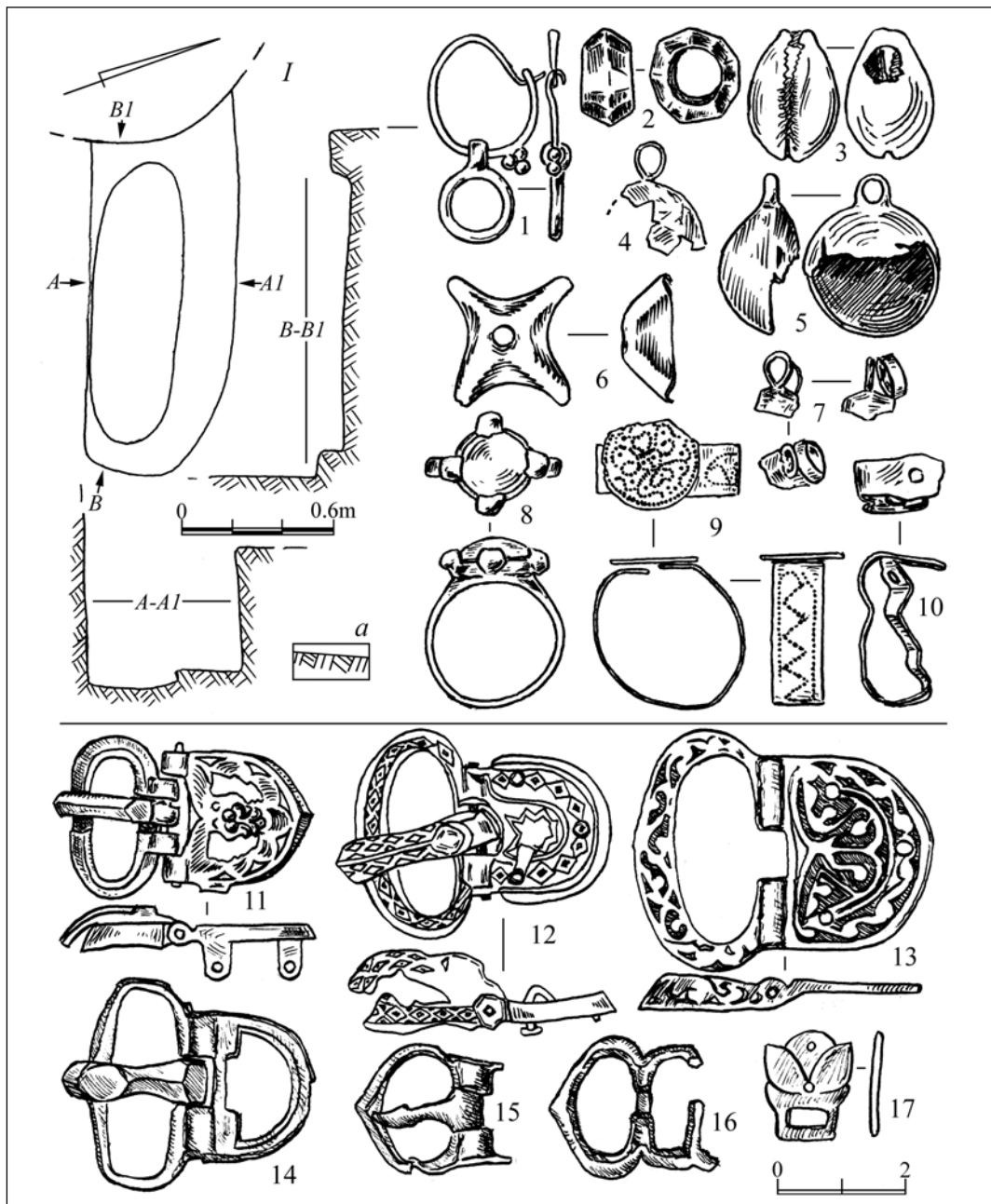

Рис. 12. Находки второй половины VIII – IX вв. из погребальных сооружений на некрополе Эски-Кермена.

I – могила 243, 1-10 – вещи из могилы 243; 11 – склеп 216; 12 – склеп 290; 13 – склеп 220; 14 – склеп 54; 15 – склеп 182; 16 – склеп 183; 17 – склеп 249.

А. Г. ГЕРЦЕН, О. С. ИВАНОВА, В. Е. НАУМЕНКО

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАЙОНЕ ЦЕРКВИ
СВ. КОНСТАНТИНА (МАНГУП): III ГОРИЗОНТ ЗАСТРОЙКИ
(середина IX – начало X вв.)**

Статья продолжает серию публикаций основных результатов археологических исследований участка жилой и хозяйственной застройки в районе церкви Св. Константина, расположенной в центральной части Мангупского плато (рис. 1; 2) [1, с. 89-96; 2, с. 233-298; 3, с. 389-431; 4, с. 432-456]. Здесь в 1997, 2001-2005 гг. впервые за многие годы раскопок удалось открыть культурные напластования и связанные с ними строительные остатки, отражающие все основные периоды жизни поселения – от ранневизантийского до турецкого времени. Анализ совокупности находок, в том числе из многочисленных закрытых археологических комплексов (всего 71), датированных зачастую монетами, позволяет не только довольно уверенно оперировать основными вещественными хронологическими индикаторами для каждого из этапов функционирования городища, но и детализировать уже представленную в литературе периодизацию его истории [5, с. 85-88; 6, с. 746; 7, с. 29-30; 8, с. 69-70; 9; 10, с. 388].

В научный оборот уже введены результаты раскопок верхних горизонтов застройки в районе церкви Св. Константина, отражающих характер использования населением данного участка плато в феодоритский (середина XIV – третья четверть XV вв.) и в турецкий (конец XV – начало XVIII вв.) периоды истории Мангупа. Полученные археологические комплексы датированы соответственно 1400-1460-ми гг. и концом XVII – началом XVIII вв. [2, с. 233-298; 3, с. 389-43]. Настоящая статья посвящена материалам III строительного горизонта, который образуют сооружения «хазарского» и «фемного» времени.

Следует подчеркнуть, что период VIII-XI вв. в истории Мангупа остается одним из наименее изученных. Он слабо отражен как в письменных источниках, так и в публикациях результатов раскопок памятника. Среди факторов, объясняющих этот несомненный для современного этапа изучения городища парадокс, необходимо отметить не столько влияние на ход и интерпретацию итогов раскопок ныне устаревших теоретических посылок о позднем характере

поселения на Мангупском плато – не ранее начала XI – XII вв. (Н.И. Репников) либо после VIII или начала IX вв. (Е.В. Веймарн) [11, с. 140-144; 12, с. 125, 139; 13, с. 165], сколько ряд объективных трудностей, с которыми сталкивались все исследователи Мангупа. Во-первых, особенности формирования культурного слоя на плато, в котором лучше всего представлены поздние горизонты истории памятника (XV-XVIII вв.), а материалы более раннего времени на большей части городища, как правило, встречаются в переотложенном состоянии. Во-вторых, выбор объектов археологического исследования, которыми вплоть до недавнего времени являлись в основном архитектурно-топографические доминанты феодоритского и турецкого периодов истории Мангупа, его культовые, общественные и фортификационные сооружения. В-третьих, большие размеры плато (более 90 га), остающегося в значительной степени археологически неизученным.

С начала 90-х гг. XX в. археологическое изучение Мангупа вступило в новую фазу, когда архитектурно-археологические объекты исследуются на широкой площади вместе с прилегающей застройкой. Это позволило выявить в различных районах плато участки культурного слоя раннесредневекового времени, в том числе периода VIII-XI вв. (цитадель на мысе Тешкли-бурун, церковь Св. Константина, княжеский дворец, Лагерная балка) (рис. 1), выделить основные категории находок в материальном комплексе городища этого времени и сформировать новую концепцию его топографии и особенностей этнокультурного и социально-экономического развития.

Впервые отдельные находки интересующего нас периода были изданы среди материалов археологических исследований городища экспедицией ИИМК в 1938 г. Упоминается находка медной монеты времени императора Льва VI (886-912) из нижнего нивелировочного слоя в центральном здании комплекса княжеского дворца, так называемом «помещении С» [14, с. 409]. М.А. Тиханова отмечает единичные фрагменты «круглодонных амфор салтовского типа» и поливной белоглиняной керамики с рельефным орнаментом из слоя отвалов и нижнего (надскального) культурного горизонта на участке снаружи западной стены базилики [15, с. 344, 363, 365, рис. 30,а; 32]¹. На участке снаружи северной галереи храма из второго слоя, где были найдены в основном материалы XIV-XV вв., происходит фрагмент горла амфоры такого же типа, из нижнего (надскального) горизонта – обломки кувшинов, впоследствии отнесенных к «скалистинскому типу», из заполнения одной из гробниц внутри крещальни – золотая серьга с пирамидкой из зерни [15, с. 377, 383, 386, рис. 20,н; 30,б,е-к]².

¹ Подобная глазурованная керамика атрибутируется ныне как группа Glazed White Ware-II по Дж. Хейсу [16, р. 15-29].

² Такие серьги А.И. Айбабин датирует первой половиной VIII в. [17, с. 123, 126, рис. 6,33].

Данные находки не получили должной интерпретации авторов публикации, акцентировавших внимание на ранней дате (VI в.) основания базилики [15, с. 387; 18, с. 214-216]. Нижний (надскальный) слой, где, очевидно, *in situ* были найдены фрагменты указанных амфор и бытовой керамики, датирован широко, в пределах всего раннесредневекового периода. Тем не менее, на сегодняшний день эти артефакты остаются единственными, надежно атрибутированными хазарским и фемным временем, материальными свидетельствами из раскопок базилики. Результаты ее последующих исследований в конце 60-90-х гг. XX в. (руководитель Н.И. Бармина) остаются по большей части неизданными. Автор раскопок в своих многочисленных публикациях, имеющих тезисную форму, как правило, без сопровождающих иллюстраций находок, пытается обосновать более позднюю дату появления храмового комплекса (IX в.)³. Лишь в статьях 1995 и 1997 гг. приведены иллюстрации материалов, указывающих, по ее мнению, на «хазарский след» – в виде зафиксированного раскопками базилики обряда обезвреживания погребенных, а также знаков типа «вавилон», прочерченных на надгробиях и известняковых оберегах [23, с. 34-36; 24, с. 80-83; 25, с. 52, рис. 35]. Однако стратиграфические обоснования для датировки этих находок в публикациях отсутствуют. Следует отметить, что интерпретация изображений «вавилонов», широко известных на памятниках Восточной Европы и Северного Кавказа, как изображения семичастной модели мироздания, распространенной в мифологии многих народов тюркского, иранского и финно-угорского происхождения, в том числе среди носителей салтово-маяцкой археологической культуры [26, с. 45, табл. VI, 11-30; 27, с. 142-146, рис. 3], далеко не бесспорна. Есть другие, не менее обоснованные. Например, И. Врум в специальной работе, посвященной анализу фрагмента черепицы с вырезанным изображением «вавилона» из Беотии (континентальная Греция), приводит целую серию археологических и иконографических примеров из Северной и Западной Европы, Восточного Средиземноморья, свидетельствующих об использовании таких изображений в качестве поля для настольной игры с фишками в римское время и в эпоху средневековья⁴. С учетом того, что находка из Беотии датируется временем не ранее XIII в., и в целом ее издание распространение таких игр на территории Византии склонна связывать с расселением европейцев в пределах империи после IV Крестового похода

³ Правда, в ряде недавних статей Н.И. Бармина существенно корректирует свою концепцию, полагая, что на месте трехнефной базилики в VI в. функционировали однонефный храм и крещальня, раскопанная М.А. Тихановой. Эти заключения впервые иллюстрируются планами комплекса в различные периоды его истории, но вновь без анализа вещественного комплекса находок [19, с. 23-27; 20, с. 262; 21, с. 316-318; 22, с. 305-313].

⁴ Приносим искреннюю благодарность Л.В. Седиковой, обратившей наше внимание на статью И. Врум. Из последних публикаций по данному сюжету см.: 103, p. 146-156.

[28, p. 94-108, pl. III, fig. 3], интерпретация «вавилонов» из раскопок Мангула требует дополнительного изучения.

С 1967 г. археологическое исследование Мангупского городища было продолжено экспедицией под общим руководством Е.В. Веймарна⁵. Итоги этих раскопок, сконцентрированных в основном на изучении культовых и жилых сооружений вдоль южного обрыва плато, нашли отражение в двух пространственных статьях, подтвердив, по мнению их авторов, сложившуюся гипотезу о раннесредневековом характере укрепления на мысе Тешклибурун и возникновении поселения в пределах всего плато после VIII или даже начала IX вв. [12, с. 12, 125-139; 29, с. 113-118]. Однако археологический комплекс находок для обоснования этой гипотезы в публикациях не представлен, его атрибуция, по большей части, вызывает сомнения [30, с. 306-314]. Лишь упоминания фрагментов кувшинов «тепсеньского» типа VIII-X вв. из разведочных траншей под акрополем городища и белоглиняной поливной керамики из нижнего (надскального) слоя на месте усадьбы к юго-западу от цитадели [12, с. 129, 138] позволяют довольно уверенно отождествить их соответственно с высокогорными кувшинами с широкими плоскими ручками и византийской глазурованной посудой группы Glazed White Ware-II и предположить обжитость данного участка плато в хазарское и фемное время.

С 1969 г. к изучению оборонительной системы городища приступил один из авторов настоящей статьи. Исследования различных фортификационных звеньев Мангупской крепости, проводимые в течение 70-80-х гг. XX в., позволили получить надежные археологические свидетельства ее возникновения в середине – второй половине VI в. и разработать новую концепцию исторической топографии памятника, в том числе в хазарское и фемное время. Основные положения этой концепции были изложены в диссертации 1984 г. и в монографии 1990 г. В ряде позднейших статей они незначительно скорректированы, в связи с появлением материалов новых раскопок и вкратце сводятся к следующему. Ранневизантийский период в истории городища завершается в конце VIII в., когда в ходе подавления антихазарского восстания населения Готии, упомянутого в Житии Иоанна Готского, крепость была занята хазарами, разместившими здесь свой гарнизон. С этого момента Мангуп становится одним из опорных пунктов византийско-хазарского пограничья, но присутствие каганата носило, скорее, военно-политический характер, не отразившись принципиально на этническом составе населения городища и его

⁵ Организационно экспедиция носила совместный характер, представляя Отдел археологии Крыма Института археологии АН Украины, Бахчисарайский историко-археологический музей и Крымский государственный педагогический институт им. М.В. Фрунзе (с 1971 г. Симферопольский государственный университет им. М.В. Фрунзе, с 2000 г. Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского). С 1975 г. руководство ею осуществляет А.Г. Герцен. С этого же момента экспедиция приобрела самостоятельный статус.

округи. С учреждением в середине IX в. в Таврике византийской фемы крепость вновь переходит под контроль империи. Фемный период в истории памятника завершается в первой половине XI в. военно-политической (природной?) катастрофой, приведшей к его запустению. По крайней мере, археологических материалов второй половины XI – XIII вв. в ходе многолетних раскопок на плато практически не найдено. Типологически Мангуп VIII-XI вв. может быть определен как крепость-убежище для относительно немногочисленного населения, с редкими усадьбами и хозяйственными комплексами, сосредоточенными в основном в его северо-восточной части – в районе цитадели и в верховьях Гамам-дере. Отдельные участки поселения фиксируются также в Лагерной балке, на месте дворца и вокруг базилики, но это не меняет общего впечатления о слабой заселенности большей части территории плато. Основным занятием населения становится виноградарство и производство вина на экспорт, о чем свидетельствует появление в это время на плато тарапанов (известно девять). Главными хронологическими индикаторами для выделения участков культурного слоя и комплексов хазарского и фемного времени являются находки «причерноморских» амфор, высокогорлых кувшинов, белоглиняной поливной посуды. Важно отметить редкость среди материалов раскопок находок типичной салтово-маяцкой керамики [31, с. 8-9, 12-13, 16; 32, с. 112-119, 133-138; 33, с. 118-119; 7, с. 32-33; 9, с. 104-105; 34, с. 69-70].

Основные этапы политической истории Мангупского городища VIII-XI вв. иллюстрируются рядом закрытых археологических комплексов, большая часть которых уже издана. С событиями VIII в. связаны «чамну-бурунский клад» восьми медных монет – подражаний солидам Льва III (717-741) и следы пожара этого столетия, зафиксированный в стратиграфии на площади раскопа I-I в Лагерной балке, из которого происходят фрагменты амфор «причерноморского типа» с мелким зональным рифлением в верхней части корпуса – наиболее поздние датированные находки в комплексе [35, с. 127-128, рис. 5; 32, с. 134]⁶. Присутствие хазарского гарнизона в крепости нашло отражение в ремонтах ряда участков ее Главной (внешней) линии обороны с использованием новых фортификационных приемов, важнейшим из которых является постройка оборонительных стен непосредственно на грунт. С притоком нового населения или, возможно, с изменением политической ситуации связаны также высеченные на блоках стен тамгообразные знаки, многие из которых находят аналогии на памятниках салтово-маяцкой культуры,

⁶ В публикации материалов из Лагерной балки на рисунках, к сожалению, приведены лишь фрагменты краснолаковой керамики и основных типов амфор, характерных для ранневизантийских горизонтов поселения [32, рис. 27-28]. Невыразительные фрагменты «причерноморских» амфор из слоя не изданы. Более презентабельным является комплекс находок интересующего нас периода времени из недавних раскопок 2007-2008 гг. на эспланаде крепостной стены второй линии обороны, который сейчас готовится к публикации.

и женское погребение с серьгами «салтовского типа» (не издано), открытое при зачистке строительной траншеи на площади раскопа II–II-A у тыльной стороны укрепления А.XIV, на северо-восточном склоне мыса Чуфут-Чегарган-бурун [32, с. 112-119, рис. 6; 15-18]. Следы катастрофы первой половины XI в. представлены в комплексах у тыльной стороны цитадели, где на площади раскопа X (1976 г.) и X-Б (1978 г.) открыта погибшая в пожаре постройка. С этими же событиями, очевидно, связано сокрытие так называемого «тешклибурунского клада» [36, S. 151-152, Abb. 169; 37, с. 132-146, рис. 2-6]. Наконец, в 1990 г. В.Л. Мыц опубликовал результаты исследований крестообразного храма на юго-восточном склоне Мангупа, раскопанного в 1981 г. Наряду с планами церкви и погребальных сооружений изданы керамические находки IX-X вв. – фрагменты черепицы, амфор «причерноморского» типа, высокогорлых кувшинов с плоскими ручками [38, с. 229-232, рис. 4,1-11; 5,1-12]. Выводы по этим материалам автор сделал в соответствии с гипотезой о появлении большого поселения городского типа на плато не ранее X в., что не подтверждено результатами наших многолетних исследований.

В отличие от материалов археологических исследований городища 70-80-х гг. XX в. результаты позднейших раскопок вводятся в научный оборот более оперативно. В основном находки хазарского и фемного периодов в истории памятника по-прежнему происходят из района мыса Тешкли-бурун, что подтверждает тезис о непрерывном характере поселения в этой части плато на протяжении всего периода раннего средневековья. На сегодняшний день опубликован материал стратиграфических исследований на юго-восточном склоне мыса, где были выявлены разновременные культурные напластования, в том числе горизонт X – первой половины XI вв. (слой № 3), сброшенные с поверхности акрополя городища в результате строительной деятельности [10, с. 390-414, рис. 10-12; 39, с. 392-409, рис. 24-31]. Отдельные фрагменты керамики VIII-X вв. обнаружены также во время раскопок культового и дозорного комплекса под оконечностью мыса Тешкли-бурун [40, с. 230, рис. 18,4; 20,8]. В специальных работах представлена первичная сводка византийской глазурованной керамики VII-XI вв. и нумизматических находок фемного времени (от Василия I (867-886) до Никифора II Фоки (963-969)), обнаруженных в ходе многолетнего археологического изучения цитадели Мангупа [41, с. 176-179, рис. 2; 42, с. 258-259, рис. 1; 43, с. 457-458]. Из раскопок других районов городища отметим, прежде всего, введение в научный оборот византийской печати X в. с остатками процветшего креста на аверсе, монет времени правления Василия I (867-886), Романа I Лакапина (920-944), Романа II (959-963), Иоанна Цимисхия (969-976), найденных в ходе исследований церкви Св. Константина и окружающей ее застройки [44, с. 60-61; 2, с. 290, 295, №№ 6, 37; 3, с. 409-410, №№ 14-15]. Опубликованы материалы небольших охранных работ, проведенных в 1996 г. на площади жилой усадьбы в балке Каралез, частично

сохранившейся в обресе современного водохранилища. Гибель постройки определяется в пределах второй половины – конца IX в. [45, с. 324-339]. Результаты других охранных исследований объектов интересующего нас периода времени в округе городища освещены пока лишь сообщениями тезисного характера⁷.

Новые представления об истории Мангупа VIII-XI вв. постепенно находят отражение в специальных работах и в обобщающих исследованиях по истории Таврики раннесредневекового времени, в которых делаются попытки осмысления результатов проведенных археологических исследований памятника в контексте общей истории региона. Первый опыт их интерпретации, предпринятый И.А. Барановым, следует признать неудачным. Опираясь на итоги раскопок 1967-1969 гг. в южной части городища и в Лагерной балке, он пришел к выводу о том, что ранние крепостные стены городища датируются хазарским временем, а сам Мангуп является наиболее крупной крепостью Хазарского каганата в Юго-Восточной Европе. Постройку, раскопанную И.С. Пиоро, исследователь атрибутировал как салтово-маяцкую, отметив при этом спорадическую встречаемость салтово-маяцкой керамики по всей поверхности плато [49, с. 58-59]. Априорность этих заключений была очевидна сразу же после появления его монографии, что подтвердили дальнейшие публикации материалов из раскопок Мангупа.

Уже А.И. Айбабин, анализируя весь известный ему комплекс нарративных и материальных свидетельств по истории городища, соглашается в основном с нашей интерпретацией этих источников, предлагая, однако, в отдельных случаях собственную версию происходивших на плато событий. Так, сокрытие чамну-бурунского клада, по его мнению, связано с событиями антихазарского восстания в Доросе в конце VIII в., перестройка обороны крепости в этот исторический период – с возникновением фемы в Таврике, хотя отдельные ремонты ее Главной линии обороны хазарами также не исключаются. В X в. перестраивается или восстанавливается базилика, к которой не ранее XI в. пристраивается крещальня⁸. Со второй половины X в. на плато находилась резиденция турмарха Готии⁹. Военно-политическая катастрофа середины XI в. была вызвана половецкими походами [52, с. 209-210, 216-218;

⁷ Такие работы в балке Каралез в начале 80-х гг. XX в. проводил В.А. Сидоренко, частично исследовав трехнефную базилику VIII-X вв. и могильник VI-X вв. (даты автора раскопок). Их результаты до сих пор не опубликованы [46, с. 114-115]. В начале 2000-х гг. охранные раскопки на г. Бабулган, приблизительно в 5 км к югу от Мангупа, позволили открыть руины еще одного христианского храма, предварительно датированного VIII-IX вв. В тезисной публикации первых результатов раскопок памятника упоминаются находки черепицы этого времени и монета Василия I [47, с. 94; 48, с. 16].

⁸ Хронология базиликальной крещальни основана на авторской передатировке надписи на обломке известнякового фриза из раскопок 1938 г., прочтение которой было выполнено В.П. Яйленко [50, с. 163].

⁹ Печать Льва, спафария и турмарха Готии, конца X – начала XI вв. обнаружена на террито-

53, с. 62-64; 54, с. 77-80]. Эти выводы не лишены интереса, но нуждаются в дальнейшем обсуждении.

Наконец, в недавней статье А.Ю. Виноградов переиздал известную надпись 1503 г. с именем Цулы из оборонительной стены в балке Табана-дере, предложив ее новую дату – 994-995 гг. [55, с. 262-271]. Можно согласиться с палеографическими обоснованиями новой хронологии этого памятника. Более того, эта датировка в наилучшей степени объясняет присутствие в легенде надписи должности топотирит, обозначающей в византийской военно-административной системе фемного времени одного из высших командиров тагмы или коменданта отдельной крепости на границах империи, что, по справедливому замечанию исследователя, свидетельствует об укреплении Византией Мангупа в конце X в. и расквартировании здесь на постоянной основе византийского гарнизона. Тем не менее, новое прочтение эпиграфической находки не решает еще ряда важных вопросов относительно хронологии оборонительной стены в Табана-дере и расположенного рядом пещерного монастыря, с чем автор публикации в целом согласен, хотя и склоняется к более ранним, чем принято, датировкам объектов. На наш взгляд, объективное рассмотрение этих вопросов возможно лишь с привлечением полного комплекса источников по истории Мангупа фемного времени, что требует в будущем специальной работы.

Подводя итог обзору существующей источниковедческой базы по истории Мангупа VIII-XI вв., следует еще раз отметить, что раскопки, проводимые на памятнике в последние десятилетия, позволили значительно расширить представления о топографии и структуре археологического комплекса городища данного периода. Публикуемый же комплекс из раскопок церкви Св. Константина не только пополняет имеющийся в нашем распоряжении фонд источников, но и позволяет более детально представить этнокультурные процессы, происходившие в это время на поселении, что не удавалось сделать на материалах из других районов исследования городища.

III горизонт жилой и хозяйственной застройки на площади раскопа к северо-западу от церкви Св. Константина представлен двумя однокамерными зданиями (№№ 2 и 5) со смежной стеной (кладка 18), к которым с юго-запада пристроено прямоугольное в плане хозяйственное помещение, а также тремя ямами (№№ 7, 8, 11) и двумя строительными траншеями (№№ 1 и 5) (рис. 3-8)¹⁰. Все указанные археологические объекты планиграфически входят в состав единого строительного комплекса общей площадью около

рии Херсонесского городища в 1995 г. и опубликована Н.А. Алексеенко [51, с. 230-231]. Другой экземпляр моливдовула происходит из фондов Керченского заповедника [91, с. 566-567].

¹⁰ Нумерация открытых кладок, зданий, хозяйственных ям и строительных траншей следует общей нумерации строительных остатков, принятых в ходе исследования квартала в районе церкви Св. Константина с 1997 г.

100 кв. м (квадраты В, З, И, К, Н), который был построен и функционировал в относительно короткий промежуток времени. Об этом свидетельствуют общая ориентация сооружений (по оси северо-восток – юго-запад), идентичные строительная техника и вещественный комплекс находок. Необходимо также отметить, что изучение стратиграфической ситуации на участке исследований выявило отсутствие здесь выраженного общего культурного слоя, образование которого можно было бы уверенно связать с функционированием данного яруса застройки. Все культурные напластования, происхождение которых отражает историю этого района плато в хазарское и фемное время, носят локальный характер и сосредоточены в пределах открытых сооружений. Как и в случае с застройкой XV в., складывается впечатление, что основной массив строений VIII-XI вв. в верховьях балки Гамам-дере располагается где-то за пределами раскопа 1997, 2001-2005 гг. Здесь же мы имеем дело с его периферией [3, с. 391]. Перейдем к описанию планировочных и конструктивных особенностей открытых археологических объектов.

Наиболее ранним из них, с точки зрения планиграфии комплекса, является **здание № 5**, раскопки которого на площади квадратов И и З были полностью завершены в 2004 г. (рис. 3-5; 7; 11-13; 16). Оно представляет собой однокамерную подквадратную в плане постройку с внутренними размерами 4,3x4,6 м. Юго-восточной стеной здания является **кладка 18**, поставленная на искусственную грунтовую «ступень» высотой 0,15-0,25 м и шириной 0,6-0,7 м, которая состоит последовательно из останца материковой глины, подсыпки ее неровностей рыхлой серой землей и темно-коричневого суглинка. Сохранилась в длину на 2,4 м, хотя изначально общая протяженность стены, судя по размерам «ступени», должна была составлять не менее 4,5 м. С кладкой 18 вперевязь сложена **кладка 30**, юго-западная стена постройки, от которой сохранился фрагмент длиной 3,7 м. Северо-западная стена здания (**кладка 28**) представлена фрагментом протяженностью 2,9 м. От северо-восточной стены осталась лишь грунтовая ступенчатая «постель» высотой до 0,1 м, выкопанная в темно-коричневом суглинке. Не сохранились северный и западный углы постройки. Все стены здания № 5 сложены на грунте, из разномерного бутового камня, на глиняном связующем растворе, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки. В нижних рядах использовались более крупные блоки, обработанные квадраты – в углах строения. Местами прослеживается техника кладки «в елку» (кладка 18), применение которой, скорее всего, связано с уплощенной формой строительного материала. Сохранность стен в высоту составляет 1-3 ряда кладки (до 0,4 м), их ширина в пределах 0,75-0,9 м.

С учетом понижения уровня земляного «пола» по отношению к окружающей дневной поверхности постройку необходимо причислить к сооружениям полужемляночного типа. Последовательность ее возведения, в таком случае, реконструируется следующим образом. Первоначально, в накопившемся

к моменту строительства здания культурном слое¹¹, был вырыт «котлован» глубиной 0,4-0,5 м и выровнены грунтовые «постели» под стены. Подобная «постель» под кладку 18 носит, как уже отмечалось, композитный характер. Понижение между материковым останцем и «ступенью», вырезанной в темно-коричневом суглинке, нивелировалось здесь обычной подсыпкой грунта. Затем, с целью избежать оползания «ступеней», вдоль них, по периметру «котлована», сооружались «креpidы» из камня. Они сохранились у северо-западной (кладка 41), северо-восточной (кладка 42) и юго-восточной стен здания. **Кладка 41** прослежена в длину на 2,9 м, сложена из мелких бутовых камней, на глиняном растворе, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки. Сохранность в высоту – 1-2 ряда (до 0,34 м), ширина – 0,5-0,76 м. **Кладка 42** сохранилась фрагментарно. Зачищены два фрагмента «креpidы» длиной соответственно 0,96 и 0,88 м, сохранностью в высоту – 1-2 ряда камней (до 0,32 м). Стена сложена из бутовых уплощенных камней, на глиняном растворе, в технике однорядной кладки, с использованием элементов «кладки в елку». Пространство между «постелью» под северо-восточную стену здания и кладкой 42 забутовано мелким камнем и щебнем. От «креpidы» под юго-восточную стену сохранилось лишь два камня, подпирающих ее на участке грунтовой подсыпки. После сооружения креpidных кладок все внутреннее пространство здания было сnivelировано под уровень подошвы стен светло-серым плотным грунтом мощностью до 0,3 м, насыщенным щебнем и известью. Поверхность этой засыпки использовалась в процессе функционирования постройки как **земляной «пол»**, покрытый известковой обмазкой, последняя сохранилась местами в виде сплошной «корки».

Входной проем в здание № 5 не обнаружен. Предположительно он находился в районе стыка кладок 18 и 30. Именно здесь при зачистке «пола» постройки был зачищен прямоугольный блок (0,26x0,82 м) с зашлифованной поверхностью, который использовался в качестве ступени для спуска вовнутрь помещения. На уровне материкового суглинка в южном углу постройки сохранилось основание лестницы (?) прямоугольной формы (размеры 1,14x1,56 м), контур которого ограничен крупными каменными блоками без следов обработки, а внутреннее пространство забутовано разномерным камнем. На расстоянии 0,2-0,3 м от него, параллельно юго-западной стене здания, зачищена однорядная **кладка 43**, сложенная из разномерного бутового камня и крупных мергельных плиток, без связующего раствора. Ее длина – 3,0 м, ширина – 0,16-0,26 м, сохранность в высоту – один ряд. Назначение кладки осталось неясным.

¹¹ В полевой документации – слой № 4, коричневый или местами темно-коричневый плотный грунт, залегающий мощностью до 0,8 м на материке. Его образование связано с функционированием многочисленных (всего 60) хозяйственных ям, составляющих IV (нижний) горизонт застройки второй половины VI – середины VII вв. на участке исследований [2, с. 235, 241].

Вскоре после сооружения здания № 5 к нему с юго-восточной стороны было пристроено **здание № 2**, полностью раскопанное на площади квадрата В в 2003 г. (рис. 3-4; 6; 9-10; 13-14). Оно представляет собой прямоугольную в плане однокамерную постройку (внутренние размеры 4,7х2,45 м). Входной проем шириной 1,1 м зафиксирован в юго-западной стене (кладка 9) и оформлен хорошо обработанными блоками. Строительные приемы и материал, использованные при возведении здания, в целом идентичны описанным при характеристике конструктивных особенностей здания № 5. Следует еще раз отметить, что кладка 18 является общей для обеих построек, поэтому не требуется такого же детального описания отдельных кладок сооружения. Отметим некоторые моменты, важные в дальнейшем при анализе общих этнокультурных особенностей застройки хазарского и фемного времени в районе церкви Св. Константина. Типичным для салтово-маяцкой строительной культуры можно считать постановку стен на грунт и применение элементов кладки «в елку» (кладки 9 и 18). В то же время укладка углов сооружения вперевязь, применение глиняного связующего раствора, использование более крупных и хорошо обработанных квадров в нижних рядах стен при создании дверных проемов и углов кладок, скорее, характерно для облика провинциально-византийских памятников Таврики. Кроме того, здание № 2, как и здание № 5, следует причислить к постройкам полуземляночного типа, уровень **земляного «пола»** которого понижен относительно окружающей дневной поверхности. При этом следует отметить, что «полом», по сути, является грунтовая нивелировочная засыпь внутреннего пространства строения мощностью до 0,3 м, под уровень подошвы стен, поставленных на искусственные грунтовые «ступени» (кладки 10, 11, 18), либо на каменный цоколь высотой 0,2 м, выступающий на 0,1 м за линию кладки (кладка 9). Чтобы избежать просадки «пола», его нижний горизонт представляет собой фактически сплошную каменную забивку, присыпанную коричневым плотным грунтом. Жилая поверхность постройки отмечена сохранившимися пятнами известковой обмазки и глины, горизонтально лежащими фрагментами керамики и мергельных плиток.

В процессе зачистки «пола» в западном углу здания № 5 были исследованы три хозяйственные ямы (рис. 3). **Яма № 7** расположена у западного края кладки 28, она круглая в плане, диаметром 1,6 м и глубиной 0,2-0,3 м. К югу от нее защищены **ямы №№ 8 и 11**, также круглые в плане, диаметром 0,45 и 0,4 м и глубиной 0,2 и 0,1 м соответственно. Все ямы выкопаны с уровня «пола» постройки и заполнены таким же грунтом с камнем, но более рыхлым по структуре.

На последнем этапе функционирования комплекса зданий 2 и 5 к нему с юго-запада было пристроено **хозяйственное помещение (2004 г.)**, которое представляет собой прямоугольную в плане постройку с внутренними размерами 6,0х4,0 м (рис. 3; 8; 13; 15). Со зданием № 2 она соединена дверным проемом. Юго-западной и юго-восточной стенами помещения являются соответственно **кладки 31 и 32** – однорядные, шириной 0,34 м, сложен-

ные в «елку» из разномерного бутового камня на глиняном растворе, стоящие на поверхности материкового суглинка и сохранившиеся в высоту до двух рядов (до 0,4 м). Северо-западная стена отсутствует. Контур постройки в этом направлении определяется по структуре ее заполнения. Стратиграфические наблюдения показывают, что помещение, вероятно, следует отнести к сооружениям полужемляночного типа, заглубленным по отношению к окружающей дневной поверхности приблизительно на 0,1 м. Борты «котлована», выкопанного до уровня материка (ярко-коричневый суглинок), обложены однорядными стенами. В процессе сооружения помещения были засыпаны до уровня пола более ранние по времени ямы (№№ 30 и 31), внутреннее пространство постройки выровнено подсыпкой темно-коричневого, местами коричневого, плотного грунта, насыщенного углями, пятнами золы, извести и «наплывами» светлой глины, напоминающей по структуре и цвету связующий раствор, на котором были сложены ее стены. Поверхность этой нивелировочной засыпи, дополнительно покрытая известковой обмазкой, превратилась в земляной «пол» помещения. Его мощность достигает 0,45 м.

Наконец, в процессе раскопок вокруг зданий 2 и 5 были открыты две строительные траншеи, которые, судя по материалу из их заполнения, очевидно, связаны с функционированием данного комплекса (рис. 3). **Строительная траншея № 1 (2003 г.)** прямоугольная в плане, со скругленными углами (размеры 4,4x1,15-1,25 м), глубиной приблизительно 0,25-0,5 м. Она расположена параллельно северо-восточной стене здания 2 (кладка 11), на расстоянии 1,3-1,45 м от нее, заполнение – серый рыхлый грунт, практически без камня. **Строительная траншея № 5 (2004 г.)** максимальной длиной 3,1 м, шириной 1,0 м и глубиной 0,5 м не имеет правильных очертаний, борты ее плавно сужаются ко дну, заполнение – серый рыхлый грунт.

Датировка описанных жилых и хозяйственных сооружений определяется на основании анализа комплексов полученных находок. Однако процесс их обработки и особенно интерпретации связан с рядом объективных сложностей. Во-первых, следует учитывать особенности формирования культурного слоя на участке исследований, где стратиграфически не выражен культурный горизонт, связанный с функционированием данного яруса застройки и слабо представлен слой его разрушения. Лишь в пределах хозяйственного помещения и в западной части здания № 5 на «полах» выявлен каменный завал, затянутый глиняным раствором серо-белого цвета и наносным коричневым плотным грунтом, который можно связать с разрушением строений¹². Отсутствие следов пожара и общая плохая сохранность сооружений, от которых

¹² Общая мощность «слоя разрушения» достигает местами 0,6 м. В полевой документации к числу таких археологических контекстов отнесены – слой № 3 в квадратах В (2001 г.) и З (2002 г.), «каменный завал к северо-западу от кладки 18» (2003 г.) и «каменный завал в хозяйственном помещении к юго-западу от здания 2» (2003 г.).

зачастую сохранились лишь «полы», нижние ряды стен либо субструкции под них свидетельствуют о том, что комплекс зданий 2 и 5 был просто оставлен его обитателями и сильно пострадал в процессе позднейшей разборки с целью добычи строительного материала. Во-вторых, не все из полученных комплексов находок одинаково равноценны для характеристики структуры археологического комплекса городища этого периода времени в целом. Хуже всего он представлен в так называемых «слоях разрушения» построек, в заполнении ям №№ 8 и 11, в засыпи строительных траншей, где наиболее поздними артефактами являются фрагменты «причерноморских» амфор и редкие обломки стенок высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Это обстоятельство заставляет при анализе хронологии исследованного памятника опираться лишь на те закрытые археологические комплексы, стратиграфию которых в процессе раскопок удалось надежно зафиксировать, а происходящий из них комплекс вещественного материала содержал основные категории находок VIII-XI вв., характерных для Мангупского городища. К таковым следует отнести только пять археологических комплексов: «слой функционирования» здания № 2, «полы» зданий №№ 2 и 5, хозяйственного помещения к юго-западу от них, заполнение ямы № 7. Перейдем к их характеристике.

«Слой функционирования» здания № 2 (рис. 3; 14)¹³. Выделен в процессе зачистки «пола» постройки. Представляет собой светло-серый плотный грунт, насыщенный щебнем, мергельными плитками, угольками, керамической и известковой крошкой, зольными пятнами. Мощность слоя 0,1-0,2 м. По структуре он вполне соответствует горизонтам, связанным с функционированием жилых построек. На это также указывают два стратиграфических наблюдения. Во-первых, контекст ограничен внутренним пространством здания. Во-вторых, на его подошве местами зачищены остатки сплошной известковой обмазки «пола» постройки.

Археологический комплекс представлен в основном керамическими находками (всего 1388 фрагментов), среди которых преобладают обломки строительной и тарной керамики:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Строительная керамика	250	18
2	Тарная керамика	878	63,3
3	Кухонная керамика	182	13,1
4	Столовая керамика	78	5,6

К сожалению, сегодняшний уровень наших знаний о строительной керамике городища не позволяет уверенно выделять черепицу интересующего нас

¹³ В полевой документации обозначен как 4-й слой в квадрате В (2001 г.), частично прослеженный на площади квадрата З в 2002 г.

периода времени. К тому же в изучаемом комплексе отсутствуют крупные фрагменты изделий. Поэтому отметим лишь, что найденные обломки красноглиняных керамид и калиптеров делятся на две технологические группы – сформованные из плотного глиняного теста с примесью известняка, шамота, железистых частиц и изготовленные из плохо промешанного теста с известковыми разводами. Последние изделия имеют характерный высокий (до 6,0-6,5 см) подпрямоугольный в сечении боковой бортик, с пальцевым желобком вдоль него. Черепица обеих групп, как правило, покрыта плотным светлым ангобом.

Остальной материал из слоя подразделяется на две хронологически хорошо выраженные группы, примерно в равных пропорциях. Первая из них представлена фрагментами керамики ранневизантийского времени, которая носит характер «примеси снизу», обычной для многослойных памятников – амфор типа V по классификации средневековых амфор Херсонеса 1971 г. (далее – ХК-71) и классов 1 и 2 по классификации 1995 г. (далее – ХК-95), типов LRA 1 и 2, типов 95 и 100 по Зеест [56, с. 85; 57, с. 16-20; 58, р. 212-219; 59, с. 118-120], лепных сосудов с лощеной поверхностью и краснолаковых изделий. Вторая (583 фрагмента или 41,9% от общего числа керамических находок в слое) включает в себя все основные категории вещественного материала, характерного для хазарского и фемного времени на Мангупском городище. Ее структура представлена в нижеприведенной таблице:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Пифосы	20	3,4
2	«Причерноморские» яйцевидные амфоры с мелким зональным рифлением в верхней части корпуса	305	52,4
3	«Причерноморские» желобчатые амфоры	133	22,9
4	Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками	7	1,2
5	Фляги	1	0,1
6	Неорнаментированные кухонные горшки, изготовленные на ручном гончарном круге	78	13,4
7	Салтово-маяцкая керамика	3	0,5
8	Кувшины с росписью линиями светлого ангоба	36	6,2

Из нее хорошо видно абсолютное преобладание тарных изделий (около 80%):

1. Пифосы. Глиняный черепок красновато-желтого (5YR 6/8 либо 5YR 7/6) цвета¹⁴, рыхлый по структуре, с примесью известняка, толченой гальки, шамота. Снаружи сосуды покрыты светлым ангобом. Отметим фрагменты дна

¹⁴ Цвет изделий приведен по: Munsell A.N. Soil Color Charts. New York, 2000.

с массивным округлым выступом (рис. 17,23) и стенки с прочерченным тамгообразным знаком (трезубец с горизонтальной линией) (рис. 17,21). Последний находит прямые аналогии среди граффити на амфорах из «хазарского» слоя Саркела [26, с. 77, табл. XV,223-224].

2. «Причерноморские» круглодонные амфоры с яйцевидным корпусом и мелким зональным рифлением (далее – МЗР) в верхней части корпуса (рис. 17,3-5,7-18,22). В существующих классификациях средневековых амфор Причерноморья они известны как тип XIV по ХК-71 [56, с. 88-89, рис. 15], вариант 1 по Якобсону [60, с. 29-31, рис. 12; 13,6-7], класс 24 по ХК-95 [57, с. 50-52, табл. 20-21; 22,95], тип 24 по Сазанову [61, р. 92, fig. 2,24]. Горло сосудов из нашего комплекса коническое, завершается отогнутым плоско срезанным венчиком с внутренней западиной или без нее. Диаметр венчика в пределах 8,0-8,8 см. Ручки овальные в сечении, с хорошо выделенным продольным ребром и заостренными боковыми гранями, ширина их колеблется в пределах 3,0-4,0 см. Амфоры изготовлены из плотного глиняного теста с примесью мелких карбонатов, которое после обжига приобретает красный цвет различных оттенков (2,5 YR 5/6; 2,5 YR 6/6; 2,5 YR 6/8; 2,5 YR 7/6; 5 YR 5/6). Практически всегда они покрыты светлым ангобом. На одной из стенок сохранилось крестообразное граффити (рис. 17,22).

3. «Причерноморские» круглодонные амфоры с желобчатой поверхностью (рис. 17,1,2,6). В современных классификациях средневековых амфор они обозначаются как тип XVI по ХК-71 [56, с. 90], вариант 2 по Якобсону [60, с. 31, рис. 13,1-4], класс 36 и 38 по ХК-95 [57, с. 60-61, табл. 23,128-129; 28,132], типы 23, 25 (?), 27, 41-43 по Сазанову [61, р. 92, 94, 96-97, fig. 2,23(3),25(3),27(3); 4,41-43]. По форме профильных частей им близки амфоры с гладким корпусом типа XIX по ХК-71 [56, с. 91, рис. 19], класса 37 по ХК-95 [57, с. 61, табл. 23,130-131], типа 40 по Сазанову [61, р. 96, fig. 4,40], желобчатые типов 45-47 по Хейсу из комплексов конца VIII – начала X вв. в Сарачханах [16, р. 73, fig. 25,1; 57,33; 58,16; 60,21; 62,23]. Амфоры из «слоя функционирования» здания № 2 имеют невысокое горло и отогнутый валикообразный венчик (диаметр в пределах 6,7-7,8 см), непосредственно к которому или чуть ниже крепились овальные в сечении ручки, с хорошо выделенным продольным ребром и заостренными боковыми гранями, шириной 3,0 см. Амфоры сформованы из рыхлого глиняного теста с обильной примесью шмота и редкими включениями карбонатов. Цвет черепка красный (2,5 YR 5/8).

Оба указанных типа «причерноморских» амфор хорошо известны по раскопкам средневековых памятников Причерноморья. Их хронология определяется в пределах середины VIII – середины XI вв., хотя наиболее активный период использования приходится на IX-X вв. Такие амфоры производились одновременно в многочисленных гончарных центрах, открытых в округе Херсонеса, в горной, южнобережной и юго-восточной частях

Крымского полуострова (всего 35). В то же время картографирование находок показывает, что амфоры с МЗР, доминирующие на памятниках Южной Таврики, численно уступают иным типам «причерноморских» амфор, полученных раскопками в других районах полуострова, в Приазовье и Нижнем Подонье, еще реже они встречаются за пределами указанного региона. Напротив, «причерноморские» желобчатые амфоры количественно преобладают на поселениях в Восточном Крыму, Приазовье и Подонье. Они известны по раскопкам раннеславянских памятников в Поднепровье, поселений в Абхазии, Болгарии, на территории Древней Руси, отдельных городских центров Византии (Константинополь, Спарта). Дополнительного изучения требует вопрос об их позднем появлении, не ранее последней трети IX – начала X вв., в комплексах Херсонеса и отсутствии в культурном слое Сугдеи и Партенита после середины X в. [62, с. 35-44, типы I и II]¹⁵.

4. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками. В классификациях амфорного материала Северного Причерноморья они известны как тип XX по ХК-71 [56, с. 91-92, рис. 20, 20-21], класс 41 по ХК-95 [57, с. 63-66, табл. 30-32], тип 44 по Сазанову [61, р. 97, fig. 4, 44]. В комплексе эти кувшины представлены лишь семью фрагментами стенок сосудов, сформованных из рыхлого теста с примесью известняка, карасана, пироксена, железистых частиц, приобретшего после обжига темно-коричневый цвет. На двух из них сохранились следы смоления изнутри, что связано, скорее всего, с хранением и перевозкой нефти.

Несмотря на широкое распространение этого типа тарной керамики на памятниках Причерноморья, гончарные центры по его производству до сих пор не обнаружены. Наиболее вероятным районом изготовления таких кувшинов следует признать Таманский (Таматарха и его округа) и, возможно, Керченский полуостров. Общая датировка высокогорлых кувшинов на сегодняшний день определяется в диапазоне конца IX – конца XI вв., период наиболее активного их использования приходится на X – середину XI вв., когда они преобладают среди тарной керамики в археологических комплексах. Данная хронология подтверждается, прежде всего, стратиграфией многослойных памятников, таких как Херсонес, Сугдея, Боспор, Саркел, Таматарха, Константинополь, а также датировками нескольких десятков закрытых археологических комплексов, известных по раскопкам городских и сельских

¹⁵ Там же содержится подробная библиография вопроса и наиболее полная сводка опубликованных археологических комплексов с «причерноморскими» амфорами. Из работ, появившихся позднее, отметим монографию В.Н. Чхаидзе, посвященную материальной культуре Таманского городища «хазарского» периода, а также издание таких амфор, найденных случайно либо в комплексах, из раскопок Кыз-Кермена, Сугдеи, Героевки-6, Кеп и Фанагории [63, с. 144-151, типы А-Д; 64, с. 496, рис. 10, 1; 65, с. 420-440; 66, с. 115-131; 67, с. 393-428; 75, с. 262, рис. 3, 1-3].

поселений средневековой Таврики [68, с. 50-57]¹⁶. В то же время необходимо отметить наблюдение А.В. Сазанова о том, что наиболее ранними монетами в комплексах с высокогорлыми кувшинами являются монеты императора Василия I (867-886) (Херсонес, Саркел), что закономерно превращает их в своеобразные маркеры начального этапа производства данного типа тарных сосудов, приблизительно в 860-880-е гг. [71, с. 105-106]. Несколько забегаая вперед, отметим, что для датировки интересующего нас яруса застройки в районе церкви Св. Константина это наблюдение, с учетом немногочисленности находок высокогорлых кувшинов в комплексах и кратковременности функционирования сооружений, приобретает решающее значение, позволяя ограничить ее в пределах второй половины IX – начала X вв.

5. **Вьючные фляги** (баклажки, баклаги) (рис. 18,2). Представлены в комплексе единственным фрагментом стенки с росписью линиями красного ангоба. Глиняное тесто, плотное, с редкими включениями карбонатов, после обжига приобрело красновато-желтый цвет (5 YR 7/6). Такие фляги известны по раскопкам, прежде всего, поселений, городищ и некрополей салтово-маяцкой археологической культуры на территории Крыма, Прикубанья, Приазовья и Подонья, где они датируются в широких пределах второй половиной VIII – серединой X вв. Их производство было налажено в Южной Таврике. Исследованы, по крайней мере, пять гончарных центров на южном берегу Крыма (Чабан-Куле, Канакская балка, Мисхор, Ливадия, Сотера), где присутствуют следы производственного брака данной группы керамических изделий [76, с. 58-60]¹⁷.

Кухонная керамика представлена двумя группами изделий:

1. Преобладают **неорнаментированные горшки, изготовленные на ручном гончарном каруге**, с характерными следами шамотированной подсыпки на дне (рис. 17,24,27-28,30-31). Глиняное тесто, рыхлое, с обильной примесью шамота и песка. Обжиг изделий неравномерный, поверхность и сколы темного, серого либо коричневого оттенков (2,5 YR 5/8; 2,5 YR 6/8). Профильные части, помимо плоских доньев, представлены обломками отогнутых венчиков с округлым либо плоскосрезанным краем диаметром от 13,5 до 17 см. Такие горшки, несомненно, местного изготовления, характерны для группы кухонной керамики во всех опубликованных археологических комплексах интересующего нас периода времени из раскопок Мангупского городища [37, с. 140-141, рис. 6,9-11; 39, с. 402, рис. 24,9; 27,11,13; 31,1,4-5; 45, с. 336, рис. 4,2,5-6].

¹⁶ Здесь же содержится подробный анализ вопросов, связанных с атрибуцией, происхождением, хронологией, функциональным назначением и ареалом высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Из неучтенных в библиографии работ отметим монографию и ряд специальных статей В.Н. Чхаидзе [см.: 63, с. 161-173; 69, с. 368-374; 70, с. 398-419].

¹⁷ За пределами указанного региона подобные, но не идентичные морфологически, фляги встречаются в Венгрии и особенно часто в Болгарии, где продолжают использоваться вплоть до XIV в. [77, с. 320, обр. 3,11; 5,15; 78, с. 191-192, табл. I,1-4; IV].

По структуре черепка и морфологии профильных частей им наиболее близки кухонные горшки из раскопок Кыз-Кермена, украшенные иногда врезной волнистой линией, где они датируются в пределах существования поселения (IX в.) [72, с. 140, рис. 15; 73, с. 55, рис. 10, 1-5; 74, с. 200, 214-215, рис. 10, 1; 21]. В то же время заметим, что поиск аналогий затрудняется не только общей слабой разработанностью типологии бытовой керамики Юго-Западного Крыма VIII-XI вв., но и отсутствием ее унифицированного описания в уже изданных работах.

2. Единичны фрагменты **гончарной салтово-маяцкой керамики**, которая представлена в комплексе фрагментами сероглиняного горшка с шаровидным корпусом и сильно отогнутым венчиком с плоским краем и коричневоглиняного сосуда закрытого типа с ойнохоевидным венчиком. Глиняное тесто плотное с включениями известняка, песка и шамота. Снаружи изделия украшены гребенчатым, соответственно горизонтально-волнистым и линейно-горизонтальным орнаментом (рис. 17, 34-36). В отличие от сосудов с ойнохоевидным венчиком, достаточно редко представленных в публикациях, сероглиняные шаровидные горшки с гребенчатым горизонтально-волнистым орнаментом хорошо известны по результатам раскопок салтово-маяцких памятников Подонья, Приазовья и Крыма. Их типологические особенности выделены в работах С.А. Плетневой, И.А. Баранова, К.И. Красильникова, В.В. Майко, Л.Ю. Пономарева [85, с. 220-222, рис. 9; 86, с. 20-24, рис. 11 (тип А); 79, с. 106-107, рис. 25, 10; 49, с. 96 (тип I, вариант Б), рис. 32; 80, с. 174 (подтип Б), рис. 7; 81, с. 196-199; 63, с. 184-187 (тип А), рис. 100-101; 87, с. 67-72]. По мнению К.И. Красильникова и В.В. Майко, они являются характерной группой кухонной гончарной керамики на позднем этапе существования салтово-маяцкой археологической культуры, во второй половине IX – первой половине X вв. [80, с. 174; 81, с. 197].

Комплекс столовой керамики из «слоя функционирования» здания № 2 состоит в основном из фрагментов плоскодонных одноручных кувшинов с яйцевидным корпусом и воронковидным ойнохоевидным горлом, завершающимся плоским (сплюсненным) венчиком, часто скошенным вовнутрь, диаметром около 10 см. Такие сосуды, украшенные линейной или линейно-волнистой росписью светлым ангобом, в литературе обычно атрибутируются как **кувшины «скалистинского» типа** (рис. 17, 25-26, 29, 32-33, 37-38). Изготовлены из плотного хорошо отмученного глиняного теста с примесью карбонатов, приобретенного после обжига красновато-коричневый (2,5 YR 4/4) либо светло-красный (2,5 YR 6/6; 2,5 YR 6/6; 2,5 YR 6/8) цвет. Снаружи сосуды покрыты жидким светлым ангобом. Кувшины «скалистинского» типа являются хорошо известным типом бытовой керамики на средневековых памятниках Крыма, Подонья и Приазовья. Их общая хронология укладывается в пределах VI-XI вв. Наиболее вероятным местом производства остается округа Баклы [82, с. 60-63]. Это подтверждается, во-первых, находкой здесь единственного достоверного

производственного брака таких кувшинов [83, с. 221, рис. 4], во-вторых, рядом с городищем находится Скалистинский могильник, откуда происходит не имеющая аналогов по своему разнообразию и обширности коллекция ойнохойных кувшинов (всего 296 экземпляров) [84, с. 191].

Кроме этого, в состав группы столовых изделий входят обломки сосудов, полный облик которых, ввиду фрагментарности находок, не поддается реконструкции:

1. Клювовидный венчик (диаметр 9,0 см) от красноглиняного (2,5 YR 6/6) кувшина, сформованного из плотного глиняного теста с примесью карбонатов и покрытого светлым ангобом (рис. 17,20).

2. Желобчатая ручка (ширина 3,2 см) от сероглиняного сосуда из плотного глиняного теста без визуально определяемых примесей (рис. 17,19).

3. Фрагмент стенки коричневоглиняного (5 YR 5/8) сосуда с прилепом конического носика диаметром около 3,0 см (рис. 18,1). Глиняное тесто рыхлое с примесью шамота и частиц известняка.

Индивидуальные находки представлены костяным астрагалом с двумя отверстиями под свинцовую заливку (рис. 18,3), плоским пряслищем округлой формы из мергеля (рис. 18,4), мелкими фрагментами оконного стекла и рюмок (?) из прозрачного зеленоватого стекла (рис. 18,5-6), а также железных изделий (гвоздей, ножей, пластин неясного назначения) (рис. 18,8). Встречаются куски стеклянного шлака и крицы. Отдельно отметим хорошей сохранности бронзовый втульчатый трехлопастной наконечник стрелы эллинистического времени (рис. 18,7).

Проведенный анализ археологического материала из «слоя функционирования» здания № 2 позволяет довольно уверенно датировать образование комплекса в пределах конца IX – начала X вв. Основанием для такой узкой датировки служит не только присутствие в нем немногочисленных фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и сероглиняных шаровидных салтово-маяцких горшков с гребенчатым горизонтально-волнистым орнаментом, соответствующим начальному этапу их распространения в Таврике, но и уже отмеченные стратиграфические наблюдения, к числу которых следует отнести, прежде всего, кратковременность функционирования постройки. К сожалению, в рассматриваемом комплексе отсутствуют монеты. Впрочем, все нумизматические находки из раскопок III яруса застройки в районе церкви Св. Константина (см. Приложение) относятся к разряду переотложенного археологического материала и не могут повлиять на его общую хронологию.

«Пол» здания № 2 (рис. 3; 6; 9-10; 14). Стратиграфически является слоем нивелировочной засыпи внутреннего пространства строения под уровень подошвы стен. Нижним горизонтом «пола», чтобы избежать его просадки, служила сплошная каменная забивка, выровненная затем коричневым плотным грунтом. Жилая поверхность фиксируется благодаря пятнам известко-

вой обмазки и глины, горизонтально лежащим фрагментам керамики и мергельных плиток. Общая мощность слоя достигает 0,3 м.

Археологический комплекс находок представлен в основном фрагментами керамики (всего 557), среди которой преобладают, как обычно, обломки тарных изделий:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Строительная керамика	99	17,8
2	Тарная керамика	310	55,7
3	Кухонная керамика	115	20,6
4	Столовая керамика	33	5,9

Около 30% керамики не имеет точной хронологической атрибуции, в первую очередь, фрагменты керамид и калиптеров двух вышеописанных технологических групп. 41,8% находок в комплексе составляют обломки материала ранневизантийского времени («примесь снизу») – амфор типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95, типов 72, 95 и 100 по Зеест, типа LRA 1 и 2, лепных сосудов с лощеной поверхностью и краснолаковых изделий (рис. 20,6). К этому же периоду относятся: медная монета римского времени плохой сохранности (см. Приложение), а также, скорее всего, фрагменты овальной рамки от бронзовой пряжки (рис. 20,10), сероглиняное усеченно-коническое пряслице с лощеной поверхностью (рис. 20,7) и плитка из белого мрамора. Датирующий характер носит 29% артефактов (165 фрагментов), процентное соотношение которых приведено в специальной таблице:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Пифосы	1	0,6
2	«Причерноморские» яйцевидные амфоры с мелким зональным рифлением в верхней части корпуса	47	28,5
3	«Причерноморские» желобчатые амфоры	6	3,6
4	Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками	8	4,8
5	Фляги	1	0,6
6	Неорнаментированные гончарные горшки	74	44,9
7	Кувшины с росписью линиями ангоба	28	17

Пифосы представлены единственным фрагментом стенки с гребенчатым арочным орнаментом от ангобированного красноглиняного (5YR 5/6) сосуда, сформованного из плотного теста с редкой примесью карбонатов и шамота (рис. 19,7). Группа амфор включает **«причерноморские» амфоры** уже

описанных типов – с желобчатой поверхностью и с МЗР в верхней части корпуса (рис. 19,1,2,4). Особо отметим археологически целый экземпляр яйцевидной амфоры с МЗР высотой 47 см, с коническим горлом высотой 10 см, завершающимся плоскосрезанным с внутренней западиной венчиком диаметром 8,0 см. Ручки, овальные в сечении, с продольным ребром шириной 3,0 см, крепятся в средней части горла. Глиняное тесто плотное, с обильной примесью карбонатов. Черепок светло-коричневого цвета (7,5 YR 6/4) снаружи покрыт светлым ангобом (рис. 19,5). Из слоя извлечены немногочисленные обломки **высокогорлых кувшинов**, в том числе фрагмент стенки с прилепом широкой плоской ручки. Глиняное тесто плотное с включениями известняка, пироксена, песка и шамота (рис. 19,6). Красноглиняные **вьючные фляги** (5 YR 6/6) представлены лишь одним фрагментом стенки (рис. 19,4).

Особенностью керамического комплекса из «пола» здания № 2 является преобладание бытовой керамики (более 60%). Кухонные изделия характеризуют фрагменты **неорнаментированных шаровидных горшков** с отогнутым округлым венчиком (диаметр 15,0 см), изготовленных на ручном гончарном круге с сохранившейся шамотированной подсыпкой на плоском дне. Глиняное тесто рыхлое с примесью шамота и песка. Обжиг изделий неравномерный, поверхность и сколы серого либо коричневого оттенков (5 YR 4/6) (рис. 20,1-2). Столовая посуда представлена обломками красноглиняных (2,5 YR 6/8; 5 YR 6/8) **кувшинов с росписью линиями светлого либо красного ангоба**, изготовленных из плотного теста с примесью карбонатов (рис. 19,3; 20,4-5).

Среди невыразительных индивидуальных находок отметим плоскую округлой формы (диаметр 6,5 см) крышку из стенки красноглиняного калиптера плотного теста с примесью известняка (рис. 20,11), фрагмент красноглиняной (2,5 YR 6/4) плоской круглой подставки (рис. 20,12) и мелкие обломки стеклянных сосудов (рис. 20,8-9).

Общее преобладание в комплексе «причерноморских» амфор с МЗР в верхней части корпуса и неорнаментированных кухонных горшков, изготовленных на ручном гончарном круге, в совокупности с наличием немногочисленных фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками позволяет отнести время его формирования и соответственно сооружения здания № 2 ко второй половине – концу IX в.

«Пол» здания № 5 (рис. 3-5; 7; 11-12; 16). Как и в здании № 2, представляет фактически единовременную нивелировочную засыпь внутреннего пространства постройки, произведенную под уровень подошвы стен светло-серым плотным грунтом, насыщенным щебнем и известью. Мощность слоя 0,3 м. Поверхность земляного «пола» здания была дополнительно покрыта известковой обмазкой, сохранившейся местами в виде сплошной «корки».

Археологический комплекс находок представлен, как обычно, фрагментами керамики (всего 1202), среди которой преобладают обломки тарный изделий:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Строительная керамика	229	19
2	Тарная керамика	717	59,7
3	Кухонная керамика	160	13,3
4	Столовая керамика	96	8

Характеризуя его, следует отметить, что около 40% находок осталось без точной хронологической атрибуции. Помимо черепицы, это относится, главным образом, к бытовой керамике, где 50-60% материала имеет очень плохую сохранность, не давая возможности уверенно судить о морфологии изделий и вести продуктивный поиск аналогий ему за пределами Мангупа. Из находок же, атрибуция которых не вызывает затруднений, значительная часть фрагментов (около 45%) принадлежит группе изделий ранневизантийского времени («примесь снизу») – амфорам типа V по ХК-71, классов 1 и 2 по ХК-95, типов 72, 95 и 100 по Зеест, типа LRA 1 и 2, лепным сосудам с лощеной поверхностью и краснолаковым изделиям. Только 15% керамики (174 фрагмента) носит датирующий характер. Процентное соотношение основных категорий этого археологического материала приведено в нижеприведенной таблице:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	«Причерноморские» амфоры	101	58
2	Сосуды с горизонтальным прилепом ручки	1	0,6
3	Неорнаментированные гончарные горшки	27	15,6
4	Салтово-маяцкая керамика	11	6,3
5	Кувшины «скалистинского» типа	28	16
6	Шаровидные горшки с пальцевым вдавлением в месте прилепа ручки	5	2,9
7	Глазурованная керамика группы GWW-I	1	0,6

Среди амфорного материала абсолютно преобладают (более 85%) яйцевидные **«причерноморские» амфоры с МЗР** в верхней части корпуса (рис. 21,1-3). Редкими фрагментами представлены **«причерноморские» желобчатые амфоры**. Из близкого глиняного теста (плотного с примесью карбонатов) сформованы красноглиняные сосуды, от которых сохранились плоское вогнутое дно (рис. 21,9) и стенка с горизонтальным прилепом плоской ручки (рис. 21,10), что позволяет отнести их к датирующим находкам.

Группу кухонной керамики составляют, во-первых, уже описанные **неорнаментированные шаровидные горшки** с отогнутым округлым венчиком

(диаметр 15,0 см), изготовленные на ручном гончарном круге с сохранившейся шамотированной подсыпкой на плоском дне (рис. 22,3,7,9-12). Отдельно отметим редкую форму рельсовидного венчика диаметром 18,0 см от коричневоглиняного (5 YR 5/8) горшка из плотной формовочной массы с включениями песка, карбонатов, толченой гальки (рис. 22,5). Во-вторых, **керамика салтово-маяцкого типа**, изготовленная на ручном гончарном круге, либо подправленная на нем. Представлена следующими категориями изделий:

1. Шаровидные гончарные горшки со сплошным гребенчатым линейно-горизонтальным рифлением корпуса (рис. 22,1-2), сформованные из рыхлого глиняного теста с включениями известняка, песка, крупных дробин шамота. Обжиг сосудов неравномерный, поверхность и сколы имеют серый, темный, местами красновато-коричневый цвет (5 YR 6/4). Это одна из наиболее распространенных разновидностей салтово-маяцкой кухонной керамики [85, с. 220-222; 86, с. 20-24; 49, с. 93-96, рис. 31; 80, с. 174, рис. 6 (подтип А); 63, с. 184-187]. На материалах Подонья подобные изделия датируются в пределах IX в. [80, с. 174]. По мнению В.В. Майко, они характерны для горизонтов и комплексов второй половины VIII – первой половины IX вв. салтово-маяцких поселений в Крыму [81, с. 197].

2. Горшки с пальцевыми вдавлениями («защипами») по отогнутому округлому венчику (рис. 22,6,8). Глиняное тесто рыхлое, с крупными включениями дресвы и шамота, напоминающее формовочную массу лепных сосудов. Обжиг неравномерный. Скол и внешняя поверхность изделий имеют серый или темный цвет, изнутри черепок красновато-желтого оттенка (7,5 YR 6/6). Поиск прямых аналогий таким сосудам в литературе крайне затруднен. В свое время С.А. Плетнева отметила подобную орнаментацию венчиков на лепной керамике из раскопок салтово-маяцких поселений и городищ Подонья и Приазовья [85, с. 14, рис. 7 (тип Б); 79, с. 104]. По замечанию К.И. Красильникова, изготовление лепной посуды в Подонье продолжалось вплоть до IX в. [80, с. 172]. Однако горшки из нашего комплекса были, по крайней мере, подправлены на ручном гончарном круге. В этой связи чрезвычайно полезным является наблюдение В.В. Майко о значительном разнообразии орнаментации салтово-маяцкой гончарной керамики в Крыму на первом этапе ее существования, во второй половине VIII – первой половине IX вв. [81, с. 197]. Очевидно, находки из раскопок Мангупа подтверждают этот тезис¹⁸.

3. Коричневоглиняный (5 YR 5/6) гончарный сосуд закрытого типа с ойнохоевидным венчиком (рис. 22,4). Глиняное тесто плотное с включениями песка, карбонатов, мелко дробленого шамота. Поверхность украшена

¹⁸ Наиболее ранние примеры лепных и гончарных горшков с орнаментацией в виде пальцевых вдавлений, в том числе «защипов», по венчику опубликованы В.В. Майко [88, с. 25-26, рис. 9,2-4,11; 10,2,10]. Выражаем искреннюю признательность автору за обсуждение данного вопроса.

гребенчатым линейно-горизонтальным орнаментом. Фрагмент аналогичного сосуда происходит из «слоя функционирования» здания № 2 (рис. 17,34). Как уже отмечалось, такая салтово-маяцкая керамика датируется второй половиной IX – первой половиной X вв.

Столовая посуда из «пола» здания № 5 подразделяется на три категории:

1. **Кувшины «скалистинского» типа** VI-XI вв. (рис. 21,4,6,8), изготовленные из плотного хорошо отмученного глиняного теста с примесью карбонатов, приобретшего после обжига красный (2,5 YR 5/6) либо светло-красный (2,5 YR 6/6) цвет. Снаружи они покрыты жидким светлым ангобом, поверх которого украшены линейно-арочной росписью линиями белого ангоба.

2. Невысокие **шаровидные горшки с пальцевым вдавлением в месте прилепа ручки**. Из нашего комплекса происходят фрагменты стенок и венчиков от двух таких сосудов. Один сформован из плотного глиняного теста с примесью карбонатов и песка, приобретшего после обжига красный цвет (2,5 YR 5/8) (рис. 21,7). Черепок другого горшка красновато-желтый (7,5 YR 7/6), рыхлый по структуре, с примесью крупных дробин шамота (рис. 21,5). Морфологически оба сосуда имеют практически невыделенное горло, которое завершается отогнутым округлым венчиком диаметром около 13,0 см. Непосредственно к венчику крепилась уплощенная ручка шириной в пределах 2,0-2,7 см, с характерным пальцевым вдавлением в месте прилепа. По замечанию Л.В. Седиковой, такой прием крепления ручки распространяется среди столовой посуды на Крымском полуострове, начиная с VIII-IX вв. [89, с. 135; 90, с. 322]. На сегодняшний день на материалах Херсонеса, Боспора и отдельных салтово-маяцких могильников на Северском Донце (Червона Гусаровка, Красная Горка) подобные сосуды датируются второй половиной VIII – началом IX – XI вв. Помимо названных памятников, они известны также по раскопкам некоторых салтовских поселений Северо-Западного и Восточного Крыма [82, с. 63-64].

3. **Глазурованная керамика группы GWW-I** представлена только одной стенкой от коричневоглиняного сосуда, сформованного из рыхлого глиняного теста с примесью карасана, песка, слюды, снаружи покрыта глазурью желтого цвета. Фрагментарность находки не позволяет уверенно реконструировать форму изделия. Отметим лишь, что византийская поливная керамика данной группы из раскопок Мангупского городища датируется пока в общих пределах ее бытования, то есть VII – первой половиной IX вв. [41, с. 172-180].

Среди индивидуальных находок в комплексе отметим темноглиняное биконическое пряслице (рис. 22,14), пряслице из мергеля (рис. 22,13), фрагмент дна на кольцевом поддоне от рюмки (?) из зеленого прозрачного стекла (рис. 22,15) и три медные монеты, выпущенные в правление императоров Галерия (305-311), Аркадия (395-408) и Юстина I (518-527) (см. Приложение).

Хронология представленного археологического комплекса основывается, главным образом, на преобладании в нем «причерноморских» амфор с МЗР,

наличии различных хронологических групп салтово-маяцкой керамики и отсутствия среди материала высокогорлых кувшинов с плоскими ручками. Это позволяет датировать его образование и соответственно сооружение здания № 5 временем около середины IX в.

«Пол» хозяйственного помещения к юго-западу от комплекса зданий № 2 и 5 (рис. 3; 4; 8; 13; 15). Как уже было отмечено, планиграфически это наиболее позднее помещение исследованного строительного комплекса. Его «полом» являлась поверхность нивелировочной засыпи внутреннего пространства темно-коричневым плотным грунтом, насыщенным углями, пятнами золы, извести и прослойками («наплывами») светлой глины, напоминающей по структуре и цвету связующий раствор, на котором были сложены стены постройки. В процессе ее функционирования поверхность засыпи покрывалась известковой обмазкой. Общая мощность слоя достигала 0,45 м.

Археологический комплекс находок представлен фрагментами керамики (всего 1099), среди которой преобладают обломки тарных сосудов:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Строительная керамика	75	6,8
2	Тарная керамика	809	73,6
3	Кухонная керамика	134	12,2
4	Столовая керамика	81	7,4

Отметим, что около 20% находок не имеют точной хронологической атрибуции. Среди остального археологического материала более 60% составляют артефакты ранневизантийского времени («примесь снизу»). Только 15,5% находок носят датирующий характер. Процентное соотношение основных категорий изделий этого комплекса приведено в таблице ниже:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	«Причерноморские» амфоры с МЗР	81	47,4
2	Неорнаментированные кухонные горшки	46	26,9
3	Кухонные горшки с рельефовидным венчиком	5	2,9
4	Кувшины с росписью линиями светлого ангоба	39	22,8

Из нее видно явное преобладание тарной керамики, представленной исключительно фрагментами **«причерноморских» амфор с МЗР** второй половины VIII – XI вв. (рис. 23, 1-4). В их число включен идентичный по структуре глиняного теста обломок стенки **«причерноморской» амфоры, украшенной чередующимися зонами мелкого линейного и волнистого рифления**, выполненного мелкозубчатым гребенчатым штампом (рис. 23, 5). Черепок плотный, с мелкими включениями карбонатов, светло-коричневого

цвета (7,5 YR 6/4), снаружи покрыт ангобом розоватого тона (7,5 YR 7/3). Такие амфоры принадлежат к числу разновидностей «причерноморских» амфор, изредка встречающихся, главным образом, на памятниках Южной и Юго-Западной Таврики (Херсонес, Мангуп, Кыз-Кермен, Горный Ключ, Партенит, Симеиз), реже в восточной части полуострова (Героевка, Тиритака). В существующих классификациях средневековых амфор они обозначены как тип XV по ХК-71, класс 25 по ХК-95, тип 39 по Сазанову [56, с. 89-90, рис. 16; 57, с. 52, табл. 23,96; 61, р. 96]. На основании опубликованных материалов Херсонеса, Мангупа, Кыз-Кермена, Партенита, они могут быть датированы серединой VIII – первой половиной X вв. [62, с. 48-49 (тип IV)]. Однако необходимо заметить, что этот вывод носит предварительный характер. Так, по результатам анализа недавно изданных материалов раскопок «хазарского» слоя Тиритаки немногочисленные находки амфор с мелким зональным линейно-волнистым рифлением происходят только из комплексов второй половины IX – начала первой половины X вв. [62, с. 48, 75]. Наша находка, вероятно, также может свидетельствовать в пользу более поздней, в рамках отмеченного периода, хронологии данного типа «причерноморских» амфор¹⁹.

Среди кухонной посуды, обнаруженной в «полу» помещения, не найдена керамика салтово-маяцкого типа. Данная группа изделий включает две разновидности гончарных сосудов:

1. Традиционные **неорнаментированные шаровидные горшки** с отогнутым округлым венчиком, изготовленные на ручном гончарном круге с сохранившейся шамотированной подсыпкой на плоском дне (рис. 23,6-8).

2. Одноручные **шаровидные горшки с рельсовидным венчиком** (под крышку) диаметром 12,0 см (рис. 23,9), сформованные из плотного глиняного теста с примесью карбонатов, песка, шамота. Цвет черепка неравномерный, от серого до коричневого оттенков (7,5 YR 5/3). В публикациях точных аналогий таким сосудам обнаружить не удалось. Скорее всего, они являются разновидностью кухонных горшков с отогнутым венчиком с выступом на его внутренней стороне (под крышку) и пальцевым вдавлением в месте прилепа уплощенной ручки, которые известны по раскопкам Алустана и Херсонеса в культурных горизонтах и комплексах IX-X вв. [90, с. 172, рис. 6,9-13,15-16; 92, с. 123, рис. 2,1,4; 93, с. 323-324, рис. 8,7-16 (тип II); 94, с. 90, рис. 33,2; 95, с. 51, рис. 3,14].

Столовая керамика представлена фрагментами стенок **кувшинов «скалестинского» типа**, украшенных линейно-арочной росписью линиями светлого ангоба (рис. 23,12), а также обломками ангобированных красноглиняных кувшинов с клювовидным венчиком, сформованных из плотного глиняного

¹⁹ Косвенно это наблюдение подтверждается результатами охранных раскопок поселения у подножия Мангупского городища, где в комплексе второй половины – конца IX в. такие амфоры составляли 24% от общего числа керамических находок [45, с. 326-329, рис. 2,7-16].

теста с редкими включениями карбонатов, которое после обжига приобрело светло-красный (2,5 YR 6/8) цвет (рис. 23,10-11). Среди индивидуальных находок в слое отметим известняковую крышку (рис. 23,13) и фрагмент биконического темноглиняного пряслица с лощеной поверхностью (рис. 23,14).

Датировка рассматриваемого комплекса опирается не только на хронологию описанных амфор и бытовой керамики, но и на уже отмеченные общие планиграфические и стратиграфические наблюдения, сделанные во время раскопок памятника. Наиболее вероятная дата сооружения и использования хозяйственного помещения к юго-западу от зданий № 2 и 5 – вторая половина – конец IX в.

Яма № 7. Заполнение (рис. 3; 5; 7). Объект был открыт в ходе зачистки по уровню дневной поверхности в западном углу здания № 5. Очевидно, что яма была сооружена уже после строительства здания, так как она оказалась засыпанной грунтом, идентичным по цвету земляному «полу», но несколько более рыхлым по структуре. Мощность засыпи 0,2-0,3 м, находки из нее отражают поздний этап функционирования здания № 5.

Археологический комплекс из заполнения ямы представлен фрагментами керамики (всего 213), среди которой преобладают обломки тарных изделий:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	Строительная керамика	92	43,2
2	Тарная керамика	85	39,9
3	Кухонная керамика	20	9,4
4	Столовая керамика	16	7,5

Как уже отмечалось, типология раннесредневековой строительной керамики, которая составляет почти половину находок в комплексе, остается недостаточно разработанной, что заставляет нас исключить ее из числа датирующего материала. Также трудно уверенно выделить находки интересующего нас периода времени среди невыразительных фрагментов кухонной посуды. Среди атрибутированного материала (79 фрагментов) порядка 40% составляют артефакты ранневизантийского времени – амфоры типа V по ХК-71, класса 1 по ХК-95, типов LRA 1 и 2, лепные сосуды с лощеной поверхностью («примесь снизу»). Остальные носят датирующий характер:

№	Наименование	Всего фр-ов	%
1	«Причерноморские» амфоры с МЗР	9	19,6
2	«Причерноморские» желобчатые амфоры	22	47,8
3	Шаровидные горшки с пальцевым вдавлением в месте прилепа ручки	15	32,6

Большая часть находок представлена фрагментами двух наиболее распространенных на памятниках Северного Причерноморья и Крыма, в частности, типов **«причерноморских» амфор** середины VIII – середины XI вв. При этом отметим необычное для раскопок Мангупского городища явное преобладание красноглиняных (2,5 YR 6/4) амфор с желобчатой поверхностью, сформованных из рыхлого, плохо промешанного глиняного теста с обильной примесью шамота и редкими включениями частиц известняка. Из заполнения ямы № 7 извлечен фрагмент горловой части с отогнутым валикообразным венчиком диаметром 7,5 см, чуть ниже которого крепились ручки, овальные в сечении, со слабо выраженным продольным ребром, шириной 3,2 см (рис. 18,9).

Все атрибутированные фрагменты бытовой керамики в комплексе принадлежат **шаровидным горшкам с пальцевым вдавлением в месте прилепа ручки** второй половины VIII – начала IX – XI вв., подробно описанные при анализе археологических материалов из «пола» здания № 5. Отметим лишь обломок красноглиняного (2,5 YR 5/6) венчика, сформованного из плотного теста с примесью песка и мелких карбонатов, покрытого светлым ангобом (рис. 18,10). На отдельных фрагментах стенок таких сосудов сохранилась роспись линиями светлого ангоба.

С учетом широкой хронологии датирующих находок в засыпи ямы ее датировка опирается на общие наблюдения, сделанные в ходе изучения других закрытых археологических комплексов данного яруса застройки в районе церкви Св. Константина. Напомним, что здание № 5 было построено около середины IX в., окончательно заброшено в конце IX – начале X вв. Таким образом время сооружения и засыпь ямы № 7 могут быть отнесены ко второй половине или, скорее, к концу IX в., незадолго до прекращения функционирования строительного комплекса.

Периодизация и этнокультурная атрибуция комплекса зданий 2 и 5.

Общая хронология комплекса не выходит за пределы середины IX – начала X вв. Стратиграфические и планиграфические наблюдения во время раскопок, дополненные изучением находок из закрытых археологических комплексов, позволяют довольно уверенно реконструировать последовательность возведения отдельных помещений постройки. Наиболее ранним из них является здание № 5, построенное около середины IX в. Позднее, во второй половине IX в., ближе к концу столетия, сооружаются здание № 2 и хозяйственное помещение. Приблизительно в конце IX – начале X вв., но не позднее, строительный комплекс прекращает функционирование. Плохая сохранность постройки свидетельствует об активной разборке ее стен на строительный материал.

Этнокультурная атрибуция памятника лишь на первый взгляд не вызывает особых затруднений. Наличие среди вещественных находок фрагментов кухонной гончарной посуды со сплошным гребенчатым рифлением, не имеющей генетической связи с местной бытовой керамикой позднеримского

и ранневизантийского времени, а также ряд строительных приемов, использованных при возведении постройки (ее общая заглубленность относительно окружающей дневной поверхности; установка стен непосредственно на грунт либо обкладка камнем бортов котлованов; элементы техники кладки «в елку»), позволяют довольно уверенно связать ее с носителями салтово-маяцкой археологической культуры²⁰. В таком случае близкие аналогии нашему комплексу необходимо искать среди домов-пятистенков, раскопанных, прежде всего, в Юго-Восточном и Восточном Крыму, где, по мнению И.А. Баранова и Л.Ю. Пономарева, с IX в. такой тип сооружений доминирует, постепенно вытесняя из употребления полуземлянки и однокамерные дома [49, с. 48-52; 96, с. 410-411; 97, с. 268-269].

Однако, здание, открытое на Мангупе, не может принадлежать к числу классических примеров такой эволюции. Во-первых, салтово-маяцкая керамика не является здесь преобладающей группой археологического материала, даже среди найденной кухонной посуды. Во-вторых, ряд конструктивных приемов, которые были использованы при возведении постройки (связующий раствор; использование обработанных блоков по углам и в дверных проемах, крупных камней в нижних рядах кладки; перевязь углов строений; техника трехслойной, двупанцирной с забутовкой кладки), не характерны в целом для салтовцев и, как отмечалось выше, связаны с традициями провинциально-византийской строительной культуры. Наконец, в-третьих, судя по хронологии комплекса (середина IX – начало X вв.), его появление и функционирование отражает начальный этап фемного периода в истории Мангупского городища, отмеченный постепенным ослаблением политического и территориального присутствия Хазарского каганата в Таврике и укреплением позиций Византии на полуострове.

Следует заметить, что наблюдаемая двойственность материальной культуры, сочетающей в себе салтово-маяцкие и провинциально-византийские элементы, при явном преобладании последних, наблюдается и на многих других памятниках конца VIII – X вв. в Южной Таврике (Бакла, Кыз-Кер-

²⁰ В настоящей работе мы не касаемся дискуссионного вопроса происхождения так называемой кладки «в елку» или техники *opus spicatum*. На сегодняшний день одни исследователи традиционно связывают распространение этого строительного приема на Тамани и в Таврике с территориальной экспансией «салтовцев», населения Хазарского каганата [79, с. 49, 63; 49, с. 45; 52, с. 189], другие отрицают эту гипотезу [63, с. 115-118; 100, с. 117-148; 101, с. 32]. Со своей стороны заметим, что в дальнейшем результативность обсуждения данной проблемы во многом будет зависеть от появления в работах сторонников последней точки зрения детальной сводки примеров использования техники *opus spicatum* в Северном Причерноморье в римское и ранневизантийское время, без которой их аргументы носят, по большей части, декларативный характер. Пока же не приходится отрицать широкое распространение кладки «в елку» на памятниках VIII-X вв. в отдельных районах расселения салтово-маяцкого населения (Дагестан, Тамань, Таврика).

мен, Бобровка, Поворотное, Передовое, Гончарное, Горный Ключ, Парте-нит, Сотера и другие)²¹. Эта ситуация может быть объяснена мирной филь-трацией отдельных групп «салтовского» населения в глубинные районы по-луострова, что хорошо видно, как нам кажется, на примере публикуемого памятника. В то же время следует иметь в виду также объяснение подобной структуры археологического комплекса Баклы соответствующего времени, данное В.Е. Рудаковым, предпочитавшим видеть в ней отражение процес-сов проникновения в местную этническую среду элементов салтово-ма-яцкой культуры через торговые контакты и заимствования [102, с. 110-111].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): предварительное сообщение // Материалы VIII Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007.
2. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI-XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
3. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
4. Душенко А.А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
5. Герцен А.Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27.
6. Герцен А.Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
7. Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1.
8. Герцен А.Г. У истоков иудейской общины Мангупа // Материалы IV Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Памяти В.В. Шкорпила. Керчь, 2003.
9. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
10. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) // АДСВ. Екатеринбург, 2006. Вып. 37.
11. Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. 12.
12. Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С. Чореф М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
13. Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
14. Якобсон А.Л. Дворец // МИА. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.; Л., 1953. № 34.

²¹ Подробную сводку таких примеров см.: 98, с. 546, 560. Из относительно недавних работ, не вошедших в нее, отметим, прежде всего, публикацию результатов раскопок поселения в урочище Сотера [99, с. 122].

15. Тиханова М.А. Базилика // МИА. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.; Л., 1953. № 34.
16. Hayes D.W. Glazed White Wares // Hayes D.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Princeton, 1992. Vol. 2. The Pottery.
17. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
18. Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. 1940. Т. VI.
19. Бармина Н.И. Контуры перемен: Мангупский памятник в контексте истории крымского средневековья // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33.
20. Бармина Н.И. Мангупская базилика: от возникновения до разрушения // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Научные доклады международной конференции. Екатеринбург, 2004.
21. Бармина Н.И. Хронология Мангупской базилики (опыт изучения) // АДСВ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36.
22. Бармина Н.И. Этапы жизни Мангупской базилики // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 42. Византия в контексте мировой культуры: К столетию А.В. Банк (1906-1984). Материалы конференции. СПб., 2008.
23. Бармина Н.И. Археологические свидетельства пребывания хазар на Мангупе // Византия и Крым: проблемы городской культуры. Тезисы докладов VIII научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 1995.
24. Бармина Н.И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27.
25. Бармина Н.И. Раскопки Мангупской базилики // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Сб. науч. стат. Симферополь, 1997.
26. Флерова В.Е. Граффити Хазарии. М., 1997.
27. Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.; Иерусалим, 2001.
28. Vroom J. Playing games in the valley of the Muses. A Medieval board game found in Boeotia, Greece // Pharos. 1999. Vol. VII.
29. Піоро І.С. Археологічні дослідження залишків садиби на середньовічному городищі Мангуп у 1969 році // Вісник Київського університету. Київ, 1972. № 14 (Серія Історія).
30. Герцен А.Г. Археологические исследования Мангупа в 1967-1977 гг. // Херсонесский колокол. Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В.Н. Даниленко. Симферополь, 2008.
31. Герцен А.Г. Система оборонительных сооружений Мангупа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
32. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
33. Герцен А.Г. Крепость Дорос: византийско-хазарское пограничье в Таврике // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора М.И. Артамонова. Тез. докл. СПб., 1998.
34. Герцен А.Г. Ранневизантийский период в истории Дороса – Мангупа по археологическим данным // Материалы VII Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ойкос. Керчь, 2006.
35. Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамну-бурунский клад монет-имитаций. К датировке Западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. Вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988.
36. Gertsen A. Der Schatz von Teschkliburun (aus den Grabungen von Mangup) // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999.
37. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Керамика IX-XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешклибурун // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
38. Мыц В.Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1.

39. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
40. Герцен А.Г., Карлов С.В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Готы и Рим. Сб. науч. стат. Киев, 2006.
41. Смокотина А.В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангула // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
42. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангула // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
43. Герцен А.Г. Нумизматический спектр Мангула – Дороса // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към историята на Черноморското крайбрежие. Международна конференция в памет на ст.н.с. Милко Мирчев. Варна, 2008.
44. Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33.
45. Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангула // БИАС. Симферополь, 1997. Вып. I.
46. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
47. Герцен А.Г. Позднеантичное святилище на горе Бабулган // Материалы IV Боспорских чтений. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004.
48. Герцен А.Г. Бронзовая статуэтка Меркурия из раскопок Мангула // VI Крымская Международная конференция по религиоведению. Символ в философии и религии. Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2004.
49. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990.
50. Яйленко В.П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. 1987. Т. 48.
51. Алексеенко Н.А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // ХСб. Севастополь, 1998. Вып. IX.
52. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
53. Айбабин А.И. Крым в VIII-IX вв. Хазарское господство. Степь и Юго-Западный Крым // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. М., 2003.
54. Айбабин А.И. Крым в X – первой половине XIII вв. Степь и Юго-Западный Крым // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. М., 2003.
55. Виноградов А.Ю. Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39.
56. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7.
57. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
58. Riley J. A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Tripoli, 1979. Vol. II.
59. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. М., 1960. № 83.
60. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
61. Sazanov A. Les amphores de l'Antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La céramique médiévale en Méditerranée. Aix-de-Provence, 1997.
62. Науменко В.Е. Амфоры // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь; Керчь, 2009. (Bosporos Studies. Suppl. 5).

63. Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.
64. Чхаидзе В.Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // Древности Боспора. М., 2006. Вып. 10.
65. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России. Памяти А.Г. Атавина. М., 2008.
66. Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 5 и 6 // БИАС. Симферополь, 2008. Вып. 3.
67. Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2010. № 1(27).
68. Науменко В.Е. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь; Керчь, 2009. (Bosporos Studies. Suppl. 5).
69. Чхаидзе В.Н. Изображение амфор-корчаг на одной миниатюре Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи // Stratum plus. 2001-2002. № 5.
70. Чхаидзе В.Н. Высокогорлые кувшины с плоскими ручкам из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье // Древности Юга России. Памяти А.Г. Атавина. М., 2008.
71. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.
72. Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
73. Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
74. Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 3, 4, 7 // БИАС. Симферополь, 2001. Вып. 2.
75. Майко В.В. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи // Древности. Харьков, 2009. Вып. 8.
76. Науменко В.Е. Фляги // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь; Керчь, 2009. (Bosporos Studies. Suppl. 5).
77. Димитров Я., Бонев С. Сивата керамика от езическия храм в местността селища в Преслав // Проблеми на прабългарската история и култура. Шумен, 1997. Вип. 3.
78. Алексиев Й. За бъклиците в средновековна България // Българите в Северното Причерноморие. В.Търново, 2000. Т. 7.
79. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. М., 1967. № 142.
80. Красильников К.И. Кухонна керамика та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Середньодонеччя // Vita Antiqua. Київ, 1999. № 2.
81. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004.
82. Науменко В.Е. Столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь; Керчь, 2009. (Bosporos Studies. Suppl. 5).
83. Романчук А.И., Рудаков В.Е. Керамический комплекс IX-X вв. Баклинского городища // СА. 1975. № 2.
84. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
85. Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959. № 75.
86. Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

87. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь; Керчь, 2009. (Bosporos Studies. Suppl. 5).
88. Майко В.В. Керамічний комплекс однієї групи праболгарських пам'яток Таврики другої половини VII століття // Українська керамологія. Описне, 2001. Кн. I.
89. Седикова Л.В. Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
90. Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 2.
91. Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
92. Седикова Л.В. Керамический комплекс второй половины IX века из цитадели Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
93. Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса // ХСБ. Севастополь, 1999. Вып. X.
94. Мыц В.Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев, 1991.
95. Майко В.В. К вопросу о зольнике Алустана второй половины X в. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.
96. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
97. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова второй половины VIII – первой половины X вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II.
98. Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII.
99. Паршина Е.А. Средневековое поселение в урочище Сотера // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.
100. Сорочан С.Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2004. Т. 3.
101. Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.
102. Рудаков В.Е. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища // АДСВ. Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.
103. Nugu G., Boyan S. Roman board game piece in Northern Dobrudja // Peuce. Serie nova. Tulcea, 2009. T. VII.

ОПИСЬ МОНЕТ

из раскопок городской застройки в районе церкви св. Константина²²

№	Место находки	Материал	Атрибуция	Описание
III горизонт застройки				
1	Квадрат В. Здание № 2. «Пол»	Медь	Римская империя. II-III вв. (?). Вероятно, выпуск одного из центров Малой Азии	Диаметр 2,0-2,1 см. Сильно потерта
2	Квадрат И-3. Здание № 5. «Пол»	Медь	Римская империя. Галерий (305-311). Фоллис, выпущенный в г. Никомидии в мастерской №1	На лицевой стороне – портрет правителя и надпись IMP C GAL VAL MAXIMIANUS PP AVG, на оборотной – Гений императора и надпись GENIO AVGVSTI. Под изображением черта и надпись SMNA. Диаметр 2,0-2,1 см. Соотношение осей 6 ч.
3	Квадрат Н. Строительная траншея № 5. Заполнение	Медь	Римская империя (?)	Диаметр 1,2-1,3 см. Полностью стертая монета
4	Квадрат И-3. Здание № 5. «Пол»	Серебро	Византийская империя. Аркадий (395-408)	Фрагмент монеты. Сохранившиеся размеры 1,3x2,1 см
5	Квадрат И-3. Здание № 5. «Пол»	Медь	Византийская империя. Юстин I (518-527). Пентануммий. Выпуск г. Константинополя	На лицевой стороне портрет императора вправо, на оборотной – христорамма. Диаметр 1,1-1,2 см. Соотношение осей 0 ч.
6	Квадрат В, 3-й слой. «Слой разрушения» здания № 2	Медь	Византийская империя. Юстиниан I (527-565). Пентануммий. Чекан г. Константинополя	На аверсе голова Юстиниана I вправо, легенда стерта. На реверсе, в поле, крупная цифра номинала €(5), справа крест. Диаметр 1,4-1,5 см. Соотношение осей 1 ч.

²² Составлена М.М. Чорефом.

Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е.

**Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп):
III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.)**

Резюме

Статья продолжает серию публикаций основных результатов археологических исследований участка жилой и хозяйственной застройки в районе церкви Св. Константина, расположенной в центральной части Мангупского плато. Статья посвящена публикации материалов III строительного горизонта, который образуют сооружения хазарского и фемного времени. На площади раскопа они представлены двумя однокамерными зданиями (№№ 2 и 5) со смежной стеной, к которым с юго-запада пристроено хозяйственное помещение, а также тремя ямами и двумя строительными траншеями. Все указанные археологические объекты планиграфически входят в состав единого строительного комплекса общей площадью около 100 кв. м.

Общая хронология памятника не выходит за пределы середины IX – начала X вв. Стратиграфические и планиграфические наблюдения во время раскопок, дополненные изучением находок из закрытых археологических комплексов, позволяют довольно уверенно реконструировать последовательность возведения отдельных помещений. Наиболее ранним из них является здание № 5, построенное около середины IX в. Позднее, во второй половине IX в., ближе к концу столетия, сооружаются здание № 2 и хозяйственное помещение. Приблизительно в конце IX – начале X вв., но не позднее, строительный комплекс забрасывается.

Наличие среди вещественных находок фрагментов кухонной гончарной посуды со сплошным гребенчатым рифлением, не имеющей генетической связи с местной бытовой керамикой позднееримского и ранневизантийского времени, а также ряд строительных приемов, использованных при возведении комплекса, позволяют уверенно связать его с носителями салтово-маяцкой археологической культуры.

Герцен О.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е.

**Археологічні дослідження в районі церкви Св. Костянтина (Мангуп):
III горизонт забудови (середина IX – початок X ст.)**

Резюме

Стаття продовжує серію публікацій основних результатів археологічних досліджень ділянки житлової й господарської забудови в районі церкви Св. Костянтина, яка розташована в центральній частині Мангупського плато. Статтю присвячено публікації матеріалів III будівельного горизонту, який утворюють споруди хозарського та фемного часу. На площі розкопу вони представлені двома однокамерними будівлями (№№ 2 і 5) з суміжною стіною, до яких з південного заходу прибудовано господарське приміщення, а також трьома ямами і двома будівельними траншеями. Всі вказані археологічні об'єкти планіграфічно входять до складу єдиного будівельного комплексу загальною площею близько 100 кв. м.

Загальна хронологія пам'ятки не виходить за межі середини IX – початку X ст. Стратиграфічні та планіграфічні спостереження під час розкопок, доповнені вивченням знахідок із закритих археологічних комплексів, дозволяють досить впевнено реконструювати послідовність зведення окремих приміщень. Найбільш ранньою з них є будівля № 5, побудована біля середини IX ст. Пізніше, в другій половині IX ст., ближче до кінця століття, споруджуються будівля № 2 і господарське приміщення. Приблизно наприкінці IX – початку X ст., але не пізніше, будівельний комплекс приходить у занедбаний стан.

Наявність серед речових знахідок фрагментів кухонного гончарного посуду з суцільним гребінчастим рифленням, що не має генетичного зв'язку з місцевою побутовою керамікою пізньоримського і ранньовізантійського часів, а також низка будівельних засобів, що використались при зведенні комплексу, дозволяють впевнено пов'язати його з носіями салтово-маяцької археологічної культури.

Gertzen A. G., Ivanova O. S., Naumenko V. Ye.

**Archaeological Research in the District of St Constantine Church (Mangup):
III Horizon of Building (the mid-9th – the beginning of the 10th centuries)**

Summary

The article continues a series of publications of basic results of archaeological research of the part of dwelling and household build-up in the district of St Constantine situated in the central part of Mangup plateau. The article is devoted to the publication of materials of the III building horizon that form buildings of Khazar and thema period. On the territory of the excavation site they are represented with two one-chamber buildings (№№ 2 and 5) with an adjacent wall to which household premise is build on from the south-west, and three pits and two building ditches as well. All mentioned objects are planigraphically in the content of the single building complex with total area of 100 square meters.

General chronology of the monument does not exceed the mid-9th century – the beginning of the 10th century. Stratigraphic and planigraphic observations during excavations, completed with the research of closed archaeological complexes of finds, enable to reconstruct the sequence of erection of individual premises of the building. The earliest of them is building № 5, built ca mid-9th century. Later in the second half of the 9th century, closer to the end of the century, building № 2 and household premise are built. Ca at the end of the 9th – the beginning of the 10th centuries, not later, the building complex is neglected.

Among material finds, there are fragments of kitchen ceramic houseware with running comb-shaped configuration, which has no genetic relation to the local household pottery dating to Late-Roman and Early Byzantine periods, as well as some building techniques used during the construction of this building enable us to attribute it with bearers of Saltovo-Majaki archaeological culture.

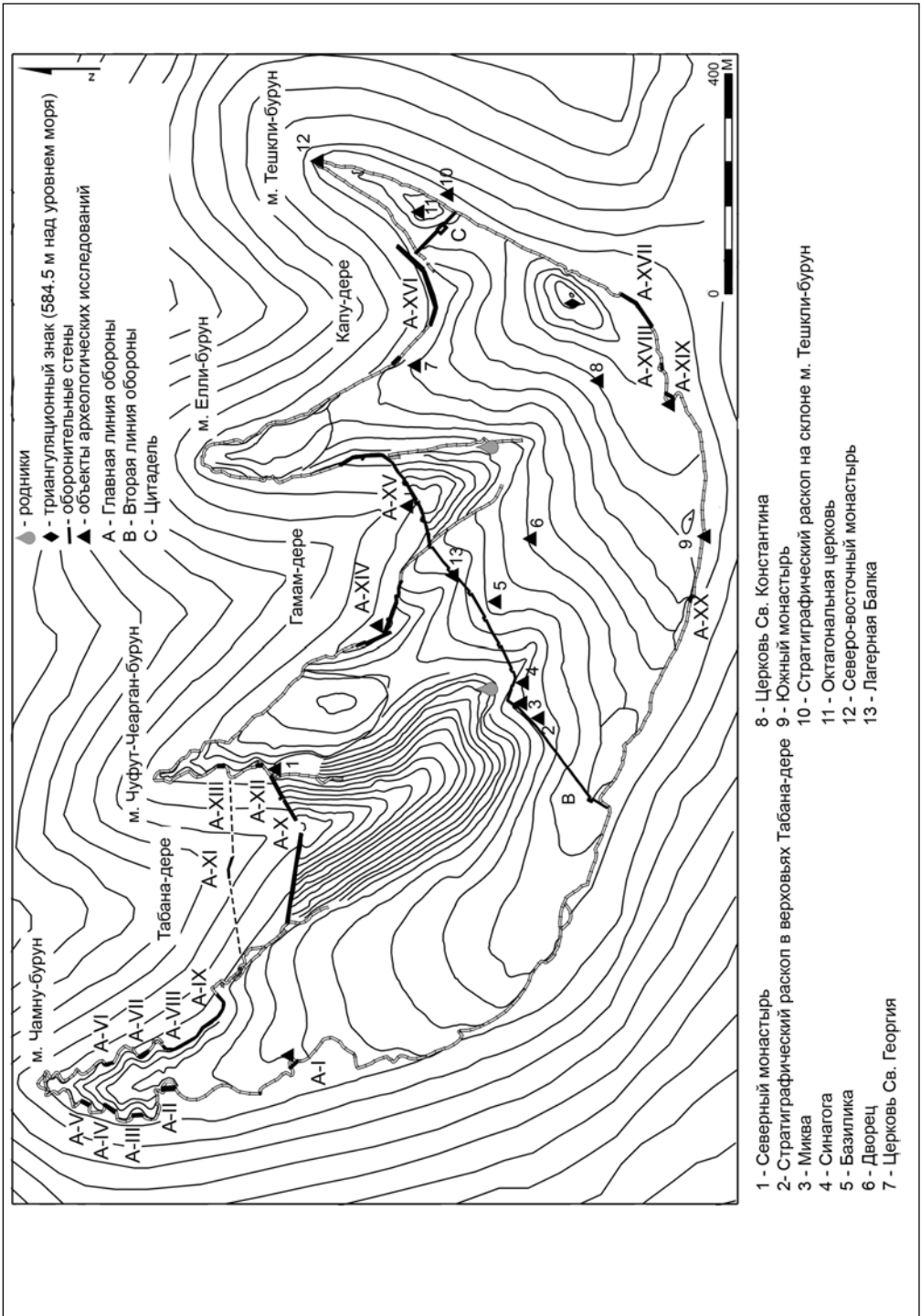

Рис. 1. Общий план Мангульского плато с указанием основных объектов археологических исследований.

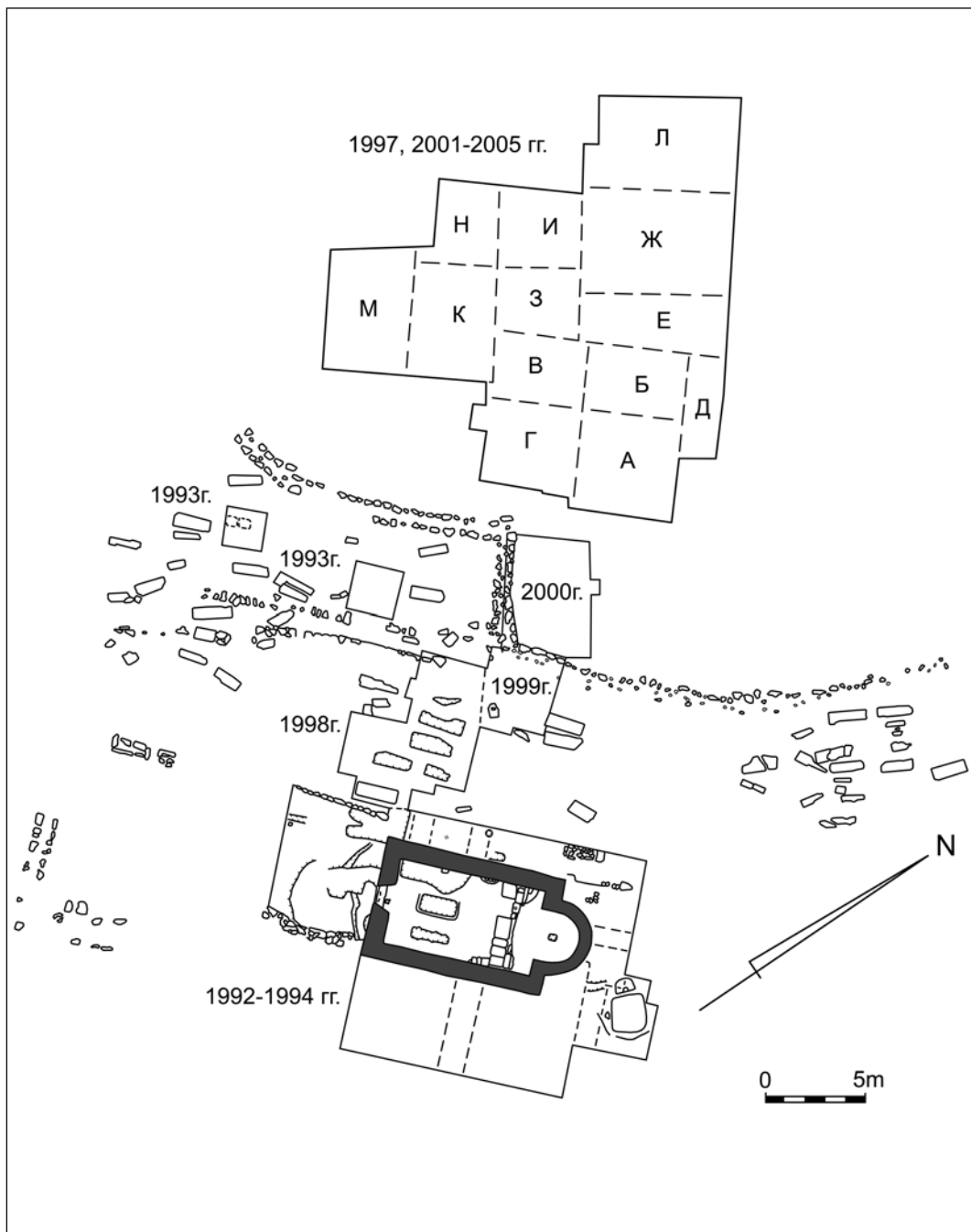

Рис. 2. Ситуационный план комплекса с указанием участков исследований у церкви Св. Константина.

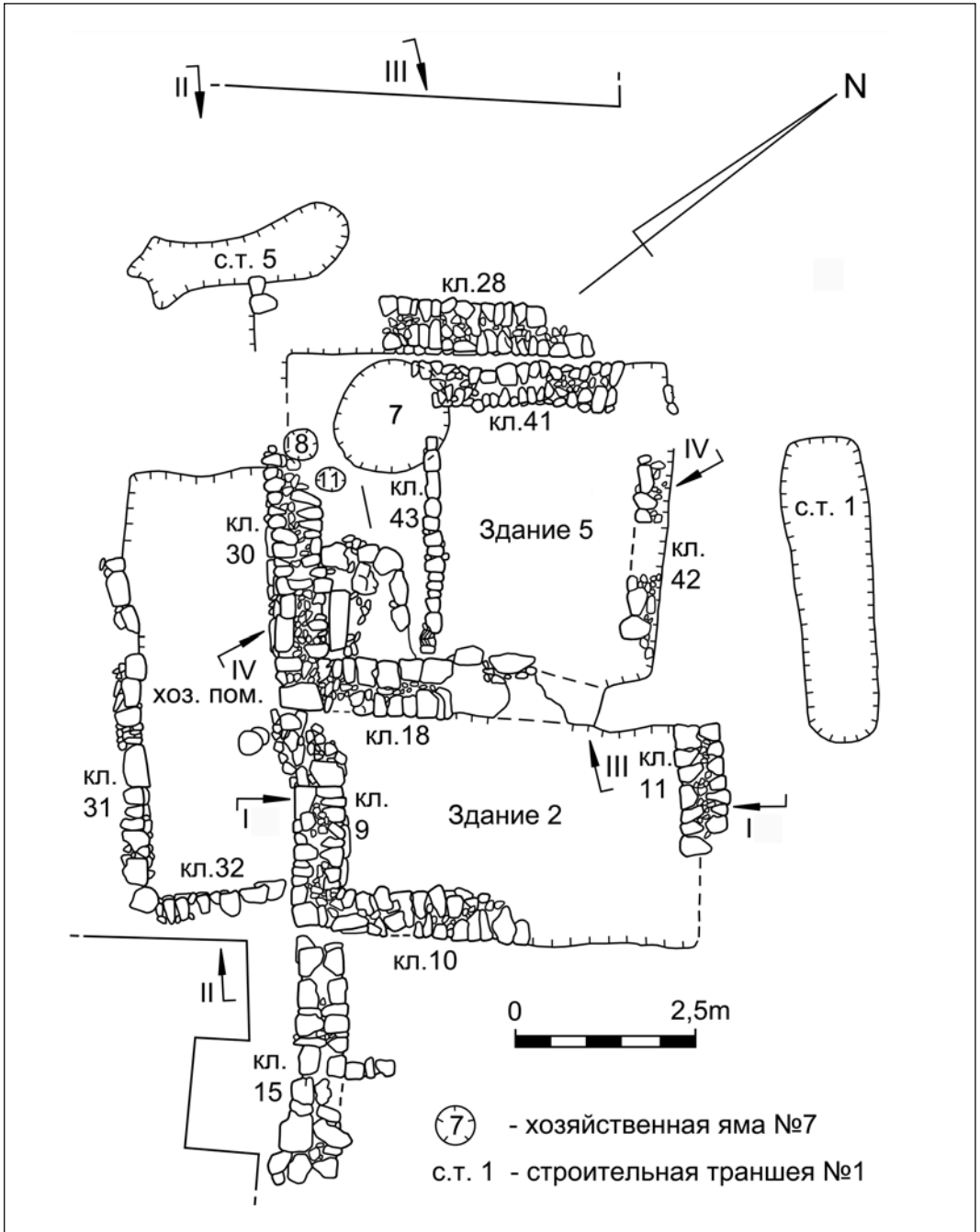

Рис. 3. Общий план строительных остатков III яруса застройки у церкви Св. Константина.

Рис. 4. Комплекс зданий 2 и 5 после снятия «полов». Общий вид с северо-востока.

Рис. 5. Здание 5 по уровню «пола». Общий вид с юга.

Рис. 6. Здание 2 по уровню «пола». Общий вид с юга, сверху.

Рис. 7. Здание 5 после снятия «пола». Общий вид с юга, сверху.

Рис. 8. Хозяйственное помещение к юго-западу от зданий 2 и 5. Общий вид с востока, сверху.

Рис. 9. Здание 2. Юго-западная стена (кладка 9). Вид с северо-востока.

Рис. 10. Здание 2. Яма 9 под северо-восточной стеной (кладка 11). Вид сверху.

Рис. 11. Здание 5. Внутренняя фасировка северо-восточной стены (кладка 42).

Рис. 12. Здание 5. Яма 24, перекрытая кладкой 41. Общий вид с юго-востока.

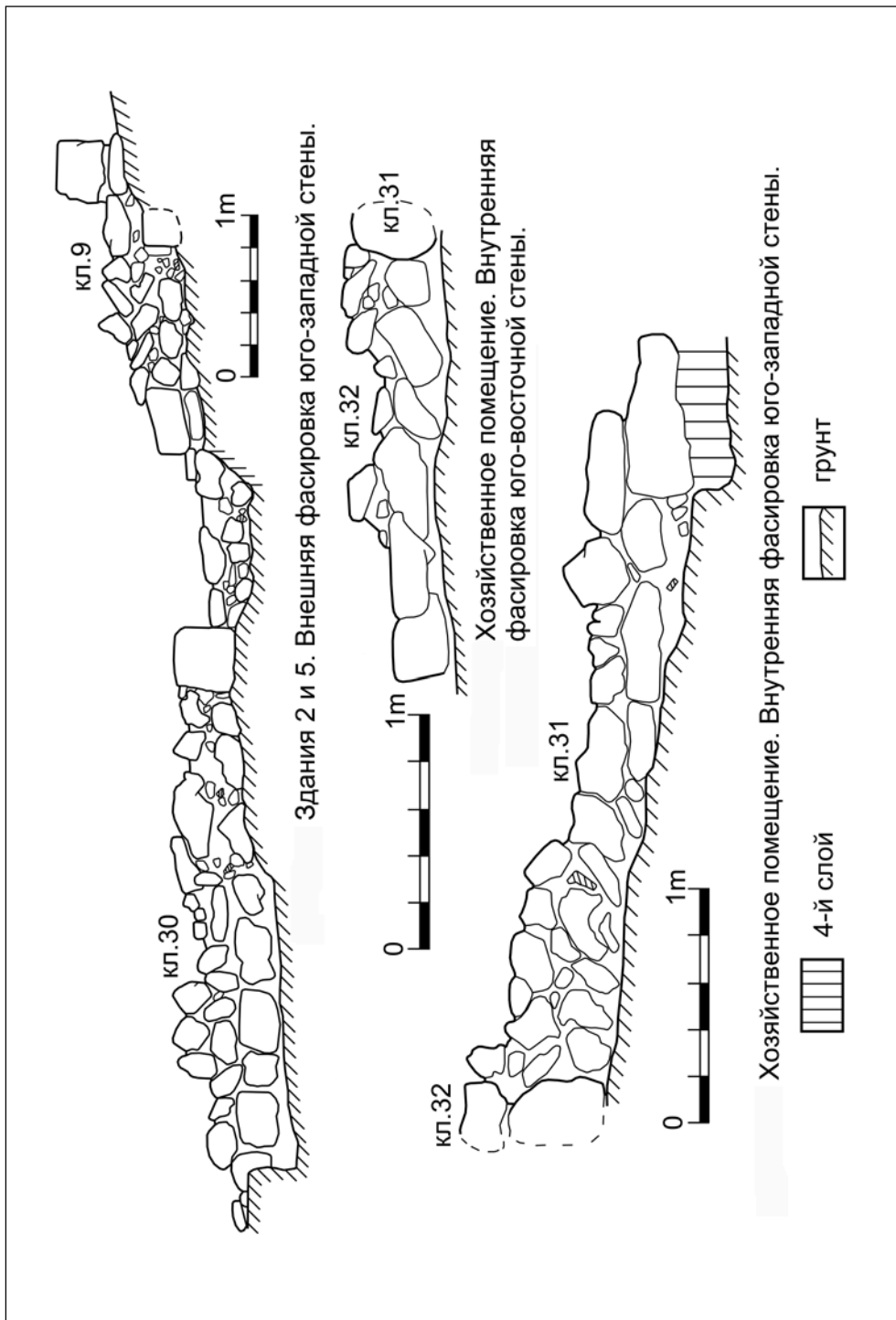

Рис. 13. Комплекс зданий 2 и 5. Фасировки стен.

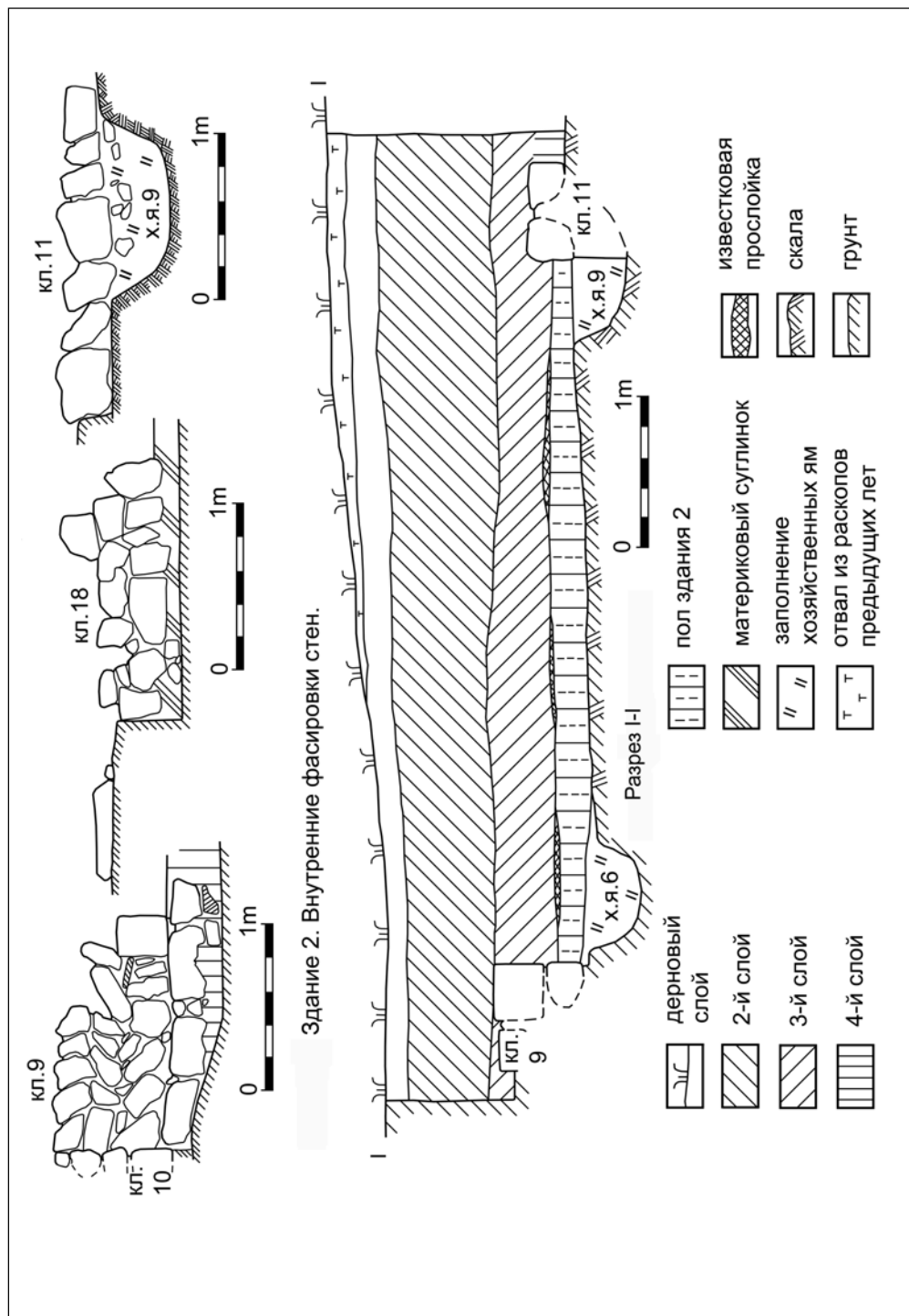

Рис. 14. Здание 2. Фасировки стен и стратиграфический разрез I-I.

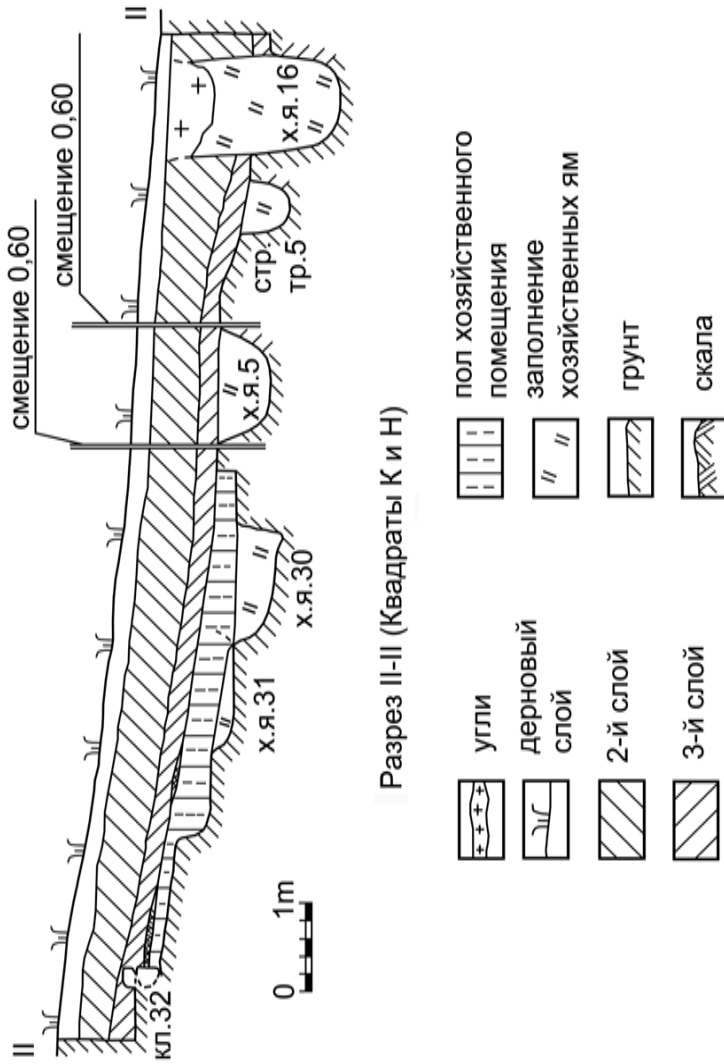

Рис. 15. Хозяйственное помещение к юго-западу от зданий 2 и 5. Стратиграфический разрез II-II.

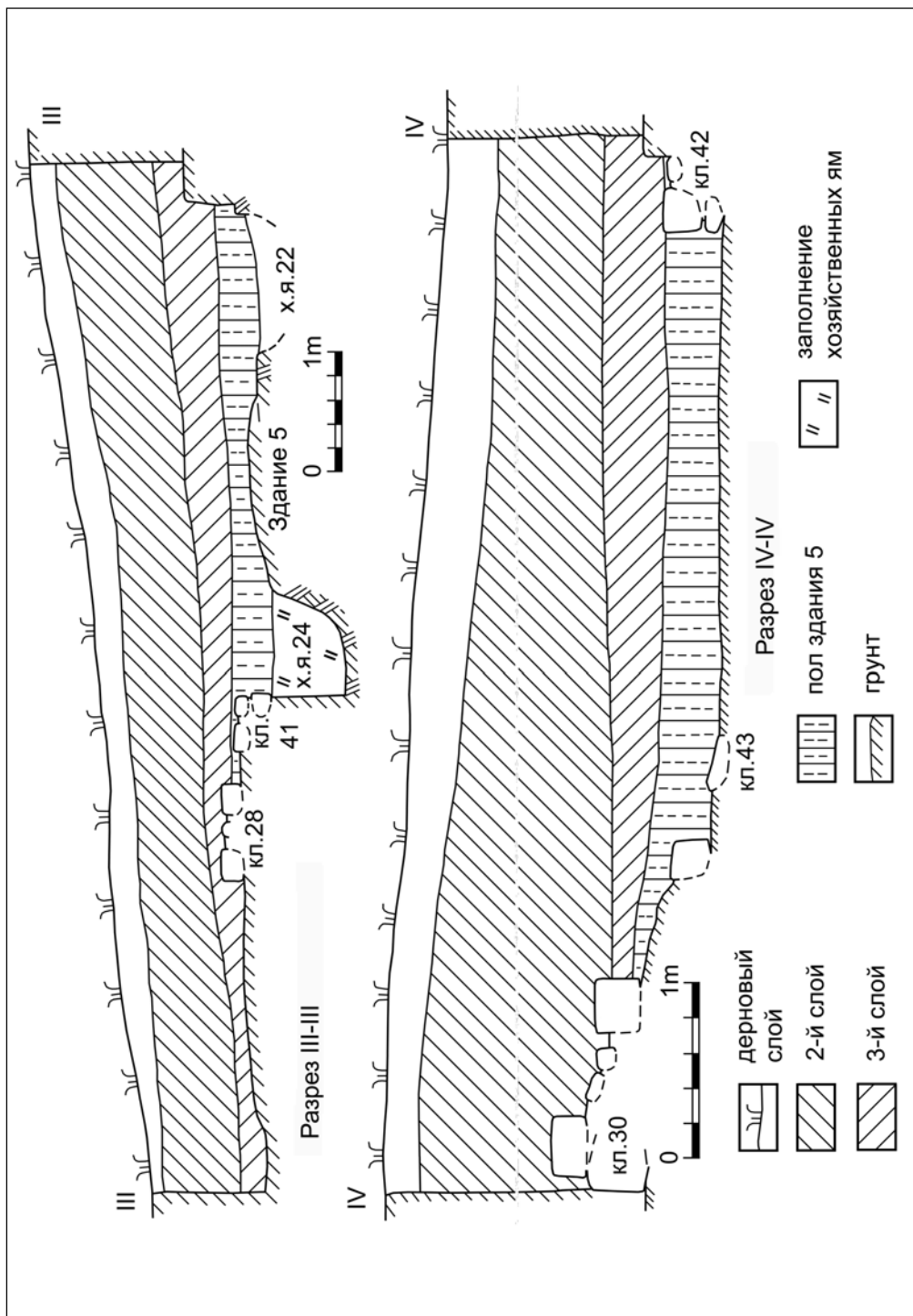

Рис. 16. Здание 5. Стратиграфические разрезы III-III и IV-IV.

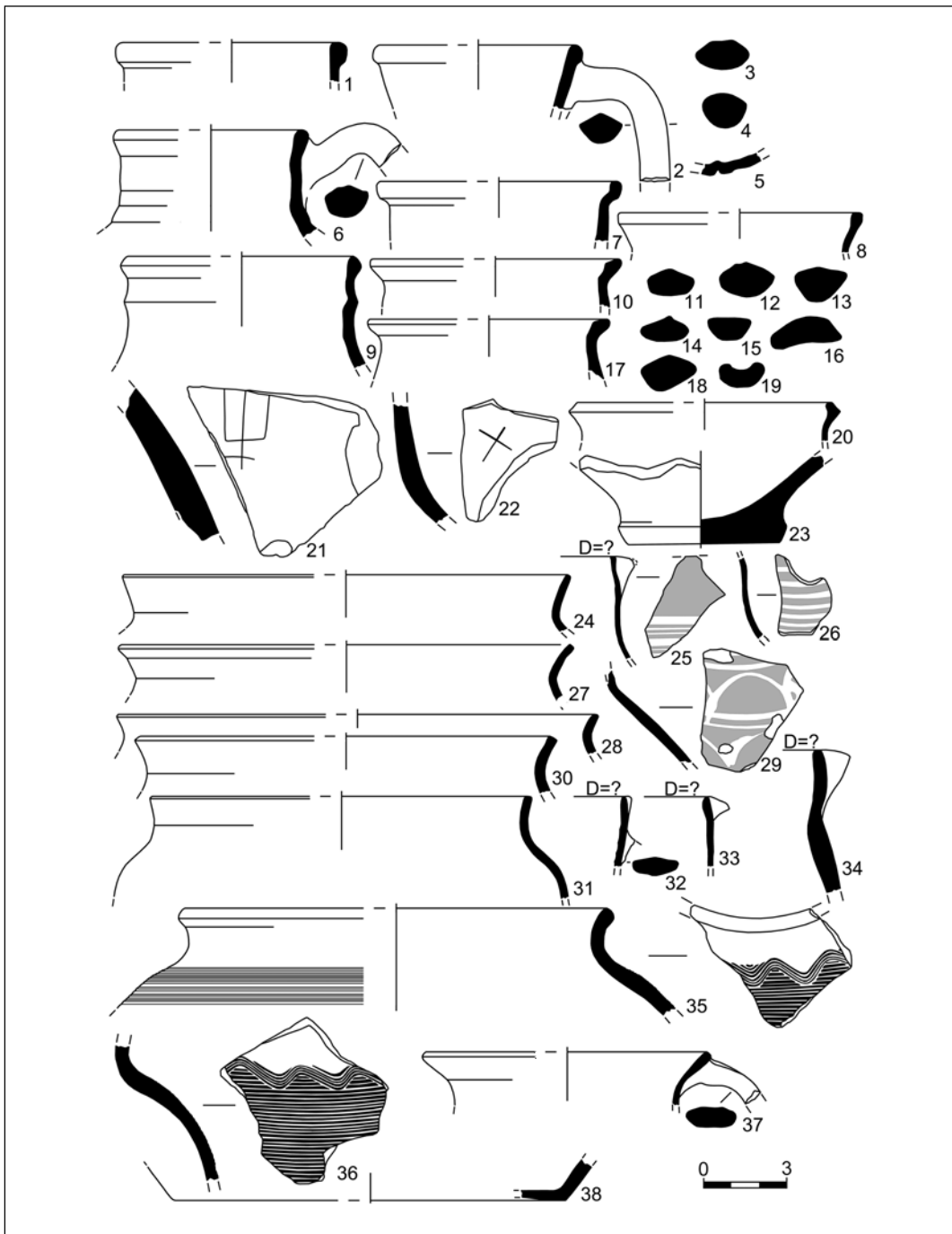

Рис. 17. Здание 2. Находки из «слоя функционирования» постройки.

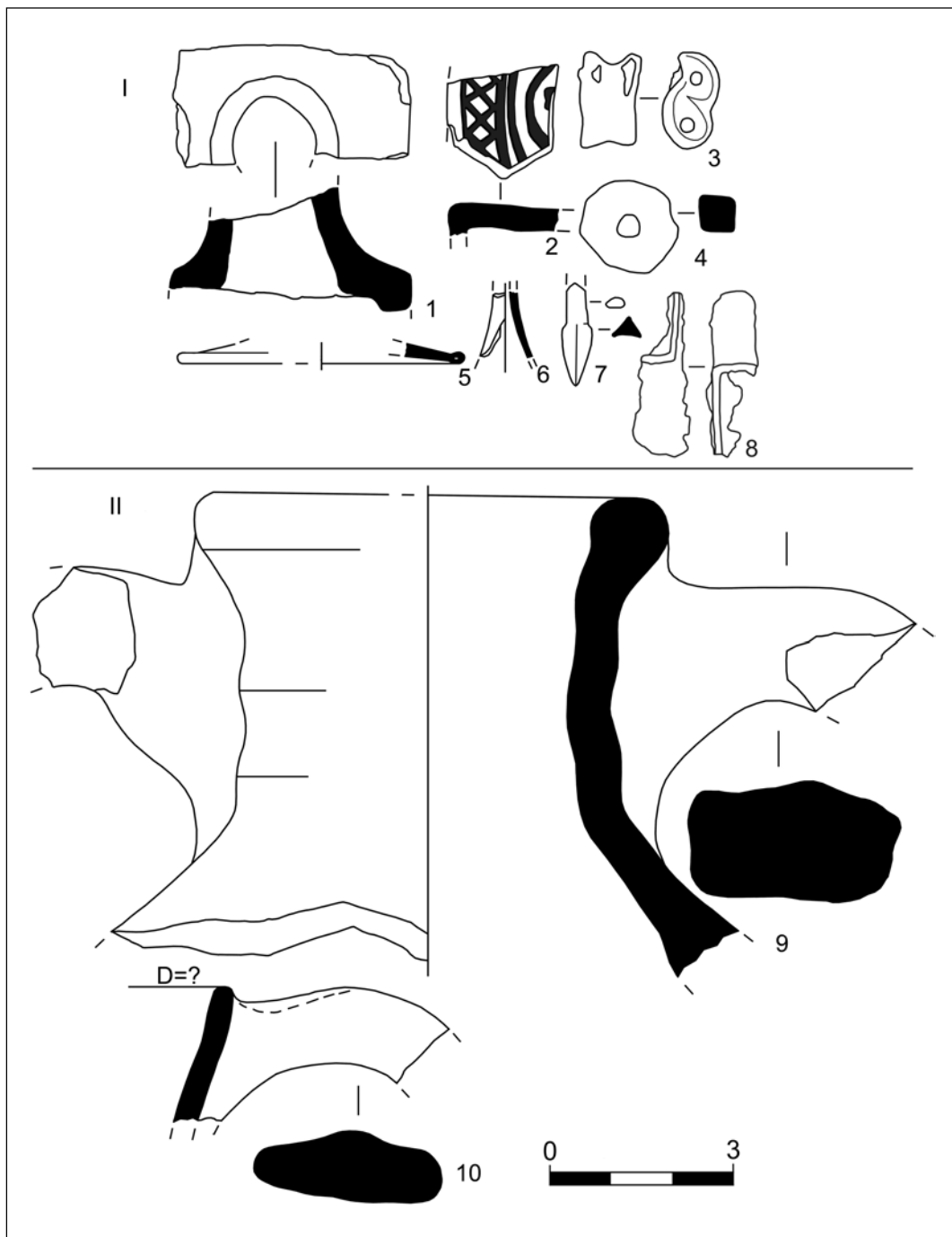

Рис. 18. Находки из «слоя функционирования» здания 2 (I) и заполнения ямы № 7 (II).

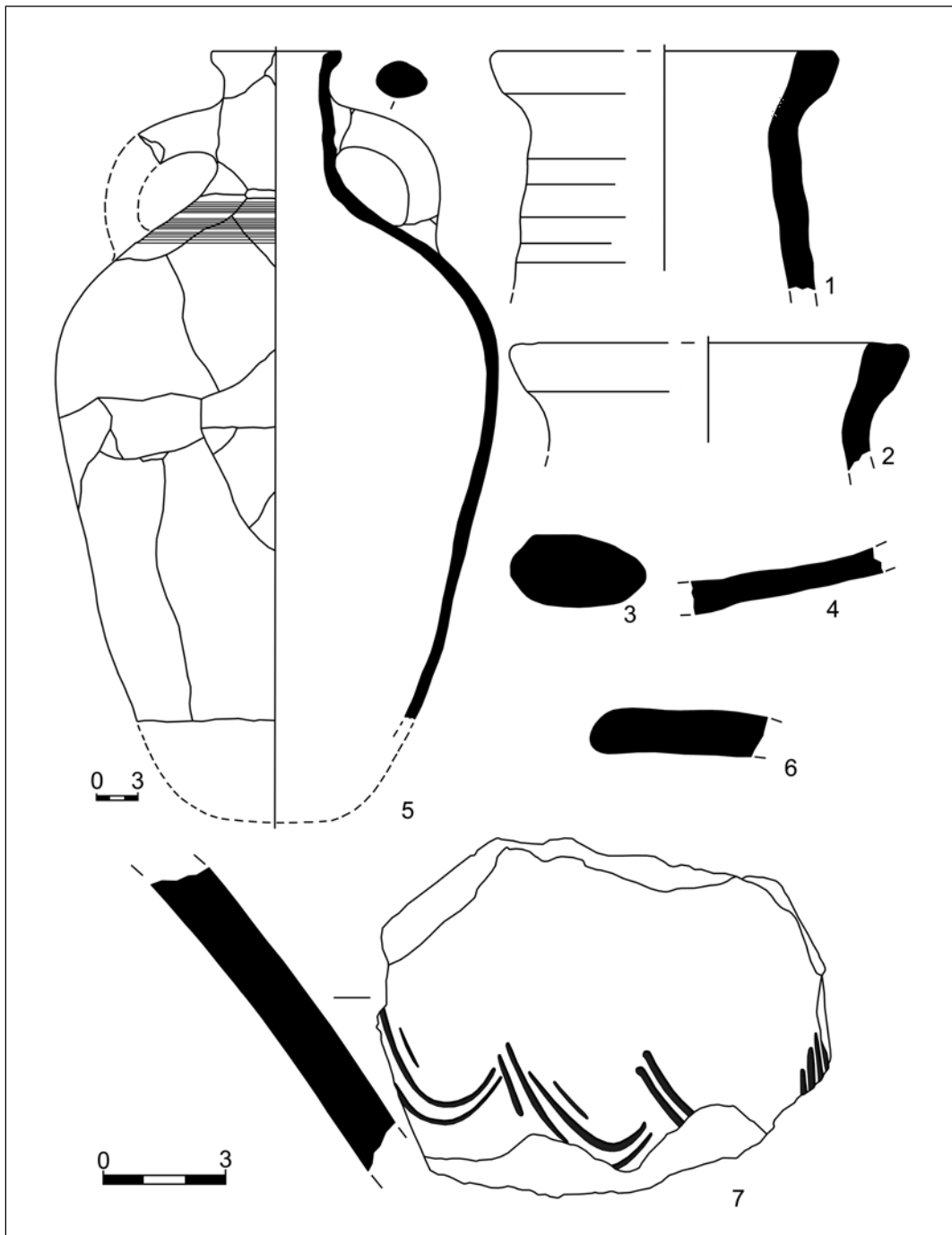

Рис. 19. Здание 2. Находки тарной керамики из «пола».

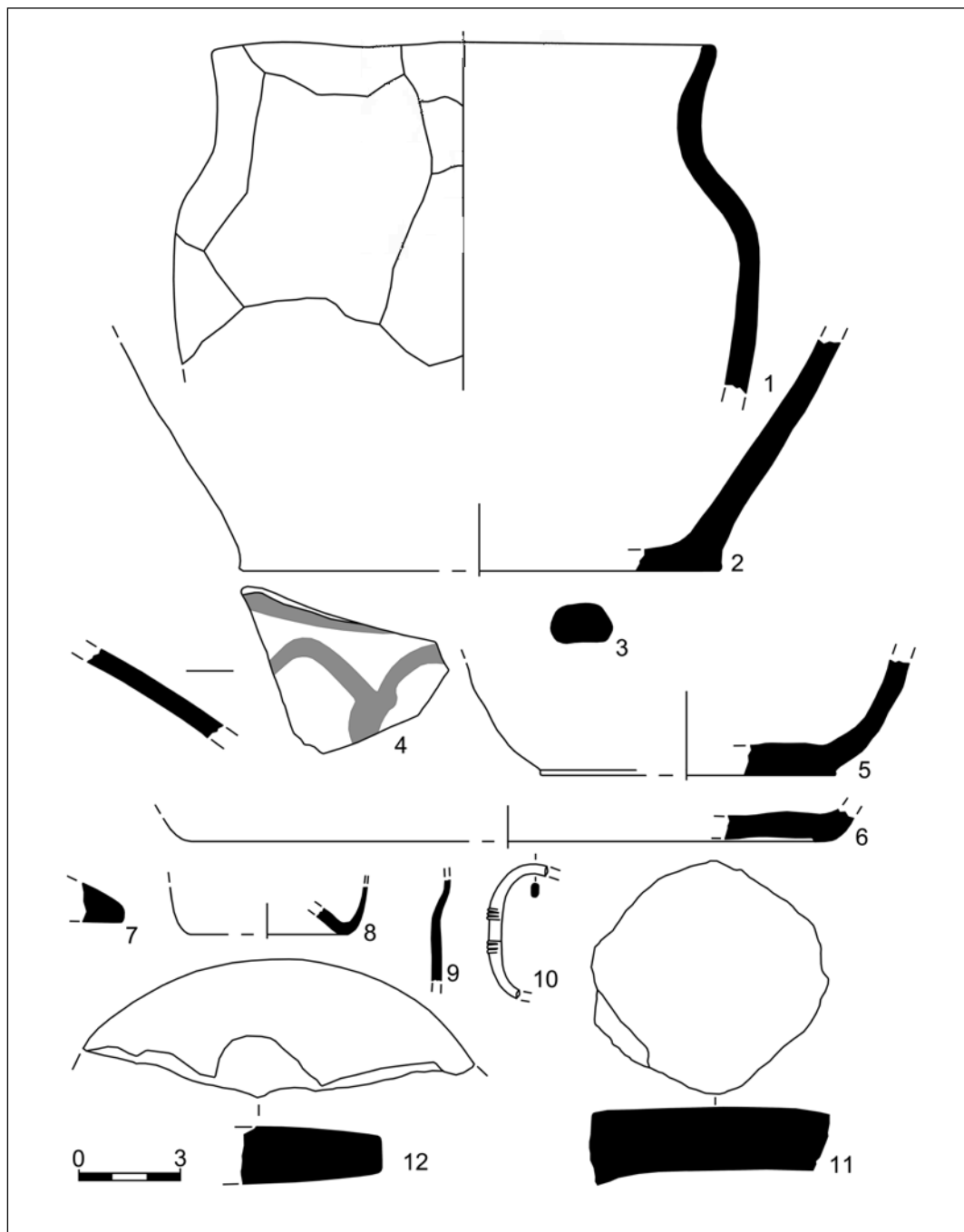

Рис. 20. Здание 2. «Пол». Кухонная (1-2) и столовая (3-6) керамика. Находки из стекла (7-9), бронзы (10), глины (11) и известняка (12).

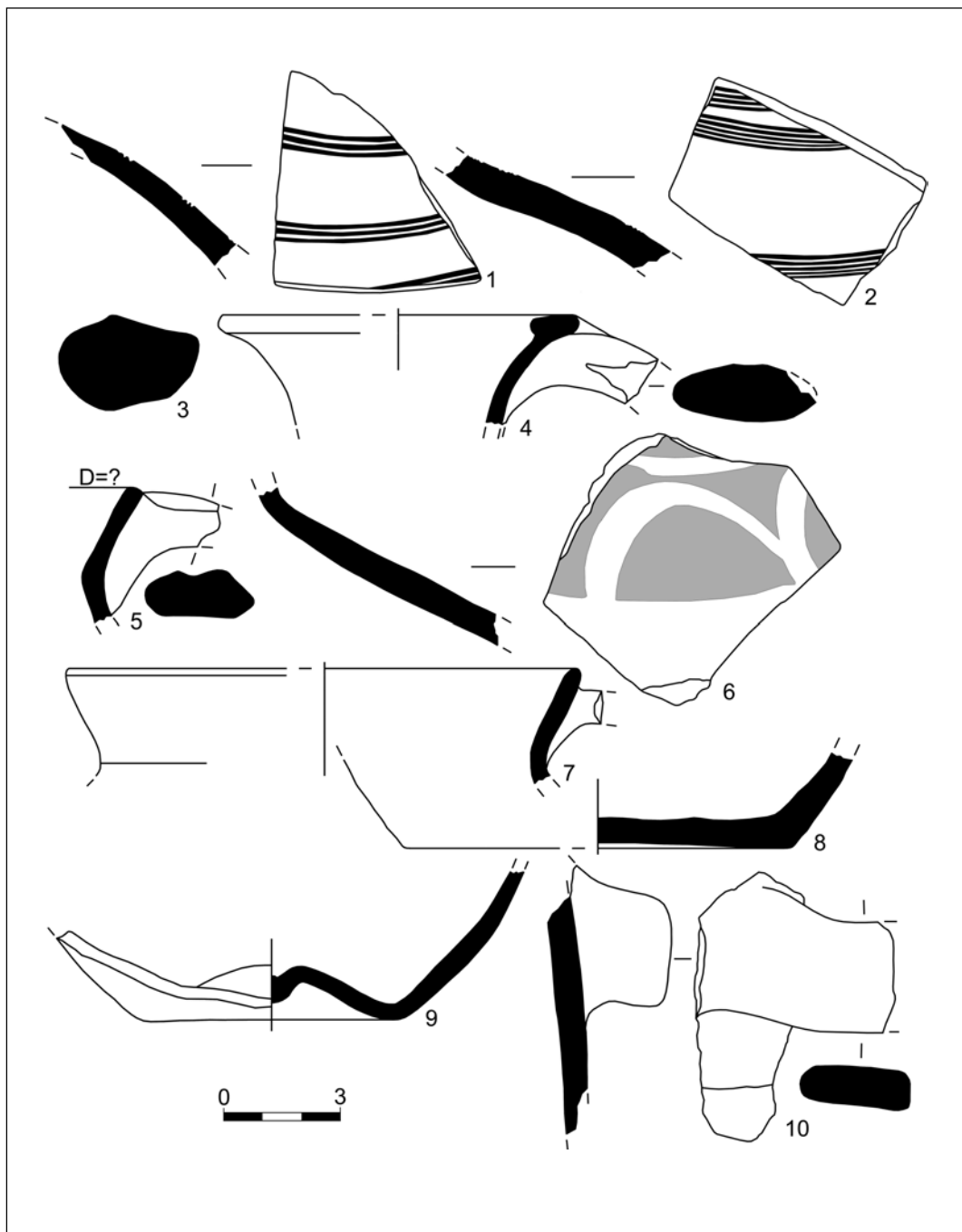

Рис. 21. Здание 5. «Пол». Тарная (1-3) и столовая (4-10) керамика.

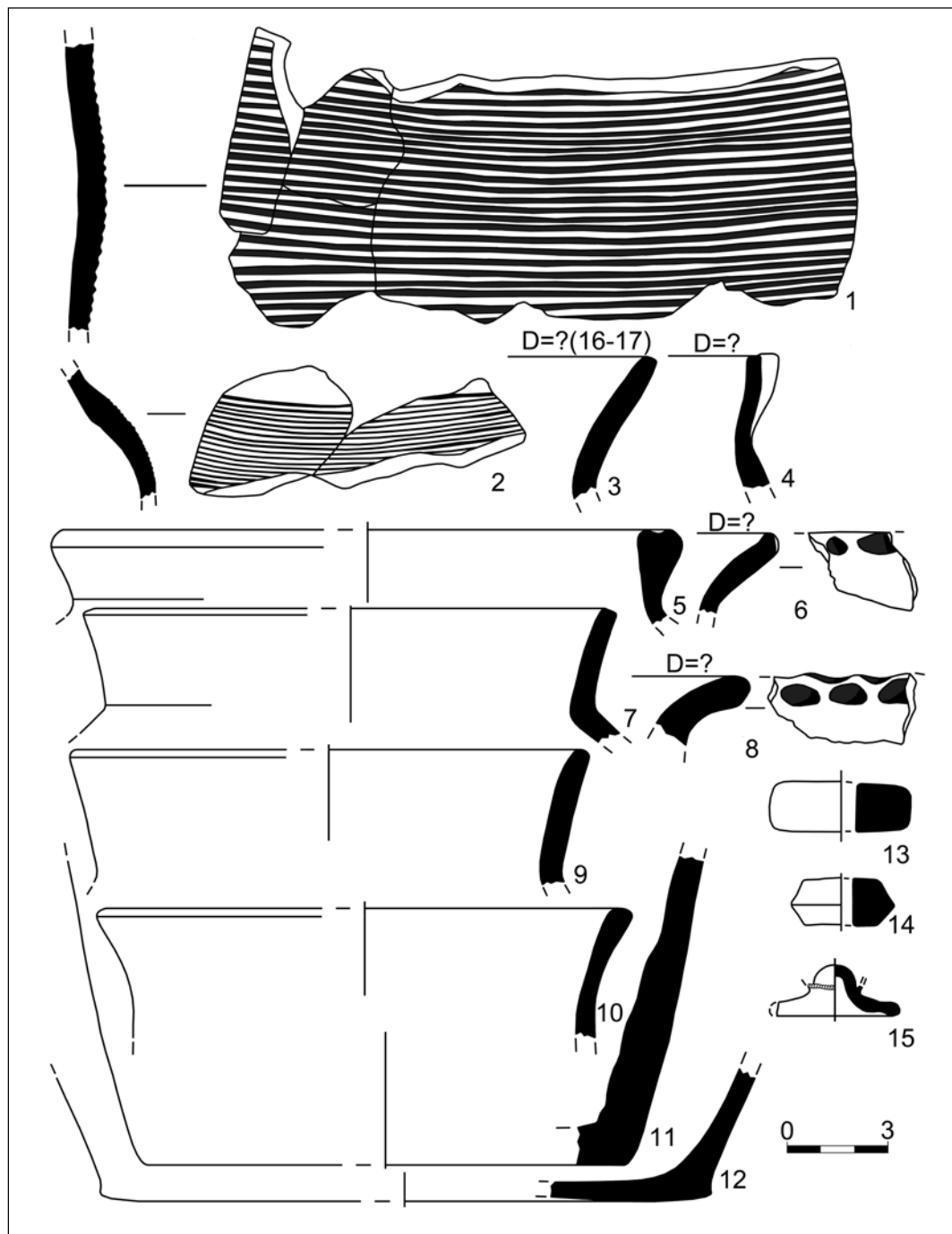

Рис. 22. Здание 5. «Пол». Кухонная керамика (1-12), изделия из глины (13-14) и стекла (15).

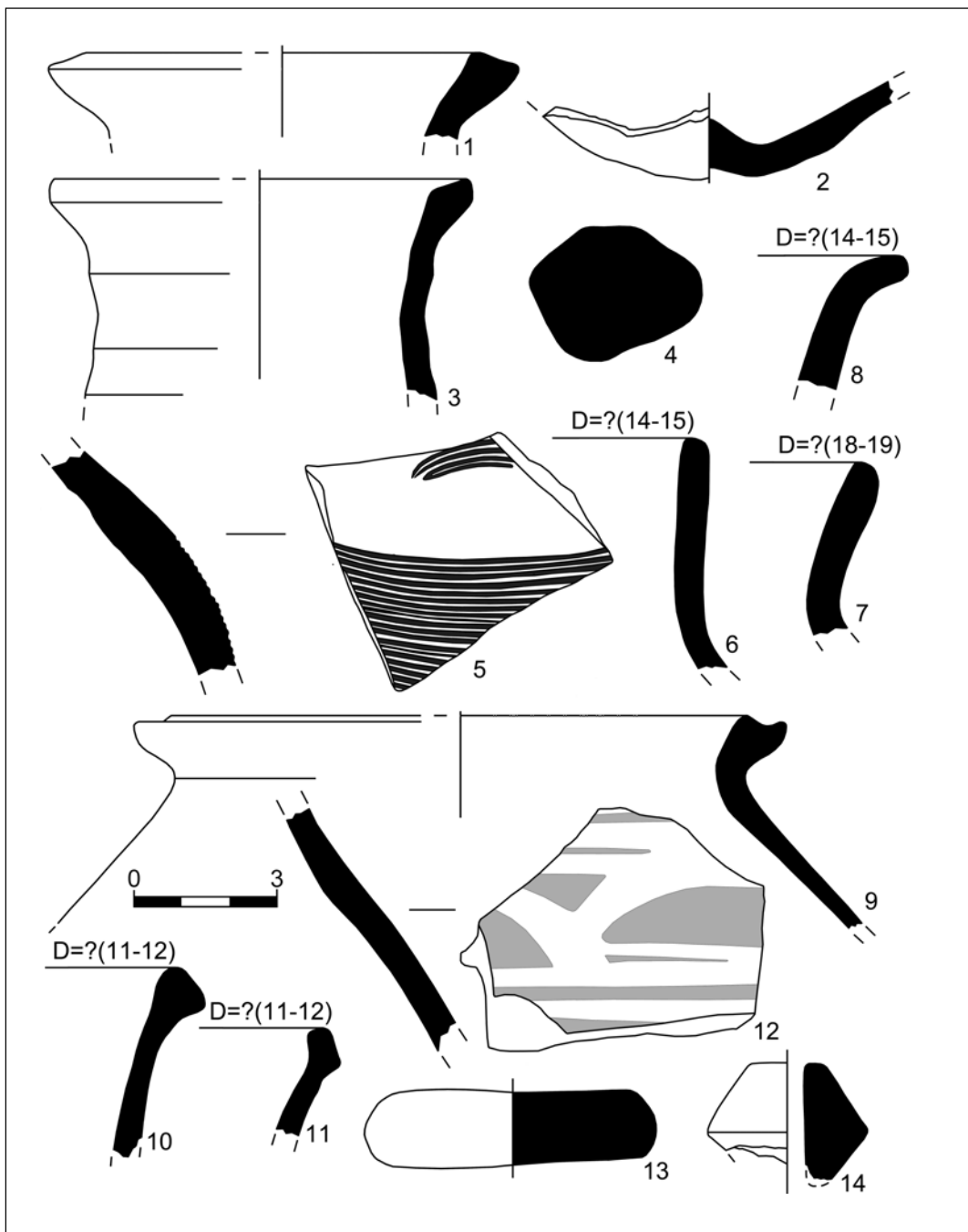

Рис. 23. Хозяйственное помещение. Тарная (1-5), кухонная (6-9), столовая (10-12) керамика, изделия из известняка (13) и глины (14).

В. Л. РУЕВ

ОСМАНСКАЯ ОГНЕСТРЕЛЬНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ 1475 г. НА МАНГУПЕ: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Археологическое исследование объектов Мангупского городища, непосредственно связанных с событиями 1475 года, показало широкомасштабное применение турками огнестрельной артиллерии¹. В настоящее время пока трудно сказать, каким образом прорвались турки на Мангуп – в результате успешного артиллерийского обстрела и преодоления укрепления А.XIV [4, с. 153], либо с помощью военной хитрости [5, с. 382-385; 22, с. 127-131].

По имеющимся данным, в составе османского экспедиционного корпуса великого визиря Гедик Ахмеда паши находилось 14 крупных осадных пушек. Высадившись 31 мая 1475 г. у Кафы, уже 1 июня турки «возвели три земляных укрепления, установив батарею из 4 орудий напротив Кайадорских ворот и две батареи, состоявшие из 3 орудий, напротив ворот, дополнительно защищенных рavelинами²» [цит. по: 18, с. 419]. Оставшиеся неиспользованными еще 4 пушки, по-видимому, составили резерв. Обстрел укреплений продолжался в течение 4 дней (т.е. со 2 до 5 июня включительно). Пушки нанесли существенный урон не только крепостным укреплениям, но и психологичес-

¹ Автор статьи благодарит руководителя Мангупской археологической экспедиции А.Г. Герцена за предоставленную возможность использовать материалы раскопок. Автор выражает признательность за оказанную помощь, содействие и консультации при написании статьи декану исторического факультета Таврического национального университета (ТНУ) им. В.И. Вернадского к.и.н. А.Г. Герцену; заведующему археологическим музеем ТНУ, доценту кафедры истории древнего мира и средних веков к.и.н. В.Е. Науменко; заведующей фондами Центрального музея Тавриды Л.Н. Храпуновой; заведующему отделом археологии Бахчисарайского историко-культурного заповедника (БИКЗ) С.В. Карлову; хранителю фондов БИКЗ О.Н. Алпашкиной; научному сотруднику отдела фондов БИКЗ Д.А. Сычу; администрации и учителям Красномакской ОШ (Бахчисарайский район АР Крым).

² По мнению В.Л. Мыца, под этими воротами, защищенными рavelинами, следует понимать барбаканы, прикрывавшие крепостные ворота – Сан-Джорджо и Сан-Теодоро [18, с. 419].

кому состоянию защитников. В результате уже 6 июня 1475 г. осажденные открыли ворота Кафы победителям [12, с. 16].

Информация о применении артиллерии турками при завоевании южнобережных владений генуэзцев на данный момент отсутствует. Ее отсутствие может объясняется тем, что большинство генуэзских укреплений сдавались без боя. Однако возможность применения османами пушек против Солдаий и Чембало еще требует отдельного рассмотрения.

После успешного рейда по генуэзским владениям туркам осталось захватить княжество Феодоро. Подойдя к его столице, Мангупу, османы, по всей вероятности, провели традиционные в таких случаях переговоры о добровольной сдаче крепости. Получив, как показывает дальнейшее развитие событий, категорический отказ, Гедик Ахмед паша решил брать крепость решительным штурмом. Можно предположить, что он не сопровождался предварительным артиллерийским обстрелом из-за особенностей расположения Мангупской крепости. Любые приготовления к осаде, и, прежде всего, создание полевых фортификационных укреплений, были бы сопряжены здесь со значительными трудностями: пересеченная местность затрудняла доставку пушек из захваченных турками Каламиты, порта княжества Феодоро, или из генуэзского Чембало. Еще сложнее было при активном противодействии осажденных поднять артиллерийские орудия на осадные позиции. В XV веке в среднем на перемещение одной пушки весом до 4 тонн требовались по разным сведениям от 24 до 44 упряжных лошадей [25, с. 236]. К этому следует добавить другие телеги, на которых перевозилось продовольствие, порох, снаряды, защитные щиты для артиллеристов и прочее. Движение 4-тонного орудия по ровной дороге осуществлялось со скоростью около 22 км/сутки [25, с. 237]. Протяженность дороги от Каламиты до подножия Мангупа составляет чуть более 20 км. Самым сложным участком на этом пути является переход через перевал между Шульской и Адымчокракской долинами протяженностью более 2-х км и возвышением до 120 м. Далее следовало совершить весьма длительный подъем по узкой извилистой горной дороге к осадным позициям, расположенным на южном склоне Мангупа. Его протяженность составляет 1,5 км при возвышении около 100 м. Все эти подготовительные процедуры заняли бы огромное количество времени и средств, в то время как османский план военных действий на 1475 г. предусматривал максимально скорое окончание крымской кампании. После завоевания владений генуэзцев в Крыму и на Тамани, экспедиционному корпусу визиря Гедик Ахмеда паши необходимо было двинуться к берегам Румелии. Здесь визирь должен был соединиться с ожидавшими его основными сухопутными силами турок и совершить поход на Молдавию [12, с. 15]. Помимо высказанных предположений, имеется весьма любопытный документ – письмо неизвестного флорентийского купца, датированное 25 августа 1475 г., в котором сообщается, что до

времени составления письма против крепости турки провели уже пять приступов, окончившихся неудачей [18, с. 246]. Об этом же вскользь упоминает в 1666 г. Эвлия Челеби [14, с. 33-35]. В современной историографии подобная точка зрения о первых попытках захвата Мангупской твердыни османами без использования артиллерии уже высказывалась в ряде публикаций [4, с. 148; 5, с. 376].

После неудачных приступов крепости османы были вынуждены заниматься доставкой артиллерии и оборудованием осадных позиций. На основании данных письма флорентийского купца от 25 августа 1475 г. можно сделать вывод, что этим турецкие артиллеристы занимались в конце июля – первой половине августа 1475 г. Артиллерию сняли с кораблей и доставили в базовый лагерь турок. Этот лагерь, по мнению А.Г. Герцена, мог располагаться на месте бывшей деревни Адым-Чокрак. Мнение исследователя основывается на присутствии здесь мощного источника пресной воды, безопасной близости к Мангупу и находке в 1937 г. археологом Н.И. Репниковым целого ряда гранитных ядер для осадной артиллерии (хотя сам Н.И. Репников считал их катапультными)³ [5, с. 373]. Иные версии о расположении базового лагеря османов на данный момент отсутствуют.

На первом этапе осадных действий турки установили артиллерию на южном склоне Мангупа вблизи возвышенности Мазар-Тепе (рис. 1-3). Первоначальный выбор этого места подтверждает гипотезу о расположении базового лагеря на месте будущей деревни Адым-Чокрак, с которым осадные позиции были бы связаны хорошей дорогой и находились на небольшом расстоянии (менее 3 км). На позиции выкапывается один ров⁴, за которым была размещена артиллерия. Это сооружение османские инженеры удачно вписали к изгибу современной им дороги⁵ на Мангуп перед началом ее последнего мар-

³ Вероятно, эти же ядра во дворах жителей д. Адым-Чокрак в 1940 г. видел Е.В. Веймарн. Пять экземпляров были изъяты и переданы на хранение в Музей пещерных городов (г. Бахчисарай). При этом был составлен акт, в котором было отмечено о небольших повреждениях на некоторых экземплярах. В фондах БИКЗ в настоящее время хранится пять целых ядер без инвентарных номеров и сопутствующей информации. Вероятно, именно эти ядра были доставлены сюда В.Е. Веймарном (см. табл. 1). Ядра действительно имеют незначительные повреждения и следы перемещения по скальной поверхности либо по камням (хотя множественные пятна извести на поверхности ядер могли появиться и в течение 70-летнего пребывания в фондах музея). Вполне возможно, что эти находки фигурируют на одной из фотографий музейной выставки в путеводителе по Бахчисарайскому музею 1959 г. [21, с. 30]. Вероятнее всего, эти пушечные гранитные ядра попали в Адым-Чокрак через жителей этого села в XIX – первой половине XX вв. из окрестностей Мангупа.

⁴ Осадные турецкие позиции на южном склоне Мангупа и в балке Гамам-дере составляют комплексы частично сохранившихся элементов военно-полевой фортификации и будут детально рассмотрены в отдельной публикации.

⁵ Последний марш средневековой дороги на Мангуп, которая проходила всего на 30-40 м выше по склону от современной, был выявлен автором публикации осенью 2009 г. До этого времени предполагалось, что часть дорожного марша в районе турецкой позиции являлась

ша. Удару артиллерии с обустроенной позиции подверглось укрепление А.XVII главной линии обороны (в дальнейшем – ГЛО) [см. нумерацию укреплений Мангупа: 4, с. 106]. На южном склоне Мангупа было достаточно места для размещения 4-5 осадных артиллерийских орудий. Подобная практика применялась и в Европе, где с начала XV в. рекомендовалось устанавливать против стен хорошо укрепленной крепости 4 больших пушки, стрелявших ядрами весом до 200 кг [13, с. 159].

Почему же турки выбрали для нанесения основного артиллерийского удара именно это укрепление? Рельеф горы-останца Баба-Даг, на которой расположена Мангупская крепость, не дает возможности более безопасного расположения дорогостоящей артиллерии. Только на южном склоне Мангупа осажденные могли господствовать с одной стороны. В иных доступных для артиллерии местах – трех глубоких балках, защитники крепости создавали угрозу турецким позициям с трех сторон. Кроме того, по траверзу южного склона проходила основная колесная дорога на Мангуп, которой не преминули воспользоваться османы для доставки припасов и артиллерии. Дистанция стрельбы до укрепления А.XVII составляла около 240-250 м. Эта оборонительная стена находится на высоте около 560 м, артиллерия размещалась на высоте около 490 м над уровнем моря. Соответственно угол возвышения составил 16° . Необходимо отметить, что такая дистанция позволяла наносить значительный урон А.XVII – разрушительная сила снарядов была весьма значительной. Ряд осколков, вероятно, после разрушения ядер при ударе о стену, перелетал ее и оседал на территории плато. Именно такой перелетевший осколок вполне могли использовать при строительстве расположенного неподалеку от А.XVII здания № 4 в окрестностях так называемого «Храма Богородицы». Этот фрагмент ядра диаметром около 440 мм (МК-2004, «Храм Богородицы», квадрат Е-Ж-Л, здание 6, к.о. 149) был использован при создании каменной субструкции под будущей плитовой вымосткой пола здания № 4, датирующегося второй половиной XVI – XVIII вв. [7, с. 250]. Интересно, что эта каменная субструкция уничтожила пол более раннего здания № 6, датировка которого укладывается в XIV-XV вв.

Ранее выдвигалось предположение, что, помимо укрепления А.XVII, одним из направлений артиллерийского обстрела стало укрепление А.XIX [5, с. 373; 8, с. 317] (рис. 1). Однако это предположение не подтверждается по следующим причинам:

1. Маловыразительные находки фрагментов артиллерийских снарядов

дополнительным фортификационным сооружением и использовалась в качестве улавливателя скатывающихся камней. Вместе с тем, подобная функция могла быть возложена и на участок дороги у Мазар-тепе, который не менее чем на 2 м врезается в склон.

в процессе археологического изучения расселины Демир-капу, которую перекрывало укрепление А.XIX⁶;

2. Полное отсутствие находок фрагментов ядер на склоне под укреплением;

3. Значительное расстояние от артиллерийской позиции до А.XIX (около 350 м), которое могло существенно снизить эффективность использования артиллерии.

4. Господствующие над укреплением скалы позволяли отражать штурмовые действия осаждающих.

Фрагменты гранитных пушечных ядер в диапазоне от 405 до 440 мм в изобилии встречаются среди каменных развалов под А.XVII⁷. Развалы образовались в период разрушения сооружений Мангупа жителями деревни Адым-Чокрак в 1884-1885 гг. [1, с. 28]. Однако такие находки полностью отсутствуют в подобных развалах под А.XIX. Укрепление А.XVII было перестроено турками в конце XV – начале XVI вв. При перестройке турецкие инженеры руководствовались не только новыми фортификационными достижениями, но и, вероятно, плохим состоянием стены после длительного артиллерийского обстрела. Для постройки нового укрепления А.XVII турки брали строительный материал из старого, в том числе пользовались фрагментами каменных артиллерийских снарядов. В настоящее время на лицевой стороне стены известны три фрагмента гранитных ядер, один из которых принадлежал снаряду диаметром около 410 мм (два остальных фрагмента не имеют внешней поверхности)⁸ (рис. 11). Необходимо отметить еще одну весьма интересную находку, обнаруженную в 1997 г. Тогда в районе могильника «Южный-1» было обнаружено целое гранитное ядро диаметром 425 мм и весом 106 кг [5, с. 373] (рис. 7; 9). Туда оно могло попасть либо в период осады Мангупа в 1475 г., скатившись с артиллерийской позиции на южном склоне, либо было сброшено вниз в XIX-XX вв. (последнее предположение вероятнее всего).

Вместе с тем расширение театра военных действий и создание осадной позиции в балке Гамам-дере против укреплений А.XIV и А.XV свидетельствуют о неудаче, которая постигла турок в ходе осадных действий на южном склоне [5, с. 376] (рис. 1; 4). В хронологическом аспекте начало второго этапа осадных действий, связанного с увеличением количества объектов обстрела,

⁶ При раскопках укрепления А.XIX во 2-м слое (слой каменного завала) было обнаружено всего два небольших фрагмента ядер (п.о. 3964) [8, с. 318].

⁷ В 2009 г. для статистики был изучен десяток фрагментов ядер из завалов. Результаты представлены в таблице 1.

⁸ Фрагменты гранитных ядер в качестве строительного материала использовались и в других частях городища. Так, помимо приведенных примеров на А.XVII и на территории жилого квартала в верховьях балки Гамам-дере, подобные находки были сделаны на А.XV и на территории жилого квартала в верховьях балки Табана-дере. Последняя находка была сделана в 2010 г. в западном борту стратиграфического раскопа.

на основании письма флорентийского купца от 25 августа 1475 г. можно условно отнести ко второй половине августа – началу сентября 1475 г. В Гамам-дере турки использовали, по крайней мере, около 3 тяжелых осадных пушек и несколько малых и средних пушек. Причем тяжелые осадные пушки были нацелены следующим образом: две – против укрепления А.XIV (располагались на левом и правом склонах балки), одна – против А.XV (на левом склоне)⁹. Здесь стоит упомянуть о фрагментах бронзы, обнаруженных на одной из площадок. Учитывая информацию о якобы сделанных здесь ранее находках бронзы, в 2005 г. на площадке был разбит стратиграфический раскоп. Во втором слое здесь обнаружен целый ряд фрагментов бронзы, в том числе – один крупный, с гладкой внешней поверхностью (рис. 12). Было высказано предположение, что все эти куски бронзы являются фрагментами разорвавшейся небольшой в диаметре пушки [9, с. 388]. Анализ состава нескольких бронзовых фрагментов¹⁰ показал, что соотношение меди и олова в сплаве составляет около 93% и 7% соответственно¹¹. Такое соотношение и место находки дают основание заключить, что бронза действительно пушечная. Однако образовались эти фрагменты не в результате разрыва орудийного ствола, а в результате переплавки металла¹². Вероятно, что где-то в ближайших окрестностях артиллерийской позиции находилась плавильная печь, в которой уже после взятия Мангупа могли переплавляться крупные фрагменты разорвавшейся пушки в удобные для последующей транспортировки слитки. Вместе с тем известны случаи, когда пушки отливали прямо в лагерях, располагавшихся в труднодоступных местах. Но трудно представить, что защитники крепости, занимая господствующие над балкой Гамам-дере высоты, не попытались бы воспрепятствовать выплавке артиллерийских орудий. Для иных предположений необходимы новые исследования.

Здесь уместно сказать о процессе выплавки артиллерийских орудий в Османской империи в XV-XVI вв. Плавильную печь заполняли 40-50 кантарам меди (1 кантар – около 55 кг) вместе с мелкими остатками старых пушек.

⁹ В соответствии с сохранившимися площадками для размещения артиллерии.

¹⁰ Автор приносит благодарность сотрудникам лаборатории исследований Крымского отделения Украинского геолого-разведывательного института Г.В. Сурову и В.С. Ягупову. Изучение состава сплава проводилось путем рентгенофлуоресцентного анализа спектрометром энергий рентгеновского излучения СЕР-01 («Elvax»).

¹¹ Подобная практика была распространена не только в Османской империи, но и в Европе, где из бронзы с повышенным содержанием меди и пониженным – олова изготовляли пушки и колокола [13, с. 161]. К.С. Носов отмечает соотношение меди и олова при производстве пушечной бронзы в средние века как 9:1 [19, с. 231]. Известный французский математик, фортификатор и артиллерист Гаспар Монж в конце XVIII в. писал, что наиболее оптимальным составом для пушечной бронзы является соотношение меди и олова как 10:1 [17, с. 48].

¹² Автор благодарит за консультации сотрудника предприятия «Крымспецсервис», специалиста-взрывотехника В.И. Руденко.

Все это смешивали в определенном отношении с оловом, и начиналась плавка; готовая бронза заливалась в пушечные формы [10, с. 499]. Более красочно этот процесс описывает исследовательница Рафаэла Льюис: «В день, когда намечалось отлить пушку, собирались вместе главный мастер артиллерии, главный инспектор, имам и муэдзин при заводе, хронометрист, мастер, десятник и литейщики. Под взывания к Аллаху в топку бросали бревна, чтобы начать процесс литья. Через 24 часа литейщики и истопники раздевались так, что на них оставались одни шлепанцы, на голову натягивали шапку на самые глаза и пару нарукавников из толстой плотной ткани. Присутствовали также 40 шейхов и визирей, включая главного визиря и шейх-уль-ислама. Других лиц в место литья не допускали из-за опасений сглаза. На всем протяжении процесса литья визири и шейхи непрерывно повторяли «Нет мощи и силы, кроме Аллаха». Под эти заклинания мастер-литейщик бросал центнеры олова (здесь с оловом автор существенно преувеличивает – *В.Р.*) в медный котел. В самый ответственный момент главный литейщик приглашал визирей и шейхов бросать в котел монеты «во имя истинной веры». Металл перемешивали с золотыми и серебряными монетами длинными металлическими шестами. Кипячение металлической массы означало, что компоненты металла сплывались. В топку добавляли дров, после чего наступал ответственный момент. Все присутствовавшие вставали, а хронометрист объявлял, что через полчаса откроют задвижку печи. Этой операции предшествовали горячие молитвенные пожелания успеха, когда же проходило полчаса, по сигналу хронометриста и под повторение возгласов «Аллах, Аллах!» главный литейщик и мастер открывали железными крюками задвижку. Раскаленный металл устремлялся по желобам, ведущим к литейным формам. В это время визири и шейхи, одетые в белые рубахи, приносили в жертву по обеим сторонам печи 40-50 баранов, специально доставленных для этой цели. Для заполнения самой большой литейной формы, изготовленной из глины, требовалось полчаса. После заполнения формы поток расплавленного металла останавливали нагромождением маслянистой глины и направляли в следующую форму под сопровождением новых молитв. Если плавка завершилась успешно, не происходило несчастных случаев, часто ее омрачавших, произносились благодарственные молитвы, выплачивались премии, распределялись в награду 70 комплектов одежды, происходило всеобщее празднество» [15, с. 164-166]. В условиях отчаянного сопротивления при занятии противником господствующих высот воспроизвести даже приблизительно такой процесс было практически невозможно.

Вместе с тем версия о переплавке фрагментов разорвавшихся пушек вполне допустима, ведь опасность разрыва пушки всегда оставалась достаточно значительной. Основными причинами этого были плохое качество бронзы и просчет при изготовлении. В процессе плавки бронза могла получиться

низкого качества, если не соблюдался температурный режим: в случае высокой температуры ствол получался чересчур хрупким; при слишком низкой температуре в стволе образовывались пустоты, заполненные воздухом. Взрыв мог произойти и из-за неодинаковой толщины стенок ствола (просчет при изготовлении литейной формы) [19, с. 235].

На оборудованных площадках дальность стрельбы до укреплений составила: до А.XV – около 120 м (стрельба велась под углом 9°), до А.XIV – 230 м (12° – с позиции на правом склоне балки Гамам-дере) и 140 м (19° – с позиции на левом склоне). Эффективное применение огнестрельной артиллерии турками наглядно проиллюстрировало исследование А.XIV в 70-х гг. XX в. Впервые фрагменты ядер рядом с этим укреплением были обнаружены А.Г. Герценом в 1971 г. С 1972 г. началось планомерное археологическое изучение остатков А.XIV. В 1972-1973 гг. при зачистке куртин А, Б и В было выявлено около 20 мест попаданий и даже 2 засевших в кладке ядра [4, с. 150]. Помимо гранитных ядер, здесь были обнаружены также и мраморные ядра для пушек небольших диаметров (около 30 экземпляров¹³). Обычно мелкокалиберными пушками пристреливали большие орудия, а также разбивали зубцы стен, уничтожали защитников и метательные орудия. А затем в бой вступала тяжелая огнестрельная артиллерия [4, с. 151]. А.Г. Герцен справедливо отмечает длительность обстрела укреплений А.XIV и А.XV. Об этом свидетельствуют нехватка места в балке для установки тяжелых огнестрельных орудий и значительное количество фрагментов ядер [4, с. 152].

В 2007 г. в районе стыка куртин Б и В была обнаружена засевшая в кладке S часть гранитного ядра диаметром 406 мм (рис. 10). Перед участком стены с засевшим в нем фрагментом ядра был разбит раскоп. В третьем слое (слой завала оборонительной стены) обнаружено значительное количество фрагментов гранитных ядер вместе со 114 наконечниками стрел и 13 свинцовыми пулями [9, с. 391]. Таким образом, в пределах А.XIV было выявлено еще одно место, наравне со стыком куртин А и Б и башней А.4, которое свидетельствует о весьма высокой эффективности применения османами огнестрельной артиллерии¹⁴.

При исследованиях районов внешней и тыльной сторон северо-западной куртины цитадели было обнаружено значительное количество снарядов и их фрагментов от мелкокалиберной турецкой артиллерии, изготовленных из мрамора и габбро-диабазы. Большая часть из них сосредоточена в дерновом слое в центральной части раскопа № 9. В слое отмечены разновременные находки XV-XVI вв., в том числе фрагменты красноглиняных поливных сосудов,

¹³ К величайшему сожалению, материалы исследований 1970-х гг., связанные с обстрелом А.XIV, в музейных собраниях обнаружить не удалось. Однако А.Г. Герцен отметил находки ядер диаметром 8, 9, 11, 14, 15, 26, 35, 40 см [4, с. 151].

¹⁴ Ниже укреплений А.XIV и А.XV до сих пор часты находки фрагментов каменных ядер крупного диаметра.

стальные черешковые ромбовидные в сечении наконечники стрел, монета Сахиб-Гирея I (1532-1550 гг.). Такая скученность находок дает возможность предположить, что основной удар турецкой артиллерии был направлен против участка северо-западной куртины, примыкающей к воротному проему и, скорее всего, – против самих ворот. Отдельный интерес представляет пифосная яма в квадрате Ж раскопа № 9. В ней обнаружены фрагменты миски, покрытой поливой зеленого и желтого цвета, поливного блюдца темно-зеленого цвета. В слое засыпи ямы найдены два ядра диаметром 79 и 73 мм из мраморовидного известняка и мрамора (МК-1992, Цит., р-п № 9, кв. Ж, 4-й слой, яма, к.о. 118, 119). Можно предположить, что яма была вырублена в скале в течение XV в., а засыпана в последней четверти XV – начале XVI вв.

Кроме того, ядра к мелкокалиберной артиллерии зафиксированы в раскопах №№ 10, 12, 13. Сделанные в этих местах находки могут свидетельствовать о перелетах этими ядрами северо-западной куртины цитадели. И если большинство артефактов было обнаружено в верхнем дерновом слое, который характеризуется наличием разновременных находок, то в раскопе № 13 ядро из габбро-диабазы диаметром 95 мм выявлено при зачистке 5-го слоя (МК-2004, Цит., р-п №13, кв. Б, зачистка по 5-му слою, к.о. 392). Керамический материал 4-го слоя характерен для горизонтов XV в., однако наличие в слое монет второй половины XVI в. может свидетельствовать о завершении формирования 4-го слоя в пределах этого времени. Для 5-го слоя характерны множественные находки, по своему составу типичные для горизонтов XV в. – фрагменты амфор типа 45 и 52 по ХК-95¹⁵, коричневоглиняных кувшинов с плоскими ручками, украшенных росписью линиями светлого ангоба, коричневоглиняных горшков, украшенных врезными концентрическими линиями по невысокому горлу, мисок, блюд, тарелок с орнаментом, покрытых глазурью желтого и зеленого цветов и т.д. [6, с. 382-384].

В раскопе № 12 мраморное ядро было обнаружено в 3-м слое – слое погребенного дерна (МК-2000, Цит., р-п №12, кв. Б, 3-й слой, к.о. 151). Помимо этой находки, в слое были обнаружены другие разновременные находки. Они представлены множеством фрагментов красноглиняной желобчатой черепицы типа «татарка» (начинает бытовать на Мангупском городище с XVI в.), а также находками фрагментов амфор типа 45 и 52 по ХК-95, коричневоглиняных горшков, украшенных врезными концентрическими линиями по невысокому горлу, характерных для культурных горизонтов XV в. [6, с. 382-384]. В этом же раскопе при снятии бровок между квадратами Г и Д в 3-м слое (слое

¹⁵ ХК-95 – классификация амфор, предложенная в публикации: Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона // Средневековый Херсонес: История, стратиграфия, находки. Екатеринбург, 1995.

функционирования построек)¹⁶ найдено мраморное ядро диаметром 78 мм (МК-2001, Цит., р-п №12, бровка между кв. Г-О, 3-й слой, к.о. 28). В слое отсутствовала черепица-татарка, но обнаружены фрагменты амфор типа 45 и 52, а также значительное количество фрагментов красноглиняных кувшинов, покрытых глазурью зеленого цвета, мисок, покрытых глазурью зеленого и желтого цветов, и т.д. Таким образом, ядро обнаружено в слое с характерным материалом XV в.

Заслуживает отдельного внимания находка в раскопе № 9 фрагмента ядра из габбро-диабазы диаметром около 403 мм (МК-1992, Цит., р-п №9, кв.К, 1-й слой под каменным завалом, к.о. 41). На данный момент это единственная находка подобного рода. Вместе с тем она дает право осторожно предположить, что для взятия цитадели Мангупской крепости турки подтянули как минимум одно тяжелое осадное орудие (хотя нельзя исключать и случайного попадания фрагмента). Однако основная масса находок ядер малых диаметров свидетельствует о возникшей перед османами задаче быстрой поддержки артиллерийским огнем против сопротивления защитников цитадели. Для этого были использованы мобильные малые корабельные пушки, эффективно поражающие и крепостные парапеты, и живую силу противника.

Если снаряды к крупнокалиберной артиллерии турок можно однозначно связывать с событиями 1475 г., то по поводу находок большинства боеприпасов к мелкокалиберным и среднекалиберным орудиям в слоях XVI-XVIII вв. (в первую очередь речь идет о верхнем дерновом слое) следует внести небольшую оговорку. После завоевания Мангупа в 1475 г. турки разместили здесь свой гарнизон. Уже в первой половине XVI в. в составе крепостного арсенала находилось 26 мелко- и среднекалиберных пушек, причем только три из них были в состоянии боеготовности [3, с. 197]. Однако в течение XVI-XVIII вв. на Мангупе не было событий, при которых была бы использована артиллерия. А на большинстве находок снарядов наблюдаются следы ударов о твердые предметы, имеется значительное количество осколков. Единственным таким событием, при котором могли быть выпущены эти ядра, остается осада и штурм османами Мангупа. Кроме того, аналогичные находки были также обнаружены на укреплении А.XIV, разрушенном османской артиллерией в 1475 г. [4, с. 151].

Теперь перейдем к морфологическому анализу имеющихся каменных артиллерийских снарядов и их фрагментов. Главной их характеристикой в сравнении с камнеметными ядрами является правильная шарообразная форма и хорошо обработанная поверхность [11, с. 339]. Было изучено 73 образца каменных ядер – 25 целых экземпляров и 48 фрагментов. Все образцы были разделены в соответствии с размерами на 3 группы и 6 подгрупп (рис. 5; 6).

¹⁶ Отметим, что в квадрате Б 3-й слой предстает в виде погребенного дерна под дерновым слоем и слоем отвалов XIX-XX вв., а уже в квадратах Г и Д эти слои отсутствуют.

1. Ядра к крупнокалиберной артиллерии¹⁷ (табл. 1).

Места находок – южный склон Мангупа ниже укрепления А.XVII, район могильника «Южный-1», территория жилой застройки в районе так называемого «Храма Богородицы», укрепление А.XIV и склон под ним, А.XV¹⁸, пространство за северной куртеной цитадели (раскоп № 9), территория бывшей деревни Адым-Чокрак. Всего изучено 35 образцов – 11 целых и 24 фрагмента (1 фрагмент в статистике не учитывается из-за отсутствия внешней части). В данной группе можно выделить две подгруппы:

а) 386-440 мм (целых – 7 экз., фрагментов – 22 экз.) (рис. 7; 9; 10). Максимальный вес артиллерийского снаряда из данной подгруппы – 109 кг. Большинство находок колеблется в пределах 403-440 мм (23 экз.) Среди выделенной массы характерны целые и фрагментарные экземпляры диаметром 424-425 мм (вес 106-109 кг) (10 экз.), 410 мм (около 101 кг¹⁹) (5 экз.). Здесь речь может идти о принадлежности тех или иных видов изделий к определенной группе мастеров.

б) 314-348 мм (целых – 4 экз., фрагментов – 1 экз.). Максимальный вес целого экземпляра из подгруппы составляет 60 кг.

Нужно отметить, что разброс в диаметрах при выделении подгрупп не мог существенно влиять на баллистические свойства снаряда и скорость его полета. Здесь необходимо отдавать должное погрешностям, которые были характерны при производстве конкретных ядер с учетом работы различных мастеров. Для пушки с диаметром ствола в пределах около 500 мм эти расхождения не могли играть существенного значения.

Ядра из данной группы изготовлялись из гранита, габбро-диабазы, диабазы²⁰. Плотность этих материалов весьма высокая и составляет 2,6-2,8 г/см³ у гранита, у габбро-диабазы и диабазы – доходит до 3 г/см³ [20, с. 363; 26, с. 217]. Плотность описываемых гранитных ядер – около 2,8 г/см³, что также

¹⁷ В таблицах, помимо уже рассмотренных ядер из БИКЗ и археологического музея ТНУ, упоминаются три ядра из Центрального музея Тавриды. Конкретное место их находки и время попадания в музей неизвестно. Однако все они числятся в музейных фондах как находки с Мангупа. Учитывая эту информацию, а также тот факт, что их параметры и вес идентичны или очень близки к ранее изученным находкам, было принято решение включить их в общий перечень находок с Мангупа. Такая же ситуация возникла и с двумя идентичными ядрами диаметром 425 и 424 мм из народного музея Красномакской ОШ.

¹⁸ В районе этого укрепления в начале 2000-х гг. автором найдены фрагменты гранитных ядер, причем некоторые из них были со следами строительного раствора (укрепление А.XIV было перестроено турками на рубеже XV-XVI вв.). На расстоянии около 70 м к северу от этого укрепления в 2005 г. установлено месторасположение тяжелого осадного орудия.

¹⁹ В связи с отсутствием целого ядра вес был вычислен математическим путем.

²⁰ Благодарю за помощь в определении материала ядер доцента кафедры экономической и социальной географии ТНУ им. В.И.Вернадского, к.г.н. В.М. Шумского; сотрудников кафедры землеведения и геоморфологии ТНУ и лично доцента, к.г.н. Н.Н. Благу.

может свидетельствовать о едином центре их изготовления²¹ (перепады в весе как раз объясняются небольшой разницей в плотности конкретных снарядов, вместе с тем перепады плотности гранита, габбро-диабазы, диабазы могут возникать даже в пределах одного карьера). Установить конкретную плотность для изделий диабазы и габбро-диабазы не удалось в связи с отсутствием целых снарядов.

2. Ядра к среднекалиберной артиллерии (табл. 2).

Места, в которых сделаны находки – укрепление А.XIV, раскопы №№ 9, 10 цитадели. Всего было изучено 7 артефактов – 1 целый и 6 фрагментов. В группе выделяется две подгруппы:

а) 220-273 мм (целых – 1 экз., фрагментов – 4 экз.). Вес целого снаряда составил 15 кг.

б) 180 мм (фрагментов – 2 экз.). Вес – около 9 кг²². К этой подгруппе, вероятно, относятся и упомянутые А.Г. Герценом находки на А.XIV диаметром 140 и 150 мм [4, с. 151]. Ядра из группы изготавливались из гранита, габбро-диабазы и диабазы.

3. Ядра к мелкокалиберной артиллерии (табл. 3; 4).

Места обнаружения – укрепление А.XIV, раскопы №№ 8, 9, 10, 12, 13 цитадели, южный участок дворца. Всего рассмотрено 31 образец – 13 целых и 18 фрагментов. В этой группе, как и в предыдущих, выделяется две подгруппы:

а) 90-110 мм (целых – 2 экз., фрагментов – 4 экз.). Необходимо оговориться, что информация о ядре диаметром 110 мм известна на основании результатов исследований А.Г. Герцена на А.XIV [4, с. 151]. При обработке материала максимальная величина диаметра ядра из этой подгруппы составила 105 мм. Вес ядер составляет около 1 кг. Материал – мрамор и габбро-диабаз.

б) 70-80 мм (целых – 11 экз., фрагментов – 14 экз.) (рис. 8). Вес ядер колеблется в пределах около 500-700 гр. (за исключением одной находки с низким качеством изготовления, вес которой составил 450 гр.). Материал изготовления – мрамор²³, и лишь один экземпляр представлен мраморовидным известняком. По своей плотности мрамор не уступает граниту – 2,65-2,90 г/см³ [2, с. 483]. Для изготовления ядер использовали мелкокристаллический мрамор, отличавшийся высокой плотностью и лучшей полируемостью.

Пушки, принадлежавшие к тяжелой осадной артиллерии, турки именовали шахи. В эту категорию входили балъемез, бадалушка, бачалушка, базилик,

²¹ В основном сырье для производства пушек и снарядов доставляли из Анатолии, богатой на полезные ископаемые (медь, гранит, железо, олово, свинец и т.д.) [27, р. 2].

²² Вычислен математическим путем.

²³ Интересно, что для изготовления мраморных пушечных ядер турки нередко использовали античные архитектурные детали [28, с. 177].

эждердехен, калакуб и паранки (или пранги). К среднекалиберной артиллерии (мияне) относились дарбазен (зарбазен, дарбзен). Мелкокалиберную артиллерию называли шайка и в основном размещали на кораблях [10, с. 295, 499]. Таким образом, при осаде Мангупа османы применили комбинированное использование всех трех категорий орудий. Сами ядра турки называли гюлле. Отметим, что турки использовали каменные артиллерийские снаряды достаточно продолжительное время, и даже в XVII-XVIII вв. они состояли на вооружении в сухопутных войсках и флоте Османской империи [24, с. 138; 16, с. 13-14]. Обслуживанием пушек на осадных позициях занимался корпус артиллеристов (топчу). В походе делом перевозки орудий занимался корпус топ арабаджиларов. [10, с. 296-297].

Артиллерия сыграла значительную роль в крымской кампании османов. На первом этапе – в период завоевания генуэзских владений, пушки в большей мере оказывали психологическое давление на их защитников. Но информация об огнестрельной мощи османов не устрасила защитников столицы княжества Феодоро. И именно поэтому турки были вынуждены заниматься длительным и дорогостоящим процессом обстрела крепостных укреплений. Все три категории пушек показали свою эффективность применения – об этом в полной мере свидетельствуют следы обстрела укрепления А.XIV.

Письменные источники, в которых упоминаются эпизоды османской осады Мангупа, также предоставляют сведения об использовании турками артиллерии. Об этом упоминает современник событий Ашик Паша заде. В одном из переводов сообщается, что турки, *«остановившись у крепости, установили пушки²⁴»* [23, с. 365]. Однако в иной версии перевода сообщается, что *«Турецкие воины попытались пробить стены крепости в слабых местах, но поняли, что не в состоянии взять ее силой...»* [30, р. 254]. «Слабые места» в последнем переводе употребляются во множественном числе, что вполне соответствует археологической реконструкции применения огнестрельной артиллерии – обстрелу укреплений А.XVII, XIV, XV. Нельзя не упомянуть и сведения османского историка XVI в. Сад эд-Дина: *«Этот очень мощный город [Мангуп – В.Р.] он [Гедик Ахмед паша – В.Р.] обложил осадой и после боев разрушил его стены»*, – так о применении артиллерии сообщает средневековый автор [30, р. 256]. В обоих упоминаниях сообщается, что турки успешно смогли разбить крепостные стены, а вот прорваться через разрушенные рубежи Мангупа у них не получилось. Это еще раз свидетельствует, что османские войска так и не смогли взять город прямыми штурмовыми действиями и

²⁴ Подобные сведения о применении турками артиллерии против Мангупской крепости имеются также в труде «История Дома Оттомана» турецкого историка конца XV – начала XVI вв. Мехмеда Нешри. Однако этот автор при описании событий кампании османов в Крыму компилировал эту информацию из труда Ашик Паша заде [29, с. 827-829].

были вынуждены обратиться к применению военной уловки. После прорыва на территорию Мангупа турки в последний раз применили артиллерию против защитников цитадели. Осада последнего рубежа продолжалась недолго – в противном случае были бы подтянуты имеющиеся в распоряжении тяжелые осадные пушки²⁵, и начался бы массированный обстрел куртин цитадели.

Находки каменных пушечных снарядов полностью опровергают сведения некоторых источников о добровольной сдаче крепости в результате голода в стане защитников. [12, с. 17]. Сохранившиеся боеприпасы к турецкой артиллерии представляют собой важные материалы для реконструкции событий 1475 г. в истории Мангупа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55.
2. Большая советская энциклопедия: в 50 т. / Гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. М., 1954. Т. 28.
3. Бочаров С.Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3.
4. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. 1.
5. Герцен А.Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
6. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
7. Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI-XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
8. Герцен А.Г., Манаев А.Ю. Демир-Капу (укрепление А.XIX) в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
9. Герцен А.Г., Руев В.Л. Свинцовые пули из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
10. История Османского государства, общества и цивилизации: В 2-х т. / Под ред. Э. Ихсаноглу; Пер. В.Б. Феоновой под ред. М.С. Мейера. М., 2006. Т. 1: История Османского государства и общества.
11. Карлов С.В. О ранней огнестрельной артиллерии на Мангуп-Кале // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. Вып. 3.
12. Колли Л.П. Исторические документы о падении Кафы // ИТУАК. 1911. № 45.
13. Контамин Ф. Война в Средние века / Пер. с фр. Ю.П. Малинина, А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова; науч. ред., предисл. Ю.П. Малинина. СПб., 2001.
14. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.) / Пер. и ком. Е.В. Бахревского. Симферополь, 1999.
15. Льюис Р. Османская Турция. Быт, религия, культура / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2004.
16. Марсильи Л.Ф. Военное состояние Оттоманская империи с ее приращением и упадком, сочинено через графа де Марсильи, члена Парижская королевская академии наук и

²⁵ Как отмечалось выше, один фрагмент гранитного ядра диаметром 403 мм (группа 1а) был обнаружен при изучении цитадели. Он либо был привнесен извне (что вероятнее всего), либо одну тяжелую пушку турки все же успели подтянуть.

- Монпельерская. Также Лондонского королевского общества и основателя Болонского института. Все украшено грядорованными листьями / Пер. В.К. Треднаковский. СПб., 1737. Ч.2.
17. Монж Г. Искусство лить пушки / Пер. П. Раткевич, И. Горбовский. СПб., 1804.
18. Мыц В.Л. Кафа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.
19. Носов К.С. Осадная техника Античности и Средневековья. СПб., 2003.
20. Петрография. Ч.1 / Ред. Н.В. Баринаова. М., 1976.
21. Путеводитель по Бахчисарайскому музею / Сост. Н.А. Богданова, В.И. Мануйлова и др. Симферополь, 1959.
22. Руев В.Л. К вопросу о применении турками военной хитрости в период осады Мангупа в 1475 г. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2008. Вып. 128.
23. Хайбуллаева Ф.Х. Новый турецкий источник по истории Крыма // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
24. Чиполла К. Артиллерия и парусный флот. Описание и технология вооружения XV–XVIII веков / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2007.
25. Шимчак Я. Расходы на транспортировку артиллерии в средневековье // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции (2-5 сентября 1998 г.). СПб., 1998.
26. Asutay-Effenberger N. Mehments Kanonenmeister Urban und sein Riesengeschütz vor der Landmauer von Konstantinopel (1453) // Sultan Mehmet II. Eroberer Konstantinopels – Patron der Künste. Köln, Wien, 2009.
27. Danishman G. Ottoman Mining and Metal Working in the Balkans: Its Impact on Fire-Arms Technology of Southeast Europe (15th – 17th centuries). FSTC Limited, 2007. Режим доступа: <http://muslimheritage.com/topics/default.cfm?TaxonomyTypeID=14&TaxonomySubTypeID=145&TaxonomyThirdLevelID=-1&ArticleID=701>
28. Greenhalgh M. Kultur aus dem Kanonenrohr? Die Belagerung Konstantinopels und der Verlust von Altertümern // Sultan Mehmet II. Eroberer Konstantinopels – Patron der Künste. Köln, Wien, 2009.
29. Neşri M. Kitab-I Cihan-Nüma: Neşri Tarihi. C.1 / Faik reîit unat M.Köymen. Ankara, 1995.
30. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.

Таблица 1. Ядра крупнокалиберной артиллерии²⁶ (группа 1; подгруппы а, б)

№	Место и время находки	Сохранность	Материал	Длина окружности (см)	Диаметр (мм)	Вес (кг)
<i>Место хранения: Центральный музей Тавриды</i>						
1.	КП1129, А.29937; Мангуп, конец XIX - начало XX вв.	целое	гранит	108	340	57

²⁶ В местах, где речь идет о реконструкциях диаметров и веса пушечных ядер на основании фрагментов, допустимы незначительные погрешности. В таблицах приняты следующие сокращения: МК – Мангуп-Кале, Цит. – Цитадель, Р-п – раскоп, кв. – квадрат, к.о. – коллекционная опись, п.о. – полевая опись.

2.	КП1130, А.29938; Мангуп, конец XIX - начало XX вв.	целое	гранит	134	425	106
3.	Без номера; Мангуп, конец XIX - начало XX вв.	целое (скол в месте удара)	гранит	105	335	52

Место хранения: Археологический музей ТНУ им. В.И. Вернадского

1.	МК-1997, могильник Южный-1; подъемный материал, к.о.639	целое	гранит	134	425	106
2.	МК-2007, укрепление А.XIV, стык куртин Б и В, 2007, извлечено из панциря кладки	менее ½ шара	гранит	127	406	-
3.	Мангуп, подъемный материал	около ¼ шара	гранит	134	425	-
4.	Мангуп, подъемный материал	½ шара	гранит	134	425	-
5.	Мангуп, подъемный материал	фрагмент	гранит	138	440	-
6.	МК-1976, м.Чуфут- Чеарган-бурун, к.о.295	фрагмент	габбро- диабаз	109	348	-
7.	МК-1992, Цит., р-п №9, кв.К, 4-й слой под каменным завалом, к.о.247	фрагмент	габбро- диабаз	126,5	403	-

Место хранения: Бахчисарайский историко-культурный заповедник

1.	МК-1971, А.XIV, и.н. 19158	3 фрагмента	гранит	121	386	-
2.	МК-1972, А.XIV и.н. 16827	фрагмент	гранит	-	-	-
3.	МК-1972, А.XIV, и.н. 16847	фрагмент	гранит	129	410	-
4.	МК-1972, А.XIV, и.н. 16848	фрагмент	гранит	129	410	-
5.	МК-1972, А.XIV, и.н. 16849	фрагмент	гранит	129	410	-

6.	Без инвентарного номера	½ часть; 2 скола от удара о твердую поверхность; следы извести	гранит	134	425	-
----	-------------------------	--	--------	-----	-----	---

Ядра из предполагаемых сборов Е.В. Веймарна в д. Адым-Чокрак

7.	№1	целое	гранит	108	343	60
8.	№2	целое; со сколом от удара	гранит	130	415	108
9.	№3	целое	гранит	100	314	46
10.	№4	целое; со сколом от удара	гранит	124,5	396	86
11.	№5	целое	гранит	134	425	106

Место хранения: народный музей Красномакской СОШ

1.	№1	целое	гранит	134	425	107
2.	№2	целое	гранит	133	424	109

Обмеры случайных находок под укреплением А.XVII в 2009 г.

Находки (№№ 2-10) обнаружены на участке южного склона Мангупа в условном квадрате со следующими параметрами угловых точек:

С: 44°35'27.37`` С; 33°48'24.85`` В

В: 44°35'26.52`` С; 33°48'26.34`` В

Ю: 44°35'23.94`` С; 33°48'24.14`` В

З: 44°35'26.19`` С; 33°48'22.03`` В

1.	№1. Фрагмент ядра в кладке А.XVII в районе помещения для часовых	фрагмент	гранит	129	410	-
2.	№2	фрагмент	гранит	129	410	-
3.	№3	фрагмент	гранит	135	430	-
4.	№4	фрагмент	гранит	130	415	-
5.	№5	фрагмент	гранит	138	440	-
6.	№6	фрагмент	гранит	132	420	-
7.	№7	фрагмент	гранит	135	430	-
8.	№8	фрагмент	гранит	134	425	-
9.	№9	1/10 шара	гранит	127	405	-
10.	№10	фрагмент	гранит	134	425	-

Таблица 2. Ядра к среднекалиберной артиллерии. Группа 2, подгруппы а, б

№	Место и время находки	Сохранность	Материал	Длина окружности (см)	Диаметр (мм)	Вес (гр)
<i>Место хранения: Археологический музей ТНУ</i>						
1.	Мангуп, подъемный материал	целое	гранит	71,5	228	15
2.	Мангуп, подъемный материал	менее ¼ шара	гранит	69	220	-
3.	Мангуп, подъемный материал	менее ¼ шара	гранит	80	255	-
4.	а). МК-1976, Цит., р-п №10, 2-й слой, к.о.205а б). МК-1976, Цит., р-п №10, 2-й слой, к.о.205б	2 фрагмента	диабаз	56,5	180	-
5.	МК-1993, Цит., р-п №9, каменный развал у крепостной стены, к.о.354	фрагмент	габбро-диабаз	75	240	-
6.	МК-1996, Цит., бровка между рр. №№8-9, дерновый слой, к.о.2	фрагмент	габбро-диабаз	86	273	-

Таблица 3. Ядра к мелкокалиберной артиллерии. Группа 3, подгруппа а

№	Место и время находки	Сохранность	Материал окружности(см)	Длина	Диаметр (мм)	Вес (гр)
<i>Место хранения: Археологический музей ТНУ</i>						
1.	МК-1992, Цит., р-п №9, кв.К, 4-й слой под каменным завалом, к.о.247	фрагмент, около ½ шара	габбро-диабаз	29,2	93	-

2.	МК-1993, Цит., р-п №9, кв. Р, 1-й слой, к.о.230	фрагмент	габбро-диабаз	30,5	97	-
3.	МК-1994, Цит., р-п №9, кв. Р', 1-й слой, к.о.112, п.о.104	фрагмент	мрамор	28,8	92	-
4.	МК, случайная находка	целое, со следом удара о твердую поверхность	мрамор	28,3	90	990
5.	МК-2004, Цит., р-п №13, кв. Б, зачистка по 5-му слою, к.о.392	целое, со следом удара о твердую поверхность	габбро-диабаз	29,8	95	1015
6.	МК-2006, Дворец, юж. участок, кв.6, дерновый слой, к.о.692; и.н. 19339	½ часть; со следом удара о твердую поверхность	мрамор	33,0	105	-

Таблица 4. Ядра к мелкокалиберной артиллерии. Подгруппа б

№	Место и время находки	Сохранность	Материал	Длина окружности (см)	Диаметр (мм)	Вес (гр)
<i>Место хранения: Археологический музей ТНУ</i>						
1.	МК-1976, Цит., р-п №10, 2-й слой, к.о.203а	фрагмент, 1/6 часть шара	мрамор	24,5	78	-
2.	МК-1992, Цит., р-п №9, кв. Ж, 4-й слой, яма, к.о.118	целое	мраморо-видный известняк	24,8	79	700
3.	МК-1992, Цит., р-п №9, кв. Ж, 4-й слой, яма, к.о.119	целое	мрамор	23,0	73	575
4.	МК-1993, Цит., р-п №9, кв. М, 1-й слой, к.о.28	более ½ шара	мрамор	23,5	75	-
5.	МК-1993, Цит., р-п №9, кв. Р, 1-й слой, к.о.233	фрагмент, около 1/3 шара	мрамор	25,1	80	-

6.	МК-1993, Цит., р-п №9, кв. Р, 1-й слой, к.о.235	фрагмент	мрамор	23,0	73	-
7.	МК-1993, Цит., р-п №9, кв. Р, 1-й слой, к.о.237	фрагмент	мрамор	23,0	73	-
8.	МК-1993, Цит., р-п №9, кв. Р, 1-й слой, к.о.238	фрагмент	мрамор	25,1	80	-
9.	МК-1993, Цит., р-п №9, каменный развал у крепостной стены, к.о.355	целое, со следом удара об угловатую поверхность	мрамор	23,5	75	555
10.	МК-1994, Цит., р-п №9, кв. П', 1-й слой, к.о.47	целое	мрамор	24,5	78	660
11.	МК-1994, Цит., р-п №9, кв. Р', 1-й слой, к.о.103	фрагмент	мрамор	24,2	77	-
12.	МК-1994, Цит., р-п №9, кв. Р', 1-й слой, к.о.104	фрагмент	мрамор	22,6	72	-
13.	МК-1994, Цит., р-п №9, кв. Р', 1-й слой, к.о.112, п.о.97	фрагмент, со следом удара о твердую поверхность	мрамор	22,6	72	-
14.	МК-1994, Цит., р-п №9, кв. Р', 1-й слой, к.о.116	фрагмент, со следом удара о твердую поверхность	мрамор	22,3	71	-
15.	МК-1994, Цит., р-п №9, кв. Р', 1-й слой, к.о.119	целое, с низким качеством изготовления - подшарообразная форма	мрамор	ок. 22,3	66x71	450
16.	МК-1994, Цит., р-п №9, кв. Р', 1-й слой, к.о.121	фрагмент, менее ½ шара	мрамор	23,9	76	-
17.	МК-1994, Цит., р-п №9, кв. Р', 1-й слой, к.о.122	фрагмент, около 1/3 шара, со следом удара	мрамор	22,6	72	-

18.	МК-1994, Цит., р-п №9, кв. Р', 1-й слой, к.о.124	фрагмент	мрамор	23,2	74	-
19.	МК-1994, Цит., р-п №8, кв. Б, сев.-зап. бровка, 2-й слой, р-н горна, к.о.218	фрагмент, менее ½ шара, окатан	мрамор	23,5	75	-
20.	МК-1995, Цит., р-п №8, кв. Т, 1-й слой, к.о.735	целое, со следом удара о твердую поверхность	мрамор	23,0	73	510
21.	МК-2000, Цит., р-п №12, кв. Б, 3-й слой, к.о.151	целое, со следом удара о твердую поверхность	мрамор	23,9	76	580
22.	МК-2001, Цит., р-п №12, бровка между кв. Г-О, 3-й слой, к.о.28	целое	мрамор	24,5	78	668
23.	МК-2002, Цит., р-п №12, кв. Н, дерновый слой, к.о.68	целое	мрамор	23,9	76	625
24.	МК-2002, Цит., р-п №12, кв. П, 2-й слой, к.о.419	целое, со следом удара о твердую поверхность	мрамор	24,2	77	629
<i>Место хранения: Бахчисарайский историко-культурный заповедник</i>						
25.	МК-1971, Цит., р-п 3(?), и.н. 13153	целое, со сколом от удара ок. 4 см ²	мрамор	24,5	78	660

Руев В.Л.

**Османская огнестрельная артиллерия 1475 г. на Мангупе:
историко-археологический обзор**

Резюме

В статье рассматриваются находки, связанные с применением османами огнестрельной артиллерии во время осады Мангупа в 1475 г. Была изучена специфика применения пушек в условиях горной местности против мощных оборонительных сооружений, проанализированы ареалы находок боеприпасов и их археологический контекст. Выделены три группы и шесть подгрупп находок ядер из гранита, диабаз, габбро-диабаз, мрамора. Сделан вывод, что боеприпасы к огнестрельной артиллерии имеют высокую значимость для реконструкции событий, связанных с турецкой военной кампанией в Крыму в 1475 г.

Руєв В.Л.

**Османська вогнепальна артилерія 1475 р. на Мангупі:
історико-археологічний огляд**

Резюме

У статті розглядаються знахідки, пов'язані із застосуванням османами вогнепальної артилерії під час облоги Мангупа в 1475 р. Було вивчено специфіку застосування гармат в умовах гірської місцевості проти потужних оборонних споруд, проаналізовані ареали знахідок боеприпасів та їхній археологічний контекст. Виділено три групи і шість підгруп знахідок ядер із граніту, діабазу, габбро-діабазу, мармуру. Зроблено висновок, що боеприпаси до вогнепальної артилерії мають високу значущість для реконструкції подій, пов'язаних з турецькою військовою кампанією в Криму в 1475 р.

Ruyev V. L.

Osman Firing Artillery of 1475 on Mangup: History-Archaeology Review

Summary

In the article finds connected with the use of firing artillery during the siege of Mangup in 1475 by the Turks-Osmans are considered. Specifics of using cannons in the conditions of mountainous area against powerful defense construction were studied; areas of spreading finds of ammunition, archaeological context were analyzed. Three groups and six sub-groups of finds of cannonballs made of granite, diabase, gabbro-diabase, and marble. The author came to the conclusion that ammunition for firing artillery is of great importance for reconstruction of events connected with Turkish military campaign in Crimea in 1475.

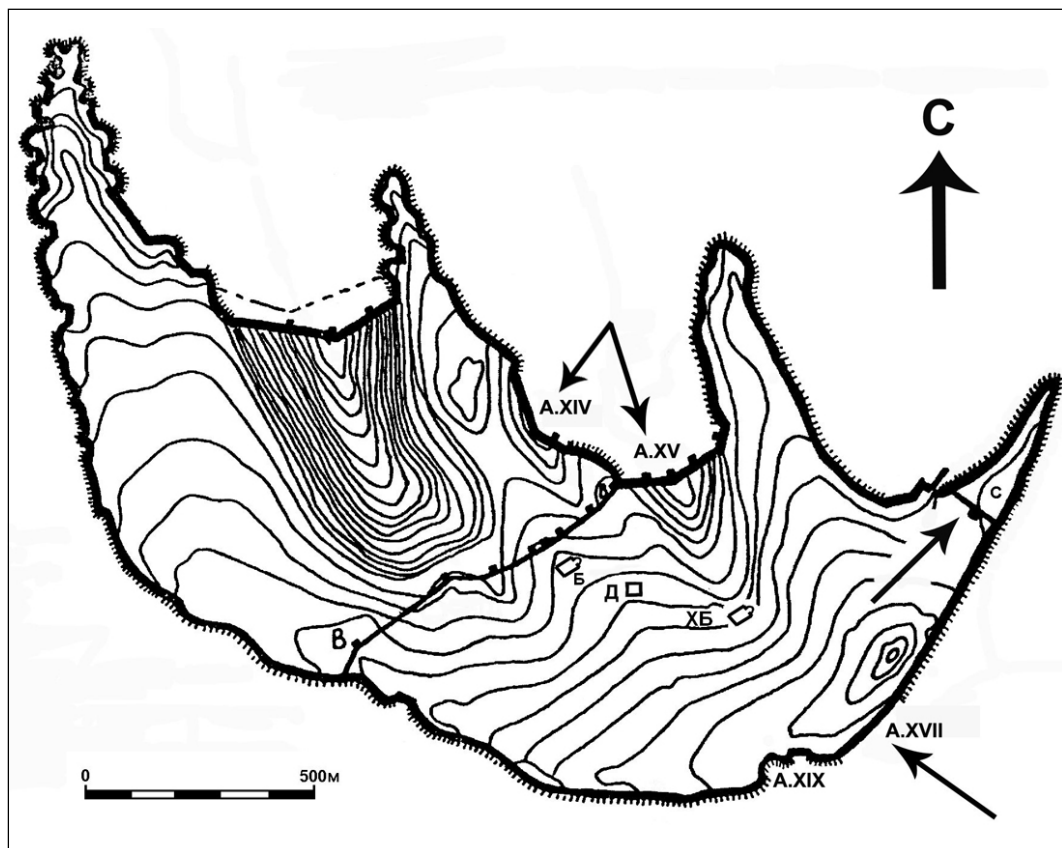

Рис. 1. Мангуп-Кале. План-схема.

А – главная линия обороны; В – внутренняя линия обороны; С – цитадель; Б – базилика; Д – дворец; ХБ – «Храм Богородицы». Стрелками указаны основные направления артиллерийского обстрела.

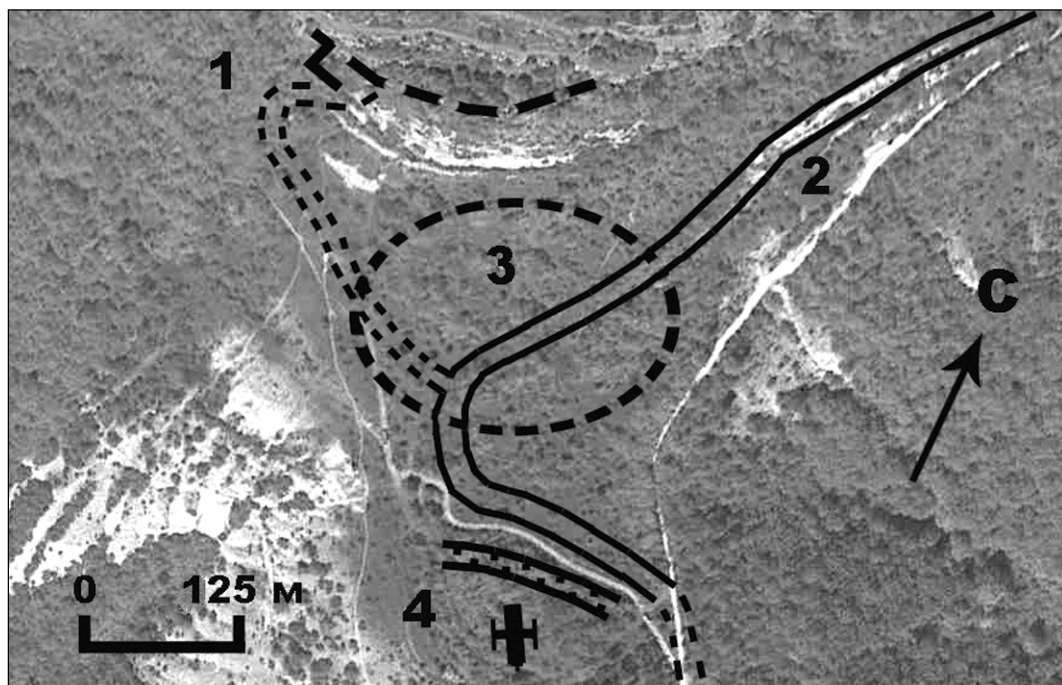

Рис. 2. Южный склон Мангу́па.

1 – фео́доритское укрепление А.ХVII с предполагаемой калиткой и дорогой; 2 – трасса средневековой дороги на Мангуп; 3 – участок сбора фрагментов ядер; 4 – артиллерийская позиция со рвом. Снимок взят с сайта <http://earth.google.com>.

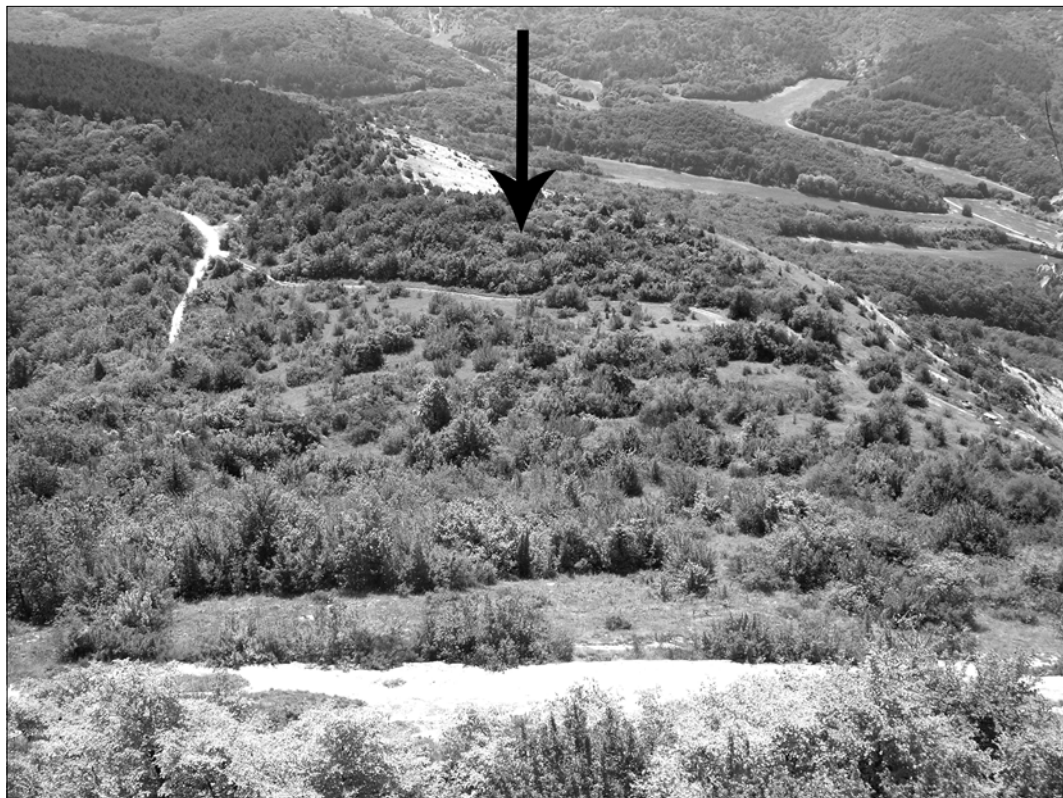

Рис. 3. Южный склон Мангупа. Вид на артиллерийскую позицию с укрепления А.XVII. Вид с северо-запада.

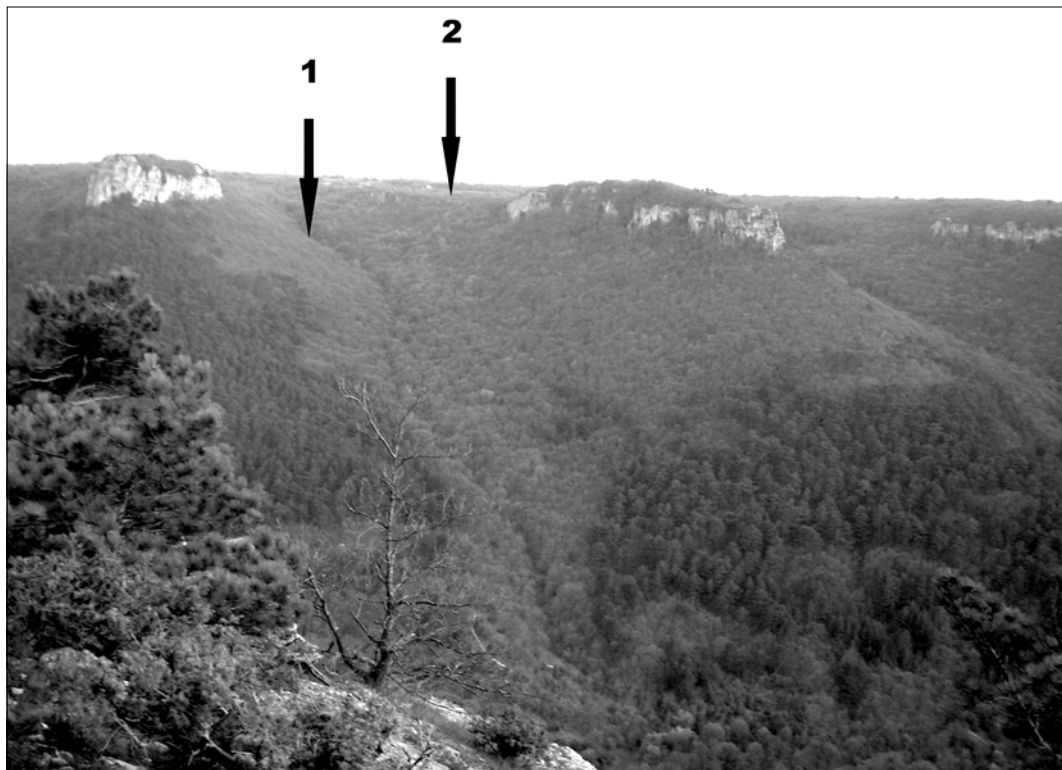

Рис. 4. Северный склон Мангупа. Балка Гамам-дере. Вид с севера с возвышенности Чардаклы-баир.

1 – осадная позиция; 2 – укрепление А.XIV.

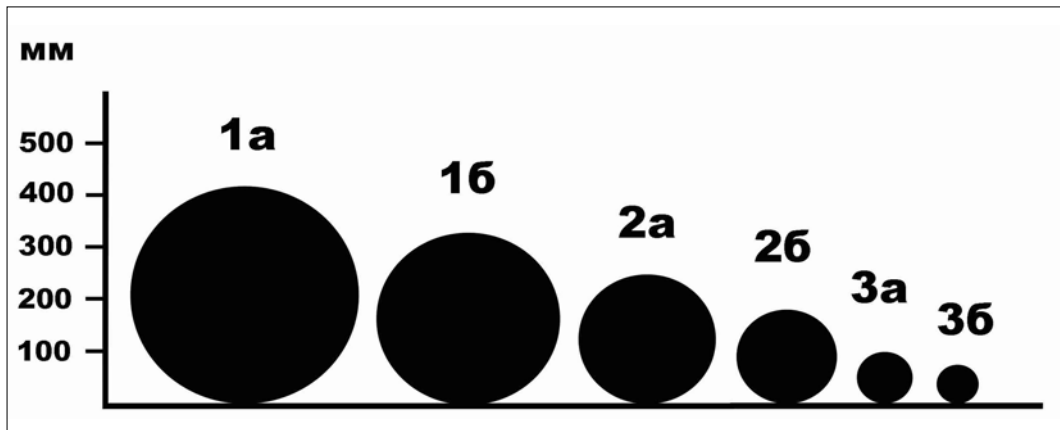

Рис. 5. Соотношение средних параметров выделенных подгрупп.

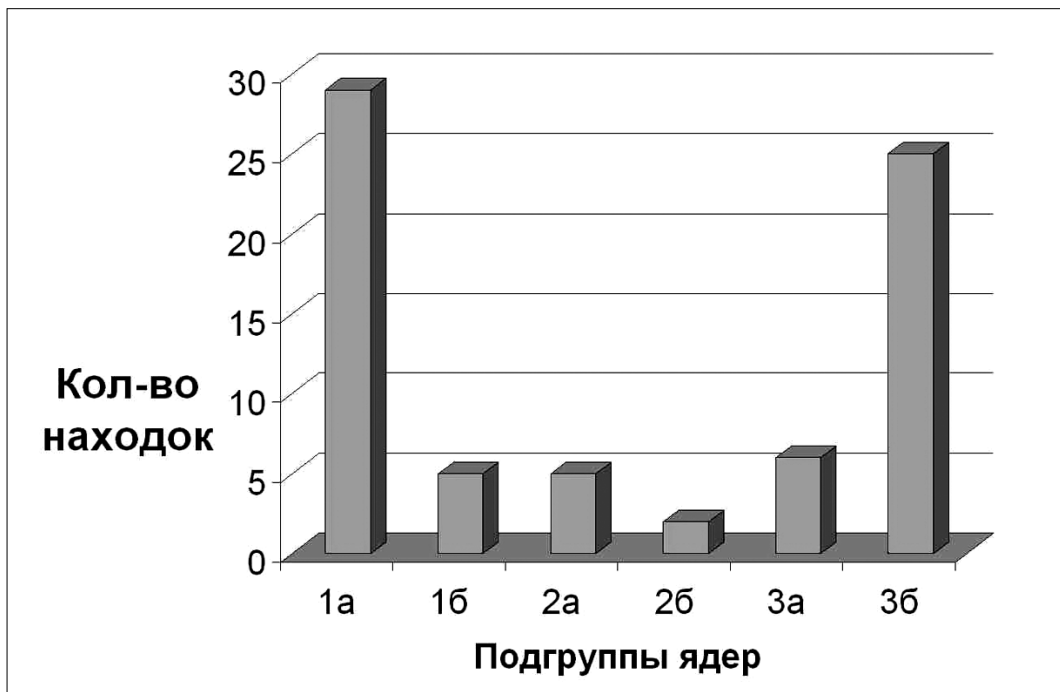

Рис. 6. Соотношение численности целых ядер и их фрагментов.

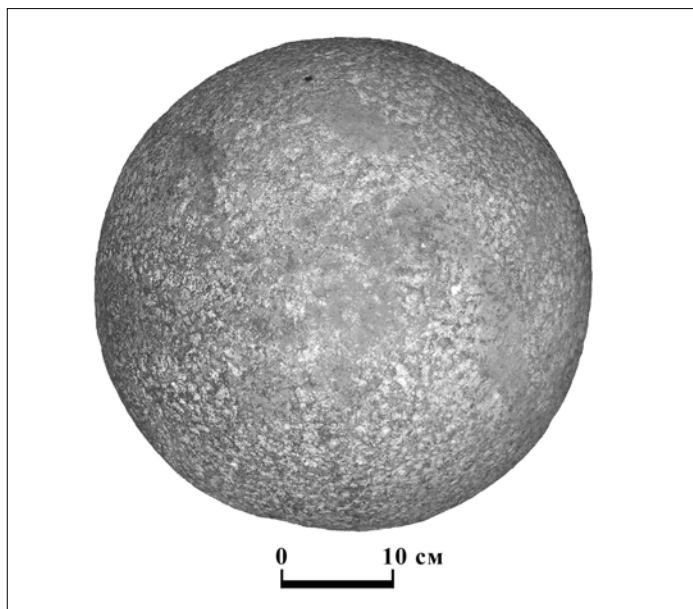

Рис. 7. Ядро подгруппы 1а. Общий вид.

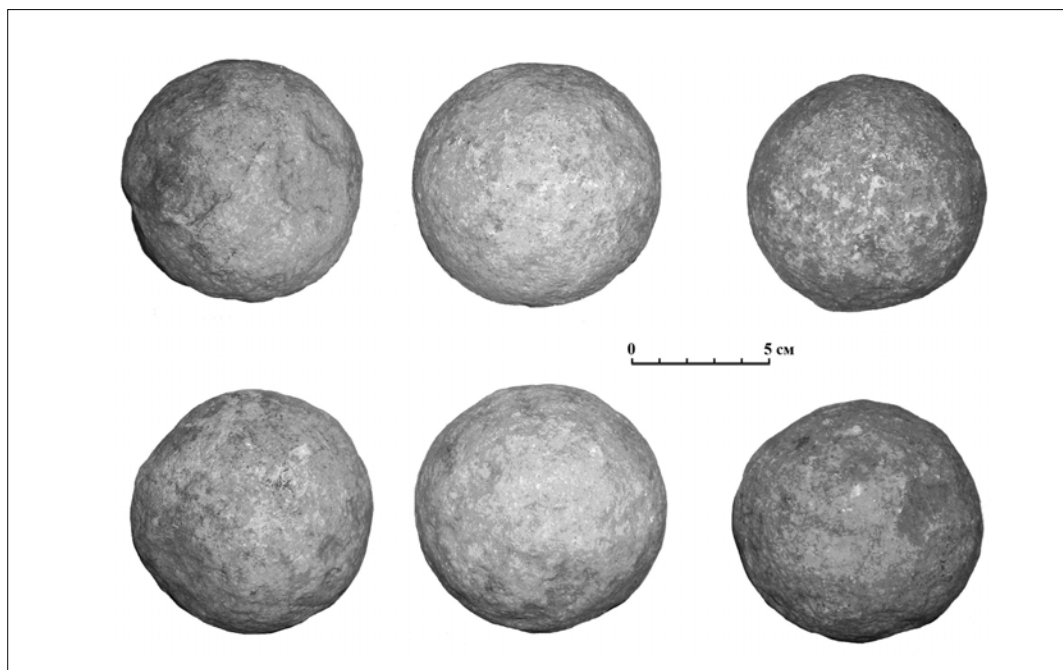

Рис. 8. Ядра подгруппы 3б. Общий вид.

Рис. 9. Целое ядро подгруппы 1а диаметром 425 мм, обнаруженное на южном склоне Мангупа в районе могильника «Южный-1».

Рис. 10. Укрепление А.XIV. Часть ядра подгруппы 1а, засевшая в стене в районе стыка куртин Б и В. Вид с севера.

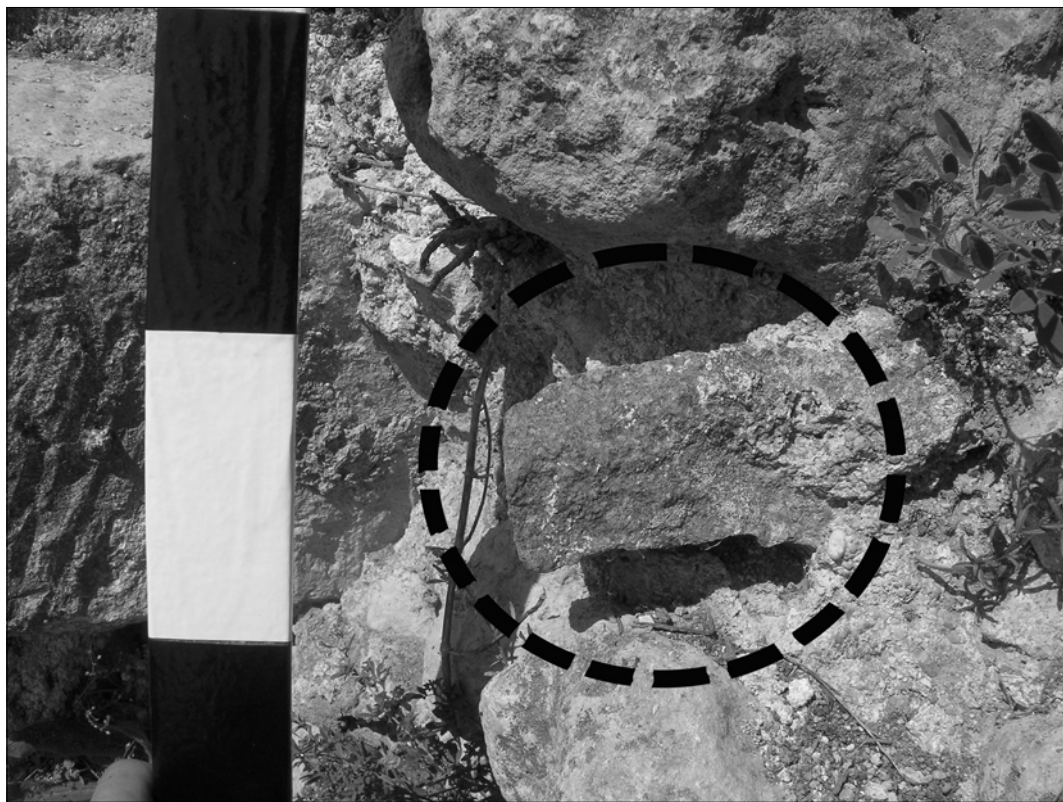

Рис. 11. Фрагмент ядра подгруппы 1а(?) в качестве строительного материала в кладке укрепления А.XVII. Вид с юго-востока.

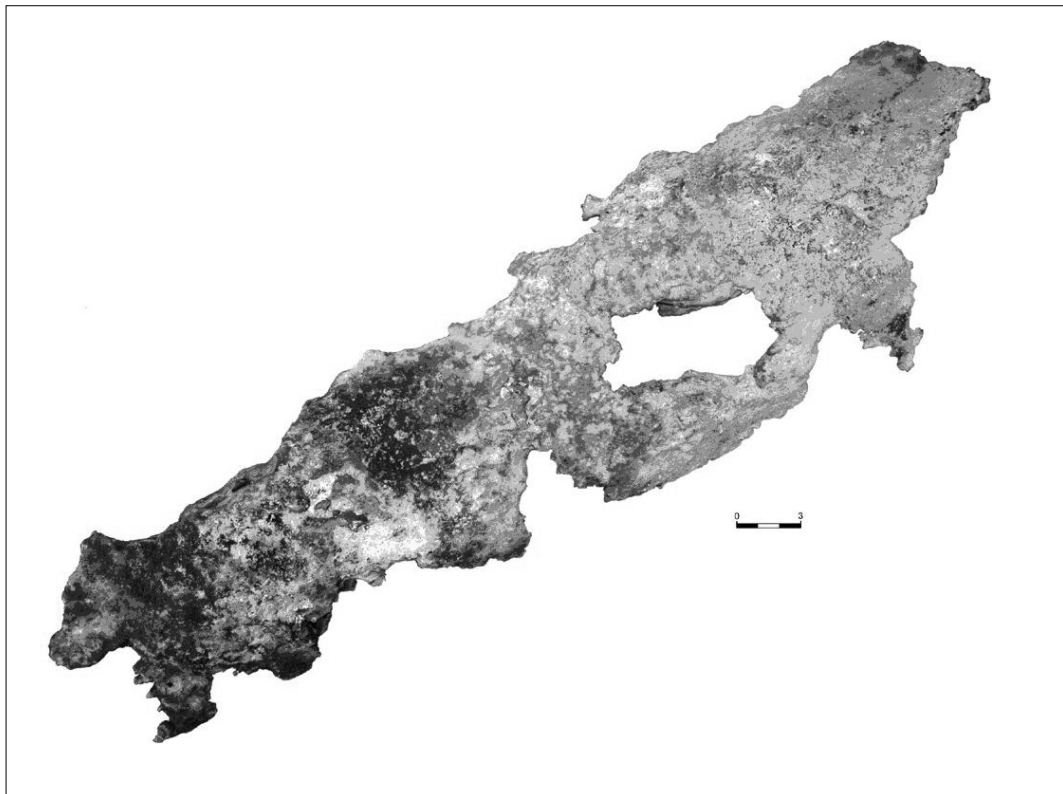

Рис. 12. Застывший кусок переплавленной пушечной бронзы.

ИСТОРИЯ

Э. Б. ПЕТРОВА

АНТИЧНАЯ ФЕОДОСИЯ И ФЕОДОСИЙСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ 2006–2010 гг.

После выхода из печати моей книги «Античная Феодосия: История и культура» [1], в которой ставилась цель подвести итоги полуторавекового изучения античного города Феодосии и его сельской округи, а заодно и истории Феодосийского музея древностей, прошло десять лет, и с тех пор появилось довольно много научных работ, посвященных различным аспектам античного прошлого города и прилегающих к нему земель. В статье, опубликованной в сборнике «Херсонесский колокол» [2], я дала обзор вышедшей за пять лет литературы, специально или в общем контексте истории античных государств Северного Причерноморья, касающейся интересующей меня темы. И теперь, по прошествии еще одного пятилетия, мне представляется целесообразным собрать воедино новые материалы об античной Феодосии. Помимо того, я включила в обзор и некоторое количество работ, изданных ранее, но не вошедших в мои предшествующие публикации. Нужно сказать, что археологические раскопки на территории античного города и его курганного некрополя давно не проводились – последние исследования на Карантинной горке относятся к 1975–1977 гг., на некрополе – к 1994 г., с тех пор количество имеющихся в нашем распоряжении источников возросло почти исключительно за счет публикации монет и материалов разведок и раскопок в сельской округе Феодосии. А за последние пять лет численность и этих памятников сильно сократилась.

В последнее десятилетие мне пришлось работать над подготовкой общих изданий по истории Крыма и истории Феодосии, в которых принимали участие многие авторы. В двух научно-популярных книгах Феодосия фигурирует в разделах, посвященных истории и культуре Боспорского царства [3; 4, с. 89-104], в других история и культура античного города представлены мною в специальных разделах [5; с. 8-65; 6, с. 14-34; 7, с. 12-32]. Обобщающей по своему характеру является статья А.В. Гаврилова [8], в основном повторившая

в сокращенном виде содержание ранее опубликованной им монографии [9]. В 2007 г. вышло 2-е издание книги Е.А. Катюшина, снабженное новыми иллюстрациями [10]. Краткий очерк истории античной Феодосии и хроника археологических раскопок, проводившихся на территории античного городища и некрополя, содержатся в статье Е.А. Айбабиной, вошедшей в 3-й том научно-популярного издания «Цивилизации» [11, с. 373-377, 394-396].

Далее мое внимание будет сосредоточено на тех работах, которые специально посвящены отдельным аспектам истории и культуры античной Феодосии и прилегающих к ней земель, а также на исследованиях, освещающих историю и археологию античных государств Северного Причерноморья (в первую очередь, конечно, Боспора) и затрагивающих феодосийскую тематику. Отмечу, что после длительного периода едва ли не полного застоя в изучении античной Феодосии в последние два десятилетия произошли существенные сдвиги, по крайней мере, в археологических исследованиях сельской округи города и в деле пополнения его нумизматической коллекции. Предварительно следует упомянуть монографию В.А. Колотухина и Г.Н. Тощева, посвященную эпохе бронзы в Крыму. В них собраны все имеющиеся на сегодня археологические свидетельства обитания догреческого населения в местах, расположенных в непосредственной близости или сравнительно недалеко от будущей Феодосии [12, с. 68; 13, с. 22-23, 26-27, 64-65, 86-87, 96-97, 142-143, 174-175]. Также отмечу два издания, посвященных исторической географии Северного Причерноморья. В книге В.В. Назарова собрана информация о подводных археологических обследованиях прибрежной акватории юго-восточного побережья Крымского полуострова и находках, относящихся к античному времени: у побережья от Кутлакской бухты до Феодосийской – единичных фрагментов керамики, свинцового якорного штока и скрепа, в акватории Феодосийского морского порта – остатков мола и полутора десятков амфор [14, с. 89-99]¹. Какие же выводы следуют из приведенного автором обзора? Во-первых, очевидно, что подводные исследования в районе Феодосии (хотя они и начались раньше, чем в иных местах, – еще при строительстве Феодосийского порта в 90-х гг. XIX в.) находятся в начальной стадии, но имеют неплохие перспективы. Во-вторых, имеющиеся материалы пока не позволяют говорить о сколько-нибудь значительном освоении греками прибрежных районов, расположенных западнее Феодосийской бухты.

¹ В последнем случае речь идет о подводных обследованиях, проведенных заведующим Феодосийским музеем древностей Л.П. Колли в 1894 и 1905 гг. К сожалению, с тех пор подводные работы в районе Феодосии не проводились, между тем в научной литературе неоднократно подчеркивалась значимость находок Колли (в том числе и для изучения ситуации с понижением уровня Черного моря в районе его северного побережья, в частности, Крыма). Если говорить о самых последних изданиях, то это книга В.Н. Таскаева «Античная подводная археология Северного Причерноморья» [15, с. 22, 24].

В монографии В.Г. Зубарева систематически исследуются данные античных литературных источников по географии Северного Причерноморья, и Феодосия фигурирует во многих случаях при локализации на местности того или иного географического пункта или выявлении расстояния между тем или иным пунктом [16, с. 87-92, 94, 106-108, 220-229, 240-241, 243, 275]. Скрупулезно проанализированы буквально все упоминания Феодосии в сочинениях античных писателей, сопоставлены их цифровые данные. Некоторые рассуждения и предположения автора имеют для нас принципиальное значение, например, об отражении в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея не только морского пути от Феодосии до Борисфена, но и более короткой сухопутной дороги, шедшей от Феодосии на запад к Керкинитиде, Калос Лимену и Перекопскому перешейку [16, с. 90, 94, рис. 4], о локализации гавани скифо-тавров (Афинеона) предположительно в районе с. Прибрежное, к северо-востоку от мыса Меганом [16, с. 220-221]².

Нелишним будет обратить внимание на книгу Ю.М. Могаричёва, А.В. Сазанова, Е.В. Степановой и А.К. Шапошникова, в которой представлены результаты изучения древнейшей ономастики Крыма, в частности античной Феодосии [17, с. 312-314]. Авторы отмечают, что большая часть личных имен, известных из эпиграфики античной Феодосии, принадлежит древнегреческому языку (КБН, 529-533, 954), что эпиграфика Феодосии III в. н.э. содержит несколько имен собственных осетинского облика (КБН, 947-951), а часть личных имен феодосийцев доносит в греческой передаче имена римские.

Феодосия, Пантикапей и Спартокиды. Здесь мы остановимся на нескольких вопросах: время основания Феодосии, взаимоотношения Феодосии и Пантикапея в ранний период их истории, события боспоро-феодосийско-гераклейской войны, положение Феодосии в составе Боспорского царства. И начнем с работ тех авторов, в которых специально трактуются эти вопросы. В монографии В.М. Зубаря и В.Н. Зинько, посвященной социально-экономической истории Боспора, Феодосия упоминается довольно часто. В отношении времени основания этой апойки авторы солидарны с теми исследователями, которые, основываясь на керамических материалах, считают, что Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Кепы, Гермонасса, Феодосия и некоторые другие центры на Боспоре возникли примерно в одно и то же время – во второй четверти – середине VI в. до н.э. [18, с. 13]³. Причины войны Сатира I и Левкона I за Феодосию авторы видят не столько в стремлении правителей избавиться от торгового конкурента, сколько в их намерении увеличить поступление доходов в казну царства за счет больших партий хлеба, получаемых Феодосией с окрестных земель и вывозимых ею

² К этому вопросу мы еще вернемся.

³ Нужно сказать, что для Феодосии на этот счет нет достоверных свидетельств [см.: 1, с. 46-47].

в Элладу, и торговых пошлин, собиравшихся в феодосийском порту [18, с. 57-58]. Завершение войны В.М. Зубарь и В.Н. Зинько относят к концу первой четверти IV в. до н.э. [18, с. 59]⁴. Авторы отвергают не подтвержденные данными источников сравнительно недавно появившиеся в печати гипотезы об активном участии Херсонеса и даже Ольвии в боспоро-феодосийско-гераклейской войне [18, с. 59, 117, прим. 19, 21]⁵.

В книге большое внимание уделяется последствиям войны Боспора за присоединение Феодосии. В первую очередь с этим событием связывается рост числа сельскохозяйственных поселений в Восточном Крыму со второй четверти IV в. до н.э.⁶, к этому же времени приурочивается начало интенсивного строительства в Пантикапее и других боспорских городах⁷ [18, с. 63-65]. Говоря о последствиях войны за Феодосию, В.М. Зубарь еще раньше справедливо критиковал появившуюся в научной литературе гипотезу, по которой широкое освоение Херсонесом земель в Северо-Западном Крыму было инициировано Гераклеей, лишившейся после войны с Боспором феодосийского порта и возможности получать значительные партии пшеницы из Восточного Крыма [19, с. 143]. Отмечу в связи с этим два момента. Первый: для Херсонеса естественным было стремление расширять свои земли, а наиболее перспективным в этом отношении являлось именно северо-восточное направление. Хотя, конечно, Херсонес помимо собственных выгод учитывал и экономические интересы своей метрополии, что в какой-то мере могло ускорить процесс освоения новых территорий. Момент второй: Гераклея не потеряла феодосийский порт после поражения в войне с Левконом – источники свидетельствуют о том, что она продолжала активно торговать с Феодосией и, кстати сказать, развивала коммерческие связи с Боспором в целом [1, с. 78; см. также: 20; 9, с. 59-60, 62, 115-117, 188].

Особое положение Феодосии в составе царства Спартокидов, близкое к политическому статусу Пантикапея, В.М. Зубарь и В.Н. Зинько объясняют в частности тем, что Феодосия и подконтрольная ей ближайшая сельскохозяйственная территория располагались обособленно от собственно боспорских

⁴ В литературе последнего времени все чаще фигурируют ранние даты завершения боспоро-феодосийской войны [см. дискуссию: 1, с. 74; 2, с. 128-130].

⁵ См. также по этому поводу у В.М. Зубаря: 19, с. 85, прим. 16. Автор критикует гипотезу о близости изображений на херсонесских монетах типа «голова льва – звезда» к боспорским выпускам, якобы свидетельствующей о тесных связях Феодосии и Херсонеса, активно поддерживавшего Гераклею Понтийскую в ее войне с Боспором. См. также: 2, с. 128-129.

⁶ А заодно и четкое выделение, по крайней мере, трех категорий землевладения на Боспоре: хоры полисов, царской хоры и владений варварских племен (последние, по-видимому, находились под юрисдикцией скифских царей) [18, с. 64].

⁷ Еще одно важное свидетельство того, что война Боспора за присоединение Феодосии завершилась раньше, чем полагают некоторые исследователи, – уже в первой четверти IV в. до н.э.

земель⁸, так как восточнокрымские степи контролировались скифами (такое мирное соседство было результатом боспоро-скифского союза в войне против Феодосии); и в пользу данного заключения приводится титул Левкона I «архонт Боспора и Феодосии» [18, с. 65-68, 69, 85]. Мне представляется, что такой взгляд на давно дискутируемый вопрос о титулатуре ранних Спартокидов заслуживает внимания. И последнее: В.М. Зубарь и В.Н. Зинько критически отнеслись к моему, по их словам, выводу, что после завоевания Феодосии боспорские правители стремились переориентировать ее экономику: сделать вывоз хлеба доминирующим, сократив при этом объем иных производств [18, с. 59, прим. 20]. Но это вовсе не вывод, а лишь мое предположение, и не менее беспочвенное, чем многие иные гипотезы, высказанные в работах других авторов касательно Феодосии и вообще всего античного Северного Причерноморья.

Война Спартокидов за присоединение Феодосии стала темой специальной работы А.А. Завойкина⁹. По признанию самого автора, предложенные им датировки, имеющие отношение к этой войне, гипотетичны, цель же его статьи состоит в том, чтобы акцентировать внимание на реальном состоянии и важности проблемы хронологии военных событий, так как дата их окончания «играет ключевую роль в определении целой хронологической цепочки других событий и фактов» в истории Боспора [22, с. 92, 99]. Начало войны он предположительно относит ко времени не позднее 393–392 гг. (незадолго до смерти Сатира I), участие в конфликте Гераклеи Понтийской – к ок. 386–366/364 гг. (до прихода к власти Клеарха), окончание военных действий – к середине – второй половине 360-х гг. (феодосийцы недолго продержались после того, как лишились поддержки Гераклеи) [22, с. 92-94, 97]. В таком случае война была длительной и, как полагает исследователь, велась не беспрерывно. Автор возвращается к ранее начатому им разговору о дружеских отношениях Гераклеи с Персией и возможном участии последней в боспоро-гераклейском конфликте; он не исключает, что пассаж Полиена с Мемноном и Аристонином относится ко времени службы Мемнона Родосского у персов (с 366/5 г.), и считает, что Аристонином мог быть отправлен на Боспор уже после того, как обучал музыке Филиппа II [22, с. 96-97]. Завершается статья еще одним предположением, основанным исключительно на логических рассуждениях: строительство феодосийского порта при Левконе могло длиться лет пять-десять и завершиться в первой половине 350-х гг. [22, с. 98-99].

А.С. Русяева и А.Б. Супруненко в совместной монографии соглашаются с мнением тех, кто считает, что присоединение Феодосии к Боспору осуществилось довольно рано – в пределах 80-х гг. IV в. до н.э. [23, с. 76]. Авторы

⁸ Связь же Феодосии с Пантикапеем поддерживалась преимущественно морем [18, с. 67].

⁹ В докторской диссертации А.А. Завойкина [21], судя по материалам автореферата, в основном повторяются ранее высказанные автором взгляды [см.: 2, с. 130-131].

критически относятся к гипотезе Ю.Г. Виноградова, по которой Левкон I ради завоевания Феодосии заключил союз с Ольвией (якобы находившейся в зависимости от дружественных Боспору скифов), в результате чего Ольвия стала для него надежным плацдармом в тылу у Херсонеса (а значит, и Гераклеи), вынужденного отвлекать часть своих сил с феодосийского театра военных действий из-за боязни нападения на него с северо-запада. Фантастичность этой гипотезы обосновывается тем, что она «не согласуется с внешне- и внутривосточной обстановкой, сложившейся в последней четверти V – первой четверти IV вв. до н.э. не только в Нижнем Побужье и Северо-Западном Крыму, но и в Херсонесе, а также на Боспоре и в Скифии» (!), зависимость же Ольвии от скифов не подтверждается источниками [23, с. 110]. Заметим также, что у нас нет источников, свидетельствующих о том, что Херсонес участвовал в военных действиях, а Ольвия угрожала ему.

В статье А.И. Айбабина и В.А. Сидоренко война Левкона I за Феодосию датируется 390–385 гг.¹⁰ Поводом для обращения авторов к данной теме стал фрагмент, по всей видимости, посвятителю надписи на части мраморного постамента, обнаруженной в Керчи в 2007 г. При этом говорится, что обычное для титула Левкона дополнение «и Феодосии» не могло поместиться на плите. Отсюда делается вполне прогнозируемый вывод: надпись «относится к раннему времени архонства Левкона I, когда власть его распространялась только на Боспор, и может датироваться периодом войны Левкона I за Феодосию...». Для сравнения приводится наиболее ранняя надпись с именем этого правителя – посвящение Левкона Фебу Аполлону из Семибратнего городища, в котором «Левкон назван архонтом, возможно, без упоминания Боспора» [25, с. 121-124]. Заметим, однако, что текст из Семибратнего городища вызывает у исследователей разночтения¹¹, а фрагмент надписи из Керчи малоинформативен. И еще одно немаловажное обстоятельство: мы должны быть уверены в том, что Левкон имел официальный титул «архонт» до присоединения Феодосии к его царству, а не приобрел его после этого события¹².

Яркое описание Полиеном отдельных эпизодов войны между Боспором, Феодосией и Гераклеей вызывает у исследователей естественное желание связать это письменное свидетельство с данными археологии. В частности, сообщение Полиена о высадке гераклеотов в разных местах побережья Боспорского царства дает надежду на подтверждение этой военной акции материалами раскопок в прибрежных населенных пунктах юго-восточной части Керченского полуострова. В очень осторожной форме А.М. Бутягин и Д.Е. Чистов

¹⁰ В работе 2009 г., о которой речь впереди, В.А. Сидоренко датирует войну концом 90-х – началом 70-х гг. IV в. до н.э. [24, с. 511].

¹¹ См. по этому поводу: 2, с. 129-130.

¹² Так, Е.А. Молев отмечает: «Видимо, до подчинения Феодосии проблемы титула просто не существовало» [26, с. 145].

связывают с этой акцией следы значительных разрушений и пожарищ первой половины IV в. до н.э. в Нимфее и Мирмекии [27, с. 138-139].

В.К. Голенко в монографии, посвященной Киммерику, ставит развитие фортификационной системы этого города в зависимость от длительности войны Боспора за Феодосию¹³ и считает, что Киммерик, «будучи бесспорно стратегическим узлом на черноморском побережье европейского Боспора... мог использоваться и как морская база или промежуточный плацдарм», что до окончательного присоединения Феодосии к Боспору «границей царства могла быть линия Узунларского вала, а на побережье – Киммерик, в то время как остальная западная часть полуострова до границ владений Феодосии могла оставаться своеобразной буферной зоной с варварским полусоседным населением» [28, с. 181]. Автор не исключает того, что земляной вал и ров на перешейке полуострова Узунларского и Кояшского озер могли быть построены в разгар войны Левкона за Феодосию [28, с. 260-261]. Безусловный интерес представляют и высказанные им мысли о неоформленности западных границ царства после присоединения к нему Феодосии и ее округи и о влиянии войны за Феодосию на отношения Боспора со скифами, которые диаметрально менялись (в качестве примера приводится война Перисада I со скифами, упомянутая в речи Демосфена) [28, с. 180].

В статье В.Н. Зинько и С.Р. Тохтасьева обращается внимание на то, что в надписи первой половины IV в. до н.э. на известняковой надгробной стеле, обнаруженной в Феодосии в конце XIX в. при строительстве порта («Аресий, сын Каллигита» – КБН, 948), одно из двух имен – Каллигит – является мегарским или беотийским, оно часто встречается в Мегарах начиная с V в. до н.э. [29, с. 121]. Если учесть, что из Феодосии происходит вообще мало надписей, то для нас немаловажно, что в этом ионийском городе селились выходцы из дорийских центров. Здесь уместно вспомнить о тесных связях Феодосии с Гераклеей Понтийской (и, видимо, ее северопонтийскими колониями) на протяжении длительного времени, но особенно в первой половине IV в., когда гераклеоты оказали помощь феодосийцам, отстаивавшим свою независимость в борьбе против боспорских тиранов.

В.П. Яйленко опубликовал посвящение Аполлону Дельфинию, происходящее, как он полагает, из Большой Керчи [30, с. 368-370, № 9]. Это еще одна надпись, в которой фиксируется титулатура Спартокидов – «архонт Боспора и Феодосии», царствующий над варварскими племенами, – и которая по письму близка известным нам надписям времени Левкона и Перисада (первой половины – середины IV в. до н.э.).

¹³ «...если “феодосийская” проблема не была разрешена на протяжении длительного времени, на протяжении которого постоянно сохранялась военная угроза со стороны сторонников отделения Феодосии, это наверняка должно было бы отразиться на масштабах фортификационного строительства в Киммерике» [28, с. 180]. Автор полагает, что война за Феодосию была завершена во второй четверти IV в.

Монеты Феодосии. Эта тема, по-прежнему, наиболее обсуждаема в специальной научной литературе, причина тому – большое количество новых монет феодосийской чеканки и других эллинских центров, обнаруженных на поселениях сельской округи Феодосии и активно публикуемых в последнее время. В основном это монеты из частных коллекций. В ряде нумизматических работ по-новому интерпретируются ранее известные типы монет феодосийской чеканки, публикуются и обсуждаются новые типы. Следует отметить, что при скудости письменных свидетельств монеты становятся для исследователей едва ли не основным источником по событийной истории Феодосии и ее округи. Характерно и обращение к монетам как к источнику по культурам античной Феодосии.

Две новые бронзовые феодосийские монеты публикует В.И. Суханов. На лицевой стороне этих монет – голова быка, на оборотной – шестилучевая звезда с надписью ΘΕΟΔΟΣ между лучами [31]. Автор отмечает: значительное число имеющихся в нашем распоряжении монет этого типа позволяет говорить о том, что медные монеты, как и мелкие серебряные, чеканившиеся в Феодосии в период независимости, предназначались для обслуживания внутреннего рынка полиса, а значит автономная чеканка этого города носила не только политический, но и важный экономический характер [31, с. 431-432, 434]¹⁴. По его мнению, тот вариант монетного типа, который представляют две публикуемые в статье монеты, был наиболее массовым и последним выпуском феодосийской меди с быком в трехчетвертном повороте и звездой¹⁵, а всю медь с легендой ΘΕΟΔΟΣ следует считать хронологически близкой [31, с. 434-435]. Так как в статье отсутствуют датировки, сочту нелишним добавить: монеты с такой легендой отражают новое название города, по всей видимости, полученное им от Левкона I; следовательно, и выпускались эти монеты уже после вхождения города и его округи в состав царства Спартокидов¹⁶.

А.В. Гаврилов и И.В. Шонов публикуют комплекс монет чеканки Феодосии и Пантикапея из усадьбы Южное. По словам авторов, этот комплекс наиболее полно отражает заключительную эмиссию Феодосии и позволяет «реконструировать некоторые детали одного из самых темных периодов истории полиса» [32, с. 356]¹⁷. Последняя чеканка города (монеты с легендами ΘΕΥ, ΘΕΥΔΟ) приурочивается к концу первой – началу второй

¹⁴ С этим нельзя не согласиться, и об этом мне доводилось писать еще тогда, когда феодосийских монет было известно совсем немного [1, с. 67].

¹⁵ До этого выпуска монеты с головой быка и звездой имели легенду ΘΕΟΔΕΩ, ΘΕΟΔΕΩ[Σ], отражавшую первоначальное наименование города.

¹⁶ Что произошло, как я полагаю, в 70-х или в конце 80-х гг. IV в. до н.э. [1, с. 52-54, 74].

¹⁷ На основании монет усадьба датируется концом третьей / началом четвертой четверти IV – концом 50-х / началом 40-х гг. III вв. до н.э. [32, с. 346, 348, 356].

трети III в. до н.э.¹⁸ и отмечается, что монеты данного выпуска преобладают на усадьбе Южное (более полусотни экземпляров оболов типа «голова Афины – палица, горит, ΘΕΥ»¹⁹), а это «свидетельствует о том, что с начала 60-х гг. III в. до н.э. на хоре полиса обращалась преимущественно собственная монета» и что центральная власть в условиях набегов и постоянного давления кочевников, разрыва экономических связей между регионами Европейского Боспора «утратила влияние на отдаленные районы царства и... не могла активно противодействовать традиционным сепаратистским тенденциям феодосийцев» [32, с. 348-349]. И далее следует весьма заманчивое, но недостаточно аргументированное предположение: Феодосия получила свободу, «к власти на некоторое время пришла феодосийская демократия», полис вновь начал чеканить собственную монету [32, с. 349]. Авторы отмечают, что феодосийские оболочки типа «голова Афины – палица, горит, ΘΕΥ» известны в ряде мест феодосийской округи – эти места и составляли хору Феодосийского полиса к началу 60-х гг. III в. до н.э. (к вопросу о размерах городской хоры Феодосии мы еще вернемся). Изображение Афины на монетах – своеобразная демонстрация проафинской политики, ориентация Феодосии на Афины как на главного экономического контрагента [32, с. 350]. Появление Деметры и Геракла на монетах Феодосии этого времени авторы рассматривают как отражение факта восстановления демократической формы правления в независимом Феодосийском полисе, а изображение букrania с легендой ΘΕΥΔΟ между рогами – как стремление феодосийцев возвратиться к традициям ранней чеканки их полиса [32, с. 350-355]. Восстановление власти Спартокидов в Феодосии и ее округе А.В. Гаврилов и И.В. Шонов приурочивают к концу 50-х – началу 40-х гг. III в. до н.э., а прекращение поздней чеканки города – ближе к концу правления Перисада II [32, с. 355-356].

Отношение к этой гипотезе в науке неоднозначно. А.Е. Терещенко, например, согласен с тем, что Феодосия воспользовалась «удачной для нее политической конъюнктурой» и «обрела некоторую автономию», и не исключает, что феодосийцы могли вступить в контакт со скифами ради того, чтобы попытаться вновь стать независимым полисом [33, с. 168, 169]. А А.А. Завойкин ее не приемлет и ссылается на устное замечание В.Ф. Столбы о том, что «затруднительно будет оторвать хронологию типа монет с головой Афины в шлеме от чеканки Левкона II», что это чеканка Феодосии «несомненно, была инспирирована самим Левконом» [22, с. 93, прим. 5]. Мне представляется справедливым и замечание самого А.А. Завойкина: независимо от того, по какой причине Феодосия и Фанагория стали выпускать в это время собственные деньги, «чеканка монеты, на которой указан

¹⁸ Об этих монетах и их хронологии см.: 1, с. 95-97; 2, с. 132-133.

¹⁹ Эту чеканку А.В. Гаврилов относит к началу 60-х – концу 50-х гг. III в. до н.э. [32, с. 352].

демотикон выпускавшей ее общины, говорит об изменениях отношений полисов и царской власти», «этот вынужденный акт должен был получить широкий резонанс в боспорском обществе» [34, с. 234]. Оба эти взгляда высказывались в науке и ранее [см.: 1, с. 96-97]. Разница в том, что теперь известно гораздо больше монет поздней чеканки Феодосии, что и позволяет вернуться к мысли Д.Б. Шелова о демонстративности автономных выпусков феодосийцев, их попытке обрести желаемую независимость или хотя бы автономию в составе царства, но не дает повода отказаться и от иного мнения (В.А. Анохин, Е.А. Молев и др.): феодосийская чеканка не имела самостоятельного значения – в условиях так называемого денежного кризиса она была инспирирована правящей династией. В.М. Зубарь и В.Н. Зинько полагают, что при Левконе II в финансовой политике Боспора нарушается принцип централизованного выпуска монет, а эмиссии Феодосии, Фанагории, Горгиппии «были осуществлены в русле тех мер, которые предпринимались боспорской администрацией при проведении денежной реформы, начатой Левконом II», и диктовались «насушной потребностью экономического развития» [18, с. 124]. Иными словами, дискуссия на эту тему не завершена.

В двух публикациях А.В. Гаврилов и И.В. Шонон обращаются к изображениям богов на феодосийских монетах [32; 35]. В статье 2007 г. речь идет об Афине, Деметре, Аполлоне, Дионисе и Геракле, культ которых засвидетельствован их изображениями на монетах поздней феодосийской чеканки²⁰. Авторы рассматривают этот факт как возвращение феодосийских монетариев к традициям эпохи независимого существования полиса, как стремление феодосийцев отобразить на своих монетах традиционные полисные культы и продемонстрировать установление демократического правления в Феодосии, якобы добившейся независимости от Боспора в начале 60-х гг. III в. до н.э. [32, с. 350-355]. Здесь все логично: феодосийцы издавна почитали названных богов и у них были традиции собственной чеканки монет. Естественно, все это учитывалось при возобновлении феодосийского выпуска денег в III в. до н.э., причем безразлично – была ли это инициатива ставшего свободным полиса, или инициатива Левкона II. Но встает вопрос: а была ли Феодосия исключением, только ли она поместила на своих монетах изображения названных богов в то сложное для всех греков время? Ответ на этот вопрос содержится в работе А.С. Русяевой: в хронологических рамках всеобщего кризиса, начавшегося во второй четверти III в. до н.э. и продолжавшегося до конца этого столетия, на монетах северопонтийских полисов «впервые появились образы одних и тех же божеств с присущими им исконными

²⁰ Культ Диониса – изображением букrania с надписью ΘΕΥΔΟ между рогами (на монетах с головой Аполлона в лавровом венке) [32, с. 353-354].

сотерическими функциями» – Деметры, Аполлона, Афины, Геракла (и в качестве примера приводится изображение на монетах Левкона II и Феодосии головы Афины – богини-защитницы) [36, с. 238-240]. Это – результат наступивших изменений в жизни античных государств Северного Причерноморья. С помощью богов греки надеялись защитить свои города от варваров, вернуть утраченные плодородные земли. Иными словами, не только феодосийцы в тревожной обстановке обратили взоры к богам с сотерическими функциями и стали помещать их изображения на монетах.

Другая статья А.В. Гаврилова и И.В. Шонова посвящена культуре Ареса в Феодосии [35]. Поводом для нее послужило изображение этого божества на очень редком типе феодосийских монет. Авторы связывают этот выпуск серебряных драхм, на лицевой стороне которых изображена голова бородатого Ареса в шлеме, на оборотной – голова быка в фас, украшенная гирляндой, и надпись ΘΕΟΔΟ, с экстраординарным событием в жизни Феодосийского полиса – военной победой на начальном этапе боспоро-феодосийской войны – и датируют его первым десятилетием IV в. до н.э. В таком случае, как я понимаю, не приходится говорить о переименовании города Левконом I по завершении войны за Феодосию (с чем пока мне трудно согласиться [1, с. 50-54]). Но главное в статье все же не это, а намерение ее авторов значительно расширить наши представления о культуре Ареса в Феодосии за счет монет, до сих пор в нумизматических исследованиях не имевших отношения к этому божеству. Речь идет обо всех монетах с изображением Афины в шлеме, выпускавшихся Феодосией и в период ее независимости, и во время после присоединения ее к Боспору. Авторы полагают, что на всех этих монетах изображен безбородый Арес (а не Афина), культ которого в полисе, жившем в условиях постоянной угрозы со стороны соседних варваров, естественен (а пришел он из северо-западных областей Малой Азии, но вообще-то имел фракийские корни) [35, с. 151]. При этом авторы отмечают, что изображения бородатого или безбородого Ареса в шлеме – не редкость в монетной чеканке античного мира в VI–III вв. до н.э. [35, с. 148-149]. Вряд ли замена Афины на Ареса на феодосийских монетах встретит сочувствующий отклик у специалистов в области нумизматики.

Примечательно, что ничего подобного нет в публикации В.А. Сидоренко и И.В. Шонова тоже 2009 г., на которой остановлюсь подробнее [24]. В этой работе по-новому интерпретируются и датируются монеты феодосийской чеканки. На суд специалистов представляются 8 серий монет, включающих 29 типов. Опорой авторам в этом непростом деле послужили изыскания В.А. Анохина (в распоряжении которого было весьма ограниченное количество и монет, и монетных типов [37]), и большое число новых монет феодосийской чеканки, главным образом, из частных коллекций.

Выпуски первой серии (серебро типа «голова Афины в шлеме – букраний

в поле вдавленного квадрата, надпись ΘΕΟΔΕΩ»²¹) датируются 410–405 гг. до н.э. [24, с. 503]. Изображение Афины побудило авторов к рассуждениям на тему о возможности вхождения Феодосии в состав I Афинского морского союза. Сам факт членства Феодосии в этом союзе мне кажется весьма вероятным, вопрос в том, когда это произошло? В.А. Сидоренко и И.В. Шонов, ссылаясь на предположение В.А. Анохина о переселении из Нимфея в Феодосию изгнанников из Самоса во время пребывания Перикла в Понте, считают, что Феодосия тогда не могла войти в состав Афинского союза, но сделала это позже, по их мнению, не ранее 410 г. до н.э. И тогда же она «осуществляет чеканку первой монетной серии из не менее трех серебряных номиналов, в оформлении лицевых сторон которых (кроме тетартемория) отчетливо отражено влияние афинской монетной типологии» [24, с. 504]. Конечно, все это лишь предположения, причем одно выводится из другого. Но нельзя не заметить, что, во-первых, связи Феодосии с Афинами были давними и прочными, отсюда все же более вероятно, что она вошла в Афинский союз тогда же, когда и другие независимые от Боспора северопонтийские полисы, то есть во время понтийской экспедиции Перикла 438/436 гг. [см. об этом: 1, с. 66], во-вторых, очевидно, что время Пелопоннесской войны не было благоприятным для вступления в Афинский союз, хотя и нужно признать, что в 411–410 гг. афинянам удалось на некоторое время восстановить господство над проливами, улучшить свое экономическое положение, успокоить союзников. Еще следует отметить, что авторы связывают чеканку Феодосии с финикийской монетно-весовой системой и считают ее заимствованной у Гераклеи (видимо, по ошибке названной метрополией Феодосии [24, с. 505]).

Выпуски второй серии (серебро: голова бородатого мужчины в повязке вправо – в квадратном поле штемпеля голова быка вправо или в $\frac{3}{4}$ вправо, надпись ΘΕΟΔΕΟΣ; медь: голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо – семилучевая звезда, надпись ΘΕΟΔΕΟΣ) датируются 405–400 гг. до н.э. [24, с. 505-506]. Авторы полагают, что «после распада Афинского морского союза, завершившегося поражением Афин в Пелопоннесской войне в 405/4 гг. до н.э., Гераклея заключила симмахию с Феодосией и Синдским царством, в связи с чем осуществляется чеканка монетной серии Феодосии с помещением на монетах имени города как члена союза», это в свою очередь обеспечило помощь, оказанную Гераклеей Феодосии во время ее войны с Боспором [24, с. 506; см. также: 38, с. 192, прим. 1]. Но так как эти рассуждения покоятся на предположениях и авторы отказываются атрибутировать изображение мужской головы в повязке [24, с. 507], то я по-прежнему склонна видеть в ней героизированного ктиста Феодосии, а монеты с его изображением считать самой ранней чеканкой города [1, с. 51-53].

²¹ В эту же серию включается монета «букраний – муравей в поле вдавленного квадрата», которую и В.А. Анохин считал феодосийской [37, № 66].

Выпуски третьей серии (серебро: голова Афины в шлеме вправо – букраний, надпись ΘΕΟΔΕΩ²²; медь: голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо – шестилучевая звезда, между лучами по ходу часовой стрелки надпись ΘΕΟΔΕΩ; шестилучевая звезда, между лучами против часовой стрелки надпись ΘΕΟΔΕΩ) датируются 400–397 гг. до н.э. [24, с. 507-508]. Выпуски четвертой серии (серебро: голова Афины в шлеме вправо – букраний, надпись ΘΕΟΔΕΩ; медь: голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо – шестилучевая звезда) датируются 397–395 гг. до н.э. [24, с. 508-509] и признаются настолько близкими третьей серии, что они «практически не различаются между собой» [24, с. 509]. Выпуски пятой серии (серебро: голова Афины в шлеме влево – букраний, украшенный гирляндой, надпись ΘΕΟΔΕΩ; медь: голова быка в $\frac{3}{4}$ влево – шестилучевая звезда, между лучами по ходу часовой стрелки надпись ΘΕΟΔΕΩ) датируются 395–390 гг. до н.э. [24, с. 509-510] и говорится, что они отличаются от двух предшествующих выпусков только поворотом головы Афины и головы быка с правого направления на левое [24, с. 510].

Выпуски шестой серии (серебро: голова Афины в аттическом шлеме с плюмажами в $\frac{3}{4}$ влево – голова Афродиты в stefane влево, надпись ΘΕΟΔΟ; медь: голова быка в $\frac{3}{4}$ влево – шестилучевая звезда; голова быка в $\frac{3}{4}$ влево – восьмилучевая звезда) датируются 390–385 гг. до н.э. и связываются со знаменательным событием в ходе боспоро-феодосийской войны²³ – победоносным завершением первого ее этапа [24, с. 510-513]. Афина и Афродита на одной монете – это новое явление в нумизматике Феодосии, а Афродита вообще никогда не помещалась на известных нам монетах этого города. Авторы считают, что прототипом для феодосийских монетариев послужили изображения этих двух богинь на кизикинах V в., что появление Афины и особенности ее изображения на монете Феодосии свидетельствуют о «триумфе победы», а на Афродиту, которая, как известно, иногда позволяла себе вмешиваться в военные дела и спасала троянских героев²⁴, феодосийцы смотрели, как на спасительницу, внушившую страх врагам [24, с. 512-513]. Весьма гипотетично выглядит предположение, что психологический прием Тинниха не просто обратил осаждающих в бегство, но и вызвал смерть Сатира I под Феодосией (это, мол, и приписали защитники родного города Афродите-спасительнице). Появление новой легенды на монете – ΘΕΟΔΟ – В.А. Сидоренко и И.В. Шонов объясняют переименованием Теодеи (первоначальное название города) в Феодосию, что произошло уже ок. 390 г. до н.э. в связи с победоносным завершением первого этапа войны с Боспором [24, с. 511]. Завершая

²² В эту же серию включается серебряная монета типа «муравей – букраний».

²³ Кстати, датирующейся авторами концом 90-х – началом 70-х гг. IV в. до н.э.

²⁴ В статье В.А. Сидоренко и И.В. Шонова по случайной ошибке вместо Афродиты названа Афина, спасающая Париса и пытающаяся вынести с поля битвы Энея (см.: Гомер, Ил., III, 379-382; V, 311-318) [24, с. 513].

мысль авторов, можно сказать, что сами феодосийцы, а отнюдь не Левкон I, сочли нужным назвать свой город по-новому – «Богом данной», и в таком случае этим богом мог быть и не Аполлон [см.: 1, с. 53-54; ср.: 17, с. 311], а Афина или Афродита, или обе эти богини?

Выпуски седьмой серии (серебро: голова бородатого Ареса в аттическом шлеме влево – букраний, украшенный гирляндой, надпись ΘΕΟΔΟ; голова Афины в аттическом шлеме влево – букраний, украшенный гирляндами, надпись ΘΕΟΔΟ; медь: голова в короткой прическе влево – бодающий бык вправо, на черте под ним – надпись ΘΕΟΔΟ; голова, возможно, Аполлона влево – протома быка влево, надпись ΘΕΟΔΟ) датируются 385–380 гг. до н.э. [24, с. 513-514]. Изображение Ареса объясняется началом военных действий (видимо, имеется в виду второй период войны). Выпуски восьмой серии (серебро типа «голова Геракла влево – палица, надпись ΘΕΥΔΟ», «голова Аполлона в лавровом венке влево – букраний, украшенный гирляндами, надпись ΘΕΥΔΟ»; голова Деметры в венке и кекрифале влево – хлебный колос, надпись ΘΕΥΔΟ) датируются 380–370 гг. до н.э. и приурочиваются ко времени уже после присоединения Феодосии к Боспору [24, с. 515]. А вот медь типа «голова Афины в коринфском шлеме вправо – горит и палица, надпись ΘΕΥ» авторы называют девятой серией, датируют ее 245–225 гг. до н.э. [24, с. 515-516] и полагают, что эти монеты выпускались в правление Спартока IV (с 245 г.), а с приходом к власти Левкона II (между 240 и 225 гг.) «городская чеканка Феодосии оказалась под запретом» [24, с. 516]. Не исключается, что на феодосийском монетном дворе производилась надчеканка пантикапейских монет [37, № 144], представляющая голову Афины в коринфском шлеме вправо.

Обратимся к работам, посвященным нумизматическим материалам из Феодосии и ее округи более позднего времени. Большую серию монет с селища Куру Баш (лагерь), что недалеко от с. Виноградное, в 6 км к северо-западу от Феодосии, публикует А.В. Гаврилов. Это селище вместе с укреплением Куру Баш составляло единый комплекс, входивший в оборонительную систему на подступах к Феодосии и одновременно на западных рубежах Боспорского царства [39]. На селище, время функционирования которого приходится на вторую половину II – первую половину I вв. до н.э., бытовали серебряные и медные монеты чеканки Пантикапея времени последних Спартокидов (Перисадов IV и V), республиканского Рима того же периода, времени правления Митридата VI Евпатора, а также медь и серебро Синопы, Амиса, Амастрии, Фарнакии, Газиуры, Команы, Фанагории и Каппадокии второй половины II – первой половины I вв. до н.э. Примечательно месторасположение данного археологического памятника: недалеко от него, вдоль северного подножья хребта Тепе-Оба в античную эпоху проходили дороги, которые связывали Феодосию с западными районами полуострова [39, р. 329].

В статье М.Г. Абрамзона, доказывающего, что римские монеты не играли реальной роли в денежном обращении Боспора, фигурирует небольшое число ранее уже публиковавшихся римских монет первых веков н.э. из Феодосии и некоторых недалеко от нее расположенных мест [40, с. 6, 7, 9, табл. 2].

Сельская округа Феодосии. Хора Феодосии, как малая, так и большая, по-прежнему занимает значительное место в исследованиях археологов, хотя в последнее время разведки и раскопки в сельской округе античной Феодосии проводились не столь интенсивно и планомерно, как в недавнем прошлом. Подводя итог изучению античных и варварских древностей Восточного Крыма, в том числе сельской округи Феодосии, в особенности ее большой хоры (со ссылкой на археологические разведки и раскопки Е.А. Катюшина и А.В. Гаврилова), С.Г. Колтухов отмечает: «... можно с уверенностью говорить о том, что здесь... в полной мере проявилась тенденция к изучению региона в качестве зоны устойчивого, длительного контакта античной и местных варварских культур» [41, с. 227].

В коллективном труде «Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху» [38] собственно Феодосии отведено немного места, но некоторые теоретические рассуждения авторов имеют значение и для ее сельской округи. В книге В.М. Зубаря и В.Н. Зинько, а также в монографии В.Н. Зинько, посвященной хоре городов Европейского Боспора, уделяется некоторое внимание Феодосии и ее сельской округе [18; 42].

Основываясь на материалах исследований А.В. Гаврилова, В.Н. Зинько выделяет три самостоятельных района в сельской округе Феодосии раннего времени, но сохранивших свое значение и позже [42, с. 250-251]. Первый район – собственно хора полиса, расположившаяся к западу от Карантинной горки на площади ок. 50–60 кв. км и не далее чем на 10 км; для V в. до н.э. здесь известны немногочисленные поселения: пляж «Динамо», Тепе-Оба, Узун Сырт (последнее, возможно, было уже подконтрольной территорией). В конце V – начале IV вв. до н.э. собственно хора Феодосии расширяется за счет освоения земель по берегам рек Байбуга и Аджигол, и в первой четверти IV в. она составляет ок. 100 кв. км. Второй район – присивашские степи, территория от западного берега Куру Индола до Акмонайского перешейка, расположенная на удалении от 10 и более километров к северу от левого берега Байбуги. Здесь в конце V в. до н.э. появляется массовое оседлое скифское население, в связи с чем в конце V – начале IV вв. увеличивается число варварских селищ. В.Н. Зинько полагает, что этот район, отделенный от феодосийской хоры незаселенной полосой шириной более чем 10 км, не являлся сельской округой Феодосии, а находился под контролем скифских вождей, которые осуществляли обмен сельскохозяйственной продукцией с Феодосийским полисом. Третий район составляли варварские поселения по левому берегу Восточного Булганака, отделенные от поселений,

расположенных по правому берегу Куру Индола, незаселенной полосой шириной более 10 км. Он также не может считаться сельской округой Феодосии. В данном издании имеются карты, на которых обозначена территория городской хоры Феодосии в V в. до н.э. и в IV – первой трети III вв. до н.э., как это представляется автору [42, с. 248, 249, рис. 98, 99]. В обоих случаях это очень небольшая территория, окружающая город (та, что обозначена у В.Н. Зинько как первый район сельской округи Феодосии).

В совместной работе В.М. Зубаря и В.Н. Зинько звучит критика в адрес А.В. Гаврилова, включившего в сельскую округу Феодосии скифские поселения, расположенные в присивашских степях и к западу от Восточного Булганака. Авторы считают, что «это были, скорее всего, самостоятельные анклавные варварского хинтерлянда, контролируемого скифами» [18, с. 66]. Они также придерживаются мнения, что, как уже говорилось, Феодосия и контролируемая ею сельскохозяйственная округа располагались обособленно от собственно боспорских земель, так как не весь Восточный Крым входил при Левконе I в состав Боспора – степная часть его была заселена кочевниками-скифами и находилась под юрисдикцией скифских вождей [18, с. 67, 71]. В Восточном Крыму обитали также оседавшие на земле скифы, они могли расселяться и на землях, контролировавшихся Боспорским царством (и входивших в состав царских владений), и на землях, контролировавшихся скифскими вождями [18, с. 71].

Действительно, варварские поселения, расположенные западнее Восточного Булганака, находились довольно далеко от Феодосии, хотя и туда могли спорадически попадать товары греческого производства из Феодосии. Но в целом я не вижу существенной разницы между картиной сельской округи Феодосии, нарисованной, с одной стороны, А.В. Гавриловым, с другой – В.Н. Зинько, ведь под сельской округой этой эллинской апойки мы подразумеваем, помимо городской хоры, и те земли, с которых в Феодосию поступало зерно и потом вывозилось в эллинские центры. И очень вероятно, что эти заселенные варварами земли были подконтрольны скифским вождям, заинтересованным в обмене товарами с феодосийскими греками. Критику В.Н. Зинько вызвали и расчеты А.В. Гаврилова относительно численности населения сельской округи Феодосии и количества зерна, вывозимого из Феодосии (более половины урожая) [42, с. 283]. С этим можно согласиться, но при условии, что мы не будем забывать: любые подобного рода подсчеты являются условными.

А.А. Завойкин и А.А. Масленников, пытаясь проследить некоторые закономерности в освоении сельских территорий Боспора в раннее время (VI–V вв. до н.э.), специально останавливаются на памятниках феодосийской округи, полагая, что «любые миграционные процессы должны были сказаться там прежде, чем в прочих местах полуострова» [43, с. 117]. Имеется

в виду проникновения кочевников-скифов (их рейды через Керченский пролив), присутствие которых не могло не повлиять на расширение и обустройство городских хор [43, с. 116]. По наблюдениям авторов, вторая четверть V в. до н.э. была той гранью, которая отделила период интенсивного освоения греками сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова от некоего регресса, падения ранее достигнутых показателей, а если говорить конкретно о Феодосии, то численность сельских поселений ее хоры на протяжении V в. до н.э. либо не росла, либо даже сокращалась²⁵ [43, с. 123, 118]. Остается сожалеть, что дальше предположений нам не уйти, так как наши сведения о городской хоре Феодосии, в особенности для раннего времени, крайне скудны.

Примечательным явлением в боспороведении стала публикация результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 г. В.В. Веселова [44]. Для округа античной Феодосии это имеет особое значение, так как она исследована в меньшей мере, чем сельские поселения в других местах Боспора, да и материалы разведок Восточно-Крымского отряда Боспорской экспедиции ИА АН СССР, возглавлявшегося И.Т. Кругликовой, проводившихся севернее г. Старый Крым в 1956 г. и к северу, северо-западу и северо-востоку от Феодосии, а также на территории самой Феодосии в 1960 г., опубликованы недостаточно полно. Но особенно важны материалы разведок в самой Феодосии, которая до сих пор исследована хуже, чем ее сельская округа²⁶. Вблизи так называемой башни Клемента, что в южном углу гегуэзской цитадели, были найдены «фрагменты эллинистической посуды», «ручки амфор различных центров производства (в том числе фасосских) и несколько обломков кровельных черепиц (керамид) IV–III вв. до н.э. Значительное количество фрагментов было встречено между зданием киноплощадки и крепостью»²⁷ [44, с. 96]. Эти материалы не опубликованы²⁸. Их немного, и описаны они В.В. Веселовым суммарно, но при непростительно слабой изученности феодосийского городища они небесполезны, ведь места их обнаружения – это территория акрополя античного города и, возможно, частично какого-то жилого городского квартала²⁹.

²⁵ Ситуация изменяется со второй четверти IV в. до н.э., но это связано уже со становлением территориальной державы Спартокидов.

²⁶ Материалы разведок и раскопок в сельской округе Феодосии см.: 45; 9.

²⁷ Это юго-западная сторона Карантинной горки. Ныне на месте киноплощадки находится частная усадьба.

²⁸ Они не числятся в фондах Феодосийского музея древностей (там хранятся лишь материалы раскопок И.Т. Кругликовой у с. Айвазовское, что в районе г. Старый Крым). Скорее всего, В.В. Веселов сдал их в Керченский музей, и сейчас они находятся в фондах КГИКЗ среди большой массы материалов из разных мест, обнаруженных им в ходе разведок. Их поиск осложнен тем, что эти материалы специально не выделены, и нужно провести большую исследовательскую работу для того, чтобы это сделать.

²⁹ Акрополь Феодосии находился на Карантинной горке, жилые постройки – и на самой горке, и на ее склонах, и под горкой.

В книге С.Ю. Сапрыкина и А.А. Масленникова публикуются граффити и дипинти хоры античного Боспора, в том числе и из нескольких мест феодосийской округи – Береговое I, Виноградное, Журавки I, Новопокровка (они датируются V–II вв. до н.э., II–III вв. н.э.) [46, с. 83–84, 86, 118, 161–162]. Эти материалы еще раз убеждают нас в том, что на ближней хоре Феодосии проживали как греки, так и представители местного этноса. Ссылаясь на свидетельство Демосфена в речи «Против Лакрита», авторы констатируют: греки, бывшие владельцами наделов и усадеб и жившие на хоре полисов Боспора (в том числе Феодосии), нанимали рабочих для сбора урожая и обеспечивали их пропитанием; среди этих рабочих-эргатов могли быть как представители местного населения (скифы-земледельцы), так и греки (выходцы из разорившихся или обедневших городских семей) [46, с. 229–230]. Помимо того, в поисках аналогий авторы довольно часто обращаются к ранее опубликованным граффити и дипинти из собственно Феодосии [46, с. 17, 19, 22, 24, 29, 31, 44, 47, 50, 67, 94, 95, 105, 122, 123].

В 2007 г. вышли, к сожалению, с большим опозданием материалы археологических исследований в Крыму в 1995 г. К нашей теме имеют отношение две опубликованные в этом издании статьи. Е.А. Катюшин очень кратко описывает проведенные им в 1994–1995 гг. исследования на варварском поселении V–III вв. до н.э., обнаруженном на западной окраине Феодосии при устройстве глиняного карьера Феодосийского завода строительных материалов [47; см. о том же: 48, с. 56; 1, с. 60]. Автор отмечает перспективность дальнейших исследований на территории «варварской» сельской округи Феодосии. А.В. Гаврилов представляет результаты разведок и раскопок в Кировском районе [49]³⁰. Среди выявленных памятников – стоянки эпохи поздней бронзы и несколько поселений, свидетельствующих о том, что «территория в радиусе 30–40 км к западу – северо-западу от Феодосии в V–IV вв. до н.э. была довольно плотно заселена оседлым населением, которое в основном, судя по находкам лепной керамики, было таврами и скифами» [49, с. 32].

Назову также совместную работу А.В. Гаврилова, В.А. Колотухина и С.Г. Колтухова с материалами скифского могильника V–III вв. до н.э. у с. Приречное (Нижнегорский р-н) [50], которые дали авторам повод еще раз обратиться к материалам во многих отношениях близкого к нему могильника Фронтонное I, что на Акмонайском перешейке. Авторы датируют оба могильника V–IV вв. до н.э., но отмечают, что в них присутствуют погребения, содержащие предметы VI в. до н.э.³¹, и приходят к заключению: в V–IV вв. до н.э. степная

³⁰ Эти материалы вошли и в его монографию [9].

³¹ Могила № 92 во Фронтонном датируется авторами концом VI – первой четвертью или началом второй четверти V вв. до н.э. [50, с. 107].

часть Скифии была довольно плотно заселена, «в период наиболее интенсивной торговли Боспора хлебом, какая-то, возможно значительная, часть экспортного зерна поступала в античные центры (в частности в Феодосию) из этого региона Крыма» [50, с. 107-109].

А.А. Маслеников, С.Л. Смекалов и Т.Н. Смекалова продолжают начатый ими ранее разговор о системе размежевания полей на хоре Боспора, в частности в зоне к востоку от мыса Чауда, где благодаря аэрофотосъемке на значительной площади ими была выявлена ортогональная система участков (возможно, клеров), появление которой они датируют IV в. до н.э. и связывают с деятельностью Левкона I [51, с. 290-291; 52, с. 30-34, 39-41]³². На севере граница зоны, расположенной восточнее мыса Чауда, находится почти на широте Феодосии, на востоке она простирается на несколько километров восточнее озера Качик. На этой территории выявлено не менее 130 участков площадью в 13–14 га (следов усадеб при этом не обнаружено). Привлечение крупномасштабных карт позволило выявить и систему дорог, предположительно проходивших между земельными наделами. Но, нужно сказать, авторы не настаивают на том, что эта зона была частью феодосийской хоры и не исключают ее принадлежности, например, к хоре Казеки, которая, возможно, была выселком Феодосии³³ [52, с. 291]. Мне представляется, что результаты этих работ должны быть тщательно проверены, ведь совсем не исключено, что следы размежевок имеют гораздо более позднее происхождение.

Некоторые новые материалы А.В. Гаврилов публикует в уже упоминавшейся статье, посвященной исследованиям на селище Куру Баш (лагерь) [39]. Селище вместе с крепостью Куру Баш составляло единый комплекс, входивший в оборонительную систему на подступах к Феодосии и одновременно на западных границах Боспорского царства. Этот пункт имеет зрительную связь с городищем Сары Кая, укреплением Береговое I и Феодосией. Недалеко от него вдоль северного подножия хребта Тепе-Оба проходили дороги, которые связывали Феодосию с западными областями полуострова. К западу от холма – развалы бутового известнякового камня в виде полос, вероятно, ими отмечались границы земельных участков. Исследованный комплекс входил в оборонительную систему, созданную на западных границах Боспора и существовавшую с перерывами до середины III в. н.э. Похожие укрепления и усадьбы возникли в то же время в предгорьях и горах Юго-Восточного Крыма (Сары Кая, Карасан Оба, Яман Таш, Агармыш, Мачук и др.). Обитателями их было преимущественно варварское (тавро-скифское) население, объединявшееся в сельские общины и обрабатывавшее прилегающие земли.

³² О предшествующих публикациях авторов см.: 2, с. 136.

³³ Что, однако, не подтверждается какими-либо источниками.

На селище Куру Баш (лагерь) обнаружено большое количество монет Понта 111–90 г. до н.э. [39, р. 334-335]. Исследователь полагает, что они попали сюда после похода Диофанта на Боспор в начале весны 108/7 г. до н.э. Видимо, полководцу Митридата VI лишь с боем удалось взять бывшие на стороне Савмака Феодосию и соседствовавшие с ней укрепления. Тогда-то на селище Куру Баш был организован лагерь понтийских войск – отсюда там и монеты Понта. Автор также полагает, что на царских землях создавались поселения понтийских солдат и укрепления (такими пунктами и могли стать уже существовавшие ранее укрепления Куру Баш и селище Куру Баш (лагерь) [39, р. 335, 336]. Автор отмечает, что, судя по археологическим материалам, какие-то подразделения понтийских войск могли располагаться в укреплениях Фронтное II, Береговое I, на городище Сары Кая [39, р. 337]. Селище Куру Баш могло прекратить свое существование во второй половине 60-х гг. до н.э. после измены и бегства Махара (65 г.), когда Митридат VI уничтожил поддерживавшие его гарнизоны. Во время измены Махара наряду с другими городами царства отпала и Феодосия; стратегам царя пришлось брать ее заново с помощью военной силы [39, р. 340]. Автор не исключает и другой вариант развития событий³⁴: селище Куру Баш (лагерь) могло быть разгромлено в 47 г. до н.э., когда Фарнаку, отставившему свою власть над Боспором, узурпированную Асандром, пришлось силой брать Феодосию и Пантикапей [39, р. 340-341].

В любом случае речь идет о важной роли Феодосии и близлежащих земель в бурных событиях эпохи Митридата VI и его преемников. Проследившая дальнейшую судьбу города, А.В. Гаврилов считает, что Феодосия и окружающие ее укрепления были разрушены в конце I в. до н.э., во время правления Полемона I, и с этого времени город прекращает свое существование как полис, а его округа остается в составе Боспора на правах административной области с наместником во главе. На месте же Карантинной горки сохраняется лишь какой-то пункт – порт и торжище [39, р. 341-342]. Очевидно, что предложенная гипотеза нуждается в более серьезном обосновании уже хотя бы потому, что в первых веках н.э. Феодосия фигурирует в письменных источниках как город, а не торжище для окрестного населения, а в двух пантикапейских надписях «великий царь Аспург» назван, как в былые времена, царствующим «над всем Боспором, Феодосией» и многими племенами (КБН, 39, 40).

А.В. Гаврилов и С.Б. Ланцов публикуют материалы недавно открытого античного памятника в Двужорной бухте, располагавшегося недалеко от моря, у подножия холма, в 5 км от Феодосии [53]. В ходе разведок здесь были обнаружены кладки большой постройки, фрагменты лепной и гончарной посуды, в том числе амфор, массивные известняковые блоки, возможно, являвшиеся основанием винодавильной площадки. Авторы характеризуют этот памятник

³⁴ Его предложил В.К. Голенко.

как жилищно-хозяйственный комплекс IV в. до н.э. – III в. н.э. на феодосийской хоре [53, с. 74]. Если это предположение подтвердится, то мы расширим наши весьма скромные знания о прибрежных объектах городской хоры Феодосии.

В статье А.В. Гаврилова и И.В. Шонова обозначается территория хоры Феодосийского полиса к 60-м гг. III в. до н.э., какой она видится авторам на основании нумизматических материалов (оболов типа «голова Афины – палица, горит, надпись ΘΕΥ», найденных в ряде мест феодосийской округи): хребет Тепе-Оба и его северное подножие вплоть до русла Байбуги; долина между хребтами Биюк-Янышар и Тепе-Оба³⁵; горный район между Коктебелем, селами Наниково и Щебетовкой; северное подножие горного массива Агармыш – территория близ сёл Кринички, Абрикосовка, Айвазовское, Спасовка [32, с. 350, 352]. Эта территория значительно превышает ту, что обозначена на карте у В.Н. Зинько [42, с. 249, рис. 99]. Ясно, что вопрос о размерах малой (городской) хоры Феодосии остается открытым.

В монографии А.Е. Пуздровского «Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э.» описаны известные на сегодня позднескифские погребальные памятники, расположенные недалеко от Феодосии: Южное (Биюк-Янышар, хребет), Кринички, Отважное, Львовское [54, с. 35-38, 97-98].

Продолжаются публикация и обсуждение материалов из двух близких по времени возникновения памятников западных областей Боспорского царства – Кутлакской крепости и Таракташского комплекса. С большим опозданием вышла публикация С.Б. Ланцова с материалами его раскопок в Кутлакской бухте, недалеко от пос. Новый Свет, в 1995 г. [55]. Исследователь считает, что данное укрепление, созданное при Асандре и просуществовавшее лет 50–70, играло роль форпоста на западной границе царской хоры Боспора, и предположительно отождествляет его с Афинеоном [см. подр.: 1, с. 114-115; 2, с. 137]. Открытие крепости в 60 км юго-западнее от Феодосии позволило поставить вопрос о западной границе Боспорского царства в середине I в. до н.э. и позже – Боспор тогда контролировал всю прибрежную полосу, по крайней мере, до этой крепости [18, с. 148]. Соотнесение же крепости с Афинеоном не могло не вызвать сомнений у специалистов, и, прежде всего, потому, что она расположена почти в два раза дальше от Феодосии, чем гавань скифо-тавров (Афинеон) в подаче Арриана и Анонима [см. напр.: 16, с. 220; 19, с. 234, прим. 46]. Обычно исследователи помещали Афинеон в районе Судака или в районе пос. Курортное. В.Г. Зубарев предлагает искать его к северо-востоку от мыса Меганом, у с. Прибрежное (при стадии, равном 197 м, отсюда до Феодосии 39,4 км) [16, с. 221].

Материалы раскопок, произведенных в 1995 г. у северной окраины с. Дачное

³⁵ В этой долине находится усадьба Южное, монетные находки из которой и публикуются в данной статье А.В. Гаврилова и И.В. Шонова.

(бывш. Таракташ), были опубликованы В.Л. Мыцом, А.В. Лысенко, С.В. Семёным и И.Б. Тесленко [56], геофизических исследований – С.Л. Смекаловым [57]. Исследованию подверглись остатки культового комплекса, состоявшего из двух храмов и грунтовой могилы с многочисленными и разнообразными материалами. Авторы считают, что он существовал с конца I – начала II вв. н.э. до конца IV в. н.э., и «появление такого капища на территории западной части хоры Феодосии»³⁶, очевидно, можно считать свидетельством проникновения сюда в первые века н.э. групп нового населения» – позднесарматских племен аланов [56, с. 109-110]. Возник этот комплекс, по мнению исследователей, скорее всего, возле одного из появившихся на территории Боспора в I в. н.э. поселков сарматских родов или общин, получивших землю от царей Боспора при условии несения ими военной службы и уплаты податей [56, с. 110]. По наблюдениям О.В. Шарова, существовавший здесь культовый комплекс использовался наиболее активно в первой половине III в. н.э., после «готских войн» он довольно долго пустовал, а потом вновь на некоторое время стал посещаем немногочисленным населением, вернувшимся к мирной жизни [58, с. 463]. Уже в 1995 г. недалеко от святилища были найдены материалы, свидетельствовавшие о наличии там поселения, имевшего отношение к святилищу, а с 2002 г. начались раскопки этого поселения [см.: 2, с. 137]. По мнению специалистов, Таракташская долина была густо заселена в первые века н.э., дальнейшие исследования позволяют больше узнать о материальной и духовной культуре жителей восточной части Горного Крыма. Таракташское поселение, как и Кутлакская крепость, находились на царских землях Боспора, но Феодосия была к ним ближе всех других городских центров, естественна и более тесная связь с ней жителей отдаленных западных областей царства.

Валы, рвы и дороги в районе Феодосии. Система обороны Боспора и связанные с ней дороги – одна из дискуссионных тем в боспороведении [см. подр.: 1, с. 111-114; 2, с. 137-139]. В.А. Горончаровский в книге, посвященной военному делу Боспора римского времени [59, с. 117-121], фактически подводя итог прошедшим дискуссиям, говорит о нескольких линиях обороны территории Боспора: первая – небольшие крепости и сторожевые посты в горных и степных районах, на западных границах таковой являлась Кутлакская крепость; вторая линия носила сплошной характер – это обновленные и усиленные валы и рвы предшествующего времени – Тиритакский, Узунларский и Арабатский, протянувшийся «от берега Азовского моря к западу от Арабатской стрелки до Феодосии» приблизительно на 25 км [59, с.118]. Автор придерживается мнения, что Асандрова стена, которую Страбон помещает «на перешейке... поблизости от Меотиды», и есть все три названные вала, реконструированные не ранее конца 40-х гг. I в. до н.э., и доказывает, что такие

³⁶ Лучше сказать: «большой хоры Феодосии» или «округа “Феодосия”».

масштабные работы вполне могли быть произведены «при наличии опытных военных инженеров и организованной рабочей силы в виде нескольких тысяч солдат» [59, с. 118-119]. Эта система обороны дополнялась отдельными укрепленными районами внутри царства – крепостями, оборонительными стенами городов, в особенности центров военно-административных округов (таковой как раз была Феодосия). Все эти укрепления были связаны между собой системой световой или дымовой сигнализации [59, с. 120]. В.М. Зубарь и В.Н. Зинько придерживаются той точки зрения, что Асандрова стена – это Узунларский вал [18, с. 164-165; см. также: 28, с. 218].

Большой интерес представляют исследования, проведенные С.Л. Смекаловым и Т.Н. Смекаловой в Восточном Крыму. С помощью данных аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок им удалось проследить «протяженную цепочку очень часто следующих курганов или локальных возвышенностей, которая тянется от северо-восточной окраины г. Старый Крым вдоль реки Чурук-Су, затем у с. Новопокровка резко поворачивает на восток и идет вдоль Парпачского гребня вплоть до Узунларского вала. Впоследствии эта линия раздваивается, одна ее часть идет к Нимфею, другая – к мысу Ак-Бурун». Авторы полагают, что эта цепь курганов «маркирует одну из наиболее важных сухопутных артерий, связывающих важнейшие центры Боспора и переправы через пролив с кочевнической степью», а также «древний оборонительный рубеж, соответствующий южной границе путей миграции кочевых племен», рубеж, «вдоль которого следовала дорога, ведущая из Центрального Крыма до переправ через пролив» [52, с. 42, 44, рис. 8; 60, с. 91, рис. 9]. Ссылаясь на исследования А.В. Гаврилова, авторы считают, что система валов на западных границах Боспора должна была обезопасить от нападений хору Феодосии и защищать территорию царства в целом. Действительно, городская хора Феодосии, по всей видимости, не уходила далеко на север от города, и вполне возможно, именно «широтный» вал был нужен для ее охраны. Длина цепи курганов от с. Новопокровки до Узунларского вала составляет, по подсчетам С.Л. Смекалова и Т.Н. Смекаловой, ок. 68 км, что очень близко к длине Асандровой стены у Страбона [52, с. 44]. Эти наблюдения в совокупности с теми, которые содержатся в многочисленных публикациях А.В. Гаврилова, основаны не столько на умозаключениях, сколько на разнообразных источниках, так что им можно доверять.

Феодосия в первых веках н.э. Для этого периода в истории Феодосии в центре внимания исследователей оказываются боспоро-римские отношения, события боспоро-херсонесских войн и вопрос о наместниках Феодосии. В.М. Зубарь и В.Н. Зинько, опираясь на керченскую надпись 70-х гг. III в. н.э., в которой Менестрат назван наместником Феодосии (КБН, 36), признают за этим городом особый статус в составе Боспора в первые века н.э. и включают его в число крупных городов царства, обладавших правами автономии (при наличии

контроля за деятельностью их гражданских общин со стороны представителей центра) и имевших в своем распоряжении полисные земли (находившиеся в верховной собственности царя) [18, с. 182, 184, 212; ср.: 39, р. 341-342]. В.М. Зубарь и В.Н. Зинько придерживаются мнения, что сведения о военных действиях между Боспором и Херсонесом, содержащиеся в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей», можно использовать в качестве источника [18, с. 220-225; ср.: 61, с. 107³⁷]. Авторы полагают, что Валерий Аврелий Сог, известный из керченской надписи 603 г. босп. эры (осень 305 – осень 306 г. н.э.; КБН, 64), был поставлен наместником Феодосии не боспорским царем Фофорсом, потерпевшим поражение в первой войне с Херсонесом, а имперской администрацией, стремившейся укрепить на Боспоре проримски настроенные силы [18, с. 223]. Такой взгляд на события мне представляется лишь одним из возможных объяснений того, что Сог, гордый почестями, оказанными ему римскими императорами, не счел нужным упомянуть в своей надписи имени боспорского царя [ср.: 1, с. 129-130].

Иначе представляется ситуация на Боспоре В.Г. Зубареву: сопоставление данных письменных источников с археологическими материалами, зафиксировавшими разрушения на поселениях азиатской части царства и на хоре европейской его части, приводит его к мысли, что не боспоро-херсонесские войны привели к дестабилизации на Боспоре, а «значительно более масштабная опасность» – движение варварских племен Меотиды [62, с. 191]. По мнению автора, борьба с этими племенами, а не войны с Херсонесом, привела к сокращению территории Боспорского государства. Он выделяет два периода дестабилизации: первый начинается в 50-х гг. III в. н.э. и завершается к 80-м гг. того же столетия; второй начинается в 322–323 гг. и длится до 40-х гг. IV в. или несколько дольше [62, с. 192-193]. При этом феодосийский клад, последние монеты которого относятся к 328 г., как и некоторые другие клады позднебоспорских монет, В.Г. Зубарев связывает с событиями 322–323 гг., описанными у Зосима, и приурочивает ко второму периоду дестабилизации, который и привел к потере Боспором части своих территорий на западе (включая Феодосию и ее округу) [62, с. 190-193]. Херсонесские хроники Константина Багрянородного он рассматривает как реминисценцию событий, имеющих отношение к этим варварским походам, и отмечает, что боспоро-херсонесские войны, согласно традиции, проходили в местности Кафа и не имели столь серьезных последствий для Боспора, как движение варваров Меотиды [62, с. 191; ср.: 1, с. 130-133]. Концепция В.Г. Зубарева построена на рационалистическом

³⁷ Статья Л.И. Грацианской представлена в виде тезисов, поданных в сборник для публикации материалов конференции, отсюда ее чрезвычайная лаконичность и невозможность проследить аргументацию автора. Надеюсь, вслед за тезисами последует более объемная публикация.

подходе к источникам, в ней чувствуется логика, но неясным остается одно: а были ли в действительности боспоро-херсонесские войны, можем ли мы видеть в рассказе Константина некую историческую реальность?

Менее скептически настроены по отношению к рассказу Константина Багрянородного Н.Н. Болгов и М.Л. Рябцева [63]. В качестве одного из аргументов в пользу того, что, с одной стороны, с середины 70-х гг. III в., «очевидно, восстановилась традиционная политическая и военная зависимость Боспора от империи», а с другой стороны, Боспор проводил антиримскую политику, авторы приводят надпись Валерия Аврелия Сога и обращают внимание на то, что в ней «чувствуется сильная зависимость от Рима или, во всяком случае, заметный сервиллизм», а умолчание Согом о боспорском царе объясняют «какими-то политическими обстоятельствами, вероятнее всего, борьбой антиримских и проримских сил». Авторы даже полагают, что Сого мог быть одним из вождей боспорских изгнанников – сторонников проримской ориентации, осевших в Феодосии, слабо контролировавшейся центром [63, с. 166-167]³⁸. Но в таком случае неясно, как этот бывший изгнанник стал наместником Феодосии. По указанию Рима? Это, конечно, возможно, в особенности если согласиться с историчностью текста Константина Багрянородного и вспомнить об описанных им поражениях Боспора в войнах с Херсонесом, инспирированных Римом. С другой стороны, из того же текста Константина следует, что боспорские цари не были столь уж послушными Риму, чтобы ставить своим наместником по сути дела своего противника [ср.: 18, с. 223]. И здесь дальше рассуждений нам не уйти: все дело в источниках – в их ограниченном количестве и предельной лаконичности.

Имеют значение для нас и некоторые работы, авторы которых специально не останавливаются на ситуации в Феодосии, но касаются вопросов, важных для ее истории в первых веках н.э. Среди них отмечу статьи И.Е. Смирновой, Н.В. Завойкиной и С.Ю. Сапрыкина [64–66]. В первой из них обобщаются и дополняются наши представления о полисе в составе монархического Боспорского государства в римский период его истории, что имеет прямое отношение к Феодосии. Две другие статьи посвящены теме, неоднократно обсуждавшейся в науке, но до сих пор недостаточно исследованной, – боспорским сообществам – фиасам, существование которых в Феодосии мы можем предполагать благодаря надписи на мраморной плите со списком мужских имен (КБН, 947) [см.: 1, с. 126].

Культы Феодосии. В последнее время в науке активно обсуждаются мировоззренческие вопросы, которым недостаточно внимания уделялось в

³⁸ Удивительно, что авторы приводят в этой связи замечание Псевдо-Арриана (77): «В этой Феодосии, говорят, некогда жили и изгнанники из Боспора». Обычно в научной литературе говорится (со ссылкой на Исократ и Псевдо-Арриана) об изгнанниках для времени, предшествовавшего боспоро-феодосийской войне начала IV в. до н.э. [1, с. 72].

недалеком прошлом. Нельзя сказать, что Феодосия и ее округа богаты памятниками, свидетельствующими о культах и религиозных представлениях их обитателей в античное время, тем не менее, в прошедшее пятилетие эта тема затронута в целом ряде работ. Монография А.С. Русяевой интересна как работа общего характера, специально Феодосии в ней уделяется не много внимания: в основном она просто фигурирует среди боспорских городов, в которых почитались такие божества, как Аполлон Иетрос, Артемида Эфесская, Афродита³⁹, элевсинские боги (Деметра, Кора-Персефона, Иакх), Дионис, Геракл [67, с. 222, 241, 287, 293, 337-338, 405, 454; см. также: 68, с. 126]. Относительно культа Диониса исследовательница пишет, что он, скорее всего, носил частный, а не официальный (как я полагаю⁴⁰) характер, так как в нашем распоряжении не имеются данные о наличии святилища и официального фиаса этого божества. Исследовательница не согласна со мной и относительно того, что изображение быка на феодосийских монетах следует связывать с культом Диониса, она считает, что данное изображение могло быть заимствовано феодосийцами у Гераклеи Понтийской, и в таком случае его следует относить к культу Геракла в ипостаси защитника и освободителя [67, с. 405; 69, с. 69].

Подобные противоречивые суждения естественны при отсутствии надежной источниковой базы. Не могу не сослаться на мнение А.В. Гаврилова и И.В. Шонова, которые весьма уверенно связывают букраний на феодосийских монетах именно с Дионисом и говорят об официальном культе этого божества в Феодосии уже со времени ее основания; авторы также не исключают того, что букраний появился на феодосийских монетах под влиянием учения орфизма и что в Феодосии мог быть дионисийский фиас, «члены которого, похоже, оказывали существенное влияние на жизнь гражданской общины» [32, с. 353-354, прим. 154]⁴¹.

Немногочисленные упоминания Феодосии и ее культов имеются еще

³⁹ Автор говорит о святилище Афродиты в Феодосии [67, с. 293], но не делает ссылки на источники. Насколько мне известно, ни на Карантинной горке, где находился акрополь античного города, ни на ее склонах или вблизи от нее не обнаружены остатки какого-либо святилища. Есть только косвенные свидетельства (посвятительные граффити, терракоты, немногочисленные архитектурные детали) того, что на территории Верхнего города, как полагал Э.Р. Штерн, мог находиться храм, в котором почитались совместно божества, чьи имена зафиксированы на посвятительных граффити – Аполлон, Афина, Геракл, Гера, Артемида, Асклепий, в более предположительной форме – Зевс Сотер, Деметра [см. подр.: 1, с. 87-88, 144-148].

⁴⁰ Мне представляется, что Дионис наряду с Аполлоном и Деметрой входил в тройку верховных богов Феодосии, следовательно, его культ носил официальный характер [1, с. 147, 170-173].

⁴¹ Все это мне представляется заслуживающим внимания, но не могу согласиться с положением А.В. Гаврилова и И.В. Шонова относительно того, что «виноградарство и виноделие не играли в Феодосии какой-либо существенной роли». Так же, как и Е.А. Катюшин, я склонна

в одной работе общего характера – монографии И.Ю. Шауба [70, с. 21, 321-324, 348, 368-369]. В более ранней по времени работе И.Ю. Шауб анализирует культ Деметры на Боспоре и обращает внимание на тот факт, что в боспорской нумизматике отсутствует образ Деметры и это – один из аргументов в пользу высказанного им предположения о том, что функции этой богини на Боспоре в значительной степени были «узурпированы» Афродитой [71, с. 70]. Однако изображение Деметры имеется на феодосийских монетах. Впервые серебряная монета с головой Деметры на аверсе, колосом и надписью ΘΕΥΔΟ на реверсе была опубликована О.Н. Мельниковым еще в 2000 г. и датирована им последней четвертью III в. до н.э. [72, с. 214, 217, № 15; см. также: 1, с. 68, 96, рис. 19,15; 2, с. 131-132]. Таких монет оказалось не так уж мало, и нумизматы вскоре заговорили о них, как о чем-то обычном. Так, например, А.В. Гаврилов и И.В. Шонов, основываясь на монетах с головой Деметры, полагают, что культ этой богини был «одним из главных как для большинства городского, так и сельского населения Феодосии», что в Феодосии мог быть храм Деметры с ее статуей [32, с. 352]. Авторы также рассматривают изображение на поздних феодосийских монетах таких демократических, народных культов, как Деметра и Геракл, как возможное свидетельство того, что в начале 60-х гг. III в. до н.э. в Феодосии была на некоторое время восстановлена демократическая форма правления [32, с. 353, 355]. А в статье В.А. Сидоренко и И.В. Шонова монеты с головой Деметры помещены в 8-ю серию феодосийской чеканки, которую авторы датируют 380–370 гг. до н.э. [24, с. 515].

Похоже на то, что в Феодосии, где о культе Деметры у нас больше свидетельств источников, чем о почитании других богов, эта богиня выполняла свои прямые функции и их никто из богов не «узурпировал». Изображение Деметры на монетах свидетельствует не просто о значительной роли этого культа в Феодосии, но и о его официальном характере в этом полисе. Монеты с головой Деметры и колосом являются важным подтверждением того, что для Феодосии и ее округа хлебопашество и связанная с ним торговля хлебом были важнейшими отраслями экономики. Они также являются одним из аргументов в пользу моего предположения о существовании в Феодосии тройки верховных богов: Аполлона, Деметры и Диониса [1, с. 147].

Для изучения религиозной жизни феодосийцев важны также труды, не имеющие прямого отношения к Феодосии, а более общего характера, с характеристикой культов античных государств Северного Причерноморья. В этой связи отмечу работу В.П. Яйленко о посвяtitельных граффити Пантикапея и его округа, две статьи Н.В. Кузиной о роли культа Диониса в жизни античного Северного Понта, в частности Боспора [30; 73–75].

думать, что эти отрасли сельского хозяйства получили развитие на малой (городской) хоре полиса – в прибрежных районах и на склонах Тепе-Оба [1, с. 83].

Памятники искусства и художественного ремесла. Цельное исследование расписной керамики из Феодосии представлено в двух работах И.И. Вдовиченко [76, с. 17-19, 58-60, 210-223, рис. 37-50; 77]. В них дается подробная история находок и исследования соответствующих памятников. Отмечается, что в ходе археологических раскопок на территории городища и некрополя Феодосии выявлено всего 82 целых и фрагментированных сосуда, а на территории ее ближней и дальней хоры – 25 фрагментов [76, с. 17, 58, рис. 4; 77, с. 23, 28, рис. 1]. Это, конечно, не много по сравнению с количеством подобных находок из других античных центров Северного Причерноморья. Конечно, наибольший интерес для нас представляют фрагменты архаической расписной керамики, ибо они были и остаются единственным источником о времени основания Феодосии. И.И. Вдовиченко отмечает, что только два керамических фрагмента, происходящие с городища, относятся ко второй и третьей четвертям VI в. до н.э., остальные фрагменты чернофигурной керамики датируются более поздним временем [76, с. 59; 77, с. 24]. Следовательно, я вправе по-прежнему говорить, что ионийцы основали город в Феодосийском заливе около середины VI в. до н.э. Автор отмечает представительную группу ваз последней четверти V в. до н.э. и значительное количество керамики IV – рубежа IV–III вв. до н.э., обнаруженные на городище и некрополе Феодосии, а также большое число фрагментов сосудов коринфского, аттического и малоазийского производства второй половины VI – рубежа IV–III вв. до н.э. [76, с. 59; 77, с. 25]. В последнем случае важно то, что керамические материалы свидетельствуют об освоении сельскохозяйственной округи города уже во второй половине – конце VI в. до н.э. [76, с. 59; 77, с. 24]. Автор специально выделяет такие изображения на вазах, которые позволяют говорить, например, о связях Феодосии с Афинами, Малой Азией, о религиозных представлениях феодосийцев⁴², об их мифологических и литературных предпочтениях, увлечении театром. Следует признать, что эти работы, дополнившие более ранние исследования автора, являются важным вкладом в дело изучения истории и культуры античной Феодосии.

Произведения искусства из раскопок на городище и некрополе античной Феодосии фигурируют в работах М.В. Скржинской. Аттические краснофигурные вазы V–IV вв. до н.э. и танагрские статуэтки конца IV – III вв. до н.э. из раскопок в Феодосии XIX в. автор называет своеобразным журналом мод для жительниц Северного Причерноморья [78, с. 77]. Мастера по изготовлению терракот, пишет она, «изображали молодых женщин в красиво задрапированных хитонах и гиматиях, их волнистые длинные волосы уложены в пышные прически, в уши вдеты круглые серьги, а ноги обуты в изящные тонкие башмачки»

⁴² Росписи ваз свидетельствуют о значительной роли культа Диониса в Феодосии – это к вопросу о том, насколько был развит этот культ у феодосийцев и каков был его характер.

[78, с. 77, 78, рис. 11]. Описывая уборы богатых женщин, исследовательница упоминает пару золотых серег из Феодосии, сюжетная композиция которых включает Нику, управляющую квадригой, и воина-апобата в момент, когда он намеревается спрыгнуть с колесницы [78, с. 78]⁴³.

В монографии М.В. Скржинской «Древнегреческие праздники в Элладe и Северном Причерноморье» феодосийские серьги стали поводом для обсуждения вопроса о состязаниях апобатов в Элладe, а сами серьги, по словам автора, «занимают первое место по мастерству исполнения среди серег роскошного стиля» [79, с. 181-183]. Из всех серег этого типа, известных в Северном Причерноморье, на феодосийских представлена самая сложная композиция [79, с. 182]. Автор придерживается мнения, что она воспроизводит не победу на реальных состязаниях в Афинах, как полагала М.И. Максимова, а «сцену из мифа о победе на каком-то сражении или поединке эпических времен» [79, с. 182-183]. Представляют для нас интерес и такие работы М.В. Скржинской, в которых феодосийские памятники искусства и художественного ремесла специально не обсуждаются, но содержащиеся в этих работах материалы имеют к ним прямое отношение⁴⁴ [80; 81].

Феодосийский музей древностей. Сложная и зачастую драматическая история древнейшего на юге России и Украины Музея древностей в Феодосии не перестает быть предметом изучения исследователей. В 2010 г. музей вновь обрел свое первоначальное наименование. И теперь он именуется не Феодосийским краеведческим музеем (ФКМ), а Феодосийским музеем древностей (ФМД)⁴⁵. Краткие очерки истории музея содержатся в работах Е.А. Айбабиной и Э.Б. Петровой [11, с. 386-396; 5, с. 166-173; 6, с. 178-181; 7, с. 168-171; 4, с. 460-462]. В статье А.А. Евсеева собраны сведения об «Указателях Феодосийского музея древностей», изданных заведующими музеем при содействии ООИД во второй половине XIX – начале XX вв. и являющихся ценным источником по истории музея и формирования его коллекций [82, с. 391-393]. Важно также сообщение о наличии в фондах музея седьмого выпуска «Указателя ФМД», готовившегося к изданию В.Д. Гейманом (заведовавшим музеем в 1918–1920 гг.), но оставшемся неопубликованным [82, с. 392].

Документы ГААРК легли в основу работ С.А. Андросова: в одной раскрывается деятельность ООИД (в ведении которого с 1851 г. находился ФМД) в сфере сбережения культурных ценностей Крыма; в другой прослеживаются

⁴³ Эти произведения ювелирного искусства и раньше были предметом ее специального исследования [см.: 2, с. 140].

⁴⁴ Речь идет об изображениях сирен, горгон, сфинксов, исполнявших роль оберегов, и грифонов, в некоторых преданиях служивших богам, которые ездили на них верхом или запрягали в колесницы. Такие изображения хорошо известны на памятниках искусства и художественного ремесла из Феодосии.

⁴⁵ С сохранением всех ранее существовавших отделов.

судьбы коллекций крымских музеев (в том числе ФКМ) в годы Великой Отечественной войны [83, с. 4-21; 84, с. 171-180]. Деятельности ООИД по сохранению исторических памятников Крыма посвящена также статья А.В. Шамаева [85, с. 311-318].

Известно, какую большую роль в жизни музея сыграла ТУАК–ТОИАЭ. Полезными для исследователей могут стать указатели к протоколам заседаний комиссии и тексты ранее неопубликованных протоколов за 1920–1931 гг., содержащиеся во втором издании книги С.Б. Филимонова «Хранители исторической памяти Крыма» [86].

В книге А.А. Непомнящего представлено краткое изложение биографии и деятельности заведующих музеем Е.Ф. де Вильнёва, И.С. Безкровного, С.И. Веребрюсова, О.Ф. Ретовского, Л.П. Колли, а также много сделавшего для музея и изучения прошлого Феодосии и ее округа Н.Н. Мурзакевича [87, с. 110-119, 237-243]. Специальную статью, основанную на новых документах из архивов Москвы и Санкт-Петербурга, А.А. Непомнящий посвятил крымскому периоду жизни С.И. Веребрюсова, заведовавшего музеем в 1869–1878 гг. [88, с. 23-28]. Мною написаны небольшие биографические очерки о С.М. Броневском, Е.Ф. де Вильнёве, В.К. Виноградове, И.И. Грапероне, Л.П. Колли и Н.Н. Мурзакевиче для научно-популярной книги «Крым в лицах и биографиях», подготовленной коллективом авторов [89, с. 155-157, 162-165, 165-168, 178-180, 226-229, 288-291; см. также: 90, с. 54-57], а также статья о жизни и деятельности Н.Н. Мурзакевича и его роли в формировании коллекций ФМД [91, с. 614-632; см. также: 92]. В работе В.В. Дмитриева излагаются некоторые стороны деятельности С.М. Броневского на посту градоначальника Феодосии, вошедшего в историю также как основатель ФМД [93, с. 358-363]. Е.И. Жарков в книге «Страна Коктебель» рассказал историю о жизни в Коктебеле искусствоведа А.П. Новицкого, в апреле 1922 г. ставшего профессором Феодосийского института народного образования по кафедре русской истории и одновременно заведующим Феодосийским музеем (эти должности он исполнял несколько месяцев) [94, с. 79].

Отмечу также издание книги «Воспоминания о Феодосии» уроженца Феодосии И.М. Саркизова-Серазини, в свое время подарившего библиотеке музея подлинные документы XVIII в. и более 200 книг, включая редкие издания⁴⁶. В этом сочинении сохранилась живая память об одном из выдающихся заведующих ФМД – ученом-краеведе Л.П. Колли [96, с. 103-105].

К 200-летию ФМД готовятся два новых издания: книга о г. Феодосии и ее главном музее и библиографический словарь «Сотрудники Феодосийского

⁴⁶ Авторская копия воспоминаний, датированная 1932 г., находится в фондах ФМД. Впервые воспоминания были опубликованы в малотиражном феодосийском журнале «Окоём» [95, с. 36-80].

музея древностей – деятели науки и культуры». Очевидно, что список научных трудов, посвященных античной Феодосии и ее округе, а также истории ее музея, значительно расширился за последний десяток лет, с тех пор, как вышла в свет моя монография [1]. Однако многие вопросы в истории античной Феодосии по-прежнему остаются нерешенными, а количество гипотез все возрастает. Ситуация с поиском новых источников, то есть с археологическими исследованиями на территории античной Феодосии и ее некрополя, увы, остается неизменной: раскопки не ведутся и, судя по всему, в ближайшее время не предполагаются. Между тем частные коллекции пополняются античными материалами из Феодосии и ее округи, и лишь самая небольшая часть их – некоторое количество монет – оказывается доступной исследователям и публикуется. По всей видимости, систематическое изучение Феодосии – одного из крупнейших и важнейших эллинических городов в Северном Причерноморье – дело будущих поколений ученых.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова Э.Б. Античная Феодосия: История и культура. Симферополь, 2000.
2. Петрова Э.Б. Античная Феодосия и Феодосийский музей древностей в исследованиях 2000–2005 гг. // Херсонесский колокол: Сб. науч. ст., посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию науч. деятельности В.Н. Даниленко / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2008.
3. Петрова Э.Б. Великая греческая колонизация. Боспор Киммерийский // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь, 2004.
4. Петрова Э.Б. Греческая колонизация. Боспор Киммерийский. Феодосийский музей древностей // Крым от древности до наших дней / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2010.
5. Петрова Э.Б., Катюшин Е.А., Евсеев А.А. Феодосия: Очерк-путеводитель. Симферополь, 2006.
6. Петрова Э.Б. Античная Феодосия. Феодосийский краеведческий музей // Феодосия / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь; Феодосия, 2008.
7. Петрова Э.Б. Античная Феодосия. Феодосийский музей древностей // Феодосия / Под ред. Э.Б. Петровой. Изд. 2-е, испр. и доп. Симферополь; Феодосия, 2010.
8. Gavrilov A.V. Theodosia and its Chora in Antiquity // Surveying the Greek Chora: The Black Sea Region in a Comparative Perspective. Aarhus University Press, 2006.
9. Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
10. Катюшин Е.А. Феодосия. Каффа. Кефе: Исторический очерк. Феодосия, 2007.
11. Айбабина Е.А. Древняя и средневековая Феодосия. Феодосийский краеведческий музей // Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: Теория, история, диалог, будущее. М., 2008. Т. 3. Северное Причерноморье – пространство взаимодействия цивилизаций.
12. Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев, 2003.
13. Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007.
14. Назаров В.В. Гидроархеологическая карта черноморской акватории Украины: Памятники античной и средневековой эпох. Киев, 2003.
15. Таскаев В.Н. Античная подводная археология Северного Причерноморья. М., 2009.
16. Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным письменной традиции. М., 2005.

17. Могаричёв Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.
18. Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху: Очерки социально-экономической истории // БИ. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XII.
19. Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005.
20. Гаврилов А.В., Федосеев Н.Ф. Амфорные клейма из античных памятников округа Феодосии // III Боспорские чтения. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002.
21. Завойкин А.А. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления территориальной державы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. 07.00.06 – археология. М., 2007.
22. Завойкин А.А. Заметки о войне Спартокидов за Феодосию // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Militaria. Керчь, 2008.
23. Русяева А.С., Супруненко А.Б. Исторические личности эллино-скифской эпохи: Культурно-политические контакты и взаимовлияния. Киев; Комсомольск, 2003.
24. Сидоренко В.А., Шонов И.В. К типологии монетной чеканки античной Феодосии // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
25. Айбабин А.И., Сидоренко В.А. Новая иудейская манумиссия из Пантикапея // БИ. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. XVII.
26. Молев Е.А. Эллины и варвары на северной окраине античного мира. М., 2003.
27. Бутягин А.М., Чистов Д.Е. Новый комплекс IV в. до н.э. из Мирмекия // БИ. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. VIII.
28. Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2006.
29. Зинько В.Н., Тохтасьев С.В. Эпитафия Гефестиона из Нимфея // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. VII.
30. Яйленко В.П. Посвятительные граффити Пантикапея и округа // Древности Боспора. М., 2006. Т. 9.
31. Суханов В.И. Две редкие монеты Феодосии начала IV в. до н.э. // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2003–2004. № 6.
32. Гаврилов А.В., Шонов И.В. Поздняя чеканка Феодосии и пантеон Феодосийского полиса: По нумизматическим материалам одной усадьбы // Боспорский феномен: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2007. Ч. 2.
33. Терещенко А.Е. Ситуация на западных границах Боспорского царства в конце IV – III в. до н.э. // БИ. Симферополь; Керчь, 2009. Вып. XXI.
34. Завойкин А.А. Эллинизм и Боспор // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире: Мат. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. проф. Ф.У. Уолбанка. Казань, 2009
35. Гаврилов А.В., Шонов И.В. Арес на монетах Феодосии // Боспорский феномен: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2009.
36. Русяева А.С. Отражение всеобщего кризиса III в. до н.э. в религиозной жизни эллинов Северного Причерноморья // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизаций и катастроф. Керчь, 2005.
37. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
38. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетей, 2005.
39. Gavrilov A.V. Coins Finds from the Kuru Bas Fortified Settlement and Some Questions Concerning the History of Theodosia in the Late 2nd and 1st Centuries BC // Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Aarhus University Press, 2009. P. 329-352.
40. Абрамзон М.Г. Римские монеты в денежном обращении Боспора // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009.

41. Колтухов С.Г. Формирование и развитие скифского направления в археологии Крыма // ПИФК. Москва; Магнитогорск, 2004. Вып. 14.
42. Зинько В.Н. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского // Би. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. XV.
43. Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоенных сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI–V вв. до н.э. // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Ойкос. Керчь, 2006.
44. Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. М., 2005. (Древности Боспора. Suppl. 2).
45. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
46. Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора // Би. Симферополь; Керчь, 2007. Suppl. 1.
47. Катюшин Е.А. О раскопках поселения скифского времени на территории карьера Феодосийского завода строительных материалов // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. Симферополь, 2007.
48. Бейсанс Д., Жиода А., Морель Ж.-П., Катюшин Е.А., Евсеев А.А. Раскопки на окраине Феодосии // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997.
49. Гаврилов А.В. Археологические разведки и раскопки в Кировском районе // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. Симферополь, 2007.
50. Гаврилов А.В., Колотухин В.А., Колтухов С.Г. Курган эпохи бронзы и скифский могильник V–III вв. до н.э. у с. Приречное в Крыму // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2002. Т. 10.
51. Масленников А.А., Смекалова Т.Н. Следы древнего землевладения и землепользования на хоре Европейского Боспора // Древности Боспора. М., 2005. Т. 8.
52. Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л. Попытка реконструкции системы дорог и клеров городов Европейского Боспора // Би. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. X.
53. Гаврилов А.В., Ланцов С.Б. Новый античный памятник в Двужакорной бухте // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Мат. III Судакской междунар. науч. конф. Киев; Судак, 2006.
54. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Симферополь, 2007.
55. Ланцов С.Б. Пятый сезон работ Кутлакской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. Симферополь, 2007.
56. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Сёмин С.В., Тесленко И.Б. Позднеантичное святилище у с. Дачное (бывш. Таракташ) // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. Симферополь, 2007.
57. Смекалов С.Л. Геофизические исследования на памятнике Таракташ // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. Симферополь, 2007.
58. Шаров О.В. Святилища на склонах горы Таракташ в Восточном Крыму // Боспорский феномен: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2009.
59. Горончаровский В.А. Между империей и варварами: Военное дело Боспора римского времени. СПб.; М., 2003.
60. Смекалова Т.Н. Русские топографические карты XVIII–XX вв. как источник по изучению археологических памятников Западного и Восточного Крыма // Би. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. XVII.
61. Грацианская Л.И. К хронологии античных херсонесских сюжетов Константина Багрянородного // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
62. Зубарев В.Г. Из истории Боспорского царства во второй половине III – начале V вв. н.э. // Би. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XI.
63. Болгов Н.Н., Рябцева М.Л. Имперская политика и дипломатия на позднем Боспоре (середина III – VI вв.) // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., 2008.

64. Смирнова И.Е. Полис и монархия в I–III вв. н.э.: Права и обязанности граждан Боспора // Историчні і політологічні дослідження. Донецьк, 2002. № 2(10).
65. Завойкина (Смирнова) Н.В. Частные сообщества Пантикапея в первые века н.э. // Древности Боспора. М., 2003. Т. 6.
66. Сапрыкин С.Ю. Боспорские фиасы // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
67. Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005.
68. Русяева А.С. Боспорская Деметра // Зинько Е.А., Буйских А.В., Русяева А.С. и др. Склеп Деметры. Киев, 2009.
69. Русяева А.С. Региональные особенности культа Диониса в Причерноморье // БИ. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. IX.
70. Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье: VII–IV вв. до н.э. СПб., 2007.
71. Шауб И.Ю. О культе Деметры на Боспоре // Боспорский феномен: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2005.
72. Мельников О.Н. Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
73. Кузина Н.В. К вопросу о роли культа Диониса в общественно-политической и культурной жизни Боспорского государства // БИ. Симферополь; Керчь, 2008. Вып. XIX.
74. Кузина Н.В. Культ Диониса и его роль в идеологии античных государств Северного Причерноморья // Из истории античного общества: Сб. науч. тр. Нижний Новгород, 2008. Вып. 11.
75. Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2007. Ч. 1-2.
76. Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье: VII–IV вв. до н.э. Симферополь, 2008.
77. Вдовиченко И.И. Расписная керамика античной Феодосии // Херсонесский колокол: Сб. науч. ст., посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию науч. деятельности В.Н. Даниленко / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2008.
78. Скржинская М.В. Женщины в античных государствах Северного Причерноморья // БИ. Симферополь; Керчь, 2008. Вып. XIX.
79. Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев, 2009.
80. Скржинская М.В. Женские миксантропические существа на памятниках искусства, найденных на Боспоре // Боспорский феномен: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб., 2009.
81. Скржинская М.В. Семантика изображений грифонов на памятниках искусства из раскопок Боспора, Херсонеса и Ольвии // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
82. Евсеев А.А. Указатели Феодосийского музея древностей // Херсонесский колокол: Сб. науч. ст., посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию науч. деятельности В.Н. Даниленко / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2008.
83. Андросов С.А. Деятельность ООИД в сфере сбережения культурных ценностей Крыма // Пилигримы Крыма: Сб. науч. ст. и мат. Симферополь, 2003. Вып. 2(7).
84. Андросов С.А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 6-7.
85. Шаманаев А.В. Памятники Крыма и Одесское Общество истории и древностей // Россия – Крым – Балканы. Диалог культур: Науч. докл. междунар. конф. Екатеринбург, 2004.
86. Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического Общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). Изд. 2-е, перераб. и доп. Симферополь, 2004.

87. Непомнящий А.А. Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX ст.): Бібліографічне дослідження. Сімферополь, 2003.
88. Непомнящий А.А. Кримські сторінки біографії С.І. Веребрюсова: За новими документами архівів Москви та Санкт-Петербургу // Історія і культура Придніпров'я. Невідомі та мало-відомі сторінки: Наук. щорічник. Дніпропетровськ, 2004. Вип. 1.
89. Петрова Э.Б. Броневский С.М., Вильнёв Е.Ф. де, Виноградов В.К., Граперон И.И., Колли Л.П., Мурзакевич Н.Н. // Крым в лицах и биографиях. Симферополь, 2008.
90. Петрова Э.Б. Культура как объединяющий фактор в многонациональном Крыму: И.И. Граперон и Феодосийский музей древностей // Причерноморье: История, политика, культура. Серия Б. Вип. 1. Избр. мат. Междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения». Севастополь, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/index.php?ac=science&science=public&sub=public&public=prich01>
91. Петрова Э.Б. Крымские путешествия: Н.Н. Мурзакевич // МАИЭТ. 2007. Вип. XIII.
92. Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Н.Н. Мурзакевич, А.Н. Демидов (К 200-летию юбилею Н.В. Гоголя) / Под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2011 (в печати).
93. Дмитриев В.В. Роль градоначальств в истории Крыма в XIX – начале XX вв. // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сб. науч. тр. (по материалам конф. в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кёппена). Киев, 2004.
94. Жарков Е.И. Страна Коктебель. Культурные очаги: середина XIX – середина XX вв. Киев, 2008.
95. Саркизов-Серазини И.М. Клочки воспоминаний: 1892–1900 гг. // Окоём. Феодосия, 1992. № 1.
96. Саркизов-Серазини И.М. Воспоминания о Феодосии. Феодосия, 2010.

Петрова Э.Б.

Античная Феодосия и Феодосийский музей древностей в исследованиях 2006-2010 гг.

Резюме

В статье дается обзор научных исследований по археологии, истории и культуре античной Феодосии и ее окружи, а также по истории Феодосийского музея древностей, вышедших в свет в 2006-2010 гг., после опубликования монографии автора [1] и статьи, посвященной периоду 2000-2005 гг. [2]. Освещая новейшие исследования по истории античной Феодосии, автор выделяет ряд тем: Феодосия, Пантикапей и Спартокиды; монеты Феодосии; сельская округа Феодосийского полиса; валы, рвы и дороги в районе античной Феодосии; Феодосия в первых веках новой эры; культы Феодосии; памятники искусства и художественного ремесла. В специальном разделе рассматриваются работы, посвященные истории Феодосийского музея древностей.

За последние пять лет появилось довольно много работ, посвященных различным аспектам античного прошлого города и прилегающих к нему земель, однако многие вопросы по-прежнему остаются нерешенными, а количество гипотез (зачастую слабо обоснованных) все возрастает. Не изменилась ситуация с поиском новых источников, то есть с археологическими исследованиями на территории античной Феодосии и ее

некрополя: раскопки не ведутся и, судя по всему, в ближайшее время не предполагаются. Между тем частные коллекции пополняются античными материалами из Феодосии и ее округи, и лишь небольшая часть их (некоторое количество монет) оказывается доступной исследователям и публикуется. По всей видимости, систематическое изучение Феодосии – одного из крупнейших и важнейших эллинских городов в Северном Причерноморье – дело будущих поколений ученых.

Петрова Е.Б.

**Антична Феодосія і Феодосійський музей старовини
в дослідженнях 2006-2010 рр.**

Резюме

У статті дається огляд наукових досліджень з археології, історії й культури античної Феодосії та її округи, а також з історії Феодосійського музею старовини, що вийшли в світ у 2006-2010 рр., після публікації монографії автора [1] і статті, присвяченої періоду 2000-2005 рр. [2]. Висвітлюючи новітні дослідження з історії античної Феодосії, автор виділяє наступні теми: Феодосія, Пантікапей і Спартокіди; монети Феодосії; сільська округа полісу Феодосії; вали, рови й дороги в районі античної Феодосії; Феодосія в перших століттях нової ери; культури Феодосії; пам'ятки мистецтва і художнього ремесла. У спеціальному розділі розглядаються роботи, присвячені історії Феодосійського музею старовини.

За останні п'ять років з'явилося досить багато робіт, присвячених різним аспектам античного минулого міста і прилеглих до нього земель, проте багато питань як і раніше залишаються невирішеними, а кількість гіпотез (часто слабо обґрунтованих) все зростає. Не змінилася ситуація з пошуком нових джерел, тобто з археологічними дослідженнями на території античної Феодосії та її некрополя: розкопки не ведуться і, судячи з усього, найближчим часом не передбачаються. У той самий час приватні колекції поповнюються античними матеріалами з Феодосії та її округи, і лише невелика частина їх (деяка кількість монет) стає доступною дослідникам і публікується. Вочевидь, систематичне вивчення Феодосії – одного з найбільших і найважливіших еллінських міст в Північному Причерномор'ї – справа майбутніх поколінь учених.

Petrova E.B.

Ancient Feodosia and Feodosia Museum of Antiquities in Researches of 2006-2010

Summary

The article gives the review of scientific research on archaeology, history and culture of ancient Feodosia and its neighbourhood, as well as on the history of Feodosia Museum of Antiquities published in 2006-2010, after the publication of the monograph of the author [1]

and the article devoted to the period of 2000-2005 [2]. Covering the latest research on the history of ancient Feodosia, the author partitions a number of themes: Feodosia, Pantikapaion, Spartokida; coins of Feodosia; rural neighbourhood of Feodosia; barrels, ditches and roads in the district of ancient Feodosia; Feodosia in the first centuries of the new era; cults of Feodosia; monuments of arts and handicraft. Works devoted to the history of Feodosia Museum of Antiquities are considered in a special section.

Recently many works have appeared, they are devoted to different aspects of the ancient past of the city and lands adjacent to it; however, many problems have not been solved yet, and the number of hypotheses (rather often they are not well-substantiated) is increasing. The situation with data retrieval, i.e. archaeological research on the territory of ancient Feodosia and its necropolis, has not changed: there are no excavations now and, most likely, are not going to be undertaken. And still, private collections increase funds with ancient materials from Feodosia and its neighbourhood, and only a very small part of them (some coins) can be investigated and published by researchers. Apparently systematic study of Feodosia – one of the largest Hellenic cities in the Northern Black Sea Coast – is the work for future generations of scholars.

Н. И. ХРАПУНОВ

О НАДПИСИ С ИМЕНЕМ ИМПЕРАТОРА ГОНОРИЯ ИЗ ХЕРСОНЕСА

В коллекции Национального заповедника «Херсонес Таврический» хранится фрагмент мраморной плиты с надписью, которую обычно датируют началом V в. (инв. № 35065). Поскольку это столетие в жизни Херсонеса¹ не избаловано вниманием источников, данную надпись охотно используют для разных исторических реконструкций. Документ сохранился плохо, судить об уцелевших знаках по опубликованным фотографиям довольно сложно. Осмотр камня в фондах Заповедника позволил усомниться в правомерности некоторых реконструкций². Нужно отметить, что, судя по изданным фотографиям, сохранность части памятника с остатками букв со времени находки не изменилась.

Обстоятельства находки не вполне ясны. Обнаружил памятник Р.Х. Лепер, но опубликовать его или передать в Археологическую комиссию соответствующую информацию первооткрыватель не успел. Первым издателем стал В.В. Латышев, который получил сведения о надписи от преемника Р.Х. Лепера на посту заведующего раскопками в Херсонесе – Л.А. Моисеева [3, с. 9]. Позднее М.А. Шангин написал, что Р.Х. Лепер обнаружил надпись в районе «общей крещальни», то есть, надо полагать, баптистерия Уваровской базилики, осенью 1914 г. [4, с. 81]. Но это невозможно: раскопки Р.Х. Лепера в Севастополе прекратились гораздо раньше, в середине июля 1914 г., а в сентябре он был уволен с должности [5, с. 51]. Таким образом, место и подробности находки выяснить уже, пожалуй, не удастся.

¹ В это время город называли и его древним именем – «Херсонес», и новым, средневековым названием – «Херсон» [подробнее см.: 1, с. 43-47; 2, с. 538-542]. В данной статье будет использовано античное имя города.

² Пользуясь случаем, хочу поблагодарить сотрудника отдела фондов Заповедника Л.А. Рыжову за помощь в работе с памятником. Я также признателен В.А. Сидоренко (Симферополь) за ряд важных замечаний, высказанных при подготовке этой статьи.

Надпись высечена на плите из серовато-белого мрамора (рис. 1). Лицевая сторона неровная, волнистая. Обратная сторона камня не обработана – он мог быть закреплен в какой-то конструкции, например, в стене. Камень, вероятно, был использован вторично; в результате значительная часть поверхности заглажена, причем стерт как раз тот участок волнистой поверхности камня, который выступал над остальным. Буквы сохранились в основном на правой стороне фрагмента.

Верхняя и нижняя часть надписи обломаны, то есть сохранилась только середина документа. Левый скол камня свежий. Судя по фотографиям у В.В. Латышева и М.А. Шангина, в настоящее время утрачена левая часть найденной Р.Х. Лепером плиты, размер которой более чем в два раза превышал сохранившийся фрагмент. Видимо, именно там находились упомянутые В.В. Латышевым остатки низкого фронтона. Однако читаемых букв в утраченной части памятника не было, за исключением литеры А в начале 2-й строки. Уцелел фрагмент размером 20x33 см, толщиной 5,7 см. Если судить по фотографиям, в одной строке могло помещаться приблизительно 40-50 знаков, причем и в момент находки левая часть документа была обломана, то есть восстановить его изначальные размеры (и длину строки) вряд ли реально.

Высота букв 20-30 мм, ширина 11-12 мм (в двух верхних строках литеры ниже, чем в остальных). *Омикрон* изображен двумя способами: или размером с остальные буквы, или же меньше, 12x10 мм, и тогда поднят в верхнюю часть строки (ср., например, два *омикрона* в имени императора), а в одном случае он вписан в литеру С (стк. 5). Сохранившаяся глубина букв до 3 мм. Литеры высечены тесно, расстояние между ними 1-2 мм. Высота знаков в одной строке не одинакова. Расстояние между строками 9-14 мм. Отступ от правого края камня от 4 до 15 мм. Таким образом, качество исполнения надписи отличается в худшую сторону от чрезвычайно аккуратных надписей античной эпохи, что, впрочем, характерно для средневековой херсонесской эпиграфики [см., например: 6].

Датировка текста: 395-423 г. *Источник датировки:* упоминание императора Гонория.

Публикации: 3, с. 9, 15 (рис. 2,1), 16; 4, с. 81-83, № 11; 7, с. 138-139.

В настоящее время в документе можно прочесть следующие знаки:

0 ... - - - - - ...

1 ... Μ - ΚΑΘΑΚΑΙΕΜ

2 ... ΝΩΤΟΠΟΙΟΙΧΛΙΟΝΑ

3 ... (ΑΘΝ?) - - - ΝΕΣΠΛΟΥΝΠΡ

4 ... ΑΥΤ- - - - - ΡΚΑΙCΑΡΟΝΟΡΕ

5 ... ΝΚΑΙΧΕΡCοΝΙ

6 ... WCP(?)ΑΛΛΑΚΑΙΘΕ

7 ...

8 ... (ΑΝΩ?) ...

Нумерация строк сохранена по первым изданиям В.В. Латышева и М.А. Шангина. Над их первой строкой сохранились остатки нечитаемых букв, которые здесь названы нулевой строкой.

Можно немного откорректировать реконструкцию надписи следующим образом:

0 ... - - - - ...

1 ...μ- καθὰ καὶ ἐμ-

2 ... [ἄ]νω τόποις ὄς ἥλιον ἀ-

3 ... - - ἦ - - - ἦ ἔσπλουv пр-

4 [ὄς ?] ... αὐτ[οκράτωρ] καῖσαρ Ὀνόρε-

5 [ὄς καὶ αὐτοκράτωρ καῖσαρ Ἀρκάδιος *vel* Θεοδοσίος] ...v καὶ Χερσονί
(*vel* Χερσονί//ται, Χερσονι//τῶν etc)

6 ... ὡς πάλαι(?) καὶ θε-

7 ...

8 ... - - - - ...

Перевод: ... как и... вглубь земель, которым солнцем ... приплывать к (?)... император цезарь Гонорий и император цезарь Аркадий (*или* Феодосий) ... и Херсону (*или* и херсониты, херсонитов *и т.д.*)... как прежде (?) и...

Текстология.

Стк. 1. καθ'ἄ καὶ ἐ... – Шангин, καθὰ καὶ ἐ... – Сидоренко. Исследователи не увидели две литеры М в начале и конце строки. Между первой М и К стерто 1 или 2 знака. Концевая М – последний знак в строке.

Стк. 2. ἄνω – Шангин, Сидоренко. Видимо, литера А находилась в утраченной части памятника.

Стк. 2-3. Слово, от которого сохранилась лишь начальная А в конце стк. 2, Шангин дополнил как ἀ[νατέλλοντα].

Стк. 3. В начале строки сохранились остатки трех букв – возможно А или Λ, Θ или Ε, Ν. Затем идет лакуна в 2-3 знака.

Стк. 4. ΑΥΤ...Ρ – не замечено всеми издателями. Лакуна между Т и Ρ – около 5 знаков. Καῖσαρ Ὀνόρι[ος] – Латышев, [αὐτοκράτωρ] καῖσαρ Ὀνόρι[ος] – Шангин, [αυτοκράτορ] καῖσαρ Ὀνόρι[ος] – Сидоренко. Вопреки мнению исследователей, последний знак в строке – Ε, а не Ι. Вероятно, именно поэтому А.Ю. Виноградов отказался читать здесь имя Гонория и, основываясь на шрифте, отнес памятник «к более раннему времени» [8, с. 89]. Понятно, что за титулом императора должно стоять его имя, а так как никакого другого восстановить из сохранившихся букв, кажется, нельзя, остается реконструировать здесь имя Гонория, предположив, что оно написано с ошибкой.

Стк. 4–5. Гонорий был правителем западной части империи, следовательно, его юрисдикция не распространялась на Херсонес. Даже если не принимать во внимание географическое положение города, из источников следует, что Херсонес находился в ведении *префектуры Востока*, которая,

в свою очередь, подчинялась константинопольскому императору [9, с. 146-147; 2, с. 522]. До 438 г. абсолютно все декреты в империи принимались от имени обоих императоров – и Востока, и Запада [10, р. 54]. Даже если Гонорий невероятным образом постановил что-то относительно Херсонеса самостоятельно, он был бы обязан упомянуть в тексте соответствующего рескрипта и правителя восточной части империи. Из этого следует, что в тексте надписи были указаны два императора. Одним из них был Гонорий, имя которого, как старшего из императоров, стояло на первом месте, а другим был соправитель Гонория – Аркадий или Феодосий II. Учитывая, что титул Гонория поставлен в форму единственного числа, можно реконструировать 4-ю и 5-ю строки документа как: ...αὐτ[οκράτω]ρ καὶσαρ Ὀυόρι[ος] καὶ αὐτοκράτωρ καὶσαρ Ἀρκάδιος vel Θεοδοσίος ...]. Размеры памятника допускают такую реконструкцию. Аналогией может служить, например, надпись более раннего времени (257-258 гг.) из Афродисия, где императоры Валериан и Галлиен титулуются по-отдельности [11, № 1].

Стк. 5–6. καὶ Χερσόνη[σος] – Латышев, ...ν καὶ Χερσόνη[σος] – Шангин, ...ν καὶ Χερσόνη[σος] – Сидоренко. Последний знак в строке 5 почти наверняка I, а не H, как считали исследователи. Поскольку для H на камне места просто нет, они, возможно, думали, что здесь N и H написаны в лигатуре. Однако вероятнее – здесь выщерблина, дефект камня, результат коррозии (которую при изучении опубликованных фотографий можно принять за горизонтальную черту). Подобное можно увидеть в других местах, например, в 6 строке, между буквами Λ и Α, или в 8 строке, где букв не сохранилось. Менее выразительные примеры – на H в строке 2 и C перед ним, A и P в строке 4 (последние буквы в слове καὶσαρ), Ε в строке 5. Это исправление меняет суть дела – получается, здесь находилось слово Χερσών в дательном падеже (Χερσόνι), либо образованное от него прилагательное (Χερσονίτης) или политоним, наименование жителей города (Χερσονίται) в одной из форм. Причем вместо долгой гласной ω вырезана краткая ο, что иногда случается в позднеантичной эпиграфике. Новый вариант названия города в Таврике приходит на смену старому (в зависимости от диалекта – Χερσόναςος, Χερσόνησος или Χερρόνησος) в конце IV – VI вв. [1, с. 43 слл., 2, с. 538 слл.]. По предположению В.А. Сидоренко, в этом месте были перечислены несколько пунктов, последним из которых был Херсон, тогда его падежная форма должна согласовываться с формой предыдущего существительного, от которого осталась последняя буква ν. В нашем случае единственный подходящий вариант будет Χερσονιτῶν («херсонцев»). Но на букву ν заканчивались, конечно, не только существительные, да и согласование здесь не обязательно. Например, в херсонесских почетных декретах можно обнаружить такой оборот, соответствующий сохранившимся в нашей надписи знакам: ὧν καὶ Χερσονασείταις [12, р. 318, no. 358; 13, с. 154], τῶν καὶ Χερσονασιτῶν или τῶν καὶ Χερσονασείταις [14, с. 61–62].

Стк. 6. [ὥς] πάλαι καὶ – Шангин, Сидоренко. Исследователи не обратили внимания, что W и C видны достаточно четко. Однако остатки третьей сохранившейся буквы куда больше напоминают P, чем П.

Стк. 6–7. Θε[οδόσιος] – Шангин, Сидоренко. Они видели здесь имя отца императоров Гонория и Аркадия – Феодосия I. Эта реконструкция не кажется убедительной, ведь всё, что есть – это две буквы ΘΕ после союза в конце 6-й строки. Здесь могло стоять любое греческое слово, начинавшееся на θε. К тому же, если в 4-й строке перед именем Гонория стоит его императорский титул, то перед буквами θε в конце 6-й строки можно обнаружить только союз καὶ.

Стк. 8. Ближе к правому краю сохранились остатки знаков, напоминающих A, N и W, но настаивать на этом не приходится.

Перейдем теперь к предложенным интерпретациям надписи.

Поскольку В.В. Латышеву не удалось разобрать в надписи ничего, кроме слов Καῖσαρ Ὀνόρι[ος] в 4-й строке и καὶ Χερσόνη[σος] в конце 5-й – начале 6-й, то никаких общеисторических выводов он и не сделал, и даже имя императора и название города оставил под вопросом.

По мнению М.А. Шангина, документ представляет собой остатки декрета, изданного в правление византийских императоров Гонория (395-423 г.) и Аркадия (395-408 г.) в подтверждение постановления, принятого ранее Феодосием I (379-395 г.). Декрет якобы давал Херсонесу право торговли под контролем римского чиновника *comes commerciorum*, резиденция которого находилась в городе [4, с. 82-83]. Данную интерпретацию поддержал В.А. Анохин [15, с. 93], но она имеет ряд недостатков и потому не может быть принята.

Во-первых, как представляется, содержание надписи слишком расплывчато и неясно, чтобы делать столь определенные выводы. Во-вторых, привлеченные в качестве наиважнейшего аргумента реконструкция и интерпретация должностей из херсонских надписей 392-393 г. [12, р. 410-412, № 450] и 488 г. [6, с. 7-15, № 7] не кажутся верными. Так, резиденция *comes commerciorum* вряд ли могла находиться в Херсонесе, а в полномочия этого чиновника не входило строительство (две указанные надписи именно строительные); в первом документе речь идет, вероятно, о муниципальном чиновнике (не обязательно *комите*), а во второй – об имперском офицере, присланном в Херсонес с конкретным поручением, который убыл из города после его исполнения [подробнее см.: 2, с. 524-525, 527-528].

Поскольку в надписи выражение καῖσαρ Ὀνόρι[ος] употреблено в единственном числе, В.А. Сидоренко предположил, что постановление было принято Гонорием самостоятельно уже после смерти его брата Аркадия, то есть не ранее 408 г. Император подтвердил разрешение селиться во Фракии и Таврике, некогда данное готам его отцом Феодосием I. Основанием для такой интерпретации стала не только надпись *as is*. Исследователь помещает

ее в контекст некоторых других источников, которые можно истолковать как указание на соответствующее решение Феодосия I [7, с. 138-139].

Эта гипотеза и получила дальнейшее развитие в историографии [16, с. 83; 17, с. 459]. Правда, иногда исследователи делают оговорки. Так, согласившись с предложенной интерпретацией, В.М. Зубарь считает, что надпись также могла упоминать некие льготы, данные городу империей [9, с. 146]. С.Б. Сорочан допускает разные толкования надписи, но подчеркивает, что в ней, в любом случае, зафиксировано какое-то предписание императоров, имевших полную власть над городом [18, с. 617]. Тем не менее, есть серьезные сомнения в том, что надпись следует интерпретировать именно так.

Представляется, что для реконструкции той части документа, где упоминается правитель (или правители) империи, важнейшим обстоятельством является определение характера надписи. М.А. Шангин и В.А. Сидоренко называют ее (императорским) «декретом». К сожалению, утрачен фрагмент камня с началом надписи. Если это был декрет, там бы сохранилась начальная формула с именами правящих императоров. Как, например, в близких по времени надписях 392-393 гг. [12, р. 411, no. 450] и 488 г. [6, с. 10, № 7], или в латинском документе 370-375 гг. [12, р. 409, № 449]. В нашем же случае имя императора сохранилось только в середине документа. Хотя очень похоже, что он отражал какое-то императорское постановление о Херсонесе.

Как уже говорилось, в официальном постановлении должен был быть упомянут и соправитель Гонория, император восточной части империи. Кроме того, есть основания сомневаться в том, что буквы $\theta\epsilon$ в конце 6-й строки скрывают имя Феодосия I. Думается, сохранившиеся остатки текста представляют недостаточно данных, чтобы рассматривать его как источник для реконструкции торговых или административных контактов города с Западной Римской империей или как свидетельство расселения в Таврике готов. Разумеется, существуют сведения (главным образом – археологические) о торговле Херсонеса с провинциями империи в V в. [19, с. 73-76; 16, с. 89]. По данным надписи 488 г., в тот момент торговлю контролировала Византия [2, с. 528-529]. Исследователи понимают нарративные источники таким образом, что среди населения окрестностей Херсонеса – юго-западной Таврики – в первой половине V в. были готы [16, с. 81-82]. Но если обратиться к анализируемому эпиграфическому памятнику, сохранившиеся отрывки текста слишком фрагментарны, чтобы на этом основании строить конкретные исторические реконструкции. Из надписи можно сделать лишь самые общие выводы. А они согласуются с тем, что известно из других источников.

В конце IV – начале V вв. Херсонес находился в зависимости от Римской империи, хотя формально и не входил в ее состав. Императоры осуществляли власть в городе как посредством прямых указов, так и через гражданскую администрацию *префектуры Восток* и офицеров, возглавлявших

городской гарнизон [подробнее см.: 2, с. 520 слл.]. В частности, если говорить о Гонории, в городе найден обломок латинской надписи с его именем. Вероятно, это было посвящение императору, причем образующее пару к такому же посвящению его брату – восточному императору Аркадию [12, р. 498-498, no. 655; 20, с. 30-31, № 4; 8, с. 108-110, № 2]. Известен и один императорский рескрипт этого времени в отношении Херсонеса: 24 сентября 419 г. Гонорий и Феодосий II освободили от наказания людей, по вине которых варвары получили возможность ознакомиться с принципами кораблестроения, по ходатайству «епископа херсонесской общины» (*Chersonitanae civitatis episcopi*) по имени Асклепиад [21, р. 258; латинский текст: 18, с. 617, пр. 163]. Хотя другим источникам это лицо неизвестно, А.И. Айбабин заключил, что Асклепиад был епископом Херсонеса, а провинившиеся – жителями города [16, с. 83]. И действительно: императорское постановление адресовано *префекту претория* по имени Моначсий. Из других источников известно, что между 416 и 420 гг. чиновник с таким именем возглавлял *префектуру* Восток [22, р. 265-266; 23, р. 765, s. v. Fl. Monaxius]. Есть основания считать, что Херсонес находился в ведении этой *префектуры* [9, с. 146], более того, он оказывается единственным в ней епархиальным центром с таким названием. Следовательно, данное постановление касалось именно города в Таврике [1, с. 45]. Тем не менее, С.Б. Сорочан считает, что Асклепиад мог с равным успехом быть «епископом города Херсонеса Фракийского», ведь Фракия входила в префектуру Восток [18, с. 617-618]. Однако «Херсонес Фракийский» – название не города, а полуострова [24, р. 608, s. v. Chersonesus; 25, р. 339, s. v. Chersonesus]. В церковном отношении он относился к ведению епископа Каллиполя, который, в свою очередь, подчинялся епископу Гераклеи Понтийской, причем первый из каллиполийских епископов фиксируется в 431 г. на соборе в Эфесе [26, col. 1123-1124]. Епископия фракийского Херсонеса появляется в источниках позже – в иконоборческое время, причем просуществовала она недолго [27, р. 283, 285]. Таким образом, указанное императорское постановление относилось к таврическому Херсонесу. Разумеется, сказанное совсем не значит, что анализируемая в данной статье надпись связана именно с этим событием. Надпись с именем Гонория дает первое упоминание в эпиграфике новой формы имени города, «Херсон» (*Χερσών*), или произведенного от него названия жителей города. Пожалуй, это последняя информация, которую можно почерпнуть из анализируемого источника.

Подведем итоги. Опубликованную В.В. Латышевым, а затем изученную М.А. Шангиным и В.А. Сидоренко надпись нельзя датировать уже правления Гонория (395-423 гг.). В ней, по всей вероятности, был также упомянут

император восточной части империи – Аркадий или Феодосий II. Это первый из дошедших до нас эпиграфический памятник, в котором появляется средневековое название Херсонеса – Херсон, или его производное. Надпись подтверждает известную из других источников информацию о политическом и административном подчинении Херсонеса в Таврике Римской империи в конце IV – начале V вв. и о возникновении новой формы названия города в это время. К сожалению, фрагментарный характер документа делает проблематичным более конкретную его реконструкцию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Храпунов Н.И. О средневековом названии города Херсона // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. Сб. науч. трудов. Севастополь, 2003.
2. Храпунов Н.И. Политическая история, государственное и административное устройство Херсонеса в конце IV–VI вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.
3. Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1918. Вып. 65.
4. Шангин М.А. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. № 3.
5. ОАК за 1913-1915 годы. Петроград, 1918.
6. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.
7. Сидоренко В.А. К вопросу этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV – начала V вв. с подражаниями «лучистого типа» // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев, 1987.
8. Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...». Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010.
9. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994.
10. Ostrogorski G. History of the Byzantine State. 2nd ed. / Tr. from Germ. J. Hussey. New Brunswick, 1969.
11. Roueché Ch. Aphrodisias in Late Antiquity. The Late Roman Inscriptions including Texts from the Excavations of Aphrodisias by Kenan T. Erim. London, 1989.³
12. Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. I. 2nd ed. Petropoli, 1916.
13. Суров Е.Г. Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. № 3.
14. Антонова И.А., Виноградов Ю.Г. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальперниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4.
15. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев, 1977.
16. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
17. Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
18. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков, 2005.
19. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989.

³ Исправленную и дополненную версию издания см. на: <http://insaph.kcl.ac.uk/ala2004> (последний раз проверялась 30.09.2010).

20. Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. Тексты, перевод, комментарий. М., 1983.
21. The Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions; a translation with commentary, glossary, and bibliography / Tr. from Latin C. Pharr, Th. Sh. Davidson, M. B. Pharr. New York, 1969.
22. Dagron G. Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1974.
23. Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. A.D. 395–527. Cambridge et al., 1980.
24. Dictionary of Greek and Roman Geography / Ed. W. Smith. Vol. I. London, 1854.
25. Anthon Ch. A Classical Dictionary. New York, 1841.
26. Le Quien M. Oriens christianus, in quatuor patriarchatus digestus; quo exhibentur ecclesiae, patriarchae, caeterique praesules tutius Orientis. Vol. I. Paris, 1740.
27. Kountoura E. New Fortresses and Bishoprics in 8th Century Thrace // REB. 1997. T. 55.

Храпунов Н. И.

О надписи с именем императора Гонория из Херсонеса

Резюме

В статье анализируется греческая надпись из коллекции Национального заповедника «Херсонес Таврический», в которой упоминается римский император Гонорий (395–423 гг.). Различные варианты чтения и интерпретации документа предлагали В.В. Латышев, М.А. Шангин и В.А. Сидоренко, но некоторые вопросы остаются дискуссионными до сих пор. Вероятно, надпись отражала какое-то императорское постановление относительно Херсонеса в Таврике. В ней реконструируются имена правителей западной части империи – Гонория, и восточной – Аркадия или Феодосия II. Документ подтверждает известную из других источников информацию о политическом и административном подчинении Херсонеса Римской империи в конце IV – начале V вв. Это первый из сохранившихся эпиграфических памятников, в котором появляется средневековое название Херсонеса – Херсон, или произведенное от него прилагательное или политоним. Фрагментарный характер документа делает проблематичным более конкретную его реконструкцию.

Храпунов М. І.

Про напис з іменем імператора Гонорія із Херсонесу

Резюме

У статті проаналізовано грецький напис з колекції Національного заповідника «Херсонес Таврійський», у якому згадується римський імператор Гонорій (395-423 рр.). Різні варіанти читання та інтерпретації документу запропонували В.В. Латишев, М.А. Шангін і В.А. Сидоренко, але деякі питання і дотепер залишаються дискусійними. Ймовірно, напис висвітлює деяку імператорську постанову стосовно Херсонесу в Тавриці. У ньому можна реконструювати імена правителів західної частини імперії – Гонорія, і східної – Аркадія або Феодосія II. Документ підтверджує відому з інших джерел інформацію про політичне і адміністративне підпорядкування Херсонесу Римській імперії наприкінці IV – початку V ст. Це перша епіграфічна пам'ятка, що збереглася, у якій з'являється середньовічна назва Херсонесу – Херсон, або прикметник чи політонім, що походять від неї. Фрагментарний характер документу робить проблематичним більш конкретну його реконструкцію.

Khrapunov N. I.

On the Inscription with the Name of the Emperor Honorios from Chersonese

Summary

The paper deals with Greek inscription in the collection of the National Preserve of Tauric Chersonesos that mentions Roman emperor Honorios (395-423). Although Vasilii Latyshev, Mstislav Shangin and Valeriy Sidorenko have produced different variants of readings and interpretations of the document, there still are questions to discuss. The inscription probably reflects a certain emperors' order about Chersonese in Taurica. Proposed reconstruction includes names of western emperor Honorios and eastern emperor Arkadios or Theodosios II. The document confirms the information derived from other sources that in the late fourth and early fifth century AD Chersonese was controlled by the Roman Empire politically and administratively. This is the earliest epigraphic monument in possession to reveal either new mediaeval name of the city, Cherson, or its derivative: adjective or politonym. Fragmentary nature of the document makes any more detailed reconstruction a problem.

Рис. 1. Херсонесская надпись с именем императора Гонория. Современное состояние.

О. Б. БУБЕНОК

ТЕРМИН *STRAVA* В «ГЕТИКЕ» ИОРДАНА (К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА)

Уже довольно длительное время среди исследователей латиноязычного сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (*Getica*) вызывает большой интерес пассаж, содержащийся в описании похорон гуннского вождя Аттилы. Так, Иордан сообщает, что гуннские воины, узнав о смерти своего правителя, в соответствии со своими обычаями, начали отрезать часть своих волос и надрезать себе лицо. После этого тело Аттилы перевезли в степь и поместили в специальный шатер. Лучшие всадники гуннов на лошадях объезжали кругом то место, где был покойник. Наконец, после громких причитаний Аттила был похоронен в кургане, на котором гунны, по словам Иордана, устроили *stravam*, что имело непосредственное отношение к пиршеству в честь покойного. Аттила был похоронен в трех гробах – в золотом, серебряном и железном. Вместе с ним в могилу положили его воинские трофеи и драгоценности. С целью, чтобы предотвратить ограбление могилы, могильщики были убиты [1, с. 117, 172].

Наибольшие споры у исследователей вызвал следующий отрывок из сочинения Иордана: «*postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum eius quam appellant ipsi ingenti commessatione concelebrant*» [1, с. 172]. Обычно русскоязычная аудитория ссылается на перевод данного фрагмента, выполненный несколько десятилетий назад Е.Ч. Скржинской: «После того, как он был оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане “страву” (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством» [1, с. 117]. Именно неопределенные данные об употреблении слова *strava* уже давно породили массу литературы, где исследователи пытались объяснить происхождение и семантику этого слова. Исследователи в большинстве своем сошлись на том, что термин *strava* представляет собой заимствование в гуннском языке. Однако в данном случае сложилась довольно интересная ситуация, в соответствии с которой славянские исследователи видели в

данном термине заимствование, которое, по их мнению, могло попасть к гуннам в результате контактов со славянами, а немецкие ученые увидели в слове **strava** заимствование из языка готов, исходя из того, что Иордан имел готские корни и готы довольно длительное время находились в сфере влияния гуннов. Существуют и другие гипотезы. Тем не менее, до сих пор ни одна из предложенных гипотез не нашла должного подтверждения. Поэтому, помимо этих двух основных подходов, особый интерес могут представлять и другие гипотезы.

Прежде всего, необходимо акцентировать внимание на том, почему славянская или германская (готская) этимологии не являются убедительными. На сегодняшний день готская гипотеза происхождения термина **strava** уже не пользуется особой популярностью. Одним из первых ее выдвинул Яков Гримм, по мнению которого упоминаемый Иорданом термин мог происходить от готского слова **straujan** – «простирать». Таким образом, немецкий ученый предположил, что слово **strava** должно было означать погребальный костер, т.е. ложе, на котором должны были простирать умершего для сожжения [2, s. 171-235]. В конце XIX в. Т. Момзен в «Лексическом и грамматическом индексе» к изданию «Гетики» Иордана также склонялся к тому, что слово **strava** (*straba*) имело готское происхождение и означало погребальный костер. Если следовать рассуждениям Т. Момзена, то получается, что в Паннонии сначала гунны, а потом и славяне могли воспринять от готов термин **strava** [3, s. 198]. В XX в. некоторые немецкие ученые также продолжали придерживаться мнения о готском происхождении указанного термина. Так, Э. Шварц считал, что **strava** происходит от термина **sútrava**, которому соответствует значение Gerüst – «леса, подпорки, костер» [4, s. 225]. У С. Файста **strava** выводится от древнегерманского **stro**, gen. **strawe**, древнеисландского **strā**, англосаксонского **streaw** – «солома» и соответственно переводится как «куча оружия для победного костра» [5, s. 103].

Однако этимологические изыскания немецких ученых в пользу готского происхождения слова уже изначально вызвали резкое несогласие со стороны славянских ученых. Так, еще в первой половине XIX в. П. Шафарик считал слово **strava**, которое упоминается в сочинении Иордана, славянским. Этот пример дал основания ему говорить о славянском присутствии в гуннском объединении [6, с. 256-257]. Наибольшее же обоснование получила славянская гипотеза в работе А.А. Котляревского «О погребальных обычаях языческих славян», которая увидела свет еще в 1868 году. В ней исследователь выразился по этому поводу следующим образом: «...нам представляются причины сомневаться и в исключительно готском происхождении слова, и в исключительно таком его знаменовании: как Гот, Иордан, кажется, должен был бы выразиться о родном термине определеннее, чем глухими словами: "quam appellat ipsi", т.е. Гунны; для него оно, видно, было незнакомо; сверх этого,

Аттила скончался не в бою с врагами, тело его не предавалось сожжению, страва праздновалась “*super tumulum ejus*” и притом – “*ingenti comessatione*”, т.е. торжественным, обрядовым пиром, и потому не могла обозначать погребального костра, “*exuviarum hostilium molem*”; стало быть, позволительно искать иных варваров, которым принадлежало это слово и иного, более широкого его значения» [7, с. 39]. Этим народом, по мнению А.А. Котляревского, могли быть славяне, «которые и до ныне пользуются этим термином для обозначения: пищи, кушанья, запаса яств, составляющих обед, в таком значении употребляется оно теперь в наречиях: польском, чешском, словацком, мало- и великорусском» [7, с. 39]. При этом исследователь обратил внимание на то, что данное слово можно проследить «в памятниках старой чешской письменности и именно со значением погребальных поминок, пира по смерти» [7, с. 39]. Предложенная А.А. Котляревским этимология термина **страда** отличается оригинальностью: «оно сложное – с-т-р-в-а, тема, очевидно, идет от славянского корня *троу*, который даст происхождение глаголу *троути*, *натроути*, *натровити*... Но собственный смысл был издревле: кормить, питать...» [7, с. 39-40]. Обстоятельства заимствования термина гуннами от славян А.А. Котляревский объяснил следующим образом: «Славяне, наряду с другими племенами, могли и должны были войти в дружину Гуннов» [7, с. 38].

Необходимо отметить, что данная гипотеза в дальнейшем нашла широкую поддержку именно среди славянских исследователей, что также noteworthy. Так, переводчик на русский язык сочинения Иордана «Гетика» Е.Ч. Скржинская не сомневалась в славянском происхождении термина **страда** и соответственно в своих комментариях отметила: «Страва – пища, еда, кушанье, яство, блюдо, похлебка, варево (см.: Даль, *Толковый словарь*). В данном случае Иордан под “стравой” подразумевал “тризну”, поминальный пир, поминовение усопшего пиршеством, песнопениями, конскими ристаниями. Собственно сам Иордан объясняет значение слова *strava* употребленным им в этой же фразе словом *commessatio*. Гунны либо переняли у славян обычай погребальных пиров, которые называли “страдами”, либо – что вероятнее – переняли только славянское название подобного обряда. Напрашивается предположение, что уже в первой половине V в. славяне были насельниками тех областей по Дунаю, куда пришли гунны...» [8, с. 327, ком. 629].

Гипотеза о заимствовании гуннами от славян термина **страда** стала особенно популярной среди исследователей из бывшего Советского Союза и получила широкое распространение благодаря научно-популярной литературе, а в настоящее время – также благодаря Интернету. Так, В.П. Кобычев в своей книге «В поисках прародины славян» происхождение термина объяснил следующим образом: «страда (*strava*) – “поминальный пир”, устроенный, по сообщению Иордана, на могиле Аттилы, слово, которое в том же значении “поминки” и поныне встречается в ряде диалектов польского, чешского,

словацкого, украинского и русского языков» [9]. Нельзя обойти вниманием также оригинальную гипотезу современного канадского ученого Г. Сотирова, который также относится к числу приверженцев славянских корней термина **strava** в сочинении Иордана. Исследователь считает: «...Скорее всего, это слово не было монгольским (гуннским). Если бы оно было таковым, начальное "s" было бы аспиративным, и слово звучало бы как *istrava*, как в современном турецком или венгерском, где, например, имя Стефан превращается в *Istevan* и *Ishtvan* соответственно. Правда, для этого странного слова есть еще одно объяснение. В Югославии праздник церковного святого зовется *slava*. Вполне возможно, что это слово восходит к термину, которым были названы поминальные игры в честь Аттилы. Из-за того, что грекам было трудно произносить сочетание согласных "sl", обычно они произносили и писали его как "sth". Поэтому не исключено, что в оригинальном греческом тексте Приска славянское слово *slava* превратилось в "*sthlava*". Иордан, который, как мы знаем, писал на латыни, в значительной мере пользовался книгой Приска. При этом у него мог возникнуть соблазн латинизировать "*sthlava*" в "*strava*". Есть целый ряд пар слов, где можно наблюдать такой славянско-латинский параллелизм: *slama* – *stramen*, *slab* – *strabo*, *služa* – *struo*, то есть «солома», «слабый» и «служить» соответственно» [10].

В последнее время идея славянского происхождения термина **strava** в «Гетике» Иордана активно отстаивается Л.А. Гиндиным. Исследователь сравнил описание Иордана с описанием тризны по Игорю в «Повести временных лет» и пришел к выводу: «...*strava* Иордана, которая совершается при помощи *ingenti commessatione*, не может соответствовать тризне ПВЛ не по содержанию, не по композиции, полностью адекватна только поминальному пиру с большим количеством напитков...» [11, с. 30-33]. Эта же идея была развита в статье Л.А. Гиндина и Ф.В. Шелова-Коведяева «*Strava*», которая была опубликована в 1994 году в первом томе «Свода древнейших письменных известий о славянах» [12, с. 161-169]. Подход этих исследователей к решению данного вопроса отличается нестандартностью. Об этом может свидетельствовать уже сам перевод интересующего нас фрагмента текста Иордана, отличный от варианта Е.Ч. Скржинской. Так, выражение «*postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum eius quam appellant ipsi ingenti commessatione concelebrant*» они переводят следующим образом: «После того, как он был оплакан такими рыданиями, они устраивают наверху его кургана пиршество, которое они сами называют страва...» [12, с. 161]. Относительно происхождения термина «страда» исследователи категоричны: «Нельзя специально не отметить того, что апеллатив *страда* в значении "погребальное пиршество, поминки" имеет точные формальные и семантические параллели лишь на славянском материале – оно засвидетельствовано в западославянских языках. Варшавский словарь (*Karłowicz et al. Słownik*, VI, 447 и сл.) вторым значением

дает “погребальный пир, поминки” с замечанием “погребальный пир был у славян повсеместно”. У чеш. *strava* наряду с “пища вообще и пр.” засвидетельствовано значение “погребальный пир (*Jungmann. Slovník*, 332)”, а также – “языческий погребальный пир” (*Kort. Slovník*, 789). Важные сведения содержатся в словаре Голуба и Копечного (*Holub, Kopečný. Etymologický slovník*, 392 и сл.): “с этим (sc. *tryzna*), очевидно, находится в связи и смежное др.-слав. *strava* (с питьем – ст.-чеш. *kvás*) – “погребальный пир” в древнем народном обычае траурного угощения, соединенного с танцевальными увеселениями (при смерти холостого парня, девки)”. Все это на фоне повсеместно засвидетельствованного во всех западнославянских языках обыденного обобщенного значения слова *strava* “пища”; также в восточнославянских языках – карпатских говорах украинского, белорусских и русских диалектах...» [12, с. 164-165].

Однако и у славянской гипотезы имеются определенные недостатки. Так, Т. Момзен исключил возможность славянского происхождения слова «страва» в сочинении Иордана на том основании, что на Среднем Дунае в V в., по его мнению, славян еще не могло быть [3, с. 198]. В результате этого появились и другие гипотезы. Так, В.Н. Топоров считал, что термин *strava* в значении «тризна» готы могли заимствовать у славян, т. е. данный подход представлял собой компромисс между готской и славянской гипотезами, объясняющими появление термина у гуннов [13]. Тем не менее, нельзя исключать возможность более ранних славяно-гуннских контактов. Основанием для этого являются сведения самого Иордана об антах, в которых многие исследователи склонны видеть славян.

Иордан был первым и практически единственным историком, который упоминал антов при описании событий второй половины IV – начала V вв. По его данным, после смерти короля готов Германариха готы разделились на везеготов (западных готов) и остроготов (восточных готов). При этом последние, возглавляемые Амалом Винитарием, остались в Северном Причерноморье и вынуждены были подчиниться гуннам. Тем не менее, Винитарий не смог смириться с этим порабощением и потому выступил против союзников гуннов – антов: «Понемногу освобождаясь из под их (гуннов – О.Б.) власти и пробуя проявить свою силу, он (Винитарий – О.Б.) двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа с сыновьями его и с семидесятью старейшинами для устрашения». Спустя некоторое время вождь гуннов Баламбер отомстил за это остроготам и победил Винитария возле реки **Ерак** [1, с. 115]. По мнению Е.Ч. Скржинской, река **Ерак** – это Нижний Днепр, так как аналогичные названия относительно Днепра приобрели распространение во времена средневековья, а в современном осетинском языке термин *væraæx* имеет значение «широкий» (если исходить из наличия остатков ираноязычного населения в Северном Причерноморье во времена

поздней античности) [8, с. 323-324]. Однако до сих пор так и не доказано, что анты IV в. представляли собой именно славян, а не другую этническую общность.

Следует учитывать то, что термин **страва** представлял собой часть погребальных традиций гуннов, на формировании новых черт которых должны были отразиться длительные контакты. И хотя анты Северного Причерноморья несколько десятилетий и были зависимыми от гуннов, они просто не смогли бы в данной ситуации оказать такое значительное влияние на погребальный обряд гуннов, в результате которого гунны стали бы обозначать славянским словом часть своей погребальной церемонии, которая, как известно, отличается особым консерватизмом. Следовательно, истоки погребальных традиций гуннов и связанной с этим терминологии уходят в более давние времена.

Против сторонников славянской и готской гипотез есть один весомый аргумент лингвистического характера – гунны, которых по языку относят к тюркам, просто не могли произносить название части свой погребальной церемонии как **strava**. Это не характерно для тюркских языков. Как уже отметили исследователи, Иордан пользовался греческим текстом несохранившегося описания похорон Аттилы, автором которого считается Приск. Следовательно, Иордан соотнес искаженный термин из языка гуннов с более знакомым ему словом. Обычно латинские словари дают следующее объяснение термина **strava** (*straba*): «куча трофейного оружия» [14, с. 957]. Однако существует мнение, что это слово попало в словарь латинского языка именно благодаря сочинению Иордана. Хотя не исключена возможность и того, что оно представляло в латинском языке такое же заимствование, как и в языке гуннов. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют представить дословный перевод интересующего нас текста сочинения Иордана в следующем виде: «...после всех этих рыданий они устраивают на его кургане *stravam* – так они сами называют громадное пиршество в честь усопшего»¹.

Следовательно, ни готская, ни славянская гипотезы не могут объяснить того, когда и как термин **страва** мог появиться у гуннов. В связи с этим особого внимания заслуживает гипотеза В. Арнима, в соответствии с которой данное слово имеет гуннское происхождение, т.е. гунны были с ним хорошо знакомы задолго до миграции в Европу. Доказательством этого, по мнению исследователя, является то, что в некоторых тюркских языках сохранились слова с подобной основой, но в значении «погребать труп» [15, с. 100 и сл.]. В данной ситуации вызывает определенный интерес комментарий Л.А. Гиндина и Ф.В. Шелова-Коведяева: «Но если считать это значение, то не будет удивительным сохранение его в качестве заимствования в периферийном для тюркских языков ареале – славянском» [12, с. 167]. Однако ни в современных тюркских языках, ни в раннесредневековых языках тюрков [16] слова, близкие

¹ Выражаю благодарность А.А. Хамраю за предоставленную информацию.

по форме и семантике термину **strava**, не имеют распространения. Следовательно, интересующий нас термин имеет неалтайское происхождение, т.е. он мог попасть к гуннам в результате контактов с неродственными им народами.

Поэтому имеет смысл определить, как соотносятся гуннский термин **strava** и славянская **страва** в семантической плоскости. В связи с этим большое значение может иметь сравнительный анализ погребальных обычаев гуннов и родственных им народов. Как отметили Л.А. Гиндин и Ф.В. Шелов-Коведяев при анализе обряда погребения Аттилы, «захоронение вместе со знатным покойным оружия, конской сбруи (иногда вместе с конями), многочисленной драгоценной утвари и украшений чрезвычайно характерно для всех кочевников – достаточно вспомнить инвентарь богатых скифских курганов (ср. описание погребения скифского царя в Hdt. IV.71.4)» [12, с. 168].

Описание погребения Аттилы, оставленное Иорданом, позволило выявить следующие черты погребального обряда гуннов:

- 1) оплакивание умершего, которое сопровождалось самоистязанием соплеменников умершего («... следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей»);
- 2) прощание с умершим («... среди степей в шелковом шатре поместили труп его... отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где он положен; при этом они в погребальных песнопениях... поминали его подвиги»);
- 3) сооружение кургана²;
- 4) *strava* («После того, как он был оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане “страву” (так называют это они сами)»);
- 5) связанный со «стравой» погребальный пир в честь умершего;
- 6) тайное захоронение умершего в нескольких гробах с вещами («... ночью, тайно труп предают земле, накрепко заключив его в [три] гроба – первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа... Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами³, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения...»);
- 7) человеческие жертвоприношения («Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело...») [1, с. 117-118].

² В данном случае смущает то, что в описании Иордана сначала соорудили курган и лишь после погребального пира захоронили тело Аттилы. Создается впечатление, что описание Иордана отличается произвольностью и непоследовательностью.

³ Если бы термин *strava* (*straba*) использовался в значении «куча трофейного оружия», как это отмечено в словарях латинского языка, то он был бы упомянут именно в этом фрагменте сочинения Иордана, а не в той части, которая предшествует описанию пиршества.

Аналогичная погребальная обрядность была зафиксирована и у древних тюрок – близкородственных гуннам творцов первого Тюркского каганата. Так, китайская династийная хроника «Тань-шу» о погребальном обряде тюрок-туго в начале VII в. сообщает следующие подробности:

- 1) подготовка к погребению умершего («Тело покойника полагают в палатке»);
- 2) жертвоприношение животных («Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву»);
- 3) прощание с умершим родственников («...семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях...»);
- 4) оплакивание умершего, которое сопровождалось самоистязанием соплеменников умершего («...потом пред входом в палатку ножом надрезают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают»);
- 5) кремация умершего («Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают; собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу»);
- 6) захоронение праха умершего в определенное время года («Умершего осенью или зимой хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего весной или летом хоронят, когда цветы начинают развертываться...»);
- 7) жертвоприношения в день смерти и во время похорон («В день похорон, так же, как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах») [17, с. 230].

В данном случае бросается в глаза то, что восточные тюрки вместо захоронения по обряду ингумации практиковали кремацию, что предполагало поэтапность в захоронении умершего. Кроме того, по сравнению с гуннским обрядом, у восточных тюрок последовательность погребальных действий несколько иная. И следует обратить внимание на то, что в описании не упомянуты человеческие жертвоприношения, как при погребении гуннского вождя. Это можно объяснить тем, что китайская хроника дала описание похорон не кагана тюрок, а рядового кочевника, но из главного племени тюрок. Описание завершающей стадии погребения правителя западных тюрок позволяет говорить о человеческих жертвоприношениях.

Для нас большой интерес представляет информация Менандра, согласно которой византийский посол Валентин, прибыв в ставку ябгу западных

тюрк в 576 г., узнал о смерти их правителя Дилзивула. Навстречу вышел его сын Турксанф и приказал византийцам, согласно существующей среди тюрков традиции, исцарапать ножом свои лица. Те выполнили его приказ. Далее Менандр сообщает, что в один из дней траура к Турксанфу привели четверых пленных «Унов» (гуннов – О.Б.) для принесения в жертву с конями в честь его отца. Турксанф повелел пленным перейти в Потусторонний мир, чтобы передать его отцу весть от тех, кто остался в живых [18, с. 421-422]. Получается, что у Менандра речь идет не о днях смерти и сожжения, а о периоде захоронения останков правителя западных тюрков, что могло иметь место и через несколько месяцев после его смерти и кремации.

Не меньший интерес для нас могут представлять погребальные традиции дагестанских гуннов в VII в., описание которых содержится в сочинении армяноязычного автора Мовсеса Каланкатуаци «История Албании», который отметил такую последовательность ритуальных действий в погребении умершего «гунна»:

- 1) прощание с умершим, которое сопровождалось самоистязанием соплеменников («Трубили [в трубы] и били в барабаны над трупами, ножом или палашом делали кровоточащие надрезы на своих щеках, на руках и ногах»);
- 2) состязания в честь умершего («То было адское зрелище, когда совершенно нагие мужчины – муж за мужем и отряд за отрядом – бились мечами на ристалище у могил. Многочисленные толпы людей состязались друг с другом, а после предавались разврату и скакали на лошадях то в ту, то в другую сторону»);
- 3) оплакивание умершего («Кто плакал и рыдал, а кто забавлялся по дьявольскому обычаю своему. Они забавлялись, резвились, пускались в пляски и предавались скверным поступкам») [19, с. 124].

Таким образом, сравнительный анализ погребальных традиций паннонских гуннов с родственными им группами Центральной Азии и Дагестана позволил выявить общие черты в погребальной обрядности, но в несколько иной последовательности: оплакивание умершего, прощание с покойником, захоронение умершего, человеческие жертвоприношения и т.п. В данном случае бросается в глаза то, что в описании погребения Аттилы отсутствуют такие элементы погребального обряда, как состязания в честь умершего и жертвоприношение животных. Однако вместо этого в описании Иордана присутствует термин *strava*. Следует отметить, что многие этнографы склонны рассматривать спортивные состязания на похоронах у кочевников как традицию замещения принесения в жертву людей и животных, что обуславливалось практическими соображениями. Так как человеческие жертвоприношения в описании Иордана присутствуют, то логичней считать, что термин *strava* должен был означать жертвоприношение животных, за которым следовал непосредственно пир в честь умершего, для обозначения которого Иордан использовал термин *commessatione*.

Однако истоки термина **strava** остаются неясными, если исходить из того, что у Иордана дана искаженная форма слова, и это при том, что данный термин явно неалтайского происхождения. В связи с этим имеет смысл обратить внимание на наблюдение Л.А. Гиндина и Ф.В. Шелова-Коведяева, согласно которому обряд погребения Аттилы напоминает «описание погребения скифского царя» у Геродота [12, с. 168].

Геродот оставил нам довольно детальное описание похорон скифских царей и других скифов в Четвертой книге своей «Истории греко-персидских войн». Поэтому имеет смысл определить основные элементы погребальной церемонии у царских скифов:

- 1) подготовка могилы к погребению и бальзамирование тела умершего;
- 2) транспортировка тела умершего на земли подвластных племен, сопровождаемая самоистязанием подданных в знак скорби;
- 3) богатое погребение царя в могильном склепе с дорогими вещами и жертвоприношениями людей и животных;
- 4) сооружение кургана;
- 5) по истечении года пышная тризна, сопровождаемая жертвоприношениями людей и животных (коней);
- 6) после похорон ритуальное очищение в специальной паровой бане [20, кн. IV, §§ 71-73].

Весьма характерно, что осетины, в которых видят потомков ираноязычных аланов, еще в XIX в. продолжали придерживаться аналогичных погребальных традиций. Осетинская погребально-поминальная обрядность в свое время стала объектом исследований В.Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля, Б.А. Калоева и других исследователей. Данные этнографии свидетельствуют о том, что осетинскому погребальному обряду были присущи следующие черты:

- 1) о смерти родственников извещал специальный «печальный вестник»;
- 2) во время оплакивания имело место самоистязание родственников умершего;
- 3) родственники покойника по родительской линии трижды обходили вокруг покойника на коленях;
- 4) покойника одевали в наилучшую одежду и клали в могилу оружие и бытовые вещи;
- 5) обряд посвящения коня покойнику;
- 6) одновременно с посвящением коня вдова отрезала косу и клала ее в могилу;
- 7) во время похорон и поминок, через год устраивали в честь покойника конные состязания – **дугъ**, где конь-победитель посвящался покойнику;
- 8) покойника везли на кладбище не только на телеге, но и на санях, несмотря на время года;
- 9) по завершению похорон на могиле разжигали костер;

10) поминки устраивали по завершению похорон и на протяжении года – 12 больших и маленьких поминок.

По наблюдениям исследователей, осетинский погребальный обряд сохранил многие традиции погребальной обрядности древних кочевников, уходящие корнями в скифо-сарматскую эпоху, и поэтому может в значительной степени дополнять отрывочные сведения письменных источников. При этом было отмечено, что конные состязания в честь умершего, обряд посвящения коня умершему и отрезание косы у вдовы из практических соображений были призваны заменить жертвоприношения животных и людей [21; 22, с. 72-105; 23, с. 188-198]. Таким образом, осетинский материал демонстрирует не только сходство погребальных традиций с гуннскими, но и со скифскими. А это означает, что прообразом для кочевников времен поздней античности стали погребальные традиции номадов скифского времени.

В результате можно предполагать, что предки гуннов, еще находясь в Центральной Азии, могли испытать значительное влияние со стороны ираноязычных племен в таких консервативных традициях, как погребальные. Результаты археологических раскопок подтверждают это предположение.

В связи с этим следует вспомнить, что в Туве М.П. Грязновым был исследован курган Аржан. Это была гробница царя с элементами погребального обряда, который был похож на скифский, описанный Геродотом: захоронения царя и «царицы» были расположены в центре; вокруг них были обнаружены погребения семи старцев и одного юноши с шестью конями; по краям этой большой могилы были похоронены почти 160 коней и т.п. Вещи из этих захоронений имели определенное сходство с инвентарем из скифских курганов в Северном Причерноморье. Несмотря на это, М.П. Грязнов датировал курган Аржан VIII-VII вв. до н. э. В результате исследователь высказал предположение, что, начиная с VII в. до н.э., общая скифо-сибирская культура начала формироваться на территории от степей Центральной Азии до земель Северного Причерноморья [24, с. 45-59]. Однако Л.Р. Кизласов датировал курган Аржан VII-VI вв. до н. э. Он склонен связывать этот погребальный памятник с ираноязычными пришельцами с Запада – саками. В результате исследователь пришел к выводу, что население Тувы уже в ранний скифский период было смешанным [25, с. 35-41].

Ситуация же с Пазырыкскими курганами может свидетельствовать о возможном симбиозе традиций индоевропейского и алтайского населения на Алтае. Благодаря вечной мерзлоте погребальная церемония была реконструирована в деталях. В результате удалось установить, что погребальные традиции на Пазырыкских и скифских курганах имели много общего. При этом очень многое из этих погребений на Алтае хорошо соотносится как с описанием Геродота, так и с данными Иордана о гуннах и китайских авторов о древних тюрках: до начала захоронения тела умерших подвергались бальзамированию,

как у царских скифов; под курганными насыпями были похоронены, как и в случае с царскими скифами, лишь цари и представители знати; погребения осуществлялись только в определенный период года (весной или осенью), как это было у ранних тюрков; ориентированы погребенные были головой на восток, а лицом на запад; все мускулы были удалены с тела покойника, возможно, с целью их ритуального поедания, что практиковалось у геродотовых массагетов и исседонов; оружие, другие вещи, пища и убитые кони были положены в могилу, что можно наблюдать у геродотовых скифов и ранних тюрков; над могилой строили большой курган, как это делали геродотовы скифы и древние тюрки; после похорон совершалось ритуальное очищение, которое наблюдаем у геродотовых скифов; богатые похороны и поминки на месте погребения, как это делали геродотовы скифы и гунны. Исследователь памятника С.И. Руденко датировал Пазырыкские курганы Алтая V-IV вв. до н. э. И, что важно, он отметил смешанный антропологический тип древних жителей Алтая – там были погребены как европеоиды, так и монголоиды. На основании этих наблюдений исследователь сделал следующий вывод: «у многочисленных племен, которые различались по своему происхождению и языку и которые были расселены в эту эпоху на пространствах восточноевропейских и азиатских степей и предгорий, при наличии одного и того же занятия – пасторального и кочевого скотоводства, вследствие взаимных связей, и общественный порядок, и идеология во многом были близки, но с различными своеобразными местными особенностями». В результате эта уникальная культура не исчезла на Алтае и вошла как составная часть в культуру тюркоязычных народов, которая формировалась не только на Алтае, а и во всей Центральной Азии [26, с. 62-69, 326-361]. Следовательно, многие элементы скифского погребального обряда могли попасть к предкам гуннов еще в степях Центральной Азии задолго до нашей эры.

Сегодня многие исследователи придерживаются того мнения, что формирование гуннской конфедерации племен началось в Центральной Азии еще до нашей эры. По мере продвижения на Запад «хунны» взаимодействовали с кочевыми племенами иранского происхождения в Центральной Азии и Восточной Европе – саками, массагетами, аланами и т.п. Не исключено, что многие племена и роды ираноязычных номадов были включены в состав «хуннской» (гуннской) конфедерации. Это должно было предполагать интенсивность контактов, что могло отобразиться и на идеологии верхушки гуннского общества. Может быть поэтому погребальный обряд гуннов был подобен погребальным традициям не только ранних тюрков, но и скифов и других ираноязычных народов.

Следовательно, если гунны унаследовали от своих предшественников многие погребальные традиции, то вместе с ними они могли унаследовать и связанную с этим терминологию погребально-поминального характера. Как

уже было отмечено, ираноязычные народы при похоронах особо знатных лиц практиковали не только жертвоприношения людей, но и животных. Уже было акцентировано внимание на том, что Иордан, описывая похороны Аттилы, упомянул о человеческих жертвоприношениях, хотя у него нет прямого указания о принесении в жертву животных. Поэтому имеются основания предполагать, что для обозначения этого обряда Иордан мог использовать знакомый ему термин *strava*, вместо используемого гуннами близкого по форме и содержанию заимствования из других языков. В связи с этим особый интерес может представлять специальная терминология из современного осетинского языка, который имеет непосредственное отношение к языку аланов, находившихся в период поздней античности в интенсивных контактах с гуннами.

Так, В.И. Абаев в современном осетинском языке зафиксировал термин *st'aelyn* : *st'aeld*, который имеет следующие значения — «гибнуть», «пропадать», «околевать» и т.п. [27, с. 163]. Если исходить из того, что древнеиранское *-r-* в современных иранских языках имеет тенденцию переходить в *-l-*, то можно вполне согласиться с мнением В.И. Абаева, что данный термин происходит от древнего иранского **starya-*, который восходит к общеиндоевропейскому **star-*, **ster-* — «становиться неподвижным, мертвым», а также «засыхать, становиться бесплодным» [27, с. 163]. В качестве доказательства этой этимологии В.И. Абаев привел следующие параллели: «...перс. *satarvan* 'бесплодный', др. инд. *stari-* 'бесплодная корова', русск. *стерва* 'падаль', др. русск. *стърва* 'труп', русск. *стербнуть* 'делаться жестким', 'цепенеть', 'отмирать', нем. *sterben*, нидерл. *sterven* 'умирать', англ. *starve* 'умирать с голоду', 'околевать'; далее нем. *starr* 'неподвижный', 'оцепенелый', ст. слав. *starь* 'старый', лат. *sterilis*, гр. *στεῖρος* 'бесплодный', *στεῖρφος* 'твердый', 'бесплодный'...» [27, с. 163]. На основании этого В.И. Абаев сделал следующий вывод: «...ос. *st'aelyn* по семантике стоит ближе к некоторым славяно-германским фактам (значение 'умирать') и с этой стороны может быть причислено к скифо-европейским изгlossам» [27, с. 163-164]. Однако в данной ситуации следует обратить внимание на то, что во многих индоевропейских языках слова с подобной основой имеют множество других семантических значений.

Наибольший интерес представляет славянский материал. Это, прежде всего, касается славянского *стерва*, этимологию которого М. Фасмер вывел из индоевропейских языков в значении «падаль, труп». Исследователь также отметил, что некоторые филологи «считают исходным знач. 'разлагаться, гнить' и сближают с лтш. *stērdet* 'сохнуть, гнить'..., норв. диал. *stor* ср. р. 'гниение, тлен', *stora*, *storna* 'гнить, истлевать', лат. *stercus*, род. п. — *oris* ср. р. 'навоз, помет', авест. *star* - 'осквернять себя, грешить', др.-перс. *strav* - 'осквернять себя'...». При этом М. Фасмер отметил, что «невероятно сближение со **sterti* (см. *простереть*), лат. *sternō*, -re 'расстилать', др. инд. *stṛṇōti* 'усыпает'...», а также «необосновано предположение о заимствовании

из герм. – д-в-н. *sterbo...*» [28, с. 756-757]. Со своей стороны И.И. Срезневский в своем «Словаре древнерусского языка» слово *стърв–стерво* определил как «труп» и сравнил его с литовским *sterva* – «падаль» [29, с. 586]. Однако наиболее интересную этимологию русского *стерва* можно встретить у В.И. Даля.

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» дает следующее объяснение слова: «*Стерва* ж. и *стерво* – труп околевшего животного, скота, падаль, мертвечина, дохлятина, упадь, дохлая, палая скотина». При этом им приведены производные слова: *стервятина* – «падалина, мертвечина, мясо палого животного»; *стервятник* – «медведь, питающийся падалью», а также «большой черный орел, могильник» и т.п. [30, с. 541-542]. Таким образом, изначально слово *стерва* в славянских языках должно было означать мертвое животное, прежде всего скот. При этом нет сомнений в том, что оно связано с древним индоевропейским **star-*, **ster-*. Не меньший интерес могут представлять и данные об индоиранских языках.

В данной ситуации обращает на себя внимание то, что древнеиндийское *stari-* имеет значение «бесплодная корова» [27, с. 163]. Подобную ситуацию мы можем наблюдать в близкородственных индоарийским иранских языках. В некоторых памирских языках, которые традиционно из всех иранских считаются наиболее изолированными, существуют близкие по форме и семантике слова. Так, в ваханском языке был зафиксирован термин *strin*, который означает «яловая, бесплодная (о скоте)» [31, с. 452]. А в мунджанском языке отмечено родственное слово *šínǰéya* – «яловая, нестельная корова», которое, по мнению И.М. Стеблин-Каменского, связано с древнеиранским **stanni-*, древнеиндийским *stari-*, шугнанским *sitir*, сарикольским *stir*, персидским *satarvan* («стерилизованная, бесплодная женщина») [32, с. 151; 33, с. 317-318]. Весьма характерно, что в других иранских языках родственные термины обозначают просто скот. Так, в осетинском языке для обозначения коровы или быка используют термин *stur* [27, с. 155]; в язгулямском языке мелкий рогатый скот обозначают словом *seter* [34, с. 240]; в бартангском для обозначения крупного рогатого скота используются термины *sitür*, *sutür* [35, с. 154-155]; в мунджанском языке для обозначения рогатого скота существует – *setür* [36, с. 357]; для обозначения крупного рогатого скота в шугнанском языке использовалось слово *situr* [37, с. 230]; в ягнобском мелкий рогатый скот обозначали терминами *sütur*, *s'tur*, *stur* [38, с. 324]. Исследователи единодушны во мнении, что прообразом всех этих слов была авестийская форма *staura*, служащая для обозначения скота [39, с. 319]. Однако так и непонятно, почему в некоторых современных иранских языках подобные термины используются для обозначения именно бесплодного, ялового скота?

Не исключено, что данные сравнительного индоевропейского языкознания помогут объяснить ситуацию. Особый интерес могут представлять

сведения о славянских языках, где обычно для обозначения бесплодного скота используют термин **яловая**. М. Фасмер дает объяснение этого термина в русском языке следующим образом: «**яловый, ялый** ‘бесплодный, необрабатываемый (о земле)’, *яловица* ‘нетелящаяся корова’...» [40, с. 554–555]. Однако наиболее интересное объяснение содержится в «Словаре» В.И. Даля: «**ЯЛОВЫЙ** скот, говорится только о самках, яловая, нестельная, несугня, нежеребая, без приплоду, порозжая, праздная; не давшая еще приплоду. ... Яловка, яловица, яловая или сиб. ялая корова, юница, телица, молодая коровка, не приносившая еще теленка; трехлетка, нетель» [30]. При этом В.И. Даль слово **нетель** объясняет следующим образом: «молодая, нетелившаяся корова, яловка, яловица. яловая корова, нестельная на сей раз, гулевая, порозжая, праздная; яловка, нетель, еще ни разу не телившаяся. нетёл м. то же, но в знач. качества, состояния. за нетёл, по нетёлу, корова продана на убой» [30]. Следовательно, яловая, бесплодная корова считалась бесполезной и подлежала умерщвлению. В данной ситуации имеет резон считать, что древнеиранский термин **staura** изначально мог означать лишь животное, предназначенное для умерщвления, что со временем в большинстве случаев приобрело обозначение для всего скота. Следовательно, древнеиранский термин **staura** мог быть семантически и по форме связанным с индоевропейским ***star-**, потому что изначально означал убитых, умерщвленных животных. В данной ситуации возникает вопрос: не связано ли происхождение славянского **страва** с этими, казалось бы, противоположными по семантике древними терминами?

Имеет смысл рассмотреть изменение значений славянского **страва** во временном аспекте – от современности к более давним временам. Так, М. Фасмер дал следующее объяснение: «**страва** ‘пища, кушанье’, зап., *строва* – то же, севск (Преобр.), укр., блр. *страва*, др.-русс. *страва* (полоцк. Грам 1478 г.; см. Срезн. III, 530), чеш., слов. *strava*, польск. *strawa, potrawa*. Из ***st̥rava**, связанного с трава, травить...» [28, с. 770]. В.И. Даль аналогичным образом объяснил ситуацию, связанную с употреблением слова в XIX в.: «**страва** ж. польск, зап. пск, юж. орл. нврс. – пища, ежа, кушанье, яство, блюдо, особ. жидкие, похлебка, варево. Замечательно, что слово это, как и несколько других односложных, в иных акающих местностях (вор. Кур.) произносится *строва*» [30, с. 560]. Однако в средние века ситуация была несколько иной.

Так, И.И. Срезневский в своем «Словаре древнерусского языка» отметил следующие значения для слова «страва (или сътрава?)» – «продовольствие, довольствие», «подать» [29, с. 530]. Как уже отмечалось, А.А. Котляревский указал на то, что слово **страва** было упомянуто «в памятниках старой чешской письменности и именно со значением погребальных поминок, пира по смерти» [7, с. 39]. Следовательно, в давние времена термином **страва** славяне могли обозначать все, что было связано с погребальным пиршеством, которое должно было начинаться с жертвоприношения животных.

Однако имеются основания считать, что у славян процесс принесения в жертву животных и поедания этих животных обозначался термином, более близким к древнему индоевропейскому **star-*, чем к *strava*. К этим выводам приводит ситуация со словами «стербать, стербануть» и «стербнуть». М. Фасмер этимологию первых двух слов объясняет следующим образом: «**стербать**, стербануть ‘хлебать, опрокинуть (напр., водку)’». Согласно Преобр. (II, 276), связано с *сербать*. Неясно *-т-*» [28, с. 756]. И тут же М. Фасмер дает этимологию близкого термина **стербнуть**: «‘делаться жестким, цепенеть, отмирать’, укр. *остербати*, *остербнути* ‘выздороветь, оцепенеть, затечь’, др.-русск. *усторобити ся* ‘выздороветь’, *устребе* 3 л. ед. ч. аор. ḡbrŭvŋŋ, ст.-слав. **страбити**, **оустрабити** ‘выздороветь’ (Euch. Sin., Супр.), цслав. *стръбль*, *стръбъкъ* ‘здоровый, крепкий’, *устрада* ‘выздоровление’, сербохорв. *острабити* ‘вылечить’... Праслав. **stǫrb-*: **storb-*, связанные отношением старого отношения гласных, родственны д.-в.н. *stǣrban* ‘умирать’, собственно ‘делаться неподвижным’...» [28, с. 756].

В итоге следует отметить, что в одних славянских языках глагол с основой **стерб-** обозначал смерть, а в других – выздоровление. В данном случае можно наблюдать характерное для индоевропейских языков явление, когда одни и те же термины в родственных языках могут иметь совершенно противоположные семантические значения (напр. русск. *уродливая* – укр. *вродлива* и т.п.). В итоге на примере употребления **стербать**, **стербануть** и **стербнуть** мы видим, что в славянских языках практически идентичные по форме термины обозначают два, казалось бы, не связанные между собой явления – пищу и смерть. Это наводит на мысль, что в основе их было слово, которое использовалось для обозначения прообраза этих понятий – «жертвоприношение животного, жертвенная пища». Следовательно, исконным термином у славян для обозначения жертвоприношения и тризны был **sterba*. Однако на примере праславянского **storb* и старославянского *сmpабуми* можно предполагать, что в древнеславянском языке могли иметь место перестановка и чередование гласных. А это может означать, что слово *strava* с аналогичным значением могло представлять собой не заимствование из иных языков индоевропейского происхождения, а результат трансформации древнеславянского **стерба* в *сmpава* [28, с. 756]. Однако в данной ситуации смущает то, что в славянских языках термин *сmpава* находится в обособленном положении, в то время как там получили широкое распространение термины, восходящие к индоевропейскому **sterv-* – *стерва*, *стервятина*, *стервятник*, *стербать*, *стербануть*, *стербнуть* и т.п. Это можно объяснить лишь тем, что термин *сmpава* у славян представлял заимствование из других индоевропейских языков, весьма отличных от германских. Этими соседями для славян могли являться, в первую очередь, племена ираноязычных кочевников юга Восточной Европы. Поэтому необходимо выяснить,

происходили ли аналогичные процессы в иранских языках, вне зависимости от славянских.

Как уже отмечалось, во многих современных иранских языках существует обозначение для скота, восходящее к авестийскому *staura* [39, с. 319]. В то же время существование в персидском термина *satarvan* – «бесплодный» позволяет считать, что в ряде иранских языков для обозначения бесплодного скота мог сохраняться более древний термин **starva*. Однако в иранских языках **starva*, в отличие от славянских, не трансформировалось в обозначение пищи, а продолжало длительное время служить для обозначения бесплодного, т.е. предназначенного для умерщвления животного. Поэтому небезынтересно знать, мог ли в одной из групп кочевых иранских племен термин **starva* трансформироваться в **strava*? Это предполагает собой возможную для иранских языков перестановку гласных. В качестве свидетельства возможности этого необходимо отметить древнеперсидское *strav-* – «осквернять себя» (прикасаться к мертвому – О.Б.) [28, с. 756-757], а также ваханское обозначение для бесплодного скота *strin* [31, с. 452], где, в отличие от древнеиранского *staura*, гласный стоит после *-r-*. Таким образом, не исключена возможность, что славянская *cmpasa* произошла от древнеиранского **starva*. В данном случае нельзя отрицать того, что предки гуннов могли заимствовать в степи от древних иранцев один из вариантов для обозначения жертвенных животных – **starva* или **strava*. В этом случае в языке гуннов, который традиционно относят к алтайским, он приобрел бы вид **istarva* / **istrava*. Неизвестно, в каком варианте название данного элемента погребального обряда гуннов попало в несохранившийся текст сочинения Приска, который использовал Иордан. Следовательно, до нас термин *strava* дошел в интерпретации самого Иордана.

Обычно исследователи обращают внимание на готское происхождение Иордана и на основании этого строят свои предположения. Однако Е.Ч. Скржинская была склонна считать, что Иордан имел родственные связи с аланами. В качестве доказательства этого она привела следующие аргументы: «В кратких словах (§ 266) Иордан очертил свой род и сообщил о “фамильной”, так сказать, профессии: его дед и он сам были нотариями. Имя отца Иордана скрыто в явно испорченном переписчиками длинном слове *Alanoviiamuthis* (в разночтениях *Alaniuuamuthis*, *Alanouuamochthis*). Наиболее убедительной представляется такая осмысливающая это нелепое слово поправка: “*Cuius Candacis, Alan [orum ducis], Viiamuthis, patris mei, genitor Paria, id est meus avus, notarius... fuit*”. Если допустимо такое расчленение слова “*Alanoviiamuthis*”, то, следовательно, отец Иордана носил готское имя Вийамутис или Вийамут (*Viiamuthis* — *Veihamôts* у И. Фридриха или *Wiljamops* у Ф.А. Брауна). В автобиографической справке в § 266 Иордан как бы старается дать уточняющее пояснение: он повторяет, что Кандак, которому служил его дед, и есть тот

самый Кандак, который был вождем аланов, и что его, Иордана, дед, по имени Пария, и есть, естественно, родитель его отца Вийамута. Надо думать, что Пария состоял нотарием при аланском вожде Кандаке долгое время, во всяком случае до смерти последнего. По стопам деда пошел и внук. Он был нотарием у крупного военачальника Гунтигиса Базы, который приходился племянником Кандаку по матери. По отцу Гунтигис База был готом из знатнейшего рода Амалов. Иордан указывает имена двух Амалов: отца Гунтигиса звали Андагом (Andagis, Andag), деда – Анделой (Andela)» [41, с. 14-15]. Это и дает основания считать, что Иордан мог знать язык аланов. Таким образом, Иордан должен был узнать в тексте Приска знакомый ему термин, но в искаженном виде. В результате Иордан зафиксировал во фрагменте своего сочинения слово, которое соответствовало языку аланов начала VI в. – *strava*. Именно так аланы должны были называть обряд, непосредственно связанный с началом поминальной тризны. Наличие такого же термина среди славян лишь один раз может свидетельствовать в пользу того, что в значениях «принесенное в жертву животное, жертвенная пища» он к ним мог попасть от ираноязычных соседей – аланов в эпоху Великого переселения народов. А это не исключает того, что термин *strava* попал в словари латинского языка именно благодаря сочинению Иордана, где получил не совсем убедительное объяснение со стороны составителей словарей.

Скептики в качестве контраргумента могут указать на возможность заимствования термина иранскими племенами от славян. Однако у славян он обозначал как пищу, так и поминальную тризну, тогда как у иранцев он служил лишь для обозначения бесплодного скота, т.е. предназначенного для принесения в жертву. К тому же подобные термины для обозначения скота получили распространение у ираноязычных народов далеко от границ славянского мира. Как уже отмечалось, вполне очевидно, что гунны унаследовали от своих ираноязычных предшественников в степи многие элементы погребального обряда, что предполагало заимствование и специальной терминологии. Трудно представить, чтобы погребальный обряд славян и связанная с ним терминология могли оказать значительное воздействие на пришедших из Центральной Азии завоевателей-гуннов. Данные этнографии свидетельствуют о том, что погребальные традиции многих тюркоязычных народов степей Центральной Азии до сих пор сохраняют традиции древних номадов и находят также определенные соответствия в традициях осетин – потомков кавказских аланов.

Так, у казахов, киргизов и других скотоводческих народов Центральной Азии особое внимание уделялось конным состязаниям в честь умершего и принесению в жертву животного на поминках, что имело непосредственную связь с поминальной тризной. При этом на поминках особое внимание уделялось жертвенному животному, тело которого во время поминальной тризны было распределено следующим образом: голову животного ставили перед

наиболее почетными лицами; ребра, кусочек печени, шеи – табунщику; ноги и почки – мальчикам [42, с. 65-66]. Таким образом, у кочевников обряд принесения в жертву животных в честь умершего и поминальная тризна были взаимосвязаны, т.е. практически представляли одну общую церемонию.

В итоге необходимо отметить, что ни готская, ни славянская гипотезы не могут объяснить того, когда и как термин «страва» мог появиться у гуннов. В данной ситуации весьма удивляет то, что до сих пор исследователи практически игнорировали возможность как алтайского (тюрко-монгольского), так и иранского происхождения термина. В результате проведенного исследования удалось прийти к выводу об иранских истоках термина *сmpasa*, бытовавшего как среди гуннов, так и среди славян. В общих чертах ситуация выглядит следующим образом.

У древнейших индоевропейцев мог существовать термин **star-*, **ster-*, который, помимо семантических значений, «станет неподвижным, мертвым», мог также означать «быть убитым, умерщвленным». Производным от него, соответственно, мог стать термин **starva* / **starba* в значениях «жертва, убитое животное и т.п.». Весьма характерно, что вплоть до недавнего времени германские, балтийские и славянские языки сохраняли производные от этих древних слов практически с первоначальными семантическими значениями. Однако в момент отделения индо-иранских скотоводческих племен от общего массива индоевропейцев развитие терминов данного типа пошло в двух направлениях. У индоиранцев в период их общности термины, производные от **star-*, несколько изменили свои семантические значения. Если изначально их использовали для обозначения принесенных в жертву животных (крупный и мелкий рогатый скот), то очень скоро они стали обозначать бесплодный, т.е. бесполезный скот, который подлежал умерщвлению. В период отдельного существования иранской общности термины, производные от **star-*, **starv-*, у одних ираноязычных народов продолжали использоваться для обозначения бесплодного скота или просто в значении «бесплодный», у других – они трансформировались в обозначение для всего скота. Существующие аналогии позволяют считать, что у ираноязычных кочевников Евразийской степи подобные термины долгое время сохраняли семантические значения «бесплодный скот», «жертвенные животные», «жертвоприношения животных». Данные иранского языкознания свидетельствуют в пользу того, что в одной из групп кочевых иранских племен термин **starva* мог трансформироваться в **strava*. От этих ираноязычных кочевников он мог и попасть к предкам гуннов вместе со многими элементами погребального обряда. Однако определить, когда и где это могло иметь место, не представляется возможным. В языке гуннов, который традиционно относят к алтайским, он мог трансформироваться либо в **istarva*, либо в **istrava*. Судя по содержанию сообщения Иордана, так гунны могли обозначать жертвоприношение животных, что было

непосредственно связано с поминальной тризной. Иордан в своем сочинении «Гетика» отметил, что сведения о гуннах он заимствовал из несохранившихся фрагментов сочинения Приска. Следовательно, до нас термин **strava** дошел в интерпретации самого Иордана. Исходя из того, что Иордан имел родственные связи не только с готами, но и с аланами, логично считать, что он знал, кроме других языков, и аланский язык. В результате Иордан зафиксировал во фрагменте своего сочинения слово в соответствии нормам языка аланов начала VI в. – **strava**. Наличие именно такого же термина среди славян лишней раз может свидетельствовать в пользу того, что именно в такой форме и в значении «жертвенная пища, умерщвленное животное» он к ним мог попасть от ираноязычных соседей – аланов в эпоху Великого переселения народов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер. с лат. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
2. Grimm Jac. Über Jordandes und die Geten // Kleinere Schriften. Berlin, 1866. III.
3. Jordanis. Getica / Ed. Th. Momsen. Berlin, 1885.
4. Schwartz E. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956.
5. Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939.
6. Шафарик П. Славянские древности. М., 1837. Т. 1. Кн. 2.
7. Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.
8. Скржинская Е.Ч. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
9. Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М., 1973.
10. Сотиров Г. Странности ономастики и лексики раннеготского языка // <http://artifact.org.ru/proverka-na-mestnosti/sotirov-g-strannosti-onomastiki-i-leksiki-rannegotskogo-yazika.html>
11. Гиндин Л.А. Обряд погребения Аттилы и «тризна» Ольги по Игорю // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: погребальный обряд. Тез. науч. конф. М., 1986.
12. Гиндин Л.А., Шелов-Коведяев Ф.В. Strava // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I.
13. Топоров В.Н. Qium Иордана (Getica 27-28) и готско-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
14. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е. М., 1976.
15. Arnim V. Bemerkungen zum Hunnischen // Zeitschrift für Slawische Philologie. Heidelberg, 1936. Bd. 13.
16. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
17. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I.
18. Менандр. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1860.
19. Мовсес Калакатуаци. История страны Алуанк / Пер. Ш.В. Смбацяна. Ереван, 1984.
20. Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
21. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1882. Т. II.
22. Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XIX вв. // Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Т. VIII.
23. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.

24. Грязнов М.П. Аржан: царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
25. Кызласов Л.П. Древняя Тува. М., 1979.
26. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
27. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. III.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. III.
29. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 3. Ч. 1.
30. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание. В 4-х т. М., 2003. Т. 4.
31. Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. М., 1976.
32. Стеблин-Каменский И.М. Рецензия на: Грюнберг А.Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). Л.: ЛО изд-ва "Наука", 1972 // Вопросы языкознания. 1974. № 3.
33. Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
34. Эдельман Д.И. Язгулямско-русский словарь. М., 1971.
35. Соколова В.С. Бартангские тексты и словарь. М., 1960.
36. Грюнберг А.Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). Л., 1972 .
37. Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М.; Л., 1960.
38. Андреев М.С., Пещерева Е.М. Ягнобские тексты. М.; Л., 1957.
39. Соколов С.Н. Язык Авесты. Л., 1964.
40. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. IV.
41. Скржинская Е.Ч. Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер. с лат. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
42. Калоев Б.А. Этнографические данные о связях этногенеза осетин со Средней Азией // Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999.

Бубенок О.Б.

Термин *strava* в «Гетике» Иордана (к вопросу о семантике и происхождении слова)

Резюме

Уже довольно длительное время среди исследователей текста сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (*Getica*) вызывает большой интерес пассаж, содержащийся в описании похорон гуннского вождя Аттилы. Там Иордан упомянул термин ***strava***, который служил для обозначения обряда, имеющего непосредственное отношение к поминальной тризне. Именно неопределенные данные об употреблении слова ***strava*** уже давно породили немало гипотез о происхождении термина, наиболее популярными из которых стали готская и славянская. Однако ни одна из них не может объяснить, когда и как термин «страва» мог появиться у гуннов и что он обозначал.

В результате сравнительного анализа погребальных обычаев гуннов и родственных им народов (древних тюрок, дагестанских гуннов) удалось прийти к выводу, что термин ***strava*** в сочинении Иордана соответствовал обряду жертвоприношения животных, что находилось в непосредственной связи с поминальной тризной. Кроме того, погребальные традиции гуннов Иордана во многом повторяли погребальную церемо-

нию царських скифів, описану Геродотом. Результати археологічних розкопок, проведені на пам'ятниках скифо-сарматського часу в Центральній Азії, дозволяють вважати, що предки гуннів, ще перебуваючи в Центральній Азії, могли зазнавати значного впливу з боку іраномовних племен в таких дуже консервативних традиціях, як поховальні. А це передбачало і заимствование відповідної термінології ідеологічного характеру. Дані іранського мовознавства дозволяють вважати, що у іраномовних кочовиків Євразійської степу існували терміни типу ***strava**, які мали семантичні значення – «стерильний скот», «забиті тварини» і т.п. Отже, від іраномовних кочовиків один з них міг потрапити до предків гуннів і трансформуватися в іншу форму. Однак визначити, коли і де це могло мати місце, не представляється можливим. Немає сумнівів в тому, що до Йордана даний термін дійшов з перетвореннями. Так як Йордан мав безпосереднє відношення до аланів, то він міг зафіксувати в своєму творі даний термін в формі, відповідній терміну з мови аланів початку VI в. – **strava**. Наявність саме такого ж слова серед славян лишній раз може свідчити лише на користь одного і того ж джерела заимствования – іраномовні народи Євразійської степу.

Бубенок О.Б.

Термін *strava* у «Гетиці» Йордана (до питання про семантику і походження слова)

Резюме

Уже досить тривалий час для дослідників тексту твору Йордана «Про походження і діяння гетів» (*Getica*) становить великий інтерес пасаж, що міститься в описі поховання гуннського вождя Аттіли. Там Йордан згадав термін **strava**, що використовувався для позначення обряду, який мав безпосереднє відношення до поминальної тризни. Саме невизначені дані про вживання слова **strava** вже давно породили чимало гіпотез про походження терміну, найбільш популярними з яких стали готська і слов'янська. Однак жодна з них не може пояснити, коли і як термін «страва» міг з'явитися в гуннів і що він позначав.

За результатом порівняльного аналізу поховальних обрядів гуннів і споріднених з ними народів (давніх тюрків, дагестанських гуннів) вдалося дійти висновку, що термін **strava** у творі Йордана відповідав обряду жертвоприношення тварин, який знаходився в безпосередньому зв'язку з поминальною тризною. Крім того, поховальні традиції гуннів Йордана багато в чому повторювали поховальну церемонію царських скифів, яку описав Геродот. Результати археологічних розкопок, які були проведені на пам'ятниках скифо-сарматського часу в Центральній Азії, дозволяють вважати, що предки гуннів, ще перебуваючи у Центральній Азії, могли зазнати значного впливу з боку іраномовних племен у таких дуже консервативних традиціях, як поховальні. А це припускало і запозичення відповідної термінології ідеологічного характеру. Дані іранського мовознавства дозволяють вважати, що в іраномовних кочовиків Євразійського степу існували терміни типу ***strava**, які мали семантичні значення – «стерильна худоба», «забиті тварини», тощо. Отже, від іраномовних кочовиків один з них міг потрапити до предків

гнів і трансформуватися в іншу форму. Однак визначити, коли і де це могло статися, не є можливим. Немає сумнівів у тому, що до Йордана даний термін дійшов у викривленому вигляді. Зважаючи на те, що Йордан мав безпосереднє відношення до аланів, є підстави вважати, що він міг зафіксувати у своєму творі дане слово у формі, що відповідала терміну з мови аланів початку VI ст. – **strava**. Наявність саме такого ж слова серед слов'ян зайвий раз може свідчити на користь того ж самого джерела запозичення – іраномовні народи Євразійського степу.

Bubenok O. B.

**Term *strava* in “Getica” by Jordan
(on the problem of semantics and the origin of the word)**

Summary

For rather a long time researchers of the text from Jordan's work “On the origin and activities of Getica” have been interested in the way the funeral of the Huns' leader Attila was described. There Iordannis mentioned the term **strava**, which marked a part of ceremony before the funeral feast. Unfortunately, the data on the semantics of this word are not determined. Therefore, there were many hypotheses, among them Slavic and Gothian were the most popular. However, none of them can explain when and how the term **strava** appeared among the Huns and what it meant?

According to the comparative analysis of funeral customs of the Huns and kindred peoples (Ancient Turks and Dagestani Huns) we came to the conclusion that the term **strava** in “Getica” by Iordannis corresponded to the rite of sacrificing animals before the funeral feast. Besides, the funeral traditions of Iordannis' Huns and Herodotus' Scythians were similar. According to the data of archeological excavations on the monuments of Scythian-Sarmatian period in the Central Asia, enable us to think that ancestors of the Huns could have been influenced from Iranophone tribes in such very conservative traditions as funeral. As a result they could borrow and adopt special terms of ideological character. The data of Iranian languages studies evidence about the spreading the term like **strava** meaning “sterile cattle”, “killed animal” among the Iranophone Nomads of the Eurasian steppe. Thus, one of them could be spread to the ancestors of the Huns and, as a result, could be transformed into another form. However, it is impossible to determine when and where it took place. Undoubtedly, Iordannis received this term already transformed. Iordannis had direct relations with the Alans and, therefore, he could fix it in his work according to the norms of the Alanian language of the beginning of the 6th century AD – **strava**. This word had also spread among the Slavs and, therefore, we can testify to the fact that the Slaves could adopt it from Iranophone Nomads as well.

К. ЦУКЕРМАН

ПОЛИТИКА ВИЗАНТИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ПО ДАННЫМ *NOTITIAE EPISCOPATUUM* *

Имперское тысячелетие в Северо-Восточном Понте.

Преступая границы традиционной периодизации, I-XI вв. образуют в Понтийском регионе единый исторический период. Побережье Черного моря становится сценой драмы в трех актах, разыгранной двумя актерами, которые на протяжении тысячелетия лишь меняли костюмы: Империя, будь она Римской, Позднеримской или Византийской, и кочевники, известные под множеством имен.

В первом акте молодая Римская империя в ходе консолидации своих границ по Дунаю и своей власти над союзными кавказскими царьками сталкивается с мощной волной миграции из Центральной Азии под предводительством алан. В конце I – начале II вв. Рим отвечает на нее усилением военного присутствия по всему периметру Черного моря, включая его малодоступную восточную оконечность. Набеги готов во второй половине III в. ослабляют хватку империи в регионе, который она так и не успевает вновь себе полностью подчинить до последовавшего столетие спустя нашествия гуннов. Второй акт начинается на апогее «Поздней Империи», в начале царствования Юстиниана, когда имперские силы восстанавливают плацдармы на Боспоре и в Лазике, а затем закрывают брешь между обоими регионами за счет экспансии на восток, в Зихию. Империя теряет большую часть этой территории во второй половине VII в., когда новая волна миграции с Востока, спровоцированная хазарами, накрывает Понтийские степи. Другим переселенцам – болгарам, венграм, печенегам – удается завладеть частями черноморского побережья, но хазары остаются главной силой. Падение Хазарского каганата в 960-х гг.

* Англоязычный вариант статьи опубликован: Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the *Notitiae episcopatuuum* // La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar / Ed. C. Zuckerman (Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 25). Paris, 2006, p. 201-230.

возвещает начало третьего акта, в котором, по мере ослабления Болгарии, почти весь Черноморский регион вновь попадает под военное или политическое влияние Византийской империи. Затем, с середины XI в., другая группа кочевников из Центральной Азии, тюрки-огузы, преграждает эту экспансию, разрушая, теперь уже окончательно, имперские амбиции в регионе.

Нашествия кочевников в Понтийские степи не начались и не закончились в первом тысячелетии нашей эры. Однако этот период выделяется стабильным присутствием единой власти, осуществляемой из Рима или из Константинополя, которая, испытав удар, была затем способна восстановить утерянные позиции. В период Восточной империи приливы и отливы византийского гражданского и военного присутствия в регионе сопровождались, а иногда и предвосхищались фазами активности имперской церкви. Каковыми бы ни были изначальные успехи апостола Андрея, поддержание христианства на восточном и северном побережье Черного моря постоянно требовало дополнительных усилий. Впрочем, в данной статье нас интересует не деятельность миссионеров, а два случая ее превращения в церковные структуры – епископские кафедры и митрополии – в контексте усиления имперской власти в регионе.

Региональные структуры Византийской церкви систематически описываются в табелях о рангах, *τάξεις*, чаще обозначаемых по-латыни как *notitiae episcopatuum*, Константинопольского патриархата. Наиболее ранняя дошедшая до нас notiция представлена в виде Not. 1 в своде notiций Ж. Даррузеса. Работая с этим текстом, следует помнить предупреждение Даррузеса, что он не пытался воссоздать оригинальный документ, который был бы чуть более полным [1, р. 7-9 (с обсуждением датировки)]¹. Этот документ, ниже обозначаемый как протонотиция, похоже, представлял собой достаточно полный перечень не только митрополичьих и архиепископских, но и епископских престолов, митрополия за митрополией, по состоянию на середину VII в. Столь же полное и надежное их описание было проведено примерно 250 лет спустя при патриархе Николае Мистике. Оно обрело форму Not. 7 в своде Ж. Даррузеса, которая рассматривается во второй части этой статьи. В промежутке производились лишь частичные попытки актуализировать протонотицию, более или менее компетентные. Наиболее амбициозной и, во многих отношениях, наиболее поучительной среди этих компиляций является Not. 3 свода Даррузеса, часто отмечаемая учеными как лишенная интереса частная фантазия. Первая часть моей работы посвящена реабилитации этого документа. Мы обнаружим, что данные обоих текстов о церковной организации Крыма дают новый, еще не опробованный ключ к их общей интерпретации. И если

¹ Рукописная традиция Not. 1 утратила несколько епархий, которые могли бы быть без колебаний восполнены из более поздних компиляций, основанных на протонотиции.

документы патриаршей канцелярии проливают свет на ситуацию в Крыму, то наши познания о Крыме способствуют лучшему пониманию нотиций.

I. Notitia 3 и Готская епархия.

Нотиция Константинопольского патриархата, ныне известная как Not. 3 свода Жана Даррузеса, стала предметом горячих споров очень скоро после того, как она была впервые опубликована К. де Боором в 1891-1893 г. Сам издатель возводил ее к документу эпохи первого иконоборчества, так как наиболее разительной чертой нотиции явилось систематическое включение западных епархий, выведенных Львом Третьим из-под папской юрисдикции, в табель о рангах константинопольского престола. Однако К. де Боор также отметил текстуальную зависимость нотиции от списка участников седьмой сессии Седьмого Вселенского Собора 787 г. Поэтому он допускал, что публикуемый им текст был частной компиляцией («die Arbeit eines Privatmannes»), сведенной из различных источников, а не официальным документом; тем не менее, он настаивал на историческом значении нового источника [2, 1891, р. 303-322, 519-534; 1893, р. 573-599]. Аналогичную позицию занял Г. Гельцер, который успел напечатать свой комментарий к тексту еще до публикации комментария де Боора [3, р. 419-436]². Но совсем иную оценку высказал в 1895 г. Л. Дюшен. Также подчеркивая зависимость текста от актов Седьмого Вселенского Собора и предполагаемое использование его составителем внецерковных источников (напр. «Синекдем» Иерокла) при компилировании нескольких епископских списков (в частности, в Греции), он представил его как «все что угодно, но не официальное отражение реальной ситуации» и предложил считать его несостоявшимся («de considérer comme non avenu ce nouveau document») [4, р. 375-385]³.

За последующее столетие обе позиции, заявленные первыми исследователями, еще более разошлись. Г.И. Конидарис назвал Not. 3 «нотицией иконоборцев» и отнес ее к концу правления Льва III или к началу царствования Константина V. Многие ученые, чьи работы я подробно перечислять не стану, разделяли это представление о тексте; отмечу недавние статьи Е. Кунтуры-Галаки и В. Прижана [6, р. 65-80; 7, р. 45-73; 8, р. 931-953], которые возобновили изучение Not. 3, используя ее в качестве источника середины VIII в. Напротив, В. Лоран, сурово критикуя Конидариса, не привлекал текст Not. 3 к рассмотрению. Ж. Даррузес, перед которым встала задача определить место нотиции в его своде, нелестно описал ее как беспорядочную компиляцию, которую могли бы

² Это исследование известно мне по ссылкам де Боора в части III его 'Analekten' (цитируемой выше).

³ Ср. работу Лемерля, который использовал наиболее разительные выдержки из Дюшена для определения собственного подхода к тексту [5, р. 252].

составить «в любое время после собора 787 г. и до XIV в. (дата единственной рукописи)», хоть она местами («par endroits») и заставляет думать о конце IX в. [1, р. 32]. Этот критический подход достиг своего апогея в недавней работе Э. Ламберца, представившего «так называемую нотицию иконоборцев» как позднюю компиляцию, лишенную исторической ценности [9, р. 24-25].

Настало время «собирать камни» и попытаться выработать более сбалансированный подход к тексту. Я признаю, что эта переработка протонотиции VII в. (ср. Not. 1 Даррузеса) была произведена с привлечением актов Седьмого Вселенского Собора, то есть после 787 г., и не вижу никаких признаков того, что в ней отразилась некая более ранняя «иконаборческая» нотиция. Однако исторический интерес Not. 3 несомненен. Новый анализ текста прольет свет на цели и методы компилятора, а также определит время и идейную среду его деятельности. Он также позволит прояснить наиболее загадочную часть текста о иначе незасвидетельствованной епархии Готии, охватывающей весь Хазарский каганат.

1. Датировка Not. 3.

Not. 3 может быть датирована довольно узким промежутком времени, с опорой на два основных показателя, имеющих отношение к церковной структуре Греции.

А. Тогда как церковная провинция (eparkhia) Греции фигурирует неразделенной в актах 787 г., Not. 3 отмечает раздел между епархией Пелопоннеса/Коринфа (ст. 57) и епархией Эллады/Афин (ст. 58). Цитируя почти современное свидетельство Хилдуина, аббата Сен-Денийского, В. Лоран указал, что Афинская кафедра возвысилась до митрополии при патриархе Тарасии, между 787 и 806 гг.; он доказывал убедительно, хоть и менее однозначно, что это возвышение произошло во время единоличного правления императрицы Ирины (797-802) [10, р. 58-72].

Б. Not. 3 упоминает Патрскую епархию как автокефальное архиепископство (ст. 55), рядом с другим автокефальным архиепископством в Пелопоннесе, Аркадией (ст. 56). Традиционной датой возвышения Патр до статуса митрополии, указанной в схолии Арефы (ок. 932 г.) и в нескольких более поздних источниках, является 805/6 г. (четвертый год правления Никифора I). В. Лоран выдвинул убедительный аргумент в поддержку этой датировки, которая сейчас широко принята [11, р. 129-141; 12, р. 15-78; 13, р. 71-78].

Даррузес утверждал, что архиепископство Аркадии, которое Not. 3 располагает в Пелопоннесе, было случайным повторением одноименного епископства на Крите [1, р. 23 and 232 (l. 56)], но это утверждение не оправдано. Критское епископство Аркадии нигде не фигурирует как архиепископство. Я же, напротив, считаю, что церковная карта Пелопоннеса, как она представлена в

Not. 3 – с Коринфской митрополией, отторгнутой у расположенных за перешейком Афин, и двумя архиепископствами – содержит в себе объяснение ее позднейшей аномальной структуры. В Not. 7 Коринфской кафедре подчинены города восточного побережья, но также, неожиданно, два острова у западного побережья, Кефаления и Закинф, отделенные от остальной епархии территорией новой епархии Патр. Это явление было бы необъяснимо, если бы новая церковная карта Пелопоннеса была создана простым распределением востока и запада полуострова между Коринфом и Патрами соответственно [как пример этого общепринятого допущения, см.: 14, р. 388-400]. На самом же деле вновь учрежденной Патрской митрополии было, по всей очевидности, подчинено, ок. 805 г., недолговечное архиепископство Аркадии, имевшее, вероятно, свой центр в Лакедемонии и соответствовавшее территории, занятой славянами, тогда как западные острова остались за Коринфом. Дата этой реформы обеспечивает надежный *terminus ante quem* для составления Not. 3.

Ни один хронологически значимый элемент в Not. 3 не выходит за пределы этой датировки. Однако следует сказать несколько слов о дате введения церковной иерархии византийского типа на Сицилии и в Калабрии. До присоединения обоих регионов к Константинопольскому патриархату, их епископы (как и другие итальянские епископы) были подчинены напрямую папе. На Седьмом Соборе все многочисленные делегаты Сицилии и Калабрии записаны среди автокефальных архиепископов, то есть как подчиненные непосредственно патриарху, независимо от реальной значимости их кафедр⁴. Такая аномальная ситуация не могла продолжаться долго, и в самом деле Сицилия и Калабрия представлены в Not. 3 как традиционные византийские митрополии с митрополичьими кафедрами в Сиракузах и в Реджио соответственно. В каждой митрополии одна видная кафедра, соответственно Катана и Никополь удостоились ранга архиепископства, а остальные значатся как епископские, подчиненные своим митрополитам⁵. По оценке В. Лорана (безотносительно к Not. 3, которой он постоянно пренебрегал), реформа церковных структур в обоих регионах имела место ок. 800 г. [15, р. 692 и 709, с кратким обзором более ранней библиографии, согласующейся с этой датой]. Недавно А. Жакоб и Ж.-М. Мартен предложили иную хронологию. Они удревели создание Сицилийской митрополии до середины VIII в., отложив введение таких же реформ в Калабрии (равно как возвышение Катаны в статус архиепископства) до второй половины IX в. [16, р. 360-361]⁶. Однако подобная

⁴ Для определения иерархического положения епископов на Соборе я отсылаю читателя к сводным спискам у Ламберца: 9, р. 46-48.

⁵ См. Not. 3, ст. 43, 61, 619-631 о Сицилии; ст. 44, 71, 632-641 о Калабрии.

⁶ Ср. [17, р. 482-487], где Мартен подробно обосновывает идею о продвижении Реджио до статуса митрополии лишь в конце IX – начале X вв. Допуская некоторую неопределенность титула архиепископа в западных епархиях, автор оспаривает статус митрополии у Реджио

схема исключается для Сицилии актами Седьмого Вселенского Собора. Помимо того, что они совершенно не отражают объединения епископских кафедр под властью митрополита, все три надежных списка участников ставят Феодора Катанского выше Галатона Сиракузского⁷, что было бы исключено, если бы обратное иерархическое соотношение их кафедр было уже установлено. Мои собственные наблюдения над списком D участников Собора, приведенные ниже, позволяют утверждать, что Сицилийская митрополия была создана несколько лет спустя после Собора. Оставлять епископов Калабрии одних вне регулярной византийской иерархической структуры было бы странно, и я никаких серьезных свидетельств тому не вижу. В полном соответствии с хронологической оценкой В. Лорана, предложенный выше *terminus ante quem* для Not. 3 предполагает, что структура митрополии в Калабрии (даже если ее глава по западной традиции носил титул архиепископа) была создана вскоре после такой же реформы на Сицилии.

Еще два наблюдения могут быть полезны для установления хронологии Not. 3. Город Вероя, архиепископство во Фракии, был переименован в Иринополь императрицей Ириной в 784 г. [18, p. 457]; его упоминание в Not. 3 под первоначальным названием (ст. 69, ср. ст. 662) дает основание предположить, что этот текст был создан после свержения Ирины в 802 г. Митрополичья кафедра Сердики (ст. 49) не фигурирует в других notiциях по той же причине, что город был захвачен болгарским ханом Крумом в 809 г. и все его население было истреблено [18, p. 485]; нет свидетельств тому, что он был впоследствии снова захвачен византийцами. Разумеется, бессмысленно утверждать, будто Not. 3 является хронологически последовательной во всех своих элементах. Имея дело с сотнями географических названий, ее компилятор неизбежно должен был упустить какую-либо информацию, а зачастую даже не пытался обновить свой явно устаревший оригинал. Моей целью является показать, что вопреки оценке Даррузеса, текст не содержит элементов, которые указывали бы на контекст конца IX в. Датирование Not. 3 между концом 787 и 805 гг., а скорее между 802 и 805 гг. не предполагает существенных хронологических неувязок.

Кстати, предлагаемые критерии требуют поменять местами Not. 2 и 3 в своде Ж. Даррузеса. Not. 2, давно известная как notiция патриарха Никифора, отражает первую рудиментарную попытку интеграции западных епархий, однако это гораздо менее амбициозная, менее информированная и менее последовательная компиляция, чем Not. 3. Даррузес датировал ее первой четвертью IX в. и настаивал на ее книжном, а не канцелярско-официальном

в Not. 4 (являющийся, на мой взгляд, бесспорным) и придает чрезмерное значение положению Реджо в Not. 2, очень запутанной во всем, что касается Запада.

⁷ См. списки А, В и особенно F у Ламберца [9, p. 46-47].

характере [1, р. 19]. Странно, что некоторые ученые принимают рудиментарность за показатель ранней даты и считают этот текст как бы черновиком новой церковной иерархии, создаваемой при Льве III⁸. В самом деле, Not. 2 обозначает Патры как митрополию (ст. 39), и это четко доказывает, что она была скомпилирована после 805 г. Список автокефальных архиепископов содержит дополнительные показатели. В конце его фигурирует Амастридская кафедра, которая, как сообщается в прекрасно информированном Житии Георгия Амастридского, была выведена из подчинения Гангрскому митрополиту и возведена в ранг архиепископии в конце служения Георгия. Как убедительно показал В. Васильевский, это указывает на начало правления императора Никифора I, с которым святой был близок, то есть на время между 802 г. и смертью Георгия в 806 или 807 гг. [20, с. LXI-LXII и с. 33-34 (текст); ср. 15, р. 319]. В Not. 3 (ст. 329) Амастрида фигурирует как простое епископство, что поддерживает предложенный мной для этого текста *terminus ante quem*, 805 г. Еще несколько епископских кафедр Not. 3 фигурируют в Not. 2 как архиепископские⁹. Традиционное отнесение Not. 2 ко времени правления патриарха Никифора (806-815) изначально базировалось на ее постоянном объединении в рукописях с Бревиарием Никифора, что само по себе не являлось решающим аргументом, но теперь эта датировка представляется все более правдоподобной.

2. Метод и цель компилятора.

Введение Даррузеса содержит хорошо информированный обзор процесса сложения Not. 3. Читатель, знакомый с более ранними исследованиями текста, заметит, что Даррузес отказывается от традиционного упрека (резко высказанного Дюшеном) в том, что компилятор использовал светский географический трактат Иерокла для пополнения данных о провинциях, вновь присоединенных к патриархату Константинополя. Подобного рода

⁸ Этот подход особенно характерен для работы Е. Кунтуры [19, р. 279-289].

⁹ Наиболее значимым дополнением является Аморий, названный архиепископством (ст. 77), но не исключенный из викарных епископств Писсинунт (ст. 301). Уже акты 787 г. называют Аморий архиепископством (в конце списка [см.: 9, р. 51]), но Not. 3 указывает его как викарное епископство (ст. 351); такой низкий ранг города, должно быть, результат недосмотра. По мнению Несбитта и Икономидиса [21, р. 88], Аморий далее возвысился до ранга митрополии «до 803 г.», т.к. его епископ Евдоксий, сосланный в этом году, назван митрополитом в Житии Евфимия [см.: 22, р. 27], но вряд ли это так. Житие Евфимия, написанное Мефодием в одиночном заключении в начале 830-х гг., могло отразить современную ситуацию, а не церковную иерархию тридцатилетней давности. Напротив, если редактор Not. 2 изменил ранг Амория в своем тексте по сравнению с источником, он, вероятно, знал, что делал. Принимая во внимание датировку Not. 2, я бы приписал возведение Амория в статус митрополии его уроженцу, Михаилу II (820-829).

заимствование списков городов VI в. и их превращение в списки епископств IX в. было произведено для Крита и Сицилии в Not. 2, что и заслужило ей со стороны Даррузеса оценку как «поделки книжника» (см. выше). Что же касается составителя Not. 3, то пересматривая и дополняя свой исходный текст, протонотицию (ср. Not. 1), он часто черпает данные из источников, которые мы не можем идентифицировать. Краткий обзор, главным образом основанный на наблюдениях Ж. Даррузеса, позволяет оценить объем и качество принятой редактором ревизии.

Наименее затронутыми изменениями оказались епархии Малой Азии. Каждый из двух позднеантичных диоцезов, подчиняющихся патриарху Константинополя, Азиана и Понтика, имел одиннадцать светских провинций. Четыре из них – Памфилия и Фригия Пакатиана в Азиане, Каппадокия II и Вифиния в Понтике – были издавна подразделены каждая на две церковных епархии. Из общего числа в двадцать шесть епархий, одиннадцать фигурируют в Not. 3 без значительных изменений по сравнению с Not. 1 (Армения II, Каппадокия II/Тиана, Галатия II [Salutaris], Геллеспонт, Гонориада, Кикладские острова, Ликаония, Памфилия/Сиде, Пафлагония, Фригия Салютарис и Полемонов Понт). В пяти случаях изменения настолько незначительны, что трудно отнести их на счет редактирования, скорее, это ошибки переписчика (Азия, Галатия, Ликия, Памфилия/Перга). В двух случаях, Каппадокия II/Мокиссос и Писидия, добавление новой епископской кафедры было явно осознанным, но не к месту: епархии были добавлены из актов 787 г. потому, что компилятор Not. 3 не опознал их в своем первоисточнике, где они фигурируют в соответствующей провинции, но в несколько ином написании. Пять списков (Вифиния/Никомедия и /Никея, Капподокия I, Кария и Гелеспонт) были расширены на одно новое название каждый. Этот краткий упрощенный обзор оставляет нам три случая, где изменения более значимы. Списки обеих епархий Фригии Пакатианы («Karatianana»), с митрополичьими кафедрами в Лаодикее и Иераполе, были тщательно пересмотрены компилятором Not. 3, который проявил в этом случае хорошие знания современной церковной географии. Епархия Армения I была пропущена полностью, несомненно, преднамеренно, как указывает Ж. Даррузес; эта опустошенная «ничейная» земля между Империей и халифатом также не упоминается в Not. 7.

Три более восточные епархии, Кипр, Исаврия и Лазика, не принадлежали ни к Азиане, ни к Понтике. Исаврия изначально подчинялась патриарху Антиохии, тогда как Кипр успешно отбивал попытки последнего подчинить его своей власти; обе являлись частью диоцеза Востока. Лазика, долгое время являвшаяся союзным царством, постепенно стала при Юстиниане частью Империи. И хотя она никогда не организовывалась как гражданская провинция, она засвидетельствована на соборе 553 г. как митрополия, подчиненная патриарху Константинополя; ниже мы рассмотрим ее

дальнейшую судьбу. История двух других епархий имеет мало общего, но их представление в Not. 3 отражает, каждое по-своему, методику компилятора и заслуживает краткого комментария.

Необычная автономия митрополита Константианы на Кипре, избираемого собственными епископами и независимого ни от какого патриарха, была учреждена собором 431 г. и вновь подтверждена в 692 г.¹⁰ Его позиция в списке подписей соборов 680/1 и 692 гг. отражает этот особый статус. В 680/1 г. он занимает место после пяти патриарших престолов и архиепископа Фессалоники, папского викария. В 692 г. Иоанн Новоюстинианопольский (ранее Константианский) подписывается сразу после пяти патриархов, а следующая позиция сохраняется за отсутствующим архиепископом Фессалоники. В обоих случаях его викарные епископы подписываются перед викарными епископами митрополитов, подчиняющихся патриарху Константинопольскому [25, р. 145, cf. р. 217-221]. Порывая с этой традицией, Not. 3 помещает епископа Константианы на третьем месте среди митрополитов Константинопольского патриархата и отводит соответствующую позицию для его викарных епископов. Иными словами, Not. 3 ликвидирует автокефальный статус Церкви Кипра, подчиняя ее Константинополю. Эта картина вызывает оживленные дебаты среди греческих историков церкви и порицания в адрес Not. 3 со стороны поборников Кипрской автономии [см.: 26, р. 83-92]. Ж. Даррузес видит в ней еще одно доказательство неудачной адаптации компилятором списков 787 г., хоть он и вынужден признать, что тот обладал достоверными сведениями о кипрских епископствах, которые он не мог почерпнуть из списков. Сопоставление с актами 787 г. важно еще и другим. Все списки участников помещают митрополита и епископов Кипра среди их коллег, подчиняющихся патриарху. Хоть их место всегда является почетным (третье для митрополита, четвертое и пятое – для его викарных епископов) [9, р. 42, 57], оно разительно уступает их совершенно особому положению в 680/1 и 692 гг. Таким образом акты Никейского собора ясно доказывают, что церковная иерархия Константинополя рассматривала статус Кипра в 787 г. иначе, нежели веком ранее, и это представление по-своему отражается в Not. 3.

Пример Исаврии помогает нам лучше оценить характер изменений. Это одна из немногих митрополий (вместе со Скифией и Мёзией), которые внесены в перечень епископских кафедр в третьей части Not. 3, хотя их митрополиты не представлены в списке митрополитов в первой части документа. Более того, Селевкия, традиционная кафедра митрополита Исаврии, фигурирует во второй части нотиции среди автокефальных архиепископств (ст. 67). Причина подобных колебаний ясна. С канонической точки зрения Константинопольский патриарх имел не больше прав присоединять епархию Антиохийского

¹⁰ См. о Кипре в Канонах 692 г. [23, р. 63-82, работа, основанная на: 24 (non vidi)].

патриархата, чем нарушать независимость Церкви Кипра. Однако краткое примечание в конце Not. 4 подтверждает данные Not. 3, указывая, что митрополия Селевкия Исаврийская с ее викарными епископами была отделена от диоцеза Востока и подчинена патриарху Константинополя (ст. 493). Эта пометка отражает реальную ситуацию епархии Исаврии, но каноническое решение было найдено только в официально пересмотренной Not. 7. В этом тексте Селевкия стала митрополичьей кафедрой уже не Исаврии, а (еще одной) епархии Памфилии (ст. 512). Превращение Исаврии в Памфилию оправдывало ее включение в нотицию Константинополя. Это решение не очень элегантно, но интересно уже тем, что в нем возникла необходимость. Исаврия как таковая не могла быть подчинена Константинополю *de jure*, что не помешало этому совершиться *de facto* за столетие до того, как чей-то изобретательный ум додумался переименовать ее в Памфилию. Место Кипра в списках 787 г. и в Not. 3 наводит на мысль, что Константинополь третировал его тогда таким же образом.

Главы по Кипру и Исаврии объединяет прагматичный подход к проблемам церковной иерархии и отличное знакомство с церковной географией. Им можно противопоставить две наиболее проблематичные группы викарных епископов Not. 3, епархии «Мёзия I» (ст. 603-610) и Скифия (ст. 642-656). Внешение Мёзии в нотицию Константинополя стало, как ни удивительно, нововведением Not. 3, показавшим хорошее знание старого административного деления. Дело в том, что ошибка переписчика или редактора протонотиции превратила Мёзию II (Inferior) в диоцезе Фракии во второй Эмимонт (Not. 1, ст. 36-37, 438-449, ср. Not. 2, ст. 35-36, 506-517 и Not. 4, ст. 36-37, 457-467). То, что это, конечно же, являлось ошибкой, а не результатом административной реформы, стершей с карты Мёзию II, доказывает тот факт, что все эти тексты правильно локализуют архиепископство Одесское в епархии Мёзии. Редактор Not. 3 не осмелился бросить вызов авторитету протонотиции и удалить «другой» Эмимонт из списка викарных епископов (ст. 727-731) или его митрополичью кафедру, Маркианополь, из списка митрополий (ст. 50). Однако он создал дополнительную епархию Мёзия I, поместив митрополита в Одессе (ст. 603), аккуратно удаленном из архиепископского списка, а Маркианополь он приписал к этой епархии как одно из викарных епископств (ст. 607). Епархия Скифия с митрополитом в Томи (ст. 642), также удаленном из списков архиепископских кафедр, является еще более смелой инновацией, т.к. эта провинция традиционно имела только одного (архи)епископа, в Томи, а викарных епископов не имела. Эти нововведения привлекли мало внимания историков церкви, поскольку они явно абсурдны. И Скифия, и Мёзия были завоеваны болгарами вскоре после составления протонотиции; необычный вид, в котором в ней предстала Мёзия, не подвигнул позднейших компиляторов на исправления потому, что в любом облики Мёзия больше не являлась частью существовавшей церковной структуры.

Эти искусственные образования подводят нас к тому разделу Not. 3, который навлек на своего автора наиболее резкую критику: епархия «Эпира I» (ст. 769-776), последняя в списке, составленная из викарных епископов Эллады/Коринфа, принимавших участие в Седьмом Вселенском Соборе. Атрибуцию этого списка Эпиру можно объяснить тем, что епископ Керкиры (Корфу), к северу от Пелопонесса, занимающий второе место в списке, оказался единственным представителем Эпира на соборе и подписал его акты вместе с соседями, викарными епископами Эллады. Это наблюдение не делает атрибуцию Эпиру списка в целом менее искусственной, но указывает на то, в чем я вижу реальную цель компилятора. Он стремился полностью осветить сферу власти Константинопольского патриарха, как на востоке, так и на западе, а особенно в аннексированной Иллирии, о которой у него были самые смутные представления. Компилятор обладал надежными данными относительно некоторых западных епархий, таких как Сицилия и Калабрия [8], и вообще никакими о других, таких как Сардиния и Далмация (ст. 19, 54), которые только упомянуты в списке митрополитов. Я преднамеренно избегаю спора относительно его списков епископств Эллады и Македонии¹¹, т.к. независимо от того, состояли они из реальных епархий или нет, они выражали и конкретизировали его притязания на эти территории. Так наиболее неуместные элементы Not. 3, взятые вместе, составились в идеологическую декларацию, содержание которой я попытаюсь раскрыть ниже.

3. Not. 3 и пересмотренные списки участников Седьмого Вселенского Собора.

Хотя уже первый издатель Not. 3, К. де Боор, установил ее текстуальную зависимость от списков участников Седьмого Вселенского Собора, дальнейшее развитие этого наблюдения было затруднено отсутствием критического издания соборных списков. Список А, официальный реестр епископов, присутствующих на первом заседании, и Список В, регистрировавший славословия новой православной догме со стороны участников второго заседания, особых проблем не представляют. Список С, славословия с третьей сессии, является слишком неполным, чтобы быть полезным. Список F, содержащий подписи епископов, принимавших участие в окончательном седьмом заседании, всегда считался наиболее авторитетным. Напротив, Список D (подписи с четвертого заседания) и Список E (список присутствующих на седьмом

¹¹ Следует отметить, что компилятор вносит Лариссу как престол митрополита Фессалии, в соответствии с древней номенклатурой, как светской, так и церковной (римской). В византийской традиции, однако, засвидетельствованной начиная с Not. 2 (ст. 40), эта епархия всегда называлась Эллада (Hellas). Это еще одно доказательство ранней даты Not. 3, т.к. автор конца IX в. вряд ли вернулся бы к старому названию хорошо известной митрополии.

заседании) явно проблематичны. Предлагая читателю первое систематическое исследование списков Седьмого Собора [27, р. 56-61], Ж. Даррузес был не первым, кто задался вопросом, почему список епископов, присутствовавших на открытии седьмого заседания (E), значительно длиннее списка подписавших его догматическое определение (F). Он прекрасно понимал, что на этом этапе среди отцов Собора не могло быть инакомыслящих, которые воздержались бы от подписания. Более того, Списки D и E называют трех видных участников, митрополитов Фессалоник и Траянополя, и архиепископа Патр, а также шесть епископов, которых нет в других списках и которые вряд ли приняли участие всего лишь в полутора заседаниях [9, р. 30-31]. Тогда как Даррузес отстаивал аутентичность Списка E, Э. Ламберц предложил иной подход в своем новаторском исследовании, которое основывается на первом всестороннем обследовании рукописной традиции актов Седьмого Собора и предвосхищает их критическое издание. Ламберц указал, что на седьмом заседании не предполагалось составления нового списка присутствующих, т.к. акты отмечают зачитывание изначального официального списка (A) в начале каждого заседания. Он показал, что Список E представляет собой компиляцию, основанную на аутентичном Списке F и на некоей версии Списка D, уже отредактированной по сравнению с его оригинальной версией, но в несколько меньшей степени, чем та версия, что дошла до нас в актах [9, р. 27-33].

Аргументация Э. Ламберца является ключевой для настоящей дискуссии, но оставляет открытым один важный вопрос. Когда и почему был скомпилирован и внесен в текст актов Список E? Композиция списка дает начало ответа. Целью компилятора являлось составление по возможности полного списка отцов Собора, и с этой целью он взял самый длинный из всех наличных в актах списков, D, в котором было 330 епископов, и дополнил его именами епископов из авторитетного Списка F, где имелось 307 подписей (включая 5 патриархов). Отметим, что различие между Списками D (в его дошедшей до нас форме) и F, которое объяснялось по-разному, не сводится к разности между обоими числами. Если число имен, интерполированных в Список D, не превышает девяти¹², то изменения в иерархическом порядке митрополитов и архиепископов весьма значительны. В самом деле скромность дополнений является доводом в пользу добросовестности компилятора. Имена, добавленные в D, могли принадлежать епископам, не сумевшим принять участие в Соборе, но поддержавшим его решения сразу после его завершения (как это было предусмотрено в 692 г.

¹² Некоторые из епископов, которые появляются только в Списке D и зависящем от него Списке E, могли принимать участие только в одном заседании; такие случаи очень редки, но встречаются и в других Списках.

для некоторых важных епархий, включая Фессалоники [25, р. 222-223]). Столь же разительна скрупулезная честность составителя Списка Е, который не добавил ни одного имени, которого не было в одном из его двух источников. Так как оба списка являлись частью объемистых соборных актов, которые копировались нечасто, самым экономным решением было бы, на мой взгляд, отождествить в одном лице компиляторов Списков D и E. Не удовлетворившись пересмотренным Списком D, который он составил для нового списка актов, он далее вставил в тот же список более амбициозное творение, представляющее более полный список участников. Таким образом он получил список из (по меньшей мере) 343 епископов, к которому следует прибавить пять патриарших престолов. Важно отметить, что общее число кафедр в E, в отличие от D (330+5), превосходит число участников иконоборческого Собора в Иерее (338).

Предлагаемая реконструкция включает несколько гипотетических положений, но нет сомнения, что именно числа являются ключом к пониманию процесса изменения списков. Когда в 790-791 гг., при обстоятельствах, которые немало занимали ученых и в дополнительных комментариях не нуждаются, богословы Карла Великого отвергли Второй Никейский Собор (787 г.), они обвинили его в догматическом отклонении от символа веры Первого Собора в Никее (325 г.), но также, походя, облили его презрением из-за небольшого количества участников: *et ut cetera taceamus quae recensere longum est, in illa CCCXVIII fuere pontifices, in ista, ut ipsi adseverant, CCCVI* [28, IV, 13, р. 516]. 306 (на самом деле 307, но одно из имен было утеряно в латинском переводе [9, р. 34]) подписей было поставлено под догматическим определением Собора на седьмой сессии, и каролингские полемисты были правы, называя это число. Однако вскоре на Западе распространилось число, исправленное и более лестное. Биография папы Адриана (772-795) в *Liber Pontificalis* приписывает этому папе инициативу созыва в Никее Собора, который объединил около 350 епископов (*iuxta trecentorum quinquaginta episcoporum*) [29, р. 512]. Большая часть биографии Адриана писалась при его жизни, но упоминание о Никейском Соборе, по-видимому, принадлежит редактору, который придал окончательную форму тексту после смерти папы в 795 г. Однако пополнение *Liber Pontificalis* новыми жизнеописаниями было в то время стандартной и быстрой процедурой, а биография Адриана не несет следов более поздней переработки¹³. Так, получается, что к концу 790-х гг. в Риме было известно, что количество участников Собора 787 г. приблизительно составляло 350 человек. Число 350 приводится в письме патриарха Никифора папе Льву III от 811 г. и в панегирике Собору 787 г. Епифания

¹³ Недавнее исследование этого текста см.: 30, р. 107-122. Р. Дэвис поддерживает мнение Дюшена, что биография Адриана была составлена современником.

Катанского, который не был произнесен (как стало принято в поздней традиции) на самом Соборе, а был составлен несколько позже¹⁴.

Есть только два возможных объяснения очевидной связи между числом участников Собора, приводимым источниками конца VIII – начала IX вв., и их числом в Списке Е. Можно, казалось бы, предположить, что оценка числа участников 350-ю изначально вошла в оборот без малейшего документального подтверждения и что только позднее некий предприимчивый клирик сумел вставить в рукописную традицию актов новый список, Е, чтобы обосновать это число. Однако этот вариант не только маловероятен; его фактически исключает то, каким образом Список Е был составлен. Вряд ли его составитель мог знать заранее, что, сведя имена из Списков D и E, он выйдет на число примерно в 350 прелатов¹⁵. Другим объяснением, на мой взгляд, единственно возможным, было бы признать, что, когда исправленная цифра «(приблизительно) 350» дошла до сведения Римской церкви и, более того, когда о 350 участниках говорил патриарх Никифор, документ, который обосновывал это число, уже существовал.

Если принять этот аргумент, то Список Е оказывается не «поздней компиляцией», как считал Э. Ламберц [9, р. 30], а текстом, появившимся в рукописной традиции актов очень рано, очевидно, в пределах десятка лет после Собора. Патриарх Тарасий (784-806) был единственным, кто мог взять на себя инициативу подобной вставки в официальный экземпляр актов. В таком случае Список Е был его достаточно честным ответом на упрек, что «его» Собор был лишен авторитета из-за малого числа участников. Корректировка иерархии митрополитов, которая имела место в E (и в пересмотренном D), по сравнению с традиционной табелью о рангах приобретает в этом контексте новый вес. Если большинство сохранившихся *notitiae episcopatum* воспроизводят традиционный порядок кафедр потому, что как частные компиляции они не обладают полномочием его менять, то Список Е отражает идеи патриарха Тарасия об оптимальном расположении высших церковных иерархов на середину 790-х гг.

Зависимость *Not. 3* от списков Собора теперь также проявляется в новом свете. Тогда как Ж. Даррузес указывал на сходство между иерархией кафедр в *Not. 3* и в Списках D и E [1, р. 22], уже де Боор правильно сосредоточил внимание на последнем. Наиболее яркое различие между D и E

¹⁴ Подробнее см.: 9, р. 33-35. Ламберц лишь кратко упоминает биографию Адриана в примечании 131, допуская возможность, что ее следует датировать ранее, чем письмо Никифора. Я же не сомневаюсь, что это было именно так.

¹⁵ Некоторая неопределенность относительно количества епископов в Списке Е вызвана отсутствием некоторых имен, особенно тех, что даны в списке D, которые были, вероятно, утрачены в рукописной традиции. Их изначальное число, вне сомнения, приближалось к 350-ти [ср.: 9, р. 30].

касается места митрополита Фессалоник: 4-е и 11-е соответственно; Not. 3 следует за E. В остальном порядок кафедр в пересмотренном D и в E очень близок, что говорит в пользу их близости во времени. Если, как я, надеюсь, показал, Not. 3 относился к последним годам Тарасия, компилятор взял за образец наиболее современный и авторитетный обзор церковной иерархии, вписанный в официальный экземпляр актов Никейского Собора. Последний был, по всей вероятности, доступен только в одном месте – патриаршей канцелярии¹⁶, и там же, я думаю, была составлена и Not. 3. Таким образом прекрасное знание церковной географии, продемонстрированное автором относительно ряда епархий, находит готовое объяснение.

Общие специфические черты Списка E и Not. 3 подводят, по логике моих аргументов, не к отказу от обоих, а к выявлению тенденции к пересмотру иерархии Константинопольского патриархата около 800 г.: при Тарасии и, несомненно, по инициативе самого Тарасия. Эти стремления были явно спровоцированы Собором 787 г. Проблемы «местничества», проистекающие из интеграции «папских» епархий, оставались теоретическими, покуда высшим иерархам не было нужды рассаживаться вместе или сослужить на литургии, но именно это и произошло на Соборе. Список E иллюстрирует более ранний, а Not. 3 более поздний этап поисков решения возникших проблем. Два своеобразных документа, которыми традиционно пренебрегали комментаторы, поддерживают друг друга, и те, кто хотят отбросить Not. 3 как частную фантазию, должны объяснить, каким образом документы, которые позволяют себе разительные вольности с традиционной табелью о рангах (Списки D и E), проникли в состав актов Седьмого Вселенского Собора.

Полемический контекст эпохи также объясняет географический охват Not. 3. И накануне Никейского Собора в письме Константину VI и Ирине и несколько лет спустя после Собора в письме Карлу Великому папа Адриан требует вернуть ему право посвящать «архиепископов и епископов», которых иконоборческие императоры подчинили Константинопольскому патриарху вопреки традиции и канонам [см.: 32, р. 14-31]. Это было то единственное преступление иконоборцев – вероятно, их наиболее грубое нарушение церковных канонов – за которое их никогда не упрекали православные полемисты. Вернуть папам Иллирию и Южную Италию было немыслимо, но невозможно было и измыслить аргументы, чтобы узаконить эту аннексию. Наилучшим способом отвергнуть папские притязания было представить ее как свершившийся факт. Это и было заданием для клирика, которому Тарасий поручил составить новую нотицию – нашу Not. 3. Судя по редким несоответствиям между списком

¹⁶ Зависимость Жития Стефана Нового (составлено менее чем через десять лет после Not. 3) от актов 787 г. дала М.-Ф. Озепи дополнительный аргумент, чтобы отождествить его автора как сотрудника патриаршей канцелярии [см.: 31, р. 119-120].

митрополитов и списком викарных епископов, сохранившийся текст был рабочим документом, который так и не был окончательно отредактирован. Это еще один довод в пользу его датировки близко ко времени смерти Тарасия в феврале 806 г. Однако это признание не умаляет работы, вложенной в подготовку документа, и не ставит под сомнение вопрос его исторической ценности.

4. Провал св. Иоанна Готского и епархия Готии в Not. 3.

Наиболее, как я полагаю, комментируемой и, конечно же, наиболее оригинальной в Not. 3 является глава, описывающая епархию Готии. Изначально она была указана под номером 37 (который превратился в 38 в результате ошибки переписчика¹⁷), и тем же номером 37 помечено небольшое приложение в конце нотиции, которое объясняет местонахождение двух из готских епархий. Ценный комментарий к главе был предложен А.А. Васильевым в его «Истории готов в Крыму» [33, р. 97-104], она часто комментировалась и позднее, но некоторые вопросы относительно идентификации и локализации епархий остаются нерешенными. Резиденция митрополита, Дорос (ст. 612), располагалась, бесспорно, на Мангупе, к востоку от Севастополя. Епархия хотциров (Χοτζίρων, ст. 612) в Восточном Крыму подробно обсуждается ниже (глава II). Следующая епархия, Астил (Ἀστὴλ, ст. 613), описывается в приложении как укрепление (κάστρον), получившее название от одноименной реки в Хазарии (ст. 779). Это считается наиболее ранним упоминанием столицы хазар, Атиля, известной, главным образом, из арабских источников; оно остается таковым, даже если мы датируем Not. 3 не эпохой первого иконоборчества, а несколько позже, ок. 805 г. Следует обратить внимание на описание Атиля как укрепления. Епархия Χουάλης (ст. 614) наиболее проблематична. Ее идентификация как Хорезм столь гипотетична, что вряд ли может стать предметом серьезной дискуссии. Оногуры (ст. 615) были локализованы в низовьях Кубани, на северо-восточном побережье Черного моря [34, р. 218-224], к югу от Таматархи на Тамани, которая также появляется здесь как епископство (ст. 618). Гунны (ст. 617) были идентифицированы Васильевым и другими как гунны Дагестана, которые были обращены в конце VII в. миссионерами из Кавказской Албании. Наконец, Васильев объяснил происхождение названия Ретег (ст. 616) как искажение названия Терег (или Терек), которое он относил к городу Тарку или Таргу, который принято располагать в низовьях Терека.

Список «Готских» епархий, исключая проблематичный Χουάλης, достаточно равномерно охватывает главные населенные центры Хазарского каганата. Он включает хазарскую столицу, Атил (локализация которой является предметом дискуссии), две епархии в Крыму, две другие на противоположном,

¹⁷ Ранее в тексте счет при нумерации епархий перескакивает с 26 (κς´) на 28 (κη´).

азиатском побережье Керченского пролива и еще две в Дагестане и на прилегающем каспийском побережье. «Готская» епархия является, бесспорно, хазарской. Однако среди ученых широко распространено мнение, согласно которому эта глава нотии представляет собой лишь проект включения Хазарии в иерархическую структуру Византийской церкви, а не совершившийся факт [ср. недавнюю работу: 35, с. 146-149]. Мой анализ Not. 3 вовсе не опровергает эту оценку. Документ, который включает епархии «Скифия» и «Мёзия», не может претендовать на наше безраздельное доверие. И все же существует различие, которым нельзя пренебрегать. «Готская» епархия не являлась ни наследием, которое было необходимо востребовать, ни новым приобретением, которое нужно было утвердить; она не несла идеологического груза прошлого. Проект или реальность, она несет на себе печать современности. И хоть я и не могу доказать наличие православного епископа в Атиле, я могу обрисовать контекст, который позволил бы надеяться на возникновение там епископской кафедры. Этот контекст определяется датой Not. 3, ее происхождением из патриаршей канцелярии, ее связью со списками Седьмого Вселенского Собора, а также сведениями о политической ситуации в Готии накануне Собора, содержащимися в Житии св. Иоанна Готского.

Несколько комментаторов отметили исключительно высокое положение архиепископа Готии в списках Седьмого Вселенского Собора. И в официальном списке присутствия на первой сессии (А), и в торжественном ряду подписей на седьмой сессии (F) монах Кирилл, представляющий Никиту Готского, занимает вторую позицию среди архиепископов, ему предшествует только Константин Регийский. В Списке С он стоит после Христофора, митрополита Фасийского, но этот краткий список славословий довольно хаотичен. Кирилл уступает несколько позиций другим архиепископам в Списке В, в котором также нет упоминания о готском иерархе, которого он представляет. Остаются тесно связанные Списки D и E, которые вносят несколько изменений.

Некоторые из этих изменений, сколь бы они ни были важны, не имеют отношения к Готии. Оба списка ставят Евхайту перед Готией, отдавая ей первое место среди архиепископств; я не способен объяснить это возвышение. Оба опускают Константина Регийского на несколько позиций. Список D, по сути, заменяет его на Стефана, который представлен в А и F (где он занимает несколько более низкую позицию) как епископ Сиракузский и которого D титулет архиепископом Сицилийским¹⁸. Новое расположение Сиракуз после Силлея (Syllaion), митрополичьей кафедры в то время, впереди всех архиепископов, может только указывать, в соединении с их новым рангом, на создание Сицилийской епархии. Эту реформу можно теперь отнести ко времени,

¹⁸ Отсутствие имени Стефана в списке E можно объяснить только пропуском в рукописной традиции.

очень близкому к завершению Седьмого Собора, незадолго до создания митрополии Калабрии, впервые упомянутой в Not. 3. Другое изменение в D непосредственно касается Готии. Этот список заменяет имя главы Готской церкви, представляемого Кириллом, называя Иоанна вместо Никиты. Список же E только указывал имя представителя, а архиепископа не называл. Как остроумно подметил Э. Ламберц, это изменение встает в ряд из четырех-пяти поправок в D, состоявших в восполнении имени епископа там, где были названы лишь представитель и епархия. Поскольку ни одно из этих исправлений (включая то, что касалось Готии) не перешло в Список E, Ламберц пришел к выводу, что эта редакционная работа была проведена после составления E на базе D¹⁹. Трудно датировать эту правку, которая касается и захолустных епархий; она присутствует во всех ветвях рукописной традиции и не может быть отодвинута далеко от времени Собора. Ответственный за эту правку редактор провел исследование относительно епископов, лишь представленных на Соборе, и обнаружил, что Кирилл должен был представлять Иоанна, а не Никиту.

Иоанн Готский известен из его почти прижизненного Жития, сейчас доступного в критическом издании М.-Ф. Озепи [36, р. 69-86], которое поможет объяснить замену Никиты на Иоанна в Списке D. Однако прежде чем комментировать этот текст, я хотел бы подчеркнуть основной на настоящий момент вывод. Положение Готии как митрополичьей кафедры в Not. 3 не имеет параллелей, столь же беспрецедентно ее высокое положение среди архиепископов в списках Седьмого Вселенского Собора (тогда как в Not. 7 она опускается в самый конец их списка)²⁰. Политическая ситуация, спровоцировавшая возвышение Готии на Соборе, была в точности та же, что и инспирировала проект Готской епархии.

Отсылая читателя к всестороннему исследованию Жития Иоанна, проведенному М.-Ф. Озепи, хотел бы поднять вопрос, в котором я с автором не согласен. Иоанн был избран «православными» (ὀρθόδοξοι) Готии, «оставшимися без пастыря», когда предыдущий епископ был возведен в митрополиты Гераклеи Фракийской вскоре после иконоборческого Собора в Иерее 754 г. (§ 2). В отличие от М.-Ф. Озепи, я не вижу причин рассматривать Иоанна как епископа-диссидента, избранного православными, которые якобы отказались принять «официального» епископа-иконоборца из Константинополя. Византия не могла навязать епископа Готии, которая являлась частью Хазарского каганата. Гипотеза о том, что такой епископ существовал, основывалась на предположении, что монах Кирилл представлял в 787 г. двух

¹⁹ Ламберц [9, р. 31] приводит D 71, где восполнено имя Никиты, епископа Колонеи, D 104 (Филипп из Сиона), D 206 (Феодор из Андрапы), D 263 (Георгий из Ипса); случай D 207 является более сложным.

²⁰ Этот параллелизм не укрывается от Ж. Даррузеса [27, р. 19-21].

епископов одновременно, «официального», Никиту, и «диссидента», Иоанна [37, с. 324-331]. Однако это предположение, само по себе спорное, стало совсем излишним после того, как Э. Ламберц убедительно показал, что имя Иоанна принадлежит ко второму уровню правки Списка D. Иоанн фигурирует в своем Житии как единственный епископ Готии, и его вполне официальное положение подтверждается его тесным сотрудничеством с правителем (kygos) Готии в сложный момент истории этой небольшой страны.

Согласно Житию, спустя некоторое время после смерти Льва IV (780 г.) и до отставки и смерти патриарха Павла (784 г.), Иоанн получил охранную грамоту от императрицы Ирины и прибыл в Константинополь для поддержки дела иконопочитания. Неудивительно, что Житие приписывает этой акции раскаяние и отставку Павла (§ 3). Но, как указывает М.-Ф. Озепи, путешествие Иоанна не имело ничего общего с иконами (восстановление почитания которых он вряд ли мог предугадать), а было связано с вооруженным конфликтом, который противопоставил Готию Хазарии (§ 4). Описание событий в Житии несколько затемняет их сущность. В нем сначала рассказывается о путешествии Иоанна в Константинополь и его возвращении в Готию не позже лета 784 г., затем о Соборе 787 г., в котором Иоанн не участвовал, и только потом (μετὰ ταῦτα) о захвате Иоанна хазарами. Причина захвата – восстание Готии против хазар, в котором Иоанн играл весьма незавидную роль, упоминается лишь после описания того, как Иоанн был задержан (§ 4). Столь непоследовательно построенное повествование обретает логику и последовательность, если мы отнесем указание μετὰ ταῦτα не к Собору, в котором Иоанн не участвовал, а к последнему описанному событию, касавшемуся его лично: его поездке в Константинополь. В таком случае Иоанн был захвачен хазарами вскоре после его возвращения в Готию, в конце 784 г., если мы отнесем его встречу с патриархом Павлом ко времени незадолго до отставки последнего. Если это так, то антихазарское восстание, которое явилось причиной его ареста, объясняет также и его миссию в Константинополе. Арест Иоанна вскоре после его возвращения как раз и стал причиной того, что иной иерарх возглавлял Готскую епархию во время Собора.

Согласно Житию (§ 4), хазарский каган принял решение (которое никак не объясняется) поставить стражу или гарнизон (φύλακας, ταξάτους) в «замке» (κάστρον) Готии, Доросе, и тем спровоцировал восстание местного правителя (κύρος), его архонтов и всего народа, объединившихся в стремлении противостоять попытке хазар полностью овладеть (катаκυριεῦσαι) их страной. Иоанн присоединился к восстанию народа Готии, который изгнал хазарский гарнизон и занял горные перевалы. Эти действия были потенциально самоубийственными, учитывая полное неравенство сил между готами и хазарами. Подобная акция могла быть задумана (если она была преднамеренной) или осуществлена (если предпринималась сгоряча) только лишь в расчете на

помощь извне, которую могла предоставить только Византия. Иоанн отправился в Константинополь искать помощи, но не преуспел в своей миссии. Таким образом восстание готов было обречено на поражение, а Иоанна (как указывается в Житии) выдал хазарам его собственный народ.

М.-Ф. Озепи охарактеризовала Иоанна как полунезависимого военачальника («*chef de guerre*»), подчеркивая его роль в восстании, но Житие не указывает, что он был активен в какой-либо иной области, кроме дипломатической. Как епископ мятежного «замка», он не мог оставаться в стороне от событий. Выдвигалась гипотеза, что завоевания абазгского (абхазского) царя Льва II в Лазике в 780-х гг., осуществленные при поддержке его тестя, правителя Хазарии, осложнили отношения между Хазарией и Византией [38, с. 190-191]. Это могло дать повод киру Готии и главе ее церкви надеяться на поддержку Византии. Но какими бы ни были их расчеты, их дипломатия провалилась. И даже если напряженность между Хазарией и Византией существовала ранее, отказ последней поддержать восставших внес свой вклад в создание той атмосферы разрядки, которая нашла отражение в положении Хазарской Готии как на Седьмом Соборе, так и в Not. 3.

Первым признаком этой разрядки явилось принятие Собором преемника Иоанна, Никиты, как законного архиепископа Готии. Согласно Житию, Иоанн провел некоторое время в заточении в Фулах (§§ 4 и 8), затем бежал в Амастриду на противоположном берегу моря и прожил там четыре года, до самой смерти (§ 5). Его смещение с престола было канонически спорным, и это было несомненной причиной того, что редактор Списка D внес его имя в список²¹. Однако это не помешало его преемнику быть посвященным, вероятно, самим патриархом Тарасием, и быть принятым Собором, покуда Иоанн жил в вынужденной отставке в Амастриде.

Место, отведенное Никите Готскому среди архиепископов на Соборе, было явной демонстрацией политической доброй воли в отношении Хазарии. Дальнейшее повышение статуса Готии до митрополии в Not. 3, составленной лет через пятнадцать после Собора, выглядит как логическое продолжение этой политики. Следующим событием в этой цепи становится строительство крепости Саркел на Дону византийскими инженерами по просьбе хазар в 840/1 г. [об этом эпизоде см.: 39, р. 210-215]. И сама просьба, и тот факт, что она была удовлетворена, кажутся из ряда вон выходящими, но едва ли более, чем внесение иностранной церкви в византийскую *notitia episcopatum* (следующим подобным случаем станет Русь). Ничто из этого не доказывает, что хазарские епархии, описанные в Not. 3, были и в самом деле созданы и

²¹ Нет оснований считать, что этот редактор, располагавший информацией о нескольких совершенно неизвестных епископах, испытывал влияние Жития Иоанна, которое, кстати, ничего не сообщает об участии своего героя в Соборе.

подчинены патриарху Константинопольскому. Но в том, что казалось долгим медовым месяцем между Византией и Хазарией в конце VIII и в начале IX вв., свидетельство Not. 3 находит свое логическое место, и его нелегко отбросить.

II. Восточный Крым в нотиции патриарха Николая Мистика.

В отличие от Not. 3, известной немногим более столетия и сохранившейся как единый текст в единственной рукописи, нотиция, обозначенная в своде Ж. Даррузеса номером 7, известна ученым уже несколько веков, хотя, как правило, в форме *tembra disjecta*, разбросанных в разных составах в разных рукописях. Наиболее яркой чертой этого документа является вступление патриарха, которое дает представление об обстоятельствах и о целях его составления. Большинство рукописей опускают эту часть. Его наиболее устойчивым элементом, часто подвергавшимся поверхностному обновлению, является список викарных епископов, сгруппированных в 51 епархию. Напротив, списки митрополитов и архиепископов обновляются в большинстве рукописей гораздо более значительно. М. Гельцер был первым, кто получил четкое представление об оригинальном документе, когда он обнаружил в Иерусалиме рукопись, содержащую подряд список 51 митрополита, список архиепископов, которых тоже оказалось 51, и список 51 епархии. Гельцер утверждал, что эти три элемента были единовременны друг с другом и с вступлением патриарха, которого в Иерусалимской рукописи как раз нет. Ж. Даррузес смог привлечь для своего издания более древнюю рукопись из Иерусалима, предка той, что обнаружил Гельцер. В основном же он последовал за Гельцером, восстановив документ в четырех частях (на значительно расширенной рукописной базе для каждой части). И все же, внимательный читатель предисловия Даррузеса к Not. 7 обнаружит в нем некоторые сомнения относительно предлагаемой реконструкции, которые лишь усугубились в его позднейшей работе. Я считаю, что эти сомнения были основаны на верных наблюдениях, но в конечном итоге не подтверждены. Я начну с краткого обзора тех доводов, которые заставили Даррузеса усомниться в собственной реконструкции, а затем попытаюсь разработать контраргументы с целью отстоять связность и единство Not. 7, хоть и в слегка видоизмененных хронологических рамках.

1. Сомнения Ж. Даррузеса.

Текст Not. 7 в издании Ж. Даррузеса начинается с имени ее инициатора, патриарха Николая Мистика: Νικόλαου πατριάρχου τοῦ παλαίου (ст. 1). Эта фраза представляет собой, однако, чтение единственной рукописи (L), одной из шести, которое является вторичным даже в той ветви, к которой эта рукопись принадлежит. Две других рукописи той же ветви (DE) содержат лишь краткое

указание τοῦ αὐτοῦ (того же патриарха), которое L развила в соответствии с тем фактом, что предыдущий акт принадлежал Николаю Мистика. Остальные три рукописи, использованные Даррузесом для своего издания, не содержат указания на автора новости. Таким образом будущий издатель новости должен будет отбросить первую строчку текста Даррузеса: заглавие списка L нельзя приписать оригинальной новости, которая, во всяком случае, не могла описывать Николая I как «древнего» (τοῦ παλαιοῦ). Не спорю, однако, что атрибуция Not. 7 Николаю Мистика находит поддержку в рукописной традиции, хоть и не столь явную, как полагал Даррузес.

Вступление к Not. 7 приписывает эту ревизию церковной таблицы о рангах совместной инициативе неназванного патриарха и столь же анонимного императора. Точно так же как первый всегда определялся как Николай Мистик, отождествление второго со Львом VI Мудрым никогда не ставилось под сомнение. Для Гельцера новость находит свое логичное место среди законов и прочих нормативных документов, опубликованных Львом VI. Но он также впервые показал, что церковная новость, которая в самом деле дошла до нас под именем Льва Мудрого, не только не имела ничего общего с издаваемым им текстом, но и была составлена два столетия спустя после правления Льва [40, р. 549]. Сходным образом заключение Даррузеса относительно атрибуции и датировки Not. 7 граничит с парадоксом: «Хотя ни одна новость не содержит имени патриарха Николая, а та, что несет на себе имя Льва Мудрого, является апокрифом (...), нет никакого сомнения, что новость 51 митрополита (...) и 51 архиепископа (...) является той, которая соответствует указу, опубликованному в первое патриаршество Николая, в царствование Льва VI, в 901-907 гг.» [1, р. 55]. Такого рода логика ни к чему не приводит, что Даррузес хорошо осознавал.

Первым камнем преткновения для датировки текста царствованием Льва VI стало упоминание, под началом митрополита Камахского в Армении, кафедры Романуполя (ст. 666), крепости, основанной Романом Лакапином. Гельцер счел это поздним дополнением к новости, так как Романуполь, наряду с двумя последующими викарными епископами Камахи, отсутствует в адаптации Not. 7 середины X в., т.н. Νέα Τακτικά с 53 митрополитами [40, р. 565]. С Гельцером не согласился Даррузес. Он выявил еще одну, более раннюю адаптацию, в которой к исходному списку 51 митрополита добавлен только один, Амастридский; в третьей части этого документа, где перечислены викарные епископы, Романупольский и два последующих епископа также отсутствуют. Оба текста привлечены Даррузесом как рукописи P и N в его издании Not. 7, и я бы затруднился возвести их к общему предку, отличному от архетипа. Тем не менее, Даррузес считал, что пропуск Романуполя был случайным и что эта епархия, засвидетельствованная в большинстве списков, принадлежала если не к архетипу новости как таковой, то по крайней мере к архетипу всех сохранившихся списков викарных епископов, контаминированному в источнике

[1, p. 305]. Однако я не нашел у Даррузеса четкого доказательства подобной общей контаминации. Случайный пропуск ключевого хронологического индикатора в двух независимых свидетельствах маловероятен, особенно если учесть тот факт (который Даррузес во внимание не принял), что речь идет о двух древнейших адаптациях исходного документа. Признавая вместе с Гельцером появление Романуполя за вставку, мы должны будем ее объяснить, учитывая, что Романуполь был основан, вероятно, вскоре после подчинения эмира Мелитены Империи в 927 г. и, в любом случае, до аннексии этого региона в 934 г.²²

В более поздней работе Даррузес явно колебался относительно датировки Not. 7; там он показал, что первым митрополитом Евхайты был не Феодор Сантаварен, приспешник Фотия, а Филарет, чьи печати называют его сначала архиепископом, а затем митрополитом Евхайты. Этому Филарету было адресовано письмо Александра Никейского от 945-946 гг. Поскольку Евхайта записана в Not. 7 как митрополия (ст. 51), датировка этого текста периодом до смещения Николая Мистика Львом VI в 907 г. будет означать, что Филарет оставался в своей епархии, сначала как архиепископ, а затем как митрополит, на протяжении более 40 лет. Даррузес утверждал, что такой длительный срок, быть может, и допустим, но в том же исследовании, говоря о Not. 7, писал с иронией о «тех, кто стремится обязательно установить дату, иногда с точностью до дня, этих более и менее официальных компиляций». Более того, он высказал идею, что список митрополитов и список викарных епископов могут быть разновременными – предположение, которое подрывает логику их презентации в его собственном издании как единой нотиции [42, p. 215-221 (avec n. 37), 213 (цитата)].

Сомнения, вызванные списками митрополитов и викарных епископов, будут усилены ниже указанием на один элемент в списке архиепископов, который находится в еще большем противоречии с традиционной датой Not. 7. Он предоставляет нам, однако, твердый *terminus post quem* и тем подводит к альтернативной датировке документа.

2. Языческая церемония в Константинополе.

Два письма патриарха Николая Мистика, Ер. 66-67, посвящены позорной истории проведения языческих церемоний при участии высших должностных лиц византийского двора. Быки, собаки и овцы были забиты в ходе церемонии, в которой патриарх усмотрел языческое жертвоприношение;

²² Исследование Е. Хонигмана [41, p. 85-123] мне кажется неудовлетворительным в отношении как локализации Романуполя (слишком далеко к востоку), так и датировки его основания (после 934 г.). Аннексия Мелитены спровоцировала возрождение епархии Армении I, которая пропущена в Not. 7 как запустевшая (как в Not. 3 ранее). После аннексии не было смысла присоединять Романуполь, находившийся на территории Мелитены, к отдаленной Камахе, а не к епархии Мелитены.

состоялся обмен клятвами, и договор с варварами был утвержден. Письма не содержат имени адресата, высшего чиновника, несущего личную ответственность за позорное событие, которого патриарх призывал в первом письме добровольно принести покаяние. Обосновывая этот несколько неожиданный призыв, патриарх писал о награде, которая ждет тех, кто подвергает себя церковному наказанию по собственной воле. Из второго письма вытекает, что именно так все и произошло. Не желая отправиться ко двору лично, Николай направил туда трех митрополитов, которые наложили легкое (не описанное в письме) наказание на провинившихся, к величайшему облегчению патриарха. Ратификация договора с язычниками по обряду, который те признавали для себя обязывающим, являлась реально-политической необходимостью, и церковные иерархи вынуждены были с этим считаться, как бы сильно им этот обряд ни претил. Наиболее известны договор Льва V с болгарами и договоры X в. с Русью, в которых наблюдается сочетание христианских и языческих обрядов; богословское осмысление проблемы восходит к хорошо известной Ер. 46 бл. Августина. Однако богословский аспект описанного Николаем события интересует нас меньше, чем его хронология и идентичность его главного действующего лица.

Подоплеку описанной церемонии определил В. Грюмель; он идентифицировал варваров как печенегов (а не болгар, как предлагалось ранее), а договор как заключенный Иоанном Вогой после опустошительного нападения царя Симеона на Византию зимой 913/914 г. [43, р. 82-92]. Согласно Продолжателю Феофана, имперские власти отчаянно искали способ отразить следующее нападение болгар, когда Иоанн Вога предложил обеспечить союз с печенегами в обмен на возведение его в ранг патрикия. Он получил этот ранг, был снабжен достойными дарами, отправился к печенегам и заключил союз, приведя заложников в Константинополь. Продолжатель Феофана повествует об этих событиях в беглой последовательности, перед описанием визита армянского царя Ашота II и предательской сдачи Адрианополя Симеону армянином Панкратукой, точно датируемой сентябрем 914 г. [44, р. 387]. Эта дата указывает, что Иоанн Вога быстро завершил свою миссию – его план был явно подготовлен заранее – и что письмо Николая следует датировать летом 914 г. Грюмель, однако, наметил более медленный ход событий, предполагая, что Иоанн, вероятно, только вернулся из своей миссии в 915 г. и что протест Николая следует датировать 916 г. Эта схема была одобрена издателями писем Николая, Дженкинсом и Вестеринком, которые явно не сознавали, на каких презумпциях строил свою аргументацию Грюмель.

В первом письме (Ер. 66) Николай заявляет, что новости о языческой церемонии дошли до него как слухи. Это, должно быть, и объясняет, почему Грюмель был так твердо уверен, что эта церемония происходила вдали

от Константинополя, в стране печенегов, где у Иоанна Воги не было иного пути, как следовать их обрядам. Повинуясь этой логике, Грюмель отвергает связь (а вовсе не упускает ее, как заявляют Дженкинс и Вестеринк [43, р. 9; 45, р. 554]) между Ер. 66 и Ер. 67, а ведь именно это второе письмо дает понять, что не один придворный архонт, а многие заслуживали епитимии. (Трудно принять всерьез гипотезу Грюмеля, что грех их, в данном случае, заключался не в участии в языческой церемонии, а в том, что много лет спустя они отреклись от патриарха Николая). Если же восстановить связь между обоими письмами, то не остается сомнений в том, что церемония происходила в Константинополе, где в ней участвовали многие высшие чиновники наряду с представителями печенегов, с теми, конечно, кого Продолжатель Феофана назвал заложниками. И церемония, и письма могут быть датированы летом 914 г., а тогда робость Николая в наложении церковного взыскания и его нежелание явиться ко двору лично находят готовое объяснение. Всего лишь за несколько месяцев до этого императрица Зоя в ярости выставила его из дворца и приказала заниматься делами «своей собственной церкви», т.е. не вмешиваться в политику [44, р. 386]. Положение Николая было весьма шатким, но в отличие от 907 г. он предпринял попытку избежать открытого столкновения.

Дженкинс и Вестеринк идентифицировали адресата Ер. 66-67 как Константина Паракимомена, влиятельного министра при дворе, которому патриарх Николай однажды послал письмо с соболезнованиями [45, р. 553, со ссылкой на 46, р. 164, п. 2, где эта точка зрения никак не обоснована]. Это вряд ли является аргументом, и вопрос остается открытым. Однако следующее письмо в свод, хотя также лишенное имени адресата, ведет нас, как я полагаю, к однозначному ответу. Николай поздравляет в нем губернатора Херсона с благополучным прибытием к месту службы после некоторых сложностей в дороге. Патриарх пишет также об отправке нового архиепископа в Херсон, которому он велел заехать (еще до того, как тот занял «свой трон»!) в Хазарию для рукоположения священников, после того как местное население отправило делегацию с жалобой, что их некому наставить в истинной вере. Николай просил губернатора поддержать архиепископа как в его миссионерской деятельности, так и позднее в Херсоне. Упоминание о Хазарии в этом контексте создало путаницу, так как заезд в Хазарский каганат, обращенный к тому времени в иудаизм и враждебный Византии, мог принести архиепископу только мученический венец. Мы рассмотрим вопрос, что это была за Хазария, разрешив проблему хронологии. Все комментаторы видят связь между Ер. 68 и Ер. 106, в которой Николай хвалил архиепископа Херсонского за его «рвение ради заблудшего народа, почти похищенного злым демоном из лона благочестия»; его миссионерские усилия были столь успешны, что патриарх теперь считал

этот народ достойным иметь собственного архиепископа. Ер. 106 датирована точно. До похвалы в ней содержится суровый упрек за то, что адресат не присутствовал на синоде Единения в июне – июле 920 г.; таким образом письмо могло быть написано поздним летом или ранней осенью 920 г., до закрытия навигации. Что же касается Ер. 68, то Дженкинс и Вестеринк датировали ее 919 / первой половиной 920 гг., отводя всего несколько месяцев (не учитывая медленность сообщений) на миссионерскую деятельность, которая вывела Хазарию из состояния «заблудшего народа», лишённого священников, до статуса архиепископства. Подобный график должен быть рассмотрен, а затем отброшен как слишком сжатый.

Дукой Херсона в конце 910-х гг. был Иоанн Вога. Как мы узнаем из Ер. 9 Николая царю Симеону от конца августа / начала сентября 917 г., Иоанн Вога занимал эту должность, идеальную для сношений с печенегами, накануне сражения при Анхиале. Если он еще не был дукой Херсона до договора 914 г., то его должны были назначить вскоре после заключения договора. Основная причина поражения Византии при Анхиале состояла в неспособности печенегов, приведенных Иоанном Вогой, перейти Дунай и вступить в бой. Однако особое расследование, проведенное сенатом, показало, что Иоанн не был виновен в поражении, вся вина была возложена на Романа Лакапина, который командовал флотом [44, р. 390]. Дженкинс и Вестеринк считают, что Ер. 68 была адресована преемнику Иоанна на посту дуки; датируя ее временем после марта 919 г., они предполагают, что Иоанн, полностью оправданный, сохранил свой пост в Херсоне и что его карьера, должно быть, закончилась вскоре после прихода Романа к власти. Но эти вполне разумные соображения не служат аргументом в пользу идеи, что Ер. 68 была адресована преемнику Иоанна Воги, а не ему самому, и в пользу того чрезвычайно жесткого графика для миссионерской деятельности архиепископа в Хазарии, который создают издатели писем.

Я считаю, что три соседних письма, Ер. 66-68 в своде Николая Мистика, были отправлены одному и тому же адресату, патрикию Иоанну Воге, инициатору договора с печенегами, который и отвечал за церемонию ратификации. Патриарх был не вправе бросить тень на столь необходимый политический акт, и ему оставалось только просить виновного о добровольном покаянии. Позднее тот оказался способен помочь архиепископу Херсонскому в выполнении его миссии в Хазарии, причем не в своем официальном качестве – дука Херсона располагал лишь номинальной властью, но не войсками, – а именно благодаря своим связям с печенегами, которые, как мы увидим, контролировали регион. Ер. 67 была написана через несколько дней после Ер. 66, а Ер. 68, вероятно, несколько месяцев спустя после Ер. 67. Миссия архиепископа в Хазарию началась осенью 914 г. или весной 915 г., а к лету 920 г. принесла плоды, о которых повествует Ер. 106.

3. Крымская Хазария и Фульское архиепископство в Not. 7.

Упоминание Николаем Хазарии вызвало некоторую путаницу, но новейшие комментаторы признают, что речь не может идти о Хазарском каганате, и помещают Хазарию в Крыму [например: 47, с. 364; 48, р. 44-70]²³. В написании *Gazaria* это географическое название часто применялось с XIII в. к территории итальянской колонизации на юго-восточном побережье Крыма, а иногда распространялось и на Золотую Орду [49, с. 116-118]. Параллельное византийское словоупотребление можно найти у Иоанна Скилицы: он упоминает восстание Георгия Цулы, которое заставило отправить в январе 1016 г. флот в Хазарию, страну, чьим архонтом был Георгий [50, р. 354]. Несколько печатей показывают, что протоспафарий Георгий Цула занимал в начале XI в. должность стратига Херсона, и именно там-то ученые и локализовали восстание, упомянутое Скилицей, невзирая на тот факт, что ни один источник не называет Херсон и его окрестности Хазарией. Затем вновь обнаруженная печать подсказала иное решение. На ней фигурирует протоспафарий Георгий Цула, очевидно, тот же, что и на печатях из Херсона, с титулом «Боспорский», Πο<σ>φόρ(ου). Этот титул может только указывать на пост стратига Боспора Киммерийского, внесенный в Эскуриальский тактикон²⁴. Если Георгий Цула на всех печатях является одним и тем же лицом, то он, должно быть, был переведен из Херсона на Боспор (и этот перевод, который вряд ли можно расценивать как повышение, мог стать причиной его мятежа). Тогда Хазария и у Скилицы обозначает Восточный Крым, эквивалент *Gazaria*.

Патриарх Николай применял наименование Хазария к тому же региону еще в 914 г., и это раннее словоупотребление служит аргументом против общепринятого объяснения наименования *Gazaria* как воспоминания о Хазарском каганате. В начале X в. каганат был мощным и близким соседом, и для Крыма иметь свою Хазарию означало иметь своих хазар. Ими могли быть только хотциры (*Khotziroi*), которых Not. 3 помещала в Крыму за столетие до Николая Мистика.

Территория, заселенная хотцирами (*Khotziroi*), племенем, среди которого раздел 37 в Not. 3 поместил одного из епископов Готской епархии, располагалась, согласно пояснительной приписке к этому разделу, рядом с Фулами и тоῦ Χαρασίου. Это последнее название там же правильно переведено (с тюркского

²³ С.А. Иванов усматривает в «заблудшем народе» крымских алан (чье существование в X в. будет трудно доказать) и устанавливает связь между имевшими место при Николае миссиями в Крыму и в Алании, которую я считаю необоснованной [35, р. 182-183].

²⁴ Эта новая печать была опубликована и прокомментирована И.В. Соколовой [51, с. 68-74; 52, с. 103-116 (с примечаниями)]. Точку зрения Соколовой поддержал В.П. Степаненко [53, с. 125-129]. Г.Г. Литаврин недавно попытался вернуть восстание Цулы назад в Херсон [54, с. 215-223 (с подробной библиографией)].

Kara-su) как «Темная вода». Кара-су, основной приток Салгира, ограничивает восточную часть Крымского полуострова. Что же касается локализации Фул, споры, которые исчерпали все разумные и менее разумные варианты, привели к их почти единогласному размещению на Тепсене, к западу от Феодосии [55, с. 212-218]. Эта часть Восточного Крыма, наряду с расположенным на самом востоке Керченским полуостровом, была плотно заселена в VIII в. новым населением, описанным археологами как болгаро-тюркское. Его прибытие явилось результатом хазарского завоевания, и его «материальная культура» была определена И.А. Барановым как крымский вариант салтово-маяцкой культуры, наиболее выразительной для Хазарского каганата [56].

Я не первый заметил, что это новое население носило племенное название хотциры [56, р. 139-140] и предположил, что от хотциров Not. 3 пошло название Хазария, применявшееся позднее к территории их расселения [33, р. 98; 57, р. 72; 48, р. 61-62]. Более того, в русских летописях слово хазары пишется через *о* в первом слоге (козаре), а в армянских текстах через *і* во втором слоге (Хазірк'). Это комбинированное свидетельство подтверждает, что название хотциры в Not. 3 не обозначает племя родственное или союзное хазарам, а является вариантом написания самого названия хазары, образованным редактором нотиции или его информатором со слуха. Этот аргумент имеет решающее значение для столь обсуждаемого вопроса об этнической идентичности хазар. Археологи склонны относить знатные захоронения к «этническим» хазарам и приписывать «массовый» материал болгарам, аланам или алано-болгарам. Тюркские мигранты в Восточный Крым, которые с конца VIII в. селятся также и в западной части полуострова, описываются, соответственно, как «болгарские союзники хазар» [58, р. 422-423 (с дополнительными ссылками)], так как материал из их поселений и захоронений достаточно сер и непримечателен. Здесь меня, однако, интересует не атрибуция ранних богатых захоронений и не поиск «подлинных» хазар. Я хочу лишь подчеркнуть, что этническая идентификация хотциры-хазары была закреплена за «тюрками»-мигрантами в Крым уже в Not. 3 ок. 800 г. Эта идентификация отличает их в нотиции от гуннов и оногуров, племен, заселявших территорию каганата до хазарского завоевания. В период, близкий к появлению салтово-маяцкой культуры, тюркские переселенцы в Крыму воспринимались как хазары их греко-говорящими соседями и, вероятно, даже ими самими, независимо от их особых корней (хазарских, барсильских, болгарских и т.д.). Их этническая идентичность была достаточно сильной, чтобы название Хазария осталось за территорией их поселения на будущие века. Следовательно, насколько этническая атрибуция археологических находок вообще имеет смысл, и крымский вариант салтово-маяцкой культуры, и вся эта культура в целом могут определяться как хазарские без кавычек и оговорок.

Решение Николая Мистика назначить архиепископа для этого народа

является для моей аргументации ключевым. Он доверил архиепископу Херсонскому выбор «архиерея, который должен жить среди них» и наказал ему отправить кандидата в Константинополь для рукоположения. Намерение патриарха лично рукоположить нового «пастыря для стада, которое до сих пор было некому пасти», не оставляет сомнений относительно архиепископского звания нового архиерея. Только одно новое архиепископство было создано в Восточном Крыму в рассматриваемый период: Фулы. Это название впервые упоминается ок. 800 г. в Not. 3, где им обозначен регион расселения хотциров, называвшийся во времена Николая Хазарией. Согласно Житию Иоанна Готского начала IX в., в Фулах в 780-х гг. содержался в заключении Иоанн по приказу хазарского кагана. В 861 г. Константин Философ посетил Фулы по пути к хазарскому кагану или возвращаясь после встречи с ним; он убедил местных жителей срубить их священное дерево, называемое Александр. Для настоящей дискуссии важно, что поклоняющиеся дереву, которых наставил Константин, были не язычниками, а нерадивыми христианами, которых было легко убедить отказаться от греховной практики. Этот образ близок представлению Николая о «заблудшем народе, почти похищенным злым демоном из лона благочестия». Это также согласуется с указаниями Not. 3, что христианство достигло этого региона к 800 г. Решение, объявленное Николаем летом 920 г., могло, следовательно, касаться только создания Фульского архиепископства. Оно превращается в *terminus post quem* для Not. 7, в которой это архиепископство упомянуто в самый первый раз (ст. 99).

4. Пересмотр церковной таблицы о рангах как последствие Единения.

Новая временная граница для составления Not. 7 прежде всего позволя-ет определить событие, которое дало к тому толчок. Патриарх осуждает в своем вступлении позорные перебранки на собрании верховных церковных иерархов, когда представители бывших папских епархий толкали своих восточных коллег, чтобы занять места, которые они считали для себя достойными, а те толкали их вспять с неменьшей силой. Это неотожествленное до сих пор собрание явно происходило после долгого промежутка времени, в течение которого митрополиты не встречались, и теперь оно может быть определено как синод Единения июня – июля 920 г. Далее во вступлении указывается, что новая табель о рангах была согласована позднее, когда патриарх, император и митрополиты собрались в церкви св. Ирины, дабы отпраздновать память почтенных патриархов (τὴν τῶν ἀοιδίμων πατριάρχων μνήμην). Этот праздник тоже не был до сих пор отождествлен. Однако единственное праздничное событие, которое сводило патриарха и императора в церкви св. Ирины, было, согласно Книге церемоний, празднование Единения в июле [59, p. 174]. Я не сомневаюсь, что Николай описывает, используя наименование,

которое в позднейшей традиции не сохранилось, первую такую церемонию в июле 921 г. Это было подходящее время для поправления урона, который был нанесен годом ранее. Что же касается наименования праздника, то нужно напомнить, что для Николая основой Единения было определение списка «чтимых» патриархов, а точнее – исключение из этого списка одного, который не заслуживал торжественного поминовения, его соперника «анти-патриарха» Евфимия. Этот взгляд на событие изменился вскоре после смерти Николая, когда имя Евфимия было восстановлено в диптихах.

Новая датировка Not. 7 позволяет предложить решение старой проблемы, касающейся епархии Халдии. Вслед за В. Грюмелем и другими, Ж. Даррузес представил и проблему, и ее традиционное решение в одной из своих последних опубликованных работ [42, р. 210-215]. В Not. 7 Трапезунд является митрополией епархии Лазика (ст. 556), почетно помещенной во второй трети списка митрополитов, как и подобает этой древней епархии (ст. 33). В своде писем Николая, однако, митрополит Василий Трапезундский, адресат Ер. 114 и 128, представлен как митрополит Халдии, и то же название обозначает эту епархию в тексте Ер. 74. Все три письма датированы издателями, которые следовали за Регестами Грюмеля, между 913 и 919 гг., т.е. позднее традиционной даты Not. 7. Трапезунд был столицей фемы Халдия, и потому Даррузес и его предшественники вынуждены были предположить, с некоторым удивлением, что Николай предпочитал светскую номенклатуру официальному названию епархии в нотиции, которую сам же он и составил. Это объяснение маловероятно, и можно показать, что в нем нет необходимости.

В старой традиции, восходящей к протонотиции и отраженной в Not. 1-4 Даррузеса, епархия Лазика с митрополией в Фазисе соответствовала реальной Лазике на восточном берегу Черного моря, тогда как Трапезунд был всего лишь викарным епископством Полемонийского Понта. Однако списки Седьмого Вселенского Собора 787 г. указывают на любопытное новое явление. Митрополит Христофор Лазийский, идентифицированный как τοῦ Φάσιδος в Списках АВСЕ, фигурирует как Τραπεζοῦντος в последнем Списке F. Эта последовательность, которая породила сочетание τοῦ Φάσιδος ἤτοι Τραπεζοῦντος в пересмотренном Списке D, была правильно интерпретирована как указание на то, что вакантная епископская кафедра Трапезунда была отдана Христофору во время Собора [9, р. 45; 42, р. 211]. Этот перевод, несомненно, связан с тем, что византийский митрополит Фазиса был изгнан со своей кафедры. Это событие должно быть соотнесено с завоеванием абазгами (абхазами) Лазики-Егриси, что вывело ее из состава Византии в 770-х или 780-х гг. [60, с. 213-218]²⁵. Таким образом дата Собора дает нам *terminus ante quem*

²⁵ Предположить, что Христофор был назначен митрополитом Фазиса *in partibus*, с неясными перспективами на занятие престола, было бы для VIII в. анахронизмом.

для этого завоевания, а тем самым и для окончательной эмансипации, политической и церковной, Авазгии (и, как следствие, Лазики) от византийской зависимости. Но, как указывал Даррузес, единичный случай с Христофором не сделал Трапезунд митрополией. В IX в. Not. 2 и 4 по небрежности помещают Трапезунд как на своем старом месте викарного епископства, так и среди архиепископств (Not. 2, ст. 296 и 78; Not. 4, ст. 251 и 75) [42, p. 211-212]. Те же нотии подчиняют епархию Лазики/Фазиса Константинополю, что в IX в. являлось анахронизмом. Затем, на следующем этапе, Not. 6 (список митрополитов) помещает одновременно митрополита Фазиса в Лазике (ст. 27) и митрополита Трапезундского ближе к концу списка, что указывает на вновь созданную кафедру (ст. 34). Таким образом возвышение Трапезунда, столицы Халдии, до статуса митрополии изначально не имело ничего общего с Лазикой. Однако Not. 7 показывает примечательное устройство, о котором, должно быть, митрополиты договорились летом 921 г. Тогда как Лазика должна была быть удалена из обновленной нотии вместе с другими устаревшими епархиями, митрополиту Халдии было дозволено сохранить за собой эту деноминацию, выигрывая тем самым несколько позиций в нотии. Номенклатура Ер. 74, 114 и 128 Николая Мистика отражает ту же реальность, что и Not. 6, когда Трапезундская епархия была отличной от Лазики. Номенклатура же Not. 7 – столь же новая и искусственная в этом случае, как и включение Исаврии под именем Памфилии (см. выше). Совершенно очевидно, что Not. 7 следует датировать позднее, чем письма Николая Мистика.

Это обращение к искусственной номенклатуре помогает объяснить отсутствие архиепископа Алании в Not. 7. История обращения Алании известна, главным образом, из писем Николая Мистика, которые довольно хорошо датированы. Группа монахов вела миссионерскую работу в стране до 912 г., и Николай поздравил их с достигнутым вскоре после своего возвращения на престол (Ер. 78). Архиепископ был отправлен в Аланию в 914 г. или в 915 г., в период полуопалы Николая (Ер. 52). Он был сильно подавлен местными условиями, а затем, еще в большей степени, возвращением монахов-миссионеров, с которыми он не ужился. Письма Николая Петру, архиепископу Алании, содержат советы и утешение и датируются ок. 915-918 гг. (Ер. 53, 118, 133-135). Два письма патриарха царю (exousiastes) Абазгии 914-917 гг. содержат просьбу оказать содействие архиепископу (Ер. 46, 51) [см. недавнее исследование: 61, p. 187-192]. Византийское духовенство было изгнано из Алании ок. 932 г., когда эта страна была вынуждена вновь подчиниться хазарам [62, p. 254-255], но в 921 г. оно, без сомнения, там находилось. Отсутствие Аланского архиепископа в Not. 7 можно, на мой взгляд, объяснить таинственным присутствием архиепископа Севастополя в Абазгии (ст. 100). Это древнее архиепископство фигурирует в нотиях, начиная с самой первой, но в полностью пересмотренной Not. 7, оказывается единственным очевидным анахронизмом.

Как мы уже видели, церковь Абазгии утвердила свою независимость от Константинополя еще в 780-х гг.²⁶ Более того, внесение в Not. 7 одного архиепископства для страны, где архиереев было несколько, было бы столь явной аномалией, что не могло бы служить доказательством реинтеграции Абазгии в византийскую церковную структуру [60, р. 95-97]. Еще один ключ представляет тот факт, что Севастополь исчезает из обновленной версии Not. 7 середины X в., Νέα Τακτικά. Для М. Гельцера это «явная описка», для Ж. Даррузеса это отражение «новой ситуации», признак растущей эмансипации Абазгии от Византии – для историков, которые не объясняют, почему проявление этого признака задержалось до середины X в. [40, р. 560; 1, р. 57; ср. 60, с. 96]. Я считаю, что Севастополь в Not. 7 был не частью Абазгской церкви, которая уже более века не подчинялась Константинополю, а номинальной кафедрой архиепископства Аланского, своевременно удаленной, когда Алания перестала быть христианской.

Собрание в церкви св. Ирины утвердило табель о рангах для митрополитов и архиепископов, тех, кто мог бороться за место в постоянном синоде, на патриаршей литургии или на приеме. Викарные епископы, редко собиравшиеся вместе, рассаживались и подавали голоса в соответствии с рангом их митрополита [40, р. 549-550]. Однако Not. 7 отражает гораздо более амбициозное предприятие, состоявшее в первой систематической ревизии списков епископских кафедр после протонотиции VII в. Подобный пересмотр требовал дополнительных расследований, вероятно, в форме запросов, направленных каждому митрополиту, относительно реального состава кафедр митрополии; ответы сличались со списками, доступными в синоде. Заглавие Not. 7 в древнейшей иерусалимской рукописи описывает ее как результат «синодальной инспекции» (ἐκ συνοδικῆς διασκέψεως); будь то догадка или достоверная информация переписчика, нет сомнения, что это описание отражает процедуру составления документа. Впрочем, на подобное обследование потребовалось бы не более года, и оно не противоречит идее Гельцера о единовременности всех трех частей Not. 7. Несколько рукописей указывают в заглавии, что табель (taxis) хранилась в патриаршем архиве (chartophylakeion) [1, р. 272]. Это указание важно для понимания ранней эволюции текста. Патриаршая канцелярия изначально пыталась актуализировать текст. Романуполь и два других викарных епископства Камахи, добавленные в конце 920-х или в начале 930-х гг., похоже, стали первым обновлением, и это еще один довод в пользу того, что

²⁶ Попутно отмечу, что Севастополь, представленный на Седьмом Вселенском Соборе [9, р. 49], должен был быть возвращен в Армению II вместе с соседним Никополем, следуя *communis opinio*. Ламберц размещает указанные кафедры в Абазгии и Фракии соответственно, однако присутствие в соборных актах двух новых армянских архиепископств объяснить нетрудно. Утратив свою митрополию Севастию, которая попала в руки арабов, обе епископские кафедры автоматически стали «автокефальными».

исходную нотицию следует датировать началом 920-х гг., а не двадцатью годами раньше. Официальный экземпляр продолжал правиться и позже, но все это время он мог быть скопирован, а частные копии затем пополнялись, главным образом в списках митрополитов и архиепископов, в обычном беспорядке.

«Маленькая вселенная» епископских нотиций.

В первых строках своего вступления к Not. 7 патриарх Николай Мистик использует прекрасный образ для ее описания. Высшие церковные должности вписаны в этот документ «будто собранные в некоей маленькой вселенной, легко доступные для обозрения желающему»²⁷. Нотиция является микрокосмом церкви, миниатюрной моделью ее размещения в пространстве. Моделью, которая в отличие от зеркала отражает не объективную реальность, а знания и компетенцию ее создателя.

Многие критические замечания в адрес Not. 3 касались отрыва от реальности содержащихся в ней списков, которые представляли «все, чего бы хотелось, кроме официального отражения реальных вещей» (Дюшен, цитируемый выше). Недавнее исследование распространило этот упрек на все нотиции. На вопрос, «какую реальность представляют эти списки», автор отвечает, что «они утратили связь с местной реальностью (...) еще в VII в.» [63, р. 144]. На эту оценку его вдохновили наиболее консервативные главы, касающиеся епархий западной Малой Азии, но даже и там столь радикальное суждение, вероятно, не соответствует истине. Как мы видели, разные нотиции отражают реальность в разной степени. Таким образом нотиции являются хорошим индикатором способности Константинопольской церкви познать саму себя в плане своего территориального охвата. Даже зарождающаяся в патриаршей канцелярии, «официальное отражение» отображало не «реальность вещей», а лишь ту реальность, которая была известна автору.

Если считать нотиции показателем степени осознания церковью своих составляющих элементов, то пробелы в познаниях составителя Not. 3 не менее поучительны, чем те разделы, где он проявляет компетентность. Эти пробелы характеризуют не столько его личную эрудицию, сколько скудность данных в патриарших архивах. Похоже, что ок. 800 г., при Тарасии, высшие клирики в Константинополе знали очень мало о некоторых епархиях, которые они считали своими. Когда же 120 лет спустя при Николае Мистике они создали новую модель своей вселенной, в их распоряжении оказались куда более надежные материалы.

Перевод с английского Н.И. Радочиной

²⁷ ὡσπερ τινὶ οἰκουμένῃ βραχεῖα συνεχόμενας καὶ τῷ βουλομένῳ ἀταλαίπωρως προφαινομένας

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Darrouzès J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
2. de Boor K. Analekten (I-III). Nachträge zu den Notitiae Episcopatum // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1891. 12; 1893. 14.
3. Gelzer H. Die kirchliche Geographie Griechenlands vor dem Slaweneibruche // Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie. 1892. 35.
4. Duchesne L. Les anciens évêchés de la Grèce // Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'École Française de Rome. 1895. 15.
5. Lemerle P. Philippes et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Paris, 1945.
6. Kountoura-Galakè E. Συμβολή στην μελέτη της βυζαντινής εκκλησιαστικής ιεραρχίας κατά την περίοδο της πρώτης εικονομαχίας // Byzantiaka. 1994. 14.
7. Kountoura-Galakè E. Η «εικονοκλαστική» Notitia 3 και το λατινικό πρωτότυπό της // Symmeikta. 1996. 10.
8. Prigent V. Les évêchés byzantins de la Calabre septentrionale au VIIIe siècle // Mélanges de l'École Française de Rome, Moyen Âge. 2002. 114.
9. Lamberz E. Die Bischofslisten des VII. Ökumenischen Konzils (Nicaenum II) (Bayerische Akademie der Wissenschaften, Abhandlungen, phil.-hist. Klasse, NF Heft 124). München, 2004.
10. Laurent V. L'érection de la métropole d'Athènes et le statut ecclésiastique de l'Illyricum au VIIIe siècle // Études byzantines. 1943. 1.
11. Laurent V. La date de l'érection des métropoles de Patras et de Lacédémone // Revue des études byzantines. 1963. 21.
12. Kresten O. Zur Echtheit des sigillion des Kaisers Nikephoros I. für Patras // Römische historische Mitteilungen. 1977. 19.
13. Oikonomides N. St Andrew, Joseph the Hymnographer and the Slavs of Patras // ΛΕΙΜΩΝ. Studies presented to Lennart Rydén on his Sixty-Fifth Birthday. Ed. J.O. Rosenqvist. Uppsala, 1996. (Репринт в: Social and Economic Life in Byzantium. Aldershot, 2004, n° XXIV).
14. Yannopoulos P. Métropoles du Péloponnèse mésobyzantin: un souvenir des invasions avaro-slaves // Byzantion. 1993. 63.
15. Laurent V. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin, V, 1. Paris, 1963.
16. Jacob A., Martin J.-M. L'Église grecque en Italie (v. 650 – v. 1050) // Histoire du Christianisme, sous la direction de J.-M. Mayeur, L. Piétri, A. Vauchez, M. Vénard, IV: Évêques, moines et empereurs (610-1054), sous la responsabilité de G. Dagron, P. Riché, A. Vauchez. Paris, 1993.
17. Martin J.-M. Léon, archevêque de Calabre, l'Église de Reggio et la lettre de Photius (Grummel-Darrouzès n° 562) // EUPSYXEIA, Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler (Byzantina Sorbonensia 16). Paris, 1998.
18. Theophanes. Chronographia. Ed. C. de Boor. I. Leipzig, 1883.
19. Kountoura E. New Fortresses and Bishoprics in 8th-Century Thrace // Revue des études byzantines. 1997. 55.
20. Васильевский В.Г. Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Труды. Петроград, 1915. Т. 3.
21. Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. 3. Washington, D.C., 1996.
22. Gouillard J. La Vie d'Euthyme de Sardes (†831), une œuvre du patriarche Méthode // Travaux et Mémoires. 1987. 10.
23. Englezakis B. Cyprus, Nea Justinianoupolis // Englezakis B. Studies on the History of the Church of Cyprus, 4th-20th Centuries. Aldershot, 1995.

24. Соколов П.П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913.
25. Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bishofsliste. Berlin; New York, 1990.
26. Ioannou S. and M. The Position of Cyprus in the Episcopal Lists of the Seventh Ecumenical Council // Englezakis B. Studies on the History of the Church of Cyprus, 4th-20th Centuries. Aldershot, 1995.
27. Darrouzès J. Listes épiscopales du concile de Nicée (787) // Revue des études byzantines. 1975. 33.
28. Libri Carolini / Ed. A. Freeman, P. Meyvaert (Monumenta Germaniae Historica, Concilia, Supplementum I). Hannover, 1998.
29. Le Liber Pontificalis / Ed. L.Duchesne Paris, 1886 (2-е изд. – 1955).
30. Davis R. The Lives of the Eighth-Century Popes (Liber Pontificalis). Liverpool, 1992.
31. Auzépy M.-F. L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin. Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs 5), Aldershot, 1999.
32. Anastos M.V. The Transfer of Illyricum, Calabria and Sicily to the Jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople in 732-33 // Studi Bizantini e Neoellenici. 1957. 9 (Silloge Bizantina in onore di S.G. Mercati) (Пепринт в: Studies in Byzantine Intellectual History. London, 1979. n° IX).
33. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge Mass., 1936.
34. Ромашов С.А. Болгарские племена Северного Причерноморья в V-VII вв. // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1992-1994. 8.
35. Иванов С.А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.
36. Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar / Ed. C. Zuckerman (Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 25). Paris, 2006.
37. Auzépy M.-F. Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
38. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
39. Zuckerman C. Two Notes on the Early History of the thema of Cherson // Byzantine and Modern Greek Studies. 1997. 21. (Русскоязычный вариант статьи: Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1).
40. Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum. (Abhandlungen der k. bayerischen Akademie der Wissenschaften, I. Cl., XXI, 3). München, 1900.
41. Honigmann E. Une «scala» géographique copte-arabe et l'emplacement de Romanopolis en Arménie // Honigmann E. Trois mémoires posthumes d'histoire et de géographie de l'Orient chrétien. (Subsidia Hagiographica 35). Brussels, 1961.
42. Darrouzès J. Remarques sur des créations d'évêchés byzantins // Revue des études byzantines. 1989. 47.
43. Grumel V. Sur les coutumes des anciens Bulgares dans la conclusion des traités // Известия на Историческото Дружество в София. 1937. 17 (Mélanges Zlatarski).
44. Theophanes Continuatus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838.
45. Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Ed. R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink (CFHB 6). Washington, DC, 1973.
46. Jenkins R.J.H. A "Consolatio" of the Patriarch Nicholas Mysticus // Byzantion. 1965. 35. (Пепринт в: Studies on Byzantine History of the 9th and 10th Centuries. London, 1970, n° XIX).
47. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
48. Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // Bulletin

- d'Information et de Coordination de l'Association Internationale des Études Byzantines. 1971. 5. (Репринт в: *Byzance: les pays et les territoires*. London, 1976. n° VII).
49. Скржинская Е.Ч. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.) // *Византийский временник*. 1973. Т. 35. (Репринт в: *Русь, Италия и Византия в средневековье*. СПб., 2001).
 50. Ioannes Scylitza. *Synopsis Historiarum* / Ed. I. Thurn. Berlin; New York, 1973.
 51. Соколова И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // *Палестинский сборник*. 1971. Вып. 23(86).
 52. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. М., 1983.
 53. Степаненко В.П. К истории средневековой Таврики // *АДСВ*. Вып. 26. Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992.
 54. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII вв.). СПб., 2000.
 55. Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма // *СА*. 1958. XXVIII.
 56. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
 57. Vernadsky G. *Byzantium and Southern Russia* // *Byzantion*. 1940-1941. 15.
 58. Aibabin A. On Byzantium's Northern Border: The Rural Population of the Mountainous Crimea in the 6th to 9th Centuries // *Les Villages dans l'Empire byzantin, IVe-XVe siècle* / Éd. J. Lefort, C. Morrisson, J.-P. Sodini. (Réalités byzantines 11). Paris, 2005.
 59. Constantin Porphyrogénète. *Le Livre des Cérémonies*, 45(36) / Ed. A. Vogt. I. Paris, 1935.
 60. Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. Сухуми, 1989.
 61. Alemany A. *Sources on the Alans. A Critical Compilation*. Leiden; Boston; New York, 2000.
 62. Zuckerman C. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // *Revue des études byzantines*. 1995. 53. (Украиноязычный вариант статьи: Цукерман К. Про дату навернення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Ігоря // *Ruthenica*. 2003. Т. 2; ср. Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // *Славяне и их соседи*. М., 1996. Вып. 6).
 63. Mitchel St. The Settlement of Pisidia in Late Antiquity and the Byzantine Period: Methodological problems // *Byzanz als Raum. Zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des östlichen Mittelmeerraumes* / Eds. K. Belke, F. Hild, J. Koder, P. Soustal. Vienna, 2000.

Цукерман К.

**Политика Византии в Северном Причерноморье
по данным *Notitiae episcopatum***

Резюме

В статье рассматриваются нотиции Константинопольского патриархата, опубликованные Ж. Даррузесом [1]. Наиболее ранняя нотиция представлена в виде Not. 1. Этот документ дает достаточно полный перечень не только митрополичьих и архиепископских, но и епископских престолов, митрополия за митрополией, на середину VII в. Столь же полное и надежное их описание было проведено примерно 250 лет спустя, при патриархе Николае Мистике. Оно обрело форму Not. 7 в своде Даррузеса, которая рассматривается во второй части статьи. В промежутке производились частичные попытки актуализировать Not. 1. Наиболее амбициозной среди этих компиляций является Not. 3 свода Даррузеса, часто отмечаемая учеными как лишенная интереса частная фантазия. Первая часть статьи посвящена реабилитации этого документа.

Цукерман К.

**Політика Візантії в Північному Причорномор'ї
за даними *Notitiae episcopatum***

Резюме

У статті розглядаються нотиції Константинопольського патріархату, опубліковані Ж. Даррузесом [1]. Найбільш рання нотиція представлена у вигляді Not. 1. Цей документ надає досить повний перелік не лише митрополичих і архієпископських, але і єпископських престолів, митрополія за митрополією, на середину VII ст. Настільки ж повний і надійний їх опис був проведений приблизно 250 років опісля, при патріарху Миколі Містику. Він знайшов форму Not. 7 в труді Даррузеса, яка розглядається в другій частині статті. У проміжку були зроблені часткові спроби актуалізувати Not. 1. Найбільш амбітною серед цих компіляцій є Not. 3 Даррузеса, що часто відмітається вченими як позбавлена інтересу приватна фантазія. Перша частина статті присвячена реабілітації цього документа.

М. А. НИКИФОРОВ

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ СУГДЕИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI вв.

В первой половине IX в. в Таврике происходят важные политические изменения. С одной стороны, здесь усиливаются позиции Византии. При императоре Феофиле учреждается фема, главным городом которой становится Херсон. Новая фема являлась плацдармом империи, стремящейся распространить свое влияние и на другие территории полуострова. С другой стороны, Хазарский каганат, долгое время господствующий в Таврике, постепенно теряет свои позиции. Появившиеся в Северном Причерноморье венгры, а затем печенеги значительно сокращают возможности хазар по контролю над территориями юго-западного и юго-восточного Крыма.

Названные политические изменения не могли не повлиять на развитие Сугдеи. В данной статье будет рассмотрена политическая история города в первой половине IX – первой половине XI вв. Нижняя хронологическая граница выделенного периода связана с началом процесса усиления контроля Византии над Таврикой. Верхнюю дату определяют печати византийских стратегов Сугдеи [1, р. 49-50; 2, с. 314-315; 3, с. 304], однозначно указывающие на подчинение города империи в первой половине XI в.

Несмотря на довольно четкие хронологические границы, позволяющие выделить новый этап в истории Сугдеи, в историографии до сих пор нет специальных работ, ему посвященных. Исследователи обращались к этому времени или в рамках обобщающих работ по истории Сугдеи [4, с. CLVI-CCVII; 5; 6, с. 322-357; 7], или при изучении более узких хронологических периодов [8, с. 201-244; 9, с. 272-288; 10, с. 236-261; 11, с. 217-224; 12, с. 108-124]. Предложенная статья является попыткой устранить существующую лауну.

Главным и, по сути, единственным источником по политической истории Сугдеи первой половины IX – первой половины XI вв. является комплекс печатей, найденных в акватории бухты Лимена-Кале [1, р. 47-58; 2, с. 296-330; 3, с. 303-306; 13, р. 123-130; 14, с. 85-98; 15, с. 153-161; 16, с. 384-388].

Практически ни одно исследование о раннесредневековой Сугдее уже не обходится без рассмотрения этих моливдовулов. Несмотря на бесспорную важность сведений, полученных при изучении печатей, они, как всякие другие источники, требуют к себе критического отношения. Поэтому в ходе исследования будет произведена попытка дать оценку печатям этого комплекса как историческому источнику.

Кроме моливдовулов некоторую информацию о политическом положении Сугдеи в VIII в. можно получить из сведений «Жития Стефана Сурожского». Этот агиографический памятник посвящен святому Стефану, долгое время занимавшему епископскую кафедру Сугдеи. Известно несколько списков и три редакции этого источника: греческий [4, с. 72-76; 17, с. 11-15], церковно-славянский [4, с. 77-98; 17, с. 15-53] и армянский [17, с. 54-66; 18, р. 94-107]. Для выяснения политического статуса Сугдеи в статье также привлекались сведения средневековых писателей и другие источники о территории Таврики в целом [19–26].

Скупость и неоднозначность содержащейся в источниках информации привела к возникновению разнообразных версий о политическом статусе города в первой половине IX – первой половине XI вв.

В.Г. Васильевский утверждал, что Сугдея с начала VIII в. по всем признакам состояла под властью хазар [4, с. CLXIII]. Исследователь затруднялся назвать время, когда эта власть была ликвидирована, однако предполагал, что византийский контроль над городом восстановился только после разгрома хазар в 1016 г. [4, с. CLXVI].

И.А. Баранов датировал хазарский период функционирования крепости второй половиной VIII – X вв. По его мнению, в это время Сугдея играла роль хазарского военного лагеря. Не ранее середины IX в. на северном склоне горы Дженебез-Кая возводится крепостная стена [27, с. 49-50, 53]. В мирное время в крепости находились хазарские военачальники с регулярным отрядом. В период войны к ним присоединялись войска родовых вождей со всей территории Крымской Хазарии, в количестве одного тумена (10 тыс. чел.) и, в случае необходимости, основные силы каганата [28, с. 67-68]. Хазары покидают город не ранее второй половины X в. Это находит отражение в смене слабой застройки сельского типа внутри периметра крепостных стен упорядоченной квартальной планировкой с ремесленными мастерскими и внутренним рынком [27, с. 49-50, 53]. В самом конце X – первой половине XI вв., по мнению И.А. Баранова, Сугдея получает ранг стратигии или малой фемы. Исследователь отождествляет Сугдею с известной по данным «Эскуриального Тактикона» (975 г.) фемой Понта Эвксинского и локализует здесь базу византийского военно-морского флота [29, с. 86-87].

А.И. Айбабин датирует упразднение власти хазар в Таврике более ранним временем. Исследователь предположил, что хазарские войска были

изгнаны с полуострова мадьярами в третьей четверти IX в. [30, с. 227], после чего в Сугдее утвердилась византийская администрация [31, с. 77].

С носителями праболгарской культуры (т. н. крымский вариант салтовомаяцкой культуры) связывает функционирование Сугдеи в VII-X вв. В.В. Майко. В середине X в., по его мнению, здесь, как и во всем юго-восточном и южном Крыму, на смену этой археологической культуре приходит совершенно новая [8, с. 201-203; 9, с. 272]. Развитие событий на полуострове во второй половине X – начале XI вв., в интерпретации В.В. Майко, выглядит следующим образом. Воевода или родственник киевского князя Игоря Хельгу наносит удар по территории Хазарского каганата и захватывает город Самкерц (Тмутаракань). Начать войну Игоря побудил византийский император Роман Лакапин в ответ на преследования хазарами христиан. По мнению В.В. Майко, Хельгу должен был не только напасть на хазарские владения, но и попытаться закрепиться в Таврике. Христианизированные праболгары, проживавшие на полуострове в это время, номинально зависели от Хазарского каганата, но находились в идеологической зависимости от Византии. Большая их часть поддержала войска русов. Каганат ответил карательной акцией под предводительством (хазарского) полководца Песаха – освободил захваченный русами Самкерц, уничтожил большинство праболгарских поселений и захватил крупнейшие города, в которых проживали христианизированные праболгары. Последние были вынуждены в спешке бежать. Им на смену и приходит сложное в этническом плане тюркское городское население с северокавказских и прикаспийских территорий [8, с. 240].

Затем, в начале 70-х гг. X в., как полагает В.В. Майко, территория юго-восточной Таврики переходит под власть Византии. Однако власть эта была номинальной. Поэтому между Русью, усилившей свое влияние на юго-восточный Крым в последнем десятилетии X в., и Византией был заключен своеобразный кондоминиум. Местное население обязывалось не поддерживать ни одно из государств в случае военного противостояния. Балансирование между Русью и Византией, по мнению В.В. Майко, позволило жителям Сугдеи какое-то время поддерживать видимость существования своеобразного реликта каганата – Крымской Хазарии [9, с. 277]. В начале XI в., воспользовавшись подавлением восстания Георгия Цулы (1015-1016 гг.), Византия ликвидирует крепнувший и набирающий все большую самостоятельность реликт Хазарского каганата в юго-восточной части полуострова, все менее зависимый от имперских чиновников. Империя восстанавливает свою власть в Сугдее и учреждает здесь фему [9, с. 280-281].

Взгляды В.В. Майко на историю Сугдеи X в. разделяет и А.В. Джанов [6, с. 239].

Ю.М. Могаричев посчитал, что хазары вообще не претендовали на политическое господство в Таврике, ограничившись лишь возможностью

получения дани. Материальная культура Сугдеи по-прежнему носила провинциально-византийский характер [17, с. 142, 166], поэтому, по мнению ученого, если Сугдея и подчинялась Хазарскому каганату, то непродолжительное время – во второй половине VIII в. На это, как полагает Ю.М. Могаричев, может указывать отсутствие или сокращение византийских печатей этого времени, происходящих из сугдейского сфрагистического комплекса. Однако, вероятнее всего, Сугдея на протяжении всего господства каганата на полуострове оставалась византийским городом, уплачивая хазарам лишь подати [32, с. 171; 33, с. 237, 239].

Схожего мнения придерживается Е.В. Степанова. По ее мнению, в VIII–IX вв. византийцы не покинули Сугдею. Город участвовал в экономической жизни Византийской империи и административно подчинялся Херсону. С территории города осуществлялся сбор налогов [17, с. 101].

С.Б. Сорочан рассматривает Сугдею как город, находившийся с конца VII – IX вв. в режиме совместного владения (кондоминиум). Хазарский тархан осуществлял здесь правительственно-представительские функции и делил их с византийскими властями и епископом Стефаном Сурожским [12, с. 113–114]. Византийские городские власти Сугдеи, по мнению ученого, были подконтрольны и зависимы от архонтов Херсона, на что указывает обилие моливдовулов последних [34, с. 517]. После образования в Таврике византийской фемы, Сугдея целиком переходит под контроль империи [12, с. 110, 119; 35, с. 333].

В.Е. Науменко интерпретирует находки печатей сугдейского сфрагистического комплекса, как определенно указывающие на существование здесь с конца VII в. византийской таможни [36, с. 547]. Исследователь причисляет Сугдею к т. н. климатам и предполагает подчинение ее административных структур стратигу одноименной фемы. Окончательное вхождение города в фему Херсон датируется им 870–880 гг. [37, с. 696–698; 38, с. 263, 264].

Приведенная историография свидетельствует о существовании во взглядах на развитие Сугдеи первой половины IX – первой половины XI вв., главным образом, двух противоположенных традиций. Первая базируется на тезисе о подчинении Сугдеи Хазарским каганатом в VII в. и постепенном возвращении его под контроль Византийской империи в IX, X или даже XI вв. Представители второй историографической традиции, опираясь, в основном, на данные сугдейского сфрагистического комплекса, видят в Сугдее сугубо византийский город. Влияние хазар на него если и было, то лишь незначительное и на короткое время и, в любом случае, исчезает после учреждения на полуострове византийской фемы.

Таким образом, очень важным для реконструкции политической истории Сугдеи является определение статуса города в период хазарского господства в Таврике: был он подчинен Хазарскому каганату или нет, и если

был, то когда от него освободился. Ответ на первый вопрос можно получить из сведений различных редакций «Жития Стефана Сурожского».

Церковно-славянская (как и армянская) редакция «Жития Стефана Сурожского» сообщает, что в Сугдее находилось мало христиан, но множество язычников и еретиков «велми злыхъ» [4, с. 79; 17, с. 35; 18, р. 96]. Из этого сообщения можно заключить, что как в самом городе, так и в его округе население в основном было не христианским. Однако, скорее всего, в данном случае имеет место некоторое преувеличение. Автор Жития мог специально упомянуть о множестве язычников, чтобы показать, насколько тяжелую работу проделал Стефан, крестив за пять лет весь город и окрестные села [4, с. 87; 17, с. 43, 62; 18, р. 96]. По крайней мере, «князья» Сугдеи, т. е. представители городской знати, очевидно, были христианами, раз лично прибыли в Константинополь за новым патриархом [17, с. 61; 18, р. 96].

С представителем такой правящей сугдейской верхушки – князем Георгом (Юрием) связан один из наиболее дискуссионных сюжетов Жития. Автор церковно-славянской редакции называет его одновременно «князем» и «тарханом» и сообщает, что он «приходил к святому, слушал его поучения: что велел святой, то он и делал» [4, с. 95; 17, с. 51]. Термин «тархан» являлся титулом [39, s. 299], использовавшимся для обозначения знатных представителей хазарских родов, освобожденных от уплаты государственных налогов в обмен на военную службу [40, с. 117-119]. Т. е. термин «тархан» обозначал не должность, а сословный титул, указывающий на принадлежность к родовой знати [41, с. 40]. Как «князь» Сугдеи, христианин по вероисповеданию, мог получить этот титул? Ответ на этот вопрос можно найти в армянской редакции Жития.

Источник сообщает, что хазарский царь Вирхор, проживающий в «Керчи», вызвал к себе известного уже нам сугдейского «князя»¹ Георга (Юрия), чтобы женить его на «женщине» [17, с. 64; 18, р. 102]. Нет оснований видеть в этой «женщине» дочь хазарского царя. Скорее всего, речь идет о дочери какого-либо тархана из его окружения. Породнившись с хазарским тарханом, Георг (Юрий), возможно, или сам был наделен этим почетным титулом, или просто получил соответствующее прозвище, под которым и фигурирует в армянской редакции Жития. То, что в источнике «князь» Георг (Юрий) назван тарханом еще до свадьбы, тоже объяснимо. Первоначальное

¹ В опубликованном А. Бозояном армянском тексте Жития используется термин *h2hshh*, имеющий множество значений: князь, правитель, управляющий и т. д. [42, с. 461]. А. Бозоян переводит этот термин на французский в разных случаях как «gouverneur» [18, р. 102-103], в других как «notable» [18, р. 96-97, 104-105]. Чтобы избежать терминологической путаницы, в представленной статье везде принят вариант перевода, предложенный Т.Э. Саргсян – «князь» [17, с. 64], т. к. такой же термин используется и в церковно-славянской редакции «Жития Стефана Сурожского».

«Житие Стефана Сурожского», безусловно, писалось после смерти святого, не ранее конца VIII в. [43, р. 110]. Поэтому его автор и называет «князя» уже известным ему в то время титулом или прозвищем.

Необходимо остановиться еще на одном сюжете, в котором упоминается «князь» Георг (Юрий). Автор Жития сообщает, что сугдейский «князь» «имел обыкновение посещать святого, повиновался ему и делал, как он говорил ему. Святой же весьма наставлял его на путь спасения» [4, с. 95; 17, с. 51]. Нет оснований видеть в этом сообщении признаки византийско-хазарского кондоминиума и приписывать святому Стефану «политическую силу, не намного уступающую светской власти», как это делает С.Б. Сорочан [34, с. 518]. Даже если не обращать внимания на возможность заметного преувеличения близости отношений Стефана с местным правителем, продиктованного характером источника, то в практике обращения высокопоставленного христианина к своему духовному отцу нет ничего политического. Георг (Юрий) предстает человеком, живущим «по закону Божьему», посещающим Стефана и повинующимся будущему святому, наставляющему его на путь спасения души [17, с. 51]. Таким образом, эпизод армянской редакции Жития, в котором Георг (Юрий) советуется со Стефаном перед поездкой к хазарскому царю, надо понимать не как согласование своих действий с представителем византийской власти [34, с. 518], а как обращение к провидцу. Собственно, этим сюжетом автор Жития и иллюстрирует способность святого предсказывать события [17, с. 64; 18, р. 102].

Из скудной информации, содержащейся в Житии, можно составить следующую картину политического положения Сугдеи во второй половине VIII в. Город управлялся местной знатью – «князьями». Одним из таких «князей», христианином по вероисповеданию, был и Георг (Юрий). В источнике он предстает перед нами, вероятнее всего, единоличным правителем Сугдеи, «исполняющим свою власть по закону Божьему» [4, с. 95; 17, с. 51]. Сугдея находилась под политическим господством Хазарского каганата, правитель которого мог вызывать к себе «князя» Сугдеи без объяснения причин. Георг (Юрий) вполне мог исполнять должность тудуна, заключавшуюся, главным образом, в сборе дани [41, с. 40], хотя никаких документальных подтверждений этому нет. Однако нет оснований для отождествления его ни с тюрком по происхождению [41, с. 41], ни с командующим хазарского тумена [28, с. 67-68]. Титулу или прозвищу «тархан» Георг (Юрий) обязан, скорее всего, лишь женитьбой на знатной хазаринке.

Сведения Жития о политическом положении Сугдеи согласуются с известной информацией о состоянии дел в Таврике в целом. По сведениям византийских письменных источников, большая часть полуострова к началу VIII в. находилась под контролем Хазарского каганата [19, с. 62-64, 163-165]. Согласно данным рассмотренных редакций «Жития Стефана Сурожского»,

не избежала этой участи и Сугдея. Город при этом сохранил местные традиции управления и тесные идеологические и торговые контакты с Византийской империей. Подтверждением последнего могут служить многочисленные сфрагистические находки, выявленные в акватории средневекового сугдейского порта.

Всего найдено 500-600 печатей, включая их заготовки. Из них информативными являются не более 20%, т. е. около 100 единиц [17, с. 176-177]. Хотя существуют и другие версии [44, с. 35-39; 45, с. 42-49], но объяснение происхождения столь массовых находок функционированием в Сугдее архива является пока самым распространенным. При этом понятие архив, в данном случае, имеет оттенок условности. Сведения об обстоятельствах обнаружения некоторых печатей сомнительны. Не исключено, что часть из них могла не относиться к архиву, а попасть в акваторию бухты случайно. Подавляющее большинство из идентифицируемых моливдовулов принадлежит византийским чиновникам: архонтам и стратигам Херсона, логофетам геникона и коммеркиариям различных византийских провинций.

Самый ранний из датированных моливдовулов сугдейского сфрагистического комплекса принадлежит апоипату Кириаку, главному логофету аптеки Константинополя и датируется 696-697 гг. [15, с. 153-154]. Эта печать позволила А.И. Айбабину связать находки моливдовулов в бухте Лимена-Кале с деятельностью торгового порта Сугдеи и таможней, созданной хазарами [30, с. 205]. Позднее Е.В. Степанова датировала второй половиной VI – первой половиной VIII вв. ряд византийских печатей: табулярия, хартулярия, ипатов, апоипатов, апоэпарха, а также личные печати Феодосия и Адриана (Андрея?) [1, р. 50-52; 13, р. 124-125]. Благодаря этим находкам она перенесла предполагаемую дату начала функционирования сугдейского архива на конец VI или первую половину VII вв. [17, с. 189]. При этом вызывает сомнение тезис исследовательницы о том, что архив был бы уничтожен в случае подчинения Сугдеи власти хазар [17, с. 180; 46, с. 101]. В ходе раскопок средневекового города Преслав также был обнаружен комплекс византийских печатей (971–1088 гг.) Его формированию не помешали периоды господства над городом ни печенегов, ни болгар [47, с. 16].

Важными представляются вопросы: изменялся ли характер печатей из сугдейского сфрагистического комплекса? И если изменялся, то как и когда? Ответы на эти вопросы можно получить, проанализировав печати, в легенде которых указаны должности чиновников. Вероятно, самые ранние из таких моливдовулов принадлежат табулярию (VII в.) и хартулярию (первая половина VII в.) [1, р. 50-51] – финансово-счетным чиновникам низкого ранга, составлявшим документы во множестве провинциальных и столичных служб и задействованным, в том числе, и в фискальных операциях [48, с. 107; 49, р. 1495; 50, р. 83]. В период политической зависимости Сугдеи от хазар (конец VII – начало IX вв.) меняется и состав печатей: за исключением, возможно,

одной печати логофета геникона², все они принадлежат чиновникам (логофету и коммеркиариям (5 экз.)) различных апотек [13, p. 126; 14, s. 86-90; 15, s. 153-154]. Это может служить свидетельством существования в данное время исключительно торговых контактов Сугдеи с империей. Печати этих коммеркиариев могут служить доказательством существования в городе хазарской таможни. С ослаблением контроля над городом со стороны хазар и усилением влияния Византии в первой половине IX в. состав печатей снова изменится. Вплоть до первой половины XI в. в сугдейском сфрагистическом комплексе доминируют моливдовулы архонтов (15 экз.) [1, p. 52-54; 3, с. 303; 13, p. 123, 124; 14, s. 95-97] и стратигов Херсона (6 экз.) [2, с. 311; 13, p. 125; 14, s. 95-98; 16, с. 385-386], стратигов Климатов (2 экз.) [1, p. 54; 3, с. 305] и логофетов геникона (17 экз.) [13, p. 123; 2, с. 306-308; 14, s. 91-92]. С первой половины XI в. появляются печати стратигов Сугдеи (6 экз.) [1, p. 49; 2, с. 314-315; 3, с. 304].

Таким образом, анализ моливдовулов с обозначением должностей позволяет выделить несколько исторических этапов развития города. Первый – «ранний», представлен печатями незначительных византийских чиновников. Второй – «хазарский», характеризуется печатями задействованных в торговле служащих византийских провинций Малой Азии и Константинополя. Третий – «постхазарский», в это время Сугдея устанавливает тесные отношения с Херсоном и Византийской империей. Наконец, четвертый – «византийский», начинается с появления в Сугдее собственного стратига.

Безусловно, количество найденных печатей позволяет пока лишь условно обозначить выделенные периоды. Так как датировки моливдовулов не отличаются точностью, то и хронологические границы периодов размыты. Дальнейшие работы по подъему и интерпретации печатей сугдейского архива должны внести большую ясность в периодизацию истории Сугдеи.

Вернемся к анализу печатей сугдейского сфрагистического комплекса интересующего нас периода. В первой половине IX – первой половине XI вв. Сугдея продолжала поддерживать торговые связи с византийскими регионами. На это указывают печати главного коммеркиария Понта Косьмы (середина или вторая половина IX в.) [1, p. 56] и императорского спафарокандидата и коммеркиария Херсона Константина [2, с. 308]. Коммеркиарии с IX в. находились в подчинении логофета геникона [20, p. 313], контролировали торговые операции и занимались сбором таможенных пошлин [49, p. 1141; 51, p. 50; 52, p. 135, 138].

Наиболее многочисленная группа печатей из Сугдеи принадлежит архонтам и стратигам Херсона и датируется IX-X вв. [1, p. 52-54; 3, с. 303; 13, p. 123-125; 14, s. 95-98]. Наличие этих моливдовулов является основным

² Спорной является только печать логофета геникона Феофилакта, которую В.И. Булгакова датирует VIII в. [7, с. 298], а В.Е. Степанова – IX в. [6, с. 191].

доказательством гипотезы С.Б. Сорочана о подчиненном статусе Сугдеи по отношению к Херсону, сложившемуся еще до учреждения первой в Таврике фемы [34, с. 334, 343]. К сожалению, автор не уточняет характера такой зависимости. Само по себе присутствие моливдовулов архонтов и стратигов Херсона в сугдейском сфрагистическом комплексе указывает лишь на существование каких-то отношений между этими двумя городами, а количество – на их активность. Например, из раскопок Преслава происходят печати различных чиновников многих византийских провинций, в том числе и стратига Херсона [47, с. 108-159], что совсем не является доказательством чьей-либо зависимости. Как представляется, гораздо важнее для выяснения характера отношений Сугдеи с Византийской империей определить происхождение многочисленных печатей логофетов геникона.

Всего из сугдейского сфрагистического комплекса происходит 17 моливдовулов этих чиновников. Скорее всего, все они датируются IX-XI вв. [17, с. 181]. При этом лишь одна печать выходит за хронологические рамки рассматриваемого периода. Наличие печатей логофетов геникона, по мнению Е.В. Степановой, указывает на осуществление византийцами сбора налогов с территории Сугдеи в IX в. [17, с. 183-184]. Однако подобный вывод представляется преждевременным.

С VII в. логофеты геникона возглавляли финансовое ведомство империи [50, р. 86-87; 53, с. 19-20; 20, р. 313-314]. Известны случаи, когда логофетам геникона поручали вести переговоры или возглавить военную операцию. Однако вряд ли стоит это связывать с их прямыми обязанностями. Скорее наоборот, недостаток опыта участия в подобных миссиях мог быть причиной насильственной смерти этих чиновников в обоих известных случаях [54, р. 528, 535]. Прямой и главной обязанностью логофетов геникона был контроль за финансами империи: установление размеров и сбор различных налогов и пошлин [54, р. 672; 50, р. 86-87; 53, с. 19-20; 20, р. 313-314]. Для этого у них в подчинении находились, например, хартулярии, коммерциарии, эпопты, диикиты. Именно на этих чиновников ложились обязанности по установлению размеров и сбору налогов и пошлин в провинциях [55, р. 992].

Опубликовано немалое количество печатей логофетов геникона, хранящихся в различных музеях и частных коллекциях [56, у. 62; 57, р. 83-84; 58, р. 91-94; 59, р. 36; 60, с. 53-54; 61, с. 124; 62, р. 72; 63, р. 516; 64, р. 1879; 65, р. 132-158; 66, с. 299-300; 47, с. 69-70]. Однако в большинстве случаев место обнаружения находок установить нельзя. Это значительно затрудняет интерпретацию возможных адресатов и причин появления печатей главных чиновников фиска в том или ином месте.

Моливдовулы логофетов геникона первой половины IX – первой половины XI вв. обнаружены и в Преславе [45, с. 69-70; 66, с. 299-300], и в Херсоне [67, с. 198]. Однако в обоих городах находились византийские чиновники:

коммеркирии [2, с. 308; 68, с. 1620-1626], архонты [2, с. 301-303; 69, с. 490-493] и стратиги в Херсоне [70, с. 737-740; 71, с. 363-367; 72, с. 256-258; 73, с. 247-250; 16, с. 385-386; 2, с. 311], стратиги в Преславе [47, с. 134-137], к которым, вероятно, и направлялась корреспонденция. В случае с Сугдеей, до первой половины XI в. неизвестно ни одного местного византийского чиновника.

Сравнительно большое количество печатей главных логофетов первой половины IX – первой половины XI вв. и полное отсутствие как второстепенных чиновников этого ведомства, так и византийских чиновников местной администрации могут указывать на прямые отношения представителей Сугдеи с главой византийского фиска в это время. Такие отношения, исходя из служебных полномочий логофетов геникона, могли выражаться исключительно в финансовой сфере. Вероятнее всего, в каких-то выплатах сугдейцев в императорскую казну.

Скудность источников при богатстве фантазии позволяет выдвинуть большое количество версий относительно характера таких платежей. Ограничимся лишь двумя, как представляется, наиболее обоснованными и перспективными в плане дальнейшего изучения.

Во-первых, усиление позиций Византии в Таврике в «постхазарский» период и удобное расположение Сугдеи на морских коммуникациях позволяют предположить подчинение города Византийской империи до первой половины XI в. Однако возникает вопрос о характере такой зависимости. У нас нет ни свидетельств установления в Сугдее византийской администрации ранее первой половины XI в., ни веских оснований включать город в пределы фемы Херсон. Это заставляет искать другие варианты возможной зависимости Сугдеи от Византийской империи. Одним из таких вариантов может быть предположение о формальном подчинении правителей Сугдеи Византийской империи. Тогда платежи, вносимые сугдейцами в византийскую казну, могут быть пактом (πάκτων) – фиксированной ежегодной данью, взимаемой с периферийных территорий, в той или иной степени подчиненных византийскому императору [74, с. 480]. Определением размера и сбором пакта занимались как центральные органы власти [25, с. 187], так и стратиги ближайших византийских фем [25, с. 221-225]. В этой связи необходимо отметить сообщение автора трактата «Об управлении империей» византийского императора Константина VII Багрянородного (945-959 гг.), согласно которому таким пактом распоряжался и стратиг Херсона [25, с. 275]. В случае выплат пакта Сугдеей ее статус мог быть схожим со статусом так называемых климатов. Т. е. город мог управляться местной знатью, признававшей политическую зависимость от византийского императора. Как и другие плательщики пакта, правители Сугдеи могли брать на себя какие-то союзнические обязательства [74, с. 482].

Во-вторых, выплаты в императорскую казну могли быть связаны с деятельностью сугдейской христианской общины. Одно из немногих упоминаний

о логофете геникона в нарративных источниках свидетельствует, что установление размера и сбор налогов с церковью и монастырем входили в прямые обязанности логофета геникона [54, р. 672]. Известно, что в VIII в. Сугдея обладала своим епископом [4, с. 72, 77-98; 17, с. 11, 33-53, 60-66; 18, р. 94-107; 75, р. 62-63]. С X в. архиепископство Сугдея присутствует в списках Константинопольского патриархата [76, р. 274, 294, 346]. Из сугдейского сфрагистического комплекса происходит печать Петра, архиепископа Сугдеи (вторая половина X в.) [1, с. 47].

Последнее выдвинутое предположение заставляет обратиться к вопросу о характере сфрагистических находок из Сугдеи и их значении как источника по истории этого города. Находки печатей относили к архиву византийской или хазарской таможни Сугдеи [30, с. 205; 36, с. 547]. Находки личных печатей и печатей с указанием только титула заказчика склонили Е.В. Степанову к версии об общегородском характере архива [77, с. 544]. Как нам представляется, более вероятно, что архив Сугдеи мог быть церковным. Наличие архива у городских властей или таможни Сугдеи, как, впрочем, и самой таможни, крайне гипотетично. Существование же таких хранилищ не только у патриархий, епархий, но и отдельных монастырей сомнений не вызывает. Епископ Порфирий (Успенский), побывавший в монастырях Востока и Афона в середине XIX в., отмечал, что там еще тогда хранились древние документы, в том числе и со свинцовыми печатями [78, с. 25].

Характер относимых к архиву печатей не противоречит его церковному статусу. Среди находок встречаются моливдовулы, принадлежащие как высокопоставленным сановникам церкви [1, р. 47; 2, с. 297, 299], так и простым монахам [13, р. 128]. Не исключено, что в церковный архив Сугдеи могли сдаваться на хранение и светские документы. Один из актов афонского Дохиарского монастыря свидетельствует, что такая практика существовала [79, с. 19].

Епархия Сугдеи (а значит, и ее архив) существовала при политическом господстве как Хазарского каганата, так и Византийской империи. В случае, если мы имеем дело с церковным архивом, то его сведения нужно рассматривать в контексте деятельности сугдейской церковной общины. Данные архива могут служить важным, но лишь косвенным источником по политической истории Сугдеи. Другими словами, найденные в Сугдее печати могут быть иллюстрацией торговых и деловых контактов сугдейской церкви с различными византийскими провинциями, императорской казной и местными жителями.

Если архив был церковный, то время его основания должно совпадать с началом функционирования в городе какой-то церковной институции. Вопрос о времени основания Сугдейской епархии до сих пор является предметом дискуссии [4, с. CLXIII; 80, с. 43, 50; 30, с. 206; 33, с. 244]. Однако сведения всех трех редакций «Жития Стефана Суражского» однозначно указывают на

существование церковной общины в Сугдее до назначения сюда святого Стефана [4, с. 79, 73; 18, р. 96].

Рассуждая о возможном происхождении сугдейских печатей, важно отметить, что связать их с какой-либо постройкой не представляется возможным. Сфрагистические памятники находили на большом пространстве бухты Лимена-Кале. Таким образом, отождествление находок моливдовулов с каким-либо архивом может быть лишь предположением. Причем, как представляется, не самым вероятным. Печати из Сугдеи, возможно, вообще не принадлежали архиву, т. е. месту хранения документов. Моливдовулы могли быть «отходами», связанными с деятельностью какого-то ведомства или службы. Такую интерпретацию комплекса сфрагистических памятников из раскопок Преслава предложил, в частности, И. Йорданов. В Преславе 552 моливдовула были найдены на большой площади раскопов (2,5 га), в основном, возле здания предполагаемой канцелярии стратига [45, с. 16-17]. В случае с Сугдеей печати, с отработанных документов, могли также накапливаться в культурном слое, а затем оказаться в море благодаря процессу абразии береговой линии.

Подводя итоги анализу данных сугдейского сфрагистического комплекса, можно прийти к следующим выводам. Вопрос происхождения моливдовулов, найденных в бухте Лимена-Кале, требует дальнейшего изучения. Печати с указанием должностей позволяют выделить несколько периодов в истории города: «ранний» (до конца VII в.), «хазарский» (конец VII – первая половина IX вв.), «постхазарский» (первая половина IX – первая половина XI вв.) и «византийский» (после первой половины XI в.). Полное отсутствие моливдовулов, принадлежащих представителям византийской администрации Сугдеи в «постхазарский» период, не подтверждает тезисы ни об учреждении в Сугдее византийской администрации ранее первой половины XI в., ни о включении города в пределы фемы Херсон. Скорее наоборот, отсутствие моливдовулов таких чиновников, при сравнительно частых находках печатей стратигов Сугдеи XI в., позволяет предположить, что городом, как и в «хазарский» период, продолжали управлять представители местной знати. Значительную ясность в вопрос о статусе Сугдеи в «постхазарский период» могли бы внести печати представителей византийской администрации города этого времени, однако до сих пор обнаружить их не удалось.

Политическое положение Сугдеи X в. пытаются реконструировать на основе документов, принадлежащих к так называемой еврейско-хазарской переписке X в. В пространной редакции ответного письма хазарского царя Иосифа еврейскому сановнику Хасдаю Ибн-Шафруту Сугдея названа среди городов, входящих в пределы Хазарского каганата [21, с. 102]. В тексте источника присутствуют поздние добавления, поэтому встречающиеся здесь сведения нуждаются в подтверждении своей подлинности [21, с. XIX]. Никакой другой источник не указывает на распространение хазарского влияния на Таврику

в середине X в. Даже наоборот, в так называемом Кембриджском документе говорится о трех городах («города Романа»), не считая Херсона, и многочисленных селениях, подчиненных Византии в Таврике в период правления императора Романа I Лакапина (919-945 гг.) [22, с. 141]. К сожалению, источник не дает никакого представления о конкретном местонахождении этих населенных пунктов. Однако информация о том, что нападению русов, подстрекаемых Романом Лакапином, подвергся Самкерц, может указывать на этот город как на ближайший к византийским владениям пункт, подчиненный хазарам.

В этой связи, малообоснованной представляется концепция В.В. Майко о причинах, развитии и последствиях византийско-русско-хазарского конфликта. В источнике не сказано ни о попытках Игоря «закрепиться на полуострове (Таврике)», ни о поддержке войск русов местными праболгарами, ни о «карательной акции» хазарского полководца Песаха в отношении «христианизированных праболгар» [8, с. 240]. В.В. Майко пытается подкрепить свою гипотезу археологическими находками из раскопок Судака и его окрестностей (6 жилых построек, зольник и могилы в некрополях Судак-II, Судак-IV, Судак-VI) [8, с. 201]. Однако вряд ли, основываясь на столь скудном материале, можно делать выводы о существовании в восточном Крыму, и в частности в Сугдее, «своеобразного реликта Хазарского каганата – Крымской Хазарии», при помощи «своеобразного кондоминиума..., балансирующего» во второй половине X в. между Русью и Византией [9, с. 277].

Также малообоснованным представляется отождествление И.А. Барановым Сугдеи с фемой Понта Эвксинского, известной по данным «Эскуриального Тактикона». Предположение исследователя основывается исключительно на неизданной печати стратига фемы Понта Эвксинского, найденной в порту Сугдеи [28, с. 154; 29, с. 87]. Если такой моливдовул и существует, то он никоим образом не может служить основанием для локализации этой фемы в Сугдее. Издатель «Эскуриального Тактикона» Н. Икономидес отождествлял фему Понта Эвксинского с Боспором Фракийским [20, р. 267, 358]. Название «Понт Эвксинский» в VIII в. носила одна из императорских коммерций [81, р. 84]. На печати императорского коммерциария Льва (первая половина IX в.) название «Понт Эвксинский» встречается уже вместе с топонимом «Синоп» [82, р. 1646]. Наконец, И. Йорданов опубликовал печать стратига фемы Понта Эвксинского, хранящуюся в археологическом музее г. Софии. Исследователь датировал ее серединой (после 1030 г.) XI в. [81, р. 85], т. е. временем, когда уже существовала фема под названием «Сугдея».

Учреждение фемы в Сугдее В.В. Майко связывает с конфликтом 1016 г. между Георгием Цулой и центральной византийской властью, известным из сообщения Иоанна Скилицы [26, р. 296]. События, описанные византийским хронистом, не имели прямого отношения к Сугдее, потому нет причин подробно на них останавливаться. Однако необходимо отметить, что в связи с этим

конфликтом в Таврику был направлен византийский флот [26, р. 296]. Демонстрация реальной военной силы византийскими властями действительно могла поспособствовать учреждению фемы в Сугдее. Достаточно вспомнить, что и в Херсоне перед назначением стратига также побывала византийская эскадра императорских и пафлагонских военных кораблей [25, с. 170-174; 83, с. 56].

Политическая ситуация в первой половине IX – первой половине XI вв., в которой оказалась Сугдея, может выглядеть следующим образом.

В 830-х гг. степь от низовьев Дона до Дуная занимают венгры. Они усложняют хазарам доступ в Таврику и нарушают их коммуникации на полуострове [84, с. 668, 678]. Ослабление влияния хазар в регионе могло отразиться на местных городах, получивших определенную политическую самостоятельность [84, с. 678]. Ситуацию, сложившуюся в Таврике, иллюстрирует Житие Константина Философа. Находясь зимой 860-861 гг. в Херсоне, святой узнает об осаде близлежащего христианского города хазарами. Константин отправляется туда и уговаривает их снять осаду, после чего подвергается нападению венгров [23, с. 78]. Христианский город мог оказаться осажденным из-за отказа выплаты дани или выполнения других обязательств перед хазарскими властями. Самим хазарским властям при восстановлении контроля над ним приходится сталкиваться с большими трудностями, связанными с борьбой с венграми.

С ослаблением хазарского контроля над Таврикой здесь усиливается роль Византии. Венгры, нарушившие сухопутные коммуникации хазар на полуострове и, вероятно, окончательно вытеснившие хазар из Таврики к 873 г. [84, с. 677], никак не могли повлиять на морское сообщение. Византии представился удобный случай усилить свое влияние на полуострове, в первую очередь, в приморских городах. Иллюстрацией желания Византии расширить сферу своего влияния на территории, выходящие за пределы Херсона и его ближайшей округи, может служить первоначальное название учрежденной при императоре Феофиле [85, с. 557] фемы – «фема Климатов» [86, с. 320]. При этом ресурсы, которыми обладала империя на полуострове, были весьма ограничены. Из письма Анастасия Библиотекаря епископу Гаудериху о поездке Константина Философа в Хазарию зимой 860-861 гг. следует, что Херсон – город «весьма близкий и смежный с землей хазар». Окрестности Херсона подвергались частым набегам варваров. «Епископ Херсона с очень немногочисленным населением оставался внутри города, да и те, казалось, были скорее жители тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить» [24, с. 9-10]. В упоминаемом уже Житии Константина Философа византийской администрации принадлежит роль стороннего наблюдателя в развернувшейся между хазарами и венграми борьбе за Таврику [23, с. 78]. Наконец, Константин Багрянородный советует стратигу Херсона в случае восстания горожан просто покинуть город и ждать, пока торговая блокада принудит херсонитов к повиновению [25, с. 275].

В IX в. Византийская империя предпринимает попытку расширить свое влияние в Таврике. Этому способствует заметное ослабление позиций Хазарского каганата. Однако у нас нет ни свидетельств установления в Сугдее византийской администрации ранее первой половины XI в., ни оснований включать город в пределы фемы Херсон. Город, вероятнее всего, продолжал управляться местной знатью. Возможность политической зависимости Сугдеи от Византии в «постхазарский» период не исключена. Скорее всего, подчинение могло быть формальным и выражаться в выплатах пакта.

В первой половине XI в. статус Сугдеи изменяется. Печати стратигов Сугдеи свидетельствуют об учреждении одноименной византийской фемы. Лapidарная надпись 1059 г. гласит, что в это время Сугдея и Херсон уже управлялись одним стратигом [87, с. 17].

Опубликованные печати, найденные в бухте Лимена-Кале, являются важным источником по раннесредневековой истории Сугдеи. Их анализ позволяет выделить несколько этапов в развитии города. Однако к данным моливдовулов из Судака нужно подходить с большой осторожностью. Мы не обладаем полной информацией о традициях и всех тонкостях средневекового делопроизводства. Датировки большинства сфрагистических памятников весьма приблизительны и в отдельных случаях определяются столетием. До сих пор возникают вопросы о появлении моливдовулов в бухте Лимена-Кале. До конца неясен характер сугдейского сфрагистического комплекса. Все это значительно снижает ценность печатей из Сугдеи как исторического источника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. 1999. Vol. 6.
2. Булгакова В.И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004-2005 гг.) // Сугдейский сборник. 2008. Вып. III.
3. Степанова Е.В., Фарбей А.М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судак в 2005 г. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы конференции. 2006. Т. 2.
4. Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского // Труды. 1915. Т. 3.
5. Секеринский С.С. Очерки истории Сурожа. Симферополь, 1955.
6. Джанов А.В. Судакская крепость. Двести лет исследований // Е.Ч. Скрижинская. Судакская крепость: история—археология—эпиграфика. Киев; Судак; СПб., 2006.
7. Νυσταζοπούλου Μ.Γ. Ἡ ἐν τῇ Ταύρικῃ Χερσονήσῳ πόλις Σουδαία ἀπὸ τοῦ ΙΓ' μέχρι τοῦ ΙΕ' αἰῶνος. Αθήναι, 1965.
8. Майко В.В. Сугдея во второй половине X – начале XI вв. // Сугдейский сборник. 2004. Вып. I.
9. Майко В.В. Сугдея второй половины X – XI вв. между Византией и Тмутараканью // АДСВ. 2009. Вып. 39.
10. Майко В.В. Хазаро-русско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария // Великая «Скуфь». Stratum. 2000. № 5.
11. Майко В.В. Византийско-русские отношения в юго-восточном Крыму в XI в. // ПИФК. 2006. Вып. 16/1.

12. Сорочан С.Б. О положении и статусе Сугдеи в VI-IX вв. // Древности 2006-2008. Харьков, 2008.
13. Stepanova E. New Finds in Sudak // SBS. 2003. Vol. 8.
14. Šandrovskaja V. Die Funde der Byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. 1993. Vol. 3.
15. Šandrovskaja V. Die neuen Funde an Byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // SBS. 1995. Vol. 4.
16. Булгакова В.И. Печати стратигов Херсона из находок в Сугдее // Сугдейский сборник. 2004. Вып. 1.
17. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.
18. Vozoyan A. La Vie Arménienne de Saint Étienne de Sougdaia // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006.
19. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
20. Oikonomidès N. Les Listes de Présence Byzantines des IXe-Xe siècles. Paris, 1972.
21. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Ленинград, 1932.
22. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997.
23. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
24. Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла // ЗАН. 1893. Т. 72. Кн. 1.
25. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1991.
26. Jean Skylitzès. Empereurs de Constantinople / Texte traduit par B. Flusin et annoté par J.-Cl. Cheynet. Paris, 2003.
27. Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.
28. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
29. Баранов И.А., Степанова Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. 1997. Т. 1. № 1.
30. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
31. Айбабин А.И. Юго-Западный Крым в X-XIII вв. // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII вв. М., 2003.
32. Могаричев М.Ю. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // ХСБ. 2004. Вып. XIII.
33. Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII-IX вв. // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2.
34. Сорочан С.Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. 2002. Вып. XII.
35. Сорочан С.Б. Сугдея в «темные века» // Сугдейский сборник. 2004. Вып. 1.
36. Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. 2002. Вып. XII.
37. Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
38. Науменко В.Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. // БИ. 2007. Вып. XVI.
39. Moravcsik G. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. 2.
40. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
41. Виноградов А.Ю., Комар А.В. Институт тудуна и хазары в юго-западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. 2005. Вып. II.

42. Армяно-русский словарь, составленный по лексикону, изданному в Венеции и умноженный вновь введенными словами Александром Худобашевым. М., 1838. Ч. 1.
43. Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh // *La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar*. Paris, 2006.
44. Булгакова В.И. Подводные сфрагистические находки в Судаке: к характеристике типа объекта // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак, 2004.
45. Булгаков В.В., Булгакова В.И. Подводные скопления печатей в Судаке и Херсонесе: историографический феномен // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак, 2006.
46. Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. 2001. Т. 32.
47. Йорданов И.П. Печатите от стретегията в Преслав (971-1088). София, 1993.
48. Византийская книга Эпарха / Пер. и ком. М.Я. Сюзюмов. М., 1962.
49. The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. Kazhdan. New York; Oxford, 1991. Vol. 2.
50. Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. New-York, 1911.
51. Oikonomidès N. Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth century: the Seals of Kommerkiarioi // DOP. 1986. Vol. 40.
52. Zakos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. V. 1. Part 1.
53. Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10 und 11 Jahrhunderts. Hildesheim, 1960.
54. The Chronicle of Theophanes Confessor / Transl. by C. Mango and R. Scott. Oxford, 1997.
55. Oikonomides N. The Role of the Byzantine State in the Economy // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteen Century / Ed. A.E. Laiou. Washington, 2002. Vol. 3.
56. Колτσιда-Макρη Ι. Βυζαντινα μολυβδουλλα. Αθηνα, 1996.
57. Cheynet J.-C., Morisson C. Les Sceaux Byzantins de la Collection Henry Seyrig. Paris, 1991.
58. Laurent V. Documents de Sigillographie Byzantine. La collection C. Orghidan. Paris, 1952.
59. Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986.
60. Wassilliou A.-K., Siebt W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 2004. T.2. Zentral und Provinzialverwaltung.
61. Sode Cl. Byzantinische Bleisiegel in Berlin. Bonn, 1997. Bd. 2.
62. Seibt W., Zarnitz M.L. Das Byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Wien, 1997.
63. Zacos G. Byzantine Lead Seals. Berne, 1984. Vol. 2.
64. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1. Part 1.
65. Laurent V. Le Corpus des Sceaux de L'Empire Byzantin. Paris, 1981. T. 2. L'Administration centrale.
66. Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2006. Vol. 2. Byzantine Seals with Family names.
67. Алексеенко Н.А. Печати главных логофетов из херсонского архива // АДСВ. 2003. Т. 34.
68. Алексеенко Н.А. Таможня и коммеркиарии Херсона // Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2.
69. Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
70. Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
71. Алексеенко Н.А., Смычков К.Д. Несколько новых печатей византийского Херсона // ХСБ. 1999. Вып. X.
72. Алексеенко Н.А. Херсонская родовая знать в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
73. Шандровская В.С. О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.

74. Никифоров М.А. Термин «τάκτων» Константина Багрянородного в свете административных отношений в феме Херсон в середине X в. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
75. Darrouzès J. *Listes Épiscopales du Concile de Nicée (787)* // REB. 1975. Т. 33.
76. Darrouzès J. *Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, 1981.
77. Степанова Е.В. Печати из Судака (к вопросу интерпретации) // Судакский сборник. 2005. Вып. 2.
78. Порфирий (Успенский). Указатель актов, хранящихся в обителях Св. горы Афонской // ЖМНП. 1847. Ч. LV.
79. Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988.
80. Бертье-Делагард А. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Таврике // ИТУАК. 1920. № 57.
81. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Sofia, 2003. Vol. 1. Byzantine Seals with Geographical names.
82. Zakos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals*. Basel, 1972. Vol. 1. Part 3.
83. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Пер. Н.Я. Любарского. СПб., 1992.
84. Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-839 гг. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
85. Никифоров М.А. К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
86. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. 1997. Вып. 1.
87. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.

Никифоров М.А.

К вопросу о политическом статусе Сугдеи первой половины IX – первой половины XI вв.

Резюме

Исследование посвящено проблеме статуса города Сугдея в первой половине IX – первой половине XI вв. Главным источником для изучения истории Сугдеи этого периода являются данные так называемого архива – комплекса печатей, найденных в бухте Лимена-Кале около Судака. В этой связи была предпринята попытка дать оценку печатям этого комплекса как историческому источнику.

Анализ данных печатей с указанием должностей из сугдейского сфрагистического комплекса позволил выделить несколько периодов в истории города: «ранний», «хазарский», «постхазарский» и «византийский». Сами печати могли принадлежать церковному архиву. Данные моливдовулов являются важным источником по раннесредневековой истории Сугдеи. Несмотря на это, до сих пор не решен вопрос с интерпретацией появления моливдовулов в бухте Лимена-Кале. До конца неясен характер сугдейского сфрагистического комплекса. Все это значительно снижает ценность печатей из Сугдеи как исторического источника.

Политическая ситуация в первой половине IX – первой половине XI вв., в которой оказалась Сугдея, и статус города могут выглядеть следующим образом. В IX в. Византийская империя предпринимает попытку расширить свое влияние в Таврике. Этому способствует заметное ослабление позиций Хазарского каганата. Однако у нас нет оснований предполагать установление в Сугдее византийской администрации ранее первой половины XI в. Город, вероятнее всего, продолжал управляться местной знатью. Возможность политической зависимости Сугдеи от Византии в «постхазарский» период не исключена. Скорее всего, подчинение могло быть формальным и выражаться в выплатах пакта. В первой половине XI в. в Сугдее учреждается одноименная византийская фема. Лапидарная надпись 1059 г. гласит, что в это время Сугдея и Херсон уже управлялись одним стратигом.

Нікіфоров М.А.

**До питання про політичний статус Сугдеї
першої половини IX – першої половини XI ст.**

Резюме

Дослідження присвячене проблемі статусу міста Сугдея в першій половині IX – першій половині XI ст. Головним джерелом для вивчення історії Сугдеї цього періоду є дані так званого архіву – комплексу печаток, знайдених в бухті Лімена-Кале біля Судака. В зв'язку з цим було зроблено спробу дати оцінку печаток цього комплексу як історичному джерелу.

Аналіз даних печаток з назвою посад з сугдейського сфрагістичного комплексу дозволив виділити декілька періодів в історії міста: «ранній», «хозарський», «постхозарський» та «візантійський». Самі печатки могли належати церковному архіву. Дані молівдовулів є важливим джерелом з ранньосередньовічної історії Сугдеї. Не дивлячись на це, сьогодні не вирішено питання з інтерпретацією появи молівдовулів в бухті Лімена-Кале. До кінця не з'ясовано характер сфрагістичного комплексу. Все це значно знижує цінність печаток з Сугдеї як історичного джерела.

Політична ситуація в першій половині IX – першій половині XI ст., у якій опинилася Сугдея, та статус міста можуть виглядати таким чином. У IX ст. Візантійська імперія робить спробу розширити свій вплив в Тавриці. Цьому сприяє помітне ослаблення позицій Хозарського каганату. Проте у нас немає підстав передбачати встановлення в Сугдеї візантійської адміністрації раніше першої половини XI ст. Містом, найімовірніше, продовжувала керувати місцева знать. Можливість політичної залежності Сугдеї від Візантії в «постхозарський» період не виключена. Скоріш за все, підпорядкування могло бути формальним і виражатися у виплатах пакту. У першій половині XI ст. в Сугдеї було засновано однойменну візантійську фему. Лапідарний напис 1059 р. свідчить, що в цей час Сугдея і Херсон вже управлялися одним стратигом.

Nikiforov M. A.

**On the Problem of Political Status of Sougdaia
of the First Half of the 9th – the first half of the 11th Centuries**

Summary

The research is devoted to the problem of the status of the city of Sougdaia in the first half of the 9th – the first half of the 11th centuries. The main source of studying the history of Sougdaia of this period is the data of the so-called archive – the complex of seals found in Limena-Kale bay near Sudak. Hence, the second purpose of the article was an attempt to estimate the seals of this complex as a historic source.

The analysis of the above mentioned positions from Sougdaia archive enabled to particularize several periods in the history of the city: “Early”, “Khazar”, “Postkhazar” and “Byzantine”.

The seals themselves might have belonged to the church archive. The data provided by molybdoboulloi is a very important source on the history of early-medieval history of Sougdaia. Despite it, the problem of interpretation of emergence of molybdoboulloi in Limena-Kale bay has not been solved yet. The character of the assumed archive is not clear. The importance of molybdoboulloi from Sougdaia as a historic source becomes considerably less.

The political situation in the first half of the 9th – the first half of the 11th centuries where Sougdaia appeared and the status of the city could be the following: in the 9th century the Byzantine Empire undertook the attempt to extend its influence in Taurica. Impairment of positions of Khazar Kaghanate contributes to it. However, we do not have any evidence to suppose that Byzantine administration was established in Sougdaia earlier than in the first half of the 11th century. The city was governed, most probably, by local nobility.

Possibility of political dependence of Sougdaia from Byzantium in “Postkhazar” period is not excluded. Most probably, subordination might have been formal and been expressed in paying of paction. In the first half of the 11th century Byzantine thema was established in Sougdaia. Lapidary inscription of 1059 reads that at this time Sougdaia and Cherson were governed by strategos.

И. А. ЗАВАДСКАЯ

КАТАСТРОФА В ХЕРСОНЕ В КОНЦЕ X – XI вв.: КРИТИКА ГИПОТЕЗЫ О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ

Одним из наиболее трагичных событий в истории средневекового города Херсона является катастрофа, приведшая к разрушению значительной части городских кварталов, главным образом в Северном прибрежном и Западном районах. Дата этой катастрофы определяется в пределах конца X – первой половины XI вв. Установление более узких рамок разными исследователями зависит от того, как они интерпретируют археологический материал (прежде всего, монеты), полученный при раскопках пострадавших кварталов и в чем видят причину произошедшего катаклизма. Археологи, которые датируют слою разрушения концом X – началом XI вв., склонны связывать их с военными действиями в период осады и взятия города киевским князем Владимиром в 988 или 989 гг. Именно эта точка зрения, основоположниками которой были Г.Д. Белов и А.Л. Якобсон [1, с. 143; 2, с. 14-15], долгое время являлась единственным объяснением произошедшей катастрофы. Сравнительно недавно возникла гипотеза, согласно которой причиной разрушений могло стать сильное землетрясение во второй четверти – середине XI в. Впервые возможную связь слоев разрушения с природным катаклизмом, сначала в очень осторожной форме, позже более определенно, предположила А.И. Романчук [3, с. 188; 4, с. 134-135; 5, с. 482, 495]. Впоследствии идея о сейсмической катастрофе получила определенную популярность и все чаще преподносится как вполне доказанный факт [6, с. 24-25; 7, с. 301; 8, с. 214; 9, с. 751, 1160; 10, с. 204; 11, с. 143-160; 12, с. 101-102; 13, с. 31-45; 14, с. 9]. Более того, все настойчивее ставится вопрос о включении разрушительного землетрясения середины XI в. в обновленный унифицированный каталог землетрясений Крыма [6, с. 21, 24-25; 15, с. 59-60; 13, с. 42-45; 16, с. 63-64].

В связи с этим назрела необходимость еще раз обратиться к данной проблеме и проверить научную состоятельность главных аргументов гипотезы о сейсмическом разрушении Херсона в обозначенный период.

Попытки периодизации крымских землетрясений.

Большую роль в появлении рассматриваемой гипотезы сыграла хронология средневековых крымских землетрясений, которую вычислил геолог, любитель истории Крыма Л.В. Фирсов [17, с. 160-161]. Предположив, что разрушительные толчки могут происходить один раз в 100-150 лет, он разработал периодизацию землетрясений в средневековом Крыму с вполне конкретными датами: «около 600 г., в середине VIII в., около 900 г., **в середине XI в.**, около 1200 г.» [17, с. 161]. Как отмечает сам автор, в письменных источниках сведений об этих землетрясениях нет.

Период в 100-150 лет, по мнению Л.В. Фирсова, дает «статистика инструментальных наблюдений за последние 50 лет и ее экстраполяция в прошлое», что якобы подтверждается землетрясениями XIV-XX вв. [17, с. 160]. Однако, приведенный им ряд землетрясений за это время (а именно, в 1341 г., в конце XV в., 1625 г., 1751 г., 1786 г., 1790 г. и т.д.) явно недостаточен для выведения указанной периодичности. Более того, большинство упомянутых автором землетрясений либо не имеют свидетельств об их разрушительном действии, либо являются результатом бездоказательных или явно ошибочных заключений [18, с. 89; 12, с. 89-108]. Примером может служить «страшное и долгое землетрясение» 1341 г. в Византии, которое якобы «достигало самого Крыма». Со ссылкой на свидетельство Георгия Кедрина, византийского историка рубежа XI–XII вв., это землетрясение середины XIV в. (!) попало во все каталоги крымских землетрясений и многие другие работы и уже стало хрестоматийным [19, с. 2; 20, с. 18-19; 21, с. 10; 22, с. 10, 58; 23, с. 447-448; 24, с. 133 и др.]. Как вполне обоснованно показал В.В. Хапаев, информация об этом «событии» является следствием недобросовестного пересказа сведений из труда Никифора Григоры «Римская история», дополненных явными домыслами «интерпретатора» И. Иванова [25, с. 79-80].

Достоверно известно лишь о нескольких землетрясениях в Крыму, которые сопровождалась разрушениями. Наиболее раннее из них произошло в конце XV в. в Ялте, в результате чего «обрушилась гора с крепостцей» [19, с. 2-3; 26, с. 31-34 и др.]. В хронике Хачатура Кафаеци (1608-1656) описано землетрясение в Кеффе в 1615 г., во время которого развалились дома и городская (оборонительная) стена [27, с. 79-83]. Вероятно, достаточно сильным было землетрясение около середины XVII в. (по А.А. Никонову в 1650 г., Севастопольской очаговой зоны), к последствиям которого относится разрушение одного из минаретов мечети Джума-Джами в Евпатории, о чем упоминает Эвлия Челеби [6, с. 25-28]. Информация о землетрясениях XVIII в., в частности в 1751, 1790, 1793, 1799 гг., крайне ограничена, и вывод об их сильном разрушительном действии на обширной территории Крыма вызывает сомнения [19, с. 3-4; 20, с. 20; 21, с. 10, 25; 28, с. 62-74; 29, с. 27-28].

Гораздо больше известно о землетрясениях XIX в., среди которых были и достаточно сильные: в 1838 г. с эпицентром в районе карпатской дуги, вызвавшее трещины в некоторых домах на значительной территории Крыма, в 1869 и 1872 гг., сопровождавшиеся повреждениями в строениях на ЮБК, в Судаче и Феодосии [19, с. 6-7; 20, с. 21-22; 21, с. 12-14; 22, с. 50-51 58]. Для Севастопольской зоны наиболее сильным было землетрясение 25 июля 1875 г., во время которого появились трещины в некоторых домах и даже в новом здании вокзала, в инкерманских маяках и в куполе верхней церкви Георгиевского монастыря [19, с. 7; 20, с. 22; 21, с. 14; 22, с. 51, 58; 6, с. 20-21]. В XX в. самые сильные землетрясения произошли в Ялтинско-Алуштинской очаговой зоне в 1927 г. – 26 июня (7 баллов¹) и 11-12 сентября (8 баллов) [19, с. 8; 22, с. 52-55; 23, с. 447-455; 24, с. 132-133; 30, с. 49; 31, с. 3-5]. Сентябрьское землетрясение 1927 г. признается самым масштабным из всех известных сейсмических катастроф в истории Крыма, разрушительные последствия которого зафиксированы на обширной территории от Севастополя до Феодосии.

Таким образом, имеющиеся исторические данные не дают возможности установить какую-либо закономерность в повторяемости сильных землетрясений как для Крыма в целом, так и для разных очаговых областей. Этих данных слишком мало. Так, для Западно-Крымской или Севастопольской очаговой зоны достоверными можно считать сильные землетрясения середины XVII в. и 1875 г. Разрушительные последствия на территории Гераклеийского полуострова имела также сентябрьская катастрофа 1927 г. (с южнобережным очагом). Между этими событиями примерно 275 лет и 52 года.

Проблема прогноза времени, интенсивности и периодичности землетрясений одна из самых острых в сейсмологии, и на сегодняшний день она практически не решена. Это подтверждают и совершенно неожиданные сейсмические события последних лет, в частности череда сильнейших катастроф 2010 г. (землетрясения 12 января на Гаити, 27 февраля в Чили, 8 марта в Турции, 14 апреля в Китае, 4 сентября в Новой Зеландии). Как признают сами сейсмологи, ныне возможна лишь «вероятностная оценка места, силы и периода повторяемости землетрясений» [32, с. 3]. Однако подобные оценки, основанные в значительной степени на исторических данных (порой неточных), чрезвычайно приблизительны и отличаются большим разнообразием. Так, для Крыма помимо периодизации Л.В. Фирсова известно множество других предположений о повторяемости сейсмической активности региона. Так, например, А. Полумб, заведующий Ялтинской сейсмической станцией, основываясь на простом математическом делении количества лет

¹ Здесь и далее сила землетрясений дана по 12-бальной шкале MSK-64.

от 480 до 1930 гг. (1450) на количество признанных в то время сильных землетрясений (8), получил среднее число – 180 лет, в течение которых, по его мнению, и происходило 1 землетрясение силой 7-8 баллов [22, с. 9-10]. Согласно графику повторяемости подземных толчков различной силы, составленному сотрудником зональной сейсмической станции «Симферополь» З.И. Аронович на основании результатов инструментальных наблюдений с 1931 по 1961 гг. и с учетом всех сильных землетрясений в Крыму в XIX – первой половине XX вв., 8-балльное землетрясение в Крыму возможно приблизительно не реже одного раза в 200 лет [23, с. 457]. В монографии «Сейсмическая сотрясаемость территории СССР» (1979 г.) дан более оптимистический прогноз, согласно которому 7-балльные сотрясения в окрестностях Севастополя возможны однажды в 300 лет, а 8-балльные – реже одного раза в 5000 лет [6, с. 29]. По мнению А.А. Никонова, в районе Севастополя и Балаклавы землетрясения в 7 баллов возможны через 100-200 лет, а в 8-9 баллов через 600 лет [6², с. 29-30]. В другой своей работе он предлагает период 8-9-балльных сотрясений в Западно-Крымской зоне в 250-500 (800) лет [15, с. 58].

На вероятностных оценках повторяемости землетрясений основаны т.н. карты общего сейсмического районирования (ОСР), которые служат научной базой для разработки нормативных документов по проектированию и строительству сооружений в сейсмоопасных районах [32, с. 3-15; 16, с. 54-77]. Периодически данные карты обновляются, и их оценочные показатели претерпевают существенные изменения. Так, на карте сейсмического районирования СССР 1978 г. (карта ОСР-78) Гераклейский полуостров относился к зоне повторяемости 7-балльных землетрясений один раз в 1000 лет [6, с. 29]. На новейших картах ОСР Крыма (1998 г.) и территории Украины (2004 г.) в районе Севастополя допускается возможность землетрясения 7 баллов раз в 100 лет, 8 баллов раз в 500 лет и 9 баллов раз в 1000 лет [32, с. 13, рис. 5; 16, с. 68-69]. Как видим, в настоящее время прогнозируемая интенсивность и частота землетрясений по всей территории Крыма значительно возросли. Весомую роль в этом сыграли археосейсмические исследования последних десятилетий, в частности труды российского геолога, доктора геолого-минералогических наук А.А. Никонова [16, с. 63-64].

Таким образом, представления о сейсмической активности крымского региона находятся в развитии, и даже новейшие оценки не могут считаться окончательными. Поэтому любая попытка использовать гипотетические периодизации для вычисления дат землетрясений в прошлом является ненаучной.

² В данной статье содержится информация и о некоторых других оценках сейсмической опасности Севастопольской очаговой области.

Проблемы хронологии и локализации слоев разрушения X-XI вв. на территории Херсонеса.

Как уже отмечалось, именно с землетрясением XI в. сторонники рассматриваемой гипотезы связывают масштабные разрушения жилых и культовых сооружений в западных и северных кварталах города. Простая констатация наличия здесь повсеместного слоя единовременного разрушения выглядит для многих вполне достаточным аргументом. Главная задача состоит в том, чтобы доказать, что данные слои датируются не концом X в., а второй четвертью – серединой XI в. Для этого была использована новая атрибуция двух типов монет, которые ранее датировали IX-X вв. Сейчас монеты с монограммой «κβω» относят к периоду 1016-1025 гг. [33, с. 123]. Выпуск монет с монограммой «ρο» И.В. Соколова относит к периоду не ранее конца XI – XIII вв., В.А. Анохин – начиная с правления Романа III Аргира (1028-1034) и до конца XI – начала XII вв. [34, с. 53-63; 33, с. 123-124]. Монеты обоих типов зафиксированы в слое над разрушенными помещениями и в нескольких случаях на их полах. Исходя из этого, А.И. Романчук сначала датировала массовые разрушения в городе концом XI – XII вв. [3, с. 182-187], впоследствии – серединой XI в. [4, с. 135; 5, с. 496], что вполне согласовывалось с рассмотренной выше периодизацией Л.В. Фирсова. В подтверждение была приведена также надпись 1059 г. о сооружении железных ворот претория и возобновлении прочих ворот города патриkiem и стратигом Херсона и Сугдеи Львом Алиатом [4, с. 135; 5, с. 495]. Таким образом землетрясение середины XI в. приобретало почти абсолютную дату. Однако содержание надписи не дает оснований для вывода о том, что описанные в ней преобразования были направлены именно на ликвидацию последствий землетрясения. Следовательно, данный источник не может использоваться в качестве аргумента рассматриваемой гипотезы. Монеты XI в. датируют т.н. «второй слой» над разрушенными кварталами Северного района Херсонеса. По-существу, это мусорная насыпь, образовавшаяся в течение длительного периода запустения. В этом же слое были найдены также монеты XII и XIII вв. [35, с. 273, № 144-145; 36, с. 130, № 75; 37, л. 22, № 622]. Безусловно, они не могут использоваться для определения времени гибели кварталов [подробнее: 38, с. 121-122; 39, с. 86; 40, с. 156].

Наиболее надежным датирующим материалом являются монетные клады, обнаруженные в разрушенных зданиях. В настоящее время известно не менее 9 таких находок, имевших очень близкий состав херсоно-византийских монет, самые поздние из которых – монеты Василия II (976-1025) с монограммами имени императора и титула деспот [41, с. 148-156; 42, с. 231-232; 43, с. 91; 44, с. 91; 45, с. 284]. Именно эти монеты определяют время образования кладов. Знаменательно отсутствие в их составе монет с монограммами «κβω» и «ρο», что дает основание относить формирование кладов до

начала выпуска наиболее раннего из этих типов монет, т.е. до 1016 г., согласно датировке В.А. Анохина [33, с. 123]. По мнению ряда нумизматов, появление аналогичных кладов возможно связывать с осадой города Херсона-Корсуня киевским князем Владимиром в 988 (989) г. [41, с. 158; 33, с. 121; 34, с. 55]. С данным выводом согласна также и А.И. Романчук [3, с. 186]. Однако, признав причиной сокрытия этих кладов военный поход Владимира, логично признать его и причиной гибели помещений, в которых были найдены клады. Иначе сложно представить функционирование этих зданий (в том числе базилики) до середины XI в., учитывая тот факт, что на их полах оставались неиспользованные (и непополненные) денежные сбережения конца X в. В любом случае, как бы ни датировались эти клады, временем похода киевского князя или более поздним периодом (но не позднее 1016 г.), именно их логичнее всего считать хронологическими индикаторами образования тех слоев разрушения, в которых они были зафиксированы.

Важной проблемой в исследовании данных слоев, наряду с хронологией и вероятной причиной образования, является уточнение их локализации и определение масштабов катастрофы. Довольно часто в литературе можно встретить уверенное заявление о том, что практически весь город был разрушен. В противовес этому С.А. Беляев отрицает возможность такого разрушения и считает, что были лишь отдельные разновременные пожары [46, с. 156-162]. Как представляется, обе точки зрения являются крайними и не имеют под собой достаточных оснований.

Говорить о полном разрушении города мы не можем, поскольку в ряде районов, а именно в юго-восточном, Портовом и южном, повсеместные слои разрушения не зафиксированы. Не сохранились постройки и слои IX-X вв. и на территории кварталов VIII и X, поскольку были уничтожены последующим строительством [47, с. 290; 48, с. 183]. Поэтому у нас нет достаточных оснований утверждать, что гибель этих кварталов произошла «в пожаре, которым сопровождалось разрушение города, скорее всего, киевским князем Владимиром» [48, с. 183].

В то же время невозможно отрицать факт единовременного разрушения значительной территории города, что подтверждается археологически. Ценную информацию для уточнения локализации одновременных разрушений дает топография отмеченных выше кладов и связанных с ними слоев³

³ Вблизи комплекса Западной базилики на полах помещений (А и Б), погибших в пожаре, в 1928 г. К.Э. Гриневич и в 1960 г. Е.Г. Суворов обнаружили 2 клада в количестве 21 и 23 монет IX – начала XI вв. (рис. 1, 1,2) [41, с. 155]. В 1981 г. С.А. Беляевым в одной из построек, расположенных к югу от Базилики на холме, выявлен клад (около 70 монет) (рис. 1,3) [100, л. 13]. Клад из 16 монет был зафиксирован на полу возле стены северного нефа Базилики 1932 г. (рис. 1,4) [42, с. 231-232; 43, с. 91]. В 1967 г. в помещении Р квартала XXV вблизи Базилики 1932 г. в белоглиняном поливном кувшине находилось 197 монет (рис. 1,5) [101, с. 9]. В одном из

(рис. 1). Основная их масса (7 из 9) обнаружена в северо-западных и северных кварталах города, которые после гибели на долгое время опустели и превратились в места свалки мусора. Аналогичный по составу клад обнаружен в одном из северо-восточных кварталов (XCVII)⁴, где также отмечены слои пожара [45, с. 284; 102, с. 36]. Таким образом однотипные клад служат своего рода реперными точками, от которых можно отталкиваться при определении масштабов единовременных разрушений. К одному событию следует отнести гибель, по меньшей мере, четырех ранневизантийских базилик: Западной, Базилики на холме, Базилик 1932 г. и 1935 г. (рис. 1, А, Б, Д, Е). Не исключено, что тогда же погибла и ранняя Базилика в базилике (рис. 1, Г), слой разрушения которой не сохранился. Однако тот факт, что на ее фундаментах впоследствии была сооружена поздняя базилика, точно так же, как и на остатках ранней Базилики на холме, дает возможность предполагать, что обе ранние базилики погибли одновременно [39, с. 87]. Частично был разрушен также четырехапсидный храм (рис. 1, В). Согласно керамическому материалу, это произошло в X или XI вв. [95, с. 160-162]. Связывать повреждение этого храма с той же катастрофой, в результате которой погибли вышеназванные базилики, пока можно лишь в предположительной форме.

К сожалению, не все слои разрушения на городище имеют хорошо обоснованную сравнительно узкую датировку. Несмотря на это, существует тенденция синхронизировать известные слои, содержащие в себе материал X-XI вв., и связывать их образование с одним каким-то событием. Однако возникает вопрос, насколько это правомерно, особенно в отношении тех слоев, где отсутствуют датирующие нумизматические находки. Ведь в течение столь длительного времени могли происходить и отдельные локальные пожары и разрушения? Но в настоящее время выделить их достаточно сложно. Как представляется, для решения данного вопроса необходимо провести каталогизацию, сравнительный анализ и корреляцию материалов из всех зафиксированных слоев данного периода.

помещений к югу от Базилики 1935 г. в 1949 г. открыт клад из 68 монет (рис. 1, 6) [41, с. 155-156]. В 1960 г. в квартале XVIII в стене помещения 15 (1948 г.) случайно обнаружены вместе 38 монет (рис. 1, 7) [41, с. 148-154]. В 1991 г. в квартале XCVII в северном углу помещения 7 найден клад из 548 монет (рис. 1, 9) [45, с. 284]. В 1964 г. в 750 м к юго-западу от башни V при прокладке траншеи на скале вместе лежали 115 монет (рис. 1, 9) [103, с. 91]. Состав данных кладов примерно один и тот же.

⁴ По мнению А.М. Гилевич, к числу вышеназванных кладов можно также причислить скопления монет на полах еще трех помещений, раскопанных Р.Х. Лепером в кварталах вдоль главной улицы в 1909-1912 гг. [41, с. 156-157]. Однако однозначно судить об этом сложно, поскольку отчетная документация очень скудная – это краткие дневники Р.Х. Лепера, в которых, в лучшем случае, сказано о том, что найдены монеты на полу или под полом, изредка отмечается, что монеты найдены вместе. Но это не всегда является свидетельством преднамеренного их скопления.

Основные принципы археосейсмического метода исследований.

Таким образом задача установления более точной даты слоев разрушения X-XI вв. и выделения из их массы следов единовременной катастрофы нуждается в дальнейшем изучении и уточнении. Но, в любом случае, хронология данных слоев еще не является доказательством их образования именно в результате сейсмического фактора. Как известно, разрушения и повреждения построек, причиной которых являются подземные толчки, имеют свои особенности, и без их учета делать категоричные выводы именно о землетрясении не представляется достаточно обоснованным.

В данной ситуации возникает потребность в привлечении результатов специальных, т.н. археосейсмических исследований. Следует отметить, что методика данных исследований находится в стадии разработки, значительный вклад в которую внес геолог А.А. Никонов. Ему принадлежит большое количество работ, посвященных результатам поисков следов древних землетрясений в разных районах Крыма, а также очень важные публикации по методологии палео- и археосейсмических исследований [27; 49; 50; 51; 28; 52; 15]. В специальных методологических статьях, а также в работах, в которых затрагиваются вопросы методологии, охарактеризованы показательные признаки сейсмических воздействий на памятники, а также даны рекомендации и сформулированы основные принципы выявления и изучения последствий древних землетрясений.

К числу наиболее важных из них относятся: всестороннее изучение самого памятника «с дифференциацией по строительным периодам» и фиксация всех признаков повреждения и разрушения по археологическим, геологическим, геоморфологическим и ландшафтным данным; изучение «окружающей местности с целью выявления и сопоставления нарушений (деформаций) природных объектов (рельефа, грунта, горных пород) и в самом памятнике»; «сопоставление выявленных (предполагаемых) признаков сейсмического воздействия на изучаемых древних памятниках с характером повреждений или разрушений при современных землетрясениях... желательно в том же районе». Важным условием является также то, что «землетрясение признается причиной обнаруживаемых повреждений (разрушений) после того, как все другие причины отклонены», имеются в виду антропогенный фактор (войны, захваты, разборка и перестройка сооружений, пожары) и природные процессы: медленные (оседание, провалы и др.) и быстрые разрушительные (обвалы, обрушения, ураганы, цунами) [49, с. 138-139].

Однако, к сожалению, сам А.А. Никонов далеко не всегда следует этим принципам в ряде своих работ, посвященных конкретным памятникам. Результаты поисков следов древних землетрясений в Херсонесе отражены в нескольких публикациях [6; 53; 15]. Наиболее полная сводка собранных

исследователем данных опубликована в отдельной большой статье⁵, в которой, по его словам, представлены «показательные примеры», доказывающие сейсмические катастрофы первой половины III в., конца V в. (487 г.) и первой половины XI в. [13].

О достоверности землетрясения конца V в. в Херсонесе.

В контексте нашей темы, помимо катастрофы XI в., значительный интерес представляет также доказательная база «сильнейшего землетрясения во всей Византийской империи» в 480 г., которое было избрано Л.В. Фирсовым в качестве точки отсчета его хронологии, рассмотренной выше [17, с. 161].

Речь идет о землетрясении в царствование императора Зенона (474-491), которое зафиксировано в ряде византийских источников, в частности в хронике Марцеллина Комнина (VI в.), в «Хронографии» Иоанна Малалы (VI в.) и ее славянском переводе, в Пасхальной хронике (VII в.), в Большом хронографе (VIII в.), в «Хронографии» Феофана Исповедника (IX в.) и др. [54, р. 302-305, № 189]. Точная дата этого события имеет некоторые разночтения у разных авторов. Согласно Марцеллину, оно случилось 24 сентября 480 г. В Пасхальной хронике упоминается 26 сентября 487 г. (во время консула Бозэция). Феофан Исповедник называет 25 сентября 477 г. Однако, судя по описаниям, речь идет об одном и том же очень сильном землетрясении, в результате которого в Константинополе «обрушились многие дома, церкви и портики... немалая часть стен и все башни... и области за городом и район Золотых Ворот был полностью опустошен» и погибло много людей [55, р. 40-41; 56; срав.: 57, с. 98]. Иоанн Малала, помимо столицы, в числе пострадавших называет также Никомедию и Геленополис⁶.

⁵ Данная публикация вышла в свет в 2009 г. под фамилиями двух авторов: И.А. Антоновой и А.А. Никонова. И.А. Антонова ушла из жизни в 2000 г. Как отмечает А.А. Никонов, статья подготовлена к печати «со значительными добавлениями» его авторского текста. Учитывая существенные расхождения в интерпретации и оценке изложенного в опубликованном варианте материала с работами И.А. Антоновой, мы делаем вывод о том, что автором рассмотренных ниже разделов является А.А. Никонов.

⁶ Издатели каталога древних землетрясений в Средиземноморье, опираясь на сведения Большого хронографа, в область землетрясения 477/480 гг. включили также города на побережье Гелеспонта (Абидос, Лампсак, Галлиполи и Сест) и остров Тенедос [54, р. 303]. Однако, скорее всего, землетрясение на этой территории произошло несколько позднее, чем в Константинополе, хотя также в правление Зенона. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что каждому землетрясению в Большом хронографе посвящены отдельные заметки (2 и 3). Первая из них, о Константинополе, начинается словами: «И немного спустя, осенью, случилось в Византии сильное землетрясение...». Вторая заметка о катастрофе на берегах Геллеспонтского пролива начинается так: «во времена императорского правления **этого же Зенона** произошло сильное землетрясение...» [55, р. 40-41; 56]. Т.е. речь идет о двух разных катастрофах.

Впервые связал это землетрясение с Крымом и, в частности, с Херсонесом А.Л. Бертье-Делагард, осторожно предположив, что восстановление стен города, отраженное в знаменитой надписи Зенона 487-488 гг., могло быть следствием данного природного бедствия [58, с. 82]. С тех пор это предположение для многих превратилось в неподвергающийся сомнению исторический факт. Землетрясение 480 г., как разрушительное для Херсонеса и всего Крыма (нередко со ссылкой на византийские источники!⁷), вошло во все каталоги землетрясений, изданные в Советском Союзе.

Однако какой бы силы ни было это землетрясение, его разрушительное действие не могло достичь северных берегов Черного моря, тем более охватить весь Крым. То, что сильные подземные толчки в Малой Азии и у ее берегов не могут иметь разрушительных последствий в Крыму, уже отмечали А.А. Никонов и В.В. Хапаев, ссылаясь, в частности, на опыт современных 10-балльных землетрясений в Турции (1957, 1967, 1999 гг.) [6, с. 21-23; 13, с. 43; 12, с. 97-98, 103-104]. А.А. Никонов, исходя из имеющихся сведений, охарактеризовал катастрофу в Константинополе в 480 г. (487) как землетрясение местного масштаба [6, с. 22]. Тем не менее, он считает, что в Херсонесе в близкое время, а именно в 487 г. все же произошло разрушительное землетрясение с эпицентром у его берегов. Столь точную дату он выводит, опять же основываясь, прежде всего, на надписи Зенона [6, с. 23; 13, с. 25-26]. Необходимость восстановления стен и башни, о которых упоминается в данном источнике, А.А. Никонов связывает именно с землетрясением, причем силой 9 баллов и более. Свидетельства данного события он пытается увидеть на целом ряде памятников. Прежде всего, это оборонительные сооружения. Так, с последствиями землетрясения 487 г. он связывает вертикальные трещины в панцире ядра башни Зенона (XVII), которое датируется концом III – II вв. до н. э. Образование данных трещин А.А. Никонов относит к «периоду между первыми веками н. э. и VI в.» на том основании, что они отсутствуют в «облекающем кольце следующего строительного периода – VI в. н.э.» [6, с. 24; 13, с. 29]. Однако следует заметить, что первое кольцо (второй строительный период башни по С.Ф. Стржелецкому), которым укрепили башню, С.Ф. Стржелецкий относил к первым векам н. э. [59, с. 18]. И.А. Антонова выявленные А.А. Никоновым «сейсмические трещины» рассматривает в качестве причины строительства первого кольца, которое относит к периоду со второй половины I до начала III вв. [60, с. 119, 128]. К концу V в. и VI в. (третий и четвертый строительные периоды) С.Ф. Стржелецкий относил второе облекающее кольцо башни Зенона [59, с. 18-23]. Именно с третьим строительным

⁷ Интересно отметить, что в популярной ныне свободной энциклопедии «Википедии» (интернет-издание) в статье «Крымские землетрясения 1927 г.» источником о катастрофе 480 г. названа «дошедшая до нас надпись в Херсонесе, который потерпел большие разрушения».

периодом он связывал надпись Зенона. Таким образом отмеченные трещины, если следовать логике А.А. Никонова и хронологии С.Ф. Стржелецкого и И.А. Антоновой, должны датироваться временем не позже начала III в. н. э., т.е. до строительства первого кольца. И, следовательно, они никак не могут быть связаны с землетрясением конца V в. Кроме того, характер отмеченных трещин не определяется однозначно. По предположению крымского геолога М.Е. Герасимова, они могут быть объяснены также статическими и динамическими нагрузками в результате изменения общего поля напряжений после строительства наружных колец [61, с. 85].

Хронология и интерпретация других участков юго-восточной линии обороны, предложенные А.А. Никоновым в качестве подтверждения сейсмической катастрофы конца V в., также не представляются убедительными. Заявляя о том, что масштабные реконструкции куртин и башен в этом районе трудно объяснить иной причиной «помимо землетрясения разрушительного характера», он совершенно не учитывает условий, в которых создавались данные сооружения. Согласно геологическим и археологическим исследованиям, проанализированным И.А. Антоновой, направление и устройство юго-восточной линии обороны в значительной степени определялось естественными факторами, а именно постоянными наносами размытой земли со стороны обширного оврага, который перегородила XIX куртина, а потом протейхизма [60, с. 118-119, 123-125]. Увеличение наносного слоя (с конца IV в. до н. э. до IX-X вв. на 5-6 м) требовало сравнительно частой надстройки, ремонта и укрепления стен. Но не только это являлось причиной постоянной заботы о данном, наиболее ответственном участке обороны города. Как достаточно емко охарактеризовала эту проблему И.А. Антонова: «Мы далеки от мысли все изменения, ремонты и перестройки на юго-восточном участке свести к борьбе с наносами со стороны оврага и моря. Естественно, старение, ветшание, изменение тактики осады, оснащение башен новыми метательными машинами требовали перманентных перестроек» [60, с. 126]. Именно этими факторами можно объяснить реконструкцию башни XVI, которая к тому же стоит на крутом склоне ныне невидимого оврага. Ее толщину увеличивали дважды. Первое утолщение, повысившее высоту башни, И.А. Антонова синхронизирует со слоями V-VI вв. в цитадели [60, с. 116]. Никаких признаков сейсмического разрушения башни до ее утолщения не обнаружено [см.: 13, с. 29]. Не поддаются точной датировке также трещины в наружной облицовке 19 куртины, которые зафиксированы на чертежах по раскопкам К.Э. Гриневича [62, табл. II]. А.А. Никонов характеризует их как «сильное сейсмическое растрескивание кладок нижних ярусов», а именно первого и второго [13, с. 29, рис. 5]. Однако датировка кладки второго яруса (второго строительного периода) концом IV в. н. э. [62, с. 83], на которую ориентируется А.А. Никонов, в настоящее время устарела. И.А. Антонова относит ее к VI в. [60, с. 121, 128]. Следовательно,

образование этих трещин нельзя относить к более раннему времени. К тому же вывод об их сейсмическом характере выглядит излишне категоричным.

К последствиям разрушительного землетрясения конца V в. А.А. Никонов относит также «ясные следы деформации» «каменной арки ворот» в оборонительной стене на западном фланге обороны [13, с. 28]. Речь идет о разгрузочной арке над склепом № 1039⁸ в стене третьего строительного периода 1-й куртины, которая датируется IX-X вв. [65, с. 67; 66, с. 29; 67, с. 28-29]. Более того, А.А. Никонов судит о следах деформации по фотографии, приведенной в отчете о раскопках в Херсонесе в 1901 г. [68, с. 24, рис. 48], на которой крайне сложно увидеть упоминаемые автором деформации. В любом случае состояние данной арки не может использоваться в качестве подтверждения разрушительного землетрясения в конце V в., так как ее строительство относится к более позднему времени.

Большую путаницу наблюдаем также в трактовке А.А. Никоновым разновременных слоев комплекса Базилики 1935 г. Мраморные плиты, устилавшие пол центрального нефа большой базилики VI в., он ошибочно приписывает полу первой «базилики», т.е. раннего храма, открытого под большой базиликой. То, что некоторые плиты были расколоты, А.А. Никонов объясняет действием «мощного горизонтального толчка» силой «9 баллов или более» и связывает с землетрясением конца V в., которое, по его мнению, и явилось причиной гибели раннего храма и других базилик в городе (!) [13, с. 29-31]. Однако в отличие от большой базилики ранний храм имел цемянковый пол, который во время раскопок находился в довольно хорошей сохранности и лишь в некоторых местах, вероятно, напротив входов, был выщерблен [36, с. 32; 69, с. 99]. Хорошо сохранился и мозаичный пол, принадлежавший боковому помещению данного храма [70, с. 136; 69, с. 96-97]. Таким образом нет никаких свидетельств именно сейсмического воздействия (тем более такой силы) на ранний храм. Не имеет никаких подтверждений также заявление о разрушении «множества других базилик в городе в то же время» [13, с. 29, 31]. Также остаются загадкой «слои V в. везде в городе», в которых «отмечаются следы разрушения» [13, с. 27]. Статьи С.Ф. Стржелецкого, И.А. Антоновой и Г.Д. Белова, на которые ссылается геолог, не содержат об этом никакой информации, как, впрочем, и другие материалы археологических исследований Херсонеса.

Как видим, ни один из аргументов А.А. Никонова не выдерживает критики. Таким образом утверждение о том, что в Херсонесе в конце V в. произошло разрушительное землетрясение «силой 9 и более баллов», в настоящее время не имеет научно обоснованных доказательств.

⁸ То, что данная арка не могла являться аркой ворот, как думал К.К. Косцюшко-Валюжинич, была именно разгрузочной аркой в стене над склепом, доказал еще А.Л. Бертье-Делагард [64, с. 114-115].

Аргументы А.А. Никонова в защиту гипотезы о землетрясении первой половины XI в.

А.А. Никонов является также убежденным сторонником идеи о сейсмическом разрушении города и в первой половине XI в. В своих работах он значительно расширил аргументацию в защиту данной гипотезы, дополнив ее письменными и археологическими материалами. Так, в поисках точной даты предполагаемого события он отождествил его с землетрясением 10 июня 1041 г., о котором очень кратко упомянул Иоанн Скилица (и повторил Георгий Кедрин): «В сие же лето, в десятый день месяца июня, около второго на десять часа дни, было землетрясение». Место и последствия не указываются. Такой лаконизм сообщения А.А. Никонов объяснил «тем, что это землетрясение возникло где-то на периферии Империи и / или для ее жизненных интересов значения не имело» и, следовательно, он не видит «противопознаний к предположительному сопоставлению» сведений об этом землетрясении с тем, которое якобы произошло у берегов Юго-Западного Крыма [13, с. 31-32]. Таким образом землетрясение в Херсоне приобретает абсолютную дату и свидетельство византийских хронистов. Полная абсурдность такого вывода вполне очевидна, поскольку само сообщение не дает для него никаких оснований. Как известно, в Константинополе и в округе довольно часто случались и слабые местные подземные толчки, которые отражались в источниках. Скорее всего упомянутое Иоанном Скилицей землетрясение и было подобного рода проявлением сейсмической активности.

Что касается материальных свидетельств, то, по мнению А.А. Никонова, в Херсонесе и в некоторых местах Юго-Западного Крыма «получены факты именно крупного сейсмического разрушения многих капитальных построек и их последующего восстановления, что заставляет признать крупное местное сейсмическое событие как несомненное и неизбежно резко нарушившее все стороны жизни в регионе» [13, с. 42]. Силу предполагаемого землетрясения он оценивает «не менее 8-9, вероятно, 9 баллов в Херсонесе» [6, с. 24-25; 13, с. 34-43].

Столь категоричный вывод А.А. Никонов делает на основании довольно большого количества данных, по его мнению, наиболее показательных. Однако это не результаты натурных исследований, как следовало бы ожидать от геолога и сейсмолога, а главным образом опубликованные материалы археологических раскопок некоторых оборонительных и культовых сооружений Херсонеса, насыпей колодца и цистерны. Доказательная база в целом представляется некой мозаичной подборкой свидетельств, вырванных из контекстов раскопок разных лет, причем в основе своей понятых и трактованных неверно. При этом для подавляющего большинства т.н. «свидетельств» археосейсмические показатели вызывают большое сомнение или же полностью отсутствуют.

Так, основываясь на материалах раскопок К.Э. Гриневича (1926 г.) на территории цитадели около 19-й куртины, А.А. Никонов рассматривает крупные камни в первом слое как «направленный развал с оборонительной стены», «ее опрокидывание под действием мощного горизонтального, косога относительно простираания стены импульса» в результате землетрясения XI вв. [13, с. 33]. Однако, как хорошо известно, первый слой на Херсонесском городище относится к периоду окончательного разрушения города в XIII или XIV в., и к XI в. отношения не имеет. Так же, как и могилы с известью карантинного кладбища второй трети XIX в. в этом слое [63, с. 264], которые А.А. Никонов почему-то связывает с последствиями указанного землетрясения (?!), красочно описывая «массовые захоронения начавших разлагаться трупов» как «типичное... действие оставшихся в живых жителей» после «большой катастрофы» [13, с. 34]. Жертвой абсолютно произвольного передатирования стал также «дом 1972 г.», открытый около «храма 1958 г.» в южной части городища. Хорошая сохранность данного объекта позволила О.И. Домбровскому в значительной степени восстановить картину гибели дома [71, с. 548]. Некоторые детали этой реконструкции, в частности падение двери внутрь, наискосок от проема, накрытый для трапезы стол в центре, разбитые пифосы и амфоры в кладовой, по мнению А.А. Никонова, «говорят в пользу внезапности события, несовместимости его объяснения результатом, скажем, вражеского набега» [13, с. 37]. Поэтому он делает вывод о «именно сейсмической причине разрушения». Однако гибель «дома 1972 г.» в пожаре по археологическому материалу относится к последнему разрушению города. По мнению, О.И. Домбровского, это стало результатом ордынского вторжения конца XIV в. [71, с. 548].

С землетрясением первой половины XI в. А.А. Никонов связывает также разрушение строений «5-го и 6-го периодов» (по К.Э. Гриневичу) вблизи 19-й куртины. При этом его никак не смущает разновременность этих сооружений. По периодизации К.Э. Гриневича, опорная стена «6-го периода» возникла после того, как помещения «5-го периода» были уже «в земле», и на их месте «была устроена искусственная паперть-помост, сооруженная через большой промежуток времени после гибели всего здания». Причину выгнутости стены «6-го периода» наружу К.Э. Гриневич видел в действии «большой тяжести земляной насыпи» [63, с. 267]. «Влиянием неравномерного давления тяжелых камней насыпи» он также объяснил выгнутость внутрь двух перпендикулярных стен одного из помещений «5-го периода» [63, с. 279]. Следует отметить, что сооружения «5-го периода» принадлежали большому архитектурному комплексу, который К.Э. Гриневич считал монастырем X-XI вв. [63, с. 267; 72, с. 120]. Однако, как показали раскопки 1989-1993 гг. под руководством И.А. Антоновой, данный комплекс, состоящий из двух больших однотипных зданий и небольшого трехапсидного храма, являлся военно-административным

центром и был возведен в связи с организацией херсонской фемы в середине – второй половине IX в. [73, с. 14-18]. С.Б. Сорочан называет его комплекс фемного претория [9, с. 997]. По мнению исследователей, он прекратил свое существование в конце XI – начале XII вв. [74, л. 13; 73, с. 15] или в начале XII в.⁹ [75, л. 2, 56; 9, с. 999]. Таким образом хронология исследованных на данном участке сооружений исключает возможность связывать их гибель с землетрясением первой половины XI в. К тому же характер деформаций трех отмеченных стен двух разных периодов может объясняться действием статических нагрузок уже после разрушения и засыпи помещений.

Нет никаких оснований также связывать перестройку Загородного крестообразного храма с предварительным «сильным, нерукотворным разрушением» [13, с. 37]. Устройство алтаря в восточной ветви, покрытие остальной части храма роскошной мозаикой, сооружение южного и северного приделов, с которыми связаны превращение окон в двери – все эти преобразования, имевшие целью превратить первоначальный храм-мраирий в церковь «обычного культа», никоим образом не могут свидетельствовать «именно о сейсмической причине разрушения... 8-9 баллов» [там же]. Более того, данная перестройка произошла в раннесредневековый период, не позднее конца VI – первой половины VII вв. [76, с. 51-59; 77, с. 220-224]. В контексте нашей темы отметим также, что для Загородного крестообразного храма неизвестны какие-либо признаки археосейсмических воздействий. Как раз наоборот, хорошая сохранность (без трещин, разрывов и выпуклостей) раннего известково-цемянкового¹⁰ и более позднего мозаичного полов во время их открытия в 1902 и 1953 гг. [79, с. 35; 78, с. 299, 303] может свидетельствовать о том, что этот храм никогда не испытывал сильных (8-9 баллов) подземных толчков.

Совершенно ошибочны представления А.А. Никонова и о характере разрушения Базилики 1935 г. По его мнению, данное «сооружение не просто разрушилось, но было свергнуто, опрокинуто с полным обрушением и дроблением всех элементов наземной части» [13, с. 35]. Этот вывод он делает на основании двух фотографий из отчета о раскопках в 1935-1936 гг. На одной из них зафиксированы капители и фрагменты колонн в восточной части центрального нефа [36, с. 92, рис. 55]. Как указано в отчете, в этой части нефа мраморные плиты пола были изъяты после разрушения базилики [36, с. 99-100], поэтому упомянутые детали лежат не «поверх пола базилики»,

⁹ Датировка определяется по археологическому материалу на полах одного из помещений: «фрагменты амфор XII в., монеты Романа IV (1067-1071), монеты XI-XII вв.», а также на основании клада монет XI-XII вв. в помещении, построенном на месте разрушенного здания [73, с. 15; 75, л. 2, 56].

¹⁰ На раннем белом полу, состоящем из трех слоев известково-цемянкового раствора, зафиксированы лишь неравномерно истоптанные ногами полосы в ветвях храма [78, с. 303].

как отмечает А.А. Никонов, а в слое ниже уровня разобранного мраморного пола¹¹, причем довольно хаотично и в разных плоскостях. Нет никаких сомнений в том, что они неоднократно перемещались и, естественно, не могут свидетельствовать о направлении и силе подземного толчка, якобы повалившего колоннаду. Невозможно согласиться также с интерпретацией еще одной фотографии той же базилики [36, с. 90, рис. 53], на которой А.А. Никонов рассмотрел в кладке цоколя «расщелины, косые смещения друг относительно друга на несколько см (?!), а также косое растрескивание одной из стоящих на ребре плит и косое же выдвигание покрывающей плиты с образованием узкого козырька. Такое повреждение с горизонтальной составляющей в основании сооружения могло возникнуть только при сильном боковом толчке в ЮЗ-СВ направлении. Именно такой толчок должен был повалить колоннаду и, естественно, обрушить стены и кровлю» [13, с. 35]. Однако подобные весьма категоричные выводы представляются некорректными, т.к. упомянутый снимок не очень хорошего качества сделан на довольно большом расстоянии и не дает возможности отчетливо увидеть перечисленные дефекты. Кроме того, фото фиксирует базилику не в первичном состоянии (сразу после открытия), а в процессе более поздних реставрационных работ. Нельзя также упускать из виду длительный период запустения базилики после разрушения. Таким образом отмеченные дефекты, даже если бы они были отчетливо зафиксированы, не могли бы относиться исключительно к моменту разрушения базилики.

Следует отметить, что в настоящее время мы не можем судить о первоначальной степени разрушения базилик, поскольку в последующем они были в значительной степени разобраны на строительный материал и на месте ряда храмов из их же деталей позже были построены новые церкви. Например, от Базилики 1935 г. сохранились только фундаменты и в отдельных местах по несколько рядов от цоколя [36, с. 89-91]. Поэтому заявления о «нерукотворном разрушении» храмов и о том, что «коллапс столь прочного сооружения невозможно приписать военным действиям и вообще силам человеческим» [13, с. 35], не более чем риторика, призванная компенсировать недостаток реальных фактов.

Доказательствами землетрясения А.А. Никонов склонен считать не только разрушения и слои пожаров, но также и засыпи колодцев, цистерн,

¹¹ Трещины на некоторых мраморных плитах пола центрального нефа Базилики 1935 г. (которые А.А. Никонов ошибочно отнес к раннему храму) также не могут объясняться как исключительно результат действия сильных боковых толчков [13, с. 30-31]. Объяснение, данное этому явлению в отчете Г.Д. Белова, вполне убедительно: «Вследствие тяжести стены (поздней часовни) мраморные плиты осели и получили наклон к середине, а две из них оказались раздавленными» [36, с. 129]. Трещины вполне могли образоваться от перекоса плит и неравномерной нагрузки на них.

перепланировку жилых кварталов, новое строительство, перестройку оборонительных стен, при этом не отмечая ни единого повреждения именно сейсмического характера.

Так, например, признаком постигшей город природной катастрофы для А.А. Никонова являются «несколько часовен небольших размеров» в западной части города, «возведенных из вторично использованного, взятого из развалин камня, и к тому же в весьма примитивной технике». По мнению исследователя, подобные сооружения могли возникнуть «после крупного бедствия, в условиях разрухи, отсутствия сил и средств для нормального строительства, как это бывает после разрушительных землетрясений» [13, с. 36]. Наивность такого вывода вполне очевидна для тех, кто хотя бы в малой степени знаком с позднесредневековой застройкой Херсонеса. Именно такие небольшие часовни, служившие домашними церквями и семейными усыпальницами, функционировали практически в каждом жилом квартале города X-XIII вв. [80, с. 17; 81, с. 160-166]. И ставить в зависимость их возведение с землетрясением представляется совершенно некорректным.

По меньшей мере, недоумение вызывает попытка геолога связать именно с землетрясением перенос к востоку оборонительной линии на берегу Карантинной бухты из-за изменившейся береговой линии, которое он объяснил следующим образом: «быстрое относительное понижение уровня моря (воздымание суши) на этом участке должно было иметь серьезные и экстраординарные геологические причины. Не связано ли это с подготовкой сильного близкого землетрясения...?». Это же землетрясение он рассматривает как причину перестройки новой линии от основания «не позднее конца XI – начала XII вв.» [13, с. 36]. Однако, как показали результаты многолетних раскопок, которые проанализировала и обобщила И.А. Антонова, береговая линия укреплений несколько раз изменяла свое направление вслед за отступающим берегом Карантинной бухты уже с III-IV вв. [82, с. 103-117]. «Постепенно наносы песка уменьшали ее акваторию и глубину» [60, с. 117]. И.А. Антонова предполагает, что «к XI-XII вв. рукав бухты, видимо, был засыпан. После засыпи этого участка... линия оборонительных стен была намного вынесена к востоку» [82, с. 115]. Таким образом обмеление происходило постепенно на протяжении нескольких веков в результате наноса морского песка и никак не может объясняться «подготовкой сильного близкого землетрясения». Кардинальное изменение оборонительной системы было предопределено достаточно длительными геологическими процессами и стало на определенном этапе насущной необходимостью. Время этих изменений (VI строительный период, возведение 37-39 куртины с башнями) И.А. Антонова датировала XI-XII вв. [82, с. 110], X-XI вв. [84, с. 5], концом X – началом (серединой) XI вв. [83, с. 22; 60, с. 117]. Причину перестройки новой линии обороны исследовательница видела в необходимости исправления инженерной ошибки и относила эту

перестройку к XI – первой половине XII вв. [82, с. 110-112] или к периоду «не позднее конца XI – начала XII вв.» [84, с. 5]. Таким образом пока нет ясности в датировке как строительства новой линии стен, так и ее перестройки. Но в любом случае довольно частые ремонты и перестройки юго-восточной линии оборонительных стен, построенных на наносном грунте, объясняются постоянной потребностью поддерживать их в боевой готовности, а также необходимостью совершенствовать систему обороны на одном из самых ответственных участков. Следует отметить, что собственно признаки землетрясений (тем более разрушительной силы) в сохранившихся кладках здесь не отмечены, в том числе и самим А.А. Никоновым.

Помимо Херсонесского городища «следы» разрушительного землетрясения первой половины XI в. А.А. Никонов нашел также в его округе и в горном Крыму. Так, в число сейсмических жертв он включил средневековое поселение на западном берегу Камышовой бухты (надел 32), предварительные результаты исследования которого опубликованы Т.Ю. Яшаевой [85]. И в этом случае автор применяет чрезвычайно сомнительный метод выявления следов сейсмического воздействия на кладки помещений по фотографиям общего плана [85, с. 357, рис. 9а, 9б]. Перечисленные им т.н. «важные признаки», а именно: нарушение кладки «со смещением верхних из сохранившихся рядов внутрь помещения на 0,2-0,3 м» (?), «сильное растрескивание южной части восточной стены» [13, с. 40] идентифицировать на данных фотографиях совершенно невозможно. Что касается камней на полу помещения, то они еще никоим образом не позволяют говорить об их направленном «отбросе», тем более «с высоты 1 м на расстояние не менее 1,2 м». В вопросе определения времени разрушения усадьбы А.А. Никонов из всей массы отмеченного материала выбирает тот, который более подходит его гипотезе, а именно: монету Романа III (1028-1034 гг.), в то время как в слое разрушения находилась и более поздняя монета – Романа IV (1068-1071 гг.) [85, с. 355].

Абсолютно необоснованно использование в доказательной базе землетрясения XI в. также монастырского комплекса на мысе Виноградный, который погиб в пожаре не ранее XIII-XIV вв. [86, с. 150]. Нельзя считать аргументированной и попытку связать с указанным землетрясением «разрушение (повреждение) крепостей на обширном пространстве» горного Крыма и «гибель почти всех поселений на западном побережье Крыма (на Тарханкутском полуострове)» [13, с. 42]. Активизацию фортификационного строительства в Юго-Западном Крыму, которую относят к X в., А.А. Никонов считает возможным передатировать «более поздним временем» лишь на основании «неработанности точной хронологии этого периода». Решив столь просто проблему хронологии в пользу XI в., он автоматически, без каких-либо дополнительных доказательств, устанавливает и причину нового строительства, которую видит не в «напряженности военно-политической обстановки»,

а «в разрушении крепостей... за счет сильного землетрясения». Аналогичный метод, по которому произвольно высказанная дата определяет причину разрушений, применен и в отношении средневековых поселений Тарханкутского полуострова¹².

Как видно из приведенных примеров, вопросы хронологии являются одним из наиболее слабых мест в конструкции доказательств А.А. Никонова. Создается впечатление, что объективное рассмотрение данной проблемы не входит в его задачу. В стремлении во что бы то ни стало доказать свою гипотезу он применяет далеко не научные методы, а именно: манипулирование датирующим материалом, искусственное «притягивание» датировки объекта к дате предполагаемого землетрясения, а также откровенное игнорирование хронологии, установленной по результатам археологических исследований. Другой большой проблемой доказательной базы, выстроенной А.А. Никоновым, является степень достоверности собственно археосейсмических наблюдений. Выводы о сейсмическом характере разрушений описанных им объектов либо основаны на изначально ошибочных посылах и, следовательно, вообще не должны приниматься во внимание, либо вызывают большие сомнения, так как отмеченные повреждения (разрушения) вполне могут объясняться другими причинами. К числу уже рассмотренных сомнительных аргументов следует также отнести «прослой горения на поверхности земляного пола в подошве завала стен в северо-западном углу постройки вблизи оборонительной стены на городище Кыз-Кермен» и «погребенный можжевелевый ствол из тела оползня «Черный бугор» восточнее поселка Ласпи на южном берегу Крыма». А.А. Никонов считает их результатом землетрясения первой половины XI в. лишь на том основании, что они относятся примерно к одному времени (радиоуглеродный возраст 1040 ± 40 и калиброванный возраст 1011 (983-1023) г.) [13, с. 41]. Однако, как известно, причиной пожаров и оползней в горах Крыма могут являться не только землетрясения. Таким образом рассмотренные аргументы А.А. Никонова не отвечают им же самим сформулированным принципам археосейсмических исследований, один из которых предполагает признание землетрясения причиной повреждений только после того, как действие других разрушительных факторов полностью исключается [13, с. 139-141].

К сожалению, в доказательной базе землетрясения XI в. отсутствуют результаты собственно геологических исследований, прежде всего Херсонеса (если таковые вообще проводились). Между тем они были бы чрезвычайно важны, поскольку, как известно, сильные землетрясения сопровождаются

¹² Салтово-маяцкие поселения на Тарханкутском полуострове практически не исследованы. Их следы фиксируются на некоторых позднескифских памятниках по незначительному количеству керамики VIII-X вв. и чрезвычайно редким строительным остаткам (например, маяк на поселении Тарпанчи) [87, с. 257-259]. Археосейсмические признаки разрушения на них не отмечены. Время гибели поселений нуждается в уточнении.

трещинами как в фундаментах, стенах, полах, так и в грунте, в том числе и скальных породах¹³. Ни один из подобных фактов не зафиксирован.

Следует отметить, что некоторые геологи и сейсмологи, находясь под влиянием авторитета А.А. Никонова, хотя и допускают возможность землетрясения XI в., все же признают, что «фактические материалы, по которым восстановлены эти события, весьма скудны и требуют дальнейших поисков и исследований» [29, с. 27].

Некоторые конструктивные особенности херсонесских базилик в связи с вопросом их сейсмостойкости.

Херсонес и его сооружения специально еще не изучались с точки зрения их сейсмостойкости, т.е. степени их устойчивости к подземным колебаниям разной силы. Это сложный вопрос, который нуждается в комплексном исследовании различными специалистами. Тем не менее, выявленные в ходе археологических исследований конструктивные особенности некоторых строительных объектов, в частности херсонесских базилик, в какой-то степени позволяют судить об их способности противостоять разрушительной силе природных катаклизмов.

Значительным подспорьем в этом могут служить также документально зафиксированные сведения о недавних сейсмических разрушениях. Их изучение дает возможность выявить те факторы, от которых зависит степень сейсмостойкости сооружений. Отметим, что один из принципов археосейсмических исследований, изложенных А.А. Никоновым, как раз и заключается в необходимости сопоставления предполагаемых признаков сейсмического воздействия на древних памятниках «с характером поврежденных или разрушенных при современных землетрясениях... желательно в том же районе» [13, с. 138-139]. Самыми сильными землетрясениями в Крыму, о которых есть сравнительно подробная информация, были, как уже отмечалось, 26 июня и 11 сентября 1927 г., с максимальной интенсивностью 7 и 8 баллов соответственно. Во время последнего из них наибольшему сейсмическому воздействию подверглась территория ЮБК от Алушты до Балаклавы (8-балльная зона). Колебания силой 7 баллов отмечены в районах городов Севастополь, Симферополь, Бахчисарай и Судак [30, с. 50-52]. Разрушения и различные повреждения сооружений фиксировались на площади 43 тыс. кв. км [22, с. 53]. В общем, сентябрьское землетрясение ощущалось на территории 1 млн. кв. км [23, с. 447; 24, с. 133].

По результатам анализа последствий этого землетрясения, выполненного

¹³ Именно такого рода деформации (трещины в грунте и скальных породах) образовались в результате землетрясения в сентябре 1927 г. в зоне максимальных 8-балльных сотрясений вдоль Южного Берега Крыма. Единичные трещины в грунте отмечались даже в зоне 6-балльных сотрясений [22, с. 54; 88, с. 34-35].

отделом сейсмологии Института геофизики НАН Украины для 195 населенных пунктов Крыма на основе актов технического обследования зданий и сооружений, повреждения различной степени получили 11380 домов. Из них к «совершенно разрушенным» отнесены 1620 домов, что составляет чуть более 14 % от общего количества поврежденных зданий [89, с. 9]. Наибольшие повреждения получили типичные для того времени дома, построенные из «низкопрочного крымского известняка неправильной формы (бута) на известняковом или глиняном растворе низкой прочности или из булыжного камня на слабом растворе» [89, с. 9-11; 90, с. 31]. При сооружении двух- и трехэтажных домов часто использовали разные типы кладок, например, первые этажи возводили из бутового камня, вторые и третьи – из ракушечника. В Ялте среди сильно пострадавших сооружений были дома именно таких не очень устойчивых конструктивных систем [30, с. 53-56]. Таким образом застройка Крыма XIX – начала XX вв., ввиду невысокого уровня технических характеристик и плохого качества строительства, оказалась неспособной противостоять сильным подземным толчкам. Антисейсмические приемы в строительстве того времени применялись довольно редко. Однако, как зафиксировано в ряде случаев, даже столь нехитрые конструктивные меры, как включение в кладку стен деревянных поясов, спасало здания от их разрушения (обваливалась только штукатурка) [89, с. 10]. Интересно отметить, что многие древние сооружения оказались гораздо более устойчивыми к землетрясениям 1927 г., чем новые. Как пишет А.И. Маркевич, очевидец тех событий: «Не произошло крушений и разрушений древних сооружений ни на Мангупе, ни в Феодосии, Судаке, Балаклаве, не пострадали башни Черкес-Керменская, Чобан-Куле и даже полуразрушенная Сюреньская, обе Алуштинские, Керменчикская и др.» [19, с. 10]. Выдержали 7-балльный толчок также стены и башни Херсонеса.

Другим ценным наблюдением последствий землетрясений 1927 г., которое сделали уже первые их исследователи, является прямая зависимость степени повреждения зданий от грунта, на котором они были возведены. Так, изучая конкретные примеры, А. Полумб пришел к выводу, что наибольшие разрушения и повреждения претерпели постройки, стоящие на рыхлых почвах, наносах, в речных долинах и насыпных местах. Дома на твердых грунтах пострадали гораздо меньше. В частности, он упоминает деревню Куркулет около горы Аю-Даг (т.е. в зоне наибольшего сотрясения), которая почти не пострадала, т.к. стоит на твердой породе – диорите. В то же время недалеко расположенная деревня Кизилташ на глинистых сланцах и наносах в значительной степени оказалась разрушенной¹⁴ [22, с. 47-49; 91, с. 6-8].

¹⁴ Из 275 домов д. Кизилташ (Краснокаменка) было повреждено и разрушено 159, из которых 34 – полностью разрушены [30, с. 52].

Таким образом технические и конструктивные характеристики, а также местные геологические условия, прежде всего качество грунта, и являются теми факторами, которые определяют уровень сейсмостойкости конкретного сооружения.

Несмотря на то, что ранневизантийские храмы Херсонеса сохранились до наших дней в незначительной степени, нет сомнения в том, что они принадлежат к числу самых монументальных сооружений, раскопанных на его городище. Архитектурный тип этих зданий представлял собой т.н. эллинистическую (или греческую) базилику со стропильным перекрытием, которая в ранневизантийское время доминировала на обширной территории Восточного Средиземноморья, бассейнов Эгейского и Мраморного морей, Западного и Восточного Причерноморья [92, с. 262]. Базилики строили с соблюдением определенных пропорций, учитывающих соотношение длины и ширины всего здания и отдельных его частей [93, с. 93-95; 92, с. 263]. Также наблюдается зависимость ширины нефов (прогонов перекрытия) от толщины несущих стен [94, с. 37; 93, с. 90-93], что должно было обеспечивать максимальную прочность и устойчивость здания с учетом его масштабов. Кладка стен всех херсонесских базилик во многом сходна: она, как правило, двухпанцирная с нижними рядами из крупных отесанных блоков известняка, над которыми шли ряды из более мелких камней с использованием отдельных кирпичей для выравнивания. Наиболее ответственные части зданий – углы и откосы проемов выполнялись из крупных отесанных блоков. Стилобаты (основания колонн) состояли из очень массивных каменных плит. В некоторых базиликах (Уваровская, Северная, Западная, Базилика 1932 г.) зафиксированы кирпичные пояса (*opus mixtum*), которые существенно повышали устойчивость сооружения, выполняя ту же роль, что и деревянные брусья в более поздних сооружениях. В технике *opus mixtum* были сооружены также крещальня при Уваровской базилике и четырехапсидный храм. Не исключено, что аналогичным образом были сложены и остальные базилики, стены которых не сохранились до уровня кирпичных рядов. Кладки всех ранневизантийских храмов были скреплены прочным известковым или известково-цемянковым раствором, который обеспечивал высокое качество сцепления строительных материалов. Стандартная толщина стен базилик – 0,9-1,0 м.

Теперь, что касается грунта, на котором построены херсонесские базилики. Для большинства из них основой служит известняковая скала. Частично или полностью на культурном слое сооружены ранняя Базилика на холме, Базилики 1932 г. и 1935 г. и четырехапсидный храм. Однако вряд ли данное обстоятельство может быть использовано для доказательства разрушения этих сооружений именно от землетрясения [11, с. 151-155]. Дело в том, что строители учли сложности местных условий и предприняли адекватные меры, обеспечившие зданиям дополнительный запас прочности. Фундаменты

храмов были впущены глубоко в слой и уложены либо на скалу, либо на кладки античных стен, построенных на скале. В любом случае фундаменты имели твердое основание. Они были сложены из бутовых камней на прочном известково-цемянковом растворе. Зафиксированы также строительные приемы, значительно увеличивающие несущую способность фундаментов. Так, восточная и северная апсиды четырехапсидного храма, построенные над античным бассейном, имели т.н. траншейные фундаменты, которые выполнялись путем постепенной забутовки траншеи с заливкой каждого слоя камней жидким раствором [95, с. 160]. Ширина этих фундаментов достигала 2 м при толщине стен 1,6 м. Толщина пилонов четырехапсидного храма составляла 2,6 м. Столь мощные стены были необходимы для поддержания купола и конх четырех апсид храма. Уникальный для херсонесских базилик строительный прием зафиксирован в Базилике 1935 г., построенной на культурном слое мощностью до 4 м. Северо-восточная и юго-восточная стены (плечи) базилики были соединены сплошным фундаментом, что существенно увеличило прочность апсиды [36, с. 90]. Скорее всего, этой же цели служили два массивных блока в сохранившемся нижнем ряду цоколя апсиды, которые выступали за ее абрис (полукружие) и служили своего рода контрфорсами. Кладка сохранившихся участков стен над фундаментом отличалась особой тщательностью и монументальностью. Она состояла из больших тесаных плит, поставленных на ребро [36, с. 91]. Дополнительно усиливали здание сильно выступающие пилястры в нартексе [96, л. 28; 97, л. 22]. В Базилике на холме прочность конструкции обеспечивалась глубокими фундаментами и толстыми продольными стенами (1,2-1,3 м). Большая часть базилики стоит на скале. Лишь северо-восточная ее часть построена над склоном холма, который был скомпенсирован завалом из крупных необработанных камней. На этом каменном завале основан фундамент части северной стены длиной 9,75 м [98, л. 3-4]. Глубина фундамента достигала 3,0 м, толщина стены – 1,3 м [99, с. 117]. В качестве связующего материала, так же, как и в других рассмотренных памятниках, был использован очень прочный известняковый раствор с добавлением крупного морского песка и толченой керамики (цемянки), который хорошо сохранился до момента раскопок.

Таким образом конструктивные особенности и технические характеристики ранневизантийских храмов свидетельствуют о достаточно высокой степени их прочности. Как представляется, столь монументальные здания вполне могли противостоять землетрясению силой в 7-8 баллов, которую, судя по опыту землетрясений 1927 г., выдерживали и менее слабые постройки. Допускать землетрясение в районе Херсонеса силой в 9-10 баллов слишком гипотетично, поскольку в настоящее время в истории Крыма такие толчки неизвестны. К тому же при такой интенсивности подземного удара следовало бы предполагать тотальное разрушение города,

что не подтверждается археологическими раскопками. Скорее всего, вряд ли была бы возможна ситуация, когда рушилась бы одна базилика (1935 г.) (рис. 1,Е), в то время как соседняя (Северная) (рис. 1,Ж), расположенная приблизительно в 150 м от нее, уцелела, так же, как и все остальные базилики, расположенные в восточной части города (рис. 1,З,И,К,Л).

Кроме того, землетрясение такой силы неминуемо оставило бы неизгладимый след в кладках, полах и грунте. Ни один из исследователей не отметил подобных деформаций и даже не предположил возможность сейсмического воздействия на раскапываемые объекты. Следует отметить, что раскопки кварталов Северного района, претерпевших наибольшие разрушения на рубеже X-XI вв., происходили вскоре после землетрясений 1927 г., а именно начиная с 1930-х гг., когда недавний природный катаклизм был еще свеж в памяти и интерес к сейсмическому прошлому Крыма находился на достаточно высоком уровне.

Таким образом приходится констатировать, что гипотеза о разрушительном землетрясении первой половины XI века в настоящее время не имеет научно обоснованной базы данных. Она появится в том случае, когда хронологические и археосейсмические показатели совпадут, причем на многих объектах. Эти исследования должны проводиться совместно археологами, сейсмологами, геологами, не исключено, что и с привлечением специалистов точных наук¹⁵.

* * *

В заключение хотелось бы отметить следующее. Действительно в последнее время интерес к историческим землетрясениям очень возрос. Обнаружение новых свидетельств разрушений сейсмического характера имеет значительное влияние и на выводы естественных наук [см.: 15, с. 56; 16, с. 54]. В геологии и сейсмологии в последние два десятилетия наметилась стойкая тенденция к повышению оценки сейсмического потенциала Крымского региона. На новейших картах общего сейсмического районирования эта оценка повсеместно выросла на 1-2 балла, территория вероятного наибольшего сотрясения также существенно расширилась. Поскольку эти карты составляют базу для нормативных документов по проектированию и строительству, то следует ожидать, что более высокая оценка сейсмической опасности пропорционально должна повысить требования к новому строительству, а соответственно и качество строящихся объектов, особенно на территориях, подверженных наибольшему риску. И в этом безусловная польза обозначенной тенденции. Но, тем не менее, в истории и археологии, как, впрочем,

¹⁵ Имеется в виду механика разрушения твердых тел, изучающая закономерности зарождения и роста трещин.

и в других науках, любое утверждение должно подтверждаться фактами. Поэтому гипотеза без должного научного обоснования и детальной проверки абсолютно всех возможных данных не имеет права переходить в разряд исторического факта. Иначе есть угроза, что в погоне за археосейсмическими доказательствами мы начнем признавать каждую трещину в кладке, каждую засыпь колодца и каждый слой пожара за безусловные свидетельства разрушительных землетрясений.

Что касается истории катастрофы, постигшей город Херсон в конце X – начале XI вв., то в ней по-прежнему остается ряд нерешенных важных проблем. В настоящее время не определены более или менее точно границы единовременных разрушений. Нет также окончательного ответа на вопрос о причине этих разрушений. Однако достаточно узкие хронологические рамки этого события, устанавливаемые по монетным кладкам, позволяют говорить о походе на Корсунь (Херсон) киевского князя Владимира в 988 (989) г. как о вполне вероятной причине гибели значительной части городских кварталов. Напряженная многомесячная осада, сопровождавшаяся стойким сопротивлением горожан, взятие города в результате предательства (а не добровольной сдачи), а также варварский обычай грабежа захваченных территорий, которым, безусловно, не брезговала русская дружина в то время, не могли не иметь разрушительных последствий [104, с. 15-60; 105, с. 110-112], определить более точные масштабы которых еще предстоит.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов Г.Д. Херсонес Таврический // КСИИМК. 1946. Вып. XIII.
2. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17.
3. Романчук А.И. «Слои разрушения X в.» в Херсонесе (К вопросу о последствиях корсунского похода Владимира) // ВВ. 1989. Т. 50.
4. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
5. Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Ч. 2. Византийский город. Екатеринбург, 2007.
6. Никонов А.А. Сильные землетрясения и сейсмический потенциал Западно-Крымской (Севастопольской) очаговой области // Физика Земли. 1994. № 11.
7. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
8. Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клепиной и С.Г. Рыжова. *Roznan*, 2004.
9. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2.
10. Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Основные этапы археологического изучения памятников на территории цитадели Херсонеса Таврического // БИ. 2008. Вып. XIX.
11. Хапаев В.В. Разрушение Херсонеса на рубеже X-XI веков: к изучению причин // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3.
12. Хапаев В.В. Крымские землетрясения древности и средневековья: к истории вопроса [Электронный ресурс] // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Симферополь, 2008. Вып. I. С. 89-116. – Режим доступа: <http://maiask.ucoz.ru/news/2008-11-02-1>.

13. Антонова И.А., Никонов А.А. Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское время и в раннем средневековье // Очерки по истории христианского Херсонеса / Отв. ред. С.А. Беляев. СПб., 2009.
14. Виноградов А.Ю. Строительство в херсонской феме по данным эпиграфики // II Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» (Нац. заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь, 31 мая – 4 июня 2010 г.). Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2010.
15. Никонов А.А. Сейсмический потенциал Крымского региона: сравнение региональных карт и параметров выявленных событий // Физика Земли. 2000. № 7.
16. Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Пустовитенко А.А. Новые карты общего сейсмического районирования территории Украины. Особенности модели долговременной сейсмической опасности // Геофизический журнал. 2006. Т. 28. № 3.
17. Фирсов Л.В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976.
18. Завадская И.А. Война или землетрясение: к вопросу о причине разрушений в Херсоне в X-XI вв. // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2008.
19. Маркевич А.И. Летопись землетрясений в Крыму (историческая справка) // Черноморское землетрясение 1927 г. и судьбы Крыма. Симферополь, 1928. (Отдельный оттиск).
20. Слудский А.Ф. Исторический очерк землетрясений в Крыму // Крым. 1928. № 1.
21. Смирнов М.В. Каталог землетрясений в Крыму. Симферополь, 1931.
22. Полумб А. Очерк крымских землетрясений. Гос. изд-во Крым АССР, 1933.
23. Попов И.И. Землетрясения в Крыму и прилегающих к нему частях Черного моря // Геология СССР. Т. VIII. Крым. Ч. 1. Геологическое описание. М., 1969.
24. Славин В.И. Современные геологические процессы в Крыму. М., 1985.
25. Хапаев В.В. Землетрясения 1292 и 1341 гг. в Крыму: к преодолению историографического мифа // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2009. № 164.
26. Хоецкий Е. Сплогади з подорожі по Криму / Переклад з польської. Симферополь, 2008.
27. Никонов А.А. Землетрясения XVII в. в Восточном Крыму // Физика Земли. 1986. № 6.
28. Никонов А.А. Разрушительное землетрясение 1751 г. в Крыму // Физика Земли. 1996. № 1.
29. Кульчицкий В.Е., Пустовитенко Б.Г. Проблема изучения древней сейсмичности Крыма // Проблемы сейсмобезопасности Крыма. Сборник материалов конференции. Севастополь, 1995.
30. Кульчицкий В.Е., Пустовитенко Б.Г., Скляр А.М. Разрушительные крымские землетрясения 1927 г.: уроки и некоторые следствия // Геофизический журнал. 2002. Т. 24. № 6.
31. Пустовитенко Б.Г. Уроки разрушительных крымских землетрясений 1927 г. // Сборник материалов Международной научной конференции «Уроки и следствия сильных землетрясений (к 80-летию разрушительных землетрясений в Крыму)» (Ялта, 2007). Симферополь, 2007.
32. Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Борисенко Л.С., Поречнова Е.И. Общее сейсмическое районирование территории Крыма (ОСР-98) // Геофизический журнал. 1999. Т. 21. № 6.
33. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в.н.э.). Киев, 1977.
34. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
35. Белова-Кудь Л.Н. Монеты из раскопок Херсонеса 1931-1932 гг. // МИА. 1941. № 4.
36. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-1936 гг. Крымиздат, 1938.
37. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1949 и 1951 гг. // НА НЗХТ. Д. 622.
38. Завадская И.А. О разрушении Херсонеса в X-XI вв. // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. М.И. Артамонова. Тезисы докладов. СПб., 1998.
39. Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.

40. Завадская И.А. О разрушении Херсонеса в X-XI вв. // Східний світ. 1999. № 1-2. Київ, 2001.
41. Гилевич А.М. Новый клад херсоно-византийских монет // ВВ. 1964. Т. XXIV.
42. Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. № 4.
43. Соколова И.В. Датировка некоторых монет Херсона // НС. 1968. Вып. III.
44. Гилевич А.М. Клад херсоно-византийских монет из округа Херсонеса // НС. 1974. № 5.
45. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Новые исследования в Северо-восточном районе Херсонеса (Средневековые памятники) // АДСВ. 2004. Вып. 35.
46. Беляев С.А. Поход князя Владимира на Корсунь (его последствия для Херсонеса) // ВВ. 1990. Т. 51.
47. Рыжов С.Г. Средневековые жилые кварталы X-XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
48. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
49. Никонов А.А. К методологии археосейсмических исследований памятников прошлого // Источники и воздействие разрушительных сейсмических колебаний. Вопросы инженерной сейсмологии. М., 1990. Вып. 31.
50. Никонов А.А. Палеосейсмологический подход при сейсмическом районировании и оценке сейсмической опасности // Сейсмичность и сейсмическое районирование Северной Евразии. 1995. Вып. 2-3.
51. Никонов А.А. Обрушение навесов и ниш: опыт исследований в Крыму // Геоморфология. 1996. № 4.
52. Никонов А.А. О следах землетрясений античного времени на западе европейского Боспора // Российская археология. 1998. № 4.
53. Антонова И.А., Никонов А.А. Следы сейсмических воздействий на оборонительные сооружения Херсонеса // Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб., 1995.
54. Catalogue of ancient earthquakes in the Mediterranean area up to the 10th century / Emanuela Guidoboni, Alberto Comastri, Giusto Traina. Istituto Nazionale di Geofisica. Bologna, 1994.
55. Ho megas chronographos // Die byzantinischen Kleinchroniken / Ed. P. Schreiner. Wien, 1975. Т. I.
56. Apo tou megalou cronograiou / русский перевод [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/Kleinchroniken/text1.htm>
57. Летопись Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Перевод с греческого В.И. Оболенского, Ф.А. Терновского. М., 1884.
58. Бертъе-Делагард А.Л. Надпись времени Императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. 1893. Т. XVI.
59. Стржелецкий С.Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. Симферополь, 1969. Вып. IV.
60. Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 1996. Вып. VII.
61. Краткие заметки по результатам обследования сейсмодислокации в Юго-Западной части Крыма // Проблемы сейсmobезопасности Крыма. Сборник материалов конференции. Севастополь, 1995.
62. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического. Часть II // ХСб. 1927. Вып. II.
63. Гриневич К.Э. Отчет о херсонесских раскопках 1926 года в связи с раскопками 1907-10 гг. // ХСб. 1927. Вып. II.
64. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе. СПб., 1907.
65. Антонова И.А. Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. 1963. Вып. III.
66. Зубар В.М. Час та обставини будівництва комплексу Західної базилики Херсонеса-Херсона // Археологія. 2006. № 1.

67. Голофаст Л.А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
68. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1901 г. СПб., 1903.
69. Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 г.» в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
70. Стржелецкий С.Ф. Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. // ВДИ. 1951. № 2.
71. Домбровский О.И. Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3.
72. Гриневич К.Э. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926 г. // Крым. 1927. № 1(3).
73. Антонова И.А. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989-1993 гг.) // ХСб. 1997. Вып. VIII.
74. Антонова И.А. Отчет о раскопках в цитадели в 1994 г. // НА НЗХТ. Д. 3356.
75. Антонова И.А. Отчет о раскопках в «Цитадели», юго-восточный район Херсонеса 1989 г. // НА НЗХТ. Д. 2978.
76. Завадская И.А. Еще раз о датировке Загородного крестообразного храма и его мозаики // Восток-Запад: Межконфессиональный диалог. Сборник научных трудов. Севастополь, 2003.
77. Сорочан С.Б. К вопросу о датировке и интерпретации херсонесского загородного монастыря Богоматери Влахернской // ХСб. 2004. Вып. XIII.
78. Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование Загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
79. Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9.
80. Белов Г.Д. Раскопки Херсонеса в 1930 г. // ХСб. 1948. Вып. IV.
81. Рыжов С.Г. Малые храмы-часовни Херсонеса // Древности 2004. Харьков, 2004.
82. Антонова И.А. Оборонительные сооружения херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. 1971. Вып. 7.
83. Антонова И.А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ. Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990.
84. Антонова И.А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. 1976. Вып. 13.
85. Яшаева Т.Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // ХСб. 1999. Вып. X.
86. Яшаева Т.Ю. Средневековый монастырь на мысе Виноградном // Крымский музей. Симферополь, 1994. № 1.
87. Щеглов А.Н. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма // СА. 1970. № 1.
88. Никонов А.А., Сергеев А.П. Сейсмогравитационные нарушения в Крыму при землетрясении 1927 года // Проблемы сейсмобезопасности Крыма. Сборник материалов конференции. Севастополь, 1995.
89. Немчинов Ю.И. Землетрясения 1927 г. в Крыму (26 июня и 11 сентября). Обеспечение сейсмостойкости строящихся и реконструируемых зданий и сооружений // Сборник материалов междунар. науч. конф. «Уроки и следствия сильных землетрясений (к 80-летию разрушительных землетрясений в Крыму)». Симферополь, 2007.
90. Королев В.А., Складар А.М., Князева В.С. Новые макросейсмические данные по крымскому землетрясению 11 сентября 1927 года // Проблемы сейсмобезопасности Крыма. Сборник материалов конференции. Севастополь, 1995.
91. Королев В.А., Складар А.М. Макросейсмика крымских землетрясений 1927 года и сейсмическое микрорайонирование // Сборник материалов международной научной конференции «Уроки и следствия сильных землетрясений (к 80-летию разрушительных землетрясений в Крыму)». Симферополь, 2007.

92. Завадская И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
93. Лосицкий Ю.Г. Про візантійські базилики Херсонеса // Археологія. 1991. № 2.
94. Лосицкий Ю.Г. До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. 1990. № 2.
95. Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1.
96. Белов Г.Д. Отчет о раскопках Херсонеса в 1957 г. // НА НЗХТ. Д. 742.
97. Белов Г.Д. Отчет о раскопках Херсонеса в 1959 г. // НА НЗХТ. Д. 750.
98. Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции ИА АН СССР в 1977 г. // НА НЗХТ. Д. 1910.
99. Беляев С.А. Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса (по материалам раскопок 1973-1977 гг.) // ВВ. 1979. Т. 40.
100. Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции ИА АН СССР в 1981 г. // НА НЗХТ. Д. 2338.
101. Белова Л.Н. Монеты из раскопок XIX, XXII и XXV кварталов Херсонеса // Труды Гос. Эрмитажа. Л., 1981. Т. XXI.
102. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989-1990 гг.) // ХСБ. 1997. Вып. VIII.
103. Гилевич А.М. Клад херсоно-византийских монет из округа Херсонеса // НС. 1974. Вып. V.
104. Бертье-Делагард А.А. Как Владимир осаждал Корсунь // ИОРЯС. Т. XIV. 1909. Кн. 1. (Отдельный оттиск).
105. Греков Б.Д. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь // ИТОИАЭ. 1929. Т. III.

Завадская И.А.

Катастрофа в Херсоне в конце X – XI вв.: критика гипотезы о землетрясении

Резюме

В истории исследования катастрофы, которая привела к разрушению значительной части городских кварталов Херсона, остается ряд важных, до конца нерешенных проблем, в частности определение ее точной даты и причины. Археологи, которые датируют слои разрушения концом X – началом XI вв., склонны связывать их с военными действиями в период осады и взятия города киевским князем Владимиром в 988 или 989 г. Сравнительно недавно высказана гипотеза, согласно которой причиной разрушений могло стать сильное землетрясение во второй четверти – середине XI в. (А.И. Романчук). Идея о сейсмической катастрофе получила определенную популярность и все чаще преподносится как вполне доказанный факт. Главная цель статьи заключается в проверке научной состоятельности основных аргументов гипотезы о сейсмическом разрушении Херсона в обозначенный период.

Наиболее полная аргументация в защиту данной гипотезы собрана в работах геолога А.А. Никонова, одного из сторонников и разработчиков археосейсмического метода исследований. По его мнению, сила землетрясения вблизи Гераклеийского полуострова в первой половине XI в. составляла не менее 8-9 баллов.

Однако в представленной А.А. Никоновым доказательной базе отсутствуют результаты собственно геологических исследований. Он использует главным образом опубликованные материалы археологических раскопок некоторых оборонительных и

культових споруд Херсонеса, заповнених колодця і цистерни. Зібрані автором дані в основі своєї поняті і трактовані неверно. При цьому для подавляючого більшості т.н. «свідчень» археосейсмічні показники викликають велике сумніве або ж повністю відсутні.

Аналіз аргументів, висунутих сторонниками землетрусу, показав, що ні один з них не витримує критики, і, відповідно, в даний час гіпотеза про руйнівний землетрус першої половини XI в. не має наукового обґрунтування.

Що стосується історії катастрофи, що трапилася в місті Херсон в означений період, то в ній по-прежнему залишається ряд нерешених важливих питань. До сьогодення не визначено меж одночасних руйнувань. Немає також остаточної відповіді на питання про причину цих руйнувань. Однак достатньо вузькі хронологічні межі цього події, встановлювані за монетними знахідками кінця X – початку XI вв., дозволяють говорити про похід на Корсунь (Херсон) київського князя Володимира в 988 (989) р., як об одній з вірогідних причин руйнування значної частини міських кварталів.

Завадська І.А.

Катастрофа в Херсоні наприкінці X – XI ст.: критика гіпотези про землетрус

Резюме

В історії дослідження катастрофи, що призвела до руйнування значної частини міських кварталів Херсону, залишається ряд важливих, до кінця не вирішених питань, зокрема визначення її точної дати та причини. Археологи, які датують шари руйнування кінцем X – початком XI ст., схильні пов'язувати їх з військовими діями у період облоги й взяття міста київським князем Володимиром у 988 чи 989 р. Порівняно нещодавно було висунуто гіпотезу, згідно якої причиною руйнувань міг бути сильний землетрус у другій чверті – середині XI ст. (А.І. Романчук). Ідея про сейсмічну катастрофу набула певної популярності та все частіше подається як цілком доведений факт. Головна мета статті полягає в тому, щоб перевірити наукову обґрунтованість головних аргументів гіпотези про сейсмічне руйнування Херсону в означений період.

Найбільш повна аргументація на захист цієї гіпотези зібрана у роботах геолога А.О. Ніконова, одного з прихильників й розробників археосейсмічного методу досліджень. На його думку, сила землетрусу поблизу Гераклеїського півострова у першій половині XI ст. складала не менш 8-9 балів.

Однак у наведеній А.О. Ніконовим доказовій базі відсутні результати власне геологічних досліджень. Він використовує головним чином друковані матеріали археологічних розкопок деяких оборонних та культових споруд Херсонеса, заповнених колодця та цистерни. Зібрані автором дані в основі своїй зрозумілі й трактовані неверно. При цьому для переважної більшості так званих «свідчень» археосейсмічні показники викликають великий сумнів або ж повністю відсутні.

Аналіз аргументів, що висунути прихильниками землетрусу, показав, що жоден з них не витримує критики, і, відповідно, на цей час гіпотеза про руйнівний землетрус першої половини XI ст. не має наукового обґрунтування.

Стосовно історії катастрофи, що трапилася у місті Херсон в означений період, то в ній як і раніше залишається низка невіршених важливих проблем. Дотепер не визначені більш менш точно межі одночасних руйнувань. Немає також остаточної відповіді на питання про причину цих руйнувань. Проте достатньо вузькі хронологічні рамки цієї події, що визначаються монетними скарбами кінця X – початку XI ст., дозволяють говорити про похід на Корсунь (Херсон) київського князя Володимира у 988 (989) р., як про одну з ймовірних причин загибелі значної частини міських кварталів.

Zavadskaya I. A.

**Catastrophe in Cherson at the end of the 10th – 11th centuries:
Criticism of Hypothesis of Earthquake**

Summary

In the history of investigation of the catastrophe which caused destruction of a considerable part of city quarters, there are a number of problems that have not been solved completely, determining its exact date and reasons in particular. Archaeologists, who date the layers of destruction back to the end of the 10th – the beginning of the 11th centuries, incline to connect them with military activities in the period of siege and taking control over the city by Kievan Prince Vladimir in 988 or 989. Relatively recently a hypothesis appeared, due to which the reason for destruction was a devastating earthquake in the second quarter – mid-11th century (A.I. Romanchuk). The idea of seismic catastrophe became rather popular and more and more often presents it as a proven fact. The main purpose of the article is to check scientific consistency of main arguments of the hypothesis of seismic destruction of Cherson in this specific period.

The most completed argumentation in the defense of this given in the works by a geologist, A.A. Nikonov, one of the adherents and designers of archaeo-seismic methods of research. He believes that the intensity of the earthquake near Heracleion peninsula in the first half of the 11th century was not less than 8-9.

However in his presented probative base there are no results of geological research. He uses mainly published materials of archaeological excavations of some defense and cult constructions in Chersonesos, filled in wells and cisterns. Data collected by the author are understood and interpreted mainly in a wrong way. For the majority, the so-called “evidences” of archaeo-seismic indexes cause great doubts or are just absent completely.

The analysis of arguments put forward by supporters of the hypothesis of earthquake showed that neither of them satisfies criticism and, hence, in the present time, the hypothesis under consideration concerning destructive earthquake in the first half of the 11th century does not have scientifically substantiated base.

As for the history of the catastrophe of Cherson at this certain period, there are still a number of important problems that have not been solved yet. Boundaries of simultaneous destructions have not been carefully determined yet. There is no final answer to the question about the reason of these destructions. However, rather narrow chronological frames of this event determined by monetary treasures dating back to the end of the 10th – the beginning of the 11th century enable us to speak about the campaign of Kievan Prince Vladimir to Korsun (Cherson) in 988 (989) as about one of the most probable reasons for destruction of a considerable part of city quarters.

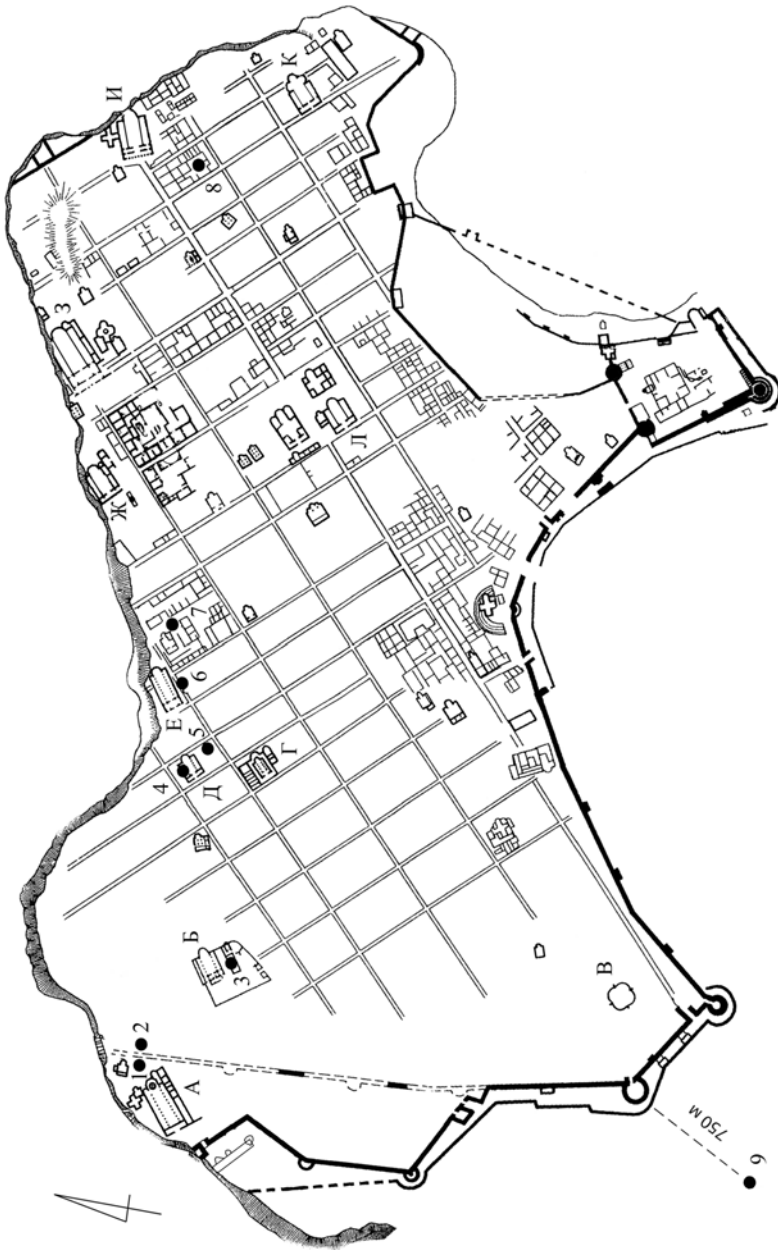

Рис. 1. Расположение кладов монет IX – начала XI вв. на территории Херсонесского городища.

1-9 – клады, А – Западная базилика, Б – Базилика на холме, В – четырехапсидный храм, Г – Базилика в базилике, Д – Базилика 1932 г., Е – Базилика 1935 г., Ж – Северная базилика, З – Уваровская базилика, И – Восточная базилика, К – Базилика Крузе, Л – Базилика на агоре.

Д. В. КОНКИН

ГРАФ М. С. ВОРОНЦОВ И ВАКУФНЫЙ ВОПРОС В КРЫМУ

Масштаб личности и важность деятельности М.С. Воронцова по достоинству были оценены еще в XIX в. российскими историками, биографами, мемуаристами [см.: 1-5 и др.]. Значимость персонажа определила и высокую степень ценности, которую имеет для исследователей личная переписка М.С. Воронцова с товарищами по военной, гражданской службе, а также деловая переписка с государственными деятелями своего времени [6, кн. 36-40]. Неослабевающий интерес к незаурядному человеку, проявляемый историками в XIX – начале XX вв., несколько угас в советский период, когда усилия исследователей были направлены, главным образом, на изучение классовых противоречий и социально-экономических проблем царской России. Следуя заданному направлению, роль крупных государственных чиновников в преобразованиях российских регионов зачастую не рассматривалась советскими учеными. К примеру, в 10-томном издании Истории УССР [7], ставшим, пожалуй, классическим образцом отечественной советской исторической мысли, в т. 4, целиком посвященном истории Украины XIX в., имя Новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова, руководившего краем с 1823 по 1854 гг., не упомянуто ни разу. «Обезличено» руководство Новороссийским краем и в капитальном труде Е.И. Дружининой «Украина в период кризиса феодализма 1825-1861 гг.» [8]. Ситуация кардинально менялась в постсоветское время. Сначала в России [9; 10 и др.], затем и на Украине [11; 12 и др.], стали проводиться тематические конференции, посвященные как роду Воронцовых в целом, так и конкретно М.С. Воронцову и его времени. Вышло в свет несколько монографий, по-новому раскрывающих личность знаменитого генерала и администратора [13-16]. Тем не менее многие аспекты деятельности М.С. Воронцова остаются малоизученными. Среди них следует выделить проблему взаимоотношений руководителя Новороссии с мусульманским населением края, и в первую очередь, с крымскими татарами.

Исследователи, как правило, касаются данной темы поверхностно, вскользь, часто ограничиваясь общими фразами. И это при том, что крымские татары составляли в первой половине XIX в. большинство населения Крыма, являлись носителями местных традиций, а для государственной власти стали фактором особого отношения к полуострову. Современных научных исследований о политике, отношениях М.С. Воронцова с крымскими мусульманами крайне мало. Среди них следует отметить работы О.Ю. Захаровой [15, с. 217-228], Е.Е. Филатовой [17, с. 45, 49-51], большую практическую пользу и научный интерес представляет статья С.А. Андросова [77, с. 3-11], также стоит упомянуть появившиеся в последнее время публикации Д.Ю. Арапова [18, с. 105-107; 19, с. 57-62].

Целью представленной статьи является исследование роли М.С. Воронцова в решении вакуфного вопроса в Крыму в период непосредственного управления им Новороссией (с момента вступления в должность генерал-губернатора в 1823 г. и вплоть до 1844 г. – года назначения М.С. Воронцова Кавказским наместником). Для осуществления намеченной цели необходимо решить ряд задач: охарактеризовать положение, сложившееся с вакуфным землевладением в Крыму накануне назначения М.С. Воронцова Новороссийским генерал-губернатором; определить его личные представления о перспективе хозяйственного освоения Крыма в целом, и о судьбе вакуфов, в частности; проследить характер взаимоотношений генерал-губернатора с местным населением; изучить законотворчество М.С. Воронцова в отношении вакуфов в Крыму; путем сопоставления законодательных актов с архивными источниками попытаться определить степень частной заинтересованности М.С. Воронцова в решении вакуфного вопроса на полуострове.

Прославленный государственный деятель впервые появился в Крыму в 1822 г. [6, кн. 37, с. 72]. По сообщению путеводителей, М.С. Воронцов искренне восхищался открывшимися ему здесь красотами, в особенности, крымским южнобережьем. Самое яркое впечатление осталось у него от пейзажей Алупки [78, с. 2, 3]. Именно эту местность он решил выбрать в качестве своей будущей крымской резиденции. Окрестности Алупки стали одними из первых земельных приобретений графа в Крыму среди многих других [20, с. 113].

Однако еще ранее, не побывав ни разу на полуострове, М.С. Воронцов уже числился среди местных помещиков-землевладельцев. В 1820 г. по рекомендации первого министра Франции А.-Э.Д. Ришелье, досконально знавшего Новороссию, граф приобрел у директора Никитского ботанического сада Х.Х. Стевена имения Мартьян и Ай-Даниль [6, кн. 37, с. 71].

7 мая 1823 г. М.С. Воронцов был назначен Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области [21, с. 12]. С этого момента начинается новая веха в истории края, во многом определившая всю дальнейшую его судьбу. К управлению регионом пришел зрелый

администратор со своими устоявшимися представлениями на характер экономического, политического, административного развития вверенной ему местности, умеющий отстоять свою точку зрения на самом высоком уровне.

Чрезвычайно важным назначением нового генерал-губернатора стало для Крыма, где накопилось достаточно проблем, для решения которых требовались новые подходы. Едва ли не главной из них являлась земельная. Все проекты по урегулированию земельного вопроса в Крыму, предпринимавшиеся государственной властью ранее, приводили лишь к консервации проблемы, но по существу ее не решали. Главный конфликт происходил между новыми собственниками, получившими свои участки путем покупки или же земельных раздач времен Г.А. Потемкина и П.А. Зубова и старыми хозяевами, оспаривающими правомочность новых владельцев. И первые, и вторые, как правило, являлись пострадавшими сторонами, поскольку столкновения в сфере недвижимости чаще всего возникали из-за общей неурегулированности экономических отношений в крае, отсутствия четких правил и указов в отношении крымского землевладения, мировоззренческих противоречий конфликтующих сторон. Дело в том, что на начальном этапе у имперской власти не существовало единой концепции по экономико-административному освоению полуострова, действовать приходилось, исходя из «логики ситуаций». Учитывая гетерогенный характер империи (если следовать идеям «новой имперской истории» [22, с. 218-238]), существовало несколько вариантов политики в Крыму: тотальная инкорпорация, частичная инкорпорация, автономия и др. Не один из сценариев поначалу не стал главным. Крыму невольно была уготована роль своеобразного полигона для выработки стратегий и проектов в отношении мусульманских окраин Российской империи. Целью подобных экспериментов со стороны царской администрации должно было стать решение определенной «задачи-минимума» в отношении всех мусульман империи: научиться ими управлять и контролировать [23, с. 254, 255]. Из туманности политики вытекала противоречивость государственных решений. Имперская власть, с одной стороны, гарантировала неприкосновенность традиционного уклада старожильческого населения, а с другой, активно внедряла общероссийские правила в хозяйственно-административную жизнь региона. Такая ситуация сильно тормозила дальнейшее экономическое развитие края, поскольку ни один из хозяев не чувствовал твердых гарантий своей собственности. В полной мере эти особенности отразились и на вакуфном землевладении в Крыму.

Вакуф – в мусульманском праве – акт учреждения благотворительной собственности на правах доверительного управления, в результате которого учредитель вакуфа (вакиф) навечно передавал свою бесспорную собственность (это могло быть как движимое, так и недвижимое имущество) на благочестивые раз и навсегда определенные цели [см.: 24, р. 59; 25, с. 45; 26,

с. 390, 391; 27, с. 485, 486]. По мере развития институт вакуфа претерпевал достаточно серьезные изменения. Традиционно можно выделить два главных его вида, которые распространились в мусульманском мире, включая Турцию и Крымское ханство. Это, собственно, вакуф в вышеприведенном смысле (*wakf khayri*), в российское законодательство вошедший под названием «духовный» [26, с. 391; 27, с. 488]. И *wakf ahli* – продукт влияния местного права на шариат, суть которого состояла в формальной передаче имущества на благотворительные цели. На самом деле, доходы, извлекаемые из такого имущества, почти в полном объеме оставались в роде посвяtitеля. Но при этом само имущество иммобилизовалось, что обеспечивало сохранение его в целостности и защиту от внешних экспансий [28, р. xiv-xv; 24, р. 59-60]. Таким образом этот второй вид вакуфа не был даже актом благотворительности, а являлся, скорее, процедурой для гарантированного соблюдения интересов собственника имущества и его наследников. В российских законах он стал называться «частным» вакуфом [26, с. 391; 27, с. 488]. В Крыму в обоих случаях имущество вакуфов было вплотную связано с духовенством и постепенно превратилось для него в основной источник материального обеспечения. Изначально согласно шариату продажа вакуфов была запрещена, однако с течением времени и распространением данного института в мусульманском мире подобная процедура стала возможной, но только при стечении определенных обстоятельств и на определенных условиях. На полуострове для этого требовалось обязательное согласование с муфтием [29, с. 65-67].

О количестве вакуфных земель в Крымском ханстве говорить сложно. Специальных исследований по этому вопросу не предпринималось. Если рассматривать другие мусульманские государства, то известно, что, например, в Алжире в 1850 г. вакуфы всех видов составляли половину земель, в Тунисе в 1883 г. – треть [79, с. 92]. В наиболее близкой к Крыму Турции вакуфы в XIX в., по оценкам исследователей, насчитывали приблизительно $\frac{3}{4}$ всех зданий и пахотных земель [80, р. 90]. Однако данная дробь весьма приближительна, поскольку «в настоящее время невозможно оценить со сколько-нибудь реальной достоверностью степень вакуфных авуаров в турецких землях» [80, р. 90].

Опираясь на подобную информацию и пользуясь аналогией, некоторые исследователи в XIX веке переносили эти сведения на Крым, утверждая, например, что частные вакуфы составляли «большинство земель Крымского полуострова» [56, с. 15], а духовные вакуфы к моменту присоединения Крыма к России насчитывали «не менее 300 тысяч десятин» [30, с. 41]. Все такие предположения также достаточно условны, поскольку не подкреплены какими-либо документами или расчетами. Характерна в этом отношении оценка количества вакуфных земель в Крымском ханстве, данная известным крымскотатарским общественно-политическим деятелем А. Озенбашлы:

«Говорят [выделено мной – К.Д.], что такие земли составляли во времена ханов несколько сот тысяч десятин» [81, с. 151]. Принципиально ничем не отличаются и оценки более поздних исследователей. Например, А. Фишер, ссылаясь на подсчеты барона И.А. фон Игельстрома, говорит о «почти 30 процентах плодородных земель на полуострове», которые попадали в категорию вакуфов [82, р. 77, 78]. Б. Вильямс причислял к ним четверть крымских земель [83, р. 116]. Таким образом при отсутствии каких-либо дополнительных источников с надлежащей степенью достоверности оценить количество вакуфных земель в Крымском ханстве сложно. Однако в любом случае с уверенностью можно говорить, что к 1783 г. значительный массив земель в Крыму находился в состоянии вакуфа.

В последующем происходит процесс стремительного сокращения их числа. Часть таких земель оказывается заброшенными в связи с массовой миграцией крымскотатарского населения. В больших количествах вакуфы становятся составляющей частных владений. Дело в том, что вакуфные земли, обычно, представляли собой небольшие участки, лоскутно разбросанные на местности и не имевшие точных границ. Именно поэтому при начале массовых пожалований и продаж крымских земель они в больших количествах оказывались внутри частных владений (т.н. «чересполосица»), хозяева которых считали их своей собственностью [31, с. 636-637]. Завещались вакуфы, как правило, в устной форме и специально не вымежевывались. Процедура завешания и определения участка, отданного в вакуф, была весьма формальна [29, с. 69-72]. Четкие границы вакуфа часто не указывались, что создавало большие проблемы для российской бюрократической машины, особенно в процессе генерального межевания полуострова. В результате всех этих особенностей возникали многочисленные судебные разбирательства между борцами за сохранение или возврат вакуфной земли со стороны крымских татар, интересы которых, в большинстве случаев, выражали представители мусульманского духовенства, и новыми владельцами земли, внутри участков которых оказывались вакуфы. В рамках действующего российского законодательства данную проблему решить было невозможно, необходимы были новые законы. Учреждавшиеся землеустроительные комиссии, вплотную занимавшиеся в том числе и вакуфным вопросом, также не внесли ясность в судьбу данного вида владений [32].

М.С. Воронцов в ходе своей деятельности, как в качестве государственного администратора, так и в роли частного хозяина, неоднократно сталкивался с вакуфными проблемами. Но прежде, чем показать результаты подобных столкновений, необходимо в самых общих чертах попытаться определить особенности личных убеждений М.С. Воронцова по рассматриваемому вопросу. В данном случае в проблеме вакуфного землевладения пересекались, как минимум, два аспекта, по которым у генерал-губернатора имелись

достаточно четко прослеживаемые позиции: 1) взгляд М.С. Воронцова на аграрное развитие региона, 2) взгляды М.С. Воронцова на отношения с мусульманским населением новоприсоединенных территорий (в первую очередь с крымскими татарами).

По первому пункту позицию М.С. Воронцова в целом можно достаточно четко сформулировать: граф являлся последовательным сторонником формирования в Новороссии помещичьего латифундизма нового типа, основанного на вольнонаемном труде и ориентированного, с учетом развития капиталистических отношений в мире, на внешние рынки [см.: 33, с. 202; 7, с. 17; 34, с. 73]. Исключением, пожалуй, был Южный берег Крыма, где протекционистская политика генерал-губернатора была направлена в большей степени на развитие дачного строительства и организацию архитектурно-ландшафтного пространства [35, с. 149].

Касательно второго пункта, необходимо отметить, что важной составляющей успешной конфессиональной политики М.С. Воронцова стало соблюдение и уважение религиозных традиций. Однако в отношении ислама зачастую это были всего лишь внешние проявления сложных внутренних комбинаций и расчетов. Во взаимоотношениях с мусульманским населением можно говорить скорее о жестком прагматизме М.С. Воронцова, чем об искреннем стремлении соблюсти гарантированные имперской властью права [18, с. 105].

Истоки подобного отношения следует искать, по-видимому, не в идеологии классического либерализма, принципы которого, по мнению Э. Райнлендера, последовательно разделял М.С. Воронцов [13, р. 8], а скорее в консервативных взглядах в духе Эдмунда Берка, присущих аристократам Старого Света конца XVIII – начала XIX вв. [36, с. 22].

Такой подход в современных условиях вполне можно назвать «ориенталистским» (по Э. Саиду [37]). Впрочем, проявлений «ориентализма» в отношении жителей Крыма со стороны царской администрации можно найти достаточное количество. К примеру, в конце 20-х гг. XIX в. в правительственных кругах развернулась дискуссия о необходимости введения среди крымских татар рекрутской повинности, которая, надо сказать, никак не вписывалась в традиционный жизненный уклад местных мусульман и от которой они были избавлены еще при Екатерине II [38, т. 21, № 15798]. М.С. Воронцов был против такого нововведения. Он считал, что целесообразнее для Крыма стало бы развитие у местных мусульман навыков и умений в сельскохозяйственной деятельности (вполне в соответствии с идеологией аристократического консерватизма об эволюционности реформ). Определенную роль в этой идее М.С. Воронцова, по-видимому, сыграли наставления отца, полученные в первые дни после назначения на должность генерал-губернатора. В письмах к сыну Семен Романович высказывал сожаление, что «бедные татары были вынуждены вследствие причиненных им обид покинуть свою

родную страну», поскольку «только они могли бы сделать ее цветущей»¹ [6, кн. 17, с. 535]. Тем не менее, исчерпав возражающие аргументы, М.С. Воронцов в итоге предложил «косвенные» приемы, позволявшие спокойно и безболезненно утвердить рекрутский набор среди крымских татар [39, с. 56-57]. Подобный прагматизм присутствовал и в отношении крымских вакуффов, причем, как на уровне законодательной инициативы генерал-губернатора, так и в его частных имущественных сделках. Когда возникала необходимость, граф шел на уступки, не забывая при этом о государственных интересах, а также, как будет показано ниже, о своих собственных. На этом фоне размышления некоторых исследователей о том, что М.С. Воронцов был решительным защитником крымских татар от российских помещиков [13, р. 89-90], или, что крымские татары были ему «особенно благодарны» за «гуманную и мудрую» политику [16, с. 200], представляются, по меньшей мере, спорными. В данном случае современные историки, по-видимому, поддались «очарованию» позитивных оценок деятельности М.С. Воронцова в межконфессиональной сфере, присутствовавшему в историографии XIX века.

Пожалуй, главной отличительной особенностью взаимоотношений М.С. Воронцова с населением управляемого края являлось его умение найти общий язык и договориться по самым разнообразным вопросам с местной национальной и религиозной элитой. В Крыму доверительные отношения у М.С. Воронцова сложились с Таврическим архиепископом Гавриилом (Розановым) [6, кн. 38, с. 483-486], муфтием Абдураимом эфенди [6, кн. 37, с. 76], старая и прочная дружба связывала графа с будущим Патриархом всех армян Нерсесом [15, с. 352-355], ответственные поручения новороссийского начальника выполнял караимский гахам С. Бабович [40, с. 89], неоднократно услуги оказывал губернатору и командир греческого батальона Ф.Д. Ревелиоти [41, с. 66]. Поразительную способность располагать к себе людей, делать их своими единомышленниками отмечали современники и последующие исследователи деятельности генерал-губернатора [6, кн. 36, с. 244, 245; 3, с. 907; 4, с. 168, 169; 1, с. 78; 15, с. 312-323]. Через личные отношения с религиозными авторитетами и знатью М.С. Воронцову удавалось неоднократно решать возникающие проблемы в необходимом ему ключе. Поэтому, например, несмотря на всю неоднозначность проводимой политики в отношении мусульманского населения Крыма, на Кавказ М.С. Воронцов прибыл, прослыв среди местных мусульман «защитником и хранителем их братьев, крымских татар» [13, р. 147].

Исходя из отмеченных особенностей, формировалась позиция М.С. Воронцова в отношении вакуфного землевладения. Учитывая специфику вакуфных земель: их раздробленность на мелкие участки, «чересполосность», – граф не должен был поощрять укрепление, а тем более распространение

¹ Перев. цит. по: [20, с. 110].

вакуфного землевладения в Крыму. Данный тезис подтверждается и общими замечаниями М.С. Воронцова на перспективу развития земельной собственности крымских татар, высказанными им в 1825 г. Он был против запрета продажи принадлежащих крымским татарам общественных земель. И аргументировал свою позицию тем обстоятельством, что подобное ограничение «преградит путь к поселению в лучшей части Крыма таким людям, которые одни могут привести страну сию в цветущее состояние, и без которых оно никогда не выйдет из настоящего грубого положения своего» [39, с. 52].

С другой стороны М.С. Воронцов должен был соблюдать и уважать традиционные права местного населения, важной составляющей которых, несомненно, являлись вакуфные земли, продажа которых была крайне затруднена. И в возникающем столкновении интересов старожильческого населения с правилами, внедряемыми российской администрацией, как раз и начинали играть первую роль способности генерал-губернатора договариваться с местной элитой и взаимоприемлемо сглаживать противоречия.

Все описанные черты характеризуют М.С. Воронцова как государственного деятеля, распоряжения которого, конечно же, находились в строгом соответствии и были неразрывно связаны с личными убеждениями. Но необходимо учитывать и то обстоятельство, что М.С. Воронцов являлся крупнейшим частным собственником земли в крае. И порой методы государственные, официальные не работали или были слишком инертны и неповоротливы для успешной реализации намеченной им задачи как частного хозяина. Поэтому для решения подобных вопросов приходилось пользоваться другими способами, соответственно, более личными, но оттого и более быстрыми и действенными. В этом случае, как правило, на передний план выходил такой дар графа, как умение договориться. Все это в полной мере можно проследить и оценить на примере решения вакуфного вопроса в Крыму.

На момент назначения М.С. Воронцова на пост Новороссийского генерал-губернатора вакуфы, как понятие, отсутствовали в российском законодательстве. Заставила имперскую власть более пристально взглянуть на вакуфные владения деятельность действовавшей в Крыму в 1816-1819 гг. следственной комиссии и, в частности, поданное в комиссию «Мнение» ее члена крымского татарина князя Кая бей Балатукова [42, л. 1-8]. Князем были высказаны предложения по дальнейшему использованию и учету крымских вакуфов, которые позволили бы оградить их от злоупотреблений, причем предложения относились как к частным, так и к духовным вакуфам. В частности К. Балатуков предлагал все вакуфные имения «привести в ясность» в соответствии с их видами, и те из них, которые потеряли свое предназначение, «обратить в казенное ведомство». Оставшиеся, точно определенные вакуфы следовало передать под надзор особых «комиссаров или надзирателей из почетного духовенства» [42, л. 3 об.]. Муфтий или же Таврическое магометанское

духовное правление (далее – ТМДП), со своей стороны, должны были обеспечить каждого из них двумя специальными шнуровыми книгами, в которые необходимо было вносить соответственно доход и расход по каждому из вакуфов и т.д.

«Мнение» К. Балатукова, как представляющее «несомненный интерес», было направлено в Санкт-Петербург, где оказалось среди документов, разбираемых «Комитетом для рассмотрения дел, возникших по жалобам от татар, в Таврической губернии обитающих». Комитет этот был утвержден лично императором 3 декабря 1819 г. [38, т. 36, № 28014] и предназначался для рассмотрения и составления проектов, предназначенных для урегулирования проблем в крымском землевладении, а также для разбора многочисленных жалоб со стороны крымскотатарского населения на продолжающиеся нарушения в сфере распределения и использования земель. Одним из итогов деятельности Комитета, направленной на урегулирование проблем крымскотатарского землевладения, стал «Проект положения для татар-поселян Таврической губернии», представленный Государственной канцелярией 8 сентября 1823 г. [15, с. 221]. Данный «Проект» в апреле 1825 г. подробно изучил М.С. Воронцов, с которым, в силу его должности, координировались все проекты указов, касавшиеся вверенного ему края [39, с. 51]. Не останавливаясь подробно на анализе документа в целом [об этом см. подробнее: 39, с. 49-54; 15, с. 221-224], отметим лишь одно обстоятельство. В «Проекте» вакуфам отводилось всего несколько строк, из которых следовало, что вакуфные земли – неприкосновенная собственность мечетей, которой распоряжалось мусульманское духовенство [39, с. 51]. Таким образом, «Мнение» К. Балатукова в «Проекте» учтено не было. Граф М.С. Воронцов, достаточно критически проанализировавший «Проект» и внесший в него ряд принципиальных замечаний, пункты по вакуфам оставил без возражений.

С учетом замечаний Новороссийского генерал-губернатора, «Проект» был 28 сентября 1827 г. утвержден императором Николаем I и вошел в российское законодательство под названием «Положение для татар-поселян и владельцев земель в Таврической губернии» [43, т. 2, № 1417]. П.п. 33 и 34 «Положения» были посвящены вакуфным землям. Из пунктов, как и в «Проекте», следовало: 1) вакуфные земли – это земли, которые «...отданы татарами <...> в пользу мечетей и училищ», для того, чтобы извлекаемые из подобного рода имуществ доходы шли на их «поддержание»; 2) при наличии «законных документов» вакуфы признаются неприкосновенной собственностью «мечетей и училищ» и находятся под надзором ТМДП. Данные пункты «Положения» вскоре были значительно дополнены Высочайше утвержденном Мнением Госсовета «О вакуфских в Крыму имениях» от 22 марта 1829 г. [43, т. 4, № 2761]. Этот закон впервые вводил в российское законодательство понятие «частный вакуф», а также оговаривал условия легитимизации как духовных, так и частных вакуфов и регулировал их правоспособность.

Крайне важно отметить, что «Положение» вошло в IX том Свода Законов 1832, 1842 и 1857 гг. издания [44, с. 47]. Таким образом в документе фиксировалась ситуация на долгие годы. Вакуфное право также регулировалось пунктами «Положения».

М.С. Воронцов на практике столкнулся с вакуфным землевладением несколько ранее появления упомянутых законов, а именно, когда начал совершать покупки земель на полуострове.

Надо сказать, что со времени своего вступления в должность граф начинает активно приобретать южнобережные земли, особенно вокруг любимейшей ему Алупки. Продавцами выступали как российские и крымскотатарские помещики, так и татары-поселяне², проживавшие в приморских деревнях. Российские дворяне и чиновники давно заметили привлекательность южнобережных земель. Многие из них получили здесь земли бесплатно в результате дарений Г.А. Потемкина и П.А. Зубова. Особенно же преуспели в этом деле греки-военнослужащие, поселенные после 1783 г. в Балаклаве и окрестных селах для охраны прибрежной зоны. Одним из крупнейших владельцев земли в Юго-Западном Крыму стал командир греческого батальона Ф.Д. Ревелиоти, которому благодаря прекрасно выстроенным личным отношениям с местным крымскотатарским населением удавалось совершать выгодные сделки в сфере землевладения. В 20-е гг. XIX в. Ф.Д. Ревелиоти начинает энергично перепродавать южнобережные земли российской аристократии. Так, например, в январе 1822 г. он сначала покупает у местных жителей – крымских татар «<...> хлебопахотную землю примерно до 180 десятин, называемую Орьянда», а затем в октябре 1823 г. продает уже «имение Ореанда» размером около 180 дес. камергеру императорского двора графу А.Г. Кушелеву-Безбородко за 30 000 руб. ассигнациями³ [47, л. 73, 79]. Часть этого имения – Нижнюю Ореанду (размером 95 дес. 271 сажень) – сам А.Г. Кушелев-Безбородко в октябре 1825 г. по договоренности уступил императору Александру I, взамен получив угодья в районе Мухалатки, купленные для него у местных татар за 50 000 руб. ассигнациями [6, кн. 36, с. 438-442; 48, с. 11-12]. Именно у Ф.Д. Ревелиоти М.С. Воронцов приобретает в 1823 г. земельный участок в Алупке [41, с. 65]. Это было одно из первых приобретений графа в ряду многих других, оформившихся позднее в знаменитый Алупкинский майорат.

Важной особенностью приобретения земли у местных татар-поселян являлась необходимость заручаться согласием на совершение сделок всего «общества», то есть общины. Поэтому для успешного осуществления покупок

² Под данным термином в российском законодательстве [43, т. 2, № 1417 (28 сент. 1827 г.); 45, кн. I, отд. 2-е, §§ 530, 533, 535] подразумевалось сельское крымскотатарское население, которое имело личную свободу и совместно пользовалось землей, принадлежавшей всей общине.

³ В 1823 г. за 1 руб. сер. давали 380 коп. ассигнациями [46, с. 29].

требовался человек, который бы детально ориентировался в местных условиях, прекрасно знал традиции края и в то же время был знаком и внушал уважение населявшим регион жителям. Таким человеком, вне всякого сомнения, являлся Ф.Д. Ревелиоти. Именно к нему и обратился М.С. Воронцов, умевший прекрасно разбираться в людях, с просьбой быть посредником и агентом в сделках по приобретению земли у местных жителей на Южном берегу Крыма [41, с. 66]. Этими услугами для М.С. Воронцова Ф.Д. Ревелиоти занимался на протяжении 1824-1829 гг. Только в 1824-1825 гг. генерал-губернатором, вероятно не без участия Ф.Д. Ревелиоти, были приобретены земли при деревне Алупка у 85 лиц на общую сумму 58 702 руб. ассигнациями [41, с. 67]. Большое количество продавцов как раз и объясняется тем, что покупки порой приходилось совершать у целого «общества». Пример подобной сделки зафиксирован в рапорте заседателя Симферопольского Нижнего Земского суда Ягмина от 18 сентября 1824 г., в котором он отчитывается о вводе М.С. Воронцова во владение «купленным у татар недвижимым имением, состоящим <...> на южном берегу при д. Алупка» [47, л. 170-172]. Согласно рапорту, чиновник бесспорно со стороны местных жителей оформил покупку, в доказательство чего получил от них «подписку». Подписи под документом поставили более двадцати жителей Алупки, Мисхора и Симеиза [47, л. 170-172]. В сентябре следующего года в той же Алупке М.С. Воронцов купил земли у наследников коллежского регистратора Степана Кондараки [49, л. 187 об.]. Примерно в это же время граф приобрел помещичье имение в Гурзуфе у полковника И. Стемпковского. В купчей, составленной в Таврической Палате Гражданского суда 22 декабря 1824 г., значилось, что генерал-губернатор за участок величиной 279 дес. 1681 саж. «с домом и прочими угодьями» заплатил полковнику 45 000 рублей ассигнациями [49, л. 33 об.]⁴. Важным моментом при оформлении сделки между М.С. Воронцовым и И. Стемпковским стало то, что в дополнение к купчей в Симферопольском Нижнем Земском суде была оформлена еще и расписка от жителей соседних с проданным участком деревень, в том, что они к этому участку не имеют никаких имущественных претензий [49, л. 37 об.]. Такие расписки при покупке М.С. Воронцовым земли в Крыму стали оформляться постоянно, что являлось дополнительным средством защиты владельца от возможных судебных претензий.

Делая все эти приобретения, М.С. Воронцову естественным образом приходилось сталкиваться с вакуфами. Трудность состояла в том, что, как уже

⁴ Интересно, что сам полковник законно оформил получение данного участка незадолго до его продажи М.С. Воронцову – 27 июня 1824 г. Именно в этот день Симферопольский уездный суд утвердил И. Стемпковского в праве владеть землей в Гурзуфе. Досталась ему эта земля в дар от умершего к тому моменту герцога А.-Э.Д. Ришелье. Посредником же, как в оформлении дарения И. Стемпковскому, так и в дальнейшей продаже земли М.С. Воронцову выступил Ф.Д. Ревелиоти [47, л. 126; 41, с. 66].

говорилось выше, вакуфные земли, чаще всего, представляли собой небольшие участки, без четко определенных границ. На южном берегу, учитывая его специфический рельеф, вакуфы были еще более раздроблены и хаотично разбросаны по местности. Поскольку вакуфы в рассматриваемый период российскими властями считались собственностью духовенства и регулировались последним в соответствии с нормами мусульманского права, то продажа вакуфов была затруднена [32, с. 509-510]. Такое положение создавало значительные проблемы при формировании крупных имений, практически каждое из которых оказывалось по соседству с вакуфными участками. Согласно «Описи вакуфным имениям», которую составил таврический муфтий в 30-х гг. XIX в., только при д. Гурзуф владения М.С. Воронцова граничили с вакуфами в девяти урочищах [50, л. 155 об., 156, 158, 160 об., 161, 182]. Но были и такие вакуфы, которые оказались внутри владений графа. И в данном случае с местным населением приходилось искать взаимоприемлемое решение о переходе этих земель в собственность вельможи. Надо сказать, что М.С. Воронцову это блестяще удавалось, и сделки благополучно совершались. В 1824 г. при деревне Алупка в урочище Аян он покупает часть принадлежащего мечети льняного поля за 500 руб., тогда же в соседнем урочище графом приобретает часть вакуфного фруктового сада ценою в 300 руб. Эти покупки были совершены с разрешения муфтия Абдураима эфенди, а полученные деньги поступили местному хатипу Ибрагиму эфенди и в дальнейшем были отданы под проценты посторонним лицам [51, л. 143 об.]. Интересен комментарий самого М.С. Воронцова о роли Абдураима эфенди в приобретении земли в Алупке: «Муфтий, или шеф татарской религии в Крыму, прибыл туда [в Алупку – Д.К.], чтобы нанести мне визит, лично помог мне в этом деле [в продаже алупкинскими татарами части владений – Д.К.] своими советами и своим влиянием на жителей»⁵ [6, кн. 37, с. 76]. По-видимому, тогда же удалось договориться с местными татарами и о продаже садов в нижней части Алупки, с условием, что генерал-губернатор построит мечеть в центре деревни [41, с. 66]. Подобное условие, скорее всего, было поставлено в силу того, что вся или часть продаваемой земли являлась вакуфом. В «Ведомостях о проданных и обменных вакуфах» отмечена покупка М.С. Воронцовым в 1824 г. вакуфного фруктового сада в Алупке, находящегося возле моря [51, л. 143 об.]. Возможно, в данном случае речь идет об одном и том же участке.

В архивных документах зафиксировано еще как минимум три покупки вакуфных земель в районе Алупки, совершенных графом уже в 1826 г. Согласно первой сделке было выплачено 1300 руб., второй – 593 руб. и третьей – 210 руб. [52, л. 134]. Не вызывает сомнения, что и эти приобретения были совершены не в последнюю очередь благодаря теплым отношениям,

⁵ Перевод цит. по: [41, с. 66].

сложившимся между М.С. Воронцовым и Абдураимом эфенди. В «Ведомости вакуфным капиталам принадлежащим мечетям и медресе, состоящим в Ялтинском уезде» отмечено, что все три сделки были совершены «по распоряжению Духовного Правления<...>», которое, собственно, и возглавлял муфтий [52, л. 134].

Важной особенностью состоявшейся в 1826 г. продажи вакуфов М.С. Воронцову стало следующее обстоятельство: в первой сделке вырученные от продажи деньги (1300 рублей) были переданы не духовному правлению или местному духовенству, а поступили в Таврический Приказ общественного призрения для приращения процентов [52, л. 134]. Приказы общественного призрения в Российской империи были учреждены Екатериной II и занимались устройством народных школ, сиротских домов, богаделен, аптек и т.д. Приказам был разрешен прием вкладов на хранение и выдача ссуд под недвижимость и государственные процентные бумаги [54, с. 196]. В отношении вакуфных денег такое распределение средств было весьма необычно. Как правило, вакуфные капиталы поступали в распоряжение специального смотрителя – мутевелли, который согласно воле завещателя или же, если выполнить условия вакуфа было невозможно, по собственному усмотрению определял наиболее эффективные варианты использования средств [24, с. 63; 29, с. 59-63]. То обстоятельство, что деньги поступили в государственную структуру, может свидетельствовать о возникшем у М.С. Воронцова недоверии к местному мусульманскому духовенству. О злоупотреблениях духовенства в отношении вакуфов достаточно откровенно заявлял еще К. Балатуков в своем «Мнении» [55, с. 174; 42, л. 3, 3 об.; 56, с. 190]. Тогда же К. Балатуков впервые высказал мысль о необходимости изъятия функции распоряжения вакуфными капиталами из обязанностей Духовного Правления [55, с. 174]. Возможно, М.С. Воронцов, когда рецензировал «Проект положения для татар-поселян Таврической губернии», мог ознакомиться и с идеями К. Балатукова в отношении вакуфов. В любом случае перевод вакуфных денег в Таврический Приказ общественного призрения не был случаен и в дальнейшем осуществлялся на постоянной основе. Проценты, которые начислял Приказ на поступившие в его распоряжение суммы, шли на исполнение воли завещателя вакуфа. Полностью же контроль государства над вакуфными капиталами был официально утвержден значительно позже.

Настоящей вехой в крымском землевладении стал указ об учреждении в 1829 г. в Симферополе Межевой Конторы и Комиссии для размежевания земель в Таврической губернии [43, т. 4, № 2617]. По замыслу правительства, межевание полуострова должно было стать той мерой, которая бы окончательно положила конец непрекращающимся земельным спорам и зафиксировала бы собственность местных хозяев в раз и навсегда определенных размерах. М.С. Воронцов с самого начала управления краем ясно

понимал необходимость решения данной задачи и поэтому еще в декабре 1823 г. поставил вопрос перед правительством о начале генерального межевания в Крыму [17, с. 49]. Дважды получив отказ Правительствующего Сената (в августе 1824 и августе 1826 гг.) [17, с. 50], тем не менее не оставил своей идеи. Именно благодаря настойчивости и усилиям М.С. Воронцова Симферопольская Межевая Контора и Комиссия 1 мая 1830 г. приступила к своей работе [43, т. 5, № 3761].

Преыдущая попытка генерального межевания земель в Крыму, предпринятая в 1798 г. еще при царствовании Павла I, закончилась неудачно. Связано это было, прежде всего, с отсутствием должной подготовки к межеванию. Тогда совершенно не были учтены специфика региона, традиции местного землеустройства и землепользования. Землемеры, до этого производившие межевание в Тамбовской губернии, не знали местных обычаев, путались в крымскотатарских мерах длины, не разбирались в тонкостях восточного права собственности, из-за недостатка переводчиков зачастую не понимали требований и свидетельств местного населения в отношении владельцев земельных участков [57, с. 497-498]. На этот раз авторы указа о межевании попытались учесть ошибки предыдущих лет. Прежде всего были разработаны специальные правила, исходя из которых следовало поступать Межевой Конторе в Крыму [43, т. 4, № 2617]. В этих правилах достаточно подробно регламентировались шаги всех задействованных при межевании сторон. Учитывались интересы как новоприбывших помещиков, так и старожильческого населения Крыма. В обязанность Межевой Конторы, помимо межевания, входило еще и рассмотрение возникающих споров по землям, а также разбирательства предыдущих споров по границам имений, производившихся в уездных судах. Все решения Межевой Конторы можно было обжаловать в Комиссии для размежевания земель в Таврической губернии. Мнение последней являлось окончательным.

Отдельными пунктами правил (№ 34-37) оговаривались особенности межевания вакуффов. Исходя из них, вакуфы объявлялись «неприкосновенной собственностью» мечетей и мусульманских училищ и межеваться они должны «особо по отводам поверенных муфтия» [43, т. 4, № 2617]. При появлении споров по этим землям рассматривать их предназначалось Межевой Конторе. От муфтия в Контору должны были поступить описи вакуфных земель. При недостатке письменных документов, подтверждающих подлинность учреждения вакуфа, важным доказательством становились свидетельские показания местных жителей, данные под присягой. Образцы присяги, отдельно для христианского и для мусульманского населения, прилагались к указу. При межевании вакуфных участков на места со стороны духовенства должны были направляться особые «поверенные» (п. 34) [43, т. 4, № 2617].

Таким образом задача перед Межевой Конторой и Комиссией стояла сложнейшая, объемная. Но и ресурсы (финансовые и человеческие) выделялись достаточно серьезные. Для съемки местности планировалось выделить лучших землемеров Межевого Корпуса, а также привлечь отставных квартирмейстерских и инженерных офицеров. Техническая сторона межевания (обмер земли, посадка на план и т.д.) должна была осуществляться под руководством генерала и штаб-офицера Генерального Штаба. Для достойной оплаты труда чиновников Конторы и Комиссии выделялись сверх жалованья дополнительные «столовые деньги». Всего же годовой бюджет Комиссии и Конторы составил внушительную сумму в 110 300 руб. [43, т. 4, прил. I к № 3032]. Деятельность Межевой Конторы и Комиссии планировалось осуществлять в плотном сотрудничестве с генерал-губернатором М.С. Воронцовым. Возглавил Комиссию весьма опытный и заслуженный человек – сенатор Матвей Петрович Штер, в начале века уже руководивший в Крыму «Комиссией для разрешения споров о праве на владение земель на Крымском полуострове» [32, с. 506].

Начало работы Межевой Конторы вызвало целый всплеск жалоб и претензий местных хозяев друг к другу. Многие полузабытые судебные споры вспыхивали с новой силой, что негативно сказывалось на темпах межевания в Крыму.

Не остались в стороне от этого процесса и споры по вакуфным землям. Изучая более поздние решения судебных мест в отношении вакуфов, становится видно, что, как правило, главным аргументом в доказательной базе ответчиков по таким претензиям оказывалось бесспорно проведенное межевание. Если претензий по результатам межевания не поступало сразу, то в дальнейшем вернуть оспариваемый вакуфный участок было непросто. В большинстве случаев такие участки закреплялись за частными владельцами окончательно. Таким образом межевание в дальнейшем имело решающее значение для гарантированного сохранения данной категории земель.

Но провести успешное межевание крымских вакуфов оказалось едва ли не сложнее, чем межевать земли частных владельцев. Здесь проявились свои тонкости и проблемы, которые не встречались в обычных условиях.

Так, серьезные трудности в работу Межевой Конторы при межевании вакуфов вносило ТМДП. Духовенство традиционно затягивало этот процесс. Например, сверка составленных ТМДП описей вакуфных земель была завершена лишь в 1837 г., главным образом потому, что депутаты со стороны мусульманского духовенства прибывали на место для совместной работы с землемерами Межевой Конторы очень медленно и неохотно. Это даже вынудило М.П. Штера обращаться за содействием к Таврическому гражданскому губернатору А.И. Казначееву [58, л. 41, 94]. Кроме того, проведение межевания осложняла позиция крымскотатарского населения, которое при сверке

земель часто давало землемерам недостоверную или путаную информацию. На это обстоятельство обращал внимание еще П.-С. Паллас [59, с. 159-160] и другие российские помещики [60, с. 50-51; 61, л. 51; 32, с. 503-504]. В результате позднее появилось несколько законодательных актов, направленных на ужесточение наказаний за лжесвидетельство, а также изменений в формулировке клятвы для мусульманского населения Крыма, произносимой при свидетельских показаниях [43, т. 6, отд. II, № 4974; 43, т. 25, отд. I, № 24117].

Собственно сам процесс выявления вакуфных земель и составления их описей начался сразу после появления указа 1829 г. Однако процедура затянулась из-за общей запутанности ситуации.

Огромной проблемой стало определение точных границ вакуфных участков, находящихся внутри частных владений. Межевание таких земель требовало «особенного знания и искусства». Поэтому приступать к выполнению данной работы землемерам разрешено было только под руководством генерала или штаб-офицера Генерального Штаба [43, т. 7, № 5639].

Еще одной проблемой стали проведенные с нарушениями продажи вакуфов, осуществленные в предыдущие годы. Многие из таких сделок были совершены с участием мусульманского духовенства, включая бывшего таврического муфтия Абдураима эфенди. Об этом сообщал в феврале 1831 г. новоизбранный в 1829 г. муфтий Сеит Джемиль эфенди в донесении Главноуправляющему духовными делами иностранных исповеданий (далее – ДДИИ) статс-секретарю Д.Н. Блудову, где, в частности, указывал, что «значительное количество вакуфных земель или находится более 10 лет во владении разных частных лиц без всякого со стороны Магометанского Духовенства спора, <...> или бывшим Муфтием [Абдураимом эфенди – Д.К.] продано частным же людям» [62, л. 3]. В этом же донесении Сеит Джемиль эфенди предлагает вовсе не вносить такие земли в общую ведомость вакуфам (то есть узаконить неправильную продажу!) и во избежание ответственности просит разрешение на это у Главноуправляющего [62, л. 3]. Замечательна реакция на это донесение Д.Н. Блудова. В ответе чиновник обратил внимание муфтия на два обстоятельства. Во-первых, что согласно утвержденным правилам о межевании земель в Крыму давность бесспорного владения землей должна была утверждаться только в результате сверки на месте. В отношении вакуфов эта процедура должна была осуществляться с привлечением поверенных от ТМДП [62, л. 3, 3 об.]. А, во-вторых, напоминал главе мусульман Крыма (sic!), что согласно шариату духовный вакуф может быть продан только, «если по причине расстройтва не приносит обыкновенно дохода», но и в этом случае «для исполнения воли завещателя, вместо проданного имения, всегда покупается другое» [62, л. 3 об.]. Исходя из этих обстоятельств, Д.Н. Блудов предписывал муфтию составить «Особую ведомость о вакуфных землях» и предоставить ее в Межевую Контору, чтобы землемеры на месте могли оценить

ситуацию и решить «действительно ли частные люди имеют право на владение духовными вакуфскими землями по закону давности и по крепостным актам» [62, л. 4]. Кроме того, отдельно составить ведомость вакуфам, проданным бывшим муфтием, с объяснением, приобретены ли взамен другие вакуфы; если нет, то на какие цели использованы вырученные от продажи средства [там же]. Предписание Сеит Джемилю эфенди, помимо Д.Н. Блудова, подписал его заместитель Директор ДДИИ Ф.Ф. Вигель и, таким образом, в деле защиты традиционных прав местного мусульманского населения в данном случае российские чиновники проявили больше рвения, чем обязанный к этому своей должностью крымский муфтий.

Причина такой осторожности, а, скорее, даже робости со стороны муфтия в защите норм своей религии и отстаивании интересов родного народа, скорее всего, связана с его личными качествами, а также с теми людьми, в собственности которых оказалась вакуфная земля. Лояльность Сеит Джемиля эфенди к российским властям была известна достаточно давно. Так, еще в 1820 г. во время выборов на должность кадиаскера и затем, позднее, на выборах муфтия в 1829 г., российские чиновники неизменно отмечали его «хорошее поведение и особенно <...> его преданность правительству» [63, с. 108-109; 64, с. 180-181]. Вряд ли к 1831 году что-то поменялось в позиции духовного лидера. Сеит Джемиль эфенди оказался не готов вступить в противоречие с российскими помещиками из-за вакуфных земель. Тем более, что среди покупателей вакуфов значились представители известных в России фамилий, влиятельные чиновники, приближенные к императорской семье администраторы. Так, только на Южном берегу в течение 20-30-х гг. XIX в. владельцами вакуфов стали княгиня А.С. Голицына (при д. Гаспра) [65, л. 1-9; 51, л. 141], состоявший в близких отношениях как с Александром I, так и с Николаем I князь А.Н. Голицын (д. Гаспра) [66], Таврический губернатор и генерал Д.В. Нарышкин (при деревнях Гаспра и Симеиз) [51, л. 142, 144], генерал от инфантерии, инспектор южных военных кавалерийских поселений граф И.О. Витт (в урочище Ореанда) [67], граф В.П. Завадовский (ок. Мисхора) [68, с. 235], кто-то из графов Дашковых (при д. Мисхор) [51, л. 142 об.] и т.д. Крупнейшим покупателем вакуфных земель стал Ф.Д. Ревелиоти. Его владения зафиксированы в районе Алупки, Ливадии, Кикенеиза, Мухалатки [51, л. 143 об., 144, 144 об., 145, 147].

Как видно, межевание подняло много вопросов, касавшихся прав собственности крымских помещиков. Особые же затруднения возникли на южнобережье, где, как отмечалось выше, ситуация с земельным фондом была наиболее запутана, и где в земельной сфере интересы местного населения все чаще пересекались с интересами влиятельных столичных чиновников и аристократии. Южный берег Крыма к началу 30-х гг. XIX в. уже превратился, по словам поэта-современника событий, в «блистательную дачу», где вместе

существовали «...и Крезы – баловни судьбы, и бедняки – ее рабы» [68, с. 198]. Наметившиеся трудноразрешимые противоречия между теми и другими даже вынудили М.С. Воронцова в 1831 г. единоличным губернаторским решением приостановить межевание внутри участков на Южном берегу [69, л. 126].

Понятно, что М.С. Воронцова не могла не беспокоить сложившаяся здесь ситуация, поскольку у самого графа имелись обширные владения на Юге Крыма. По традиционному замыслу российского правительства, межевание должно было утвердить новых хозяев в своих владениях, но никак не подвергнуть их собственности сомнению. Это нисколько не вписывалось и в концепцию графа по скорейшему переходу земельной собственности в Крыму в руки более умелых, с его точки зрения, собственников, для интенсивного развития региона. Межевая же Контора и Комиссия, будучи подотчетными министерству юстиции, тщательно и беспристрастно фиксировали все бывшие и настоящие нарушения с оформлением земли, производили межевание очень осторожно, а потому медленно. Видимо, именно поэтому уже в 1833 г. в один и то же день (21 февраля) появляются два императорских указа, инициированных, скорее всего, М.С. Воронцовым [43, т. 8, отд. I, № 5994, 5995]. Согласно одному из них (№ 5995), с целью «ускорить межевание...» Межевая Комиссия переводилась из Симферополя в Одессу, руководство межевой частью в Таврической губернии передавалось Новороссийскому генерал-губернатору, который теперь непосредственно отвечал за «скорое и правильное размежевание земель по Таврической Губернии». Для успешного осуществления поставленной задачи в сопутствующем указе (№ 5994) крымским татарам на ЮБК разрешалась теперь продажа принадлежащей им земли без документов, при условии 10-летнего беспорочного использования этих участков (п. 1)⁶. Более того, с разрешения генерал-губернатора стала возможна и продажа «общественных земель» (т.е. земель крымскотатарской сельской общины) в Крыму (п. 5), при условии, что вырученные деньги пойдут на пользу «всего общества» (надо заметить, очень «обтекаемое» условие). В горной части и на ЮБК разрешалось совершение купчих на общих основаниях (п. 8).

Все эти изменения как нельзя лучше вписывались в проект М.С. Воронцова по скорейшему развитию региона. В преамбуле целью указа (№ 5994) было обозначено «явить владельцам поземельной собственности новое снисхождение и милость, и утвердить собственность сию на прочных основаниях», а также «преподать способы предприимчивости к усилению в Таврическом полуострове хозяйства и промышленности» [43, т. 8, отд. I]. То есть то, чего желал М.С. Воронцов – окончательно утвердить права новых хозяев, с целью их активной экономической деятельности для развития края.

⁶ В этом же году (2 августа) [43, т. 8, отд. I, № 6373] данное разрешение получили и все остальные жители ЮБК.

После публикации этого указа (№ 5994) на южнобережье и в горном Крыму переходу собственности в руки новых хозяев был дан «зеленый свет». Однако вакуфы по-прежнему необходимо было межевать «всюду и во всяком случае». Данное обстоятельство не могло не озадачить М.С. Воронцова, поскольку мелкие вакуфы мешали формированию целостных крупных земельных участков и дач. Поэтому уже в следующем году он обратился к министру юстиции Д.В. Дашкову с отношением, в котором предлагал изменить существующие правила межевания вакуфов в Крыму. В отношении М.С. Воронцов объяснял, что невымежеванных вакуфных участков остается на полуострове еще порядка 8000. Находятся они главным образом в горной части и размером «так малы, что состоят часто из полудесятины» [43, т. 10, отд. I, № 8202]. Вследствие этого, для их успешного межевания необходимо 8 землемерных партий, что не целесообразно. Для устранения затруднений М.С. Воронцов предлагал следующее:

- 1) вакуфы, которые находятся не внутри дач, а составляют отдельные округа, межевать по установленным правилам;
- 2) вакуфы внутри дач, на которые при генеральном межевании не предъявлены споры, оставить без межевания;
- 3) вакуфы внутри дач, на которые предъявлены споры, межевать на основании существующих правил;
- 4) те вакуфы, которые останутся невымежеванными, поручить ТМДП обмежевать впоследствии «на общих правилах своекоштного межевания», то есть за счет спорящих сторон [43, т. 10, отд. I, № 8202].

Как видно, изменения касались в первую очередь тех вакуфов, которые находились внутри владельческих дач, а значит, явно (если спор был начат), или потенциально (если спора не возникало) могли нарушить целостность частного владения. Вымежеванные вакуфы официально утверждались в фиксированных границах внутри владельческих дач. М.С. Воронцов стремился избежать возможных затруднений, поэтому в п. 2 и предлагал оставить неоспоренные вакуфы внутри дач без межевания. Такая ситуация в дальнейшем могла упростить процесс приобретения вакуфа владельцем дачи, внутри которой он находился. Ведь иначе официально утвержденный в границах вакуф приобрести было весьма непросто. Статус вакуфа, в этом случае, был законно зафиксирован. Помимо попечительства мусульманского духовенства, официально утвержденный вакуф находился также под опекой государства. Сама процедура продажи вакуфов законодательно еще не была прописана. И тем более досадна владельцу была бы такая ситуация, если учесть, что размер вакуфов был весьма невелик.

В п. 3 предложений М.С. Воронцова также был свой смысл, направленный к выгоде владельца дачи, поскольку окончательная фиксация границ спорного вакуфа прекращала все претензии, вносила определенность в размер владений, предупреждала будущие притязания.

Таким образом предложения М.С. Воронцова были логичны, но имели одновекторную направленность – максимально упростить оформление собственных прав новых владельцев на традиционный вид земельных владений мусульман Крыма. Сохранение и защита этих форм в генерал-губернаторскую концепцию развития региона на данном этапе не вписывались.

Министр юстиции направил отношение графа в Правительствующий Сенат. И в Сенате предложения М.С. Воронцова были подвергнуты сомнению. Если в пп. 1 и 4 никаких изменений внесено не было, то в отношении наиболее тенденциозных пп. 2 и 3 были сделаны следующие замечания:

к п. 2 – нельзя оставить «бесспорные вакуфы» без межевания, поскольку тогда «не исполнится цель генерального межевания»;

к п. 3 – при межевании спорных вакуфов, они могут потерять «немало земли на одни формальные межи». И такая потеря «при ценности в нагорной стороне земель будет для владельцев довольно чувствительная» [43, т. 10, отд. I, № 8202]. То есть «потеряют» как раз владельцы вакуфов – мусульманское духовенство.

Следовательно, в реализации своей идеи – пренебречь межеванием мелких вакуфов ради скорейшего межевания владельческих угодий – М.С. Воронцов получил отказ. Именно вакуфы внутри дач являлись препятствием формирования целостной земельной собственности в Крыму. М.С. Воронцов, по всей видимости, рассчитывал такие вакуфы постепенно путем продаж или же судебных решений передать в руки собственников. Но все это происходило бы в нарушение мусульманских законов. В данном случае и Сенат, и Госсовет выступили на стороне интересов крымских татар. По сути, выступили в защиту их традиционных прав, которые местный генерал-губернатор хотел проигнорировать.

Вместо предложений М.С. Воронцова Сенат предписывает с вакуфами поступать по аналогии с межеванием «церковных участков, внутри империи производимого на основании указа 2 июля 1767 года (12925)» [43, т. 10, отд. I, № 8202]. То есть, как случилось и прежде (в 1794 г. [см.: 31, с. 635]), предлагалось поступать с мусульманским институтом в соответствии с законами, разработанными для православной церковной собственности (!). Подготовкой оригинального закона для мусульман российские законодатели на данном этапе не озадачивались.

В соответствии с этим указом в отношении п. 2 предписывалось: «бесспорные вакуфы» «не вымежевывать особо и не сочиняя на них особых планов и межевых книг, обходить одними межниками, с постановлением <...> межевых столбов, и означать их меру и качество земли на общем владельческом плане, особо от исчисления владельческих земель». Касательно п. 3 – «спорные вакуфы» также не вымежевывать особо, «а означать на общем владельческом плане как бесспорное вакуфов владение, так и заспоренное

духовенством или владельцем место, обыкновенными межевыми знаками». После окончания спора далее следовало поступать так же, как и с п. 2. [43, т. 10, отд. I, № 8202].

Эти свои предложения Сенат 16 ноября 1834 г. направил министру юстиции. В свою очередь представление министра юстиции было рассмотрено Госсоветом, который нашел предложенные меры «облегчительными для обывателей, и в исполнении, как то и по местному соображению, оказалось удобными...». Царь все утвердил 31 мая 1835 г. [43, т. 10, отд. I, № 8202].

Еще одним серьезным препятствием, задерживающим успешное и быстрое межевание в Крыму, стало отсутствие у Таврического мусульманского духовенства документальных подтверждений учреждения и существования вакуфов. Таврический кадиаскер Сеит Халил Эфенди несколько позднее описываемых событий, в 1844 г., объяснял данное обстоятельство тем, что вакуфы в Крыму учреждались «издревле изустно, по обычаю между магометанами существовавшему» [70, л. 11 об.]. Действительно, в соответствии с мусульманскими законами письменные подтверждения были не обязательны [71, с. 289; 24, р. 61]. Согласно же Высочайше утвержденному мнению Госсовета «О вакуфских в Крыму имениях» от 22 марта 1829 г., завещательные акты, как на духовные, так и частные вакуфы, необходимо было возобновить или подтвердить в течение трехлетнего срока с момента публикации указа, чего по вышесказанным причинам сделано не было. Между тем, к 1835 г. Симферопольская Межевая Контора обмежевала уже 246 вакуфных участков, но из-за отсутствия подтверждающих документов со стороны духовенства Таврическая Межевая Комиссия «не осмеливалась» эти участки утвердить [43, т. 10, отд. II, № 8435]. Таким образом межевание оставалось незавершенным, и ни духовенство, ни соседние частные хозяева не могли подтвердить границы своих владений.

Подобное положение дел не устраивало М.С. Воронцова. Поэтому генерал-губернатор ходатайствовал перед Сенатом, чтобы бесспорно вымежеванные вакуфы утверждались за мусульманским духовенством, с выдачей им планов и межевых книг, даже при отсутствии завещательных актов на эти участки. Данное предложение было законодательно закреплено 30 сентября 1835 г. [43, т. 10, отд. II, № 8435].

В то же время межевание вакуфов, территория которых не была четко определена и подвергалась сомнению со стороны частных хозяев, затягивалось все по той же причине отсутствия у духовенства документальных свидетельств об учреждении вакуфов с детально прописанным описанием размера и границ участка. С момента появления мнения Госсовета от 22 марта 1829 г., где предписывалось в течение трех лет «возобновить все завещательные акты на вакуфы» (п. 4) [43, т. 4, № 2761] и до 1836 г. Таврическому муфтию удалось отыскать только один (!) документ, подтверждающий факт учреждения вакуфа [43, т. 11, отд. I, № 9245]. Поэтому М.С. Воронцов

дальнейшие усилия в этом направлении справедливо посчитал «бесполезными». Вместо этого генерал-губернатор предложил воспользоваться п. 3 указа от 22 марта 1829 г., в котором муфтию предписывалось составить специальную опись вакуфным землям под наблюдением гражданского губернатора. Данная инициатива М.С. Воронцова в конечном итоге была оформлена в виде Высочайше утвержденного мнения Госсювета от 31 мая 1836 г. «О мерах к приведению в известность вакуфных в Крыму имений» [43, т. 11, отд. I, № 9245]. В этом законе предусматривалось составить опись как духовным, так и частным вакуфам, с обязательной сверкой на месте, проводить которую должен был специальный правительственный чиновник. Та задача, осуществление которой без внимания М.С. Воронцова тянулось долгие годы, под пристальным наблюдением генерал-губернатора была выполнена практически за год. Уже к 1837 г. Таврическим муфтием были полностью составлены, а губернским стряпчим при участии Межевой Конторы сверены описи «вакуфным имениям» в Крыму. Далее описи должны были направляться в Главное Управление ДДИИ.

Делая промежуточный вывод, касающийся правового регулирования вакуфного вопроса в Крыму, необходимо отметить следующее обстоятельство. «Правила межевания», утвержденные в 1829 г. [43, т. 4, № 2617] в отношении вакуфов, были несовершенны, не учитывали многих практических нюансов. Они были логичны, конкретны, но на практике, как оказалось, невыполнимы. Столкнувшись с тем, что законы «не работают», а главное, что они задерживают утверждение частной собственности новых помещиков, а значит – тормозят хозяйственное развитие края, М.С. Воронцов принялся активно исправлять. Исправлять в том ключе, который соответствовал его представлению об этом развитии: максимально способствовать утверждению владельческих прав помещиков, в последнюю очередь заботясь о сохранении вакуфной собственности. Данная политика не нашла понимания в Госсювете (см. закон № 8202) [43, т. 10, отд. I]. Тогда М.С. Воронцов инициировал законы, которые на данный момент просто ускорили бы межевание и устраняли мелкие проблемы, серьезно задерживающие документальное оформление собственнических прав, не причиняя ущерба ничьей собственности, в том числе и вакуфной. Что ему, в общем-то, и удалось.

Насколько успешной была проделанная работа лично для генерал-губернатора, можно судить из судебных решений в отношении земельных споров, возникавших у М.С. Воронцова с крымскими татарами.

Попытки оспорить у графа приобретение вакуфных земель предпринимались неоднократно. Но, как правило, с точки зрения российского законодательства на вакуфы (создание которого, как показано выше, сам генерал-губернатор и инициировал!) покупки оформлялись очень тщательно, мусульманское духовенство, включая муфтия, относилось к таким сделкам

с участием М.С. Воронцова достаточно лояльно, поэтому недовольство со стороны крымских татар было минимальным. Например, в 1836 г. Межевой Конторой были утверждены границы гурзуфской дачи М.С. Воронцова размером 978 дес. 1835 саж., которую он купил еще до начала межевания. Внутри же этой дачи бесспорно было вымежевано 28 (sic!) вакуфных участков [72, л. 5-7 об.]. Можно лишь догадываться, как удалось достичь подобного взаимопонимания в то время, когда на Южном берегу, из-за неизбежности судебных тяжб, чересполосные вакуфные участки, находящиеся внутри частных владений, не межевались вовсе или межевались общим участком без определения границ каждого вакуфа [43, т. 10, отд. I, № 8202].

В том же 1836 г. в Симферопольский и Ялтинский окружной суд обратился губернский казенный стряпчий, который занимался в Алуштинской волости в д. Алупка сверкой вакуфов с описью, составленной ТМДП. Стряпчий сообщал, что здесь, в урочищах Меке и Зунафе, несколько участков фруктового сада, а также «дом с двором, без продажи остаются во владении графа Воронцова» и «экономия» графа не допускает местного муллу к владению этими имуществами [73, л. 4-7]. Надо заметить – это большая редкость, когда в суд для защиты вакуфа обратился таврический чиновник, в то время, когда основные инициаторы подобных дел – мусульманское духовенство и ТМДП – хранили молчание. Однако если учесть, что претензия касалась земель, находящихся в непосредственной близости от резиденции М.С. Воронцова в Крыму, которую он регулярно посещал, то вялая реакция местных жителей вполне объяснима: вряд ли кто-либо хотел портить отношения с могущественным соседом-сановником. Дело же, инициированное крымским чиновником, имело успех для местных мусульман. В 1844 г. Ялтинский уездный суд определил: так как граф М.С. Воронцов «на прописанные земли притязания не имеет, то и оставить их во владении вакуфа, о чем уведомить оное Духовное Правление...» [73, л. 8 об., 9].

Несколько иначе обстояли дела с покупками, которые граф совершил уже после начала работы в Крыму Межевой Конторы и вступления в силу указа от 24 января 1829 г., которым законодательно оформлялась процедура межевания и определения вакуфных земель. Здесь М.С. Воронцов столкнулся с приобретением собственности, которую, если несколько модернизировать терминологию, можно определить как «проблемную». Оформив сделку с одними хозяевами, обладавшими согласно документам правами полной собственности на продаваемый участок, в новоприобретенных землях позднее обнаруживались вакуфы, на которые претендовало мусульманское духовенство.

Так, в 1837 г. Таврический губернский казенных дел стряпчий Карпенков сверял описи в Перекопском уезде. Согласно описи ТМДП при д. Байгазак было выявлено несколько вакуфных участков, которые оказались в частном владении М.С. Воронцова. Местные жители подтвердили вакуфный статус

этих земель. В то же время ТМДП не смогло предоставить на вакуф каких-либо подтверждающих документов, объяснив данное обстоятельство тем, что «вакуф сей завещан издревле изустно по тогдашнему обычаю» [74, л. 27, 27 об.]. Бывшие владельцы – братья Симха и Бабакай Бабовичи, собственно, продавшие участок М.С. Воронцову, сообщали, что земля досталась им по наследству от отца, «и во владении отца и их состояла более двух десятилетних давностей» [74, л. 27]. В результате возникла судебная тяжба. ТМДП на этот раз выступило активным ее участником. Вкратце, дальнейшие перипетии дела таковы. Согласно решению Перекопского уездного суда от 31 мая 1840 г. оспариваемые вакуфные участки остались в собственности М.С. Воронцова. Однако ТМДП подало апелляцию на это решение. Апелляция в 1845 г. была рассмотрена и отклонена в Таврической Палате Гражданского суда. Тогда ТМДП подало новую апелляцию. В конечном итоге дело было рассмотрено в Правительствующем Сенате, который в 1848 г. окончательно утвердил решение Перекопского уездного суда и отказал ТМДП в дальнейших претензиях по данному вопросу [74, л. 52 об.].

Схожее судебное разбирательство в отношении частных владений М.С. Воронцова в Перекопском уезде при д. Яни Мангит возникло в 1843 г. [70]. Землю эту в количестве 1584 дес. 740 саж. М.С. Воронцов купил в 1841 г. у местного помещика Девлет Мурзы Уланова [70, л. 17]. Сведения же о том, что на этом участке есть вакуфы, поступили еще в 1837 г. в результате сверки вакуфной описи все тем же губернским стряпчим Карпенковым, то есть значительно раньше оформления покупки М.С. Воронцовым. Местные жители также подтверждали наличие вакуфа в частном владении. Однако у ТМДП и в этот раз отсутствовали документы на вакуф. Поэтому Перекопский уездный суд, как и в вышеизложенном деле, в претензии ТМДП отказал и оставил владения за М.С. Воронцовым [70, л. 139].

Аналогичным образом поступила Таврическая Палата Гражданского суда в отношении владений М.С. Воронцова при дд. Кир и Яни Кульчук (Евпаторийский уезд), приобретенных графом в 1836 г. [75, д. 1158].

Как видно, при отсутствии документальных подтверждений существования вакуфов, суды принимали решения в пользу М.С. Воронцова. Показания местных жителей не всегда принимались во внимание. В этом была определенная логика, поскольку, как говорилось выше, мнение местных жителей – крымских татар не всегда оказывались достоверными.

В целом же, внимательно проследив за процессом приобретения М.С. Воронцовым земельной собственности в Крыму, можно заметить следующую особенность. Начиная с 1822 и до конца 20-х гг. XIX в., М.С. Воронцов, в основном, сформировал свою крымскую земельную собственность. В последующем земельные приобретения носили во многом случайный характер: при благоприятной возможности покупались удобные участки, примыкающие к основным

угодьям. Со второй половины 30-х гг. XIX в. начинается активная деятельность управляющих М.С. Воронцова по законодательному утверждению приобретенных им ранее земель. На этот период приходится и все встреченные нами споры в отношении вакуфов, находящихся в пределах владений графа. Решались подобные дела, чаще всего, в его пользу и, как правило, без особых промедлений.

Подобную скорость и одновекторность судебных решений при разборе дел, касавшихся вакуфов и М.С. Воронцова, можно увязать со следующим обстоятельством. В начале 40-х годов XIX в. М.С. Воронцов заканчивал формирование своего крымского майората. Насколько дорога была графу эта часть его обширных владений, можно судить по рескрипту императора о назначении Новороссийского генерал-губернатора Кавказским наместником. В письме царь отдельным условием оговаривал ежегодную возможность для М.С. Воронцова проводить «по несколько месяцев» в любимой Алупке [76, с. I]. Естественным желанием графа было поскорее зафиксировать столь ценимые владения.

Для окончательного утверждения границ майората М.С. Воронцову, конечно, необходимо было на твердых основаниях закрепить владельческие права на эти земли. Вакуфы, в силу вышеописанных сложностей с изменением их статуса, могли затормозить этот процесс. Тем не менее, как видно, затруднений по законному оформлению купчих крепостей на вакуфные земельные участки у М.С. Воронцова не возникло. Майорат был Высочайше утвержден в 1844 г. [43, т. 19, отд. I, № 18451]. Его оформление совпадает с назначением на Кавказ и с окончанием активной законодательной и административной деятельности М.С. Воронцова в отношении вакуфов в Крыму. Более того, после этой даты, по-видимому, прекращаются и новые судебные споры по вакуфам с участием М.С. Воронцова в качестве их собственника. Во всяком случае позже указанной даты подобные споры нами не обнаружены (исключение – начавшийся в 1837 г. и тянувшийся до 1848 г. судебный процесс по бывшим владениям Бабовичей в Перекопском уезде). Такое затишье вовсе не означает, что вакуфный вопрос в Крыму был удачно решен. Созданные во второй половине XIX в. в Симферополе специализированные вакуфные комиссии открыли картину непрекращавшегося размывания вакуфной собственности. По-видимому, М.С. Воронцов после оформления майората утратил интерес к проблеме, переключился на решение иных задач. Не сталкиваясь более с вакуфами на уровне частном, соответственно, останавливается процесс регулирования вакуфного вопроса на уровне государственном.

Следовательно, частный интерес М.С. Воронцова в скорейшем урегулировании вакуфного вопроса несомненно присутствовал. Изначально все предпринятые усилия имели для него практическое значение. Являясь крупнейшим крымским землевладельцем, М.С. Воронцов как никто другой был заинтересован в урегулировании вакуфного вопроса, заинтересован в раз-

решении имущественных споров в позитивном ключе, прежде всего для новоприбывших помещиков, каким являлся сам. Законодательная инициатива по вакуфному вопросу, с которой граф столь активно и настойчиво выступал в 30-е гг. XIX в., по-видимому, напрямую была связана с возникающими у М.С. Воронцова, как частного хозяина, затруднениями при оформлении и определении границ, утверждении собственных прав на свои владения. Личный практический опыт участия в земельных спорах объясняет поразительную осведомленность графа в сути проблемы, позволившую ему с максимальной рациональностью подойти к ее устранению. Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что прецедентное право, в русле которого развивалось на данном этапе российское законодательство, в нашем случае во многом основывалось на «прецедентах», связанных с частным опытом генерал-губернатора в своих владениях в Крыму.

В процессе воплощения идеи генерал-губернатора о развитии края, порой пострадавшей стороной оказывалось местное население и местные традиции. В варианте, рассмотренном в статье – это крымские татары и вакуфное землевладение. Но в том, что границы вакуффов оказались размыты, что отсутствовали подтверждающие документы на них, а часть из вакуффов была продана – несомненное упущение и мусульманского духовенства. Именно ему российское правительство предоставило функции контроля над вакуфной собственностью в Крыму. Однако в изменившихся условиях (считая с 1783 г. – этим условиям более 40 лет!) мусульманское духовенство проявило несостоятельность, неповоротливость, неготовность в защите прав единоверцев, тем более, что права эти Российское государство отчасти готово было соблюсти.

Таким образом частнохозяйственная деятельность М.С. Воронцова в Крыму осуществлялась в рамках его концепции развития региона и напрямую была связана с процессом формирования и оформления собственного майората. Что было первично – частный интерес или концептуальный взгляд на развитие хозяйства в целом – сложно сказать. Все было взаимосвязано. По-видимому, не стоит выискивать первопричину. М.С. Воронцов был целостной натурой. Его взгляды как государственного деятеля неразделимы с действиями и взглядами частного хозяина. На личном примере он лучше понимал проблему, стоящую на пути реализации его планов по преобразованию края в целом. И решал эту, с его точки зрения, проблему не только для себя одного, но путем законодательной инициативы, лоббирования законов, помогал бороться с ней и другим хозяевам, имеющим те же затруднения. И в этом контексте можно согласиться с мнением, что для М.С. Воронцова «не было противоречия между увеличением его собственного богатства и экономическим улучшением для жителей южной России» [36, с. 21]. Остается лишь сожалеть, что вакуфное землевладение не вошло в планы генерал-губернатора по экономическому преобразованию Крыма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Мурзакевич Н.Н. Очерк заслуг, сделанных наукам, светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым. Одесса, 1860.
2. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1853. Ч. II.
3. Вигель Ф.Ф. Записки: В 2-х кн. М., 2003. Кн. 2.
4. Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя М.С. Воронцова. СПб., 1858.
5. Яковлев В.А. Биографии Де-Рибаса, Ришелье и Воронцова. Одесса, 1894.
6. Архив князя Воронцова. Кн. 1-40. М., 1870-1895.
7. История Украинской ССР: В 10-ти тт. Т. 4. Украина в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Отмена крепостного права и развитие капитализма (XIX в.). К., 1983.
8. Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825-1861 гг. М., 1981.
9. Воронцовы – два века в истории России. Материалы научной конференции. Владимир, 1992.
10. Воронцовы – два века в истории России. Вып. 2. Материалы Пятых Воронцовских чтений. Петушки, 1996.
11. Мир усадебной культуры. Материалы I Международных научных чтений (22-24 мая 2000 г., Алупка). Симферополь, 2001.
12. Россия и Крым в судьбе Воронцовых. Материалы II Крымских Воронцовских чтений. Симферополь, 2000.
13. Rhineland A.L.H. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the tsar. Montreal, 1990.
14. Удовик В.А., Казык В.О. Светлейший князь М.С. Воронцов. Человек. Полководец. Государственный деятель. СПб., 2000.
15. Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001.
16. Удовик В.А. Воронцов. М., 2004.
17. Филатова Е.Е. Управленческая деятельность М.С. Воронцова в период с 1797 по 1848 г. // Воронцовы и русское дворянство. IX Крымские Международные Воронцовские научные чтения. Сб. докладов. Ч. I. Симферополь, 2007.
18. Арапов Д.Ю. М.С. Воронцов и мусульмане Крыма // Сборник Русского исторического общества. Т. 7(155). Россия и мусульманский мир. М., 2003.
19. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.): Сборник материалов / Сост. и вступ. ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапов. М., 2006.
20. Микешин М.И. Воронцовы и Крым // Воронцовы – два века в истории России. Вып. 2. Материалы Пятых Воронцовских чтений. Петушки, 1996.
21. Македонский А.В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII-XIX вв.). Изд-е 3-е, испр. и доп. Запорожье, 2008.
22. Герасимов И., Могильнер М. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она ведет? Беседа с редакторами журнала *Ab Imperio* И. Герасимовым и М. Могильнер // *Логос*, философско-литературный журнал. 2007. № 1(58).
23. Арапов Д. Ислам в архивных материалах высших государственных учреждений Российской империи (1721-1917 гг.) // *Ab Imperio*. 2008. № 4.
24. Peters R. [Wakf] In *Classical Islamic law / Wakf // The Encyclopaedia of Islam*. Vol. XI. Leiden, 2002.
25. Большаков О.Г. Вакуф // *Ислам. Энциклопедический словарь*. М., 1991.
26. Яновский А.Е. Вакуф // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона*. Т. V. СПб., 1891.
27. Вормс А. Вакуфы // *Энциклопедический словарь Гранат*. Т. VII. М., 1912.
28. Hennigan P.C. The birth of a legal institution: the formation of the waqf in third century A.H. *Hanafi legal discourse / Studies in Islamic law and society*. V. 18. Leiden; Boston, 2004.

29. Конкин Д.В. Некоторые особенности вакуфных владений в Крыму (по материалам ГААРК) // Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и экологии Юго-Восточного Крыма. Материалы научной конференции. Новый Свет, 2008.
30. Воскресенский А. Татары и землеустроительные комиссии в Крыму (окончание) // Вестник Таврического земства. 1907. № 7-8.
31. Конкин Д.В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783-1796 гг.) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
32. Конкин Д.В. Вакуфное землевладение в контексте деятельности первых землеустроительных комиссий в Крыму (1796-1810 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
33. Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800-1825 гг. М., 1970.
34. Шандра В.С. Новоросійський і бессарабський генерал-губернатор М.С. Воронцов (1823-1854) // Український історичний журнал. 2002. № 1(442).
35. Кириченко Е.И. Организация архитектурного пространства Крыма в годы правления генерал-губернатора Новороссии М.С. Воронцова // Мир усадебной культуры. Материалы I Международных научных чтений (22-24 мая 2000 г., Алупка). Симферополь, 2001.
36. Бредбиер П.В. Мнение западного историка о строителе Российской империи: биография князя М.С. Воронцова, написанная профессором Райнлендером // Воронцовы и русское дворянство. X Крымские Международные Воронцовские научные чтения: Сб. докладов. Симферополь, 2008.
37. Саид Э. Ориентализм. СПб., 2005.
38. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830.
39. Авалиани С.Л. Гр. М.С. Воронцов и крестьянский вопрос // ЗООИД. 1915. Т. XXXII.
40. Вихнович В.Л. Караим Авраам Фиркович. Еврейские рукописи. История. Путешествия. СПб., 1997.
41. Пальчикова А.П. Из истории Алупкинского майората Воронцовых // Россия и Крым в судьбе Воронцовых. Материалы II Крымских Воронцовских чтений. Симферополь, 2000.
42. ГААРК, ф. 23, оп. 1, д. 286.
43. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830-1881.
44. Блюменфельд Г. Крымско-татарское землевладение (историко-юридический очерк). Одесса, 1888.
45. Свод законов Российской империи. Законы о Состояниях. СПб., 1833.
46. Семенкова Т.Г., Семенов А.В. Денежные реформы в России в XIX в. СПб., 1992.
47. ГААРК, ф. 8, оп. 1, д. 14.
48. Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2005.
49. ГААРК, ф. 8, оп. 1, д. 13.
50. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 598.
51. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 300.
52. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 22.
53. Александров И.Ф. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // ИТУАК. 1914. № 51.
54. [А.Бр.] Приказы общественного призрения // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXV. 1898.
55. Конкин Д.В. Вакуфный вопрос в деятельности «Комиссии для исследования и искоренения злоупотреблений в Таврической губернии» (1816-1819 гг.) // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решения. Сборник научных статей. Симферополь, 2009.
56. Частно-вакуфное владение в Крыму. Симферополь, 1892.
57. Конкин Д.В. Некоторые аспекты земельных отношений в Крыму в последнем десятилетии XVIII в. // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.

58. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 66.
59. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах. М., 1999.
60. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1897. №26.
61. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 306.
62. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 159.
63. Хайрединова З.З. Возникновение и развитие Таврического магометанского духовного правления (конец XVIII – начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Симферополь, 2003.
64. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / [Бойцова Е.Б., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З.]. Симферополь, 2009.
65. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 178.
66. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 196.
67. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 134.
68. Бороздна И. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. Письма в стихах. М., 1837.
69. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 61.
70. ГААРК, ф. 14, оп. 1, д. 1093.
71. Мухин В.Ф. Очерк магометанского права наследования. СПб., 1898.
72. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 204.
73. ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 334.
74. ГААРК, ф. 14, оп. 1, д. 828.
75. ГААРК, ф. 14, оп. 1, д. 1158.
76. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Архив Главного управления наместника кавказского. Т. X / Под ред. Ад. Берже. Тифлис, 1885.
77. Андросов С.А. Документы Государственного архива Автономной Республики Крым о жизни и деятельности М.С. Воронцова // Россия и Крым в судьбе Воронцовых. Материалы II Крымских Воронцовских чтений. Симферополь, 2000.
78. Ливанов Ф. Путеводитель по Крыму. Разд. 19. М., 1875.
79. Шарль Р. Мусульманское право. М., 1959.
80. Deguilhem R. [Wakf] In the Ottoman empire to 1914 / Wakf // The Encyclopaedia of Islam. Vol. XI. Leiden, 2002.
81. Озенбашлы А.С. Трагедия Крыма при царизме или татарские эмиграции // Озенбашлы А.С. Трагедия Крыма: Воспоминания и документы / Пер. К. Усеинова. Симферополь, 2007.
82. Fisher A.W. The Crimean Tatars. Stanford, 1987.
83. Williams B.G. The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation. Leiden, Boston, Köln, 2001.

Конкин Д.В.

Граф М.С. Воронцов и вакуфный вопрос в Крыму

Резюме

В статье рассмотрена деятельность Новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова в отношении вакуфного землевладения в Крыму. М.С. Воронцов являлся сторонником организации крупных помещичьих хозяйств в подчиненном ему крае. Небольшие по размеру, хаотично расположенные на местности вакуфные участки мешали формированию крупных целостных помещичьих угодий в Крыму. М.С. Воронцов сам был крупнейшим крымским землевладельцем. Поэтому у него присутствовал частный интерес в скорейшем решении вакуфного вопроса. Он был заинтересован в урегулировании имущественных споров на полуострове в позитивном ключе, в первую очередь для новоприбывших помещиков, каким являлся сам. Законодательная инициатива по вакуфному вопросу, с которой граф столь активно и настойчиво выступал в 30-е гг. XIX в. напрямую была связана с возникающими затруднениями у него как частного хозяина при оформлении и определении границ, утверждении собственных прав на свои владения. Итогом такой деятельности стало успешное утверждение границ и законодательное оформление крымского майората М.С. Воронцова в 1844 г. После этой даты граф теряет интерес к вакуфной проблеме, которая так и не была решена. Таким образом размывание вакуфной собственности в Крыму продолжалось.

Конкін Д.В.

Граф М.С. Воронцов і вакуфне питання в Криму

Резюме

У статті розглянута діяльність Новоросійського генерал-губернатора графа М.С. Воронцова відносно вакуфного землеволодіння в Криму. М.С. Воронцов був прибічником організації крупних поміщицьких господарств в підлеглому йому краю. Невеликі за розміром, хаотично розташовані на місцевості вакуфні ділянки заважали формуванню крупних цілісних поміщицьких угідь в Криму. М.С. Воронцов сам був найбільшим кримським землевласником. Тому в нього був присутній приватний інтерес в швидкому рішенні вакуфного питання. Він був зацікавлений у врегулюванні майнових суперечок на півострові в позитивному ключі, в першу чергу для новоприбулих поміщиків, яким був сам. Законодавча ініціатива з вакуфного питання, з якою граф настільки активно і наполегливо виступав в 30-ті рр. XIX ст., безпосередньо була пов'язана з виникаючою скрутою у нього як приватного господаря при оформленні і визначенні меж, затвердженні власницьких прав на свої володіння. Підсумком такої діяльності стало успішне затвердження меж і законодавче оформлення кримського майорату М.С. Воронцова в 1844 р. Після цієї дати граф втрачає інтерес до вакуфної проблеми, яка так і не була вирішена. Таким чином розмивання вакуфної власності в Криму продовжувалося.

Konkin D. V.

Count M.S. Vorontzov and Vakuf Problem in Crimea

Summary

The activities of Count M.S. Vorontzov, Novorossiysk general governor, concerning vakuf landowning in Crimea has been considered in this article. M.S. Vorontzov was an adherent of organization of large landowner properties in the region subordinate to him. Small in size, situated chaotically on the territory vakuf areas prevented from forming large integral land properties in Crimea. M.S. Vorontzov himself was one of the greatest landowners; that is why he had his own private interest in the settlement of vakuf problem. He was interested in sorting out property disputes on the territory of the peninsula in a positive way; in the first place for landowners – newcomers, he himself was such a newcomer. Legislative initiative on vakuf problem, with which the count was so active in putting it forward in the 30s of the 19th century, was directly connected with emerging impediments, which he as a private owner got in the process of drawing up and determining the boundaries, establishing the rights of a property owner for his possessions. The result of this activity was successful establishment of borders and legislative regulation of Crimean entail of M.S. Vorontzov in 1844. After this date the count lost any interest to vakuf problem which was not solved. Thus, vakuf property in Crimea was still in confusion.

В. Г. ТУР

НОРМЫ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЫМСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ XIX ВЕКА

В последние два десятилетия наметился интерес исследователей к изучению истории религиозных организаций и, прежде всего, православной церкви, доминирующей по числу прихожан как в Украине в целом, так и в Крыму. К сожалению, среди современных публикаций научные труды занимают небольшой процент. В основном это многочисленные переиздания дореволюционных церковных произведений или их современная интерпретация, работы публицистического характера. Незначительное число публикаций лишь косвенно посвящены анализу церковного права и правовому положению православной церкви в государстве. Причем обычно авторы публикаций ограничиваются оценкой роли Синода в реформированной структуре российского госаппарата XVIII–XIX веков.

В целом понимание термина «церковное право» до настоящего времени остается предметом дискуссии философов и юристов. В то же время в русской православной церкви утвердилась традиция выделять внутреннее (регулирующее внутреннюю жизнь Церкви) и внешнее (регулирующее отношение Церкви с общественными и политическими организациями) церковное право. К последнему относится государственное законодательство по церковным делам, признанное церковью [31, с. 15, 35]. В настоящей работе, опираясь на архивные материалы и анализ отдельных публикаций, мы рассмотрим действие отдельных положений внешнего церковного права в структуре российских православных монастырей XIX в. на примере Таврической губернии.

К моменту присоединения Крыма к России в 1783 г., по словам протоиерея А. Лебединцева, «Крым, который мы добыли, не был христианский, а мусульманский» [20, с. 206]. С выводом христиан в 1778 г. православная церковь Константинопольского патриархата окончательно потеряла свои позиции на полуострове. Православные приходы, численность которых на рубеже XVIII–XIX вв. постепенно росла за счет переселенцев и военнотружеников,

входили в состав уже Московской патриархии. Законодательные акты Петра I, Петра III, Анны Иоанновны и Екатерины II существенно ограничивали рост приходов. Русская православная церковь в целом, после секуляризации земель и имущества, оказалась в полной зависимости и на содержании государства. Даже право регулировать численность клириков (священно- и церковнослужителей) принадлежало главе государства. Основание монастырей вообще не приветствовалось светскими властями [31, с. 185]. Для этого также требовалось особое императорское разрешение. Окончательное закрепление церкви в светской структуре управления было зафиксировано Духовным регламентом, который с небольшими дополнениями действовал до 1917 г. [19, с. 22-24; 24, т. 6, № 3718]. Одновременно расширение территории империи и, как следствие, включение в число подданных представителей неправославных вероисповеданий, требовали пересмотра отношения к лицам с иными религиозными убеждениями. В 1773 г. был принят Закон о терпимости вероисповедания, что наряду с Манифестом 1783 г. «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу» на десятилетия создало условия для сохранения доминирующего влияния ислама на население Крыма [24, т. 19, с. 775, № 13996; т. 21, с. 898, № 15708].

Не считая кратковременной лояльной для церкви политики Павла I, в конце XVIII – начале XIX вв. вмешательство государственного аппарата в деятельность церковных институтов усиливается. В 1803 г. обер-прокурор Синода был непосредственно подчинен императору, устанавливались штатные оклады священнослужителям [17, с. 151-152]. В целом же реформирование церкви, процесс сращивания церковных и государственных институтов, включая систему образования, был завершен в правление Николая I [19, с. 33-36].

Только в середине XIX в., на фоне экономического и политического кризиса в России, намечается обратный процесс расширения влияния православных церковных институтов в государстве. Немаловажное значение имели и изменения в составе Синода. А.П. Толстой, назначенный обер-прокурором в 1856 г., занимал консервативную позицию в вопросах проведения буржуазных реформ, а в церковной политике стремился к расширению самостоятельности и влияния Синода на светскую власть. Его преемники в должности обер-прокурора, А.П. Ахматов, Д.А. Толстой и К.П. Победоносцев, на общем фоне расширения влияния церковных институтов в государстве, их воспитательной и идеологической функции в формировании народного мировоззрения, однозначно придерживались представления о первенствующей роли государства в делах церкви. При этом следует отметить, что высшей степени бюрократизации и слияния с государственным аппаратом управления российская православная церковь достигла при К.П. Победоносцеве [1, с. 32-36]. Именно с середины XIX в. начинается восстановление и строительство приходских

храмов, а также учреждение монастырей в Крыму, инициированное известным церковным и политическим деятелем, архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием [29, с. 78-80]. Что же представляли собой учрежденные крымские православные монастыри, действовавшие в рамках сложившегося церковного права?

Православные монастыри делились на общежительные и необщежительные, штатные и заштатные. Все возникшие во второй половине XIX в. крымские обители относились к общежительным, т.к. в русском православии они признавались «более высокой формой иноческой жизни» [23, с. 34, ст. 23]. Отличительной чертой общежительных обителей является то, что все необходимое братия получает от монастыря, а свой труд по священнослужению и послушаниям, по назначению настоятелей, предоставляет в его пользу. Все монашествующие не имеют права располагать собственностью. Причем, начиная с 1865 г. жизнь всех новых монастырей Российской империи строилась на началах общежития [31, с. 186].

Из восьми крымских монастырей¹ только два (Херсонесский св. Владимира и Балаклавский св. Георгия) имели статус штатных монастырей с установленным жалованием. Херсонесский, открытый как общежительная заштатная киновия, только в 1861 г. получил статус штатного монастыря 1 класса. Утвержденная численность первоначально составляла всего 22 единицы, и число проживающих в монастыре до 1899 г. фактически никогда не превышало этой цифры. В то же время, согласно «Духовным штатам», изданным еще Екатериной II 26 февраля 1764 г. [24, т. 16, с. 549-570, № 12.060], в мужских монастырях первого класса предполагалось наличие 33 монахов. Особый статус имел Балаклавский монастырь св. Георгия. 23 марта 1806 г. он становится базовым для иеромонахов Черноморского флота, в 1833 г. обитель была взята на флотское содержание. Причем еще с 1800 г. военное духовенство было обособлено от епархиального и через обер-священника подчинялось Святейшему Синоду. После присвоения монастырю св. Георгия статуса I класса в 1850 г. и с увеличением штатной численности флотских иеромонахов число братии было приведено в соответствие. С развитием флота и военных баз на Черноморском побережье штат иноков, несущих службу в гарнизонах и приписанных к обители, их обязанности вплоть до Крымской войны определялись «Уставом Военного Флота» 1797 г., который в части деятельности священнослужителей ничем не отличался от «Морского Устава» 1720 г. [29, с. 103-105].

Остальные монастыри Крыма (Успенский, Козьмо-Дамиановский, Инкерманский, Катерлезский, Кизилташский и Троице-Параскевиевский) относились

¹ Балаклавский св. Георгия, Херсонесский св. Владимира, Инкерманский св. Климента, Бахчисарайский Успения Богоматери, Катерлезский св. Георгия, Кизилташский св. Стефана Сурожского, монастырь св. Козьмы и Дамиана, Топловский Троице-Параскевиевский.

к разряду заштатных. Основным их отличием от штатных обитателей являлось то, что иноки не получали жалованья и существовали на доходы от священнослужения, личного труда братии, торговли «благодатью», кружечных сборов и иных пожертвований. Впрочем, по мнению Н.М. Никольского, казна православных обитателей никогда не пустовала [22, с. 407].

Внутренняя жизнь крымских монастырей, равно как и всех православных обитателей Российской империи, регламентировалась в целом церковными и, в частности, монастырскими уставами. В основном церковные уставы опирались на решения семи Вселенских и ряда поместных соборов, решения Святейшего Синода с учетом российского законодательства и в незначительной степени ориентировались на местные условия и традиции. Монастырские уставы, с одной стороны, не противоречили общецерковным правилам и решениям Синода, с другой, во многом копировали древний Иерусалимский устав.

Все три основных типикона, или устава, признанных в православии: Палестинский или Иерусалимский св. Саввы Освященного (ум. 532 г.), Константинопольский или Студийский св. Феодора Студита (ум. 826 г.) и Афонский св. Афанасия (ум. 1001 г.) очень близки друг другу и фактически строятся на основе уставов Пахомия и Василия Великих [30, т. I, с. 732]. Собственно типикон Саввы Освященного был утерян и восстановлен Иерусалимским патриархом св. Софронием, дополнен в VIII в. Иоанном Дамаскиным и Козьмой Маюмским. На протяжении веков Иерусалимский устав пополнялся песнопениями, уточнениями особенностей богослужения. В Киевской Руси первоначально получает распространение Студийский устав, но уже к XV в. в Северном Причерноморье и Руси он был окончательно вытеснен Иерусалимским [25, с. 254]. Тем не менее в российских монастырях использовались и некоторые положения Студийского, Афонского и других восточных уставов, т.к. в Иерусалимском дисциплинарной стороне уделялось недостаточно внимания. В целом по внутреннему устройству российские монастыри практически не отличались от монастырей православного Востока. Всесторонняя регламентация монастырской жизни была предпринята Стоглавым Собором [31, с. 184]. В синодальный период истории русской церкви, в связи с церковной реформой, претерпели изменения и некоторые положения монастырских уставов.

Положение монастырей в церковной структуре определилось еще на Халкидонском Вселенском Соборе (451 г.). В соответствии с четвертым правилом Собора [31, с. 175] православные монастыри были подконтрольны и подотчетны епископам и могли быть основаны только с его ведением. С ликвидацией патриаршего престола в России и созданием коллегиального органа – Святейшего Синода, после издания «Духовного регламента» 1721 г. монастыри, вместе со всей Русской православной церковью, оказались в структуре государственного аппарата. Петр I объяснил причину ликвидации

патриаршего престола следующим: «Понеже в единой персоне не без страсти бывает; к тому ж не наследственная власть, того ради вящше не брегут» [24, т. 6, № 3718]. Монастырская братия, наряду с государственными служащими, даже принимала присягу императору и его наследнику, т.е. на подданство и «верногражданство». В Государственном архиве АР Крым сохранился рапорт игумена Козьмо-Дамиановской киновии на имя благочинного от 26 ноября 1894 г., в котором сообщается о принятии такой присяги иноками и препровождении присяжного листа приставу [12, л. 23].

Более подробно монастырские правила и порядок принятия пострига регламентировались «Прибавлением к регламенту о правилах причта церковного и чина монашеского», изданном в 1722 г. Право решения вопросов о создании новых обителей передавалось Святейшему Синоду и непосредственно императору, т.к. «Император... именуется Главою Церкви» [28, Свод основных государственных законов, ст. 42], а «В управлении Церковью Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного» [28, там же, ст. 43]. Только в 1881 г. право учреждать новые монастыри было вновь возвращено епархиальным архиереям. Поэтому все крымские монастыри XIX в., учрежденные до 1864 г. включительно, создавались по ходатайству и представлению глав епархий решением Святейшего Правительствующего Синода, принимаемым на основании указов императора. Женские обители, созданные после 1881 г. на месте Катерлезской и Козьмо-Дамиановской киновий, также учреждались Св. Синодом на основании указов императора, а не архиепископом. В данном случае архиепископ мог открыть новый монастырь, но только император и Синод могли упразднить ранее учрежденные ими же мужские обители.

Общежительные монастыри управлялись архимандритами или игуменами. Права и обязанности их не отличались. В соответствии с Уставом еще Василия Великого настоятель избирался из числа братии [16, с. 276] и утверждался епархиальным епископом. Если достойной кандидатуры на пост настоятеля не было, он назначался архиереем [16, с. 276-283]. В синодальный период в России кандидатуры настоятелей, избранных только мантийной братией (причем в выборах не могли участвовать состоящие под следствием или себя опорочившие), по представлению архиерея утверждались Св. Синодом, а в штатные монастыри назначались епархиальным архиереем или Синодом [31, с. 182]. В обязанности настоятеля входил контроль за соблюдением монашеских обетов и правил, своевременным и благочинным совершением богослужений, надзор и организация хозяйственной деятельности. Наиболее важные вопросы он обязан был решать с братией. С другой стороны и инокам предписывалось безропотное подчинение игумену (архимандриту), который за непослушание имел право налагать наказания. Регулярно настоятель отчитывался перед епархиальным архиереем о жизни и хозяйственной

деятельности монастыря. В то же время об отсутствии должной дисциплины в обителях говорят рапорт иеромонаха Израиля и иные документы о беспорядках в Троице-Параскевиевском женском монастыре [11], Указы Таврической Консистории по Катерлезскому женскому монастырю [14, л. 22, 37] и Козьмо-Дамиановской мужской киновии [9, л. 17], не считая мелких актов неповиновения, с которыми игумены справлялись самостоятельно, лишь докладывая архиепископам о факте. В помощь настоятелю назначались должностные лица, утверждаемые по представлению игумена архиереем. На них возлагались функции духовника, эконома, казначея, благочинного, ризничного и при необходимости вводились иные должности, например, секретаря или делопроизводителя и пр. Они составляли духовный собор или совет, на котором решались наиболее важные вопросы [23, с. 33; 31, с. 183]. На период решения вопроса о настоятеле, архиереем мог назначаться в монастырь наместник, что часто имело место и в крымских монастырях. Однако в практике управления обителями на полуострове имело место необычное решение, когда во главе женского Троице-Параскевиевского монастыря решением архиерея 25 апреля 1877 г. оказался духовный совет во главе с монахиней Манефюю, которому предписывалось коллегиальное решение вопросов по управлению обителью [11].

С 1860 г. в Таврической епархии контроль за деятельностью монастырей, соблюдением обетов и нравственностью осуществляли благочинные, назначаемые епархиальным архиереем из числа наиболее достойных настоятелей. На них возлагались и функции проведения расследований нарушений, допускаемых братией, рассмотрение жалоб. В рапортах настоятелей, предоставляемых благочинным каждое полугодие, освещались следующие вопросы: численность проживающих в монастыре и сведения о вновь прибывших, соблюдение монастырских уставов и, в частности, правил литургии, сведения о дисциплинарных нарушениях, отчет о финансовых и иных материальных поступлениях, новых постройках и состоянии ранее имевшихся [8-15].

Пострижение в целом не требовало строгой богоугодной жизни в прошлом, как для кандидатов в священство. Необходимо было только искреннее покаянное настроение. Но при этом было необходимо соблюдение ряда условий. Вопреки 40-му правилу Трулльского Собора, допускающему пострижение в 10-летнем возрасте, в России в синодальный период государственное законодательство позволяло постриг для мужчин не ранее 30 лет, а женщинам – 40. Исключение делалось только для учащихся духовных семинарий и академий, а также овдовевших священников. Им разрешалось принимать постриг с 25 лет. Во всех остальных случаях ходатайства о пострижении в более раннем возрасте рассматривались только на уровне Синода и были исключением. Поэтому средний возраст братии в крымских монастырях, например, по отчетам Козьмо-Дамиановской киновии в 1893 г.

колебался от 50 до 56 лет. Возраст самого молодого из принявших пострижение – 45 лет. Только среди лиц, живущих в послушничестве и на испытании, средний возраст составлял 36-37 лет [12, л. 2, 11].

Для принятия пострига требовалось еще одно условие – трехлетнее предварительное послушническое испытание. В исключительных случаях время послушничества могло быть сокращено. Кроме того, согласно указу Святейшего Синода от 25 мая 1832 г. от послушнического искуса освобождались овдовевшие священнослужители и выпускники духовных учебных заведений. В крымских монастырях, по отчетам 1877-1878 гг., послушники составляли от 25% (Кизилташская киновия) до 67% (Инкерманская киновия), но обычно не превышали 30-50% от числа принявших пострижение. Это позволяло контролировать дисциплину в монастырях, вести должную религиозно-воспитательную работу. Остальная братия состояла из иноков, делящихся на 3 чина: рясофорных монахов, т.е. получивших черную монашескую рясу в залог будущих обетов монашества; действительных, или мантийных монахов, уже произнесших три установленных обета – послушания, целомудрия, нестяжательства и получивших при постриге мантию; и схимников, или схимомонахов, связанных обетом совершенного отречения от мира и человеческого общества.

Однако нарастающий экономический и политический кризис в Российской империи к концу XIX в. привел к резкому увеличению численности живущих в монастырях и ищущих пострижения как возможности выжить в экономически сложных условиях. В итоге в конце XIX – начале XX в. число послушников и находящихся на испытании часто значительно превышало количество рясофорных и мантийных монахов. Например, в отдельные годы численность послушников и находящихся на испытании в Херсонесском, Георгиевском, Топловском, Козьмо-Дамиановском, Успенском и Катерлезском монастырях превышала численность мантийных и рясофорных иноков (инокинь) в 2 и более раза. Например, в Катерлезской киновии в 1912 г. испытуемые и послушницы составляли 94% (83:5). Это, в свою очередь, не могло не сказаться на монастырской дисциплине и нравственности, влекло за собой неоднократные разборательства по различным чрезвычайным случаям благочинными монастырей и епархиальным начальством.

Сложившаяся ситуация нашла отражение в архивных документах Таврической Духовной Консистории и благочинных монастырей Таврической епархии. В одном из указов Таврической Духовной Консистории отмечается: «В настоящее тревожное время необходимо усилить наблюдение за порядком в управлении монастырями мужскими и женскими, при коих многие, как известно из дел, находятся в расстроенном состоянии. Во многих нет строгого наблюдения за монашескою братиею, случайно пополняющуюся пришлыми из других монастырей и из мира людьми; принимаются без разбора в послушничество приходящие бродяги и скрывающиеся без ведома

настоятеля посетители и гости неизвестного имени и поведения. При такой... [текст утерян – авт.] надзора в настоящее время, когда умножилось повсюду бродяжничество, в монастырях весьма удобно могут укрываться люди неблагонамеренные, не... [текст утерян] и преступных замыслов» [11, л. 10].

В древней византийской и русской истории известны случаи насильственного пострижения или заточения неугодных властям лиц в монастыри, которые расценивались как некие «исправительные учреждения». Однако уже в синодальный период любое принуждение к монашескому постригу квалифицировалось как уголовное преступление. Обеты и требования родителей, обрекающих на постриг детей без согласия последних, не имели силы [31, с. 177]. В то же время в силу особенностей иноческой жизни, оторванной от мирских соблазнов, монастыри XIX в. по-прежнему использовались для наказания и перевоспитания провинившихся священнослужителей из числа белого и черного духовенства. Например, в соответствии с Уставом Духовных Консисторий [31, с. 401] в 1900 г. под надзором настоятеля Георгиевского Балаклавского монастыря пять месяцев отбывал по возложенной епитимьи священник Петро-Павловской церкви с. Громовка Днепровского уезда Евгений Попов, обвиненный в венчании несовершеннолетней, ростовщичестве, вымогательстве и иных негативных поступках [9, л. 25]. В том же году в Козьмо-Дамиановской киновии отбывали различные сроки наказания священник Преображенской Симферопольской церкви Петр Карпов, священник Вознесенской церкви с. Ново-Николаевка Мелитопольского уезда Иаков Федоровский и диакон из с. Князь-Григорьевского Днепропетровского уезда Лаврентий Черняев – все за совершение незаконных браков [12]. В 1904 г. священник Михаил Михайлович Шульга за двоеженство² был предан церковной епитимьи на три года и 6 месяцев с отбытием в Катерлезской киновии [13].

О мягкости наказаний в отношении священнослужителей говорится и в деле священника Фавста Шепетило, препровожденного по возложенной епитимьи в Инкерманскую киновию. Священник обвинялся в избиении послушника Генница и священника Бычковского, вымогательстве дополнительной платы за услуги в праздник Вознесения Господня, остановке богослужения («на вечерней молитве закричал «врете» и набросился на Савву Генница, шумел и отказался служить, ушел в алтарь, снял епитрахий и бросил среди церкви»), пьянстве и ряде других нарушений. Тем не менее, несмотря на то что в постановлении Таврической Консистории констатируется, что действия священника Ф. Шепетило подпадают под статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и он подлежит извержению из священного чина, виновному с учетом возраста был сохранен сан и предписано навсегда оставаться в Инкерманской киновии. В то же время за одно только избиение в

² В данном случае имеется в виду «второженство», т.е. второй брак.

соответствии с 25 Апостольским правилом и 3, 32, 51 и 70 правилами Василия Великого, священнослужители подлежат извержению из сана как нарушившие седьмую заповедь. Одновременно, в соответствии со ст. 179 и 180 Устава Духовной Консистории, за произведенное замешательство в церкви, приведшее к остановке богослужения, виновный также должен лишаться священного чина, а согласно ст. 75 Уголовного уложения [28] виновный привлекался к уголовной ответственности. В синодальную эпоху в России извергнутые из сана даже за канонические, а не уголовные преступления, могли занимать должности не выше дьячка. В указанном нами случае виновному должно было грозить как минимум исключение из списка духовного ведомства с серьезными последствиями. Тем не менее священник Шепетило даже после того, как была подтверждена его неспособность даже к иноческой жизни, был направлен на псаломническую должность в одну из сельских церквей [9].

Большинство нарушений монашеской братии, с которыми приходилось бороться благочинным, чаще сводились к пьянству, мелким кражам, самовольным уходам и некоторым нарушениям в процессе богослужения. Пример тому – прошение о прощении пьянства, спаивания братии и самовольный уход иеромонаха Херсонесского монастыря Ираникия [9], материалы расследования в отношении злоупотребления спиртными напитками иеромонаха того же монастыря Игнатия [7], о самовольных уходах послушников Дудзинского, Квитевского и Дышкевича [6], рапорт о пьянстве иеродиакона Катерлезской киновии Евпидия и объяснение игумена о поведении иеродиакона Игнатия [9], рапорта о злоупотреблении спиртными напитками и вымогательстве денег у прихожан иеродиаконом Успенского скита Агафангелом [9; 12], о пьянстве в том же ските иеродиакона Аверия [12] и иеромонахов Балаклавского монастыря Иеремии [4] и Иринарха [3], Указы Консистории в отношении монаха Инкерманской киновии Вонифатия [9], иеродиакона Тихона и монаха Антония из Кизилташской киновии [9]. Во всех случаях нарушители подвергались епитимьи и иным наказаниям.

Среди сведений о кражах наиболее показательны материалы расследования о хищении личных вещей настоятеля Георгиевского Балаклавского монастыря архимандрита Никона иеродиаконом Геннадием [8], о подозрении в хищении имущества иеромонаха Климента дьяконом Инкерманской киновии Афанасием [9]. За непристойное и соблазнительное поведение, самовольную отлучку из обители, ростовщичество в среде братии и роспуск лживых слухов епархиальным архиереем подвергся епитимьи монах Козьмо-Дамиановской киновии Геннадий [12].

Не отличались высокой нравственностью, вероятно, и отдельные настоятели. В письмах благочинному сообщается о настоятеле Кизилташской киновии Николае, который злоупотреблял спиртными напитками, наживался на махинациях с хлебом, и сменившем его игумене Илье, который обращался

грубо с братией, не выдавал должной пищи и одежды, также наживался на махинациях с вином и пр. [9], о притеснениях монашествующих со стороны игумена Георгиевского Балаклавского монастыря Иракарха [2], о присвоении денег игуменом Успенского монастыря архимандритом Николаем [5], о злоупотреблениях, допущенных настоятелем Козьмо-Дамиановской киновии игуменом Андреем [12]. Ряд документов посвящен делу о неблаговидном поведении настоятеля Козьмо-Дамиановской киновии игумена Серапиона. В материалах расследования отмечаются факты длительного проживания на территории мужского монастыря посторонних лиц, ведущих жизнь далеко «не по уставу и подающих братии повод к осуждению и соблазну», снабжение дровами и продуктами, принадлежащими монастырю, родственников, появление в церкви в пьяном виде и издевательства над иеродиаконом, изготовление и потребление шашлыков (монахам запрещено употребление мясной пищи), открытие лавки с товарами (нарушение монашеского принципа нестяжательства) и ряд других нарушений. Впоследствии упорное невыполнение Серапионом предписаний епархиального начальства завершилось его увольнением [12].

Отсутствие надлежащего уставного порядка в крымских монастырях отражено в Указе Таврической Духовной Консистории в 1869 г. В нем отмечаются неоднократные нарушения в части соблюдения монашеских обетов, в области нравственности, дисциплины, распределения, учета и расходования денежных средств и другие нарушения, выявленные в ходе проверки благочинным монастырей [9]. В специальном Указе 1895 г. отмечаются нарушения субординации в порядке подачи жалоб и заявлений священнослужителей и монашествующих светским властям, в обход епархиального управления [9].

Перечисленные факты нарушений иноческих уставов, нравственности, дисциплины и законности в среде братии крымских монастырей не оставались безнаказанными со стороны епархиального начальства. На каждое нарушение, после тщательного расследования, следовала та или иная резолюция архиерея, обеспечивавшая наказание в соответствии со сложившимися церковными правилами вплоть до увольнения, лишения сана и даже закрытия наиболее неблагонадежных киновий. В целом же указанные нарушения не являлись системой и, скорее, были исключением. Жизнь большинства обителей отличалась строгостью и порядком, предусмотренным монастырскими уставами.

Распорядок дня, основанный на Иерусалимском уставе, выглядел так: сутки монахов, по древней традиции, начинались около полуночи. По сигналу колокола в храме начиналась церковная служба, которую по очереди проводили иеромонахи и иеродиаконы. По окончании богослужения отводилось время для поучений настоятеля или назначенного из числа «старшей братии». После полуночницы, вернувшись в кельи, выполняли «келейное правило», состоящее из комплекса молитв и поклонов. В пять часов утра после

литургии начиналась утренняя трапеза³. До полудня братия занималась хозяйственными делами и иными послушаниями. После обеденной трапезы послушания продолжались в течение двух-трех часов. Суточный круг завершали часовая (или полуторачасовая) вечерняя служба в храме, ужин и выполнение «общего правила» в церкви, также состоящее из комплекса поклонов и молитв. Отбой в обители наступал примерно в 19 часов [232, с. 255]. Вопросу правильности богослужения уделялось особое внимание, т.к. «Важнейшим предметом внимания монастырского начальства и усердия братии должно быть строгое уставное (по Типикону) церковное богослужение без пропусков и без замены чтением того, что положено петь, и сопровождаемое словом назидания» [23, с. 34]. Все священные действия при литургии строго регламентировались уставом, чином, проследованием, чиноположением и службой Божественной [23, с. 33-43]. Любое дело в монастыре начиналось и заканчивалось молитвой: подготовка пищи, трапеза, работа. Ритуальные требования соблюдались в каждой мелочи: при входе в храм, богослужении, выполнении «общего» и «келейного правила», т.к. не только от искренней веры и смирения, а также от точного исполнения всех уставных предписаний зависело спасение души. Не зря существенная часть упомянутого нами Указа Таврической Духовной Консистории 1869 г. была посвящена выявленным нарушениям и призывам к благочинию во время богослужений [9, л. 4]. О сложности выполнения монастырских уставов говорит тот факт, что, например, в праздничные дни только при выполнении «общего правила» после полуночи инок совершал 150 поклонов и 200 молитв [25, с. 258].

Наиболее проблемным в церковном праве является вопрос собственности. Он разрешался в непосредственной зависимости от государственных законов. После секуляризации земель в 1764 г. российские церковные учреждения, включая монастыри, лишились вотчинного землевладения и могли обладать лишь небольшими ненаселенными участками земли. В то же время Церковь не была ограничена в приобретении движимого имущества и накоплении денежных средств. С точки зрения церковного права «Церковь – богочрежденный институт, происхождение ее неотмирно; но в своей земной части Церковь поставлена в обыкновенные условия жизни и имеет нужду в земных вещественных средствах» [31, с. 377], т.е. культовых зданиях, землях, имуществе и деньгах. Все монастырское имущество делилось на две категории: вещи священные (в т.ч. освященные) – к ним относятся мощи, иконы, Евангелие, покровы священных сосудов, храмы, часовни, купели, лампы, книги, колокола и пр.; и вещи церковные – недвижимость (кроме освященной), земля,

³ Со временем в отдельных монастырях России, ввиду географического положения, сложилась практика проводить полуночицу в 4-5 часов утра, а утренняя Божественная Литургия переносилась на 6.00–6.30.

деньги и пр. Все имущество могло приобретаться либо путем получения от государства, от частных дарителей, либо за собственные средства. В то же время, еще по древним церковным правилам, священное или освященное имущество, независимо от того, каким путем оно приобретено, не могло быть использовано в иных целях, за исключением выкупа пленных христиан. Законами Российской империи однозначно применялись суровые виды наказания к похитившим или уничтожившим любое церковное имущество [27, с. 226-231, ст. 241-255]. Все эти действия относились к разряду уголовных преступлений против веры. Тем не менее, в конце XIX – начале XX вв. состояние правопорядка в империи настолько пошатнулось, что даже церковные святыни перестали быть в безопасности. В связи с участившимися случаями хищений церковного имущества 22 мая 1905 г. был издан Указ Таврической Духовной Консистории № 2591, в котором приходским священникам и настоятелям монастырей предписывалось обеспечить сохранность церковного имущества, нанимать «добрых сторожей» и пр. Даже иконы, кресты и иные наиболее ценные вещи предписывалось сразу после службы уносить и прятать [13].

Вопрос собственности, в первую очередь земельной, имел огромное значение для монастырей. При этом надо учесть, что большинство крымских монастырей являлось заштатными, т.е. лишенными государственной поддержки. Ограничения в праве на земельную собственность после секуляризации церковных и монастырских земель Екатериной II во второй половине XIX в., вероятно, уже не практиковались. В целом, не считая земли, приписанной к архиерейскому дому, в конце XIX века крымские обитатели располагали собственностью в 6100 десятин земли. Это 0,8% от всех монастырских земель России [22, с. 405]. Основная ее часть была получена в виде дарений от частных лиц или обществ. В то же время земли, выделенные на обзаведение монастырям из государственного фонда, составляли всего 9,2%, причем основная их часть принадлежала Балаклавскому Георгиевскому первоклассному штатному монастырю. Касаясь вопросов имущества, необходимо учесть, что согласно Уставу Василия Великого и шестому правилу Двукратного Собора [31, с. 179] монахи не могли иметь личной собственности; все имущество, внесенное ими в монастырь, принадлежало монастырю. Поэтому по российским законам до пострижения послушники были обязаны распорядиться своим имуществом по собственному усмотрению. За иноками не признавалось права на завещание или права получения наследства по завещанию [31, с. 179]. Некоторое исключение делалось только для настоятелей штатных монастырей: они имели право распоряжаться своим имуществом, за исключением вещей ризницы. Эти вещи, даже приобретенные за личные средства, передавались монастырю. Среди собственности, которой владел монастырь, следует выделять имущество священное или освященное, которое, по правилам Церкви, может использоваться только в культовых целях.

Часто статьей дохода монастырей становилось имущество ищущих пострижения как, например, помещицы А.А. Ламбири (Зотовой), передавшей 250 десятин земли Троице-Параскевинской обители, монаха Каллиника, передавшего монастырю 44 десятины принадлежавшей ему земли [29, с. 163]. Использовали личные средства для строительства монастырских церквей настоятели Херсонесского монастыря Василий и Козьмо-Дамиановской киновии Макарий. Дорогостоящими иконами обеспечил монастырский храм настоятель Балаклавского монастыря митрополит Агафангел. Российское законодательство гарантировало монастырям широкие льготы в области налогообложения. От поземельного сбора освобождались монастырские землевладения, данные правительством [28, Свод уставов о повинностях, ст. 50], и любая недвижимая собственность, которая не приносит доходов [28, там же, ст. 51]. Именно такие земли в крымских условиях составляли большинство монастырских владений. Например, в Балаклавском и Кизилташском монастырях непригодные к обработке земли составляли 97%. В безраздельном пользовании монастырей находились и выделенные им лесные участки [28, Свод Учреждений и Уставов лесных, ст. 519]. От налога на недвижимость в городах освобождались любые монастырские постройки, не имеющие дохода от сдачи их в наем [28, Устав о прямых налогах, ст. 83]. Впрочем, монастырские строения, по имеющимся у нас сведениям, в городах Крыма в наем не сдавались, за исключением двух домов в Севастополе. Но и здесь имела своя выгода: город Севастополь освобождался от налога на недвижимое имущество [28, Устав о прямых налогах, ст. 84 прим.].

Всем монахам запрещалась торговля, за исключением предметов культа или изготовленных их собственными руками с разрешения начальства. Любые заведения по изготовлению и реализации литературы духовно-нравственного содержания, свечей, икон, лампадного масла и т.п. также освобождались от налогов [28, Устав о прямых налогах, ст. 371]. На примерах Топловского и Козьмо-Дамиановского женских монастырей можно судить о размахе ремесленного производства умелиц-инокинь [29, с. 159, 165]. Беспшлинная торговля предметами культа и изделиями мастерских составляла значительную долю дохода обителей. Надо отметить, что льготная налоговая политика XIX в. существенно отличалась от более рационального подхода к монастырским доходам во времена Петра I.

От пошлины освобождались имущества, поступившие монастырям от обществ и частных лиц [28, Свод Уставов о пошлинах, ст. 202], и денежные оклады монашествующих, получаемые, например, в штатных монастырях [28, там же, ст. 298]. Более того, монастыри освобождались и от акцизных сборов на изготовление спиртных напитков [28, Свод Уставов об акцизных сборах, ст. 125]. Таким образом российское налоговое законодательство предоставляло широкие льготы монастырским хозяйствам, позволяющие при умелом

управлении обеспечить их безбедное существование. Исключая средства, отпускаемые на содержание первоклассных монастырей, среднегодовой доход крымских обителей в XIX в. составлял более 185 тысяч рублей [29, с. 184].

Таким образом монастыри, составлявшие экономическую опору российской православной церкви, в период абсолютной монархии и укрепления централизованного государства лишились самостоятельности, оказались под полным контролем и управлением высших государственных чиновников. Только к середине XIX в., когда абсолютная монархия ослабла и вступила в фазу буржуазных реформ, были сняты и некоторые препоны в деятельности церкви. К этому времени она уже не представляла конкуренции императорской власти, а могла быть лишь ее идеологической опорой. Именно с этого момента начинается новый виток поддержки монашества императорской властью, его стимулирования за счет льгот в области налогообложения, а со стороны церкви и, в частности, монастырей новый этап накопления движимого и недвижимого имущества, экономической независимости, а значит, и влияния среди населения. Судя по росту численности братии, определенному подъему авторитета монастырей способствовала экономическая и политическая нестабильность в самом государстве, т.е. социумные детерминанты. Особенно показателен при этом прилив в монастыри женщин. Если в 60-70-х гг. XIX в. все крымские монастыри были мужскими, то в конце столетия открываются три женских обители.

Одновременно можно отметить, что жизнь в православных обителях последней четверти XIX в. становится все более насыщена негативными явлениями. Монастыри оказались далеко не столь оторванными от мирской жизни, как это должно было быть. Несмотря на меры, принимаемые епархиальным начальством и благочинными, кризисная ситуация в империи существенно отразилась и на нравственных устоях монастырской братии, количестве нравственных проступков и чисто светских нарушений. В то же время наказания в отношении священников или монашествующих носят в соответствии с церковным правом больше моральный характер, предполагая ценность духовного осознания греха.

На примере крымских монастырей мы рассмотрели основные положения внешнего церковного права, опиравшегося на законы Российской империи, определявшие статус обителей, права и обязанности иноков по отношению к государству и обществу. Внутреннее церковное право, сформированное на основе вероучения, древних уставов и традиций, внутренних постановлений, определяло морально-этические принципы общежития, дисциплину, порядок проведения церковного богослужения. В итоге церковное право регулировало все стороны жизни и деятельность монашества во второй половине XIX в. Причем следует подчеркнуть, что акцент в церковной правовой системе был сделан на так называемое «внешнее» право, т.е. стороны жизни монашества, определенные государственными законами.

Настоящий анализ, на наш взгляд, интересен в части изучения методов урегулирования отношений как внутри общины, так и в разрешении вопросов между религиозными общинами и государством, включая вопросы собственности. Церковь относит храмы к разряду освященного имущества, это дает ей основания в настоящее время требовать возвращения культовых зданий. Одновременно, исходя из понимания священного имущества, церковь пытается вернуть отдельные ритуальные вещи, которые оказались в распоряжении, например, музеев. Интерес представляет и отношение государства к недвижимому имуществу церкви. Если в период абсолютной монархии принимались меры к сокращению земельных владений, то уже в конце XIX ст. под воздействием кризисных явлений самодержавие, опираясь на православную церковь, способствует расширению церковных и, в частности, монастырских угодий, сохраняя при этом широкие льготы в области налогообложения. При этом следует отметить главную особенность в отношениях государства и церкви, включая монастыри – право контроля за деятельностью религиозных организаций государственным аппаратом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856-1904 гг. СПб., 2006.
2. ГААРК. Ф. 118. Таврическая духовная консистория, оп. 1, д. 5762. О притеснениях игуменом Иринархом чинимых иеромонаху Клименту. 1848.
3. ГААРК. Ф. 118. Таврическая духовная консистория, оп. 1, д. 5808. О нетрезвой жизни иеромонаха Георгиевского Балаклавского монастыря Иринарха. 1851.
4. ГААРК. Ф. 118. Таврическая духовная консистория, оп. 1, д. 5837. О нетрезвой жизни монаха Иеремии. 1854.
5. ГААРК. Ф. 118. Таврическая духовная консистория, оп. 1, д. 5874. Об обвинении рясофорным монахом Успенского скита Авраимом архимандрита Николая в присвоении чужих денег. 1856-1857.
6. ГААРК. Ф. 118. Таврическая духовная консистория, оп. 1, д. 5894. Об обвинении настоятеля Херсонесской киновии иеромонахом Евгением послушников С. Дудинского, С. Квитчевского и А. Дымкевича в самовольных отлучках. 1857-1858.
7. ГААРК. Ф. 118. Таврическая духовная консистория, оп. 1, д. 6602. Об обвинении иеромонахом Херсонесского монастыря Андреем иеромонаха Игнатия в нетрезвом образе жизни. 1878.
8. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 1. О похищении протодьяконом Геннадием у архимандрита разных вещей. 1868-1870.
9. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 3. О разных плохих поступках монахов и монахинь. Прием разных лиц в монастыри и др. 1905.
10. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 4. Разрешение добывать и продавать соль Корсуньскому монастырю. 1869-1901.
11. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 13. О неподчинении монахинь Топловского монастыря своему начальству. 1877.
12. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 18. Присяга монахов и монахинь на верноподданство Николаю II. О беспорядках в монастырях. Рапорта настоятелей по разным вопросам. 1893-1900.

13. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 26. Об усилении наблюдения за порядком управления монастырями и об усилении духовной пропаганды. 1905-1907.
14. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 35. Доклад о проделанной ревизии монастырей. О принятии разных лиц в монашество. Сборы денег. Проступки монахов и монахинь. 1909.
15. ГААРК. Ф. 138. Благочинный монастырей Таврической губернии, оп. 1, д. 41. Сведения о состоянии и работе монастырей. Ведомости о лицах духовного звания. 1912-1914.
16. Древние иноческие уставы. М., 1892.
17. Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М., 2006.
18. Катунин Ю.А. Из истории христианства в Крыму. Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX века). Симферополь, 1995.
19. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000.
20. Лебединцев А., протоиерей. Столетие церковной жизни Крыма 1783-1883 гг. // ЗООИД. Одесса, 1883. № 11.
21. Маркевич А. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, Архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. Симферополь, 1901. Вып. 31.
22. Никольский Н.М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1983.
23. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о монастырях и монашествующих. 31 августа (13 сентября) 1918 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. М., 1994. Вып. 4.
24. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 6 – 1720-1722; Т. 16 – 1762-1765; Т. 19 – 1770-1774; Т. 21 – 1791-1783.
25. Прошин Г.Г. Черное воинство. М., 1985.
26. Родионов М. Статистико-хронологическое-историческое описание Таврической епархии. Общий и частный обзор. Симферополь, 1872.
27. Российское законодательство X-XX веков: В 9-ти т. / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1988. Т. 6.
28. Свод законов Российской империи (неофициальное издание). 4-е изд. СПб., 1904.
29. Тур В.Г. Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX вв. Киев, 2006.
30. Христианство. Энциклопедический словарь: В 3-х т. / Ред. С.С. Аверинцева. М., 1993 – Т. 1; 1995 – Т. 2; 3.
31. Цыпин В.А. Церковное право. 2-е изд. М., 1996.

Тур В.Г.

Нормы церковного права в регламентации деятельности крымских православных монастырей XIX века

Резюме

Статья посвящена изучению норм церковного права, сформировавшегося в православной церкви России в XIX в. Анализ основных положений проводится, опираясь на архивные документы, отражающие историю монастырей Таврической епархии. Автор приходит к выводу о том, что нормы внешнего церковного права Синодального периода доминируют над правилами внутренними. Следствием этого становится восприимчивость монастырских общин к кризисным явлениям в государстве на рубеже XIX–XX вв. Это привело, на фоне увеличения числа обитателей, к падению нравственных устоев, дисциплины среди монашествующих и клириков.

Тур В.Г.

Норми церковного права в регламентації діяльності кримських православних монастирів XIX століття

Резюме

Стаття присвячена вивченню норм церковного права, що сформувалося в православній церкві Росії в XIX ст. Аналіз основних положень проводиться, спираючись на архівні документи, що відображають історію монастирів Таврійської єпархії. Автор приходить до висновку про те, що норми зовнішнього церковного права Синодного періоду домінують над правилами внутрішніми. Наслідком цього стає сприйнятливість монастирських общин до кризисних явищ в державі на рубежі XIX–XX ст. Це привело, на тлі збільшення числа обитателей, до падіння моральних норм, дисципліни серед монахів і кліриків.

Tur V. G.

Norms of Ecclesiastical Law in Regulating Activities of Crimean Orthodox Monasteries of the 19th Century

Summary

The article is devoted to studying the norms of ecclesiastic law formed in Orthodox Church of Russia in the 19th century. The analysis of fundamental regulations is given on the basis of archive documents reflecting the history of monasteries of Taurida eparchy. The author comes to the conclusion that the norms of external ecclesiastic law of Synodal period dominate over the internal ones. Sensitivity of monastery communities to crisis phenomena in the country at the turn of the 19th – 20th centuries became the consequence of it. It resulted in the fall of moral principles and discipline among clergymen and monks against the background of increasing number of members of monasteries.

Д. А. ПРОХОРОВ

ИСТОРИЯ ЕВПАТОРИЙСКОГО КАРАИМСКОГО РЕМЕСЛЕННОГО УЧИЛИЩА СОЛОМОНА КОГЕНА

Одной из актуальных задач исследования прошлого караимов Крыма является научная реконструкция истории развития системы народного образования «инородцев», существовавшей в Российской империи в середине XIX – начале XX вв. Следует акцентировать внимание на том, что непосредственно история развития российской государственной системы караимского профессионально-технического образования в литературе подробно не изучалась. На сегодняшний день насчитывается лишь несколько публикаций, в которых рассмотрены отдельные аспекты этой, безусловно, интересной проблемы. Среди исследователей, в разное время обращавшихся к истории развития профессионально-технического образования караимов, следует назвать таких, как А.Н. Дьяконов [1], Г. Фальборк и В. Чарнолусский [2, с. 766; 3, с. 15-23], Л.В. Чижова [4, с. 12-135], Э.И. Лебедева [5; 6]; фрагментарно указанная тема была затронута в публикациях В.Ю. Ганкевича [7, с. 87-89; 8, с. 3-8] и Л.И. Редькиной [7]. Несмотря на относительную неразработанность проблемы, тем не менее, следует отметить, что общими вопросами истории профессионально-технического образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. занимались такие исследователи, как И.П. Анопов, С.А. Владимирский, М.П. Ершов, Н.М. Корольков, Ю.Н. Лавринович, И.М. Максин, М.В. Лысковский и др. [10–28]. Однако в трудах вышеуказанных авторов проблемы караимского профессионально-технического образования рассмотрены не были. Следует также упомянуть о том, что основные этапы развития российской системы караимского народного образования были ранее проанализированы автором настоящей публикации [29–32].

Ключевым сюжетом в рассматриваемом вопросе является история создания и деятельности «Караимского ремесленного училища Соломона Когена» в Евпатории, со дня открытия которого в 2010 г. исполнилось 115 лет. Актуальность исследования вызвана тем, что данный вопрос не получил в

литературе должного освещения; кроме того, в ряде публикаций, в которых приведены отрывочные сведения из истории этого учебного заведения, встречаются многочисленные ошибки и неточности. Для работы над настоящей статьей использовались документы, отложившиеся в делах фондов Государственного архива АР Крым (некоторые из них вводятся в научный оборот впервые); кроме того, были использованы сведения, опубликованные в сборниках по статистике народного образования Таврической губернии, материалы периодической печати, мемуары очевидцев событий того времени и т.п.

Социально-экономические преобразования в России в конце XIX в., развитие промышленного производства, торговли, появление рынка труда выдвинули на первый план проблему общетрудовой и профессиональной подготовки кадров среди населения. Одним из первых основные положения о профессиональном образовании разработал граф С.Д. Шереметьев, который представил ставшей впоследствии классической схему. Он полагал, что профессиональное образование должно быть устроено следующим образом: 1) профессиональная и общественная школы; 2) специальная профессиональная школа; 3) учебные мастерские для детей, подростков и взрослых; 4) передвижные мастерские, курсы; 5) специальные инструкторы для отдельных промыслов, издание технических брошюр и пр.; 6) ручной труд в начальной школе и сообщение других специальных знаний в общей школе [33, с. 154]. Отметим, что рост профессионально-технических училищ в России начался в 1870-е гг., и до 1880 г. было открыто 79 технических, транспортных, художественно-промышленных школ, главным образом, в европейской части страны (открывались они, преимущественно, по частному и общественному почину) [34, с. 14]. Началом реорганизации профессионального образования можно считать утверждение 7 марта 1888 г. императором Александром III «Основных положений о промышленных училищах», которые действовали вплоть до 1917 г. В конце 1889 г. по инициативе «Русского технического общества» в Санкт-Петербурге прошел первый всероссийский съезд, посвященный профессионально-техническому образованию. К началу XX в. на европейской части России существовало около 2,5 тыс. профессионально-технических учебных учреждений, что составляло 78-80% всех низших технических и ремесленных училищ. На 1 января 1910 г. в России насчитывалось 1423 ремесленных школ, училищ и учебных мастерских, в которых обучалось 80 тыс. человек [33, с. 152; 35, с. 67].

Не оставалась без внимания Министерства народного просвещения (МНП) и система народного образования для «иностранцев», к которым в России были причислены также и караимы. В конце XIX в. появилась необходимость в создании сети учебных заведений, в которых караимская молодежь смогла бы получать профессионально-техническое образование. Вызвано это было, не в последнюю очередь, тем обстоятельством, что многие караимские дети

(преимущественно из малообеспеченных семей) не имели возможности обучаться в государственных общеобразовательных и русско-караимских учебных заведениях в связи со сложным материальным положением их семей. Поэтому педагогическое начальство Таврической губернии и представители местных караимских общин выступили с ходатайством перед МНП о создании таких школ и училищ.

Идея об открытии ремесленного училища витала в караимском обществе довольно длительное время. Следует сказать, что попытки создания такого учебного заведения предпринимались неоднократно. Так, например, в 1874 г. в Евпатории при непосредственном участии Таврического и Одесского караимского гахама С.М. Панпулова была учреждена караимская женская ремесленная школа, предназначавшаяся для обучения грамоте и рукоделию 30 бедных караимских девушек. Однако по-прежнему наблюдался дефицит в профессиональных учебных заведениях для караимских юношей.

В конце XIX в. мысль о создании центрального караимского ремесленного училища получила новый импульс, когда в поддержку этого начинания выступил караимский предприниматель и меценат Соломон Аронович Коген¹ (1830–1900). 22 марта 1890 г. он обратился к Таврическому и Одесскому караимскому гахаму С.М. Панпулову с письмом, в котором, в частности, говорилось – в связи с тем, что С.А. Коген и его жена Эстер Чифаньевна²

¹ Коген Соломон Аронович – родился в 1830 г. в Евпатории в семье торговца табаком; поначалу помогал отцу, а в 1860 г. переехал в Киев, где вместе с караимом Шапшалом основал небольшой табачный завод, на котором трудилось 20 работников. В 1863 г. в Киев приехал младший брат С.А. Когена, Моисей Коген (1833–1903), который открыл табачное производство под названием «Братья Коген». В 1871 г. Шапшал продал свой пай С.А. Когену, а сам уехал в Санкт-Петербург, где также открыл табачную фабрику. 1 января 1872 г. караимы С.А. Коген, его шурин М. Шишман, М.А. Коген и С. Прик основали торговый дом «Коген и Шишман». К 1885 г. оборот капитала фабрики С.А. Когена составлял уже 650 тыс. руб. Она являлась самым крупным табачным производством не только Киева, но и всего Юга России: на ней трудился 251 работник; заработная плата на предприятии составляла в среднем от 20 до 60 руб. в месяц. В 1887 г. С.А. Когена разбил паралич, однако он продолжал заниматься делами фабрики. Много средств направлялось им на благотворительность – так, на постройку в Киеве караимской кенасы С.А. Когеном было пожертвовано в общей сложности более 125 тыс. руб. (35 тыс. руб. на покупку земельного участка под постройку и 80 тыс. руб. – на само строительство). На организацию Александровского караимского духовного училища в Евпатории С.А. Коген направил 5300 руб., а его брат М.А. Коген – 1600 руб., причем впоследствии на средства С.А. Когена была учреждена стипендия его имени в АКДУ, а М.А. Коген регулярно жертвовал в адрес училища значительные денежные средства. Умер Соломон Аронович Коген 16 ноября 1900 г. Его душеприказчиками стали доктор С.А. Бабович и уполномоченный киевской караимской общины И.Ч. Шишман. Похоронен С.А. Коген на караимском кладбище в старинном районе Киева – на Зверинце. К сожалению, его могила не сохранилась: все зверинецкие кладбища – караимское, еврейское, турецкое и Братское – были уничтожены во времена советской власти [36, л. 241-255; 37, с. 32-33; 38, с. 104-105; 39; 40].

² Коген Эстер Чифаньевна (урожд. Шишман) – жена Соломона Ароновича Когена, дочь

были бездетными, меценат принял решение: «уделить при жизни часть дарованного мне Богом имущества на такое благотворительное и вечное учреждение, которое, нося мое имя, избавило бы его от полного забвения и, в то же время, удовлетворило бы до некоторой степени хоть одной из многих насущных потребностей моих единоверцев-караимов» [42, л. 1]. По мнению С.А. Когена, наиболее важной задачей являлась организация такого учебного заведения, в котором караимская молодежь получала бы знания и навыки, которые могли бы пригодиться ее представителям в дальнейшей трудовой деятельности, «укрепив их душевные силы нравственными религиозными принципами, сделав их полезными и чистыми членами общества» [42, л. 1].

С.А. Коген предложил гахаму, чтобы на его средства в Евпатории было учреждено ремесленное училище для беднейших караимов по типу городских училищ, подчиненных ведомству МНП, в соответствии с утвержденными для них программами, но с одним отличием – вместо «христианского вероучения» и церковно-славянского чтения в нем должно было преподаваться «вероучение караимское в связи с древнееврейским языком». С этой целью предприниматель обязался пожертвовать сумму в 70 тыс. руб. государственными билетами четырехпроцентного внутреннего займа по их номинальной цене, что должно было составить основной капитал этого учебного заведения, а проценты от указанной суммы могли быть употреблены на ежегодное содержание училища. Помимо всего прочего, С.А. Коген пообещал предоставить для проектируемого училища помещение с необходимыми приспособлениями, классной мебелью и учебными пособиями – на это он предполагал израсходовать от 12 до 15 тыс. руб. Причем С.А. Коген оговаривал и возможность приобретения, до начала постройки здания для училища, наемного помещения, на что также планировал выделить определенную сумму. «Ныне, – заключал С.А. Коген свое письмо С.М. Панпулову, – я имею честь всепокорнейше просить Вас оказать мне <...> содействие перед правительством об утверждении <...> к открытию училища» [42, л. 1]. Остальной свой капитал С.А. Коген завещал на различные благотворительные нужды (см. Приложение 3).

В апреле 1890 г. С.М. Панпулов, в свою очередь, обратился с ходатайством об учреждении в Евпатории караимского ремесленного училища к директору народных училищ Таврической губернии А.Н. Дьяконову, представив проект С.А. Когена (в котором всего насчитывалось 39 пунктов)

симферопольского купца Ч. Шишмана. Вместе с супругом занималась благотворительностью, жертвуя на нужды караимских учебных заведений значительные денежные суммы. Так, она передала Симферопольскому караимскому благотворительному обществу 15 тыс. руб. на сооружение здания для «Симферопольской девичьей караимской школы», причем одним из условий при передаче ею денег являлась просьба Э.Ч. Коген назвать школу «Когеновской» [41].

[42, л. 2, 2 об.]. Затем данный документ был подан А.Н. Дьяконовым на рассмотрение вышестоящему учебному начальству, и уже 16 апреля 1890 г. состоялось заседание Одесского окружного учебного Совета по этому вопросу. В ходе обсуждения проекта ремесленного училища члены Совета высказали ряд замечаний. Во-первых, нарекания чиновников вызвало то, что по штату в училище полагался только один учитель и учительский помощник – вместо обязательных трех, согласно п. 15 «Положения о городских училищах», утвержденных 31 мая 1872 г.; кроме того, права и образовательный ценз преподавателей не соответствовали уровню трехклассного учебного заведения. Также проектом С.А. Когена предусматривался отпуск средств для училища в размере 2660 руб., тогда как, согласно «Положению...» 1872 г., на эти цели должна была ежегодно расходоваться сумма в 3325 руб. Средства на наем здания для училища, его содержание, ремонт, также расходы на прислугу в документе оговаривались суммой в 550 руб., но членами Совета было замечено, что данная статья предполагает расходы в размере 850 руб. [42, л. 7-8 об.; 43, с. 1180-1185].

Относительно проекта был сделан еще ряд незначительных замечаний, однако главным «препятствием» к открытию ремесленного училища, по мнению окружного начальства, стало то, что на должность главы учительского совета училища С.А. Коген предлагал назначить Таврического и Одесского караимского гахама (а в случае его болезни или отсутствия – исполняющего должность духовного главы караимов, т.е. старшего газзана Евпаторийской Соборной кенасы). Как полагали члены Совета, это не подходило ни для одного, «пользующегося правами правительственного», учебного заведения. Ими было предложено ограничить обязанности гахама простым посещением училища. Резюме управляющего округом С.П. Ярошенко было неутешительным: «проектируется создать учебное заведение совершенно нового типа, в чем не встречается ни малейшей надобности, и что не может быть оправдано никакими соображениями» [42, л. 8].

Не был достигнут положительный результат и на состоявшемся в 1891 г. обсуждении проекта в особом отделе Ученого комитета МНП. Большинство его членов высказались против идеи создания караимского ремесленного училища, мотивировав это тем, что одновременно с проектом С.А. Когена в министерстве рассматривался также проект открытия в Евпатории Александровского караимского духовного училища (АКДУ), и целесообразность существования в одном городе двух учебных заведений для караимов со схожими целями и задачами ставилась членами Комитета под сомнение. Чиновники от образования предложили меценату направить средства либо на учреждение стипендий своего имени при АКДУ, либо на организацию при этом училище приготовительных классов, или же на постройку общежития для его учащихся. Рассматривалась также возможность открытия

ремесленного училища для караимских юношей не в Евпатории, а в Симферополе [42, л. 43, 43 об., 45 об.].

Тем не менее, С.А. Коген, которого не устраивало подобное предложение чиновников МНП, не отчаялся и продолжил хлопотать об открытии караимского ремесленного училища в Евпатории. Судя по документам, сохранившимся в фонде 241 ГААРК, для достижения этой цели им и гахамом С.М. Панпуловым был привлечен известный караимский просветитель, педагог Илья Ильич Казас, пользовавшийся заслуженным авторитетом не только среди караимов, но и у педагогического начальства (кстати, именно он являлся автором проекта учреждения АКДУ). Во многом благодаря помощи и поддержке И.И. Казаса проект С.А. Когена был переработан в соответствии с рекомендациями членов окружного Совета и вновь подан на рассмотрение в канцелярию попечителя ОдУО.

Степень участия известного караимского просветителя в доработке проекта ремесленного училища состоит в том, что И.И. Казас сопровождал проект своими подробными разъяснениями, в которых изложил точку зрения заинтересованной стороны. Кроме того, им были подготовлены черновики писем, направленных в разные инстанции от имени С.М. Панпулова и С.А. Когена. Для лоббирования проекта училища Илья Ильич обращался даже к известному художнику-маринисту И.К. Айвазовскому, который лично был знаком со многими влиятельными чиновниками и имел возможность замолвить перед ними слово о проекте. В частности, в сохранившемся черновике письма к художнику И.И. Казас упоминал о том, что И.К. Айвазовский при личной встрече с С.А. Когеном в Киеве выразил одобрение идее учреждения в Евпатории ремесленного училища для бедных караимов: «веря в могущество Вашего влияния в наших правительственных сферах, осмелюсь утруждать Вас покорнейшей просьбой примолвить за меня Ваше высокое слово Его Сиятельству графу Ивану Давыдовичу Делянову³ относительно устранения встречаемого со стороны Ученого Комитета препятствия к осуществлению моей заветной мысли. Существующие издавна между Вами и Его Сиятельством дружеские отношения и всеобщее глубокое уважение к Вашему художественному гению служат <...> верным залогом успеха Вашего ходатайства, в особенности, когда оно имеет своим предметом святое дело благотворительности и просвещения» [42, л. 30].

Однако не только и не столько благодаря своим связям Илья Ильич добивался того, чтобы училище все же было открыто. Он лично подготовил исправленный проект устава (см. Приложение 1) и переработал учебную программу в соответствии с требованиями МНП. В сравнении со своим

³ Граф Иван Давыдович Делянов занимал пост министра народного просвещения с 16 марта 1882 г. по 29 декабря 1897 г.

первоначальным вариантом, проект ремесленного училища, который на этот раз включал 32 параграфа, был более упорядоченным и соответствовал всем требованиям МНП. Согласно уставу, «Евпаторийское караимское ремесленное училище Соломона Когена» имело своей целью «приготовление сведущих ремесленников-практиков» – его выпускники по окончании получали звания мастеров и подмастерьев [44, с. 3].

Изменения коснулись и учебной программы: вместо 6-летнего курса обучения был запланирован 5-летний; сама программа была разделена на два, а не на три класса, как это предполагалось ранее. В первом классе, рассчитанном на 2 года, должны были преподаваться общеобразовательные предметы, а во втором (трехгодичном) классе учащимся предлагалось изучать только ремесла. Еще одним отличием нового проекта стало то, что занятия в училище должны были начинаться, как и во всех учебных заведениях ведомства МНП, с 15 августа и заканчиваться 20 июня (ранее предполагалось, что учебный год в училище будет продолжаться с 1 августа по 26 июня) [45, л. 4 об., 5; 44, с. 4, 5].

Наконец, в результате кропотливой подготовительной работы, 19 августа 1895 г. проект был утвержден попечителем ОдУО; вскоре состоялось и торжественное открытие «Евпаторийского караимского ремесленного училища им. С.А. Когена» (ЕКРУ), которое разместилось в большом двухэтажном жилом доме № 5 с фасадом, выходящим на улицу Воронцовскую (ныне – ул. Володарского, 8/14), и оцененном в 22400 руб. по стоимости имущества [44, с. 10]. Само здание училища было застраховано в 1898 г. в страховом обществе «Россия» на сумму 25 тыс. руб.; ежегодно в течение 3-х лет страховая премия увеличивалась на 90 руб. 30 коп., однако, как сообщал первый смотритель училища Л.Л. Кобзарев, за время его работы «пожарных случаев не было» [46, л. 25]. Также имелось здание для квартир заведующего училищем и преподавателей ремесел (ныне – ул. Володарского, 13). В связи с открытием этого учебного заведения и за заслуги в деле народного образования основатель училища купец Соломон Аронович Коген 13 июля 1896 г. был награжден орденом Св. Станислава III степени, а его портрет разместили в главном зале ЕКРУ [1, с. 14, 82].

В соответствии с уставом, в училище должны были преподаваться такие дисциплины, как: «караимское вероучение» и древнееврейский язык (подразумевавшие «чтение Священного писания на библейском языке с переводом на русский и изучение главных караимских молитв»; по 2 урока в неделю ежегодно в первом классе), русский язык «в связи с краткими сведениями по русской истории и географии» (по 4 урока в неделю); арифметика (по 2 урока в неделю), чистописание с рисованием и черчением (по 3 урока в неделю). Курс арифметики и русского языка соответствовал программам, разработанным МНП для городских двухклассных народных училищ (см. Приложение 2). Первоначальным вариантом проекта подразумевалось также

введение в учебный курс практической геометрии, пения и гимнастики, причем пение должно было преподаваться в том случае, если это позволят средства училища (на указанную дисциплину, как и на обучение гимнастике, планировалось отвести по 3 часа в неделю во внеурочное время) [42, л. 23].

Следует сказать, что учебная программа в ЕКРУ с течением времени постепенно видоизменялась. Например, с 1898 г. в училище было введено преподавание геометрии и «технологии дерева и металлов», а с 1900 г. – техническое черчение [1, с. 86, 87; 46, л. 42, 50; 47, с. 12, 13]. Первоначально закрепленный в уставе пункт о преподавании общеобразовательных дисциплин в течение двух лет был впоследствии изменен. В августе 1898 г. училищным советом, по согласованию с ОдУО и с целью лучшего усвоения воспитанниками учебного материала, было принято решение об увеличении общеобразовательного курса с двух до трех лет [42, л. 42 об.]. При этом учебный план выглядел следующим образом: «караимское вероучение» и древнееврейский язык – 6 уроков в неделю (по 2 занятия в неделю в каждый год обучения); арифметика – 6 уроков в неделю (по 2 занятия в неделю на каждый год обучения); русский язык – 12 (по 4 урока); геометрия – 5 уроков (по 2 занятия в неделю в первый и второй год обучения и 1 – в третий); технология металлов и дерева – 3 (в первый год не велось, а во второй и третий, соответственно, 1 и 2 урока в неделю) [42, л. 42 об., 50].

Однако в декабре 1907 г. руководство ЕКРУ обратилось с ходатайством к учебному начальству губернии, в котором предлагалось сократить курс обучения в училище с 5 до 4 лет. Обоснованием этому послужило решение, принятое на заседании училищного совета 26 ноября 1907 г.: в связи с тем, что воспитанники в поисках заработка оставляли училище раньше срока, для ускорения процедуры получения учащимися «из беднейших семейств» аттестатов и их устройства на работу педагога посчитали возможным сократить курс без ущерба для программы до 4-х лет; при этом неуспевающие ученики должны были оставаться в училище еще на год для «повторения курса» [17, л. 58]. Заключение по этому вопросу учебного начальства было положительным: сначала инспектор народных училищ Ялтинско-Севастопольско-Евпаторийского района признал такое изменение в уставе и программе ЕКРУ возможным, а в феврале 1908 г. уже попечитель ОдУО разрешил сократить курс в училище до указанного срока [48, л. 59, 60].

Изменялась и программа преподавания ремесел. Так, чугунно-литейное мастерство было введено в училище уже после смерти С.А. Когена, по инициативе Фумлы Исааковны Коген⁴ – на устройство мастерских она пожертвовала

⁴ В некоторых источниках утверждается, что Фумла Исааковна Коген (урожд. Дуван) являлась женой Соломона Ароновича, однако это не соответствует действительности – она была супругой его брата, М.А. Когена. Ф.И. Коген после смерти С.А. Когена продолжала заниматься

около 20 тыс. руб. [38, с. 105]. Необходимо отметить, что училищные мастерские, в которых юноши постигали азы мастерства (в ЕКРУ их было шесть – слесарно-кузнечная, столярная, колесная, токарная по металлу, токарная по дереву и чугунно-литейная), были хорошо оборудованы и оснащены всем необходимым. А.Н. Дьяконов отмечал, что «классное помещение и мастерские училища просторны, светлы и удобны; обширный двор при училище и квартиры преподавателей и мастеров удовлетворительны» [1, с. 87].

В связи с тем, что главной целью, стоявшей перед ЕКРУ, было обучение будущих ремесленников, уставом училища особое внимание обращалось на практическое изучение прикладных дисциплин. Изначально программой предполагалось преподавание слесарно-кузнечного и токарно-слесарно-колесного ремесел. Дети могли обучаться либо одной из этих групп ремесел, или же обеим, в зависимости от выбора их родителей или опекунов. Кроме того, за училищным советом было закреплено право вводить в учебный курс новые ремесленные дисциплины, а также заменять, по согласованию с учебным начальством, преподавателей этих предметов.

Коллектив учителей и персонал в ремесленном училище выглядел следующим образом: руководить этим учебным заведением, согласно § 12 устава, должен был смотритель, избравшийся по решению училищного совета, а затем назначавшийся Дирекцией народных училищ Таврической губернии с последующим утверждением в должности попечителем Одесского учебного округа; смотрителю дозволялось совмещать и обязанности преподавателя одного из предметов. В его полномочия входило также наблюдение за материальным благосостоянием и благоустройством училища, поведением и нравственностью учащихся (как в самом училище, так и вне его стен); смотритель должен был предпринимать меры к «поддержанию училища на надлежащей высоте во всех этих отношениях» [44, с. 11]. Кроме того, в штате ЕКРУ состояли: 1 преподаватель «караимского вероучения», 1 учитель русского языка и арифметики; 1 учитель чистописания и рисования и 3 преподавателя ремесел [44, с. 6]. Преподаватель «караимского вероучения» определялся гахамом из числа старших газзанов и утверждался в должности попечителем ОдУО; что касается учителей общеобразовательных предметов, то они должны были иметь свидетельство об окончании среднего учебного заведения, состоять на службе по ведомству МНП и иметь чин не ниже X класса «Табели о рангах» [42, л. 20].

Помимо всего прочего, при ЕКРУ состоял почетный блюститель, который мог быть избран либо по определению учредителя этого учебного заведения (т.е. С.А. Когена), либо, по его смерти, решением собрания членов Евпаторий-

делами табачной фабрики, оборот которой к 1911 г. составлял более 2 миллионов руб.; в мае 1911 г. она была избрана на собрании акционеров в состав правления акционерного общества табачной фабрики «Соломон Коген» [49, с. 96].

ской караимской общины под председательством Таврического и Одесского караимского гахама и затем, по представлению директора народных училищ Таврической губернии, утверждаться в этой должности таврическим губернатором. Почетному блюстителю принадлежало право посещать училище в любое время и присутствовать на заседаниях училищного совета с правом голоса. Главной его обязанностью являлось оказывать «постоянное содействие благоустройству училища в материальном отношении» [44, с. 6].

В ведении училищного совета находились все вопросы, относящиеся к учебно-воспитательной и хозяйственной части ЕКРУ. В состав совета входили: Таврический и Одесский караимский гахам (председатель), почетный блюститель, три представителя от караимской общины Евпатории, избравшихся на собрании ее членов, а также преподаватели общеобразовательных учебных дисциплин. Что касается учителей ремесел, то они могли приглашаться на заседания совета по вопросам, касающимся непосредственно преподавания этих дисциплин.

Присутствие в штате училища караимского гахама стало возможным благодаря аргументам, приведенным в одном из писем И.И. Казаса и С.А. Когена вышестоящему начальству. В частности, Илья Ильич резонно замечал: «что может быть противозаконного в том, что в составе учебного заведения, предназначенного специально для караимских детей, в котором, как и во всяком учебном заведении, религиозно-нравственное воспитание должно находиться на первом плане, будет председательствовать высшее у караимов духовное лицо?». И далее И.И. Казас указывал на то, что гахам «не может не иметь известной компетенции и в чисто педагогических вопросах» [42, л. 18]. Аргументы оказались вескими, и учебное начальство вынуждено было пересмотреть свое первоначальное решение. Таким образом вопрос о целесообразности участия гахама в работе учительского совета был разрешен положительно. Утверждение Таврического и Одесского караимского гахама С.М. Панпулова в должности председателя учительского совета ЕКРУ состоялось 19 июля 1895 г. [50, с. 19].

Средства училища составляли проценты от пожертвованного С.А. Когеном капитала в 60 тыс. руб., заключенные в билетах 4% государственного займа (т.е., приносящие дохода 2400 руб. ежегодно), а также доходов от здания училища, его мастерских, квартир для учителей⁵ и персонала, а также флигеля (сдача его внаем приносила 400 руб. в год). Кроме того, финансовое обеспечение училища могло иметь источником различные пожертвования, а также средства, вырученные от заказов на выполнение работ, поступивших от местных учреждений и частных лиц (треть от этих сумм отчислялась

⁵ Некоторое время после открытия ЕКРУ в одной из принадлежавших училищу квартир проживал инспектор Александровского караимского духовного училища И.И. Казас, т.к. в 1895 г. при самом АҚДУ не было ни пансиона для учащихся, ни квартир для преподавателей [51, л. 6].

мастерам, под наблюдением которых заказы выполняли учащиеся, еще треть – на выдачу пособия наиболее нуждавшимся учащимся и треть – на увеличение средств училища) [45, л. 63]. В случае образования остатка (после покрытия расходов) вся сумма должна была быть употреблена на улучшение учебно-ремесленного дела или на покрытие незапланированных расходов по содержанию здания и мастерских. Распоряжаться этими деньгами имел право училищный совет [44, с. 9, 10]. В 1912 г. все недвижимое имущество ЕКРУ было оценено в 6500 руб.⁶

В ремесленное училище планировалось принимать караимских мальчиков не моложе 12 и не старше 16 лет – «со знаниями, соответствующими курсу начального народного училища». На безвозмездной основе должны были обучаться не более 25 детей (первоначально планировалось принимать до 30 воспитанников). Если же число желающих поступить в училище оказывалось больше этого числа, то решением училищного совета (в зависимости от средств учебного заведения) могла взиматься плата: изначально она предполагалась в размере 12 руб., но затем, с учетом замечаний директора народных училищ Таврической губернии А.Н. Дьяконова, плату за учение мог устанавливать училищный совет, однако при этом она не могла составлять менее 12 руб. (причем и взносы за обучение, и могущие поступать в адрес училища пожертвования должны были расходоваться на приобретение одежды, обуви и других необходимых вещей для малоимущих учеников, а остальная часть – на нужды самого училища) [44, с. 3].

Желающим поступить в ЕКРУ требовалось предоставить смотрителю училища свидетельство о рождении и справку о привитии оспы. Непосредственно прием в училище проходил с 1 по 15 августа. Несмотря на то, что училище было заявлено как караимское, на практике значительную часть его учебного контингента составляли дети других национальностей и конфессий (так, например, в 1914 г. 50% учащихся были русскими) [53, с. 18]. Вызвано это было, прежде всего, тем, что среди караимов желающих обучаться в ЕКРУ на деле оказалось не так много, как предполагали его организаторы. В связи с этим в учебную программу училища для детей-христиан было введено преподавание Закона Божьего (1 урок в неделю по программе начального народного училища), причем ученики для занятий по этому предмету поначалу должны были посещать находившееся рядом евпаторийское уездное училище – до тех пор, пока решением учительского совета ЕКРУ Закон Божий для них не стали преподавать в самом здании ремесленного училища

⁶ Являясь владельцем недвижимого имущества, в соответствии с правилами об имущественном цензе и ст. 16, 18 и 28 «Положения о земских учреждениях от 12 июня 1890 г.», Евпаторийское караимское ремесленное училище С.А. Когена имело также право принимать участие в выборах гласных Евпаторийского уездного земства [52].

[1, с. 86]. Изменения в программе училища и трансформации его ученического контингента привели в результате и к смене названия – теперь это учебное заведение стало именоваться «Бесплатным караимским ремесленным мужским училищем для детей всех национальностей Соломона Когена».

Аттестация учащихся ЕКРУ проводилась ежегодно в начале июня членами училищного совета, а навыки, полученные в изучении ремесленного мастерства, учащиеся демонстрировали в присутствии приглашенных для этой цели экспертов, назначенных ремесленной управой, и двух независимых мастеров. По окончании ремесленного училища для его выпускников проводились экзамены; в случае успешной их сдачи молодым людям выдавались аттестаты на звание мастера (при условии достижения учеником 18-летнего возраста) или подмастерья (17-летним) [44, с. 9].

Преподавательскую работу в ремесленном училище вели 6 педагогов (2 законоучителя и 4 преподавателя «по предметам»). В разное время в училище работали такие деятели народного образования, как: в должности смотрителя – Л.Л. Кобзарев (со дня открытия ЕКРУ; ум. в 1914 г.), С.И. Кискачи (с 1914 по 1919 гг.; он же заведовал музеем ученических работ); «караимское вероучение» и древнееврейский язык преподавал известный в Евпатории педагог Ш.М. Тиро (со дня открытия училища), Закон Божий для детей-христиан – православный священник Ф. Туровский⁷ (утвержден в должности православной консисторией в апреле 1897 г.) и священник Н. Попов. Черчению и рисованию воспитанников обучал С.И. Строев, общеобразовательным предметам – учитель Евпаторийского русско-караимского министерского училища С.И. Шайтан, а также учителя Г.Х. Бояджиев и Х.К. Дзилюм. Столярное ремесло вели А. Барто (до 1897 г.), Ю.С. Мангуби (с 1897 г.), Я.А. Фарумда (с декабря 1909 г.); колесное – Г. Лобаненко, И.В. Тарновский (с ноября 1903 г.), В.И. Буслаев; кузнечно-слесарное, слесарно-токарное и токарное по металлу – И. Тикутин (до июня 1906 г.), П.А. Васютинский (с февраля 1908 г.), Н.В. Цюрупа, В.А. Поспишил (с октября 1913 г.), литейное и модельное – А.Л. Кремер (с 1903 г.) [56, л. 34, 39 об.; 45, л. 17, 18; 48, л. 110, 114, 114 об.; 57, с. 8].

Судя по сохранившимся документам, иногда в училище ощущался дефицит преподавателей ремесел. Руководство учебного заведения даже было вынуждено приглашать на работу бывших выпускников ЕКРУ. Например, после увольнения в 1906 г., в связи «со слабостью здоровья»,

⁷ Ранее, до переезда в Крым, священник Покровской церкви в Одессе Федор Туровский состоял в должности преподавателя Закона Божьего в «Частном женском училище 1-го разряда О. Пиллер», преобразованном впоследствии в Одесскую женскую гимназию О. Пиллер. В Евпатории протоиерей Ф. Туровский был назначен настоятелем Свято-Николаевского соборного храма, сооруженного в память об освобождении города от англо-франко-турецких войск. В 1898 г. он скончался и был похоронен у алтаря этого собора [54; 55].

преподавателя кузнечно-слесарного ремесла И. Тикутина занятия по этому предмету под руководством Л.Л. Кобзарева вел выпускник училища 1904 г. С. Цикно⁸ [45, л. 111 об.]. С 1909 г. в училище столярное мастерство преподавал выпускник ЕКРУ Я.А. Фарумда. Подобные случаи, по всей видимости, не были единичными в системе российского профессионально-технического образования, поэтому МНП в августе 1906 г. выступило с предложением: для того, чтобы в ремесленных отделениях достигались наилучшие результаты, мастерами отделений рекомендовалось назначать лиц, получивших специальное образование, имевших достаточную практику по преподаваемому ремеслу, а также способных преподавать рисование, черчение и сообщать ученикам соответствующие сведения по технологии. Учебное начальство недвусмысленно высказалось за увольнение тех мастеров, «занятия которых не дают надлежащих результатов» [45, л. 111, 111 об.].

Однако в феврале 1908 г. в своем письме к директору народных училищ А.Н. Дьяконову караимский гахам С.М. Панпулов отмечал, что, при всей желательности иметь в качестве преподавателей ремесел лиц со специальным техническим образованием, приглашение таковых, несмотря на все усилия учительского совета, было довольно трудно осуществить. Главная причина заключалась, по мнению главы учительского совета, в том, что условия оплаты труда (400 руб. в месяц и бесплатная квартира при училище) не устраивали многих мастеров со специальным образованием, предпочитавших открывать собственное дело. Далее С.М. Панпулов указывал на то, что преподаватели литейного и колесного мастерства, не имевшие, кстати, специального технического образования, вполне успешно справлялись с возложенными на них обязанностями. Между прочим, принятый в феврале 1908 г. в ЕКРУ на должность преподавателя кузнечно-слесарного ремесла П. Васютинский (служивший ранее старшим машинистом на железной дороге) также не имел специального образования, однако, по словам коллег, пользовался хорошей репутацией мастера-практика [45, л. 118, 118 об.].

Для занятий в ЕКРУ было составлено еженедельное расписание: занятия начинались в 8.00 и продолжались до 12.00 (по общеобразовательным предметам); с 15.00 до 19.00 шло обучение ремеслам (всего 36 часов в неделю). В каникулярное время воспитанники должны были заниматься ремеслами с 7 до 11 часов утра и с 3 до 7 часов вечера (48 часов). Между занятиями были запланированы 10-минутные перемены (после каждого часа урока); в послеобеденное время назначалась получасовая перемена (после двух часов учения) [44, с. 5].

⁸ Впоследствии С. Цикно являлся совладельцем (на паях с Ф. Капланом) известных в Евпатории мастерских «Катык-Базар» [45, л. 80].

Занятия в ЕКРУ не проводились в «высокоторжественные» дни, во время общегосударственных праздников, а также в дни, выпадавшие на праздники православного календаря: в Крещение, на Рождество, в дни Православной Пасхи, в день Св. Троицы и в Новый год. Кроме того, воспитанники училища (как и учащиеся прочих караимских школ и училищ) были свободны в субботу и в дни религиозных караимских торжеств: 1-й и 7-й день Песаха (первого из годовых праздников у караимов, который продолжался 7 дней, с 15-го по 21-е нисана (авива) и совпадал либо со страстной неделей, либо с неделей пасхальной по христианскому православному календарю); Шавуот (или Маттан-Тора, или Хаг-Га-Каччир) – день Пятидесятницы; 1-й день Тишри (Йом Теруах – День Ликования, первый день Нового года, или Рош-Гашшана), 10-й день Тишри – день поста и покаяния, «суббота суббот» (Йом Киппур); 15-й (Хаг Гассуккот, или Суккот) и 22-й день (Шемини-Ачерет) месяца Тишри («праздник Кущей», или Симхат Тора – «Торжество Торы»), а также Пурим, праздновавшийся 14-го и 15-го адара (февраль-март) [58, с. 141]. В последний день праздника Кущей праздновалось окончание учебного года в караимских школах: каждый ученик должен был прийти в кенасу и прочесть один из отрывков Торы [4, с. 48]. Что касалось преподавателей-христиан, то они были свободны от преподавательской деятельности также и в воскресные дни [44, с. 9].

Учащиеся были обязаны являться на уроки в установленной училищным советом форме, главной особенностью которой являлась ее «простота и дешевизна»; как уже отмечалось, бедным ученикам на приобретение одежды и обуви выделялись специальные средства. По распоряжению попечителя ОдУО от 9 июня 1898 г., воспитанникам ЕКРУ разрешалось также носить форменные фуражки установленного МНП для ремесленных училищ образца⁹ [42, л. 21 об.; 46, л. 34].

В 1897 г. в ЕКРУ было 25 учеников, однако впоследствии это число стало постепенно увеличиваться: так, в 1902 г. контингент воспитанников состоял из караимов (12 человек), а также представителей других конфессий (20 человек); среди учащихся были дети дворян (2), мещан (16), купцов (4) и крестьян (10). С 1895 по 1902 г. училище окончило 14 человек; четверо воспитанников выбыло до окончания курса [47, с. 12, 13; 59, с. 35].

Один из видных караимских общественных деятелей, автор нескольких книг, педагог С.А. Прик в связи с первой годовщиной таких учебных заведений, как АКДУ и ЕКРУ, издал брошюру под названием «Лаккол Земан»

⁹ Лишь с началом Первой мировой войны и в связи с событиями 1917–1920 гг. обязательное ношение формы в учебных заведениях было отменено. В 1916 г. попечитель ОдУО, «ввиду вздорожания всех предметов обихода» и ссылаясь на распоряжение МНП, сделал указание начальникам учебных заведений о том, что учащиеся могут носить домашнее платье как в стенах школы, так и вне ее – лишь с тем условием, что их одежда должна быть скромна и опрятна [74].

(«Всему час»). В ней было помещено несколько стихотворений (на древнееврейском языке с переводом на русский), сочиненных автором в честь основателей училищ – С.А. Когена, И.И. Казаса и гахама С.М. Панпулова. О воспитанниках ремесленного училища С.А. Прик, в частности, писал: «дети, учась ремеслам и наукам, посеют для будущности; потом с пением будут нести свои снопы. Труд их рук всегда найдет хорошую награду. Честью и спокойствием будут есть хлеб свой. Сделаются полезными для себя самих, для своего отечества и для всего человечества и не будут, как черпатели воды решетом» [60, с. 35]. Караимская общественность возлагала большие надежды на Евпаторийское караимское ремесленное училище С.А. Когена.

Постановка преподавательской работы в училище и учебный процесс в нем вызывали одобрение педагогического начальства – так, например, в ходе своего визита в Евпаторию в октябре 1914 г. почетный попечитель ОдУО В.Н. Смольянинов посетил ЕКРУ и детально ознакомился с ходом занятий, в результате чего вынес свой вердикт: «Постановкой учебного дела остался доволен», в связи с чем выразил свою благодарность руководству училища и преподавателям [61, с. 19].

Педагоги этого учебного заведения стремились не только снабжать учащихся необходимыми знаниями, но и осуществляли целый комплекс мероприятий по духовно-нравственному воспитанию молодежи, стараясь привить своим подопечным дух патриотизма и любви к родине. Так, например, в январе и феврале 1904 г., в связи с началом русско-японской войны, в Евпатории состоялись торжественные молебны о даровании победы русскому оружию и манифестация в поддержку русской армии и флота, в которых приняли участие воспитанники местных учебных заведений, в том числе и ученики ЕКРУ и АКДУ. Перед молодежью с патриотическими воззваниями выступили видные общественные деятели Евпатории и местное учебное руководство – почетный попечитель Евпаторийской мужской гимназии Э.И. Дуван, директор евпаторийской мужской казенной прогимназии Богданович, предводитель евпаторийского уездного дворянства М.П. Сербинов, генерал Карпов и др. [62]. «Россия переживает тяжкую годину, – обратился к учащимся на могиле павших в Крымскую войну воинов законоучитель Евпаторийской мужской казенной гимназии. – Вы, дорогие воспитанники, пришли сюда почтить павших героев славного русского воинства. Дай же Бог, чтобы дух, которым павшие были так сильны, пламенем горел в сердцах ваших!». Учащуюся молодежь призвали воспитывать в себе дух мужества и готовности в любое время отдать жизнь за царя и отечество [63].

За годы существования караимского ремесленного училища С.А. Когена в его стенах было подготовлено несколько выпусков молодых специалистов. Тем не менее, в начале XX в. число желающих стать воспитанниками этого учебного заведения стало постепенно сокращаться – родители бедных

караимов стремились к тому, чтобы их сыновья получили необходимый минимум образования и могли как можно скорее устроиться на работу, чтобы обеспечивать себя и близких; те же караимы, чьи средства позволяли устроить юношей в прогимназию или гимназию, предпочитали эти учреждения когеновскому ремесленному училищу.

Для привлечения караимской молодежи для обучения в ЕКРУ предпринимались соответствующие меры. Так, весной 1914 г. в помещении евпаторийской городской управы состоялось заседание комиссии по народному образованию, на котором одним из вопросов для обсуждения стало открытие ремесленных отделений в городе. Присутствующие согласились с выводами участников частного совещания (в котором участвовали и педагоги ЕКРУ) о необходимости расширения караимских ремесленных училищ Евпатории – Когена и женского профессионального [64, с. 19].

С 18 по 27 июня 1917 г. в Евпатории проходил съезд караимского духовенства, на котором, помимо некоторых доктринальных проблем, обсуждались злободневные вопросы, связанные с положением дел в системе караимского народного образования. В частности, в числе решений, переданных на обсуждение II Общенационального караимского съезда, был вопрос об улучшении состояния Евпаторийского ремесленного училища им. С.А. Когена. Речь шла о привлечении в него детей местных и иногородних караимов, т.к. училище находилось на грани закрытия – желающих в нем обучаться становилось все меньше. Одной из причин этой ситуации стала начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, кардинально изменившая экономическую ситуацию в стране. К тому же значительное число караимов-мужчин было призвано в ряды действующей русской армии.

С 27 августа по 3 сентября 1917 г. в Евпатории состоялся II Общенациональный съезд караимов. Участники съезда, наряду с принятием важных решений национально-конфессионального характера, постановили преобразовать АКДУ в среднее учебное заведение, а также вынесли вердикт об улучшении положения «мидрашей» (приходских караимских школ) и Евпаторийского караимского ремесленного училища С.А. Когена [65, с. 1-4; 66, с. 5-25].

В декабре 1917 г. в Евпатории был создан Караимский Национальный Совет (КНС) – организация, в обязанности которой вменялось решение задач национально-конфессионального характера, а также ряда образовательных и культурных проблем. Однако средств не хватало – уже в 1918/1919 учебном году Евпаторийское караимское ремесленное училище С.А. Когена стало испытывать финансовые затруднения – в 1919 г. ни в самом училище, ни в его мастерских занятия уже не проводились. У руководства ЕКРУ не было денег не только для выплаты жалованья сотрудникам, но и для того, чтобы оплатить коммунальные расходы. Еще на заседании КНС 16 мая 1918 г. караимский гахам С.М. Шапшал озвучил свое решение сложить с себя полномочия

гахама, сделав при этом следующее заявление: «<...> я ужоу, ибо не хочу быть свидетелем ликвидации национальных учреждений и святынь. Да, господа, мы накануне гибели того, что в течение долгих лет создавалось нашими предками. <...> я был на заседании Совета Когеновского Ремесленного Училища. И что же? Оказывается, что училище дышит на ладан¹⁰; нет средств для дальнейшего существования. То же наблюдается и в Александровском Духовном Училище. <...> все валится, все гибнет, нужны большие деньги для поддержания святыни – а денег нет» [67, л. 4, 4 об.; 31, с. 604]. Тем не менее, гахам принял решение остаться на своем посту еще как минимум полгода (до ноября 1918 г.), согласившись с доводами членов КНС, что в связи со сложившейся в стране политической и экономической ситуацией будет чрезвычайно сложно найти кандидатуру, которая могла бы занять столь ответственную должность [67, л. 5, 5 об.].

В период с 1917 по 1919 г. в состав попечительского совета ЕКРУ входили: гахам С.М. Шапшал, и.о. гахама старший газзан Б.С. Ельяшевич, товарищ (заместитель) председателя Б.М. Ефет, секретарь С.С. Ельяшевич, казначей И.И. Пандул, а также члены совета Д.М. Эль, смотритель училища С.М. Кискачи (он же – заведующий матчастью), С.И. Гелелович, А.С. Гаммал. На заседании совета 28 апреля 1919 г. (на котором присутствовали и преподаватели ремесел) было принято решение о том, что, в связи с отсутствием каких-либо средств для нормального существования училища, а также денег для выплаты жалованья учителям, необходимо провести полную реорганизацию этого учебного заведения, для чего постановили: ЕКРУ следует закрыть и принять меры для ремонта мастерских, приобретения новых учебных пособий [45, л. 12, 12 об.]. Общая сумма предполагавшихся затрат составляла 190 тыс. руб. (ремонт здания училища и ремесленных отделений, помещений мастерских и оборудования – 75 тыс. руб.; на покрытие перерасходов, на жалованье учителям и персоналу – 66 тыс. руб.; на учебные пособия, отопление и освещение – 25 тыс. руб. и пр.). После реорганизации члены совета предполагали открыть училище к началу 1919/1920 учебного года [68].

В феврале 1919 г. в учительский совет поступило прошение от председателя Евпаторийского общества художников академика Н.П. Химоны¹¹

¹⁰ Несмотря на принимавшиеся КНС и караимской общественностью меры, ЕКРУ все же было закрыто из-за недостатка средств весной 1919 г., причем в немалой степени из-за того, что все процентные бумаги, принадлежавшие училищу, были аннулированы с провозглашением в апреле 1919 г. Советской Социалистической Республики Тавриды и в соответствии с декретами ее правительства.

¹¹ Химона Николай Петрович (1865–1929) – этнический грек, уроженец Евпатории; известный российский живописец и график, педагог, ученик А.И. Куинджи, а впоследствии – преподаватель художественного училища Императорского Общества поощрения художеств. После революции Н.П. Химона принимал участие в выставках Общества Куинджи, Товарищества Передвижных Художественных Выставок (ТПХВ) (1917–1918), а также в Первой государственной свободной выставке произведений искусств в Петрограде в 1919 г. В том

о предоставлении в аренду этой организации пустующего здания училища. Общество обязывалось вносить плату за электроэнергию и отопление, а также поддерживать помещение (которое, кстати, художники обязались освободить по первому требованию учительского совета) в надлежащем порядке. В ответе старшего газзана Б.С. Ельяшевича на это прошение, в частности, говорилось: «гахам, придавая большое культурное значение в деле воспитания местного юношества, <...> предоставил бесплатно в распоряжение школы [художников] зал заседания и классную комнату» [45, л. 57]. А чтобы пополнить недостающие средства училища, член училищного совета С.С. Ельяшевич предложил в июле 1919 г. открыть при ЕКПУ краткосрочные ремесленные курсы для взрослых, для чего предлагалось приспособить мастерские этого учебного заведения. Все вышеуказанные мероприятия должны были, по мнению руководства ЕКПУ, способствовать улучшению положения училища.

Но средств по-прежнему не хватало. Учительский совет ЕКПУ был вынужден обратиться к представителям Советской Социалистической Республики Тавриды, провозглашенной весной 1919 г., с просьбой оказать материальную поддержку училищу, которое «было создано усилиями караимского народа с целью стать рассадником практическо-ремесленных занятий и трудового опыта среди караимского пролетариата» [45, л. 59]. Однако в ответ на эту просьбу председатель Наркомхоза Еленов-Арцимович заявил, что, за отсутствием средств, а также ввиду того, что мелкие предприятия закрываются, он вынужден это ходатайство отклонить. Когда же члены совета направили подобное ходатайство об оказании материальной помощи в размере 150 тыс. руб., а также просьбу об организации общеобразовательной и ремесленной части в Отдел народного образования, то вместо ожидавшейся помощи председатель Военно-революционного комитета (ВРК) Грибор 23 мая 1919 г. распорядился сдать мастерскую под нужды местной электростанции. В противном случае, заявил он, члены учительского совета могли быть подвергнуты военно-революционному трибуналу в соответствии с законами военного времени [45, л. 63, 63 об., 65].

Особенно действенной в контексте этой кризисной ситуации стала работа КНС, направившего свои усилия на сохранение имущества и зданий караимских учебных заведений в то беспокойное время, когда власть в Евпатории переходила из рук в руки. После того, как городскими властями был поднят вопрос о закрытии караимского ремесленного училища им. С.А. Когена и передаче его имущества и помещений мастерских местным властям, КНС занял твердую позицию и выступал категорически против данного шага

же году эмигрировал, поселился в Лондоне; там же умер и похоронен. В 1930 г. в галерее «Арлингтон» состоялась мемориальная выставка мастера [69].

[45, л. 49, 59, 71 об., 74, 74 об., 82]. В свою очередь члены учительского совета ЕКРУ выступили с заявлением, что они не имеют никакого права передавать здание и имущество училища, т.к. «на это не имеется никаких полномочий от [караимской] нации и <...> противоречит Уставу училища» [45, л. 66, 66 об.]. Дело дошло до того, что ВРК приказал главе учительского совета «немедленно исполнить приказ и прибыть к товарищу председателю Исполкома для личных объяснений». Однако ответ руководителей ЕКРУ был лаконичным: представителям власти предлагалось самим сорвать печати с дверей училища и занять его под свои нужды в том случае, «если эти учреждения Советской России найдут для себя удобным не считаться ни с Конституцией РСФСР, ни с декларацией Крымского рабоче-крестьянского правительства, ни с принципом безоговорочной свободы всякой нации в своих культурных учреждениях и делах» [45, л. 68, 71].

Ситуация с ЕКРУ обострилась в то время, когда в Крыму, начиная с марта 1918 г., происходила перманентная смена власти – при этом следует подчеркнуть, что положение караимских учебных заведений от этого несколько не улучшилось. В июне 1919 г. на собрании попечительского совета ЕКРУ (в состав которого входило несколько членов КНС – Б.С. Ельяшевич, С.С. Ельяшевич, Б.М. Ефет, С.И. Гелелович) было решено направить в Симферополь заместителя его председателя, уполномоченного от караимской общины Евпатории, члена КНС Б.М. Ефета для защиты интересов училища. «Ни о каких реквизициях и занятиях под что-либо национальных [караимских] учреждений не может идти и речи», – заявлялось в резолюции, принятой попечительским советом ЕКРУ. Далее в документе шла речь о необходимости создания в Симферополе коллективного учреждения по культурно-национальным делам, с которым у караимов был бы тесный контакт [45, л. 50].

Было составлено коллективное ходатайство в органы советской власти с целью признания ЕКРУ, АКДУ, караимской национальной библиотеки «Карай-Битиклиги» и переданной наследниками караимского библиофила А.Ю. Мичри евпаторийской караимской общине его личной библиотеки (со всеми имуществами и помещениями) собственностью караимов, не подлежащими конфискации, реквизиции и какому-либо вмешательству в их внутренние распоряжки. Это ходатайство было вскоре получено и рассмотрено органами советской власти, а заведомо Наркомпроса В.В. Суворов (который одно время выполнял обязанности заместителя городского головы Евпатории) пригласил представителя ЕКРУ (им стал С.С. Ельяшевич) для личных переговоров [45, л. 74, 74 об., 80, 82]. Первый раунд борьбы был выигран.

Воодушевленные успехом, лидеры КНС и руководство ЕКРУ продолжали активно отстаивать свои позиции. Тем не менее, резко ухудшающаяся политическая и экономическая ситуация в Крыму крайне негативно отражалась на положении училища. В ноябре 1919 г. состоялось общее собрание

евпаторийской караимской общины, на повестке дня которого было всего два вопроса: 1) снабжение нуждавшихся учащихся караимских училищ одеждой и обувью; 2) выборы учительского совета ЕКРУ. В частности, председатель Совета выборных общины доктор С.А. Бобович обратился к КНС с ходатайством о том, чтобы с помощью увеличения размера раскладочного сбора «ареха» собрать с караимских общин дополнительно сумму в 150 тыс. руб. – с целью приобретения «хотя бы для учащихся в караимских школах детей обуви и некоторых предметов одежды» [67, л. 21]. По словам председателя собрания С.М. Шапшала, ученики и ученицы приходили на занятия без обуви, в испорченной и не соответствующей холодному времени года одежде. После обсуждения создавшейся ситуации члены общества приняли решение, что для оказания помощи необходимо было собрать указанную С.А. Бобовичем сумму [45, л. 144, 144 об.].

На обсуждение второго вопроса, стоявшего перед собранием, потребовалось гораздо больше времени. Дело в том, что после смерти почетного блюстителя ЕКРУ Б.М. Шишмана¹² в октябре 1916 г., эта должность длительный период оставалась вакантной. Затем обязанности почетного блюстителя были возложены на Б.А. Бобовича и на габбая Караимского национального фонда С.М. Ходжаша, однако они заявили на собрании, что «совершенно не имеют возможности в дальнейшем занимать означенную должность» и, несмотря на просьбы членов общины, категорически от нее отказались. В связи с самоотводом Б.А. Бобовича и С.М. Ходжаша решением собрания были выдвинуты кандидатуры члена правления евпаторийской караимской общины М.А. Айваза, члена КНС С.Б. Шишмана и юриста, преподавателя истории в АКДУ С.И. Бабаджана, однако все они также заявили о своем отказе занять данный пост. В связи с этим выборы почетного блюстителя ЕКРУ было решено отложить, и на собрании был избран только учительский совет: кандидатуры Б.И. Гелеловича, И.М. Ходжаша С.И. Бабаджана были приняты присутствовавшими единогласно [45, л. 119].

Разваливающаяся экономика страны предопределила стремительный рост инфляции. Не хватало средств даже на самое необходимое. Сотрудники караимских национальных учреждений, учителя, члены духовного правления испытывали нужду буквально во всем. С.М. Шапшал, как глава ТОКДП и КНС, на протяжении нескольких лет отказывался от получения им жалованья гахама, целиком адресуя деньги на содержание правления, при этом даже отчисляя часть средств из своего личного состояния. Голод и нищета коснулись и сотрудников караимских национальных учреждений – так, на заседании КНС

¹² По словам Б.С. Ельяшевича, именно Б.М. Шишман вместе с И.И. Казасом подали С.А. Когену идею о том, чтобы увековечить имя бездетного промышленника учреждением ремесленного училища для караимских юношей [70, с. 218].

1 декабря 1919 г. гахам сообщил присутствовавшим о том, что один из служащих ТОКДП был даже вынужден продать свою верхнюю одежду и одежду своей жены для того, чтобы прокормить детей. «Это, – с горечью заявил С.М. Шапшал, – недопустимый позор для нации» [71, л. 29; 31. с. 607]. На имя гахама поступали ходатайства и от сотрудников ЕКРУ – так, в своих письмах к С.М. Шапшалу смотритель училища С.М. Кискачи в ноябре 1919 г. просил о выдаче жалованья, которое не выплачивалось ему на тот момент уже 7 месяцев, и пожилой человек фактически голодал – у него даже не было денег, чтобы купить дрова, и смотритель опасался вновь заболеть, «как в прошлом году» [45, л. 105, 105 (об.)]. Преподаватель ремесла А.Л. Кремер обратился к членам совета училища с просьбой остаться в занимаемой им квартире при ЕКРУ – в противном случае, как писал педагог, «я с семьей окажемся выброшенными на улицу, так как в настоящее время нет никакой возможности найти помещение не только вследствие дороговизны, но также из-за совершенного отсутствия свободных квартир». А брат покойного смотрителя училища Л.Л. Кобзарева, преподаватель 1-й Евпаторийской женской гимназии П.Л. Кобзарев хлопотал перед руководством ЕКРУ о выдаче ему хранящихся в здании этого учебного заведения личных вещей брата, т.к. испытывал «в них большую нужду» [45, л. 137, 138].

В связи с этими просьбами, а также с тем, что городские власти Евпатории потребовали от учительского совета ЕКРУ выплатить причитавшийся с этого учреждения городской сбор и пеню (всего 545 руб.), Таврическим и Одесским караимским гахамом было принято решение покрыть эти суммы из своих личных средств. Все преподаватели ремесел училища (И.В. Тарновский, В.А. Поспишил, Я.А. Фарумда, А.Л. Кремер, В.И. Буслаев) и смотритель С.И. Кискачи получили полный расчет: невыплаченное за несколько месяцев жалованье, причитавшиеся проценты, а также деньги на отопление, освещение и небольшое вознаграждение (по 700 руб.) за труды. Общая сумма выплат составила 11300 руб. 97 коп. [45, л. 40; 38, л. 1-11]. При этом педагоги училища, а также сторож М.И. Коваленко дали расписку попечительскому совету о том, что на дрова и отопление они не претендуют и казенной квартирой имеют право пользоваться только до 25 июля 1919 г. [72, л. 10]. Помимо этого, С.М. Шапшалам были оплачены счета за выполнение работ по ремонту труб в здании училища (было выдано С.И. Гелеловичу 78 руб.), а также за дрова для отопления помещений (выплачено поставщикам М.М. Кумышу и Коргману 353 руб. 60 коп.) [72, л. 6, 8].

Однако, несмотря на все усилия караимской общественности, направленные на сохранение Евпаторийского караимского ремесленного училища С.А. Когена, эта благородная цель все же достигнута не была. С прекращением существования Советской Социалистической Республики Тавриды и приходом в Крым Добровольческой армии Юга России мастерские училища

в ноябре 1919 г. были реквизированы представителем ее командования для нужд начальных авиационно-летных курсов. 20 ноября 1919 г. С.М. Шапшалу было отправлено письмо, подписанное военным летчиком, полковником Л.А. Дацкевичем¹³. В нем, в частности, говорилось о необходимости скорейшей передачи мастерских: «Фронт нуждается в подготовленных мотористах, и я, по долгу службы, должен принять все меры к скорейшему выполнению нужд фронта» [45, л. 96, 96 об.]. В связи с этим была создана специальная комиссия, состоявшая из членов попечительского совета ЕКРУ (Б.С. Ельяшевича, С.С. Ельяшевича, Д.М. Эля), а также зампреда председателя КНС М.М. Ефета и председателя совета выборных от караимской общины Евпатории М.С. Кискачи [45, л. 116]. Со стороны Добровольческой армии Юга России командиром отдельной технической сотни Донского отдельного корпуса генерал-майором Ларионовым для приема имущества и помещений училища были назначены: поручик Шувалов, поручик Козел, поручик Ребдев, а также начальник гарнизона полковник Губанов. Училищный совет ЕКРУ предпринял все возможные меры к сохранению за училищем его мастерских, но в апреле 1920 г. они все же были переданы представителям Добровольческой армии Юга России для нужд технического поезда Донской броневой железнодорожной бригады – правда, «с гарантией возврата и пополнением недостатков» [45, л. 120, 121, 123-125].

После проведения инвентаризации преподаватели передали ключи от мастерских новым хозяевам. Последнее заседание учительского совета ЕКРУ под председательством и.о. гахама Б.С. Ельяшевича состоялось 17 (30) сентября 1920 г. На нем было принято решение об оплате комиссионных караиму Ю.М. Культе (в размере 20 тыс. руб. – за «нахождение арендатора, согласно устным условиям»), а также о выдаче, в виде вознаграждения, 30 тыс. руб. С.С. Ельяшевичу – за труды по составлению им описи имущества и передаче училища военным властям. Как свидетельствуют документы, в ноябре 1920 г. некто М. Балык перевез оставшееся имущество ЕКРУ в дом первого караимского гахама С.С. Бабовича в Евпатории (среди имущества числились: 1 стол ясеневый, 1 стол ольховый, 1 буфет ольховый, 1 шкаф ольховый, 2 стула и 17 скамеек) [72, л. 15].

К сожалению, экономический кризис, возникший в стране во время Первой

¹³ Дацкевич Леонид Андреевич (1883–?) – военный летчик, полковник. Служил в Восточно-Сибирском воздухоплавательном батальоне и во 2-й воздухоплавательной роте. В 1917 г. он был назначен исполняющим должность заведующего приемками Управления Военного воздушного флота, в том же году получил назначение на должность начальника Кавказской авиационной школы в Тифлисе. После революции Л.А. Дацкевич служил в Вооруженных силах Юга России, в 1920 г. был председателем приемной комиссии, членом комиссии по организации школы воздушного боя. После 1920 г. оказался в эмиграции в Югославии. Во время Второй мировой войны служил в Русском охранном корпусе [73].

мировой войны, революций 1917 г. и начавшейся вскоре гражданской войны, серьезно повлиял на материальное положение училища, сначала закрытое на реорганизацию, а затем переданное в ведение Добровольческой армии Юга России. Училище просуществовало 24 года и окончательно было ликвидировано в 1920 г. Впоследствии мастерские училища перешли к Евпаторийскому трамвайному парку [5, с. 46].

Проанализировав историю учебного заведения – от разработки проекта, непосредственной деятельности училища по подготовке специалистов вплоть до его закрытия – можно сделать несколько выводов. Возникновение ЕКРУ пришлось на годы расцвета российской государственной системы караимского народного образования. Представители караимской интеллигенции, духовенство и меценаты, осознавая происходившие в обществе перемены, связанные с развитием капитализма, увеличением числа промышленных предприятий, фабрик и заводов, а также принимая во внимание социальные преобразования и интеграцию караимов в российское языковое и культурное пространство, стремились предоставить караимской молодежи возможность получить соответствующее ее социальному статусу образование. Создание сети русско-караимских министерских училищ, частных и общественных школ, Александровского караимского духовного училища, а также профессионально-технических училищ для юношей и девушек было призвано обеспечить молодым людям возможность для изучения не только общеобразовательных дисциплин и ремесел, но и снабдить их необходимыми знаниями в русле традиционного караимского образования.

Евпаторийское караимское ремесленное училище, созданное в 1895 г. благодаря инициативе караимского мецената С.А. Когена, просветителя И.И. Казаса и гахама С.М. Панпулова, имело своей целью общеобразовательную и профессиональную подготовку караимских юношей из малообеспеченных семей. Однако следует отметить, что в итоге караимов, пожелавших обучаться в училище, оказалось не так много, и в последующие годы практически половину ученического контингента составляли представители других национальностей и конфессий. Полиэтнический и поликонфессиональный характер этого учебного заведения во многом predetermined специфику учебного процесса в нем – программы, составленные и откорректированные с учетом требований современности, позволили педагогическому персоналу училища наиболее эффективно применять на практике дидактические и методические инновации. Воспитывая подрастающее поколение в духе этнической и конфессиональной толерантности, прививая детям идеалы истинного патриотизма, опытные преподаватели, представители караимского и православного духовенства старались снабжать учащихся всеми необходимыми знаниями, способствовали приобретению ими соответствующих навыков будущей профессии. История Евпаторийского караимского

ремесленного училища С.А. Когена наглядно демонстрирует конкретный пример созидательной деятельности представителей разных национальностей и конфессий в условиях поликультурного общества. Положительный опыт прошлого может и должен быть использован в решении ряда современных образовательных и социальных проблем караимского населения Крыма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1895, 1896 гг. / Сост. директором народных училищ на основании ст. 23 положения о начальных народных училищах. Симферополь, 1897.
2. Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Начальное народное образование и современная организация народного образования в России // Энциклопедический словарь / Сост. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. XX-а.
3. [Фальборк Г., Чарнолуцкий В.] Инородческие и иноверческие училища. СПб., 1903.
4. Чижова Л.В. Караимы // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Под ред. С.Я. Козлова, Л.В. Чижовой. М., 2003.
5. Лебедева Э.И. Очерки по истории крымских караимов-тюрков. Симферополь, 2000.
6. Лебедева Э.И. Пример для потомства. Симферополь, 2002.
7. Ганкевич В.Ю. Этноконфессиональная система народного образования национальных групп Таврической губернии (рубеж XIX–XX вв.) // Проблеми сучасної педагогічної освіти: Сер.: Педагогіка. Психологія: 36. наук. пр. Київ, 2000. Ч. 1.
8. Ганкевич В.Ю. Структура национально-конфессионального образования этнических групп Таврической губернии (рубеж XIX–XX вв.) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия X: История. Симферополь, 2001. Т. 14(53). № 1.
9. Редькина Л. И. Этнопедагогика караимов Крыма. Киев, 2001.
10. Анопов И.П. Опыт систематического обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1889.
11. Анопов И.П. Современное состояние технического и профессионального образования в России. СПб.: Тип. В.С. Балашева и К, 1895.
12. Владимирский С.А. Заметки о современном состоянии низших профессиональных школ в России. Б. м., 1896.
13. Ершов М.П. Современное состояние ремесленных учебных заведений по данным III съезда. СПб.: Тип. В.С. Балашева и К, 1904.
14. Корольков Н.М. Краткий обзор деятельности Постоянной комиссии по техническому образованию за последние 25 лет: По поводу 25-летия деятельности А.Г. Неболсина как члена комиссии и 10-летия как ее председателя (18 мая 1897 г.). СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897.
15. Корольков Н.М. Краткий очерк деятельности Постоянной комиссии по техническому образованию (IX отдела РТО). СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912.
16. Лавринович Ю.Н. Образование рабочих в России: доклад «Собрание экономистов» 26 окт. 1901. СПб.: Изд-во журнала «Техническое образование», 1902.
17. Максин И.М. Очерк развития промышленного образования в России. СПб.: Тип. Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, 1909.
18. Эрастов В.К. К вопросу о роли ремесленного обучения в жизни русской деревни. М.: «Практик», 1912.
19. Лысковский М.В. Низшее техническое и профессиональное образование и подготовка к нему в наших общеобразовательных школах // Техническое образование. 1897. № 5.

20. Лысковский М.В. Профессиональное направление в деле нашего народного образования // Техническое образование. 1899. № 2.
21. Гошкевич Н. Технические и ремесленные заведения, состоящие в ведении Министерства торговли и промышленности // Техническое и коммерческое образование. 1908. № 1.
22. Завадский Н.Б. К вопросу о реформе ремесленного образования // Техническое и коммерческое образование. 1908. № 3.
23. Неболсин А.Г. О съездах по техническому и профессиональному образованию // Техническое и коммерческое образование. 1912. № 2.
24. Акимов В.Е. К вопросу о реформе ремесленных и технических школ // Техническое и коммерческое образование. 1916. № 4.
25. Кузьмин Н.Н. Низшее и среднее специальное образование дореволюционной России. Челябинск, 1971.
26. История профессионального образования в России / Под науч. ред. С.Я. Батышева, А.М. Новикова, Е.Г. Осовского. М., 2003.
27. История образования и педагогической мысли за рубежом и в России: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / И.Н. Андреева, Т.С. Буторина, З.И. Васильева и др. М., 2006.
28. Новиков А. Развитие отечественного образования. М., 2005.
29. Прохоров Д.А. И. И. Казас – организатор караимских учебных заведений (вторая половина XIX – начало XX вв.) // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
30. Прохоров Д.А. Система народного образования караимов Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // МАИЭТ. 2006. Вып. XIII.
31. Прохоров Д.А. Общественные, национально-культурные объединения и органы конфессионального самоуправления караимов в 1917–1920 гг. // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
32. Прохоров Д.А. Профессионально-технические учебные заведения в российской государственной системе караимского народного образования Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Материалы II Межвузовской научно-практической конференции «Социально-политические и культурные проблемы современности» (24 апреля 2009 г.). Симферополь, 2009.
33. Рослякова А.И. Из истории женского профессионального образования // Европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб., 2001.
34. Карелин В.А. Русское техническое общество и проблема подготовки квалифицированных фабрично-заводских рабочих в России (1866–1890 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02 / ЛГПИ им. А.И. Герцена. Ленинград, 1985.
35. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.
36. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 593.
37. Благотворительность: Коген Соломон Аронович (1830–1900) // Караимская народная энциклопедия: В 6 т. СПб., 2006. Т. 5: Культура крымских караимов (тюрков).
38. Ельяшевич Б.С. Коген Соломон Аронович (1830–1900) // Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры»; Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
39. Каневский С. Табачный генерал [о Соломоне Когене] // Контракты. Украинский деловой еженедельник. Львов, 2003. № 42. 20 октября.
40. Пономарьов В. Київські тютюнові королі Соломон, Мойсей та Абрам Когени. Режим доступа: <http://www.interesniy.kiev.ua/old/7137/7141/101>.
41. Летопись. Вдова киевского купца... [О пожертвовании Эстер Коген] // Салгир. 1902. № 52. 5 марта.
42. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 500.

43. Положение о городских училищах ведомства Министерства народного просвещения 31 мая 1872 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1876. Т. V.
44. Устав Караимского ремесленного училища Соломона Когена в Евпатории. Евпатория: Русско-караимская тип. М. Мураванского, 1895.
45. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 76.
46. ГААРК, ф. 101, оп. 1, д. 67.
47. Сведения об учебных заведениях и именной список начальных училищ Таврической дирекции народных училищ. Симферополь, 1902.
48. ГААРК, ф. 100, оп. 1, д. 2439.
49. Хроника текущей жизни. Киев. Обороты фабрики «Соломон Коген» // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль.
50. Формулярный список Таврического и Одесского караимского гахама Самуила Моисеевича Панпулова // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 7, декабрь.
51. ГААРК, ф. 450, оп. 1, д. 34.
52. Список лицам, имеющим право участвовать в первом избирательном собрании, как лично, так и через уполномоченных (ст. 16, 18 и 28 Пол.[ожения] о зем.[ских] учр.[еждениях] от 12-го июня 1890 г.) для выбора гласных Евпаторийского уездного земства // Таврические губернские ведомости. 1912. № 11. 10 февраля.
53. Хроника текущей жизни. Евпатория. Торжество освящения нового здания Александровского караимского духовного училища // Караимское слово. Вильна, 1914. № 6, декабрь.
54. Ушкевич Б. Евпатория православная – воскресный день // Светлый источник. Режим доступа: http://www.homutovo.ru/life_hram/evpatoriya0609.html.
55. История гимназии № 1 г. Одессы им. А.П. Быстриной. Основание гимназии Анной Пиллер и реорганизация со сменой начальниц // Официальный сайт гимназии № 1 им. А.П. Быстриной г. Одессы. Режим доступа: <http://gymn1.odessa.ua/piller.html>.
56. ГААРК, ф. 101, оп. 1, д. 66.
57. Справочный отдел: Учебные заведения // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1917. № 1.
58. Прохоров Д.А. Религиозная обрядность у караимов и крымских татар в условиях реформирования российской государственной системы народного образования тюркоязычных народов Крыма (вторая половина XIX в.) // Sacrum et Profanum. Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: Праздники и будни. Сб. научн. тр. / Ред.-сост. Алексеенко Н.А., Бабинов Ю.А., Хоффманн Х. Севастополь; Краков, 2007.
59. Пьянков В. Справочная книга по г. Евпатории. Одесса, 1897.
60. Прик С.А. Лаккол Земан, т.е., Всему час. Одесса: Тип. А.М. Дыхно, 1896.
61. Хроника текущей жизни. Евпатория. В тот же день... [О посещении попечителя ОдУО В.Н. Смольянинова учебных заведений в Евпатории] // Караимское слово. Вильна, 1914. № 6, декабрь.
62. Хроника. Нам пишут о патриотических манифестациях... // Крым. 1904. № 33. 13 февраля.
63. Корреспонденция (от наших корреспондентов). Евпатория // Крым. 1904. № 39. 29 февраля.
64. Хроника текущей жизни. Евпатория. В комиссии // Караимское слово. Вильна, 1914. № 9–10, март-апрель.
65. От редакции. Национальный Караимский Съезд // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1-го ноября 1917. № 5–6.
66. Протоколы заседаний Общенационального Караимского Съезда, происходившего в г. Евпатории от 27 августа по 3 сентября 1917 года // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1-го ноября 1917. № 5–6.
67. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 41.

68. О Когеновском караимском ремесленном училище // Голос Евпаторийского пролетариата. 1919. № 16.
69. Химона Николай Петрович. Биография (1865–1929). Режим доступа: <http://artinvestment.ru/auctions/2110/biography.html>; <http://artru.info/ar/14569/>
70. Шишман Бераха Моисеевич // Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.): Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры»; Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
71. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 74.
72. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 60.
73. Аверченко С.В. Российские военные авиаторы периода Первой мировой войны – уроженцы Белоруссии // Авиаторы Российского Императорского военного воздушного флота периода Первой мировой войны – уроженцы Беларуси (в ее современных границах). Материалы научн. конф. (Сморгонь, Беларусь, 18-19 мая 2007 г.). Режим доступа: <http://www.aviaww1.forum24.ru/?1-1-0-00000014-000-0-0>.
74. Крымская жизнь. Хроника. Напоминания // Южное Слово. 1916. № 1218. 18 сентября.

Приложение № 1

УСТАВ КАРАИМСКОГО РЕМЕСЛЕННОГО УЧИЛИЩА СОЛОМОНА КОГЕНА В ЕВПАТОРИИ

Устав утверждаемого в городе Евпатории киевским купцом Соломоном Ароновичем Когеном Караимского ремесленного училища его имени, утвержденного г.[осподином] Попечителем Одесского учебного округа 19 августа 1895 г. (напечатан в Циркуляре Одесского учебного округа в № 9, 10 в 1895 г.)

- § 1. В Евпатории, на средства Киевского купца Соломона Ароновича Когена и в устроенном им с необходимыми приспособлениями помещении учреждается для бедных караимских мальчиков ремесленное училище, которое именуется училищем Соломона Когена.
- § 2. Училище, состоя в ведомстве Министерства Народного Просвещения, находится в ближайшем заведовании Дирекции народных училищ Таврической губернии.
- § 3. Цель училища состоит в приготовлении сведущих ремесленников-практиков. В виду того особенное внимание будет обращено на практическое изучение ремесел.
- § 4. Курс учения в училище пятилетний. В училище принимаются караимские¹⁴ мальчики, имеющие отроду не менее 12 и не более 16 лет со знаниями, соответствующими курсу начального народного училища.
- § 5. В училище обучаются бесплатно бедные мальчики караимского вероисповедания числом до 25. Дальнейшее увеличение числа бесплатных учеников зависит от состояния средств училища и представляется усмотрению членов училищного совета.

¹⁴ Зачеркнуто в тексте (видимо, в связи с изменением статуса училища и приемом в ЕКРУ детей других конфессий).

- § 6. В училище могут обучаться караимские мальчики и за плату, размер которой устанавливается училищным советом, смотря по состоянию средств училища. Примечание: Одна половина суммы, выручаемой ежегодно от платы за учение, равно как и могущих поступить в училище пожертвований, если сим последним не дано самими жертвователями специального назначения, идет на пособие беднейшим ученикам, т.е., на приобретение для них по возможности платья, обуви и других необходимых вещей, а другая расходуется на сверхсметные нужды училища, или же причисляется к основному капиталу, по усмотрению училищного совета.
- § 7. Ремесла, преподаваемые в училище, разделены на две группы или отделения: 1) слесарно-кузнечное и 2) токарно-столярно-колесное. Дети обучаются одной из этих двух групп ремесел или обеим, по выбору родителей или их опекунов. Училищному совету предоставляется право вводить новые ремесла, если позволят средства, или заменять преподавание ремесла другими, с разрешения учебного начальства.
- § 8. Пятилетний курс учения в училище разделяется на две части: учебные предметы по изложенной в следующем параграфе программе, а остальные три года посвящены исключительно изучению ремесел.
- § 9. Учебные предметы преподаются в училище следующие: а) караимское вероучение, т.е., чтение Священного Писания на библейском языке с переводом на русский язык и изучение главных караимских молитв; б) русский язык в связи с краткими сведениями по русской истории и географии; в) арифметика; г) чистописание; е) рисование с черчением. Примечание: Русский язык и арифметика подаются применительно к курсу 2-классных народных училищ. Общее число уроков следующее:

	1-й год	2-й год	3-й год
а) караимское вероучение	2	2	2
б) русский язык с общими сведениями по русской истории и географии	4	4	8
в) арифметика	2	2	4
г) чистописание с черчением и рисованием	3	3	6

- § 10. Занятия в училище происходят с 15 августа по 20 июня по учебным предметам и ремеслам в следующие часы: с 8 до 12 часов утра и с 3 до 7 часов пополудни; занятия учебным предметам по особому расписанию, которое будет составлено училищным советом в начале учебного года на учебный год применительно к изложенной в предыдущем § Таблице недельных уроков, будут проходить по утрам. Остальное время будет посвящено ремеслам.
В каникулярное время, продолжающееся с 20 июня по 15 августа, [ученики] будут заниматься исключительно ремеслами в следующие часы: с 7 до 11 часов

- утра и с 3-х до 7 часов вечера пополудни. Сказанное в этом § о времени занятий учебными предметами относится только к первым двум годам обучения; последние три года посвящены исключительно ремеслам и в учебное время. Между занятиями допускаются перемены по утрам в 10 минут после каждого часа урока; в послеобеденное время после двух часов занятий перемена в полчаса.
- § 11. При училище полагаются: 1) смотритель училища; 2) караимский вероучитель; 3) учитель русского языка и арифметики; 4) чистописания и рисования; 5) три учителя ремесел.
- § 12. Смотритель училища и учителя избираются училищным советом и утверждаются в должности директором Народных училищ Таврической губернии. Смотритель и преподаватель учебных предметов должны иметь звание. По крайней мере, городского приходского учителя.
- § 13. Плата означенным в § 11 смотрителю и учителям определяется по особому, приложенному к сему уставу, штату. Должность смотрителя и преподавателя одного из учебных предметов могут быть совмещены в одном лице, которое в этом случае получает сумму содержания, следуемых по штату на обе должности.
- § 14. Кроме упомянутых в § 12 лиц, при училище состоит блюститель, который при жизни учредителя, избирается сим последним, а по смерти его – собранием Евпаторийского караимского общества под председательством Таврического и Одесского караимского гахама, закрытой баллотировкой, и утверждается в обоих случаях господином Таврическим губернатором, по представлению директора Народных училищ Таврической губернии. Означенный почетный блюститель посещает училище во всякое время по его усмотрению, присутствует в училищном совете с правом голоса по всем делам и оказывает со своей стороны постоянное содействие благоустройству училища в материальном отношении.
- § 15. Для управления учебно-воспитательной частью, так и хозяйственными частями в училище Когена для наблюдения за его благоустройством учреждается при нем училищный совет, состоящий: 1) из Таврического и Одесского караимского гахама, который в нем председательствует; 2) почетного блюстителя; 3) трех караимов, избираемых и утверждаемых тем же порядком, как и почетный блюститель; 4) смотрителя; 5) преподавателей учебных предметов. Учителя ремесел приглашаются в училищный совет для дачи объяснений по вопросам, касающимся преподавания ремесел.
- § 16. Училищный совет в течение учебного времени собирается, по крайней мере, один раз в месяц, но в особых случаях по предложению председателя могут быть назначаемы и экстренные заседания.
- § 17. В училищном совете дела решаются большинством голосов, причем для действительного решения требуется присутствие, кроме председателя и смотрителя, еще двух членов. При обсуждении вопроса, касающегося преподавания какого-либо предмета, необходимо участие преподавателя этого предмета в совете. При равенстве голосов в совете голос председателя дает перевес.
- § 18. Ведению училищного совета подлежат:
- а) без участия преподавателей:
 - 1) избрание смотрителей и преподавателей;
 - б) с участием преподавателей:

- 2) изыскание средств к улучшению училища в материальном и учебном отношении;
 - 3) составление смет ежегодных расходов по училищу;
 - 4) распределение между нуждающимися учениками пособий;
 - 5) определение числа учеников, какое может быть принято в данный год в училище, по состоянию его помещений и другим хозяйственным соображениям;
 - 6) закрепление за училищем, путем надлежащих актов и документов, тех недвижимых имуществ, которые могут быть пожертвованы в его пользу, и попечение вообще об установлении и постоянном сохранении в училище порядка и благоустройства;
 - 7) прием учеников и их испытания, как переводные, из первого и второго года учения по учебным предметам, и ежегодно по ремеслам, так и окончательно при окончании курса;
 - 8) выдача окончившим полный курс свидетельств на звание мастера или подмастерья по их специальности;
 - 9) выбор книг для библиотек и ремесленных инструментов для мастерских, также и выбор учебных руководств из числа одобренных МНП;
 - 10) распределение преподавания учебных предметов по дням и часам, на основании расписания, изложенного в таблице числа недельных уроков;
 - 11) обсуждение вопросов об успехах и поведении учеников, принятие меры к исправлению ленивых и неисправных учеников, которые вследствие малоспособности и лености не дают надежды на успех или дурным поведением могут иметь нежелательное нравственное влияние на товарищей.
 - 12) рассмотрение и одобрение представляемых смотрителем директору народных училищ годичных отчетов о состоянии училища.
- § 19. Прошение о поступлении в училище подается на простой бумаге смотрителю училища с приложением метрического свидетельства о рождении и свидетельства о привитии оспы.
- § 20. Прием в училище бывает один раз в год, в начале учебного года, с 1 по 15 августа включительно.
- § 21. Ученики совершенно свободны от занятий в высокоторжественные дни, в дни субботные, в главные караимские праздники (7 день Песах, 1 день Шавуот или Матан-Тора, 1 день Кипур, 1 день Рош-Гашана, 7 день Суккот, 1 день Шемини-Ачерет, 2 дня Пурим и от 7 до 10 числа Ав), также в главные христианские праздники, а именно: Новый год, Крещение, три дня Рождества Христова, первые три дня светлого праздника Христова Воскресенья, Вознесение и три дня Святой Троицы. Преподаватели же христианского [веро]исповедания освобождаются от занятий и в воскресные и в другие христианские праздники, в которые в учебных заведениях Министерства Народного Просвещения не бывает занятий.
- § 22. По удовлетворительному окончанию курса училище выдает ученикам аттестаты на звание мастера или подмастерья, смотря по успехам каждого и при условии не менее 18-летнего возраста для звания мастера и 17-летнего для звания подмастерья. Аттестаты выдаются за подписями председателя, смотрителя училищного совета и учителей.
- § 23. Училище имеет право принимать заказы от частных лиц и учреждений. Заказы

эти исполняются под наблюдением учителей мастеров, которые должны обращать особое внимание на добросовестность исполнения и чистоту отделки выпускаемых из мастерских училища изделий. Одна треть ежегодной прибыли от заказов и продажи изделий отчисляется в пользу преподавателей-мастеров и делится между ними по усмотрению совета. Другая треть этой прибыли выдается советом наиболее нуждающимся ученикам в виде пособия, а остальная треть идет на увеличение средств училища и причисляется к основному капиталу.

- § 24. Источники содержания Караимского ремесленного училища Соломона Когена суть:
- а) проценты от пожертвованного Когеном Соломоном основного капитала в шестьдесят тысяч рублей, заключенных в 4% билетах;
 - б) доходов с пожертвованного Когеном для учрежденного им училища дома в Евпатории, в котором, кроме необходимых для самого училища помещений, т.е., кроме классов, мастерских и квартир со службами для зрителя и учителей-мастеров, находится еще флигель, приносящий дохода не менее 400 руб. в год.
- Примечание: Сверх того, на первое образование училища, т.е., на приобретение необходимой мебели, всех нужных инструментов и мебели, ассигнуется учредителем сумма в 7000 рублей.
- § 25. Могущий образоваться из этих средств, по удовлетворению сметных расходов, ежегодный остаток идет на улучшение учебно-ремесленного дела, или же сверхштатные расходы по содержанию дома, или же на приращение основного капитала по усмотрению училищного совета.
- § 26. Суммы, принадлежащие училищу, находятся в ведении училищного совета и хранятся: основной капитал в отделении или конторе государственного банка, а текущие суммы в местном казначействе в отдельном сундуке.
- Примечание: Денежные капиталы Караимского ремесленного училища им. С. Когена не могут быть обращены ни в какие процентные бумаги, кроме государственных, или гарантированных правительством.
- § 27. Зрититель училища ведет следующие книги:
- а) приходно-расходные на содержание училища;
 - б) инвентарь имуществу, принадлежащему училищу;
 - в) на записку выдаваемых аттестатов; и, кроме того, ведет следующие книги: частным заказам, и деньгам за них, и от продажи изделий вырученным; на записку прихода и расхода материалов для работ в мастерских, если это возложено будет на него училищным советом. Кроме того, им же ведется училищный журнал для отметки успехов учеников в учебных предметах, их внимания, прилежания и поведения.
- § 28. Назначенная на содержание училища сумма выдается зрителю училищным советом за месяц вперед. Распоряжаясь этой суммой, зритель обязан вести расходам точные сметы, оснащая выдачи надлежащими расписками в приходно-расходных книгах.
- § 29. Зритель обязан наблюдать за материальным благосостоянием и благоустройством училища, за успехами, поведением и нравственностью учеников как в училище, так и вне его, изыскивать меры к поддержанию училища на надлежащей высоте во всех этих отношениях. По всем этим предметам он имеет право внести свои предложения в училищный совет.

- § 30. Означенные в § 28 книги выдаются зрителю училища за подписью председателя и двух членов училищного совета.
- § 31. Ревизия училищных сумм производится ежемесячно училищным советом, и сверх того, в любое время, если совет признает это нужным.
- § 32. Училище имеет печать.

ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 76, л. 4–8 (об.);
Устав Караимского ремесленного училища
Соломона Когена в Евпатории.
Евпатория: Тип. М. Мурованского, 1895. С. 3–12.

Приложение № 2

ШТАТ КАРАИМСКОГО РЕМЕСЛЕННОГО УЧИЛИЩА СОЛОМОНА КОГЕНА

1. Зритель училища с квартирами, отоплением и освещением – 400 руб. в год.
2. Караимский вероучитель – 150 руб. в год.
3. Учитель русского языка и арифметики – 300 руб. в год.
4. Трех учителям ремесел при квартире с отоплением и освещением – по 400 руб. в год.
5. Учителю черчения, чистописания и рисования – 150 руб. в год.
6. На содержание дома и другие расходы – 500 руб. в год.

Итого: 2700 руб.
ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 76, л. 8 (об.)

Приложение № 3

ВЫПИСКА ИЗ НОТАРИАЛЬНОГО ЗАВЕЩАНИЯ СОЛОМОНА АРОНОВИЧА КОГЕНА

1) Я завещаю <...> е) внести от имени моего одну тысячу рублей в Евпаторийское общество попечения о бедных караимах; ж) внести от имени моего одну тысячу рублей в Евпаторийскую караимскую синагогу на помин души моей; з) передать от имени моего одну тысячу рублей Евпаторийской караимской синагоге для постановки во дворе ее мраморной плиты с надписью на ней имени отца нашего Арона, матери нашей Мурад, брата нашего Авраама Коген <...> 10) двадцать пять билетов четырехпроцентных свидетельств государственной ренты по одной тысяче рублей каждый, находящиеся ныне под залогом в Киевском губернском казначействе в обеспечение выборки бандеролей моей табачной фабрики, кои брат мой, Моисей Коген, обязан освободить от залога до 31 декабря года моей смерти и передать моим душеприказчикам, ниже сего указанным, для выполнения, в отношении их воли моей нижеизложенной, а затем один билет пять процентов первого с внутренними выигрышами займа, серия 5351, № 21, один билет пять процентов второго внутреннего займа, серия 4475, № 9, и один закладной пять процентов билет с выигрышами Государственного дворянского земельного банка, серия 4617, № 50, я завещаю и обязываю душеприказчиков моих ввести в Государственный банк неприкосновенным капиталом на имя Таврического и Одесского караимского духовного правления для выдачи ежегодно процентов с сего капитала бедным караимским девушкам при выходе их в замужество, с соблюдением

нижеследующих условий: а) чтобы проценты с сего капитала начать выдавать ежегодно по истечении года от дня взноса его в Государственный банк; б) чтобы эти проценты выдавать ежегодно только одной караимской девушке из хорошей, нравственной, небогатой трудящейся семьи, при выходе замуж; в) чтобы первоначально выбор и указание девушки, которой должны быть выданы эти проценты, принадлежали жене моей Эстер Чифаньевне Коген до ее смерти; и г) чтобы затем после смерти ее Таврическое и Одесское караимское духовное правление этот выбор производило ежегодно по жребию и согласно ему делало бы распоряжения о выдаче означенных процентов той из них при выходе ее в замужество, на долю коей выпадет этот жребий. В том случае, если на завещанные мною для вышеуказанной цели выигрышные билеты внутренних займов, или на который либо из них выпадет выигрыш, то таковой выигрыш должен быть обращен в процентные государственные бумаги, которые подлежат хранению в Государственном банке, для вышеозначенной цели, для каковой завещаны же и сами билеты, а проценты с этих билетов должны храниться в том же банке до той поры, пока сумма процентов не нарастет настолько, что Таврическое и Одесское караимское духовное правление признает возможным выдавать ежегодно пособие по жребию уже не только одной, а двум или нескольким бедным караимским девушкам при выходе их замуж.

С подлинным верно: за секретаря при прокуроре Киевского окружного суда [подпись] де Боккар.

*ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 833, л. 2 (об.), 5.
Копия.*

Прохоров Д.А.

История Евпаторийского караимского ремесленного училища Соломона Когена

Резюме

В статье проанализирована история создания и деятельности «Караимского ремесленного училища Соломона Когена» в г. Евпатории. Актуальность исследования вызвана тем, что история развития российской государственной системы караимского профессионально-технического образования не получила в литературе должного освещения. Для работы над статьей использовались документы, отложившиеся в делах фондов Государственного архива АР Крым (некоторые из них вводятся в научный оборот впервые), сведения, опубликованные в сборниках по статистике народного образования Таврической губернии, материалы периодической печати, мемуары очевидцев событий того времени. Возникновение Евпаторийского караимского ремесленного училища пришлось на годы расцвета российской государственной системы караимского народного образования. Училище, созданное в 1895 г. благодаря инициативе караимского мецената С.А. Когена, просветителя И.И. Казаса и гахама С.М. Панпулова, осуществляло общеобразовательную и профессиональную подготовку караимов из малообеспеченных семей, а также детей других национальностей и конфессий.

Прохоров Д.А.

**Історія Євпаторійського караїмського
ремісничого училища Соломона Когена**

Резюме

У статті проаналізовано історію створення та діяльності «Караїмського ремісничого училища Соломона Когена» в м. Євпаторія. Актуальність дослідження викликана тим, що історія розвитку російської державної системи караїмської професійно-технічної освіти не отримала в літературі належного висвітлення. Для роботи над статтею було використано документи, що відклалися в справах фондів Державного архіву АР Крим (деякі з них вперше введено до наукового обігу), відомості, опубліковані в збірках із статистики народної освіти Таврійської губернії, матеріали періодичного друку, мемуари очевидців подій того часу. Виникнення Євпаторійського караїмського ремісничого училища припало на роки розквіту російської державної системи караїмської народної освіти. Училище, створене в 1895 р. завдяки ініціативі караїмського мецената С.А. Когена, просвітителя І.І. Казаса та гахама С.М. Панпулова, здійснювало загальноосвітню і професійну підготовку караїмів з малозабезпечених родин, а також дітей інших національностей і конфесій.

Prokhorov D. A.

**History of Karaite Artisanal trade school
of Solomon Kogen in Eupatoria**

Summary

The history of creation and activities of Karaite Artisanal trade school of Solomon Kogen in the town of Eupatoria has been analyzed in this article. The actuality of the research is caused by the fact that the history of the development of Russian State system of Karaite vocational technical training was not presented in literature. Documents kept among the cases in the Funds of State Archives of the Autonomous Republic of Crimea (some of them are introduced into scientific circulation for the first time), data published in the collections on statistics of public education in Tavrida gubernia (region), materials from periodicals, memoirs of eyewitnesses of that period were used while working on this article. The origin of Eupatoria Karaite Artisanal trade school took place during the years of flourishing of Russia state system of Karaite public education. The trade school, founded in 1895 on the initiative of Karaite generous contributor S.A. Kogen, educator I.I. Kazas and gaham S.M. Pampulov, implemented general and vocational education of the Karaites from poor families and children of other nationalities and confessions as well.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века
АО – Археологические открытия
БИ – Боспорские исследования
БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
ГААРК – Государственный архив Автономной Республики Крым (Симферополь)
ЖМНП – Журнал Министерства Народного Просвещения
ЗАН – Записки императорской Академии Наук
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР (Москва)
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБН – Корпус боспорских надписей (М.; Л.: Наука, 1965)
КГИКЗ – Керченский государственный историко-культурный заповедник
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории мировой культуры АН СССР
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР – Материалы по археологии России
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИИМК РАН – Научный Архив Института истории материальной культуры Российской Академии Наук (Санкт-Петербург)
НА НЗХТ – Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь)

- НС – Нумизматика и сфрагистика
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика
- ОАК – Отчет Археологической комиссии
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
- РА – Российская археология
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
- СХМ – Сообщения Херсонесского музея
- ТОИАЭ – Таврическое Общество истории, археологии и этнографии
(Симферополь)
- ТУАК – Таврическая ученая архивная комиссия (Симферополь)
- ХСб. – Херсонесский сборник
- BAR – British Archaeological Reports
- BASOR – Bulletin of the American Schools of Oriental Research
- BCH – Bulletin de correspondance hellénique
- DOP – Dumbarton Oaks Papers
- REB – Revue des études byzantines
- SBS – Studies in Byzantine Sigillography

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-летию В.А. Сидоренко	5
Список научных работ В.А. Сидоренко	8

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Копьева Т.А.</i> Курганы эпохи бронзы долины реки Биюк-Карасу	12
<i>Самойленко В.Г.</i> Археологические исследования куртины 19 оборонительных сооружений Херсонеса в 2008 году	37
<i>Голофаст Л.А.</i> Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи	82
<i>Хайрединова Э.А.</i> Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006-2008 гг.	140
<i>Айбабин А.И.</i> Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму	214
<i>Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е.</i> Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.)	240
<i>Руев В.Л.</i> Османская огнестрельная артиллерия 1475 г. на Мангупе: историко-археологический обзор	296

ИСТОРИЯ

<i>Петрова Э.Б.</i> Античная Феодосия и Феодосийский музей древностей в исследованиях 2006-2010 гг.	328
<i>Храпунов Н.И.</i> О надписи с именем императора Гонория из Херсонеса	365
<i>Бубенок О.Б.</i> Термин <i>strava</i> в «Гетике» Иордана (к вопросу о семантике и происхождении слова)	376
<i>Цукерман К.</i> Политика Византии в Северном Причерноморье по данным <i>Notitiae episcopatum</i>	399
<i>Никифоров М.А.</i> К вопросу о политическом статусе Сугдеи первой половины IX – первой половины XI вв.	436
<i>Завадская И.А.</i> Катастрофа в Херсоне в конце X – XI вв.: критика гипотезы о землетрясении	456
<i>Конкин Д.В.</i> Граф М.С. Воронцов и вакуфный вопрос в Крыму	488
<i>Тур В.Г.</i> Нормы церковного права в регламентации деятельности крымских православных монастырей XIX века	519
<i>Прохоров Д.А.</i> История Евпаторийского караимского ремесленного училища Соломона Когена	536
Список сокращений	570

CONTENTS

On the occasion of 60 th anniversary of V.A. Sidorenko	5
List of publication of V.A. Sidorenko	8

ARCHAEOLOGY

<i>Kopieva T.A.</i> The Barrows of the Bronze Age of the Valley of the Biyuk-Karasu River	12
<i>Samoilenko V.G.</i> The archaeological researches at 19 th curtain defensive wall Chersonesos in 2008	37
<i>Golofast L.A.</i> Amphorae from the Roman Cinder Heap Uncovered at the Foot of Mithridates Mount in Kerch	82
<i>Khairedinova E.A.</i> Excavations of Necropolis on the Slope of Eski-Kermen Plateau in 2006-2008	140
<i>Aibabin A.I.</i> Site on the Plateau of Eski-Kermen during the Period of Khazars' Predominance in Crimea	214
<i>Gertzen A.G., Ivanova O.S., Naumenko V.Ye.</i> Archaeological Research in the District of St Constantine Church (Mangup): III Horizon of Building (the mid-9 th – the beginning of the 10 th centuries)	240
<i>Ruyev V.L.</i> Osman Firing Artillery of 1475 on Mangup: History-Archaeology Review	296

HISTORY

<i>Petrova E.B.</i> Ancient Feodosia and Feodosia Museum of Antiquities in Researches of 2006-2010	328
<i>Khrapunov N.I.</i> On the Inscription with the Name of the Emperor Honorios from Chersonese	365
<i>Bubenok O.B.</i> Term <i>strava</i> in "Getica" by Jordan (on the problem of semantics and the origin of the word)	376
<i>Zuckerman C.</i> Byzantium's Pontic Policy in the <i>Notitiae episcopatum</i>	399
<i>Nikiforov M.A.</i> On the Problem of Political Status of Sougdaia of the First Half of the 9 th – the first half of the 11 th Centuries	436
<i>Zavadskaya I.A.</i> Catastrophe in Cherson at the end of the 10 th – 11 th centuries: Criticism of Hypothesis of Earthquake	456
<i>Konkin D.V.</i> Count M.S. Vorontzov and Vakuf Problem in Crimea	488
<i>Tur V.G.</i> Norms of Ecclesiastical Law in Regulating Activities of Crimean Orthodox Monasteries of the 19 th Century	519
<i>Prokhorov D.A.</i> History of Karaites Artisanal trade school of Solomon Kogen in Eupatoria	536
List of Abbreviations	570

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАВРИИ

Вып. XVI

Сборник

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук – Айбабин Александр Ильич

доктор исторических наук – Зинько Виктор Николаевич

Техническая редакция и набор – С.И. Власова

Перевод на английский язык – Н.И. Радочина

Компьютерная верстка – Л.К. Мусихина

Корректурa – А.Г. Прибеженко, В.Н. Солин

Наукове видання

МАТЕРІАЛИ ПО АРХЕОЛОГІЇ, ІСТОРІЇ І ЕТНОГРАФІЇ ТАВРІЇ

Вип. XVI

Збірник
(російською мовою)

Відповідальні редактори:

доктор історичних наук – Айбабін Олександр Ільїч

доктор історичних наук – Зінько Віктор Миколайович

Формат 70x100 ¹/₁₆. Умов. друк. арк. 46,8.
Тираж 400. Замовлення 3782.
СПД ФО Озарків А.М.,
вул. Борзенко, 2, кв. 20, м. Керч, АР Крим, 98302
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи КМ № 44 від 27.02.2008 р.

ТОВ «Керченська міська друкарня»
вул. Кірова, 13, м. Керч, АР Крим, 98300
Свідоцтво держ. реєстрації виготовлювача КМ № 002 від 05.05.2000 р.